Юрий Михайлович БАРЫКИН

Сочинения

том II

Интернационал приходит к власти

Яков Свердлов. Этапы кровавой борьбы

«Самотёка»
МИД
ОСОЗНАНИЕ
Москва
2026

УДК 613.2
ББК 51.230
Б 14

Редакционный совет
Алёшкин А. М., Алёшкина Е. Н., Булатов С. М., Зайцев А. А.,
Пресняков М. А., Титов Б. В.

Барыкин Ю. М.
Б 14 Сочинения. *Том II*. Интернационал приходит к власти.
Яков Свердлов. *Этапы кровавой борьбы*. – М.: «Самотёка»,
МИД «Осознание», 2026. – 504 с., илл.

Во второй том Сочинений Юрия Михайловича Барыкина вошли первые публикации его работ: «Интернационал приходит к власти» и «Яков Свердлов. Этапы кровавой борьбы».

ISBN 978-5-98967-487-9

© Барыкин Ю.М., 2026
© “Самотёка”, 2026
© МИД “Осознание”, 2026

Юрий Барыкин

Интернационал приходит к власти

Светлой памяти моих родителей

ВСТУПЛЕНИЕ

Задача профессионального фокусника состоит в том, чтобы искусными пассами отвлечь внимание наблюдателей от техники осуществления простейшего действа, которое потом будет названо поразительным фокусом. А если на этого фокусника, достигшего всемирной известности и нажившего огромное состояние, работает одновременно лукавая или откровенно лживая реклама, вкупе с искренне заблуждающимися или цинично лгущими пропагандистами, то возможности публики заметить «ловкость рук» становится почти нулевой, а вокруг нашего фокусника складывается ореол чуть ли не божества.

Проблема фокусника состоит в том, что его путь к славе — это не мгновенный скачок, а некоторый процесс, пусть даже и не слишком длительный. И о первоначальном этапе этого пути сохраняется множество свидетельств. Остаются люди, которые лично видели первые неудачные выступления, остаются фотоснимки, сделанные в самый неудобный для нашего фокусника момент, остается кинохроника, на кадрах которой, если замедлить их бег, можно разобрать тайную суть фокуса, случайно могут сохраниться даже кассовые чеки из зоомагазина, которые докажут, что кролики появляются все-таки не из воздуха. Кое о чем, по неопытности, может проболтаться и сам фокусник.

И не было бы в этом ничего страшного, если бы речь шла просто о подмене белого кролика на черного или появления в руках фокусника дорогих часов, совсем недавно бывших на руке вот того господина. Но если, вытащив на свет черного кролика, белому каждый раз незаметно сворачивают шею, а часы так никогда и не возвращаются к их законному владельцу, то деятельность фокусника рано или поздно непременно будет оцениваться в соответствии с действующим уголовным законодательством.

Единственным способом избежать для фокусника такого развития событий, будет еще более громкая рекламная шумиха, еще более сплоченные ряды поклонников...

А теперь представим себе, что речь идет не о кроликах и часах, а о десятках миллионов убитых людей и сотнях миллиардов украденных, безразлично, рублей, марок, фунтов или долларов.

И о целой группе фокусников, или «преступном сообществе, именуемом в простонародье «шайкой»»...

По аналогии с историей абстрактного злого фокусника, наше исследование будет носить характер изложения свидетельств очевидцев, тех самых кассовых чеков, фотоснимков и кадров кинохроники, обретших вид конкретных документов, которые помогут нам разобраться в сути некоего кровавого фокуса, а именно, ответить на вопрос: каким образом большевикам — сравнительно малочисленной радикальной группе внутри российской социал-демократической партии — удалось в 1917 году захватить и в ходе ожесточенной Гражданской войны удержать власть в столь огромной стране, как Россия?

Ответ на заданный вопрос, который уважаемый читатель, найдет в нашем исследовании, возможно не станет всеобъемлющим и исчерпывающим. Однако мы видим свой долг в привлечении внимания к тем обстоятельствам русской истории начала XX века, которые упорно замалчиваются, по незнанию или по злому умыслу, не суть важно, в большей части исторической литературы, опубликованной на эту тему.

Дело в том, что в советском варианте написания истории Гражданской войны, иногда проскальзывала тема воинов-интернационалистов из зарубежных стран, вставших под знамена Октября, чтобы с оружием в руках послужить делу всемирной пролетарской революции. По мысли советских историков и пропагандистов, существование интернационалистов должно было олицетворять собой международный характер большевистского переворота 1917 года. В то же время, так как главным творцом победы объявлялся абстрактный трудовой народ, тема интернационалистов была абсолютно второстепенной.

Второстепенной до такой степени, что даже изучение ее проходило с необычайной осмотрительностью. Советский историк признавал в 1989 году, что «до настоящего времени, в сущности, отсутствуют крупные обобщающие работы, посвященные формированию и деятельности интернациональных отрядов Красной гвардии в масштабах страны» (Конев А.М. - Красная гвардия на защите Октября — М, Наука, 1989 — стр.13).

В рамках нашего исторического исследования мы попытаемся объяснить эту сдержанность советских историков, и привлечь вни-

мание к множеству совершенно бесспорных свидетельств о том, что роль интернационалистов в захвате большевиками власти в стране, в удержании этой власти в самые критические периоды, как и в победе большевиков в Гражданской войне, сильно недооценена. Более того, без существования самих бойцов-интернационалистов, а главное — сил, которые обеспечили их участие в российских событиях на стороне большевиков, даже захват власти последними представляется весьма и весьма сомнительным.

Но обо всем по порядку...

НАЧАЛО

В качестве эпиграфа к нашему исследованию мы выбрали слова, которые изрек министр-председатель Временного правительства России (с 7 июля по 26 октября 1917 года) Александр Федорович Керенский (1881-1970):

«Государственная измена Ленина, совершённая им в самый разгар войны, исторически бесспорный и несомненный факт. Конечно, Ленин не был вульгарным, в обычном смысле слова, агентом Германии. «Буржуазное» отечество он не считал своим отечеством и никаких по отношению к нему обязательств в себе не чувствовал. Измышлённая же им теория пораженчества вообще и поражение царской монархии «в первую очередь» психологически вполне подготовила его к осуществлению его теорий путями, которые на обычном языке «буржуазной» государственности именуются предательством и изменой. Нужно сказать, что самая чудовищность преступления Ленина сделала его настолько невероятным в сознании обыкновенного честного человека, что до сих пор ещё огромное большинство людей не может поверить в факт». (Керенский А.Ф — Потерянная Россия — М, Вагриус, 2007 — стр.31)

Что ж, Керенский, конечно, не является образцом порядочности и беспристрастности, и мы будем иметь возможность убедиться в этом. Однако, как сказал безымянный Секретарь Святой инквизиции, поднося факел к костру Джордано Бруно: «Даже если мне не нравится этот астроном и я собираюсь его казнить, это еще не значит, что он врет».

Начнем сразу с важнейшей темы взаимоотношений людей, приложивших максимум своих сил для осуществления крупнейшей геополитической катастрофы XX века — крушения Российской Империи, а именно: Владимира Ильича Ленина (Ульянова) (1870-1924), и Александра Львовича Парвуса (1867-1924).

Дело в том, что «господин-товарищ» Парвус был на долгие десятилетия вычеркнут из советского варианта истории России. Человек, приложивший огромные усилия, чтобы привести к власти большевиков, был признан последними *persona non grata* собственной истории.

Для справки: Александр Львович Парвус (настоящее имя Израиль Лазаревич Гельфанд) родился в семье еврея-ремесленника в Березине под Минском. Окончил гимназию в Одессе, в 1885 году уехал учиться в Цюрих, где сблизился с авторитетными социал-демократами Г.В. Плехановым и П.Б. Аксельродом. В 1891 году со степенью доктора философии закончил Базельский университет, вступил в Социал-демократическую партию Германии. В 1893 году «как нежелательный иностранец» выслан из Германии. Собственно «Парвусом» стал в следующем году, подписывая этим псевдонимом статьи. К 1897-1898 году получил широкую известность, как теоретик марксизма.

Ленин и Парвус познакомились лично в 1900 году во время эпопеи по созданию газеты «Искра».

Именно Парвус додумался организовать на этом деле собственный бизнес. Он располагал связями в политических кругах западных держав и предложил проект «Искры». Ту самую программу, которую позже озвучит Ленин: газета должна стать не только пропагандистом и агитатором, но и коллективным организатором. Вокруг редакции будет сплачиваться боевое ядро — руководство партии. Поскольку наладить печатание газеты на территории России не представлялось возможным, ее нужно было выпускать в одной из стран Европы. Поэтому еще требовалось наладить каналы пересылки газеты через границу, а в самой России создать сеть штаб-квартир и корреспондентских пунктов, которые, помимо распространения самой газеты, будут подбирать перспективные кадры, и получится заготовка для развертывания партийных структур по всей стране.

В итоге, «Искра», по распоряжению Парвуса, печаталась в Лейпциге, а в Мюнхене, в своей квартире в Швабинге, он организовал

редакцию. Собственные статьи в газете, соблюдая конспирацию, Израиль Лазаревич подписывал псевдонимом «Молотов». (Хереш Э. - Купленная революция. Тайное дело Парвуса — М, «ОЛМА-ПРЕСС Образование», 2004 — стр.49)

Впоследствии, как известно, псевдоним «Молотов» позаимствовал у Парвуса большевик Вячеслав Михайлович Скрябин (1890-1986), под этим именем и вошедший в историю.

В редакцию «Искры», входили: сам Парвус, Г.В. Плеханов (1856-1918), А.Н. Потресов (1869-1934), Ленин, Ю.О. Мартов (Цедербаум) (1873-1923), В.И. Засулич (1849-1919) и П.Б. Аксельрод (1850-1928). Все перечисленные господа, мнившие себя революционерами, к этому моменту, в разное время покинули Россию и обосновались в благополучной Европе.

В 1902 году Ленин предлагал ввести в состав редакции Льва Давидовича Троцкого; однако, поддержанный всеми членами редколлегии, Троцкий был в ультимативной форме забаллотирован крупным авторитетом в узких революционных кругах Плехановым.

Для справки: Лев Давидович Троцкий (Лейба Давидович Бронштейн) (1879-1940) — был пятым ребенком в семье богатых землевладельцев-арендодателей из числа еврейских колонистов Херсонской губернии. Учился в Одессе и Николаеве. С 1896 года в революционном движении, арестовывался, в 1900 году был сослан в Иркутскую губернию. В 1902 году Троцкому был организован побег, после чего он перебрался в Европу, где познакомился, в том числе, с Лениным и Парвусом.

Получилось так, что лишь первый номер «Искры» вышел в Лейпциге 11 (24) декабря 1900 года, однако попытка переправить тираж в Россию оказалась пресечена на русской границе.

Начиная со второго номера газету стали печатать на типографском оборудовании, расположенном прямо в квартире Парвуса в Мюнхене. Благо, пространство позволяло.

Кроме того, Ленин, благодаря налаженным для него Парвусом связям, в те годы издавал в Штутгарте газету «Заря», в которой Парвус также работал и поддерживал Ленина. (Хереш Э. - Купленная революция. Тайное дело Парвуса — М, «ОЛМА-ПРЕСС Образование», 2004 — стр.50)

Дальнейшая судьба «Искры» иллюстрирует отношения Израиля Лазаревича и Владимира Ильича: после раскола РСДРП в 1903 году на большевиков и меньшевиков, Парвус поддержал последних. 1 ноября 1903 года Ленин был вынужден выйти из состава редакции. Вставший во главе газеты Плеханов продолжал издание до октября 1905 года, когда, на 112 номере, «Искра» все-таки угасла.

Об отношениях Парвуса и Ленина существует множество свидетельств.

Парвус был единственным, с кем Ленин опасался вступать в полемику, предпочитая заимствовать его идеи.

Историк И. Бунич: «Холуй, лакей, наймит, подонок, проститутка, предатель» - вот основной набор ленинских литературно-полемических приемов в спорах с правыми и виноватыми. Однако Парвуса, которого вождь ненавидел пожалуй больше всех других вместе взятых, он не осмеливался задеть никогда ни устно, ни в печати. Напротив, внимательно прислушиваясь, часто восклицал: «Вздор! Архиреакционно! Но если посмотреть диалектически, то это и есть практический марксизм!»» (Бунич И. - Золото партии — С-П, 1992 — стр.32)

Историк Элизабет Хереш: «Ленин был на три года младше Парвуса, восхищался его блестящим, образованным умом и агрессивным революционным темпераментом.» (Хереш Э. - Купленная революция. Тайное дело Парвуса — М, «ОЛМА-ПРЕСС Образование», 2004 — стр.50)

Историк Ричард Пайпс отмечает, что когда Россию потрясали события 1905 года, «для выработки программы действий ему (Ленину — Ю.Б.) необходимо было теоретическое обоснование. Он нашел его в основополагающем сочинении Парвуса, написанном в январе 1905 года, под первым впечатлением от Кровавого воскресенья. Теория «непрерывной» (или «перманентной») революции, выдвинутая Парвусом, являлась удачным компромиссом между традиционным учением русской социал-демократии о революции в два этапа, при которой социализму предшествует ярко выраженная фаза «буржуазного» правления, и анархистской теорией «прямого действия», которая больше соответствовала ленинскому темпераменту, но плохо увязывалась с марксизмом. Парвус допускал «буржуазную» фазу, но настаивал, что никакого интервала, отделяющего его от социалистического этапа, быть не должно и что последний войдет в силу по-

следовательно и постепенно. (…) Согласно этой схеме, «пролетариату» (читай: социал-демократической партии) следовало немедленно брать власть в свои руки, как только разразится революция против самодержавия.» (Пайпс Р. - Русская революция — Том 2 - М, РОССПЭН, 1994 — стр.30)

При этом, вначале Ленин отверг теорию Парвуса, просто потому, что поступал так всякий раз, когда кто-нибудь, предложив новую идею или тактику, бросал вызов его первенству в движении. Но через некоторое время передумал. (Пайпс Р. - Русская революция — Том 2 — М, РОССПЭН, 1994 — стр.30)

В сентябре 1905 года Ленин пишет, в полном соответствии с предложениями Парвуса:

«От революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию.» (Ленин В.И. - ПСС, Том 11 — стр. 222)

Это при И.В. Сталине (Джугашвили) (1978-1953), автором теории перманентной (непрерывной) революции объявят Троцкого, заявив, заодно, что и сама теория ложная. А пока большевики не захватили власть, идеями Парвуса они пользовались весьма охотно.

Кстати, даже знаменитый лозунг Первой мировой «поражения своего правительства в войне», подхваченный Лениным, исходил все от того же Израиля Лазаревича.

Ну а теперь собственно о большевиках, как об организации.

С 1 по 3 марта 1898 года в небольшом домике на окраине Минска состоялись посиделки, впоследствии громко названные I съездом РСДРП (Российской социал-демократической рабочей партии).

Всего прибыло 9 делегатов: четверо от Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», трое — от Бунда (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России), еще двое — от Киевской «Рабочей газеты».

Делегаты провозгласили создание партии и приняли ее Манифест. Ни устава, ни программы принять не удалось. Да и самих делегатов вскоре арестовали, вкупе с теми, кто их отправил.

Кстати, Ленин, высланный в 1897 году за подрывную деятельность на три года в село Шушенское Енисейской губернии, в Минск попасть никак не мог.

Так что, первый серьезный съезд (а по счету — II) прошел с 17 июля по 10 августа 1903 года уже в Европе: в Брюсселе (до 24 июля), а затем Лондоне. На этом съезде участвовало уже 43 делегата, в том числе покинувший Россию Владимир Ильич.

Разногласия на съезде начались с проблемы Бунда, представители которого требовали полного права вырабатывать собственную политику по проблемам евреев.

С докладом «Место Бунда в РСДРП» выступили Михаил Гольдман и Юлий Цедербаум (Мартов).

Ленин прокомментировал их выступление ехидной репликой с еврейским акцентом: «Ми будем посмотгеть, товагищ Магтов, ми будем посмотгеть.» (Большаков В. - С Талмудом и красным флагом — М, Алгоритм, 2013 — стр.211)

Р. Пайпс: «Мартов, лидер оппозиции Ленину, постоянно получал большинство, но, когда он присоединился к своему сопернику в голосовании против предоставлении еврейскому Бунду автономного статуса в партии и пять бундовцев покинули съезд, а за ними последовали два делегата-экономиста, Мартов большинство временно потерял. Ленин немедленно воспользовался этим, чтобы захватить влияние в Центральном Комитете и обеспечить себе преимущество в его органе, газете «Искра». Бесцеремонность и интриганство Ленина вызвали значительные трения между ним и другими лидерами партии. Несмотря на то, что и тогда и впоследствии предпринималось множество попыток сохранить видимость единства, разрыв был необратим, и не столько вследствие идеологических расхождений, которые еще можно было бы примирить, сколько из-за личной неприязни. Ленин воспользовался этой ситуацией и для того, чтобы присвоить своей фракции наименование «большевики», то есть большинство. Это название он сохранил за собой даже тогда, когда представители фракции оказались в меньшинстве, что случилось вскоре после закрытия съезда. Оно позволяло Ленину выдавать себя за лидера наиболее популярной группировки в партии» (Пайпс Р. - Русская революция — Том 1 — М, РОССПЭН, 1994 — стр.28).

После изменения состава делегатов съезд утвердил ленинскую программу, состоящую из двух частей: «программы — максимум» и «программы — минимум». В первой речь шла о конечной цели партии — организации социалистического общества и о необходимых условиях для этого — социалистической революции и диктатуре про-

летариата. В «программе — минимум» освещались ближайшие задачи — свержение царского самодержавия, установление демократической республики, установления полного равноправия всех наций, утверждение их права на самоопределение и т.д.

Итак, сторонники Ленина, оказавшиеся в большинстве при голосовании по ключевым для партии вопросам, стали называть сами себя «большевиками», а своих оппонентов, соответственно, «меньшевиками».

Последовательница Владимира Ильича, а впоследствии секретарь Якова Михайловича Свердлова (1885-1919), Елизавета Драбкина (1901-1975) живописует противостояние большевиков с меньшевиками в том самом 1903 году.

«Между тем «меки» (меньшевики — Ю.Б.) распоясывались все больше. Дошло до того, что Мартов в одном из номеров «Искры» опубликовал пространное «Надгробное слово» Ленину.» (Драбкина Е. - Черные сухари / Повесть о ненаписанной книге — М, Советский писатель, 1963 — стр.23)

Стоит ли говорить, что по версии меньшевиков — большевики были, соответственно, «беками». Интересно, произносились ли эти «беки», «меки» нараспев? Впрочем, неважно...

Позднее сам Ленин констатировал следующее:

«Большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года. Только история большевизма за весь период его существования может удовлетворительно объяснить, почему он мог выработать и удержать при самых трудных условиях железную дисциплину, необходимую для победы пролетариата.» (Ленин В.И. - ПСС, Том 41 — стр. 6)

Поэтому: «Большевизм годится как образец тактики для всех.» (Ленин В.И. - ПСС, Том 37 — стр.305)

Что же, если «только история большевизма» «может удовлетворительно объяснить», то так тому и быть, сосредоточим свое внимание на пути к власти партии большевиков.

А сосредоточив на нем это самое внимание, мы можем констатировать, что несмотря на попытки некой активности, до 1904 года так называемые революционные партии, в том числе и большевики, не оказывали сколько-нибудь существенного влияния на жизнь огромной Российской Империи. За исключением, пожалуй, эсеров

(социалистов-революционеров) которые привлекали внимание совершаемыми время от времени громкими террористическими актами.

Однако в 1904 году российским революционерам всех мастей повезло. Случилось событие, на фоне которого их деятельность вдруг стала востребованной.

РЕПЕТИЦИЯ

В ночь с 26 на 27 января 1904 года, без объявления войны, японский флот атаковал русские военные корабли у Порт-Артура. (Даты даются по Юлианскому календарю, принятому в России до 1 февраля 1918 года, в дальнейшем — по Григорианскому)

27 января был опубликован Высочайший манифест, в котором, в частности, говорилось:

«В заботах о сохранении дорогого сердцу Нашему мира, Нами были приложены все усилия для упрочения спокойствия на Дальнем Востоке. В сих миролюбивых целях Мы изъявили согласие на предложенный Японским Правительством пересмотр существовавших между обеими Империями соглашений по Корейским делам. Возбужденные по сему предмету переговоры не были однако приведены к окончанию, и Япония, не выждав даже получения последних ответных предложений Правительства Нашего, известила о прекращении переговоров и разрыве дипломатических сношений с Россиею.

Не предуведомив о том, что перерыв таковых сношений знаменует собою открытие военных действий, Японское Правительство отдало приказ своим миноносцам внезапно атаковать Нашу эскадру, стоявшую на внешнем рейде крепости Порт-Артура.

По получении о сем донесения Наместника Нашего на Дальнем Востоке, Мы тотчас же повелели вооруженною силою ответить на вызов Японии...»

Манифест о начале войны за подписью Микадо (японского Императора) появился в Японии на следующий день — 28 января.

Так началась война между Российской и Японской Империями за контроль над Маньчжурией и Кореей, длившаяся до сентября 1905 года.

Свое отношение к войне Ленин выразил вполне определенно.

3 февраля 1904 года: «В случае поражения война приведет прежде всего к падению всей правительственной системы.» (Ленин В.И. - ПСС, Том 8 — стр. 174)

22 декабря 1904 года: «Развитие политического кризиса в России всего более зависит теперь от хода войны с Японией. Эта война всего более разоблачила и разоблачает гнилость самодержавия, всего более обессиливает его в финансовом и военном отношении, всего более истерзывает и толкает на восстание исстрадавшиеся народные массы, от которых эта преступная и позорная война требует таких бесконечных жертв.» (Ленин В.И. - ПСС , Том 9 — стр.135-136)

Забегая вперед, заметим, что когда опасность будет угрожать самим окопавшимся у власти большевикам, никакие «бесконечные жертвы» со стороны «исстрадавшихся народных масс» ни самого Ленина, ни его подельников смущать не будут...

Еще до начала войны японская разведка проявляла интерес к российским оппозиционным партиям. С началом боевых действий этот интерес только увеличился, и стал абсолютным, когда выяснилось, что никакой быстрой победы не получится, а в затяжном противостоянии шансы Японии значительно ниже шансов Российской Империи.

«Уже в середине 1903 г. в меморандуме Генштаба Японии указывалось на российское социалистическое движение (имелся в виду главным образом еврейский Бунд) как на возможного союзника при проведении подрывных операций против ее потенциального противника.» (Павлов Д. - Русско-японская война 1904-1905 гг. - М, «Материк», 2004 — стр.173)

Кстати, к тому же 1903 году относится и рождение как института Российской контрразведки. Оно состоялось 21 января, когда Император Николай II (1868-1918) утвердил предложение военного министра генерал-адьютанта А.Н. Куропаткина о создании Разведочного отделения Главного штаба.

Спустя несколько месяцев молодое Разведочное отделение взяло в «разработку» военных атташе Австро-Венгрии и Германии и нескольких российских подданных, заподозренных в передаче им секретных данных (сведения о них были получены из «заграничных источников»). С начала сентября 1903 года объектом особо пристального внимания отделения стал японский военный агент в Петербурге подполковник Мотодзиро Акаси. (Павлов Д. - Русско-японская война 1904-1905 гг. - М, «Материк», 2004 — стр.29)

И не зря. Именно Акаси еще до начала войны был определен японской разведкой, как наиболее подходящая фигура для контактов с русскими антиправительственными силами.

Для справки.

Мотодзиро Акаси (1864-1919). В 1889 году окончил Высшую военную академию Императорской армии в Токио. Учился в Германии. В январе 1901 года назначен военным атташе во Франции. В августе 1902 становится военным атташе в России, прибыл в Санкт-Петербург 1 ноября 1902 года. С началом Русско-японской войны назначен военным атташе в Стокгольме, активно работает на японскую разведку.

Через Акаси финансировались финские, польские и кавказские сепаратисты в России, а также партия эсеров. В июле 1904 года Акаси встречается в Женеве с Лениным и Плехановым. Он же, через ряд посредников, финансирует проведение Парижской конференции революционных и оппозиционных партий, состоявшейся в сентябре-октябре 1904 года, а также Женевской конференции, проходившей в апреле 1905 года.

Главное, Акаси финансирует покупку представителями революционных партий оружия в Европе, которое затем самыми различными способами, в том числе, на кораблях, переправляется в Россию.

Справедливости ради, надо сказать, что в вопросе — получать или нет японские деньги на собственные цели, революционеры разошлись кардинально.

Писатель, представитель либеральной оппозиции, Ариадна Тыркова-Вильямс рассказала, как на предложение японской помощи отреагировал редактор первых марксистских журналов («Новое слово» и «Начало») в России Петр Бернгардович Струве (1870-1944).

«Мы... сидели наверху, в библиотеке, и вдруг услыхали вопль. Петр Бернгардович на лестнице на кого-то кричал диким голосом. Он кого-то провожал, вернее, выпроваживал. С шумом захлопнулась входная дверь. Опять топот по ступенькам. Красный, растрепанный влетел Струве к нам... Кружась по тесной комнате, рассказал нам, что к нему явился знакомый социалист-революционер. Насколько помню, фамилия его была Максимов. Он пришел, чтобы от имени японцев предложить Струве денег на расширение революционной работы.

Струве наскакивал на нас... и, потрясая кулаками, вопил:

- Мне, вы понимаете, мне, предлагать японские деньги?! Как он смел? Мерзавец!» (Павлов Д. - Русско-японская война 1904-1905 гг. - М, «Материк», 2004 — стр.206-207)

Меньшевики, по свидетельству Мартова, всячески предостерегали от обнаружившегося в революционной среде «известного японофильства» и идеализации роли, которую в данной войне играл японский империализм. Под «японофильством» Мартов, в частности, имел в виду неоднократные противопоставления Лениным «деспотического и отсталого правительства» России «политически свободному и культурно быстро прогрессирующему народу» Японии и, шире, «прогрессивной, передовой Азии» - «отсталой и реакционной Европе», «под идеализацией роли японского империализма» - его рассуждения о «революционной задаче, выполняемой разгромившей самодержавие японской буржуазией». (Павлов Д. - Русско-японская война 1904-1905 гг. - М, «Материк», 2004 — стр.193-194)

Осудил возможность японского финансирования и Плеханов.

Но был в революционном движении России и человек, не испытывавший ни малейших сомнений в вопросе, надо ли брать деньги из рук открытых врагов собственной страны.

В отличие от Плеханова, Ленин проявил к японским предложениям живейший интерес. Со своей стороны Акаси высоко оценил организаторские способности Ленина, о чем сообщал в Токио: «У меня о нем сложилось мнение как об искреннем человеке, лишенном эгоизма. Он пойдет на все ради своей доктрины. Ленин — это личность, способная вызвать революцию». Согласно западным источникам, ссылающимся на японцев, Акаси выделил Ленину 50 000 йен, солидную, по тем временам, сумму. (Мультатули П.В., Залесский К.Л. - Русско-японская война 1904-1905 гг — М, РИСИ, 2015 — стр.108)

Но это была только разминка.

23 декабря 1904 года под натиском японской армии пал Порт-Артур. Хотя потери японцев были в разы больше потерь русской армии, последние также оказались весьма значительными, составив порядка 15 000 человек.

А вот как на гибель русских солдат отозвался Ленин в своей статье «Падение Порт-Артура», напечатанной в газете «Вперед» за 1 января 1905 года, издававшейся, кстати, на японские деньги:

«Дело русской свободы и борьбы русского (и всемирного) пролетариата за социализм очень сильно зависит от военных поражений самодержавия. Это дело много выиграло от военного краха, внушающего страх всем европейским хранителям порядка... Русский народ выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма.» (Ленин В.И. - ПСС, Том 9 — стр. 157-158)

Оказывается, потеряв пятнадцать тысяч своих сынов, в целом русский народ «выиграл»...

Не скрывал своей радости по поводу неудач Русской армии и тогда еще малоизвестный «товарищ» Сталин:

«Редеют царские батальоны, гибнет царский флот, сдался, наконец, позорно Порт-Артур, - и тем еще раз обнаруживается старческая дряблость царского самодержавия.» (Сталин И.В. - ПСС — Том 1 — Рабочие Кавказа, пора отомстить)

А вот мнение Льва Давидовича Троцкого:

«Разгром армии Куропаткина (командующий русской Манчжурской армей — Ю.Б.) окончательно решает судьбу всей войны, с которой самодержавие так тесно сплело свою судьбу. Решительная минута гибели царизма все ближе и ближе.» (Троцкий Л.Д. - Наша первая революция — Ч.I — М., T8RUGRAM, 2018 — стр. 157)

В том же духе высказывался и Парвус. С началом Русско-японской войны этот господин опубликовал в «Искре» серию статей «Война и революция», в которых предсказывал неизбежное поражение России и, как следствие, революцию.

Отметим для себя, как сходятся в своем желании поражения России «товарищи» Ленин, Сталин, Троцкий и Парвус.

Более того, в сентябре 1905 года из мирной и безопасной Европы Ленин открыто призывает создавать отряды террористов и забрасывать города Российской Империи бомбами:

«Число таких отрядов в 25-75 человек может быть в каждом крупном городе, и зачастую, в предместьях крупного города, доведено до нескольких десятков. Рабочие сотнями пойдут в эти отряды, надо только немедленно приступить к широкой пропаганде этой идеи, к образованию этих отрядов, к снабжению их всяким и всяческим оружием, начиная от ножей и револьверов, кончая бомбами, к военному обучению и военному воспитанию этих отрядов.

К счастью, прошли те времена, когда за неимением революционного народа революцию «делали» революционные одиночки-террористы. Бомба перестала быть оружием одиночки-бомбиста... Широкое применение сильнейших взрывчатых веществ — одна из очень характерных особенностей последней войны. И эти, общепризнанные теперь во всем мире, мастера военного дела, японцы, перешли также к ручной бомбе, которой они великолепно пользовались против Порт-Артура. Давайте же учиться у японцев!» (Ленин В.И. - ПСС, Том 11 — стр.269-270)

Однако ликование революционеров по поводу гибели тысяч русских солдат оказалось преждевременным.

«Падение Порт-Артура было представлено врагами императорского строя, как катастрофа. Между тем, по оценке русского генерального штаба падение Порт-Артура, хотя и влекло за собой бесспорное усиление противника, тем не менее «не внесло никаких существенных изменений в стратегических условиях, определяющих собою ход военных операций в Маньчжурии».» (Мультатули П.В., Залесский К.Л. - Русско-японская война 1904-1905 гг — М, РИСИ, 2015 — стр.74)

Россия почти не ощущала экономических и финансовых затруднений в связи с войной. Урожай 1904 года был обильным, промышленность снова увеличила свое производство. Налоги поступали как в мирное время, а золотой запас Государственного Банка вырос за год до 150 млрд. рублей и превышал количество банкнот в обращении. (Ольденбург С.С. - Царствование Императора Николая II — Т 1 — Белград, Издание Общества Распространения Русской Национальной и Патриотической Литературы, 1939 — стр.260)

Гениальный русский ученый Д.И. Менделеев писал: «Все, что известно об Японии, показывает, что ей долго терпеть жестокую войну не по силам. Бояться нам нужно только рановременного окончания войны, вмешательства посредников и своего благодушия, которое может спешливо пойти на мир, если нас о нем попросят.» (Мультатули П.В., Залесский К.Л. - Русско-японская война 1904-1905 гг — М, РИСИ, 2015 — стр.112)

В то же время, публицист, профессор истории С.С. Ольденбург констатировал: «Если адмирал Ф.В. Дубасов возмущался мыслью о том, что Россия может кончить войну на Мукдене и Цусиме, то широкие круги русского общества именно этого и желали. Даже те, кто

не радовался поражениям, считали, что из них следует «извлечь пользу» для освободительного движения. Требования прекращения войны стали открыто раздаваться везде; и все, кто пытались протестовать против мира, подвергались озлобленным нападкам или осмеянию.» (Мультатули П.В., Залесский К.Л. - Русско-японская война 1904-1905 гг — М, РИСИ, 2015 — стр.112)

Итак, Порт-Артур пал 23 декабря 1904 года, а 9 января 1905 года разразилась еще одна трагедия — «кровавое воскресенье» — разгон шествия петербургских рабочих к Зимнему дворцу, повлекший тяжкие последствия. Важно отметить, что в тот день Императора Николая II в Зимнем не было и никакого приказа стрелять лично Он не отдавал.

Шествие было подготовлено легальной организацией «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга» во главе со священником Георгием Гапоном.

Эту трагедию советские «историки» и пропагандисты подавали, как образец отношения Царского режима к простым людям.

Историк Петр Мультатули: «На самом деле, естественно, все было совершенно по-другому. «Кровавое воскресенье» было подготовлено партией эсеров на деньги японской разведки. Деньги эсеры получали из-за границы от кадрового японского разведчика полковника Акаси. Рутенберг готовил эсеровское вооруженное выступление. Прикрытием этого восстания должна была стать мирная демонстрация петербургских рабочих. (…) Представители властей не знали тогда, что Гапон был пешкой в руках эсеров. По замыслу эсеров, рабочие должны были стать лишь массовкой в преступном спектакле. Экономические требования эсеры собирались заменить в день шествия на радикально-политические, а внедренные в ряды рабочих боевики — открыть огонь по войскам и полиции.» (Мультатули П. - Ложь от доктора Калашникова)

Постарались внести свою лепту и большевики. Они «сколачивали отряды, каждый из которых состоял из знаменосца, агитатора и ядра, их защищавшего (т.е., фактически, из боевиков). Все члены РСДРП обязаны были быть к шести утра у пунктов сбора. Готовили знамена и транспаранты: «Долой самодержавие!», «Да здравствует революция!», «К оружию, товарищи!».» (Романов Б. - Император, который знал свою судьбу. И Россия, которая не знала — С-П, БХВ-Петербург, 2012 — стр.381)

Кстати, незадолго до событий 9 января инженер М.К. Парадовский неоднократно беседовал со своим хорошим знакомым — эсером Рутенбергом.

Парадовский: «...Так как я знал, что он близок к Гапону, я, естественно, заговорил с ним об этом... Он... только твердил, что, чем хуже Царю, тем лучше всем его верноподданным. Когда я сказал ему, что верноподданные Царя — это русский народ и не Гапону быть представителем народа, Рутенберг рассмеялся и сказал: «Гапон — это пешка, и весь вопрос, кто эту пешку двигает».» (Платонов О.А. - Терновый венец России — История русского народа в XX веке — Т 1 — М, Родник, 1997 — стр.177-178)

Для справки: Петр (Пинхус) Моисеевич Рутенберг (1878-1942) — инженер, бизнесмен, активный участник русских революций 1905 и 1917 годов, один из руководителей сионистского движения. В мае 1915 года выехал в США, где под псевдонимом Пинхас Бен Амми опубликовал статью «Национальное возрождение еврейского народа». Один из организаторов, вместе с Зеевом Жаботинским и Иосифом Трумпельдором, - Еврейского легиона (воинское подразделение британской армии). Участвовал в создании Американского еврейского конгресса (1914-1915).

Интересно, что Рутенберг, шедший 9 января в толпе митингующих рядом с Гапоном, бросился на землю сам и потянул за собой «мятежного священника» буквально за несколько мгновений до первых солдатских залпов, раздавшихся в ответ на выстрелы из револьверов, произведенных из рядов манифестантов эсеровскими боевиками-провокаторами.

Характерно и то, что погиб Гапон 28 марта 1906 года от рук все того же Рутенберга. И все исходя из принципа: «я слишком много знал».

19 января 1905 года Император Николай II принял депутацию рабочих из тридцати четырех человек.

В своей речи Государь сказал: «Прискорбные события с печальными, но неизбежными последствиями смуты произошли от того, что вы дали себя вовлечь в заблуждение и обман изменниками и врагами нашей родины. Приглашая вас идти подавать Мне прошение о нуждах ваших, они поднимали вас на бунт против Меня и Моего Прави-

тельства, насильственно отрывая вас от честного труда в такое время, когда все истинно-русские люди должны дружно и не покладая рук работать на одоление нашего упорного внешнего врага...» (Викитека — Речь императора Николая II к депутации рабочих 19 января 1905 года)

Хоть и не всеми, но слова Государя были услышаны. Рабочий Андрей Иванович Агапов — участник событий 9 января — написал в газету «Новое время» (август 1905 года), обращаясь к зачинщикам провокации:

«Вы обманули нас и сделали рабочих, верноподданных Царя — бунтовщиками. Вы подвели нас под пули намеренно, вы знали, что это будет. Вы знали, что написано в петиции якобы от нашего имени изменником Гапоном и его бандой. А мы не знали, а если бы знали, то не только никуда бы не пошли, но разорвали бы вас в клочья вместе с Гапоном, своими руками.» (Романов Б. - Император, который знал свою судьбу. И Россия, которая не знала — С-П, БХВ-Петербург, 2012 — стр.383)

А вот как прокомментировал произошедшую трагедию в Петербурге полковник Акаси:

«То, что священник, всего лишь пользовавшийся доверием рабочих, смог возглавить десятки тысяч, которые принадлежали к разным партиям, и в итоге потрясти столицу России, - это далеко выходило за рамки моих ожиданий.» (Инаба Чихару - Японский резидент против Российской Империи — М, РОССПЭН, 2013 — стр.98)

Взрыв надежд японской агентуры находит свое отражение в телеграмме, ушедшей 25 января 1905 года из Стокгольма в Токио, с просьбой «об экстренном переводе уже 400 тыс. иен немедленно, еще 250 тысяч месяц спустя, всего — порядка одного миллиона иен, а, «в случае успеха», — и больше.» (Инаба Чихару - Японский резидент против Российской Империи — М, РОССПЭН, 2013 — стр.102)

12 февраля Акаси телеграфирует из Парижа в Токио.

«Обстановка в России неожиданно ухудшается. Посему нет сомнения, что своей цели — свержения русского правительства — мы непременно добьемся... (…) Поэтому нам следует продолжать поддерживать нынешнее оппозиционное движение, чтобы ослаблять правительство; в июне мы попробуем раздуть всеобщее движение [восстание] под руководством социалистов-революционеров. Это

движение определит судьбу и оппозиционных партий. Мы просим японское правительство увеличить субсидирование, дабы вполне обеспечить успех.

По моим подсчетам, необходимо 440-450 тысяч иен, которые следует выплатить в начале мая; выплаты можно произвести и в два этапа.» (Инаба Чихару - Японский резидент против Российской Империи — М, РОССПЭН, 2013 — стр.105)

Однако никакого массового вооруженного восстания не случилось ни в июне, ни в июле.

А уже 9 (22) августа 1905 года в американском Портсмуте начались мирные переговоры делегаций России и Японии.

Как мы уже отмечали, невзирая на достигнутые успехи, Япония находилась в крайне затруднительном положении. Несмотря на одержанные победы, силы японской армии были близки к истощению. Понесенные японцами потери, а они, напомним еще раз, значительно превышали потери русских войск, было невозможно восполнить.

Экономика Японии была на грани полного развала.

«Фактически сама война велась благодаря займам, которые предоставил Японии американский банк Я. Шиффа «Кун, Лейб и К» (май 1904 г. — 50 млн. долларов, ноябрь 1904 г. — 58 млн. долларов, в марте 1905 г. - 150 млн. долларов и в июле 1905 г. - 150 млн. долларов)» (Айрапетов О. - На пути к краху. Русско-японская война 1904-1905 гг. Военно-политическая история — М, Алгоритм, 2015 — стр. 358).

Кстати, название банка, финансировавшего японское правительство, мы еще не раз встретим в нашем исследовании, так же, как и имя его руководителя.

Возвращаясь к оценке положения воюющих сторон, констатируем, что после года боевых действий возможности России многократно превосходили японские. На майском 1905 года совещании Военного совета Великий князь Николай Николаевич доложил, что, по его мнению, для окончательной победы необходимо: около миллиарда рублей расходов, около 200 тысяч потерь ранеными и убитыми и год военных действий. Все перечисленное находящаяся на экономическом подъеме Российская Империя с населением в 150 миллионов человек теоретически могла себе позволить. Но Император Николай II принял решение о вступлении в переговоры, уже дважды предлагавшиеся японской стороной.

Министр финансов правительства России в 1904-1905 и 1906-1914 годах В.Н. Коковцов (1853-1943) пишет, что Император Николай II изучил доклад, детализирующий возможные предложения Японии по подписанию мирного договора:

«В самом верху доклада Государь написал: «Я готов кончить миром не мною начатую войну, если только предложенные условия будут отвечать достоинству России. Я не считаю нас побежденными, наши войска целы, и я верю в них... Напротив вопроса о контрибуции: «Россия никогда не платила контрибуций, и я на это никогда не соглашусь», причем слово «никогда» было три раза подчеркнуто.» (Коковцов В.Н. - Из моего прошлого (1903-1919) — Минск, Харвест, 2004 — стр.69)

Диалог с противником предполагалось вести с позиции силы.

Руководил русской делегацией в Портсмуте С.Ю. Витте (1849-1915).

«Основные пункты своей программы сам он сформулировал следующим образом: 1) ничем не показывать, что мы желаем мира, вести себя так, чтобы внести впечатление, что если Государь согласился на переговоры, то только ввиду общего желания почти всех стран, чтобы война была прекращена; 2) держать себя так, как подобает представителю России, т.е. представителю величайшей Империи, у которой приключилась маленькая неприятность...» (Айрапетов О. - На пути к краху. Русско-японская война 1904-1905 гг. Военно-политическая история — М, Алгоритм, 2015 — стр. 363).

Выполняя инструкцию Царя, Витте в самом начале мирной конференции подчеркнул: в войне нет победителей и побежденных, а есть обоюдное стремление прекратить кровопролитие. Как верно пишет академик А.Н. Сахаров:

«Ход переговоров убедительно показал, что Портсмутский мир вырос на почве общей заинтересованности непобедившей Японии и непроигравшей войну России». (Мультатули П.В., Залесский К.Л. - Русско-японская война 1904-1905 гг — М, РИСИ, 2015 — стр.115)

В ходе переговоров Япония сняла все неприемлемые для России требования и 23 августа (5 сентября) 1905 года Портсмутский мирный договор был подписан. Подписание договора было воспринято японским обществом как унижение и вызвало в Токио массовые беспорядки, в ходе которых «была сожжена резиденция министра внутренних дел, разгромлены 13 церквей, было ранено 500 полицейских

и солдат. Количество раненых мятежников оценивается приблизительно в 2 тысячи, убитых - 17, арестованных — в 2 тысячи, обвинения были предъявлены 308 человекам» (Айрапетов О. - На пути к краху. Русско-японская война 1904-1905 гг. Военно-политическая история — М, Алгоритм, 2015 — стр. 370).

Разъяренная толпа разгромила более половины всех полицейских участков города. Мало похоже на празднование победы в войне, не правда ли?

Отметим в скобках, что русскую делегацию в Портсмуте посетила делегация американских банкиров, поддерживавших Японию в войне.

Витте: «Что касается депутации еврейских тузов, являвшихся мне два раза в Америке говорить о еврейском вопросе... В депутации этой участвовали Шифф (кажется, так), глава финансового еврейского мира в Америке, доктор Штраус (кажется, бывший американский посол в Италии) — оба эти лица находились в очень хороших отношениях с президентом Рузвельтом — и еще несколько других известных лиц. Они мне говорили о крайне тягостном положении евреев в России, о невозможности продолжения такого положения и о необходимости равноправия.» (Витте С. - Воспоминания — Том 2 — М, Издательство социально-экономической литературы, 1960 — стр.439-440)

Для справки: Джейкоб Генри (Якоб Генрих) Шифф (1847-1920) — американский банкир. Родился во Франкфурте-на-Майне (Германия) в раввинской семье. В 1865 году эмигрировал в США, работал в банке «Кун, Лейб и К». Благодаря женитьбе на дочери одного из владельцев банка (Соломон Лейб), вошел в дело тестя, занял пост управляющего в 1885 году. Один из лидеров еврейской общины США. Финансировал еврейское движение во многих странах мира. Сравнивал положение евреев в России с библейской историей Египетского исхода. За поддержку Японии в Русско-японской войне в 1905 году был награжден японским орденом Священного сокровища, а в 1907 году — орденом Восходящего солнца. Финансировал еврейское движение во многих странах мира.

18 августа 1905 года Император Николай II издал манифест об окончании войны с Японией:

«16 августа японское правительство уступило по всем предъявленным Нами условиям и настаивало лишь на возвращении ему той

захваченной японскими войсками южной части острова Сахалина, которая уже принадлежала Японии до 1875 года и была уступлена России по взаимному договору того же года. По долгу совести Моей перед Богом и перед лицом всей России Я не признал возможным подвергать испытанные доблестные войска Мои и дорогую Нам Родину, бесконечным ужасам и жертвам войны, ради сохранения части отдаленного острова, уступленного Нам Японией в 1875 году, особенно ввиду обязательств, которые японское правительство взяло на себя по отношению этого острова.» (Мультатули П.В., Залесский К.Л. - Русско-японская война 1904-1905 гг — М, РИСИ, 2015 — стр.120)

11 сентября 1905 года, после заключения Портмутского мирного договора между Японией и Российской Империей, Акаси был отозван в Японию. После отчета о проделанной работе, он вновь назначается военным атташе в Германии. Однако в июне 1906 года в Петербурге в издательстве А.С. Суворина вышла в свет брошюра «Изнанка революции. Вооруженное восстание в России на японские средства». В ней были воспроизведены фотокопии писем, которыми в первой половине 1905 года обменивался бывший японский военный атташе в России полковник М. Акаси с К. Циллиакусом и Г.Г. Деканозовым (Деканозишвили). Первый из корреспондентов японца был организатором и руководителем Финляндской партии активного сопротивления, образованной в ноябре 1904 года, второй — одним из лидеров созданной в апреле того же года Грузинской партии социалистов-федералистов-революционеров (а еще — отцом В.Г. Деканозова — деятеля советских спецслужб и дипломата).

«И японцы, и русские революционеры в циничном безразличии в выборе средств борьбы, — говорилось в предисловии к брошюре, — оказались достойны друг друга. Одни славу своего оружия запятнали грязью подкупа, другие великое слово свободы осквернили продажей своей родины.» (Павлов Д. - Русско-японская война 1904-1905 гг. - М, «Материк», 2004 — стр.160)

После публикации этой информации в европейских газетах, Акаси был отозван в Японию.

За свои заслуги перед Японией Мотодзиро Акаси был удостоен титула барона, в 1913 году произведен в генерал-лейтенанты, в апреле 1914 назначен заместителем начальника Генерального штаба Японии, а в 1918 году — генерал-губернатором острова Формоза (современный Тайвань).

ПАРВУС И ТРОЦКИЙ

Теперь подробнее об участии главных персонажей нашего исследования в событиях, которые происходили в России на фоне Русско-японской войны и после ее окончания.

В 1905 году, сразу после «кровавого воскресенья», Парвус и Троцкий засобирались в Россию. Но первым делом, они едут в Вену, к австрийскому социал-демократу Виктору Адлеру (1852-1918).

«Получают у него фальшивые документы, деньги. У него на квартире переодеваются, меняют внешность.» (Шамбаров В. - Нашествие чужих: заговор против Империи — М, Алгоритм, 2008 — стр.57)

Несмотря на всю спешку, Израиль Лазаревич и Лев Давидович прибывают в Россию в начале октября. В отличии, кстати, от трусоватого Ильича, который засобирался на родину все из той же Швейцарии лишь после опубликования 17 октября Высочайшего Манифеста об усовершенствовании государственного порядка, и объявления амнистии.

Заезжие революционеры действовали по принципу: кто раньше встал, того и тапки. Троцкий возглавлял Петербургский Совет рабочих депутатов, а после его ареста вторым составом Совета руководил Парвус. Ленин же прибыл в Петербург лишь в ноябре, когда все ответственные посты в революционном движении были заняты. В связи с этим, все финансы оказались под контролем Троцкого и Парвуса, которые выпускали целых три собственные революционные газеты, а Владимиру Ильичу приходилось тискать статейки в «Новой жизни» Горького.

Позже появилось крылатое выражение: «Троцкий играл в первом Совете рабочих депутатов первую скрипку, а Парвус сочинял для этого ноты». Сам Парвус в своем резюме тоже находит место для художественных сравнений: «Мы были не чем иным, как струнами арфы, на которых играла буря революции...» (Хереш Э. - Купленная революция. Тайное дело Парвуса — М, «ОЛМА-ПРЕСС Образование», 2004 — стр.81-82)

Помимо массовых забастовок, революционная борьба в России вылилась в целую волну кровавого террора, причем, террора совершенно непримиримого.

Историк Анна Гейфман: «Террористические акты не прекратились после опубликования Манифеста 17 октября 1905 года, гарантировавшего соблюдение основных прав человека для всех граждан России и представлявшего законодательную власть Государственной думе... «Наихудшие формы насилия проявились только после опубликования Октябрьского манифеста», когда действия радикалов, направленные на ослабление государства вплоть до его падения, превратили страну в кровавую баню... Были дни, «когда несколько крупных случаев террора сопровождались положительно десятками мелких покушений и убийств среди низших чинов администрации, не считая угроз путем писем, получавшихся чуть ли не всяким полицейским чиновником;... бомбы швыряют при всяком удобном и неудобном случае, бомбы встречаются в корзинах с земляникой, почтовых посылках, в карманах пальто, на вешалках общественных собраний, в церковных алтарях... Взрывалось все, что можно было взорвать, начиная с винных лавок и магазинов, продолжая жандармскими управлениями (Казань) и памятниками русским генералам (Ефимовичу, в Варшаве) и кончая церквами».» (Гейфман А. - Революционный террор в России, 1894-1917 — М, КРОН-ПРЕСС, 1997 — стр.29-30)

«Что касается правительственных служащих, то здесь террор проводился без особого разбора, и его жертвами становились полицейские и армейские офицеры, государственные чиновники всех уровней, городовые, солдаты, надзиратели, охранники и вообще все, кто подпадал под весьма широкое определение «сторожевых псов старого порядка». Из 671 служащего Министерства внутренних дел, убитого или раненого террористами в период между октябрем 1905 и концом апреля 1906 года, только 13 занимали высокие посты, в то время как остальные 658 были городовыми, полицейскими, кучерами и сторожами. Особенно распространилось среди новых профессиональных террористов обыкновение стрелять или бросать бомбы без всякой провокации в проходящие военные или казачьи части или в помещения их казарм.» (Гейфман А. - Революционный террор в России 1894-1917 — М, КРОН-ПРЕСС, 1997 — стр.58-59)

Вспомним здесь ленинские восторги по поводу «ручных бомб» и его: «Давайте же учиться у японцев!»

Апофеозом же революции стало вооруженное восстание в Москве 1-18 декабря 1905 года.

Р. Пайпс: «Возвратившись в Россию в начале ноября 1905 года, Ленин стал вдохновителем московского восстания следующего месяца, но исчез, как только начали стрелять. В тот самый день, когда в Москве возводились баррикады (10 декабря 1905 г.), он и Крупская укрылись в Финляндии. Они возвратились только 17 декабря, после подавления восстания.» (Пайпс Р. - Русская революция — Том 2 — М, 1994 — стр.32)

Однако по разным причинам, не последняя из которых — прекращение японского финансирования, московское восстание не нашло массовой поддержки, а те редкие очаги беспорядков, что все же появились в разных местах огромной Империи, были без особого труда локализованы и подавлены правительством.

Однако вернемся к основным персонажам нашего исследования, похождения которых интересуют нас более всего.

После окончательного крушения революционных надежд, Ленин вновь перебирается в Финляндию, а затем, в декабре 1907 года — в Швецию. Причем, нормально сесть на корабль побоялся.

Альберт Рис Вильямс, о котором далее мы будем говорить подробно, пишет:

«От Воскова я впервые услышал неизвестный мне раньше эпизод из биографии Ленина. Это было в декабре 1907 года. Ленин должен был попасть в Стокгольм, но, если бы он отправился обычным путем, то есть сел на пароход в Або (Турку), его немедленно бы арестовали. Но в Ботническом заливе, недалеко от Турку, находился островок, куда не доходила власть русской полиции, и он решил идти туда пешком по льду, хотя лед кое-где был непрочный. Ему удалось найти двух финских крестьян, которые взялись его провести, но сами они настолько нетвердо стояли на ногах, что переход оказался еще более опасным. Шли, конечно, ночью. Ничего почти не было видно, и в одном месте Ленин вдруг почувствовал, что льдина под ним куда-то поплыла. Ильич потом сам рассказывал, продолжал Восков, что в тот момент он решил: ну все, конец, и подумал — какая нелепая смерть!» (Вильямс А.Р. - Путешествие в революцию — М, Художественная литература, 1987 (Библиотека литературы США) — стр.559-560)

После столь экстремального прощания с родиной, оставшись без наличных средств, уже в Европе Владимир Ильич вместе с Крупской отравились рыбой в какой-то второсортной забегаловке. А вспоминая

собственную невзрачную роль на фоне гигантов 1905 года — Троцкого и Парвуса.... Словом, с тех пор положение не самого главного человека в революции перестало устраивать Ленина окончательно.

Для сравнения — тот же путь за границу, что Владимир Ильич, проделали и Лев Давидович с Израилем Лазаревичем.

3 декабря 1905 года Троцкий был арестован.

Удивительно, но факт: Лев Давидович сидел в питерских Крестах не просто со всеми удобствами, а просто-таки с комфортом.

«Сохранилась его тюремная фотография — во фраке, с белоснежным воротничком и манжетами, как в великосветском салоне. Его камера и впрямь стала подобием салона. Днем двери не запирались, к нему пускали гостей. Навещали соратники, иностранцы. Еду доставляли из ресторана лучшего качества.» (Шамбаров В. - Нашествие чужих: заговор против Империи — М, Алгоритм, 2008 — стр.70)

В отличие от Ленина, скрывавшегося от правосудия, Парвус и Троцкий, предстали перед судом. В ходе судебного процесса над членами Петербургского Совета, проходившего в сентябре — ноябре 1906 года, 15 обвиняемых были приговорены к вечному поселению в Сибири. В число осужденных входил и Троцкий — ему предстояло отправиться в Обдорск (Салехард).

Кстати сказать, Парвуса, также арестованного за революционную деятельность, приговорили всего-навсего к трем годам ссылки в Туруханском крае.

Впрочем, оба осужденных не собирались отбывать назначенное наказание. Благодаря чьей-то, оставшейся не названной, помощи, Лев Давидович по дороге в Обдорск, удрал из Березова (современный Ханты-Мансийский АО). И вскоре оказался в Финляндии, откуда без проблем отбыл в Европу. Кстати, прибыв к месту назначения, Лев Давидович быстренько состряпал книжку «Туда и обратно», в которой поведал о своих похождениях в «дикой» России.

Что касается Парвуса, то, доставленный под конвоем к месту ссылки, он чудесным образом получил на руки австрийский паспорт на имя Карла Ваверка и вскоре бежал.

«Добравшись до ближайшего крупного города, Красноярска, он переоделся как крестьянин-мужик и сел в поезд, направляющийся в Петербург. Он ехал в вагоне последнего класса, ел и пил с крестьянами, играл с ними в карты. Но когда понял, что общими у них стали

не только еда, но и блохи, пришел к выводу, что «легко разыгрывать из себя мужика, но гораздо труднее жить вместе с другими мужиками...». В следующем городе он переоделся в джентельмена. Теперь он выглядел так элегантно, что его даже не признал тот заключенный, с которым он еще недавно вместе сидел в тюрьме: Лев Дейч.» (Хереш Э. - Купленная революция. Тайное дело Парвуса — М, «ОЛМА-ПРЕСС Образование», 2004 — стр.80)

Благополучно добравшись до Петербурга, Парвус поселился в хорошем отеле, а уже через несколько дней отправился в гостеприимную Финляндию, а затем и в Германию.

Оставив свою вторую жену в России, Парвус «нашел забвение» в компании немецкой марксистки, «темпераментной, язвительной, но невероятно женственной» Розы Люксембург. В их отношениях не было романтики, зато было взаимопонимание, и они знали, что могут положиться друг на друга. (Земан З., Шарлау У. - Кредит на революцию — М, Центрполиграф, 2007 — стр.124)

Летом 1907 года, встретившись после приключений в России, Троцкий с женой Натальей Седовой и Парвус отправились на отдых в Богемию. Израиль Лазаревич даже послал письмо Розе Люксембург (1871-1919) с приглашением присоединиться к их теплой компании, однако та предпочла остаться в Берлине.

Кстати, после бегства Троцкого, «у него остались в России четыре дяди, братья матери, Анны Львовны — Абрам, Тимофей (Тевель), Давид и Илларион Животовские. Все были солидными предпринимателями. Особенно успешно шли дела у Абрама Львовича. Он за 15 лет возвысился от помощника провизора провинциальной аптеки до купца 1-й гильдии, банкира, миллионера. Ворочал солидными делами в Киеве, стал держателем больших пакетов акций Русско-Азиатского, Торгово-промышленного, Сибирско-торгового банков, имел вложения в Путиловский завод.» (Шамбаров В. - Нашествие чужих: заговор против Империи — М, Алгоритм, 2008 — стр.88)

Историк Валерий Шамбаров: «Успешному бизнесу Животовских немало способствовали и масонские связи. В 1909 г. возникло дело князя Д.О. Бебутова, одного из учредителей масонских лож в России. По этому делу был составлен список из 385 видных масонов. Открывали его, стояли на первом месте, Абрам и Давид Животовские.

Кроме этого, вхождение в высшие банковские круги обеспечивалось брачными союзами... И у Животовских такие связи возникли.

Например, с Бродскими, крупнейшими тузами в Киеве. Лазаря Израилевича Бродского называли «еврейским королем». Он скупал земли на подставных русских лиц, монополизировал судоходство по Днепру, задушив всех конкурентов, был акционером всех киевских банков, полным хозяином российской сахарной промышленности... Но с международным сионизмом имел ряд противоречий, осуждая «палестинский проект». Он считал, что новой «землей обетованной» должна стать Россия. Бродские были в родстве с Ротшильдами, Каганами, Грегерами, Горовицами. Таким образом и Троцкий через дядю Абрама стал не просто одним из революционных вожаков, а членом банкирской «семьи».» (Шамбаров В. - Нашествие чужих: заговор против Империи — М, Алгоритм, 2008 — стр.88-89)

Было и еще кое-что.

«Племянник матери Троцкого, Шпенцер, у которого Лев Давидович квартировал во время учебы, стал очень крупным издателем, главным редактором «Одесских новостей». И частенько публиковал статьи родственника-эмигранта. На сестре Троцкого Ольге женился Лев Каменев (Розенфельд). А сын Тевеля Животовского, двоюродный племянник Троцкого, женился на сестре Ю.О. Мартова.» (Шамбаров В. - Нашествие чужих: заговор против Империи — М, Алгоритм, 2008 — стр.89)

Кстати, у известного революционера Вячеслава Рудольфовича Менжинского (1874-1934), будущего главы ОГПУ, тоже был очень интересный родственник. Его брат - Александр Рудольфович Менжинский (1865-1930) — являлся чиновником особых поручений Министерства финансов, действительным статским советником, входил в состав правления Московского Соединенного банка, завода «Богатырь», Рязанского завода сельскохозяйственных машин и тд.

Впрочем, подобных родственных связей хватало в среде революционеров...

Что же касается самого Троцкого, то, хорошенько отдохнув с Парвусом в Богемии, он в 1908-1912 годах принялся издавать в Вене газету «Правда», тираж которой на пике популярности достигал 4000 экземпляров. В 1912 году Ленин, приступая к изданию в Санкт-Петербурге легальной большевистской газеты, дал ей то же название - «Правда». Тем самым, Ленин подрывал позиции венской газеты, а заодно эксплуатировал уже «раскрученное» название.

В ответ, Лев Давидович в письме Аксельроду назвал Ленина «паразитом», но в апреле 1912 венскую «Правду» закрыл.

Впрочем, «паразит» факт плагиата не признал, оскорбился и прервал отношения с Троцким аж до самого 1917 года.

А пока Лев Давидович продолжал излагать «товарищам» свои искренние чувства к Ленину. Вот, например, что он писал видному меньшевику Чхеидзе в апреле 1913 года:

«Каким-то бессмысленным наваждением кажется дрянная склока, которую систематически разжигает сих дел мастер Ленин, этот профессиональный эксплуататор всякой отсталости в русском рабочем движении.» (Соколов Б.В. - Сталин. Власть и кровь — М, АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2004 — стр.119)

Теперь еще несколько слов о Парвусе.

Э Хереш: «Была ли революция 1905 года сама по себе провалом, или она выглядела так в глазах Парвуса, в любом случае она послужила для него уроком. Для него было важно извлечь из этих событий пользу на тот случай, когда представится такой шанс. В этом смысле 1905 год стал генеральной репетицией великого замысла.» (Хереш Э. - Купленная революция. Тайное дело Парвуса — М, «ОЛМА-ПРЕСС Образование», 2004 — стр.82)

Тяжело пережив крушение своих революционных надежд и даже несколько разочаровавшись в идее русской революции, Парвус столкнулся еще с одной крупной неприятностью.

Дело в том, что еще с 1902 года Израиль Лазаревич был литературным агентом Максима Горького. С его помощью горьковская пьеса «На дне» была поставлена в Германии, где имела невероятный успех, в том числе финансовый, и в одном только Берлине выдержала более 500 представлений.

Часть суммы, полученной от этих постановок, составила агентский гонорар самого Парвуса, другую он должен был передать Горькому, третью — в партийную кассу РСДРП. Как утверждал Горький, никто, кроме Парвуса, никаких денег не получил.

По жалобе Горького, в начале 1908 года, дело о мошенничестве Парвуса рассматривал третейский суд в составе видных немецких социал-демократов А. Бебеля, К. Каутского и К. Цеткин. Парвус был морально осужден. Этот скандал заставил его перебраться сначала

в Вену, а затем и вовсе в Турцию, где летом того же 1908 года был свергнут султан Абдул-Хамид II.

После прибытия Парвуса в начале ноября 1910 года в Константинополь, его ближайшим помощником, вместо Троцкого, становится Христо Раковский (Станчев) (1873-1941) — гражданин Румынии из богатой семьи болгарских землевладельцев.

Были у Парвуса и еще помощники: Мечислав Козловский (1876-1927), соратник Троцкого Моисей Урицкий (1873-1918), а также польский социалист, близкий друг Ленина Яков Фюрстенберг (1879-1937), более известный под фамилией Ганецкий.

Парвус также стал советником и представителем в Оттоманской (Османской) Империи концерна Круппа и картеля вооружений «Виккерс», возглавляемого сэром Бэзилом Захаровым. Кроме того, Израиль Лазаревич получил контракт на поставку зерна туркам во время Балканских войн 1912-1913 годов. (Земан З., Шарлау У. - Кредит на революцию — М, Центрполиграф, 2007 - 147) И всюду он действовал весьма успешно.

Поселившись в Константинополе и став экономическим советником правительства «младотурок», Парвус заработал миллионы на различных финансовых аферах.

«Из Одессы и Болгарии Парвус импортировал в Турцию зерно, из России — оружие и боеприпасы не только для турецкой армии, но и для маленьких балканских государств, машины фирмы «Крупп» из Германии для строительства железнодорожных линий, дерево и железо — из Австрии и других стран.... В течение двух лет Парвус, который уже давно имел резиденцию на расположеных близ Константинополя Принцевых островах, стал гордым обладателем торговой империи, куда входили и собственные банки. Он стал супербогатым человеком.» (Хереш Э. - Купленная революция. Тайное дело Парвуса — М, «ОЛМА-ПРЕСС Образование», 2004 — стр.91)

Кстати, упомянем тот факт, что «связь российских революционеров с сербской организацией «Черная рука» является хорошо известным фактом, хотя не ясно, насколько хорошо они были осведомлены о подготовке убийства эрцгерцога Фердинанда в Сараево в июле 1914 года.» (Гейфман А. - Революционный террор в России 1894-1917 — М, КРОН-ПРЕСС, 1997 — стр.283)

Напомним также, что именно названное убийство привело в движение цепь событий, приведших к Первой мировой войне.

А пока Парвус трудится на подготовку Турции к войне.

«То обстоятельство, что он охотно выполнял работу шпиона для турецкого правительства, только добавляло ему симпатий в этих кругах... Парвус был в дружеских отношениях и пользовался доверием и политической протекцией Энвера и Талаата Паша, а также министра финансов Турции.» (Хереш Э. - Купленная революция. Тайное дело Парвуса — М, «ОЛМА-ПРЕСС Образование», 2004 — стр.91)

Парвус, как мог, толкал Турцию к тесному союзу с Германией еще в 1912 году. Имперская Германия давно была для него символом свободы и прогресса, в отличии от России — символа мракобесия и реакции.

Кстати, по одной из версий, Гельфанду покровительствовал Мехмет Таллат, великий магистр ложи «Великий Восток Турции». (Соколов Б.В. - Парвус. Деньги и кровь революции — М, Вече, 2016 — стр.54)

А теперь о Ленине.

Набегавшись по льдинам и отойдя от некачественной рыбы, Владимир Ильич в начале января 1908 года прибывает в Женеву.

В конце того же года перебирается в Париж, где и живет до 1912 года, увлеченно интригуя против подельников по революции за большую долю из тех средств, что поступали в партийную кассу из разного рода грязных источников, как-то: ограбления, шантаж, брачные аферы и тд. и тп.

Окончательно разругавшись на почве финансовой недостаточности с меньшевиками, в 1908 году Ленин сумел даже поскандалить со своими верными помощниками Леонидом Красиным (1870-1926) и Александром Богдановым (Малиновским) (1873-1928).

Историк Юрий Фельштинский: «Ленин хотел контролировать деньги единолично... И когда Красин с Богдановым отказались подчиняться диктату Ленина, последний легко нашел политические разногласия для столь необходимой ссоры. Понятно, что Ленин никогда не пошел бы на разрыв с Богдановым и, особенно, Красиным, если бы это не было выгодно с финансовой точки зрения.» (Фельштинский Ю. Г. - Вожди в законе — М, ТЕРРА-Книжный клуб, 1999 — стр.27)

24 марта 1912 года, за месяц до начала выпуска собственного варианта «Правды», Ленин пишет из Парижа сестре Анне:

«Среди наших идет здесь грызня и поливание грязью, какой давно не было. Все группы, подгруппы ополчились против последней конференции и ее устроителей, так что дело буквально до драки доходило на здешних собраниях.» (Ленин В.И. - ПСС, Том 55 — стр.323)

Итогом всех дрязг стало утверждение Владимира Ильича во главе большевистской фракции РСДРП, что обеспечивало безбедное существование самого Ленина и его ближайших подельников в Европе.

Вот примеры благополучия, о которых проболтался сам Ильич.

19 декабря 1908 года Ленин пишет своей сестре А.И. Ульяновой-Елизаровой: «Мы едем сейчас из гостиницы на свою новую квартиру... Нашли очень хорошую квартиру, шикарную и дорогую... Вчера купили мебель для Маняши. Наша мебель привезена из Женевы. Квартира на самом почти краю Парижа, на юге, около парка Montsouris. Тихо, как в провинции... Парижем пока довольны.» (Ленин В.И. - ПСС, Том 55 — стр.264)

Или: летом 1910 года Ленин с Крупской и ее матерью провел целый месяц во французском Порнике, на берегу Атлантического океана. Оттуда он сообщал сестре Марии: «Отдыхаем чудесно. Купаемся и т.д... Пиши: Pornic (Loire Inferieure)... Mr. Oulianoff.» (Ленин В.И. - ПСС, Том 55 — стр.316)

Из Порника «Mr. Oulianoff» отправился в Италию, на Капри, к Горькому. Пробыв там 5 дней, уехал в Париж, но «мимоходом» посетил Неаполь, Рим и Геную. (Валентинов Н. - Недорисованный портрет — М, Терра, 1993 — стр.287)

Как видим, жизнь пламенных революционеров была весьма насыщенной... отдыхом и путешествиями по комфортной Европе. Однако дело «борьбы с Самодержавием в России», флагом которого так любил размахивать Ильич, шло, как в песне: «две шаги налево, две шаги направо, шаг вперед и два назад».

20 июня 1914 года, на заседании конференции, созванной Интернациональным Социалистическим бюро в Брюсселе, в присутствии Вандервельде, Розы Люксембург, Каутского и других, Плеханов, сокрушаясь об отсутствии единства в русском революционном движении, открыто заявил, что «главная причина непримиримости Ленина заключается в том, что он не желает выпустить из своих рук партий-

ных денег, часть из которых им была захвачена воровским способом.» (Никитин Б.В. - Роковые годы — М., Айрис-пресс, 2007 — стр.257)

«Еще на первых ступеньках своей длинной лестницы, по которой спускался Ленин, деньги, деньги добытые, по словам Плеханова, «воровским способом», деньги поставили его в исключительное по своему значению исходное положение. Они оплачивали его печатные издания и штат партийных работников; они делали его хозяином организации за границей и в России. Эти же деньги обеспечивали его существование...

И как раз обратное значение в те далекие времена сыграла «сила» ленинских убеждений: от него разбежались все и все сколько-нибудь индивидуальное, сохранившее к себе уважение. Силы убеждений не оказалось, прежде всего, потому, что предпосылки бланкизма, нечаевщины, максимализма, из которых они слагались, решительно не отвечали обстановке: до войны (1-й мировой — Ю.Б.) не было в России почвы для их развития.» (Никитин Б.В. - Роковые годы — М., Айрис-пресс, 2007 — стр.259)

И тут Владимиру Ильичу с его революционными устремлениями несказанно повезло. Еще раз, и гораздо крупнее, чем в 1904-м...

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА

28 июля 1914 года началась Первая мировая (Великая) война между двумя блоками государств: Центральные державы — Германская, Австро-Венгерская и Османская Империи и Болгарское царство, против Антанты — Британская и Российская Империи и Французская Республика. На стороне Антанты выступили Сербия, Бельгия, а позднее — Япония, Италия, США и др. Рассказы советских «историков» о том, что это Царское правительство втянуло Россию в ненужную ей войну, не соответствуют действительности.

Война, действительно, была не нужна, вот только решение о ее начале принималось не в Петербурге, а в Берлине.

Р. Пайпс: «После ухода с политической арены Бисмарка, перед правительством России уже не стояло выбора отсидеться ли в изоляции или ввязаться в большую политику со всеми вытекающими отсюда последствиями. Этот выбор сделала за Россию Германия, и выбирать

оставалось лишь одну из двух дорог: выступить против Германии в одиночестве или же действовать совместно с Францией, а возможно, и с Англией. Ответ на вопрос, поставленный под таким углом, напрашивается сам собой. Если только Россия не готова отказаться от имперского величия, не готова свернуться до границ Московской Руси XVII века и превратиться в германскую колонию, ей следует координировать свои военные планы с планами других западноевропейских стран.» (Пайпс Р. - Русская революция — Том 1 — М, РОССПЭН, 1994 — стр.221)

Это гораздо позднее и неофициально Вячеслав Молотов признавался: «Хорошо, что русские цари навоевали нам столько земли. И нам теперь легче с капитализмом бороться.» (Чуев Ф. - Сто сорок бесед с Молотовым — М, Терра, 1991 — стр.14)

Официально же советская пропагандистская машина постоянно талдычила о «кровавых авантюрах царизма».

Но вернемся к лету 1914 года.

Известие о войне вызвало в России настоящий взрыв патриотизма.

Председатель Государственной Думы третьего и четвертого созывов М.В. Родзянко (1859-1924), которого невозможно заподозрить в положительном отношении к Императору Николаю II, пишет о том дне, когда был оглашен манифест о войне с Германией:

«Огромная толпа собралась перед Зимним дворцом. После молебна о даровании победы Государь обратился с несколькими словами, которые закончил торжественным обещанием не кончать войны, пока хоть одна пядь русской земли будет занята неприятелем. Громовое «ура» наполнило дворец и прокатилось ответным эхом в толпе над площадью. После молебствия Государь вышел на балкон к народу, за ним Императрица. Огромная толпа заполнила всю площадь и прилегающие к ней улицы, и когда она увидела Государя, ее словно пронизала электрическая искра, и громовое «ура» огласило воздух. Флаги, плакаты с надписями: «Да здравствует Россия и славянство» склонились до земли, и вся толпа, как один человек, упала перед Царем на колени. Государь хотел что-то сказать, он поднял руку, передние ряды зашикали, но шум толпы, не смолкавшее «ура», не дали ему говорить. Он опустил голову и стоял некоторое время, охваченный торжественностью минуты единения Царя со своим народом....» (Родзянко М.В. - Крушение Империи — Харьков, Интербук, 1990 — стр.91-92)

И в те мгновения, когда потрясенный Император стоял, склонив голову, толпа, находившаяся перед ним, запела царский гимн:

Боже, Царя храни,
Сильный, державный,
Царствуй на славу, на славу нам...

Эффект был необыкновенным. Государь и Государыня рука об руку стояли на балконе и плакали вместе с толпой.

Посол Франции в России М. Палеолог (1859-1944): «Для этих коленопреклоненных тысяч собравшихся в этот момент царь действительно был самодержцем: военным, политическим и религиозным правителем своего народа, абсолютным господином их душ и тел.» (Мэсси Р. - Николай и Александра — М, Интерпракс, 1990 — стр.243).

Тот же Родзянко на площади спросил нескольких рабочих, каким образом они оказались здесь, если незадолго до этого бастовали и чуть ли не с оружием в руках предъявляли экономические и политические требования. Рабочие ответили:

«То было наше семейное дело. Мы находили, что через Думу реформы идут очень медленно. Но теперь дело касается всей России. Мы пришли к своему Царю, как к нашему знамени, и мы пойдем с ним во имя победы над немцами.» (Родзянко М.В. - Крушение Империи — Харьков, Интербук, 1990 — стр.92)

Началом боевых действий на Западном фронте против Германии и Австро-Венгрии война для России не ограничилась. Частенько забывают, что в Первой мировой у нее был еще один фронт — Южный, где в союзе с Германией действовали войска Османской Империи.

На юге все началось 29-30 октября 1914 года, когда турецкий флот под командованием германского адмирала Сушона обстрелял Севастополь, Одессу, Феодосию и Новороссийск.

Спустя два дня, 2 ноября, был опубликован манифест Государя Николая II:

«Предводимый германцами турецкий флот осмелился вероломно напасть на наше Черноморской побережье. Вместе со всем народом русским мы непреклонно верим, что нынешнее безрассудное вмешательство Турции в военные события только ускорит роковой для нее ход событий и откроет России путь к разрешению завещанных ей предками исторических задач на берегах Черного моря.» (Палеолог М. - Дневник посла — М, Захаров, 2018 — стр.157)

«Исторические задачи», которые имел в виду Государь, это овладение Константинополем и проливами Босфор и Дарданеллы, дающие России собственный прямой путь в Средиземное море, выход к Палестине и Ближнему Востоку. Наконец, тот самый мистический Крест над собором Святой Софии — мечта славянофильской мысли на протяжении многих десятилетий.

Вернемся однако от высокой духовности к кровавым реалиям сражений Первой мировой.

Германия к началу боевых действий руководствовалась стратегическим планом, разработанным еще к 1905 году начальником немецкого Генерального штаба генералом фон Шлиффеном. Этот план предусматривал принцип одновременной войны только с одним противником, путем достижения победы над Францией в течение одного-двух месяцев, после чего все силы должны были сосредоточиться на противостоянии России.

Однако наступление русской армии в Восточной Пруссии, начавшееся в августе 1914 года, а затем и контратака англо-французких войск в битве на Марне (сентябрь 1914), сорвали план Шлиффена. Враждующие стороны перешли к изматывающей позиционной войне, наименее перспективной для Центральных держав, крайне ограниченных в своих ресурсах, в отличие от Российской и Британской Империй.

В таких условиях правительство Германии очень быстро пришло к очевидной мысли о необходимости ликвидации одного из фронтов. С этой целью, помимо чисто военных мер, германские МИД и Генеральный штаб проводили в странах Антанты активную работу по активизации местных подрывных элементов. В Англии, Франции и Италии, на которых, помимо России, были сосредоточены германские усилия, желаемые результаты достигнуты не были — в том числе, потому, что их национальные партии, принадлежавшие к набравшему силу по всей Европе еще к началу войны социал-демократическому движению, заняли четкие патриотические позиции, пойдя, в условиях мировой бойни, на сотрудничество с правительствами своих стран.

Ю. Фельштинский:«Подрывная работа Германии в отношении России была лишь частью общей германской политики, направленной на ослабление противника. На так называемую «мирную пропаганду» Германия потратила, по крайней мере, 382 млн. марок (причем до мая 1917 года на Румынию и Италию денег было потрачено больше, чем

на Россию, что не помешало и Румынии и Италии выступить в войне на стороне Антанты).» (Фельштинский Ю. Г. - Крушение мировой революции — Лондон, Overseas Publications Interchange Ltd, 1991 — стр.32-33)

Вели подобную работу и сами союзники по Антанте, в том числе и Россия.

Так, 17 сентября 1914 года Великий князь Николай Николаевич обнародовал обращение к народам Австро-Венгрии, призывая их к свержению «ига Габсбургов» и к реализации собственных национальных устремлений. (Палеолог М. - Дневник посла — М, Захаров, 2018 — стр.116)

Однако никакая вражеская пропаганда не добилась существенных успехов ни в одной воюющей стране из обоих противостоящих блоков. Кроме России.

А.Ф. Керенский: «В способах своей работы германская служба пропаганды ничем не отличалась от таковой же службы союзников. И не вина, конечно, германского народа, если только в одной России нашлись политические деятели с большими именами и с огромным прошлым, вступившие на путь, на который идет далеко не всякий даже обычный негодяй.» (Керенский А.Ф — Потерянная Россия — М, Вагриус, 2007 — стр.34)

А получилось вот что...

МЕМОРАНДУМ ДОКТОРА ГЕЛЬФАНДА

Как мы уже говорили, социал-демократы всех стран Европы заняли патриотическую позицию по отношению к своим правительствам.

Однако в России социал-демократическая партия была расколота на две части: «меньшевики», вопреки названию, имевшие «контрольный пакет акций» в партии в целом, и «большевики», яростно сражавшиеся за собственную лидирующую роль.

И здесь сыграл свою роль субъективный фактор, в лице выходца из Российской Империи, искренне ненавидевшего свое бывшее отечество и столь же искренне лелеявшего мечту о германском подданстве. Речь идет об Израиле Лазаревиче Гельфанде, он же — Парвус.

Названный господин, как мы помним, один из руководителей, вместе с Троцким, Петербургского Совета рабочих депутатов во вре-

мя русской революции 1905 года, являлся вместе с тем весьма ловким финансистом, сделавшим состояние на военных поставках в Турцию еще во время Балканских войн 1912-1913 годов.

Начало Первой мировой войны стало для Парвуса радостным событием.

Э. Хереш: «Парвус презирал социалистический пацифизм и не одобрял национальные чувства и патриотизм, охвативший всю Европу, а также многих из его соотечественников, находящихся в ссылке. Парвус не сомневался, что Германия, развязав войну, наконец приведет к краху царскую империю.» (Хереш Э. - Купленная революция. Тайное дело Парвуса — М, ОЛМА-ПРЕСС образование, 2004 — стр.93).

В начале 1915 года, используя свои многочисленные связи, Парвус сумел установить контакт с германским Министерством иностранных дел, а затем и с Генеральным штабом.

7 марта 1915 года на стол государственного секретаря (министра иностранных дел) Германии Готлиба фон Ягова (1863-1935) ложится, подготовленный Парвусом, некий документ, известный как «Меморандум доктора Гельфанда», в котором, тот, используя опыт 1905-1907 годов, подробно расписал план по организации революции внутри России, и, тем самым, по выводу ее из войны. Этот план вполне сочетался с задачей обрушения одного из фронтов, в данном случае — Восточного, стоявшей перед германским командованием.

Меморандум содержит «все аспекты и обстоятельства, которые Парвус считает необходимыми для достижения своей цели: свергнуть царизм, сократить Россию до территории собственно России и сделать рабочий класс господствующим.» (Хереш Э. - Купленная революция. Тайное дело Парвуса — М, ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004 — стр.105)

Приведем пару ярких фрагментов из этого документа.

«Приготовление к массовой забастовке в России.

Следует начать приготовления к политической массовой забастовке в России под лозунгом «Свобода и мир», с тем чтобы провести ее весной. Центром движения будет Петроград, а в самом Петрограде — Обуховский, Путиловский и Балтийский заводы. Забастовка должна прервать железнодорожное сообщение между Петроградом и Варшавой и Москвой и Варшавой и парализовать Юго-Западную железную дорогу. Железнодорожная забастовка будет преимущественно на-

правлена на крупные центры с большим количеством рабочих сил, железнодорожными депо и т.д. Чтобы расширить область действия забастовки, следует взорвать как можно больше железнодорожных мостов, как это было сделано во время забастовочного движения 1904-1905 годов...

Конференция русских социалистических руководителей.

После тщательного предварительного зондирования важно, чтобы конгресс русских социал-демократических лидеров был проведен в Швейцарии или другой нейтральной стране. В конгрессе должны участвовать:

1. Социал-демократическая партия большевиков. 2. Партия меньшевиков. 3. Еврейская лига (Бунд — Ю.Б.). 4. Украинская организация «Спилка». 5. Польская социал-демократическая партия. 6. Социал-демократическая партия Польши. 7. Литовская социал-демократическая партия. 8. Финские социал-демократы.

Такой конгресс может состояться только в том случае, если удастся заранее обеспечить единогласие в вопросе о начале немедленных действий против царизма.

Конгрессу может предшествовать дискуссия между большевиками и меньшевиками. Возможные добавления к списку участвующих групп: армянская Дашнакцутюн и Хиндшак («Гначак» - Ю.Б.).» (Германия и революция в России. 1915-1918. Сборник документов — М, Центрполиграф, 2013 — стр.46-47)

В конце марта 1915 года Парвус получил от министерства иностранных дел Германии первый миллион марок на озвученные им цели. По его просьбе деньги, «за исключением потерь, связанных с обменом валюты», были переведены в Бухарест, Цюрих и Копенгаген. Кроме того, было аннулировано распоряжение 1893 года, запрещавшее Гельфанду-Парвусу жить в Пруссии. Полиция выдала ему паспорт, который освобождал от всех ограничений. (Земан З., Шарлау У. - Кредит на революцию — М, Центрполиграф, 2007 — 175)

Кроме аванса были даны твердые гарантии на продолжение финансирования. Так Парвус получил самое главное для будущей революции — деньги.

Дальше возникала еще одна проблема — найти относительно известную оппозиционную партию в России, на которую можно будет сделать основную ставку, и которая ради будущей власти пойдет на

сотрудничество с врагом, чтобы помочь тому одержать победу в кровавой войне. Причем, ни одна из партий националистов (польских, финских и тд.), при всем к ним уважении, на роль основы не годилась, так как стоявшие перед ними цели были не способны увлечь за собой массу русского народа.

Эта проблема, на первый взгляд, была трудно разрешима, уж слишком единодушно практически все российские оппозиционеры, включая даже заявленных было в списке Парвуса меньшевиков, встали на сторону Царя и правительства в смертельной схватке с Центральными державами на фронтах Первой мировой войны.

Но, как известно, в «семье не без урода», в том числе и в семье социалистической. Именно в этот момент на вопрос: «Есть ли такая партия?», госпожа История ответила: «Есть, есть такая партия!»

И действительно, на стороне открытого врага своей страны пожелали выступить большевики. Думается, что такой практичный человек, как Парвус, начиная переговоры с немцами о финансировании будущей русской смуты, уже прекрасно представлял себе, кто именно будет реализовывать его план. Именно Парвус, лично участвовавший в событиях 1905 года в России, не мог не знать о наличии японских денег у так называемых революционеров. А чем германские деньги хуже японских? К тому же, Парвус, продолжавший в межвоенные годы контактировать с большевиками, отлично представлял себе всеядность последних, не брезговавших ничем, включая ограбления и брачные аферы, ради лишнего рубля. А тут миллионы и перспектива захвата власти в России!

Расчет Парвуса оказался верен, большевики не обманули его ожиданий.

В середине мая 1915 года Израиль Лазаревич прибыл в Цюрих, где остановился в одном из самых дорогих отелей.

Судя по воспоминаниям свидетелей, он жил в нем, как восточный властелин, всячески демонстрируя свое богатство. Его окружали роскошные блондинки. Он предпочитал толстые сигары и увлекался шампанским, частенько выпивая целую бутылку только за завтраком. (Земан З., Шарлау У. - Кредит на революцию — М, Центрполиграф, 2007 — 180)

Где-то в конце мая Парвус в сопровождении своей бывшей любовницы Екатерины Громан неожиданно появился в ресторане, в кото-

ром обычно заседали русские эмигранты. Парвус подошел к столу, за которым сидели Ленин, Крупская, Инесса Арманд и Каспаров. После непродолжительной беседы Парвус покинул ресторан вместе с Лениным и Крупской, и они отправились в квартиру на улице Дистельвег, которую те снимали. (Земан З., Шарлау У. - Кредит на революцию — М, Центрполиграф, 2007 — 180-181)

Встречу Парвуса с Лениным и Крупской в Швейцарии в конце мая 1915 года подтверждает большевик Артур Зифельдт, который видел, как Ленин шел с Парвусом к себе на квартиру. (Федоров Ю. - Немецкие деньги большевиков, или сколько стоит революция - «Русское слово» - Прага - №4, 2017)

Мы останавливаемся подробно на этом эпизоде, так как уже после того, как роль Парвуса в деятельности большевиков перестала быть секретом, многие «историки» бросились утверждать, что лично Владимир Ильич никогда не встречался с Израилем Лазаревичем, как бы бредово это не звучало.

Добавим, что по итогам переговоров с Парвусом Ленин «теоретически обосновал» свою очередную подлость по отношению к родной стране.

26 июля 1915 года появляется его статья «О поражении своего правительства в империалистической войне»:

«Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству. Это — аксиома... Революция во время войны есть гражданская война, а превращение войны правительств в войну гражданскую, с одной стороны, облегчается военными неудачами («поражением») правительств, а с другой стороны, - невозможно на деле стремиться к такому превращению, не содействуя тем самым поражению.» (Ленин В.И. - ПСС, Т.26 — стр 286-287)

Далее, подобно тому, как во время Русско-японской войны, на японские деньги были проведены Парижская и Женевская конференции, на которых вырабатывался план действий революционеров против Русского Самодержавия, так теперь на германские деньги были проведены уже новые конференции.

Первая социалистическая конференция состоялась с 5 по 8 сентября 1915 года в деревне Циммервальд (Швейцария). Подобно полковнику Акаси, не присутствовавшему лично на конференциях 1905 года, организатор нынешнего революционного сборища Парвус, так-

же пожелал остаться, так сказать, за кадром. Вместо него в Циммервальде витийствовали Ленин и Троцкий.

Всего в Швейцарию прибыло 38 делегатов от 11 стран. Самой представительной была российская делегация: большевики Ленин и Зиновьев, Мартов и Аксельрод от меньшевиков-интернационалистов, Троцкий — от нефракционных социал-демократов, группировавшихся вокруг парижской газеты «Наше слово», В. Чернов (1873-1952) и М. Натансон (1850-1919) от эсеров.

Чтобы судить о массовости данного мероприятия, напомним, что на V съезде РСДРП в Лондоне в 1907 году присутствовало 343 делегата. Это только от одной партии из одной страны.

«Делегаты, — писал Троцкий, — плотно уселись на четырех линейках и отправились в горы. Прохожие с любопытством глядели на необычный обоз. Сами делегаты шутили по поводу того, что полвека спустя после основания I Интернационала оказалось возможным всех интернационалистов усадить на четыре повозки.» (Майсурян А. - Другой Ленин — М, Вагриус, 2006 — стр.187)

И еще Троцкий:

«Дни конференции (5-8) были бурными днями. Революционное крыло, возглавлявшееся Лениным, и пацифистское, к которому принадлежало большинство депутатов, с трудом сошлись на общем манифесте, проект которого был выработан мною. Манифест говорил далеко не все, что нужно было сказать. Но он означал все же большой шаг вперед. Ленин стоял на крайнем левом фланге конференции. По ряду вопросов он оставался в единственном числе внутри циммервальдской левой, к которой я формально не принадлежал, хотя по всем основным вопросам был близок к ней.» (Троцкий Л.Д. - Моя жизнь — Том 1 — М, «Книга», 1990 — стр.285).

Упомянутая Львом Давидовичем «циммервальдская левая» - это образовавшаяся на конференции группа делегатов, крайне левых взглядов, во главе с Лениным. Группа отстаивала лозунг «превращения империалистической войны в войну гражданскую», который был отвергнут большинством делегатов.

Циммервальдская левая группа проголосовала за манифест, одобренный большинством, однако, заявила, что будет вести самостоятельную работу в международном масштабе. Группа избрала свой руководящий орган — бюро, в которое вошли Ленин, Григорий Зи-

новьев (Гершон Радомысльский) (1883-1936) и Карл Радек (Кароль Собельсон) (1885-1939).

«Разногласия между двумя группировками происходили в основном из их отношения к патриотизму — большинство европейских социалистов были пламенными патриотами, а большинство русских ими не были вовсе.» (Пайпс Р. - Русская революция — Том 2 — М, РОССПЭН, 1994 — стр.53)

Примерно также прошла конференция в Кинтале, в Швейцарии, в апреле 1916 года. Из 44 присутствовавших на конференции делегатов под радикальным ленинским воззванием подписались 12. Но в итоге, даже половинчатых решений оказалось достаточно.

Яков Михайлович (Янкель Мовшевич) Свердлов (1885-1919), один из большевистских лидеров, так прокомментировал конференции в Циммервальде и Кинтале:

«Заложены основы нового Интернационала... Третий Интернационал должен быть чист среди той грязи социал-предательства, которая засосала Второй Интернационал. Новый Интернационал спаяет в своих рядах все честное, все мыслящее из социалистической армии трудящихся, проникнутой принципами классовой борьбы. Будет война только гражданская.» (Гайсинский М. - Свердлов — Л, Государственное издательство, 1929 — стр.39-40)

Как видим, будущая гражданская война не только не смущает большевистских лидеров, наоборот, они всеми силами стараются ее приблизить. На этом фоне особенно нелепо выглядят баллады советских «историков» и пропагандистов о том, что большевикам «навязали» гражданскую войну. Как можно кому-то насильно навязать то, о чем он сам мечтает в течение многих лет?

Поэтому вполне справедливым является вывод Р. Пайпса:

«Самым выдающимся, величайшим преимуществом большевиков перед соперниками было их абсолютное безразличие к судьбе России. Консерваторы, либералы и социалисты по-своему пытались сохранить Россию как единое государство вопреки тем частным, общественным и локальным, высвобожденным революцией центробежным силам, которые раздирали страну на части. Они призывали солдат соблюдать дисциплину, крестьян — терпеливо дожидаться земельной реформы, рабочих — не покидать производство, национальные меньшинства — отложить борьбу за самоуправление... Большевики же, для которых Россия была не более чем трамплином для

скачка к мировой революции, обо всем этом не думали. Их вполне устраивало, что стихийные силы могли «развалить» существующие институты власти и разрушить Россию. Поэтому они в полной мере поощряли любую разрушительную тенденцию.» (Пайпс Р. - Русская революция — Том 2 — М, РОССПЭН, 1994 — стр.81)

Теперь о ситуации собственно в России.

14 января 1916 года по случаю русского Нового года Император Николай II обратился к армии:

«Доблестные воины мои, шлю вам накануне 1916 года мои поздравления. Сердцем и помышлениями я с вами, в боях и окопах... Помните: наша возлюбленная Россия не может утвердить своей независимости и своих прав без решительной победы над врагом. Проникнитесь мыслью, что не может быть мира без победы. Каких бы усилий и жертв эта победа нам ни стоила, мы должны ее добыть нашей родине.» (Палеолог М. - Дневник посла — М, Захаров, 2018 — стр.431)

А что же делали «товарищи» революционеры? А вот что.

Массовая политическая забастовка, которая должна была взорвать Россию и обеспечить победу Германии на Восточном фронте, была назначена Парвусом на 22 января 1916 года.

Вот документ:

«Германский посланник в Копенгагене — канцлеру

Сообщение №489

Копенгаген, 21 декабря 1915г.

Д-р Гельфанд, вернувшийся вчера из Берлина, был сегодня у меня и доложил о результатах своей поездки...

Обстоятельный разговор с министром Гельферихом убедил его, что тот относится к его проекту весьма положительно и что он не только согласен с этим проектам по политическим соображениям, но и признает его выгоду с менее очевидной точки зрения экономики империи...

Д-р Гельфанд сказал также, что для полной организации русской революции нужно около 20 миллионов рублей. Эта сумма, конечно, не может быть распределена сразу, так как это могло бы привести к обнаружению источника этих денег. Однако, принимая во внимание тот факт, что следует перейти к действиям, он предложил в министер-

стве иностранных дел, чтобы сумма в один миллион рублей была немедленно выдана его тайному агенту. Этот тайный агент полностью согласен с ним в том, что революция начнется примерно 9-22 января и что, даже если она не охватит всю страну, она сделает невозможным возврат к прежнему положению и стабильности...» (Германия и революция в России. 1915-1918. Сборник документов — М, Центрполиграф, 2013 — стр.66-67)

29 декабря 1915 года Парвус получил очередной миллион «на поддержку революционного движения в России» и в начале января 1916 года переправил деньги в Стокгольм, откуда ему было удобнее общаться с агентами, находившимися в России, и наблюдать за ходом запланированной стачки.

3 января Парвус телеграфирует представителю германского МИДа Ульриху фон Брокдорф-Ранцау (1869-1928): «Все идет как надо. Ожидаю сообщений из Петрограда.» (Земан З., Шарлау У. - Кредит на революцию — М, Центрполиграф, 2007 — 213)

Начало забастовочного движения в России в январе 1916 года стало многообещающим. 11 января забастовали более 10 000 рабочих судостроительного завода в Николаеве. Поскольку все попытки прекратить стачку оказались неудачными, адмиралтейство приказало закрыть завод.

22 января забастовали 45 000 рабочих в Петрограде.

Историки Земан и Шарлау: «Рабочие могли длительное время не ходить на работу: Гельфанд позаботился, чтобы в распоряжении забастовочных комитетов были средства, достаточные для того, чтобы ежедневно выплачивать каждому рабочему сумму, равную 3 шиллингам в рублевом эквиваленте.» (Земан З., Шарлау У. - Кредит на революцию — М, Центрполиграф, 2007 — 214).

Однако забастовщикам не удалось разжечь революцию. В столице бастовало гораздо меньше людей, чем предполагал Парвус. Рабочие Москвы и других городов продолжали работу. Парвусовская затея провалилась.

В результате этой неудачи министерство иностранных дел Германии пересмотрело свое отношение к Парвусу.

Даже когда в 1917 году встал вопрос о проезде Ленина в Россию, Парвус для решения этой задачи заручился поддержкой Генерального штаба Германии, а не своего прежнего союзника — министерства

иностранных дел. (Земан З., Шарлау У. - Кредит на революцию — М, Центрполиграф, 2007 — 236)

СОСТОЯНИЕ СНА

После провала попыток организовать всеобщую стачку и вооруженные антиправительственные выступления в 1916 году, Германия сократила до минимума финансирование русских революционеров.

В оправдание названных революционеров скажем, что у них никак не получалось бросить все силы на борьбу с Россией. По всей видимости, они сами не вполне верили в свои глобальные планы. Да еще сказывалась и характерная для марксистов бескорыстная любовь к деньгам.

Вот один из множества примеров последней: с началом войны резко возросла активность большевиков на границе Швеции и Финляндии. Среди большевистских агентов имелись и те, кто сочетал революционную деятельность с выгодными спекуляциями.

Историк Ханс Бьеркегрен: «Одним из таких был друг и особо доверенный человек Ленина Яков Фюрстенберг (Ганецкий). Этот польский большевик был исполнительным директором копенгагенской Торгово-экспортной компании, принадлежавшей... Израилю Гельфанду (Александр Парвус). С помощью своих людей из правительственных кругов Германии Гельфанд доставал разные товары (в частности, «Сальварсан» и другие медикаменты), а Фюрстенберг обеспечивал их транспортировку через Швецию и Финляндию в Россию. По тем же каналам в Россию рекой лились германские деньги для подрывной работы подпольщиков.» (Бьеркегрен Х. - Скандинавский транзит — М, Омега, 2007 — стр.193)

Отметим, что «Сальварсан» — это антисифилитик немецкого производства.

Этот самый «Сальварсан» «перекладывался пачками немецких пропагандистских подрывных прокламаций, пакетики с презервативами — письмами Ленина и других революционеров-эмигрантов». (Бьеркегрен Х. - Скандинавский транзит — М, Омега, 2007 — стр.192)

Представим себе: открываешь ящик, а там стопки прокламаций с портретом хитро прищурившегося Ленина, а вокруг кучами навалены презервативы. Согласимся — зрелище не для слабонервных!

В итоге бурной деятельности, большевистских сил, даже с германской подпиткой, оказалось совершенно недостаточно, чтобы свалить или даже серьезно поколебать Российскую Империю.

«Невзирая на тяжелую войну, на потерю западных губерний, валовый объем продукции российской экономики в 1916 году составил 121,5% по сравнению с 1913 годом! По подсчетам академика Струмилина, производственный потенциал России с 1914 до начала 1917 года выросла на 40%. Было построено 3 тысячи новых заводов и фабрик, старые расширялись и модернизировались. По выпуску орудий наша страна обогнала Англию и Францию! Он увеличился в 10 раз, выпуск снарядов — в 20 раз, винтовок в 11 раз. За годы войны было построено 5 тысяч километров железных дорог, возводился новый незамерзающий порт Романов (нынешний Мурманск).» (Шамбаров В., Чавчавадзе Е. - Лев Троцкий. Тайны мировой революции — М, Вече, 2016 — стр.68-69).

Генерал В. Ипатьев свидетельствует: «Войну мы свободно могли продолжать еще очень долгое время, потому что к январю и февралю 1917 года мы имели громадный запас взрывчатых веществ в миллионах различных снарядов и, кроме того, более миллиона пудов свободных взрывчатых веществ.» (Солоневич И.Л. - Революция, которой не было, или великая фальшивка Февраля — М, Алгоритм, 2016 — стр.75)

Собственно, о том, сколько оружия было приготовлено для продолжения Великой войны, можно судить по тому, что его запасов хватило на все годы войны Гражданской.

Что же касается наступающего 1917 года, то:

«Накануне революции (февральской — Ю.Б.) перспективы компании 1917 года были более ясными, чем те, что были в марте 1916 года на кампанию этого года... Русская пехота устала, но она была менее усталой, чем 12 месяцев назад», — вспоминал А. Нокс. Настроение армии было неплохим, ее резервы составили 1 900 000 чел., а призыв 1917 года должен был прибавить к этому еще 600 000 чел. Наиболее неблагоприятные прогнозы на кампанию 1917 года были у германского командования в отношении Восточного фронта. Особенно опасались его на том участке, где оборонялись австро-венгерские войска. Сведений о разложении русских войск немцы не имели.» (Айрапетов

О.Р. - Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию 1907-1917 — М, Модест Колеров и Издательство «Три квадрата», 2003 — стр.213)

И это, несмотря на все усилия Парвуса и большевиков. Неудивительно, что в Германии к ним почти совершенно потеряли интерес, переведя, образно говоря, в состояние «спящих агентов».

Тут же выяснилось, что состояние «сна» ленинцам противопоказано. Заниматься привычными грабежами и аферами в условиях мировой войны было невозможно. Партийные взносы от рабочего класса всегда существовали лишь в буйном воображении советских «историков», так что без посторонних денег большевики обойтись не не могли.

Это подтверждается многочисленными свидетельствами.

«В исторических публикациях неоднократно упоминалось, что с 1 декабря 1916 по 1 февраля 1917 года в кассу партии поступило 1117 рублей 50 копеек. В марте 1917 года Горький пожертвовал РСДРП 3000 рублей. У «Правды» в то время имелось всего 8000 подписчиков.» (Федоров Ю. - Немецкие деньги большевиков, или сколько стоит революция - «Русское слово» - Прага - №4, 2017)

Большевичка Е.Д. Стасова (1873-1966): «Партия старалась использовать каждую мелкую возможность и в лице своей финансовой комиссии сразу же схватывала на лету все, что подвертывалось, чтобы получить, с одной стороны, агитацию, а с другой — получить деньги в кассу. И это продолжалось до февраля 1917 года.

Вспоминаю, как в конце 1916 и в начале 1917 года распространяла, т.е. продавала, фотографию с какого-то бдения у Вырубовой (фрейлины императрицы) с участием Распутина. После убийства Распутина (16 декабря 1916 года — Ю.Б.) эта фотография была в большом ходу в либеральных кругах, и я ее продавала без конца.» (Стасова Е.Д. - Воспоминания — М, Главная редакция социально-экономической литературы, 1969 — стр.50)

Значительно ухудшилось к концу 1916 года и личное материальное положение Ленина.

Вот, к примеру, его письмо к Шляпникову от 3 октября 1916 года: «О себе лично скажу, что заработок нужен. Иначе прямо поколевать, ей-ей! Дороговизна дьявольская, а жить нечем. Надо вытащить силком деньги от издателя «Летописи», коему посланы две мои брошюры (пусть платит; тотчас и побольше!). То же - с Бончем. То же — на-

счет переводов. Если не наладить этого, то я, ей-ей, не про- держусь, это вполне серьезно, вполне, вполне.» (Ленин В.И. - ПСС, Том 49 — стр.302)

Как видим, больше никаких поездок к океану с женой и тещей, никаких вояжей в Италию.

А вот еще — ноябрь 1916-го. Ленин пишет своей сестре Марии Ильиничне в Петроград: «Если не затруднит, посылай раза 3-4 в месяц прочитанную тобой русскую газету, крепко завязывая бечевкой (а то пропадет). Я сижу без русских газет.» (Ленин В.И. - ПСС, Том 55 — стр.367).

Как видим, осведомленность Владимира Ильича о событиях в России также «на высоте».

В общем, к концу 1916 года большевистские организации в России были практически полностью разгромлены.

Одной только ночью 16 декабря было арестовано сразу 93 человека, в том числе практически весь состав Русского Бюро ЦК РСДРП(б). (Степанов Н. - Подвойский (ЖЗЛ) — М, Молодая гвардия, 1989 — стр.114-115)

Многие лидеры партии, такие, как Свердлов или Сталин, прозябали в ссылке в далеком Туруханском крае. Ленин не смел показать в России и носа. Даже обычно неунывающий, в политическом смысле, Парвус предпочел вновь вплотную заняться бизнесом.

Но был среди будущих вождей Октября и еще один персонаж, уже упоминавшийся нами «товарищ» Троцкий.

Заметим, что Лев Давидович, как ближайший соратник Парвуса, в начале Первой мировой войны работал на Австро-Венгрию, а тем самым и на Германию. Но по мере угасания интереса спецслужб Четверного Союза к фигуре Парвуса, финансовый голод стали испытывать и его подопечные — что Ленин, что Троцкий.

И если у Ленина, как мы видели, ситуация была близка к тупиковой, то Троцкий вскоре нашел новый источник финансов, сменив, по необходимости, и покровителей.

Э. Хереш: «Троцкий получил из Англии на нужды русской революции от одного финансиста, входящего в Британскую рабочую партию, кредит в «миллионном размере», как он выразился. «Революция позже добросовестно вернула эти деньги», - замечает Троцкий в своих воспоминаниях.

Через год для революционеров открывается даже сейф британского правительства. Союз с Россией? Король в родственных отношениях с царем? Все это не учитывается, когда речь идет о стратегических интересах: 5 сентября 1916 года Англия должна дать свое согласие на контроль России над Босфором.

И тут созревает план удержать Россию от ее заветной цели «изнутри» - то есть путем организованного хаоса внутри страны. Отныне заклятых врагов Англию и Германию связывает общая цель: революция в России. Ллойд Джордж и Лорд Милнер, по сообщению британской разведслужбы, выделили на это 21 миллион рублей.» (Хереш Э. - Купленная революция. Тайное дело Парвуса — М, «ОЛМА-ПРЕСС Образование», 2004 — стр.169-170).

1917 ГОД НАЧИНАЕТСЯ

Наступил 1917 год, который должен был стать финальным годом Великой войны. Тщательно подготовленное весеннее наступление на обоих фронтах должно было окончательно склонить чашу весов в пользу Антанты.

Государь Николай II в приказе по армии и флоту от 12 декабря 1916 года, объявил:

«Достижение Россией созданных войной задач, обладание Царьградом и проливом, равно как создание свободной Польши из всех трех ее, ныне разрозненных, областей еще не обеспечено.» (Антонов-Овсеенко В.А. - В семнадцатом году — М, Кучково поле, 2017 — стр.78).

Это было ответом на германские предложения — Константинополь, а не только свободный проход проливами; вся Польша, а не только прирезок из Восточной Галиции, да еще в обмен на «русские земли» до реки Нарева. (Антонов-Овсеенко В.А. - В семнадцатом году — М, Кучково поле, 2017 — стр.78)

Достижение целей, поставленных Государем перед Русской армией, вело к небывалому еще укреплению позиций Российской Империи.

Обладание проливами и Константинополем позволяло России контролировать военные и торговые пути в Средиземное море, открывало ей дорогу в Палестину, на Ближний Восток.

После достижения столь значимых целей, наступила бы очередь и внутренних реформ в государстве Российском.

В личных беседах Николай II не раз высказывал свое отношение к требованию оппозицией ответственного министерства. Наиболее типичным было такое высказывание Государя: «Сейчас это неблагоприятно отразится на фронте. А вот через три-четыре месяца, когда мы победим, когда окончится война, это будет возможно. Тогда народ примет реформу с благодарностью. Сейчас же все должно делаться только для фронта». (Спиридович А.И. - Великая война и февральская революция (1914-1917) — Минск, Харвест, 2004 — стр.459)

«Может сложиться впечатление, — пишет А.Д. Степанов, — что попытки предотвратить революции были запоздалыми. Однако если попытаться представить себе ту ситуацию изнутри, то можно смело утверждать, что Государь начал действовать своевременно, план Его действий весьма удачно вписывался в предполагаемый ход развития событий. Дело в том, что, по прогнозам военных стратегов, мировая война должна была завершиться в 1917 году капитуляцией Германии и ее союзников. Победа, несомненно, привела бы к подъему народного духа, одушевила бы общество, которое, несомненно, увязало бы ее с личностью Монарха, что привело бы к подъему монархических чувств. На этом фоне реформа государственного устройства прошла бы без сучка и задоринки.» (Мультатули П. - Николай II. Дорога на Голгофу — М, «АСТ-Астрель», 2011 — стр.29)

Однако скорое окончание войны не устраивало сразу несколько самых разнообразных сил. Во-первых, это Германия, которая была готова пойти на любые меры по собственному спасению. Во-вторых, это «оппозиция», окопавшаяся в Государственной думе, для которой победа России в войне и автоматический рост популярности Государя означали крушение собственных планов на приход к власти. И, в-третьих, это некоторые финансовые круги в союзных России странах, условно обозначим их, как «темные силы», имевшие влияние на собственные правительства и категорически не желавшие дальнейшего усиления России, становившейся, в случае победы, абсолютным гегемоном в Европе.

Не забудем, что еще в самом начале войны, летом 1914 года, главный советник президента США полковник Хауз озабоченно писал Вудро Вильсону:

«Если победят союзники, то это будет означать господство России на Европейском континенте». Но и победу немцев он считал совершенно нежелательной для Америки. Какой же вывод напрашивается? Победить должна Антанта, но.... без России.» (Шамбаров В., Чавчавадзе Е. - Лев Троцкий. Тайны мировой революции — М, Вече, 2016 — стр.57)

Ситуацию накануне февраля 1917 года, на наш взгляд, лучше всего характеризует слова русского историка и публициста Ивана Лукьяновича Солоневича (1891-1953):

«Сущность же вопроса заключается в том, что на этом отрезке исторического времени скрестились две несовместимые линии развития: безусловная необходимость для страны сменить свой правящий слой и такая же невозможность менять его во время войны и подготовке к войне. Монархия стремилась пройти это «узкое место» эволюционным путем. Не прошла.» (Солоневич И.Л. - Революция, которой не было, или великая фальшивка Февраля — М, Алгоритм, 2016 — стр.87)

Не будем углубляться в трагические события «проклятого февраля» 1917 года, по меткому определению того же Ивана Солоневича. Эта тема, как и революционные беспорядки 1904-1907 годов, послужит в дальнейшем для самостоятельных исследований.

Обратим внимание лишь на то, что зачастую отсутствует в сочинениях товарищей советских историков, а теперь и в работах некоторых господ историков либеральных.

По пунктам:

1 Первый звонок русской трагедии прозвучал 18-го февраля. Как и в 1905 году, накануне «Кровавого воскресенья», на Путиловском заводе вспыхнула забастовка. Предприятие это было не простое, а оборонное и выпускало продукцию, от наличия которой в окопах зависела жизнь или смерть русских солдат. В демократической Франции завод, работающий на оборону и забастовавший в военное время, был бы оцеплен колониальными войсками, а все зачинщики были бы быстро арестованы, преданы суду, после чего расстреляны. В «темнице народов», как нам представляют Царскую Россию, не сдвинулся с места ни один городовой.

Здесь полезно будет узнать, что А.И. Путилов (1866-1940) «был членом масонской ложи и был тесным образом связан с Бродвейским

сообществом. Его представителем на Бродвее был Дж.-М.-Г.-Грант. Членом банковского консорциума являлся А.Л. Животовский, родной дядя Л. Бронштейна (Троцкого) по материнской линии. После Февральской революции Путилов активно способствовал финансовым потокам сначала в поддержку Керенского, а затем и большевиков.» (Мультатули П.В. - Император Николай II и заговор 17-го года — М, Вече, 2013 — стр.220)

2 Непосредственным поводом к массовым бунтам послужили перебои с поставками хлеба. Несмотря на то, что «продовольствия в России было в достатке — излишек хлеба, за вычетом собственного потребления и союзных поставок в 1916 году составил 197 млн. пудов. Но именно в феврале начались перебои в поставках. Очередная смута снова начиналась по сценарию 1905 года: демонстрации, войска, жертвы. С той только разницей, что в столице в 1917-м году стояли не отборные гвардейские полки, а их запасные части.» (Стариков Н.В. - 1917: разгадка «русской» революции — М, Эксмо: Яуза, 2010 — стр.43)

И тут сама природа, казалось, выступила против России. В феврале в центральной России ударили сильные морозы до минус 43 градусов. Это привело к выходу из строя свыше 1200 паровозов, что в свою очередь и затруднило подвоз продовольствия.

М. Палеолог сообщает, что в результате исключительно жестоких морозов в январе и феврале — 57 тысяч вагонов с хлебом застряли на железнодорожных путях, - это более пяти миллионов пудов хлеба. (Солоневич И.Л. - Революция, которой не было, или великая фальшивка Февраля — М, Алгоритм, 2016 — стр.88-89)

Нельзя сбросить со счетов и такие свидетельства.

«Все в один голос повторяли, что население до крайности возбуждено недостатком продовольствия и все более увеличивающейся дороговизною в столице. Но те, кто с раннего утра лично дежурил часами в «очередях», подле магазинов и лавок с пищевыми продуктами, говорили иное и со слов лавочников и торговцев передавали такие факты, которым нельзя было не верить и выдумать которые было невозможно. Так, например, указывалось на то, что первые 10-20 человек, составлявших «очередь», были агентами Государственной Думы, скупавшими под угрозой насилия за большие деньги весь товар в магазинах и лавках, какой затем свозился в подвалы Таврического дворца или же распродавался по спекулятивным ценам другим лицам.

В связи с недостатком керосина приводились факты, когда в частных квартирах тех же агентов керосином наполнялись даже суповые чашки, стаканы и кухонная утварь. Что эти факты не были измышлены, засвидетельствовали следующие дни революции, когда тотчас после падения власти появились огромные запасы хлеба, а цены на пищевые продукты настолько понизились, что достигли почти нормальных довоенного периода: Дума приписала такое явление своей распорядительности и участию к народным нуждам, остававшимся якобы в пренебрежении у «царского» правительства.» (Жевахов Н.Д. - Воспоминания Обер-Прокурора Святейшего Синода — С-П, «Царское дело», 2014 — стр.382-383)

Подлинную ситуацию с продовольствием в Петрограде 3 марта 1917 года описал меньшевик Н. Суханов (Гиммер) (1882-1940):

«Огромные пакеты с сахаром не переводились, и мы тогда не желали знать, что значит пить чай вприкуску. Масло, сыр, колбасы, всевозможные консервы были в изобилии. И ломились столы от белого хлеба, самого, кажется, вожделенного продукта для северян 1918 и 1919 годов.

Обеды потом были также на славу. На второе давали всевозможные каши со сливочным маслом... На какие средства готовились эти обеды, хорошенько не знаю: за них никто ничего не платил. А готовились их многие сотни, вернее же тысячи, для всех бесчисленных обитателей Таврического дворца — членов Исполнительного Комитета, сотрудников, бесконечных депутаций, караула, всяких частей и т.д. Вообще, достаточно было попасть в Тавричекий дворец, чтобы всем, кому вздумается, уйти оттуда сытым по горло.» (Суханов Н.Н. - Записки о революции — Том 1 — М, Политиздат, 1991 — стр.188)

Как видим, продовольствие в Петрограде все-таки было. Просто было доступно не для всех и не во всякий момент времени.

3 Царя часто упрекают в том, что он покинул Петроград 22 февраля в самый ответственный момент. Но основания для отъезда у Русского Монарха были веские: Он командовал вооруженными силами страны и должен был быть в Ставке.

К тому же, еще вечером 21 февраля Император Николай II объяснил дворцовому коменданту Воейкову, что «на днях из Крыма вернулся генерал Алексеев, желающий с ним повидаться и переговорить по некоторым вопросам». Из слов Воейкова можно понять, что причина поспешного отъезда Николая II в Ставку заключалась в том, что

генерал Алексеев настаивал на немедленном разговоре с ним. (Мультатули П.В. - Император Николай II и заговор 17-го года — М, Вече, 2013 год — стр.208)

Для справки: Михаил Васильевич Алексеев (1857-1918) — генерал, с августа 1915 года начальник Штаба Верховного главнокомандующего. Выступил за отречение Императора Николая II. После октябрьского переворота — один из создателей Белой Добровольческой армии.

«22 февраля, в тот же день, когда Император Николай II отбыл в Ставку, в доме командира 1-й стрелковой дивизии генерал-майора П.А. фон Коцебу, в присутствии множества гостей офицеров, открыто говорили, что «его величество больше не вернется со Ставки».» (Мультатули П.В. - Император Николай II и заговор 17-го года — М, Вече, 2013 год — стр.212)

А тот же Родзянко пишет, что в начале января 1917 года с фронта в Петроград приехал генерал Крымов с просьбой дать ему возможность неофициальным образом осветить членам Думы настроения в армии. Свой доклад, который не преминули выслушать «многие из депутатов», во главе с самим Родзянко, Крымов закончил так: «Настроение в армии такое, что все с радостью будут приветствовать известие о перевороте... Если вы решитесь на эту крайнюю меру, то мы вас поддержим.» (Родзянко М.В. - Крушение Империи — Харьков, Интербук, 1990 — стр.200).

Перечисленное — лишь ничтожная часть имеющихся доказательств того, что в феврале 1917 года к заговору против Государя Николая II примкнула и часть высшего генералитета.

Характерно, что уже после того, как Государь Николай II был отстранен от власти, были три военачальника Российской Императорской армии, которые отказались присягать Временному правительству: это будущий президент Финляндии, ее защитник от красной агрессии генерал-адьютант барон Карл Густав Эмиль Маннергейм (1867-1951); генерал от кавалерии, «первая шашка России», граф Федор Артурович Келлер (1857-1918) и генерал от кавалерии Гусейн Хан Нахичеванский (1863-1919).

Историк В. Акунов: «Сразу же после февральского переворота 1917 года Маннергейм потребовал от других русских военачальников

(в том числе от будущих вождей Белого движения) восстать против узурпаторов-предателей Отечества. Но русские военачальники в массе своей колебались...» (Акунов В. - За Белое дело. Россия-Германия — М, 2019 — стр.15)

И еще, к слову: с самого начала Гражданской войны в России и по самый день смерти барона Маннергейма в его Ставке стояла фотография Царя-Мученика Николая II, подаренная и подписанная самим Царственным Страстотерпцем. А свой военный Орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия генерал и президент Карл Густав Эмиль Маннергейм до конца жизни ценил выше всех своих других многочисленных орденов. (Акунов В. - За Белое дело. Россия-Германия — М, 2019 — стр.15-16).

4 Императора упрекают в том, что он не применил жесткую силу.

Хороший ответ на это дает П. Мультатули: «Государь не применял репрессий к оппозиции, так как полагал, что эти меры только ускорят нарастание противостояние в обществе, опасного накануне большого наступления на фронте. В силу своих нравственных убеждений Император Николай II думал, что оппозиция, какой бы радикальной она не была, не сможет пойти на государственный переворот во время тяжелой войны.» (Мультатули П.В. - Император Николай II и заговор 17-го года — М, Вече, 2013 год — стр.194)

Одним из важнейших факторов, призванных обеспечить победу в войне, Государь Николай II считал «Священное единение» между властью и обществом. Поэтому Он шел навстречу оппозиции, вплоть до готовности привлечения ее представителей в состав правительства. Царь до конца был против роспуска Государственной Думы. Но несмотря на то, что Император был готов идти на большие компромиссы с оппозицией, он не собирался перед ней капитулировать.

А вот это категорически не устраивало заговорщиков.

И, наконец, пункт 5 — участие в февральском перевороте иностранцев.

Есть версия, что главным постановщиком бунта стал бывший колониальный администратор и военный министр Великобритании лорд А. Мильнер (1854-1925), прибывший в Петроград на межсоюзническую конференцию, которая шла в Петрограде с 19 января по 8 февраля, и в которой участвовали представители России, Великобритании, Франции и Италии. Причем, поскольку все военные планы

были согласованы раньше, работа конференции носила уточняющий характер.

Генерал А.И. Спиридович предвкушал: «Весной предстояло общее наступление союзников на всех фронтах. Наконец будет покончено с «дерзким врагом», как мечтал государь. Сербия, Бельгия будут вознаграждены. Франция получит свои земли. Россия — проливы, Царьград. Мечта была близка к осуществлению.» (Спиридович А.И. - Великая война и февральская революция (1914-1917) — Минск, Харвест, 2004 — стр.467)

Однако не все было так просто. Прибывший в Петроград Мильнер привез некий ультиматум Императору Николаю II. И помимо участия в конференции, по всей видимости, британский лорд одновременно проверил готовность к перевороту, дал последние указания. В распоряжении Мильнера имелись огромные суммы денег. И по его инструкциям начал действовать британский посол Дж. Бьюкенен (1854-1924).

Во время своего визита, кроме посла Бьюкенена, Мильнер встретился с председателем Государственной Думы М.В. Родзянко, председателем Военно-промышленного комитета Думы А.И. Гучковым (1862-1936), председателем Всероссийского земского союза князем Г.Е. Львовым (1861-1925), генералом А.А. Поливановым (1855-1920), отметившимся позднее службой в РККА (советской Рабоче-крестьянской Красной армии), бывшим министром иностранных дел С.Д. Сазоновым (1860-1927), лидером партии кадетов П.Н. Милюковым (1859-1943). В результате Царю были предъявлены следующие требования:

«1. Введение в Штаб Верховного Главнокомандования союзных представителей с правом решающего голоса.

2. Обновление командного состава армии в согласовании с державами Антанты.

3. Введение ответственного министерства.

На эти требования Император ответил отказом по пунктам.

По пункту 1: «Излишне введение союзных представительств, ибо Своих представителей в союзные армии, с правом решающего голоса вводить не предполагаю».

По пункту 2: «Тоже излишне. Мои армии сражаются с большим успехом, чем армии Моих союзников».

По пункту 3: «Акт внутреннего управления подлежит усмотрению Монарха и не требует указаний союзников».» (Мультатули П. - Николай II. Дорога на Голгофу — М, «АСТ-Астрель», 2011 — стр.24)

После возвращения Милнера в Лондон и поданного им отчета, премьер-министр Великобритании Д. Ллойд-Джордж сделал следующий вывод:

«Вожди армии фактически уже решили свергнуть царя. По-видимому все генералы были участниками заговора. Начальник штаба генерал Алексеев был безусловно одним из заговорщиков. Генералы Рузский, Иванов и Брусилов также симпатизировали заговору».» (Айрапетов О.Р. - Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию 1907-1917 — М, Модест Колеров и Издательство «Три квадрата», 2003 — стр.224)

Британский дипломат и разведчик Б. Локкарт (1887-1970), бывший в постоянном контакте с князем Г.Е. Львовым, в своем донесении от 25 декабря 1916 года передал в Лондон слова Георгия Евгеньевича: «Император не изменится. Нам надо менять Императора.» (Мультатули П. - Николай II. Дорога на голгофу — М, «АСТ-Астрель», 2011 — стр.24)

Британский же посол Дж. Бьюкенен пишет о подготовке февральского переворота в Петербурге более деликатно: «Один мой русский друг, который был впоследствии членом Временного правительства, известил меня через полковника Торнхилла, помощника нашего военного атташе, что перед Пасхой должна произойти революция, но что мне нечего беспокоиться, так как она продлится не больше двух недель.» (Бьюкенен Д. - Моя миссия в России — М, ПРОЗАиК, 2018 — стр.191)

Подобным образом высказывается и представитель британской военной разведки в Петрограде полковник Самюэль Хор, сообщавший 20 января 1917 года в Лондон: «Дума или армия могут провозгласить Временное правительство. Я сам не думаю, что это произойдет, хотя эти события гораздо ближе, чем можно себе представить.» (Айрапетов О.Р. - Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию 1907-1917 — М, Модест Колеров и Издательство «Три квадрата», 2003 — стр.177)

О ФАЛЬШИВКЕ ФЕВРАЛЯ

Что касается Германии, то активное участие ее спецслужб в февральских событиях в Петрограде не установлено. Однако это не означало отсутствие информации о происходящем.

Например, 23 февраля, на следующий день после отъезда Государя в Ставку, на улицы Петрограда вышли более 80 000 бастующих.

В тот же день немецкий посланник Люциус фон Штредтен сообщает из Стокгольма в Берлин: «Я наслышан об одном важном человеке из лагеря Антанты, который только что вернулся сюда из Санкт-Петербурга, потому что там предстоит внутриполитический переворот. События большой важности ожидаются уже в этом месяце». (Хереш Э. - Купленная революция. Тайное дело Парвуса — М, ОЛМА-ПРЕСС образование, 2004 — стр.228)

24 февраля бастует уже 197 000 рабочих, а в Берлин приходит еще одно сообщение:

«Революционное движение радостно продвигается. Запланировано весной объявить правительство недееспособным и создать из революционных союзов Временное правительство...» (Хереш Э. - Купленная революция. Тайное дело Парвуса — М, ОЛМА-ПРЕСС образование, 2004 — стр.228)

В тот же день, 24 февраля в газетах было помещено официальное сообщение: «хлеб есть», в котором объяснялось, что запасы муки вполне достаточны. К тому же военное ведомство выделило для нужд гражданского населения часть интендантских запасов. Недостаток хлеба был, таким образом, устранен. (Ольденбург С.С. - Царствование Императора Николая II — Т 2 — Мюнхен, Издание Общества Распространения Русской Национальной и Патриотической Литературы, 1949 — стр.237-238)

Но вот характерное свидетельство Татьяны Боткиной (1899-1986), дочери доктора Евгения Сергеевича Боткина (1865-1918), которого расстреляют большевики вместе с Царской Семьей:

«Рабочие бастовали, ходили толпами по улицам, ломали трамваи и фонарные столбы, убивали городовых. Причины этих беспорядков никому не были ясны; пойманных забастовщиков усердно допрашивали, почему они начали всю эту переделку.

- А мы сами не знаем, — были ответы, — нам надавали трешниц и говорят: бей трамваи и городовых, ну мы и били.» (Стариков Н.В.

- 1917: разгадка «русской» революции — М, Эксмо: Яуза, 2010 — стр.16)

Как видим, хлеб уже никого не интересует, а «революционное движение радостно продвигается». 25 февраля по правительственным сведениям бастовало уже 240 тысяч человек.

Дальнейшее известно.

1-го марта 1917 года Императорский поезд, следовавший из Могилева, где располагалась Ставка, в Петроград, был задержан на станции Малая Вишера. Затем поезд проследовал в Псков, где находилось командование Северного фронта во главе с одним из заговорщиков — генералом Н.В. Рузским (1854-1918).

Именно Рузский, в котором Государь стремился найти опору, первым начал разговор о необходимости отречения Императора Николая II.

2 марта в 3 часа дня, из Петрограда выехали депутаты Думы А.И. Гучков и В.В. Шульгин (1878-1976), также принадлежавшие к числу заговорщиков. Они прибыли в Псков в 21.45 часов вечера того же дня. После короткого приветствия, комиссары отправились в штаб, где провели 20-ти минутную беседу по телеграфу с генералом Алексеевым, пребывавшим в Ставке. Государь все это время находился в поезде матери — вдовствующей Императрицы Марии Федоровны. Именно там генерал Алексеев сообщил Николаю Александровичу постановление Временного правительства о его аресте.

Весь смысл поездки Гучкова и Шульгина заключался в том, чтобы создать видимость «отречения» Николая II при представителях нового правительства.

Скажем сразу, что не будем подробно останавливаться на якобы имевшем место «отречении» Николая II, так как этот вопрос нуждается в дополнительном глубоком исследовании, не входящим в нашу текущую задачу. Повторим лишь, что, согласно официальной версии, в 23 часа 40 минут 2 (15) марта 1917 года Император Николай II передал Гучкову и Шульгину некий документ, известный, как «Акт об отречении».

Шульгин: «Мы вышли из вагона. На путях, освященных голубыми фонарями, стояла толпа людей. Они все знали и все понимали... Когда мы вышли, нас окружили, и эти люди наперебой старались пробиться к нам и спрашивали: «Что? Как?» Меня поразило то, что они

были такие тихие, шепчущие. Они говорили так, как будто в комнате тяжелобольного, умирающего...

Им надо было дать ответ. Ответ дал Гучков. Очень волнуясь, он сказал:

- Русские люди... Обнажите головы, перекреститесь, помолитесь Богу... Государь Император ради спасения России снял с себя... свое царское служение. Царь подписал отречение от престола. Россия вступает на новый путь... Будем просить Бога, чтобы он был милостив к нам...

Толпа снимала шапки и крестилась... И было страшно тихо.» (Шульгин В.В. - Дни/1920 — М, Современник, 1989 — стр.260)

Поведение Николая II удивительно точно повторяет евангельские события. Об этом прямо пишет С. Позднышев: «На Гучкова с ненавистью смотрел стоявший у дверей молодой офицер лейб-гвардии Московского полка. Вот он схватил шашку, может быть сейчас блеснет сталь. Государь заметил движение руки, быстро сказал: «Соловьев, успокойся, выйди в соседнее помещение. Я не хочу ничьей крови...». Как будто в глубине двух тысячелетий возникла другая картина, и ветер веков донес из тьмы Гефсиманского сада: «Петр, вложи меч твой».» (Мультатули П. - Николай II. Дорога на голгофу — М, «АСТ-Астрель», 2011 — стр.55)

А вот какая реакция на переворот в Петрограде царила среди союзников.

Согласно донесениям дипломатов, в правящих кругах Англии радость по поводу революции «была даже неприличной». Ллойд Джордж, узнав об отречении царя, воскликнул: «Одна из целей войны достигнута!».» (Шамбаров В. - Нашествие чужих: заговор против Империи — М, Алгоритм, 2008 — стр.171)

США поспешили официально признать новую российскую власть уже 22 марта. А 24 марта последовало признание со стороны Англии, Франции и Италии.

2 апреля 1917 года президент США Вильсон в своей речи перед конгрессом заявил о «чудесных, согревающих сердце событиях», «происшедших в России за последние недели и свергнувших самодержавие...» (Хереш Э. - Купленная революция. Тайное дело Парвуса — М, ОЛМА-ПРЕСС образование, 2004 — стр.238)

Британский посол в Париже лорд Берти, узнав о государственном перевороте в Петрограде, записал в своем дневнике:

«Нет больше России. Она распалась, и исчез идол в лице императора и религии, который связывал разные нации православной веры. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на Востоке, т.е. Финляндии, Польши, Украины и т.д., сколько бы их удалось сфабриковать, то, по мне, остальное может убираться к черту и вариться в собственном соку.» (Бьюкенен Д. - Моя миссия в России — М, ПРОЗАиК, 2018 — стр.19)

И еще. Тем, кто упрекает Русского Государя в том, что Он «не заметил заговора и готовящегося переворота», ответим, по обыкновению, меткими словами Ивана Солоневича:

«Кинжал Брута не мог предусмотреть даже Цезарь. Святой Елены не предусмотрел Наполеон. А были - «великие люди».» (Солоневич И.Л. - Революция, которой не было, или великая фальшивка Февраля — М, Алгоритм, 2016 — стр.108)

Подводя итог вышеизложенному, приведем слова члена Государственной Думы и министра иностранных дел в первом составе Временного правительства П.Н. Милюкова:

«Как бы то ни было, откуда бы ни шли директивы, извне или изнутри, из объективных фактов с бесспорностью вытекает, что подготовка к революционной вспышке весьма деятельно велась — особенно с начала 1917 г. — в рабочей среде и в казармах Петроградского гарнизона. Застрельщиками должны были выступить рабочие. Внешним поводом для выступления рабочих на улицу был намечен день предполагавшегося открытия Государственной думы, 14 февраля. Подойдя процессией к Государственной думе, рабочие должны были выставить определенные требования, в том числе и требования ответственного министерства.» (Милюков П.Н. - История второй Русской революции — С-Пб, Питер, 2014 — 38)

Еще дальше идет в своих «Письмах из далека» Ленин:

«Весь ход событий февральско-мартовской революции показывает ясно, что английское и французское посольства с их агентами и «связями», давно делавшие самые отчаянные усилия, чтобы помешать «сепаратным» соглашениям и сепаратному миру Николая Второго с Вильгельмом II, непосредственно организовали заговор вместе с октябристами и кадетами, вместе с частью генералитета и офицер-

ского состава армии и петербургского гарнизона особенно для смещения Николая Романова.» (Ленин В.И. - ПСС, Том 31 — стр.16)

Насчет «сепаратного мира» Ильич, конечно, приврал для красного словца. Как мы имели возможность убедиться, ни о каких переговорах, предполагавших нарушение Россией обязательств перед союзниками, на уровне Государя никогда не шло и речи. Но относительно заговора Ленин сказал правду.

И раз уж речь зашла о большевиках, то мы должны констатировать, что это была единственная политическая сила, которая, вопреки более поздним балладам советских «историков» и пропагандистов, в феврале 1917 года была совершенно непричастна к перевороту.

В качестве доказательства выслушаем показания самих большевиков, оказавшихся, как мы помним, в конце 1916 года в весьма плачевной финансовой ситуации.

Начнем с того, что Ленин в своем докладе о революции 1905 года, произнесенного 9 (22) января 1917 года на собрании швейцарской рабочей молодежи, сказал следующее:

«Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции». (Ленин В.И. - ПСС, Т. 30 — стр. 328)

Но как же все-таки этот мощный «старик» узнал о случившейся в России революции? Поразительно, но из швейцарских газет.

Жена Владимира Ильича Н. Крупская (1869-1939) вспоминала:

«Однажды, когда Ильич уже собрался после обеда уходить в библиотеку, а я кончила убирать посуду, пришел Бронский со словами: «Вы ничего не знаете?» — и он рассказал нам, что было в вышедших экстренным выпуском телеграммах. Когда ушел Бронский, мы пошли к озеру; тем на берегу под навесом вывешивались все газеты тотчас по выходе.» (В годы подполья — М, Издательство политической литературы, 1964 — стр.19)

Сам Ленин подтверждает слова супруги. Вот дословно первое упоминание Ильича о Февральской революции — из письма Инессе Арманд (1874-1920): «Мы сегодня в Цюрихе в ажитации: от 15.III есть телеграмма в «Zurcher Post» и в «Neue Zurcher Zeitung», что в России 14.III победила революция в Питере после 3-х дневной борьбы, что у власти 12 членов Думы, а министры все арестованы». Недоверчивый вождь революции добавил: «Коли не врут немцы, так правда».» (Ленин В.И. - ПСС, Том 49 — стр. 399)

А вот как весть о перевороте в Петрограде дошла до В. Антонова-Овсеенко (1883-1938), с его собственных слов:

«Вдруг вбегает... Кто — не помню... К нашему столику...

- В России — революция!.. Да, да! Царь отрекся... в пользу Михаила... Образовалось Временное правительство во главе со Львовым...» (Антонов-Овсеенко В.А. - В семнадцатом году — М, Кучково поле, 2017 — стр.81)

Еще один свидетель, видная большевичка Александра Коллонтай (1872-1952), пребывавшая на тот момент в Норвегии:

«Я возвращалась из города Хольменколлен. Думала купить газету, но не успела. Только что села в вагон, гляжу, на первой странице газеты у моего соседа крупными буквами написано: РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ. Сердце задрожало. Сразу почему-то поверилось: это не... блеф, это — серьезно.» (Бьеркегрен Х. - Скандинавский транзит — М, Омега, 2007 — стр.308)

А Лев Давидович Троцкий, не имевший, правда, на тот момент ничего общего с большевиками-ленинцами, заброшенный волею революционных судеб в далекие США, в день отречения Русского Императора дал интервью газете «Нью-Йорк Таймс».

«- Пришла телеграмма о том, что в Петербурге министерство Гучкова — Милюкова. Что это значит?

- Что завтра будет министерство Милюкова — Керенского.

- Вот как! А потом?

- А потом — потом будем мы.» (Шамбаров В., Чавчавадзе Е. - Лев Троцкий. Тайны мировой революции — М, Вече, 2016 — стр.101)

Но все это пламенные революционеры, отдыхавшие душой за границей. А как в России? А вот, пожалуйста, — место, где отбывали заслуженное наказание «товарищи» Свердлов и Сталин:

«В начале марта в Монастырское пришло известие о Февральской революции: царское самодержавие свергнуто! Ссылка была потрясена...» (Бычкова А.Н. - Рядом с товарищем Андреем — Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 1977 — стр.79)

Несмотря на то, что, как мы видим, никто из видных большевиков даже не догадывался о перевороте в Петрограде, это не помешало красным «историкам» позднее с самым серьезным видом заявлять, например, следующее:

«Февральско-мартовская победа над царизмом, подготовленная всей предшествующей работой партии, являлась победой большевист-

ской стратегии и тактики». (Протоколы седьмой (апрельской) конференции РСДРП(б) — М, Партийное издательство, 1934 — стр.III)

И в заключение разговора о «проклятом феврале», еще раз подчеркнем, что все глобальные потрясения в Российской Империи происходили только и исключительно во время войн. Так было с бунтами, начавшимися во время Русско-японской войны в 1905 году, так произошло с заговором против Самодержца в феврале 1917-го, так будет и во время переворота в октябре все того же 1917 года — проклятого года Великой войны.

СТЕРВЯТНИКИ СЛЕТАЮТСЯ

Февральский переворот в России кардинально изменил ситуацию. Победившая «оппозиция» сформировала Временное правительство во главе с Г.Е. Львовым, сумевшее получить поддержку Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. При этом, например, такой немаловажный персонаж российской истории начала XX века, как А.Ф. Керенский участвовал и в первом и во втором учреждении, будучи в правительстве — министром юстиции, а в Совете — товарищем (заместителем) председателя Исполнительного комитета Н.С. Чхеидзе. Карьера Александра Федоровича, как мы увидим далее, имела весьма важное, чуть ли не решающее, значение для дальнейшего развития событий.

Для справки: Николай (Карло) Семенович Чхеидзе (1864-1926) — политический деятель России и Грузии, с 1898 года в РСДРП, с 1903 — меньшевик, Участник революции 1905 года, депутат III и IV Государственной Думы, член масонской ложи Великий Восток народов России.

Поддержку Временному правительству оказывали союзники, осознавшие, что война еще не выиграна. Однако эта поддержка имела некое условие.

А.Ф. Керенский признал, что «революция сразу как бы исключила из круга полноправных членов Антанты Россию». (Керенский А. - Потерянная Россия — М, Вагриус, 2007 — стр.135)

И он же в который раз проговорился о побудительных мотивах союзников поддержать революционные изменения, которые принес февральский переворот и новое правительство:

«Особенно одобряли Париж и Лондон наш отказ от Константинополя. Ибо сама «военная» необходимость уступить его России весьма раздражала Париж и очень не нравилась Лондону.» (Керенский А.Ф — Потерянная Россия — М, Вагриус, 2007 — стр.139)

Показательно, кстати, что один из заговорщиков — устроителей переворота, П.Н. Милюков, ставший было министром иностранных дел в первом составе Временного правительства, стоило ему в апреле 1917 года заговорить о войне до победного конца и упомянуть, в этой связи, о необходимости передачи России пресловутых проливов, тут же получил от коллег презрительное прозвище «Милюков-Дарданельский», и был вынужден уйти в отставку.

О целях деятельности английской разведки в России в 1917 году свидетельствует известный писатель и, одновременно, агент указанной организации, Сомерсет Моэм (1874-1965):

«Наши профессиональные эксперты секретной службы мобилизовались по большей части из рядов беллетристов, уже имевших некоторый успех. Мне была вручена огромная сумма денег, наполовину английских, наполовину американских... Я должен был помогать меньшевикам в покупке оружия и подкупать печать, чтобы держать Россию в войне.» (Берберова Н. Н. - Железная женщина — М, «Книжная палата», 1991 — стр.29)

Но самым интересным и значимым стало поведение в новых российских условиях Германии.

2 марта 1917 года, в тот же день, когда Император II был отстранен от власти, в Стокгольм поступает «указание №7443 Германского имперского банка: «Вы сим извещаетесь, что из Финляндии будут поступать требования на денежные средства на пропаганду мира в России. Требования будут исходить от следующих лиц: Ленина, Зиновьева, Каменева, Троцкого, Суменсон, Козловского, Коллонтай, Сиверса или Меркалина. Для этих лиц открыты текущие счета в отделениях частных германских банков в Швеции, Норвегии и Швейцарии в соответствии с нашим приказом №2754. Эти требования должны быть снабжены одной или двумя из следующих подписей: «Диршау» или «Милькенберг». Требования, завизированные одним из вышеупомянутых лиц, должны быть исполняемы без промедле-

ния».» (Хереш Э. - Купленная революция. Тайное дело Парвуса — М, 2004 — стр.229)

Это означало, что «господин-товарищ» Парвус приступил к активации своих «спящих агентов».

Вообще, на первый взгляд, главный противник России в войне, казалось бы, ничего не выиграл от Февральской революции — ведь русские войска продолжали удерживать Восточный фронт.

Однако очень быстро Русская армия стала утрачивать прежнюю боеспособность — этому способствовало резкое падение дисциплины, вызванное новыми «послеимперскими» порядками.

Но, что гораздо более важно, в условиях ослабления центральной государственной власти вновь стал актуальным «проект» Парвуса, который в 1917 году жил в нейтральном Копенгагене, совмещая разведывательную деятельность с руководством торговой компанией.

Р. Пайпс: «Он убедил посла Германии в Дании, графа У. Брокдорф-Рантцау, что, если дать свободу действий антивоенно настроенным левым, они разовьют такую анархию, что через два или три месяца Россия сама будет вынуждена выйти из войны. Парвус привлек особое внимание посла к Ленину, как к «гораздо более буйно помешанному», чем Керенский или Чхеидзе. Со сверхъестественной проницательностью Парвус предсказал, что как только Ленин вернется в Россию, он свергнет Временное правительство, захватит власть в стране и безотлагательно заключит сепаратный мир.» (Пайпс Р. - Русская революция — Том 2 — М, РОССПЭН, 1994 — стр.61)

Однако осуществлению плана мешала некая техническая сложность — Ленин, как и большинство его наиболее «буйно помешанных» последователей, находились за границей, по большей части в Швейцарии. Быстро добраться откуда до территории России было решительно невозможно. Непреодолимым препятствием, не говоря уже о самой линии фронта, служила территория вражеских стран — Германии и Австро-Венгрии.

И эта проблема была решена с помощью Парвуса.

Приведем свидетельство видного большевика, советского дипломата — Максима Максимовича Литвинова (наст. имя Меер-Генох Моисеевич Валлах) (1876-1951), на эту тему:

«Не может быть сомнения в том, что именно Парвус (Гельфанд) подал Людендорфу идею дать разрешение на проезд Ильича через Германию.» (Арутюнов А. - Ленин. Досье без ретуши — Том 1 — М, Вече, 2002 — стр.96)

А вот свидетельство самого генерала Эриха Людендорфа (1865-1937), выполнявшего функции начальника штаба при фактическом главнокомандующем германской армией фельдмаршале Пауле фон Гинденбурге (1847-1934) :

«Помогая Ленину проехать в Россию, наше правительство приняло на себя особую ответственность. С военной точки зрения это предприятие было оправданным. Россию нужно было повалить.» (Соколов Б.В. - Любовь вождя — М, «АСТ-ПРЕСС КНИГА», 2004 — стр.187)

Кстати, поясним, каким образом Ленин попал в Швейцарию.

Вскоре после начала Первой мировой войны, 8 августа 1914 года Ленин и Зиновьев, как подданные враждебного государства, были арестованы австрийской полицией по подозрению в шпионаже.

«За них немедленно вступились влиятельные лица из австрийских и польских социалистических кругов, в числе прочих — Яков Ганецкий (известный так же как Фюрстенберг), служащий предприятия Парвуса и близкий соратник Ленина. Пятью днями позже губернатор Галиции получил во Львове телеграмму из Вены, в которой ему рекомендовали не задерживать Ленина, поскольку он был «врагом царизма». 19 августа военный прокурор Кракова телеграфировал в суд города Новы Тарг, где Ленин содержался под арестом, приказывая немедленно его освободить. 1 сентября Ленин, Крупская и ее мать выехали по пропуску, полученному от австрийской полиции, из Вены в Швейцарию на австрийском военном почтовом поезде - необычном для простых подданных враждебной страны виде транспорта. Зиновьев с женой последовали за ними через две недели.» (Пайпс Р. - Русская революция — Том II – М, РОССПЭН, 1994 — стр.47)

Паролем для беспрепятственного въезда трех российских подданных в швейцарскую столицу послужило упоминание Лениным имени... «социал-шовиниста», «агента швейцарского буржуазного правительства» Германа Грейлиха. (Арутюнов А. - Ленин. Досье без ретуши — Том 1 — М, Вече, 2002 — стр.79)

Приведенные «ярлыки» навешаны на Грейлиха самим Лениным.

Вот письмо Ленина Виктору Адлеру от 5 сентября 1914 года, в котором содержится приведенный выше факт:

«Уважаемый товарищ! Благополучно прибыл со всем семейством в Цюрих. Legitimationen (документы — Ю.Б.) требовали только в Инсбруке и Фельдкирхе: Ваша помощь, таким образом, была для меня очень полезна. Для въезда в Швейцарию требуют паспорта, но меня впустили без паспорта, когда я назвал Грейлиха. Наилучшие приветы и наилучшая благодарность.

С партийным приветом.

Ленин (В. Ульянов)».» (Арутюнов А. - Ленин. Досье без ретуши — Том 1 — М, Вече, 2002 — стр.79)

Кстати, упомянутый Ильичем Виктор Адлер (1852-1918), один из лидеров австрийской социал-демократии, отметился, как мы помним, своей разноплановой помощью Парвусу и Троцкому еще в 1905 году.

Теперь собственно о путешествии бригады Ильича из Цюриха в Петроград.

Поездка 32-х революционеров, во главе с Лениным, началась 9 апреля 1917 года из щвейцарского Цюриха, причем на перроне собралась толпа русских эмигрантов, бурно протестовавших против поездки — ленинские пожелания поражения России в войне, не являлись секретом. Дело едва не дошло до потасовки. Однако «молодые швейцарцы — друзья Платтена и железнодорожные служащие быстро вытолкали бузотеров с перрона.» (Логинов В. - Неизвестный Ленин — М, Алгоритм, 2010 — стр.68)

Для справки: Фридрих (Фриц) Платтен (1883-1942) — швейцарский деятель международного коммунистического движения. Участник Циммервальдской и Кинтальской конференций, примкнул к «Циммервальдской левой». Летом 1923 года, вместе с семьей, приехал в Советскую Россию. В 1937 году арестован, погиб в ГУЛАГе в 1942 году. Место захоронения неизвестно.

На пограничной станции Готтмадинген странствующие авантюристы пересели в немецкий поезд, состоявший из двух вагонов. В одном ехали революционеры, во втором — германское сопровождающие.

Первым выходить во время остановок категорически запрещалось, отсюда и пошла легенда о том, что вагон был опломбирован.

На территории Германии ленинский вагон сопровождали офицеры разведки германского Генштаба. Вот что писал их командир полковник Вальтер Николаи:

«Я не знал в то время, как и всякий другой, ничего о большевизме, а о Ленине мне было только известно, что живет в Швейцарии как политический эмигрант «Ульянов», который доставляет ценные сведения моей службе о положении в царской России, против которой он боролся.» (Арутюнов А. - Ленин. Досье без ретуши — Том 1 — М, Вече, 2002 — стр.88)

Проехав по территории Германии через Штутгарт и Франкфурт, Ленин с компанией прибыли к полудню 11 апреля в Берлин. Там, облепленный немецкой охраной, поезд простоял 20 часов, и лишь 12 апреля отправился в балтийский порт Засниц. (Пайпс Р. - Русская революция — Том 2 — М, РОССПЭН, 1994 — стр.63)

Во время длительной остановки в Берлине «революционный» вагон посещали люди, которых немецкая охрана безоговорочно пропустила, видимо, шли какие-то переговоры. О чем именно остается загадкой, известно лишь, что свои «Апрельские тезисы», с резкой критикой войны и ключевым лозунгом «никакой поддержки Временному правительству», Ленин породил именно после этой остановки в столице Германии.

На берегу Балтийского моря история собственно «пломбированного вагона» заканчивается, так как далее Ленин с компанией погрузились на шведский пароход «Королева Виктория», на котором и прибыли порт Треллеборг. Затем вновь по железной дороге, через Мальме, в столицу Швеции.

Когда в 10 часов утра поезд прибыл в Стокгольм на Центральный вокзал, его встречали шведские социал-демократы: бургомистр Карл Линдхаген, депутат риксдага (шведского парламента), писатель Фредерик Стрем, русские большевики и множество корреспондентов и фоторепортеров. (Логинов В. - Неизвестный Ленин — М, Алгоритм, 2010 — стр.75)

«Среди прочих там их уже ожидал Парвус. Он стал добиваться встречи с Лениным, но осторожный вождь большевиков отказался от этой чести в пользу Радека, который был австрийским подданным и не мог быть обвинен в государственной измене. Радек провел с Пар-

вусом большую часть дня 31 марта (13 апреля). Что происходило между ними, неизвестно. Расставшись с Радеком, Парвус немедленно выехал в Берлин. 20 апреля (нового стиля) состоялась его неофициальная встреча с Государственным секретарем Германии Артуром Циммерманом... В свете последовавших за тем событий можно смело утверждать, что Парвус выработал с Радеком условия и технику финансирования деятельности большевиков в России и представлял на этих переговорах интересы правительства Германии.» (Пайпс Р. - Русская революция — Том 2 — М, РОССПЭН, 1994 — стр.63)

В Стокгольме Ленин и все его спутники получили в русском генеральном консульстве групповую въездную визу для проезда в Россию. Между тем в консульстве знали, каким путем приехала эта группа, но документы выдали. Именно Временное правительство оплатило билеты от Стокгольма до России для своих «противников» и ниспровергателей. Эти билеты Ленину вручили в том же российском дипломатическом представительстве.

То, что в России прекрасно знали о передвижении Ленина с подельниками, свидетельствует начальник контрразведки Петроградского военного округа Борис Владимирович Никитин (1883-1943), который так описывает происходившее:

«В последних числах марта ко мне приезжает сильно озабоченный Alley. Он привозит список предателей в 30 человек, во главе которых стоит Ленин, предупреждает, что их пропустила Германия и что они примерно дней через пять прибудут к нашей границе. Он хорошо знает, что вопросы о визах меня не касаются, а проходят только через Главное управление Генерального штаба, но выражает сомнение, что последнее в силах воспрепятствовать въезду этих эмигрантов.

Беру список, обхожу три инстанции. Подаю рапорт с протестом Главнокомандующему. Корнилов сам увозит его Временному правительству....

Дня через два из всех инстанций получаю всем хорошо известный, одинаковый ответ: по требованию Исполнительного комитета Совета солд. и раб. депутатов, приказано и этим 30 эмигрантам не препятствовать к свободному въезду в Россию.» (Никитин Б.В. - Роковые годы — М, АЙРИС-ПРЕСС, 2007 — стр.89).

Из Стокгольма, снова по морю, компания большевистских эмигрантов отправилась в Финляндию, которая, напомним, входила в со-

став Российской державы. Там они сели уже в российский поезд, на котором и добрались до конечного пункта своего путешествия. Таким образом, весь переезд Ленина в Россию прочно связан с «пломбированным вагоном» лишь потому, что проезд через воюющую Германию был наиболее опасным отрезком пути, и наиболее ясно демонстрировал связи большевиков с германским правительством.

16 апреля заезжие революционеры прибыли на Финляндский вокзал. Их ждал торжественный прием. Почетный караул, лозунги, транспаранты, делегации, толпа любопытных. Возглавлял сие действо председатель Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Чхеидзе.

В ходе восторгов, Ленин взгромоздился на броневик, один из двух, стоявших на привокзальной площади, и произнес речь, общий смысл которой сводился к теме: империалистическая война даст начало гражданской войне по всей Европе.

Инициатором выступления Ленина с броневика был командир матросов Максимов. На следующий день, узнав об обстоятельствах приезда Ленина в Петроград, то есть о том, что тот ехал на германские деньги и в германском вагоне, Максимов вместе с матросами-балтийцами выпустили резолюцию: «Узнав, что товарищ Ленин вернулся в Россию с согласия германского кайзера, выражаем глубокое сожаление по поводу его встречи в Питере. Если бы мы знали, то вместо криков «ура», мы бы сказали: «Вон отсюда, возвращайтесь в ту страну, через которую вы к нам ехали». (Исторические хроники с Николаем Сванидзе 1913-1933 — С-П, Амфора, 2008 — стр.111)

Вообще, приезд Ленина высветил разногласия между ним самим и большинством его формальных приверженцев.

Милюков: «Первая встреча Ленина с его единомышленниками в России показала, как значительна разница между тенденциями чистого Циммервальда и сложившимися взглядами русских социал-демократов. 4 апреля состоялась конференция разных течений социал-демократов с целью объединения. Ленин обратился к собравшимся с двухчасовой речью, в которой развил все свои лозунги, закончив призывам сбросить «старое белье», название «социал-демократов» и «вместо прогнившей социал-демократии создать новую социалистическую организацию коммунистов». Предложение было встречено общим недоумением, и начавшаяся среди аплодисментов одной стороны и свистков другой стороны речь закончилась при гробовом

молчании. Даже большевики заявили, что выдвинутый Лениным лозунг гражданской войны они считают преступным. Стеклов объяснил речь Ленина незнакомством с положением дел в России. Только А.М. Коллонтай, защищая Ленина, при бурных протестах предложила отказаться от объединения социал-демократов и объединить лишь тех, кто способен в настоящую минуту совершить социальную революцию.» (Милюков П.Н. - История второй Русской революции — С-Пб, Питер, 2014 — 79)

Если уж сами большевики скептически отнеслись к ленинским тезисам, то что говорить о тех революционерах, кто «ленинцем» никогда не был.

Плеханов, например, вообще назвал тезисы Ленина «бредом» и сравнил их с «Записками сумасшедшего» Гоголя:

«Думается мне, что тезисы эти написаны как раз при той обстановке, при которой набросал одну свою страницу Авксентий Иванович Поприщин... «Числа не помню. Месяца тоже не было. Было черт знает что такое».» (Майсурян А. - Другой Ленин — М, Вагриус, 2006 — стр.203)

Газета «Русская Воля» писала в те дни: «То, что Ленин — предатель, всякому честному, рассуждающему человеку было понятно еще до его приезда в Россию.» (Арутюнов А. - Ленин. Досье без ретуши — Том 1 — М, Вече, 2002 — стр.116)

Однако все протесты и разоблачения запоздали. Ленинский десант высадился и приступил к делу. Уже на следующий день из Генштаба Германии в Министерство иностранных дел сообщали:

«Штайнвахс телеграфирует из Стокгольма 17 апреля 1917 года: «въезд Ленина в Россию удался. Он работает полностью по нашему желанию...».» (Арутюнов А. - Ленин. Досье без ретуши — Том 1 — М, Вече, 2002 — стр.10

И еще.

«Германский посланник в Копенгагене — статс-секретарю иностранных дел

Телеграмма №595

Копенгаген, 17 апреля 1917г., 1.35. Получено: 8.00

На телеграмму №250

Доктор Гельфанд сегодня вернулся из Стокгольма, где он вел переговоры с русскими эмигрантами из Швейцарии. Его вызвали в Берлин

телеграммой от исполнительного комитета социал-демократической партии. Он приедет завтра и пробудет несколько дней. Его адрес: Кейтштрассе, 14. Он будет там ожидать приглашения Вашего превосходительства.

Брокдорф-Ранцау. (Германия и революция в России. 1915-1918. Сборник документов — М, Центрполиграф, 2013 — стр.117)

После этого события развивались со скоростью пробки, вылетевшей из бутылки шампанского.

В. Шамбаров: «Из Швейцарии через Германию прибыл второй «опломбированный» десант, гораздо более многочисленный, 250 революционеров во главе с Мартовым. Но еще больше прибывало из США. Основная часть следовала не тем путем, которым воспользовался Троцкий, а отплывала из портов Тихоокеанского побережья во Владивосток. Ехали целыми пароходами, тысячами!» (Шамбаров В. - Нашествие чужих: заговор против Империи — М, Алгоритм, 2008 — стр.185)

О Троцком чуть ниже, а пока несколько примеров того, как пробирались в Россию революционеры рангом поменьше.

Большевик Н.А. Семашко, вместе с группой товарищей, под «вой меньшевиков», добирался из Болгарии:

«Нас всех посадили в вагон и через Венгрию, Германию отправили в Швецию. Ехали в вагоне, около которого дежурила стража, не имели права выходить из вагона, пища нам подавалась в вагон. Так доехали до Стокгольма, где нас выпустили на свободу.» (В годы подполья — М, Издательство политической литературы, 1964 — стр.41)

Что касается революционеров, находившихся в Лондоне, то они старались пробраться в Россию северным путем.

В апреле 1917 года Г.В. Чичерин и И.М. Майский были приняты советником русского посольства в Англии К.Д. Набоковым.

Академик И.М. Майский в своих мемуарах пишет: «Набоков встретил нас с Чичериным любезно, почти дружественно... Мы без особого труда договорились с ним по интересующему нас делу — тем более, что к этому времени он получил уже общее указание из Петрограда содействовать репатриации эмигрантов в Россию.» (Майский И.М. - Путешествие в прошлое — М, Издательство Академии Наук СССР, 1960 — стр.284)

В итоге, британцы даже дали разрешение на использование русскими эмигрантами быстроходного судна «Юпитер», которое раз в 10 дней, под охраной двух миноносцев, совершало рейсы из Абердина в норвежский Берген и обратно.

Немцы продолжали засылать в Россию «подрывной элемент» не только весной, но и летом 1917 года. Вот, к примеру, документ:

«Статс-секретарь иностранных дел — представителю МИД при Ставке

Телеграмма №358

Берлин, 6 июля 1917 г.

На телеграмму №947 от 17 июня

Романов и Татаринов, которые сопровождали последний транспорт русских эмигрантов из Брюсселя, представили список еще 18 русских социалистов, которые также хотят вернуться домой через Стокгольм, но не смогли поехать с первым транспортом по личным причинам. Согласно Романову и Татаринову, большая часть этих людей — тоже последователи Ленина...

Поскольку представляется желательным, чтобы как можно больше сторонников Ленина вернулись в Россию, мы поддерживаем их просьбу...

Лангверт Заммерн.» (Германия и революция в России. 1915-1918. Сборник документов — М, Центрполиграф, 2013 — стр.158-159)

А теперь к Троцкому.

С началом Первой мировой войны, уже 3 августа 1914 года, опасаясь репрессий со стороны австрийских властей, Троцкий перебирается в Цюрих, а оттуда в Париж.

В Париже Лев Давидович, вместе с Мартовым, выпускает газету «Наше слово». 14 сентября 1916 года газета была запрещена за пацифистскую пропаганду, а сам Троцкий был выслан из Франции. После того, как Великобритания, Италия и Швейцария отказались его принять, Лев Давидович отправляется в Испанию, а 13 января 1917 года прибывает в Нью-Йорк.

Для описания этого периода своей жизни «товарищ» Троцкий красок не пожалел:

«Я оказался в Нью-Йорке, в сказочно-прозаическом городе капиталистического автоматизма, где на улицах торжествует эстетическая теория кубизма, а в сердцах — нравственная философия доллара.

Нью-Йорк импонировал мне, так как он полнее всего выражает дух современной эпохи....

Цифры роста американского экспорта за время войны поразили меня. Они были для меня настоящим откровением. Эти цифры предопределяли не только вмешательство Америки в войну, но и решающую мировую роль Соединенных Штатов после войны.» (Троцкий Л.Д. - Моя жизнь — Том 1 — М, «Книга», 1990 — стр. 307)

И еще: «Мы сняли квартиру в одном из рабочих кварталов и взяли на выплату мебель. Квартира за 18 долларов в месяц была с неслыханными для европейских нравов удобствами: электричество, газовая плита, ванная, телефон, автоматическая подача продуктов наверх и такой же спуск сорного ящика вниз. Все это сразу подкупило наших мальчиков в пользу Нью-Йорка. В центре их жизни стал на некоторое время телефон. Этого воинственного инструмента у нас ни в Вене, ни в Париже не было.» (Троцкий Л.Д. - Моя жизнь — Том 1 — М, «Книга», 1990 — стр. 308-309)

Только одна печаль посетила революционное сердце: «Русская революция пришла слишком скоро. Я успел уловить разве лишь общий ритм жизни того чудовища, которое зовется Нью-Йорком. Я уезжал в Европу с чувством человека, который только одним глазом заглянул внутрь кузницы, где будет выковываться судьба человечества.» (Троцкий Л.Д. - Моя жизнь — Том 1 — М, «Книга», 1990 — стр. 317)

Не правда ли, интересно? Лев Давидович уезжает строить «самое передовое общество в истории», но при этом вздыхает по месту, «где будет выковываться судьба человечества». Неужели просто «раздвоение личности»?

Как и Ленин, Лев Давидович не предвидел февральской революции, которая застала его в Америке. Тем не менее, сразу по получении из России известий об отстранении от власти Императора Николая II, он заметно активизируется.

16 марта 1917 года в Нью-Йорке Троцкий в одном из своих интервью заявил:

«Комитет, который занял в России место низложенного кабинета министров, не представляет интересы или цели революционеров; а значит, по всей вероятности, он просуществует недолго и уступит место людям, которые будут более уверенно проводить демократиза-

цию России». (Саттон Э. - Уолл-стрит и большевистская революция — М, «Самотека, МИД «Осознание», 2016 — стр.21)

Однако перед Троцким стояла такая же проблема, что и перед Лениным. Как попасть в Россию? Ответ нашелся.

Э. Саттон: «Тем волшебником, что выдал Троцкому паспорт для возвращения в Россию, чтобы «продвигать революцию», - был президент США Вудро Вильсон. К этому американскому паспорту прилагались виза для въезда в Россию и британская транспортная виза.» (Саттон Э. - Уолл-стрит и большевистская революция — М, «Самотека, МИД «Осознание», 2016 — стр.22)

Именно так, получив в рекордно короткий срок американский паспорт, будущий вождь революции ехал на родину американским гражданином!

26 марта 1917 года Троцкий, его семья, а также группа подельников, в том числе американские коммунисты, о похождениях которых в России мы еще также поговорим, на пароходе «Кристианиафиорд» отплыли из Нью-Йорка в Европу.

Как и Ленин, Троцкий ехал в Россию не с пустыми руками. Если за Лениным стояли немецкие деньги, то Троцкий располагал поддержкой некоторых весьма влиятельных дельцов с Уолл-стрит и связанных с ними зарубежных банков. Среди «засветившихся» имен — Якоб Шифф, его зять Макс Варбург, Улаф Ашберг и др.

И опять же по сравнению с Лениным, у Троцкого была серьезная проблема. Добраться до Европы можно было только по морю, а морские пути проходили через зоны британского и французского контроля. А у союзников Лев Давидович был зарегистрирован как германский агент.

И 29 марта 1917 года, в первом канадском порту, куда зашла «Кристианиафиорд», «Льва Давидовича с семьей и его спутников Никиту Мухина, Лейбу Фишелева, Константина Романченко, Гершона Мельничанского и Григория Чудновского британская морская контрразведка сняла с судна и арестовала.» (Шамбаров В. - Нашествие чужих: заговор против Империи — М, Алгоритм, 2008 — стр.178)

Участник их задержания вспоминал: «Эти агитаторы, бывшие столь смелыми и храбрыми стоя на причале и призывая толпу к мятежу против власти, на поверку оказались настоящими трусами... Троцкий не был исключением. Он присел, начал скулить и кричать

об ужасном терроре. Когда он понял, что его не собираются убивать, он стал более уверен и начал яростно протестовать.» (Шамбаров В. - Нашествие чужих: заговор против Империи — М, Алгоритм, 2008 — стр.178)

После ареста Троцкого дактилоскопировали, полностью раздели и обыскали. Кстати, сохранились его антропометрические данные, зафиксированные канадскими властями: рост — 174 см, вес — 62,1 кг. Так что, это только на фоне Ленина Лев Давидович кажется высоким.

При обыске у Троцкого нашли 10 000 долларов наличными, очень большую сумму по тем временам. Затем всю вышеперечисленную компанию подельников поместили в лагерь для интернированных подданных Центральных держав Амхерст. При этом, семью Льва Давидовича гуманные британцы оставили на свободе.

Начался скандал. В Петроград — на имя министра юстиции Временного правительства, которым как раз был Керенский — ушла телеграмма арестованных, с требованием немедленного вмешательства российских властей.

Протестовал и Петроградский Совет. Ленин, забыв о собственных разногласиях со Львом Давидовичем, разразился статьей в «Правде», речью на солдатском митинге, возмущался:

«Англия... не хочет пропускать наших товарищей социалистов, тех социалистов, которые объявили войну войне, которые требуют мира. Англичане держат в тюрьме своего же английского социалиста [Д. Маклина], а также нашего товарища Троцкого, бывшего председателем Совета рабочих депутатов в 1905 г., арестовали и держат в тюрьме.» (Ленин В.И. - ПСС, Том 31 — стр.268-269)

В итоге, с официальной просьбой об освобождении арестованных к британским властям обратился не кто иной, как министр Временного правительства Милюков. Вступился за своего гражданина и Госдепартамент США.

«Канадские власти и контрразведчики были просто в шоке, когда им поступило распоряжение: арестованных «русских» освободить и обеспечить им дальнейший путь со всеми удобствами. Удивлены были даже и американские спецслужбы! Посылали своих представителей в Канаду проверить — что произошло? Но приказ прошел на самом высоком уровне и был однозначным.» (Шамбаров В. - На-

шествие чужих: заговор против Империи — М, Алгоритм, 2008 — стр.183)

20 апреля арестованные получили разрешение следовать дальше, после чего всей компанией были посажены на датский пароход «Хелиг Олав», следовавший в Европу. Примечательно, что немецкие военнопленные, содержавшиеся в том же лагере Амхерст, аплодировали Троцкому, покидающему их, а лагерный оркестр даже исполнил «Интернационал».

В итоге, пережив сильнейший стресс, Лев Давидович добрался до Швеции. А далее — поезд из Стокгольма в Петроград. И интересный попутчик. Не кто иной, как председатель международного Социалистического бюро II Интернационала, человек, вхожий в правительство Бельгии и его будущий министр иностранных дел, Эмиль Вандервельде (1866-1938), Тот как раз ехал на переговоры с Временным правительством, сел в купе — а там Троцкий! О чем шла беседа доподлинно не известно, но времени на общение было много — это факт.

4 мая 1917 года Лев Давидович прибыл в Петроград все на тот же Финляндский вокзал. Его встретила огромная восторженная, как и при встрече Ленина, толпа, делегация от ЦК большевиков, а также его дядя — американский банкир Абрам Животовский. Прямо с вокзала Троцкий отправился на заседание Петросовета, где ему предоставили место с совещательным голосом.

Сам Троцкий так вспоминает те дни:

«Вожди всех партий революции уже успели сосредоточиться в столице. Я немедленно встретился с Лениным, Каменевым, Зиновьевым, Луначарским, которых давно знал по эмиграции, и познакомился с молодым Свердловым, которому предстояло стать первым председателем Советской республики. Сталина я не встречал. Никто не называл его. Он совершенно не выступал на публичных собраниях в те дни, когда вся жизнь состояла из собраний. В «Правде», которой руководил Ленин, появлялись статьи за подписью Сталина. Я пробегал их через строку рассеянным взглядом и не справлялся об их авторе, очевидно, решив про себя, что это одна из тех серых полезностей, которые имеются во всякой редакции.» (Троцкий Л. - Портреты революционеров — Бенсон, Вермонт, Chalidze Publications, 1988 — стр.50)

Заметим, кстати, что пока еще Троцкий не был членом партии большевиков, он возглавлял некий Межрайонный комитет, действовавший с ноября 1913 года.

Но после напряженных встреч «с вождями всех партий» наступает время отдыха. И тут выяснилось, что устроили Льва Давидовича гораздо лучше Ленина.

«Первую ночь после приезда он с семьей провел в «Киевских номерах», а на следующий день переехал в огромную и богатую квартиру директора заводов Нобеля в Петрограде Серебровского — своего бывшего товарища по Петербургскому Совету. Что ж, Троцкий любил жить со всеми удобствами. В Вене, Париже. В Нью-Йорке было еще комфортабельнее. А уж теперь!... Он сразу позаботился и о детях, чтобы не отстали в учебе. Отдал их в респектабельное Коммерческое училище, где обучались дети высокопоставленных лиц, в том числе и Керенского. По воспоминаниям Глеба Керенского, «сыновья Троцкого только приехали из Америки, мы дразнили их «янки», нам не нравились их хорошие манеры, аккуратность и независимость среди нас...».» (Шамбаров В., Чавчавадзе Е. - Лев Троцкий. Тайны мировой революции — М. Вече, 2016 — стр.118)

Кстати, А.П. Серебровский (1884-1938) занимался оборонными поставками, так же, как дядя самого Льва Давидовича — Абрам Львович Животовский. После того, как большевики обосновались во власти, в 1918 году, Серебровский становится заместителем председателя Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной армии (возглавляемой Л.Б. Красиным). Пройдя еще ряд «ответственных» должностей, в 1926 году возглавил Нефтесиндикат СССР, а с 1928 года — Союззолото. Член ЦИК СССР, кандидат в ЦК ВКП(б).

По поводу же размещения «товарища» Троцкого заметим, что после переезда в 1918 году большевистского правительства из Петрограда в Москву, Лев Давидович, не долго думая, занял под собственную резиденцию усадьбу Архангельское.

Для полноты картины, отметим, что кроме Ленина, Троцкого и их ближайших заграничных подельников, была и еще одна группа «товарищей», которой не было нужды пересекать границы страны. Это революционеры, отбывавшие ссылку или заключение на территории Империи, которые после февральских событий 1917 года были амни-

стированы Временным правительством, и добирались до Петрограда из отдаленных районов России.

Например, Иосиф Виссарионович Сталин прибыл в столицу из Ачинска 12 марта. А Яков Михайлович Свердлов — все в том же марте, только 29-го.

И в заключение темы прибытия революционеров в Россию, приведем слова германского генерал Макса Гофмана (1869-1927):

«Когда весной 1917 года в разгар войны немецкое правительство дало разрешение на проезд некоторых из живших тогда в Швейцарии лидеров большевизма через Германию в Россию, Германия находилась в очень тяжелом положении. На Западном фронте во Франции немецкая армия ощущала возрастающее давление со стороны прекрасно вооруженных сил Антанты. Надо было перебросить находящиеся в России немецкие войска с востока на Западный фронт...

Никто не верил в то, что большевики смогут сколько-нибудь долго сохранить свою власть над Россией. Человеческий разум не мог себе представить, что эти неимущие революционеры, сидящие в кофейнях в Швейцарии, будут в состоянии захватить власть в России, удерживать ее в своих руках путем кровавого террора, никогда ранее не виданного в истории, и станут представлять угрозу всему тому, что человеческий дух и труд создали на протяжении столетий.» (Гофман М. - Главный противник — Россия — М, Принципиум, 2015 — стр.247-248)

В РОССИИ

Теперь, когда сотни и тысячи большевиков собрались в России, а Ленин наметил курс в своих «Апрельских тезисах», все это грандиозное мероприятие надо было профинансировать. Деньги требовались на печатную пропаганду, на организацию митингов и забастовок, на создание и вооружение боевых отрядов... Сами многочисленные революционеры тоже требовали денег на постоянные междусобойчики, да и просто «на жизнь».

Что ж, в Германии все это понимали, цель оправдывала любые расходы, да и положение в войне было настолько тяжелым, что экономить было не время. И немецкие деньги бурным потоком хлынули

в большевистские кассы. С этого момента нужда в продажах фотографий Распутина отпала.

Х, Бьеркегрен: «Деньги шли параллельно и под разными прикрытиями, с легальными коммерческими операциями через компанию Израиля Гельфанда (Александра Парвуса) в Копенгагене и агентство Якова Фюрстенберга (Ганецкого) в Стокгольме. Из Хапаранды неустановленные курьеры тайно переправляли крупные суммы в Торнео, где их принимала родственница Фюрстенберга и его коммерческий представитель в России Евгения Маврикиевна Суменсон. Суменсон работала в петроградской фирме «Фабиан Клингсланд» и во время войны ездила в Швецию и Данию. Получая пачки банкнот в Торнео, она передавала их Козловскому, который вносил их в партийную кассу большевиков.» (Бьеркегрен Х. - Скандинавский транзит — М, Омега, 2007 — стр.198)

Еще одна часть немецких денег переводилась из банка в Берлине через счет Фюрстенберга (Ганецкого) в «Ниа Банкен» в Стокгольме на счет Евгении Суменсон в «Сибирском банке» в Петрограде. (Бьеркегрен Х. - Скандинавский транзит — М, Омега, 2007 — стр.198).

Другим финансовым каналом служили диппредставительство Временного правительства в Стокгольме и курьерская почта. «Из опубликованной переписки Ленина с Фюрстенбергом (Ганецким) явствует, что последний имел доступ и к этому каналу.» (Бьеркегрен Х. - Скандинавский транзит — М, Омега, 2007 — стр.198).

Собственно, спустя почти четыре года после этих событий, 30 января 1921 года ветеран немецкой социал-демократии Эдуард Бернштейн, работавший после Первой мировой войны над архивами германского министерства иностранных дел, писал в газете «Форвертс»:

«Ленин и его товарищи действительно получили от императорской Германии огромные суммы — что-то свыше 50 миллионов золотых марок...» (Германия и революция в России. 1915-1918. Сборник документов — М, Центрполиграф, 2013 — стр.405)

Теперь давайте оценим: 50 миллионов — это много или мало. Ведь некоторые историки полагают, что такая сумма была буквально «невообразимой» для истощенной войной Германии.

Но вот, например, воевавший на Черном море линейный крейсер «Гебен», спущенный на воду 28 марта 1911 года. Стоимость построй-

ки — 41 564 000 марок. (Муженников В. — Немецкие линейные крейсера Первой мировой — М, Яуза, 2018 — стр.46)

Или еще один корабль — первый линкор-дредноут Кайзеровских ВМС Германской Империи «Nassau», спущенный на воду 7 марта 1908 года, обошелся германской казне более чем в 37 миллионов золотых марок.

А всего в годы Первой мировой войны Германские ВМС располагали 15 дредноутами.

Элементарный расчет показывает, что стоимость только последних указанных боевых кораблей для бюджета Германии составила примерно — 555 миллионов марок. А кроме дредноутов, имперский флот располагал еще «4 линейными крейсерами, 22 старыми линкорами, 7 броненосными и 43 легкими крейсерами, 219 эсминцами и миноносцами, 28 подлодками». (Самсонов А. - ВМС ведущих держав в начале Первой мировой войны)

И это только флот, а ведь еще были затраты и на авиацию и на многомиллионную сухопутную армию.

Это мы к тому, что сумма, истраченная немцами на поддержку большевиков, в размере 50 миллионов марок, совершенно не является какой-то фантастической, какой-то неподъемной для воюющей страны. Да и цель затрат была слишком заманчивой — целиком сокрушить Восточный фронт, что, конечно, не сравнимо с действиями какого-то одного корабля, пусть даже самого мощного. В случае достижения такого результата не только высвобождались войска для Западного фронта. Ценнейшим призом для Германии могли оказаться военные запасы России, включая те же боевые корабли.

Учтем еще, что с чисто финансовой стороны, для Германии, увенчайся успехом ее спецоперация, все понесенные расходы окупались бы многократно, ведь на капитулировавшую сторону можно было наложить практически любые контрибуции, а марионетки, поставленные во главе России при поддержке германских штыков, служили бы гарантом их выплат.

Приведем еще один документ, снимающий последние сомнения в получении Лениным немецких денег, а заодно и в том, что сами большевики прекрасно понимали преступность этого деяния. Данный документ, датированный 16 ноября 1917 года и отпечатанный на бланке Народного комиссариата по иностранным делам с грифом

«совершенно секретно», опубликован А.Г. Латышевым со следующей ссылкой: ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2, д.226

«Председателю Совета Народных Комиссаров.

Согласно резолюции, принятой на совещании народных комиссаров товарищей Ленина, Троцкого, Подвойского, Дыбенко и Володарского, мы произвели следующее:

1. В архиве министерства юстиции из дела об «измене» товарища Ленина, Зиновьева, Козловского, Коллонтай и др. мы изъяли приказ германского имперского банка №7433 от второго марта 1917 года с разрешением платить деньги тт. Ленину, Зиновьеву, Каменеву, Троцкому, Суменсон, Козловскому и др. за пропаганду мира в России.

2. Были просмотрены все книги банка Ниа в Стокгольме, заключающие счета тт. Ленина, Троцкого, Зиновьева и др., открытые по приказу германского имперского банка за №2754. Книги эти переданы Мюллеру, командированному из Берлина. Уполномоченные народным комиссаром по иностранным делам

Е. Поливанов, Г. Залкинд.» (Латышев А.Г. - Рассекреченный Ленин — М, «Март», 1996 — стр.95)

Приведем и комментарий А.Г. Латышева:

«Таким образом, уничтожив вещественные улики своего сговора с германскими правящими кругами, Ленин и его сообщники оставили потомкам документ, подтверждающий акцию по тайному изъятию этих улик. Доказательность этого документа не меньше, чем если бы была найдена заверенная нотариусом расписка вождя в получении немецких денег.» (Латышев А.Г. - Рассекреченный Ленин — М, «Март», 1996 — стр.95-96)

Был и зримый результат поступления этих денег.

Совещания, конференции и съезды следуют одно за другим. Большевистские пропагандисты наводняют как фронт, так и тыл. Но самой яркой иллюстрацией является рост тиражей большевистской печатной продукции.

Если за годы войны большевики издали 8 000 000 экземпляров печатной продукции (газет, книг, брошюр, в том числе 2 миллиона листовок), то объемы их издательской деятельности после Февраля потрясают.

Первой 5 (18) марта вышла «Правда». До 5 (18) июля 1917 года, пока ее не запретили, напечатали 99 номеров газеты общим тиражом около 8 млн. экземпляров; ежедневный тираж 85-100 тыс. экземпляров. (Шрамко С. - Забытый автор Октября — журнал «Сибирские огни», 2007, №11 — Стр.136-170)

Как несложно заметить, только газет «Правда» за три месяца большевики напечатали больше, чем за три года войны. Но это не все. Ежедневный тираж газеты «Рабочий путь», немедленно организованной после закрытия «Правды», вырос почти в 4 раза, и в октябре достигал цифры 220 тысяч. «Социал-демократ» - ежедневная газета большевиков Москвы — издавалась тиражом 47 тысяч в день. К июлю партия имела 51 издание, а к октябрю — 75. (Шрамко С. - Забытый автор Октября — журнал «Сибирские огни», 2007, №11 — Стр.136-170)

О том же свидетельствует историк Аким Арутюнов: «К моменту июльского вооруженного мятежа (3-5 июля — Ю.Б.) партия имела 41 газету, из которых 27 выходили на русском языке, а 14 — на армянском, грузинском, латышском, польском, татарском и других языках народов России. Располагая материальными возможностями, ЦК партии большевиков приобрел за 260 тысяч рублей собственную типографию.» (Арутюнов А. - Ленин. Досье без ретуши — Том 1 — М, Вече, 2002 — стр.119)

Количество выпускаемых листовок не поддается учету.

Причем, все это не продается, а бесплатно раздается на улицах. Большевики без устали обещают всем и каждому исполнение самых заветных желаний: стране — мир, крестьянам — землю, рабочим — фабрики, народам — освобождение от национального гнета. Как все это будет исполнено — не важно, главное — верьте нам.

Ни одна партия в России, включая самые отъявленные буржуазные, не могли позволить себе сравнимую пропагандистскую компанию, ни по финансированию, ни по циничной лживости.

Кроме того, начиная с конца марта 1917 года началось создание отрядов Красной гвардии. То есть, началась подготовка к вооруженному захвату власти.

Кстати, после упомянутого вооруженного мятежа, поднятого большевиками 3-5 июля 1917 года и закончившегося для них сокру-

шительной неудачей, на свет Божий было извлечено немало документов, подтверждающих связи большевиков с немцами.

Приведем пару редких, которые, на волне успехов, опубликовали сами большевики в историческом журнале «Пролетарская революция».

7 июля 1917 года Начальник Контр-Разведывательного Отделения Штаба Петроградского Военного Округа «в сопровождении старшего своего помощника и наряда солдат при офицерах от Гв. Преображенского полка» прибыли в дом №48-9 по Широкой улице на Петроградской стороне в квартиру №24, занимаемую М.Т. Елизаровым. «Дверь прибывшим открыла проживающая в этой квартире Надежда Константиновна Ульянова». На вопрос, находится ли в квартире ее муж, Ульянова отвечала, что «муж ее уже не возвращается домой с 5 июля с. г., не явившись домой после заседания Центрального Исполнительного Комитета Рабочих и Солдатских Депутатов». После тщательного обыска было отобрано следующее:

«1) шесть книжек на немецком языке, 2) статья Ленина на немецком языке, 3) заметка на немецком языке о проезде эмигранта Бойцова, 4) копировальная книжка с рядом русских и немецких заметок и писем, 5) пять телеграмм за №№ Q430-10, Q235-929, Q235-9, Q327-20, Q38a-4, 6) книжка Азовско-Донского Коммерческого Банка №8467 на имя г-жи Ульяновой (удостоверено, что на текущем счету — 2000 рублей — Ю.Б.), 7) девять немецких и два французских письма, 8) заявление Каменева, 9) письмо на плохом русском языке и безграмотно написанное, на 7-ми полулистах, 10) план какой-то дачной местности, 11) адрес завода Феникса, 12) письмо к Каменеву, начинающееся словами «Entre nous», 13) две записные книжки, 14) немецкие оттиски «Правды», 15) промокательная бумага. Зачеркнуто «немецкая». Протокол этот прочитан присутствующим при обыске лицам. Подписали: Надежда Ульянова.» (Пролетарская революция. Исторический журнал ИСТПАРТА — М, Петроград, Государственное издательство, 1923, №5 (17) — стр.281-282)

Показания, касающиеся газеты «Солдатская правда», бухгалтера в типографии Комиссара Временного Правительства (бывшего градоначальства) Николая Сергеевича Миронова, допрошенного 26 августа 1917 года Судебным Следователем по важнейшим делам округа Гродненского Окружного Суда в г. Петрограде:

«Печатанием газеты заведывал Подвойский, который бывал ежедневно в типографии и почти все время вел непосредственное наблюдение за печатанием газеты, давал весь газетный материал...

За время с 15 апреля по 15 июня в нашей типографии было выпущено всего сорок нумеров в количестве 2.157.000 экземпляров. Ежедневный средний выпуск этой газеты был около 50.000 экземпляров, но количество это в некоторые дни повышалось приблизительно до 75.000. Чем объяснить такое колебания, я не знаю. Отпечатанные нумера отвозили на автомобиле, как говорили, в дом Кшесинской. Кому и на каких условиях рассылалась эта газета, я не знаю, равно неизвестен мне и бюджет этой газеты, кроме только того, что они платили нам. Бумагу нам для «Солдатской Правды» доставляли на своем автомобиле, откуда — точно не знаю...

Кроме того, было напечатано: воззваний 250.000; воззваний к солдатам — 100.000; приложений к газете 50.000... К тому же они заплатили за рассыпанный набор, уже исполненный и за напечатание набора 757 страниц, по расчету набранных букв. Что предполагалось печатать и почему набор был рассыпан, я не знаю. Все эти работы были исполнены по заказу конторы «Солдатской Правды» и ими полностью оплачены.» (Пролетарская революция. Исторический журнал ИСТПАРТА — М, Петроград, Государственное издательство, 1923, №5 (17) — стр.287-288)

Отметим лишь, что после провала вооруженного выступления большевиков 3-5 июля, Ленин сбежал из Петрограда и скрывался, в том числе на территории Финляндии.

Впрочем, бегство Владимира Ильича критического воздействия на ситуацию не оказало. Все потому, что к осени 1917 года у большевистского движения появилось еще два лидера.

Окончательно укрепился в этом качестве Свердлов, руководивший вполне благополучно прошедшим без Ленина VI съездом РСДРП(б) (26 июля — 3 августа).

Плюс как раз на этом съезде оформилось присоединение к большевикам Межрайонной группы Троцкого. Причем, хотя еще 23 июля сам Лев Давидович был арестован и на названных посиделках не присутствовал, и его, и его коллегу по «группе» Моисея Соломоновича Урицкого, включили в состав большевистского ЦК.

Все потому, что Свердлов и Троцкий, подобно Ленину, обладали собственными связями с силами, готовыми финансировать революю-

цию в России. В этом смысле Троцкий контактировал с представителями правящих кругов США и Англии.

Секретарь Сталина в 1923-1927 годах Борис Бажанов:

«Троцкий до революции не был большевиком. Надо сказать, что это — большой комплимент. Члены ленинской большевистской организации были публикой, погрязшей в интригах, грызне, клевете, компания аморальных паразитов. Троцкий не выносил ни нравов, ни морали этой компании... Не приняв специфической морали Ленина, он был в отличие от него человеком порядочным. Хотя и фанатик, и человек нетерпимый в своей вере, он был отнюдь не лишен человеческих чувств — верности в дружбе, правдивости, элементарной честности. Он действительно не был ленинским большевиком.» (Бажанов Б. - Я был секретарем Сталина — М. Алгоритм, 2014 — стр. 160-161)

Высказался о Льве Давидовиче и Вячеслав Молотов:

«Троцкий постоянный противник Ленина до революции и после — по всем основным вопросам. А все-таки Ленин его включил в Политбюро. А это фигура таковская... Он смелый был. Был в ссылке, бежал, потом в тюрьме сидел. В Америке жил. В 1905 году приехал и стал председателем первого Совета рабочих депутатов в Петербурге, в шестом или в начале седьмого года уехал снова, и второй раз приехал в 1917-м. Средства у него имелись. » (Чуев Ф. - Сто сорок бесед с Молотовым — М, Терра, 1991 — стр.205, 210)

Что же касается Свердлова, то он получал деньги через своего младшего брата Вениамина (1886-1939), имевшего собственный банк в Нью-Йорке и связанного с еврейскими финансистами, включая многократно упомянутого Якоба Шиффа, известными давними антироссийскими настроениями.

Дадим слово и представителям Германии.

29 сентября 1917 года барон Рихард фон Кюльман (1873-1948), сменивший в августе Циммермана на посту государственного секретаря по иностранным делам, направил в германский Генеральный штаб следующую телеграмму:

«Наша первоочередная задача — оказать максимально возможную поддержку революционным элементам. Какое-то время мы занимались этой деятельностью, достигнув полной договоренности с политическим отделом Генерального штаба (капитан фон Хольсен). Наша совместная работа принесла конкретные результаты. Большевистское

движение никогда не смогло бы достигнуть такого влияния, которое имеет сегодня, без нашей постоянной поддержки. Все доказывает, что движение продолжает расти, и то же происходит с финским и украинским движениями за независимость.» (Земан З., Шарлау У. - Кредит на революцию — М, Центрполиграф, 2007 — 259)

Спустя два месяца тот же Кюльман резюмировал: «Россия оказалась самым слабым звеном в цепи наших противников. Перед нами стояла задача постепенно ослабить ее и, когда это окажется возможным, изъять из цепи. Это и было целью подрывной деятельности, которую мы вели за линией русского фронта — прежде всего стимулирование сепаратистских тенденций и поддержка большевиков. Только тогда, когда большевики начали получать от нас через различные каналы и под различным видом постоянный поток денежных средств, они оказались в состоянии создать свой собственный орган — «Правду», проводить энергичную пропаганду и расширить значительно свою прежде узкую партийную базу.» (Земан З., Шарлау У. - Кредит на революцию — М, Центрполиграф, 2007 — 259-260)

И еще. Однажды, германский посол в Стокгольме фон Люциус, отвечая на упрек, что большевики-ленинцы получают слишком много денег от германского правительства, заявил: «Не может быть никакой речи, что Ленин нам дорого обходится. Он сберегает нашу кровь, которая во много раз дороже, чем золото.» (Платонов О.А. - Терновый венец России — История русского народа в XX веке — Т 1 — М, Родник, 1997 — стр.414)

Что ж, сильная мысль, к сожалению, недоступная пониманию большевиков.

ВОЕННОПЛЕННЫЕ

Как мы видели, действия революционеров и их зарубежных покровителей в 1904-1905 годах практически полностью повторяются после 1914 года: там и там имеют место проведение конференций, используемых для выработки плана совместных действий различных антиправительственных сил, затем идет финансирование подрывной деятельности, сколачивание вооруженных формирований, способных вести террористическую деятельность и даже вступать в открытое противоборство с правительственными войсками.

Разница в том, что в 1914-1917 годах все эти действия принимают гораздо больший масштаб. Да и сама Первая мировая война, в отличие от Русско-японской, гораздо сильнее влияла на обстановку в Империи. Благодаря гораздо большему размаху самих боевых действий, ведущим к заметным потерям, и гораздо большему отрицательному воздействию на тыловые области страны, что неуклонно снижало уровень жизни населения.

Но был один фактор, присутствие которого делало ситуацию в России в 1917 году гораздо более взрывоопасной, чем в 1905-м. Конечно этим фактором еще нужно было суметь воспользоваться, но, как мы увидим, при наличии злой воли как внутри страны, так и за ее пределами, — все оказалось возможным.

И этот фактор — значительное количество военнопленных.

По мере продолжения Первой мировой войны, на территориях всех воюющих государств стали скапливаться довольно значительные массы военнопленных стран-противниц. Всего за годы войны страны Антанты потеряли пленными порядка 4 млн человек, Центральные державы — около 3,5 млн.

В России, по данным Международного Красного Креста, находилось более 2 320 000 военнопленных, из них порядка 51 000 солдат и офицеров турецкой армии, более 187 000 — немецкой, и более 2 100 000 — австро-венгерской. (Интернационалисты — М, Наука, 1967 — стр.15)

Военнопленные были сосредоточены в более чем 400 лагерях в Сибири, на Урале, в Казанском, Туркестанском, Московском и Петроградском военных округах.

Среди них были немцы, турки, австрийцы, венгры, румыны, болгары, словаки, чехи. Славяне считались более дружественными по отношению к России, поэтому их предпочитали оставлять в европейской части Империи, остальных старались отправлять за Урал. Однако по мере роста численности и ослабления контроля государственных структур после февраля 1917 года, все больше «неблагонадежных» пленных оставалось в лагерях близ Москвы и Петрограда.

В конце 1915 года при Военном министерстве было создано Междуведомственное совещание по распределению военнопленных, задачей которого было обеспечение рабочей силой промышленных предприятий Российской Империи во время войны.

В первой половине 1917 года количество занятых на различных работах военнопленных превышало 1,5 миллиона человек. При этом, например, в четырех основных каменноугольных бассейнах Империи — Донецком, Уральском, Подмосковном и Западносибирском — военнопленные составляли около 27% всех рабочих, в горнозаводской промышленности Урала — почти 30%, а в железорудной промышленности Юга России — около 60%. Военнопленные составляли более 10% рабочих даже на предприятиях, непосредственно работавших на войну. (Интернационалисты — М, Наука, 1967 — стр.51)

Чтобы представить себе абсолютные цифры, возьмем, для примера, Урал.

В 1917 году на горнозаводском Урале насчитывалось 357 000 рабочих, причем около 80% их было сосредоточено на крупных заводах. (Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке 1917-1922 гг. - М, Наука, 1980 — стр.12)

Несложно посчитать, что количество военнопленных, занятых на крупных уральских предприятиях составляло более 85 000 человек.

По сути, находясь в лагерях или занятые на производстве, военнопленные представляли из себя спаянные по национальному признаку, сравнительно дисциплинированные, имевшие боевую подготовку значительные группы людей, чья свобода была ограничена лишь постольку, поскольку дееспособное государство, пленниками которого они были, способно было эту свободу ограничивать.

Учтем при этом, что война внесла резкие изменения в состав пролетариата. Например, к концу 1915 года с заводов Урала было отправлено на фронт 30 219 рабочих. Всего же за годы войны из довоенного состава кадровых рабочих уволилось по разным причинам 60,1% их общего количества. (1917 год на Урале — Пермь, Пермское книжное издательство, 1957 — стр.61)

Ушедших на фронт кадровых рабочих заменили военнопленные, китайцы и подростки.

Теперь, пусть где-то и забегая вперед, скажем о том, граждане каких стран сыграли наибольшую роль в трагических событиях, произошедших в России в 1917-1922 годах.

Сначала поговорим о финнах. Строго говоря, на момент октябрьского переворота 1917 года Финляндия была частью России, однако

сепаратистские настроения в ней были настолько сильны, что враги Российской Империи не могли их не использовать.

В этом вопросе, вспоминая опыт беспорядков 1905 года, свою проницательность вновь проявил Парвус:

«Финны смогут оказать большую услугу еще до начала всеобщего восстания. Они способны поставлять информацию о численности, диспозиции, передвижениях русских войск в Финляндии и о перемещениях русского флота... Но прежде всего они обеспечат сообщение русских революционеров с Петроградом. Поскольку страна очень велика, а Финляндия непосредственно граничит с районом Петрограда и имеет с ним оживленное ежечасное сообщение, можно, несмотря на военную оккупацию, создать информационно-транспортную службу, устроить склады и контрабандно переправлять в Петроград оружие, взрывчатку и т.п.» (Земан З., Шарлау У. - Кредит на революцию — М, Центрполиграф, 2007 — 166)

Центральное правление движения за независимость Финляндии, самое активное участие в котором принимал депутат финского сейма (парламента) К. Циллиакус, лично знакомый с Парвусом и сотрудничавший во время революции 1905 года с японской разведкой, считало формирование собственной армии обязательным условием обретения и сохранения независимости страны. В связи с этим отдельные студенты - финны начали добровольно вступать в российскую армию для получения военного обучения и опыта. Затем такие добровольцы бежали из армии и формировали отряды — прообраз будущей финской армии.

Позднее появилась возможность получить военное образование за границей. В январе 1915 года Германия объявила о готовности начать обучение. Небольшими группами, тайно, молодые люди переезжали вначале в Швецию, а затем в Германию в школу Пфадфиндер (с нем.: школа следопытов, скаутов, разведчиков — Ю.Б.) Финнов обучали в лагере Локстедт (Лохштедт — Ю.Б.) в Шлезвиг-Гольштейне с 25-го февраля 1915 года. В Финляндии начинается тайная вербовка по всей стране. Самая оживлённая деятельность была в Уусимаа, Похьямаа и в Карелии. Всего в 1915-1916 годах Германия приняла 2000 финнов. (Энгл Э., Паананен Л. - Советско-финская война — М, Центрполиграф, 2004 — стр.18)

Весной 1916 года из группы сформировали 27-й Королевский прусский егерский батальон под командованием майора Максими-

лиана Байера, который принимал участие в боевых действиях против России на стороне Германии в Прибалтике. В мае 1916 г. для получения боевого опыта батальон был переброшен на Рижский фронт, где он участвовал в некоторых боях против русских войск на побережье теперешней Латвии в районе между рекой Миса и Рижским заливом. О дальнейшей судьбе членов этого отряда мы поговорим ниже.

А пока заметим, что значительное число финнов находилось непосредственно на территории России. Так, к весне 1917 года в Петрограде проживало более 28 тысяч финнов. В петроградской большевистской организации был образован финский национальный район, объединявший к июлю 1917 года 613 членов партии. К верхушке финских большевиков относились А.В. Шотман (1880-1937), Г.Э. Ялава, братья Александр и Адольф Вастен, братья Юкка Абрамович (1887-1920) и Эйно Абрамович Рахья (1885-1936). (Интернационалисты — М, Наука, 1967 — стр.64)

Более того, еще 27 февраля 1917 года был создан финский вооруженный отряд — финская рабочая милиция. Первоначальный состав отряда — около 100 человек. Политическими руководителями отряда были братья Рахья, командиром — А. Дувва. Отряд охранял редакцию «Правды», Финский вокзал и Литейный мост, «принял активное участие в организации встречи В.И. Ленина на Финляндском вокзале 3 (16) апреля 1917 г. и в обеспечении его безопасности». (Интернационалисты — М, Наука, 1967 — стр.65-66)

Теперь перейдем к подданным Германии и Австро-Венгрии.

О количестве военнопленных на территории России мы уже говорили, так что отметим только некую «первую ласточку».

25 апреля (7 мая) 1917 года, выступая на VII Всероссийской конференции РСДРП(б) Яков Свердлов, буквально ворвавшийся в эти дни в число лидеров большевистской партии и занявший место, по сути, рядом с Лениным, похвастался успехами подконтрольной лично ему Уральской большевистской организации:

«Первомайский праздник прошел великолепно... В первомайских празднествах принимали участие также пленные австрийцы и германцы...» (Протоколы седьмой (апрельской) конференции РСДРП(б) — М, Партийное издательство, 1934 — стр.109)

Это было первое упоминание большевиками пленных вражеских солдат в качестве союзников.

А 30 апреля 1917 года, французский посол Палеолог констатировал:

«В Шлиссельбурге пленные немцы оставлены на свободе в городе. В пяти верстах от фронта один из моих офицеров видел группы пленных австрийцев, которые прогуливались совершенно свободно. Наконец, что еще лучше, в Киеве губернский съезд пленных немцев, австро-венгров и турок потребовал и добился, чтобы к ним применили «восьмичасовой рабочий день».» (Палеолог М. - Дневник посла — М, Захаров, 2018 — стр.824)

На этом сделаем паузу и вернемся к военнопленным чуть ниже.

СЕНТЯБРЬ 1917 ГОДА

Лето злосчастного для России 1917 года выдалось крайне напряженным. Помимо продолжения боевых действий на фронтах Первой мировой, страну потрясли забастовки и демонстрации в июне, полновесный вооруженный антиправительственный мятеж большевиков 3-5 июля, закончившийся для них разгромом. А в конце августа произошло выступление генерала Лавра Георгиевича Корнилова (1870-1918), имевшее целью установление в России «твердой власти» и предотвращение прихода к власти большевиков, фактически спровоцированное, а затем нейтрализованное Керенским при помощи Советов и Петроградской Думы.

1 сентября генерал Корнилов и его сподвижники были арестованы. Арест произвел участник заговора против Государя Николая II генерал от инфантерии М.В. Алексеев. Он же становится начальником штаба Керенского, провозгласившего себя Верховным главнокомандующим вместо Корнилова.

Более всего от неудачи Корнилова выиграли те, против кого удар замышлялся — большевики. Их арестованные после июльского разгрома лидеры, включая Троцкого, выходят на свободу, а формируемые ими отряды Красной гвардии получают разрешение вооружиться.

А еще 1 сентября 1917 года была провозглашена Российская Республика.

«В усталой и потерявшей веру стране, словно никто и не заметил, что, объявляя республиканский строй в России, Керенский присвоил

себе полномочия Учредительного собрания. Ведь именно оно только и могло решить дальнейшую судьбу государственного устройства. И этот основной вопрос Керенский практически решил самолично, с народом не посоветовавшись. После такого отношения к Учредительному собранию, его созыв начинал казаться чисто декоративным актом. Апатия к происходившему в стране нарастала у населения пугающими темпами. Этого Керенский и добивается: когда Ленин будет свергать власть, за надоевшее всем Временное правительство никто не должен вступиться.» (Стариков Н.В. - 1917: разгадка «русской» революции — М, Эксмо: Яуза, 2010 — стр.298-299)

В добавок ко всему, 8 сентября Керенский ликвидирует отдел политической контрразведки, лишая, казалось бы, самого себя главного источника информации о готовящемся против Временного правительства и него лично большевистского заговора.

Все это, естественно, не остается без внимания публики.

31 августа 1917 года, русская поэтесса Зинаида Гиппиус пишет в своем дневнике: «Керенский — самодержец-безумец и теперь раб большевиков.

Большевики же все, без единого исключения, разделяются на:

1) тупых фанатиков;

2) дураков природных, невежд и хамов;

3) мерзавцев определенных и агентов Германии.» (Гиппиус З. - Дневники — М, Захаров, 2017 — стр.199)

В качестве иллюстрации к этой реплике З. Гиппиус об Александре Федоровиче, расскажем о следующих поистине удивительных действиях последнего.

5 сентября Керенский приехал в Могилев для проведения чистки Ставки от «контрреволюционных элементов». Для восполнения кадровых потерь предполагалось привлечь «более молодые силы», в частности генерала Черемисова.

В тот же вечер, без объяснения причин, подал в отставку генерал Алексеев. Керенский позднее прокомментировал это так: «Как бы то ни было задачу, возложенную на него по ликвидации Ставки, генерал Алексеев выполнил». (Милюков П.Н. - История второй Русской революции — С-Пб, Питер, 2014 — 462)

А затем последовала история 3-го конного корпуса и 5-й Кавказской казачьей дивизии.

К 4 сентября 3-й конный корпус находился в окрестностях столицы. Штаб корпуса располагался в Царском Селе. Фактически, после ареста Корнилова корпус был единственной реальной силой, способной удержать большевиков от выступления.

Вроде бы речь шла и о личной власти Керенского, на тот момент уже абсолютной. Только конники Краснова могли защитить его от переворота, приближение которого буквально ощущалось в воздухе столицы.

И тем не менее, Александр Федорович принимает парадоксальное, на первый взгляд, решение. По его приказу 3-й конный корпус из предместий Петрограда был переведен в район Пскова в распоряжение Главкома Северного фронта генерала Черемисова. (Стариков Н.В. - 1917: разгадка «русской» революции — М, Эксмо: Яуза, 2010 — стр.301)

Черемисов распыляет части корпуса на пространстве от Вендена до Витебска. Генерал Краснов, по прибытии в Псков, был арестован. И хотя вскоре Петра Николаевича освобождают, судьба корпуса, к этому моменту, решена — он прекращает свое существование как мощная боевая единица.

Писатель, публицист Н. Стариков: ««Странная» позиция генерала Черемисова будет чуть более понятной, если знать, что сей славный воин, еще полковником в 1915 году, попал под суд по обвинению в шпионаже! Но был спасен таинственными покровителями и вышел сухим из воды. Через два года пришло время отрабатывать должок: осенью 1917 года Черемисов тайно субсидировал большевистскую газету «Наш путь». Потом разбросал по Северо-западу ключевой 3-й конный корпус...Еще интереснее вопрос: почему именно такого генерала Керенский назначил командовать ближайшим к столице округом? Ответ историков мы знаем заранее: случайно...» (Стариков Н.В. - 1917: разгадка «русской» революции — М, Эксмо: Яуза, 2010 — стр.306)

Последнее перемещение частей корпуса было произведено за 2 дня до Октябрьского переворота. И опять в сторону еще большего удаления казаков от столицы.

Как следствие, когда, после октябрьского переворота, тот же Керенский, имитируя бурную деятельность, отдаст приказ Краснову

вновь двинуть корпус на Петроград, в его составе окажется всего 700 казаков.

Отослали подальше от столицы и 5-ю Кавказскую казачью дивизию.

«Не желая иметь вблизи Петрограда казачьих частей», как пишет будущий командир Корниловского конного полка Ф.И. Елесеев, Керенский отправил части дивизии:

- два полка дивизии с батареей и штабом в городок Вильмондстранд (по-фински — Лаппенранта);
- еще один полк и батарея — в Выборг (Виипури);
- и, наконец, четвертый полк — в Гельсингфорс (Хельсинки).

Расстояние от Выборга до Лаппенранты — около 50 км, от Выборга до Хельсинки — более 350 км. Попробуйте покомандовать воинской частью, разбросанной на таком расстоянии. Сколько потребуется времени, чтобы ее собрать, разослать приказы и привести в боеспособный вид... Вам еще не понятно, почему казачьи дивизии не появились у Зимнего и Смольного в решающие часы Октября семнадцатого?» (Стариков Н.В. - 1917: разгадка «русской» революции — М, Эксмо: Яуза, 2010 — стр.304)

Конечно же, всезнающие, идеологически подкованные на все копыта, советские «историки» без тени сомнения заявили, что это «армия перешла на сторону трудового народа».

Тем временем, пока председатель Временного правительства демонстрировал чудеса в известной игре в поддавки, большевики перешли к активным действиям.

7 сентября Троцкий, выпущенный к тому времени, по распоряжению все того же Керенского, из тюрьмы «Кресты», становится председателем Петросовета.

Суханов: «В своей первой председательской речи Троцкий напомнил о том, что, собственно, не он занял место Чхеидзе, а, наоборот, Чхеидзе занимал место Троцкого: в революцию 1905 года председателем Петербургского Совета был Троцкий; но сейчас перспективы не те; новому президиуму приходится работать при новом подъеме революции, который приведет к победе...» (Суханов Н.Н. - Записки о революции — Том 3 — М, Республика, 1992 — стр.213)

Напомним, кстати, что успехи упомянутого Троцкого в начале осени 1917-го значительно превосходили ленинские.

13 сентября, один из основателей РСДРП, меньшевик А.Н. Потресов (1869-1934) констатирует:

«Петроградский Совет Рабочих Депутатов, как и Московский стал большевистским; и Президиум с Чхеидзе во главе так же сложил полномочия в Петрограде, как и в Москве это сделал Хинчук... Советы становятся исключительной доменой большевиков. Тем самым из орудия развития и концентрации сил демократии, сил революции они превращаются в средства разложения этих демократических сил и приостановки их возможного дальнейшего развития.» (Потресов А.Н. - Рубикон. 1917-1918 — М, РОССПЭН, 2016 — стр.184-185)

14 сентября 1917 года в Петрограде в Александринском театре начало работу так называемое Всероссийское демократическое совещание, в котором принимали участие представители практически всех партий и общественных организаций, а также несколько министров Временного правительства и члены дипломатического корпуса союзных держав.

Итогом работы Совещания стало формирование Всероссийского демократического Совета (Предпарламента), в котором большевики получили всего 58 мест из 555.

13-14 сентября Ленин направил в ЦК собственной партии два письма — «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание». В одном из них он, в частности, писал: «Политически мы не удержали бы власти 3-4 июля, ибо армия и провинция, до корниловщины, могли пойти и пошли бы на Питер. Теперь картина совсем иная.» (Ленин В.И. - ПСС, Том 34 — стр.244)

И делал вывод: «Мы..., не теряя ни минуты, должны организовать штаб повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку, занять Петропавловку, арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центру города; мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить наш штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т.д.» (Ленин В.И. - ПСС, Том 34 — стр.247)

Реакцию ЦК передал большевик Н. Бухарин (1888-1938): «Мы все ахнули, никто не знал, что делать. Все недоумевали первое время.» (Рабинович А. - Большевики приходят к власти — М, Прогресс, 1989 — стр.207)

Вечером 15 сентября прошло чрезвычайное заседание ЦК, с участием Бубнова, Дзержинского, Иоффе, Милютина, Свердлова, Сокольникова, Сталина, Урицкого, Каменева, Коллонтай, Троцкого, Бухарина, Ломова, Ногина, Рыкова и Степана Шаумяна. Присутствующим раздали копии ленинских писем, чтобы они могли предварительно обдумать их. Предложение Сталина разослать письма в наиболее важные партийные организации было отклонено.

Обмен мнениями показал: большинство за то, чтобы эти письма немедленно уничтожить! Как вспоминал впоследствии Бухарин: «ЦК партии единогласно постановил письма Ленина сжечь». Во внесенной Каменевым резолюции говорилось: «ЦК, обсудив письма Ленина, отвергает заключающиеся в них практические предложения, призывает все организации следовать только указаниям ЦК и вновь подтверждает, что ЦК находит в текущий момент совершенно недопустимым какие-либо выступления на улицу...». (Арутюнов А. - Ленин. Досье без ретуши — Том 1 — М, Вече, 2002 — стр.183)

В официальном протоколе отмечено, что члены ЦК проголосовали за сохранение лишь одного экземпляра каждого письма.

Большевики отвергли также требование Ленина покинуть Демократическое совещание. Их депутаты поддержали создание постоянного представительного органа — Предпарламента, — задачей которого было окончательное решение вопроса о государственной власти.

Суханов: «Ленин, так же как и Троцкий, продолжал свою старую июньскую линию бесшабашного, импрессионистского, медвежьего, всесокрушающего наскока — на авось... Не терпелось Ленину в его далеке! Но надо сказать, среди своих соратников он на этот раз не имел никакого успеха. Его блестящий план блестяще провалился в его собственном ЦК...» (Суханов Н.Н. - Записки о революции — Том 3 — М, Республика, 1992 — стр.183)

17 сентября, без ведома ЦК, Владимир Ильич прибыл из Гельсингфорса в Выборг и уже отсюда известил Крупскую и Свердлова — но не ЦК — о своем непреклонном решении вернуться в Петроград. (Ра-

бинович А. - Большевики приходят к власти — М, Прогресс, 1989 — стр.209)

Р. Пайпс: «Одним из важных факторов, заставлявших Ленина торопить события, было опасение, что большевиков опередит Учредительное собрание. 9 августа Временное правительство наконец объявило график созыва этого органа: выборы были назначены на 12 ноября, а первое заседание — на 28 ноября... Поскольку опорой большевиков было городское население и армия и они были фактическими хозяевами в Советах, мандат на власть в масштабах страны они могли получить, лишь действуя через систему Советов. В противном случае они теряли все. Если бы страна выразила свою волю на демократических выборах, они бы уже не смогли ни утверждать, что говорят от имени «народа», ни называть новое правительство «капиталистическим». Поэтому, намереваясь захватить власть, они должны были сделать это до выборов в Учредительное собрание. А уже контролируя ситуацию, они смогли бы нейтрализовать неблагоприятные результаты выборов.» (Пайпс Р. - Русская революция — Том 2 — М, РОССПЭН, 1994 — стр.147-148)

В конце сентября 1917 года Ленина в его финском убежище застает еще одна тревожная весть.

20 сентября Австро-Венгерское правительство обратилось через тайных посредников в Испании с совершенно секретным предложением к Англии вступить в переговоры о сепаратном мире под ее руководством. Британское правительство запросило мнение своих союзников — прежде всего Франции и России. (Хереш Э. - Купленная революция. Тайное дело Парвуса — М, «ОЛМА-ПРЕСС Образование», 2004 — стр.308)

«Это важное событие временно должно было оставаться в тайне; кроме Керенского — с конца июля министра-председателя вместо князя Львова — и министра иностранных дел Терещенко это было известно только пяти лицам Комиссии по иностранным делам, которые должны были дать обязательство не разглашать тайну.» (Хереш Э. - Купленная революция. Тайное дело Парвуса — М, «ОЛМА-ПРЕСС Образование», 2004 — стр.308)

Несмотря на формальное соблюдение всех предосторожностей, Ленин узнает о возможных мирных переговорах. Для него, как и для всех большевиков, окончание войны - это катастрофа. Мало того, что их лозунги о мире теряли бы свое значение. Главное, что победа

России в войне — а капитуляция Австро-Венгрии делала бы поражение Германии вопросом буквально нескольких недель — вызвала бы такой подъем патриотических чувств, что большевики, уличенные в работе на врага, призывавшие к свержению правительства, были бы сметены окончательно и бесповоротно.

Началась спешка.

И вот на этом этапе Ленин получает поддержку нового председателя Петросовета Троцкого.

Именно Троцкий был первым, кто поднял в ЦК вопрос о бойкоте Демократического совещания, на что Ленин отреагировал так:

«Надо бойкотировать предпарламент...»

Суббота, 23 сентября.

Троцкий был за бойкот! Браво, товарищ Троцкий!... Да здравствует бойкот!». (Ленин В.И. - ПСС, Том 34 — стр.262)

29 сентября 1917 года, не дождавшись вразумительного ответа от ЦК на свои письма, которые там предпочли сжечь, Ленин пишет статью «Кризис назрел»:

«Не взять власти теперь, «ждать», болтать в ЦИК, ограничиться «борьбой за орган» (Совета), «борьбой за съезд» значит погубить революцию.

Видя, что ЦК оставил даже без ответа мои настояния в этом духе с начала Демократического совещания, что Центральный Орган вычеркивает из моих статей указания на такие вопиющие ошибки большевиков, как позорное решение участвовать в предпарламенте, как предоставление места меньшевикам в президиуме Совета и т.д. и т.д. - видя это, я должен усмотреть тут «тонкий» намек на нежелание ЦК даже обсудить этот вопрос, тонкий намек на зажимание рта, и на предложение мне удалиться.

Мне приходится подать прошение о выходе из ЦК, что я и делаю, и оставить за собой свободу агитации в низах партии и на съезде партии. Ибо мое крайнее убеждение, что, если мы будем «ждать» съезда Советов и упустим момент теперь, мы губим революцию.» (Ленин В.И. - ПСС, Том 34 — стр.282-283)

Это уже истерика — время уходит, война может закончиться, а вы собираетесь делить власть с другими партиями. Но, как мы знаем, для Ленина делить с кем-то власть невыносимо, особенно теперь, когда до заветной цели остается последний шаг. И тогда в дело идет шан-

таж — если вы не послушаете меня, я «выйду из ЦК». То, что вслед за Лениным из ЦК «уйдут» и немецкие деньги, все понимали очень хорошо.

1 октября 1917 года Ленин продолжает уговаривать колеблющихся коллег по партии.

«Дорогие товарищи, события так ясно предписывают нам нашу задачу, что промедление становится положительно преступлением....

Медлить — преступление. Ждать съезда Советов — ребячья игра в формальность, позорная игра в формальность, предательство революции.

Если нельзя взять власти без восстания, надо идти на восстание тотчас.» (Ленин В.И. - ПСС т.34, стр.340-341)

Поясним, что это за съезд, о котором говорит Ленин.

Дело в том, что с 3 по 24 июня 1917 года в Петрограде прошел I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, на котором большинство голосов принадлежало эсерам и меньшевикам. Съезд отверг большевистские предложения о прекращении войны и передачи всей власти Советам, и подтвердил продолжение «революционной войны», а также полное доверие Временному правительству. Был избран ВЦИК (Всероссийский центральный исполнительный комитет), председателем которого стал Н.С. Чхеидзе, который был в то же время и главой Петроградского Совета.

Там же было принято решение о проведении осенью II Всероссийского съезда Советов. После большевизации Советов, о чем речь впереди, и многочисленных дискуссий со ВЦИК, открытие II Съезда было назначено на 25 октября. Подготовка съезда стала поводом для разногласий между Лениным и Троцким. В то время как Ленин, как мы видим, требовал начинать вооружённое восстание, не дожидаясь съезда, Троцкому удалось убедить большинство ЦК отсрочить восстание до начала его созыва, с тем, чтобы именно Съезд Советов мог «благословить» факт захвата власти большевиками.

Однако вернемся в сентябрь 1917-го и заметим, между прочим, что никакие разногласия между лидерами большевиков не мешали немецким властям пополнять ленинскую казну. И вот подтверждающий документ:

«Стокгольм. 12 сентября 1917 г. Господину Фарзеру,

в Кронштадте (через Гельсингфорс).

Поручение исполнено, паспорта и указанная сумма 207 000 марок по ордеру Вашего Господина Ленина упомянутым в Вашем письме лицам вручены. Выбор одобрен его Превосходительством Господином Посланником. Прибытие названных лиц и получение контрраспиcок подтвердите.

С уважением Свенсон.» (Арутюнов А. - Ленин. Досье без ретуши — Том 1 — М, Вече, 2002 — стр.177)

А вот телеграмма связного германского Генерального штаба в МИДе Верховному командующему сухопутных сил, Лернеру, от 29 сентября 1917 года.

«Широко задуманные и успешно осуществленные военные операции на Восточном фронте поддержаны подрывной работой в России. Мы приложили усилия к тому, чтобы способствовать националистически-сепаратистским устремлениям и мощно поддержать революционные элементы. Мы при этом действовали длительное время в полном единодушии с секцией политики в Берлине Генерального штаба действующей армии (капитан фон Гюльсен). Наша совместная работа показала видимый успех. Движение большевиков без нашей постоянной широкой поддержки никогда бы не приобрело того размера и не достигло бы того влияния, которым оно сегодня обладает. Налицо все признаки его дальнейшего распространение...» (Хереш Э. - Купленная революция. Тайное дело Парвуса — М, «ОЛМА-ПРЕСС Образование», 2004 — стр.306)

ОКТЯБРЬ 1917 ГОДА

К началу октября 1917 года растущая сила большевиков и их агрессивные планы стали очевидны для всех, кроме Керенского.

4 октября Потресов обращается к большевикам:

«Как поступите с Гинденбургом и его христолюбивым воинством? Предполагаете ли вы дать ваш ближайший «решительный бой» российской государственности в момент приближения этих полчищ? Рассчитываете ли вы дать бой и этим полчищам? Или, может быть, вы с ними побратаетесь? Заключите мир? Если да, на каких же условиях? Не утаивайте вашей программы, вы — властители наших су-

деб на завтрашний день!» (Потресов А.Н. - Рубикон. 1917-1918 — М, РОССПЭН, 2016 — стр.217)

Однако «властители судеб» все еще не могли определиться с тем самым «завтрашним днем». Настолько, что постоянно нервничавший по поводу все новых и новых задержек в деле взятия власти Ленин переборол природную трусоватость и решился явиться в Петроград лично.

За перемещения Владимира Ильича и его личную безопасность отвечали финны Александр Шотман, братья Юкка и Эйно Рахья, Гуго Ялава. Последние двое тайком как от полиции, так и от собственной партии, привезли большевистского вождя 7 октября в Питер.

При этом, А. Шотману, при подготовке перехода Лениным границы, пришлось раздобыть для себя через Генеральный штаб Керенского разрешение на право свободного перехода через финляндскую границу туда и обратно. Как финляндскому гражданину это разрешение было выдано ему без особых затруднений. «Эйно Рахья... исхлопотал себе такое же удостоверение в штабе.» (Шотман А. - Как от искры возгорелось пламя — М, «Старый большевик», 1934 — стр.335-336)

И это несмотря на то, что оба числились большевиками, то есть, теоретически, главными врагами Временного правительства, во главе с этим самым Керенским.

10 октября тот же Потресов вновь обрушился на большевиков:

«Они ушли. Ушли из Временного Совета Российской Республики. И хорошо сделали, что ушли... Но большевики не были бы большевиками, если бы не сопроводили своего ухода подходящей к случаю ложью. Если бы они не осквернили зала заседания заявлениями, вся гнусность которых заключается в том, что большевики в них сами не верят. Не верит ни скрывающийся «великий инквизитор» Н. Ленин, ни даже — опереточный премьер большевизма Л. Троцкий, выдвинутый на авансцену хитроумными режиссерами большевистского «действа»....

Но даже они не должны были сметь выговаривать то, что они позволили себе сказать! Даже у них не должен был повернуться язык, чтобы провозгласить в своей декларации ухода: «Да здравствует немедленный честный демократический мир»!

Вы лжете, презренные обманщики! Вы знаете сами, как нельзя лучше, что этого «демократического мира» вы не в состоянии дать

исстрадавшемуся населению страны! Вы спекулируете на доверчивости масс, которая принимает за чистую монету, за неподдельное золото фальшивку ваших речей, и вместо «честного демократического мира» вы подсовываете им бесчестную капитуляцию!...

«Немедленный мир» не может быть «честным» и «демократическим» — вы и сами понимаете это, лицемеры!

«Честный» же, «демократический» мир господина Троцкого и товарищей есть мир, подписанный Россией, опрокинутой навзничь, и к горлу которой придвинулся нож. Разбойник готов его вонзить. Неприятель готов вернуть Россию в состояние, близкое к допетровской Московии, и сладкоречивый большевистский тенор ничтоже сумняся заливается и хочет нас заверить, что это не нож, а добрососедский договор — «честный, демократический» мир!...

Нет, в прежние эпохи бывали безумные авантюры, ни с чем несообразные утопии! Люди шли и вели за собой, гонимые силой фанатической, ослепляющей веры, и гибли в огне, зажженном ими, авантюр! Безумцы, но внушающие к себе почтение фигуры! Слепцы, но нравственная красота их гражданского ослепления стоит трезвости многих мещан! В их гибели — их великое оправдание в истории.

Но никогда еще, кажется, не было такой грандиозной в своей бесчестности авантюры, такого бессовестного злоупотребления незнанием масс, такой преступной игры интересами страны, достоянием народа, судьбой поколений, грядущим развитием, как та, которая производится сейчас под знаком большевизма.

Это позор России! Это клеймо, выжженное местью судьбы, на прыщавом челе азиатского бескультурья!» (Потресов А.Н. - Рубикон. 1917-1918 — М, РОССПЭН, 2016 — стр.224-227)

В день опубликования приведенного выше обращения меньшевика Потресова, 10 октября 1917 года на квартире еще одного меньшевика, Николая Суханова (Карповка 32, кв.31), правда без его ведома, проходит заседание ЦК РСДРП(б), в составе: Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Свердлов, Сталин, Урицкий, Дзержинский, Коллонтай, Бубнов, Сокольников, Ломов (Оппоков) и Яковлева. Последние двое — представители Москвы. Председательствующий — Яков Свердлов.

Как вспоминала большевичка В.Н. Яковлева, — «собирались очень не конспиративно». Она, Ломов, Троцкий и Дзержинский успе-

ли даже посидеть неподалеку в кафе.» (Логинов В.Т. - Неизвестный Ленин — М, Эксмо: Алгоритм, 2010 — стр.426)

«На этом заседании ЦК, — вспоминал Ломов, — вопрос о восстании был подвегнут горячей дискуссии. Ленин, Свердлов, Сталин, Троцкий и мы, москвичи, решительно настаивали на резкой линии на восстание. Каменев и Зиновьев как-то неловко и слабо аргументировали в пользу необходимости всяческой оттяжки конфликта, доказывая нам утопизм, преждевременность вооруженного восстания, предрекая нашу изоляцию и т.д.» (Логинов В.Т. - Неизвестный Ленин — М, Эксмо: Алгоритм, 2010 — стр.429)

По итогам дискуссии, 10 голосами против 2 принимается резолюция о необходимости вооруженного восстания, в которой, в частности, сказано: «Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы.» (Ленин В.И. - ПСС, Том 34 — стр.393)

Троцкий и Свердлов при голосовании, естественно, поддержали Ленина.

Кроме указанной резолюции, «Центральный Комитет выбирает на этом заседании политический центр по руководству восстанием под названием Политическое бюро в составе: Ленина, Зиновьева, Сталина, Каменева, Троцкого, Сокольникова и Бубнова.» (Логинов В.Т. - Неизвестный Ленин — М, Эксмо: Алгоритм, 2010 — стр.432)

Как видим, Свердлов не входит в состав Политбюро, что кажется странным. Однако на самом деле, влияние Якова Михайловича нисколько не уменьшается, даже каким-то чудесным образом, становится больше.

«То обстоятельство, что Свердлов... не вошел в состав данного Политбюро, нисколько не мешало Якову Михайловичу председательствовать на последующих заседаниях ЦК.» (Логинов В.Т. - Неизвестный Ленин — М, Эксмо: Алгоритм, 2010 — стр.433)

Два члена ЦК — Каменев и Зиновьев — голосовавшие против резолюции о восстании, обосновали свои возражения в особом резюме, которое было разослано ими в партийные организации.

«Мы глубочайшим образом убеждены, — писали они, — что объявлять сейчас вооруженное восстание — значит ставить на карту не только судьбу нашей партии, но и судьбу русской и международной

революции... Говорят: 1) за нас уже большинство народа в России и 2) за нас большинство международного пролетариата. Увы! Ни то, ни другое не верно, и в этом все дело... Глубокой исторической неправдой будет такая постановка вопроса о переходе власти в руки пролетарской партии: или сейчас, или никогда. Нет! Партия пролетариата будет расти... И только одним способом может прервать она свои успехи — именно тем, что она в нынешних обстоятельствах возьмет на себя инициативу выступления и тем поставит пролетариат под удары всей сплотившейся контрреволюции, поддержанной мелкобуржуазной демократией. Против этой губительной политики мы подымем голос предостережения.» (Мельгунов С.П. - Как большевики захватили власть — М, Айрис-Пресс, 2007 — стр.59)

Историк А,Рабинович: «Каменев и Зиновьев утверждали, что ленинская оценка сил большевиков, а также слабости и изолированности Временного правительства в Петрограде была сильно преувеличенной. По их мнению, ни рабочие, ни солдаты в бой отнюдь не рвались, и, во всяком случае, военная сила в распоряжении правительства намного превосходила войска, которые пошли бы за большевиками. Более того, при поддержке ЦИК, считали Каменев и Зиновьев, Временное правительство почти наверняка призовет на помощь войска с фронта, и партии придется бороться в условиях, совсем непохожих на те, что были в дни выступления Корнилова. Тогда партия сражалась рука об руку с эсерами и меньшевиками и даже некоторыми союзниками Керенского, «теперь же пролетарской партии пришлось бы драться против черносотенцев плюс кадеты, плюс Керенский и Временное правительство, плюс ЦИК (эсеры и меньшевики)». В такой борьбе большевики неминуемо потерпят поражение.

Вместо немедленного вооруженного восстания, на котором настаивал Ленин, Каменев и Зиновьев предлагали партии проводить линию отказа от насильственных мер борьбы, ограничиваясь «оборонительной позицией» и всемерно добиваясь поддержки масс, чтобы получить максимальное представительство в Учредительном собрании... Позиции большевиков в Учредительном собрании совместно с Советами будут настолько сильны, что их врагам придется на каждом шагу идти на уступки, в противном случае им будет угрожать образование блока большинства из большевиков, левых эсеров, беспартийных представителей крестьян и других подобных элементов. Все это позволит большевикам, утверждали Каменев и Зиновьев, успеш-

но проводить программу своей партии.» (Рабинович А. - Большевики приходят к власти — М, Прогресс, 1989 — стр.232-233)

Что же, с точки зрения марксизма, Каменев и Зиновьев абсолютно правы — что это, вообще, значит: сейчас или никогда?

Не забудем и то, что писал Энгельс: «Мы, «революционеры», «ниспровергатели», мы гораздо больше преуспеваем с помощью легальных средств, чем с помощью нелегальных или с помощью переворота.» (Маркс К., Энгельс Ф. - ПСС, Том 22 — стр.546)

Правы Каменев и Зиновьев и по поводу поддержки большинства народа в России — выборы в Учредительное Собрание, проигранные большевиками, это подтвердят.

Так в чем же не правы оба «близоруких» оппонента, по определению Ленина? А вот в чем: 1) для самого Владимира Ильича вся эта «мировая революция» имеет смысл, только если во главе ее стоит лично он, и 2) ни Каменев, ни Зиновьев не знают (по чину не положено) о секретных договоренностях, причем не только с «темными силами» и Германией, но и с Керенским, чьей задачей, в том числе, и является — не дать «сплотиться контрреволюции».

12 октября по предложению Троцкого был создан Военно-Революционный Комитет (ВРК), в состав которого вошли представители ЦК, петроградских и военных партийных организаций левых эсеров и большевиков, делегаты президиума и солдатской секции Петросовета, представители Красной гвардии, Центробалта, Центрофлота, а также представители фабрично-заводских комитетов. В составе ВРК было сформировано Бюро ВРК, главой которого, как и самого ВРК, формально стал левый эсер П.Е. Лазимир, но основными действующими лицами являлись большевики Троцкий, Антонов-Овсеенко и Подвойский, под чуткой опекой Свердлова. Вместе с Подвойским, «интересы» Якова Михайловича представляли главы отделов ВРК: Аванесов (печати и информации), Голощекин (внутренней и внешней связи), Стучка (следственно-юридический).

Первое заседание ВРК состоялось в ночь с 18 на 19 октября 1917 года.

Тем временем, открытые противники переворота, Зиновьев и Каменев, нашли поддержку среди других членов ЦК. Так, Рыков и Ногин, отсутствовавшие на заседании 10 октября, разделяли точку

зрения двух первых персонажей. К ним приближался и Милютин. (Троцкий Л. - История русской революции — Том 2/2 — М, «ТЕРРА-TERRA», издательство «Республика», 1997 — стр.137)

Вот мнения еще нескольких видных большевиков.

16 октября Крыленко докладывал: «Большая часть Бюро (Военной организации) полагает, что не нужно заострять вопрос практически...» (Троцкий Л. - История русской революции — Том 2/2 — М, «ТЕРРА-TERRA», издательство «Республика», 1997 — стр.137)

18 октября Лашевич говорил: «Не надо ли брать власть сейчас? Я думаю, что нельзя форсировать событий... Нет гарантии, что нам удастся удержать власть... Стратегический план, предложенный Лениным, хромает на все четыре ноги.» (Троцкий Л. - История русской революции — Том 2/2 — М, «ТЕРРА-TERRA», издательство «Республика», 1997 — стр.138)

Решительно против восстания выступал Чудновский. Мануильский скептически твердил, что «фронт не с нами». Против восстания были Томский и Володарский. (Троцкий Л. - История русской революции — Том 2/2 — М, «ТЕРРА-TERRA», издательство «Республика», 1997 — стр.138)

Да что там говорить, 20 октября не где-нибудь, а в центральном печатном органе партии газете «Правда», в ответ на ленинскую статью, в которой Ильич называет выступление Каменева и Зиновьева «безмерной подлостью», неожиданно для ЦК появляется следующее заявление:

«От редакции. Мы в свою очередь, выражаем надежду, что сделанным заявлением т. Зиновьева (а также заявлением т, Каменева в Совете) вопрос можно считать исчерпанным. Резкость тона статьи т. Ленина не меняет того, что в основном мы остаемся единомышленниками».

Таким образом, там, где Ленин говорил о «безмерной подлости», прикрытой дипломатическими уловками, редакция, опираясь на эти уловки, говорит о «единомыслии».

В редакцию входили тогда Сталин и Сокольников.

В ходе короткого разбирательства было установлено, что «тов. Сокольников... не принимал участия в заявлении от редакции по поводу писем Зиновьева и считает это заявление ошибочным». Таким образом выяснилось, что Сталин единолично — против Ленина, против

ЦК, против другого члена редакции — поддержал Каменева и Зиновьева в самый критический момент, за четыре дня до восстания, таким официальным заявлением, которое способно было только сбить с толку всю партию. Возмущение было общее. Протокол гласит: «Тов. Сталин заявляет, что выходит из редакции». Чтобы не усугублять и без того нелегкое положение, ЦК отставку Сталина отклоняет.» (Троцкий Л.Д. - Сталинская школа фальсификаций — М, Наука, 1990 — стр.193-194)

Как видим, не всегда «товарищ» Сталин был таким уж верным ленинцем, как это подавалось позднее.

В Петрограде Ленин скрывается на квартире большевички Маргариты Фофановой (1883-1976), где его могут посетить только самые доверенные сподвижники — Яков Свердлов, Надежда Крупская, Инесса Арманд и некоторые другие, включая, разумеется фактического личного телохранителя — Эйно Рахья.

Как же протекала ленинская жизнь на конспиративной квартире?

Вот выдержка из рассказа ее хозяйки М. Фофановой:

«В субботу, 14 октября, поздно вечером пришел Эйно Рахья. Он притащил с собой дорожный солдатский сундук, до самого верха набитый новенькими десятирублевыми купюрами. На дне сундука лежало множество пачек шведских крон... В течение двух или трех дней Эйно по частям унес принесенные им деньги. Оставил, кажется, лишь два пачки Владимиру Ильичу...» (Арутюнов А. - Ленин. Досье без ретуши — Том 1 — М, Вече, 2002 — стр.197-198).

Продолжим знакомиться с воспоминаниями М. Фофановой:

«Вечером 15 октября, в воскресенье, когда было уже темно, в сопровождении Эйно пришли к нам два товарища. Об их приходе я была предупреждена Владимиром Ильичем еще утром. Он сказал мне, что вечером приедут из Финляндии два товарища — Рубаков и Егоров, и что они вместе со всеми совершили опасное путешествие из Цюриха в Петроград. Оба молодые, лет 30-35, высокие, стройные, чувствовалась военная выправка... Они вежливо поздоровались, и я проводила их в комнату Владимира Ильича. Эйно прошел в кухню. Разобрать разговор при закрытых дверях было невозможно, да и не пыталась я это делать. Но чувствовалось, что все трое говорят на немецком языке. Иногда они переходили на русский. Беседа проходила более часа. Когда они стали уходить, я услышала фразу: «Bis zum

baldigen Wiedersehen!" [До скорой встречи] Вместе с ними ушел и Эйно...».» (Арутюнов А. - Ленин. Досье без ретуши — Том 1 — М, Вече, 2002 — стр.200)

Немецкий язык в беседе с Лениным не должен вызывать удивления, ибо «эти «два товарища» являлись майорами разведывательного отдела германского Генштаба.» (Арутюнов А. - Ленин. Досье без ретуши — Том 1 — М, Вече, 2002 — стр.200)

На 16 октября срочно назначается расширенное заседание ЦК РСДРП(б). Фактически это было собрание партийного актива с участием членов ЦК.

«В протоколах этого форума так и записано - «собрание».» (Арутюнов А. - Ленин. Досье без ретуши — Том 1 — М, Вече, 2002 — стр.205)

Накануне Свердлов договорился с Шотманом, что заседание будет проведено в одной из комнат Лесновско-Удельнинской районной думы, председателем управы которой был М.И. Калинин. Около 8 часов вечера здесь собрались члены ЦК РСДРП(б), представители Военной организации, Петроградского Совета, профсоюзов, фабзавкомов. (Гвардия Октября/Петроград — М, Издательство политической литературы, 1987 — стр.84-85)

Ленин появился в сопровождении Шотмана, Рахьи и Зиновьева.

М. Лацис вспоминал: «Поздно вечером мы вместе с тов. Москвиным подкрадываемся к районной думе и встречаем там Калинина и еще двоих каких-то виданных и все же незнакомых людей. Только подойдя вплотную и слыша говор, мы спохватываемся, что это бритый Ильич и бородатый Зиновьев, изменившие свою внешность после июльских дней.» (Гвардия Октября/Петроград — М, Издательство политической литературы, 1987 — стр.344)

О самом собрании пишет историк А. Арутюнов:

«И на этот раз Ленин применил все тот же порочный, неоднократно осужденный видными деятелями социал-демократии (Плеханов, Мартов, Богданов и др.) прием подбора участников собрания по своему вкусу. Так, из 26 человек, присутствовавших на собрании, члены ЦК составляли лишь треть. Остальные приглашенные, за редким исключением, были готовы поддержать любое предложение Ленина. С помощью Свердлова и Рахья он постарался отстранить тех участников заседания Петроградского комитета, от которых нельзя было

ожидать поддержки.» (Арутюнов А. - Ленин. Досье без ретуши — Том 1 — М, Вече, 2002 — стр.205)

Несмотря на «свердловский фильтр», перед Лениным вновь возникают трудности.

Сам Владимир Ильич огласил в начале «собрания» резолюцию ЦК, принятую 10 октября, добавив короткое заклинание о необходимости вооруженного восстания.

«Следом выступил Свердлов. Очевидно, для поднятия духа и моральной поддержки присутствующих он преподнес им очередную фальшивку о численности партии, сказав: «Можно считать, что теперь она объединяет не менее 400 тыс.».» (Арутюнов А. - Ленин. Досье без ретуши — Том 1 — М, Вече, 2002 — стр.206)

Однако большинство ораторов, выступавших в прениях по докладу, сомневались в возможности взять власть в ближайшее время.

«Один за другим ораторы из числа сторонников выступления пытаются толковать резолюцию 10-го не как приказ центра, обязательный для партийных организаций, а как установление лишь основной тактики партии — «на восстание». В такой постановке как бы стираются острые углы разногласий. Сокольников находит, что «совершенно напрасно» толкуют резолюцию как «приказ выступать. Если бы оказалось, что события добудут отсрочку, то мы, конечно, ею воспользуемся». «Резолюция вовсе не приглашение завтра выступать», — толкует Калинин : она лишь «переводит вопрос из политики в стратегию». «День восстания должен быть целесообразен» — только так надо понимать резолюцию, по мнению Сталина. «Я смотрю на нее как на барометр, показывающий на бурю», — поясняет Степанов. «Резолюцию нельзя понимать как приказ выступать, это есть отказ от тактики воздержания и признание возможности и обязательности восстания при первом подходящем случае», — дает толкование Иоффе.» (Мельгунов С.П. - Как большевики захватили власть — М, Айрис-пресс, 2007 — стр.67)

Выступление Милютина было обобщающим:

«...Низложить, арестовать в ближайшие дни власть мы не можем...» (Арутюнов А. - Ленин. Досье без ретуши — Том 1 — М, Вече, 2002 — стр.206).

После всех выступлений, Ленин вновь предлагает подтвердить резолюцию от 10 октября.

Зиновьев возражает: «Если восстание ставится как перспектива, то возражать нельзя, но если это — приказ на завтра или послезавтра, то это — авантюра. Пока не съедутся наши товарищи и мы не посоветуемся, мы не должны начинать восстание». Солидаризируясь с Зиновьевым, Каменев добавил: «Назначение восстания есть авантюризм».» (Арутюнов А. - Ленин. Досье без ретуши — Том 1 — М, Вече, 2002 — стр.208)

В итоге, по предложению Ленина, принимается следующая резолюция.

«Собрание вполне приветствует и всецело поддерживает резолюцию ЦК призывает все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленнейшей подготовке вооруженного восстания, к поддержке создаваемого для этого Центральным Комитетом центра и выражает полную уверенность, что ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления.» (Ленин В.И. - ПСС , Том 34 — стр.397)

Это своеобразный компромисс. Как мы видим, нет призыва к «взятию власти тотчас», однако «усиленнейшая подготовка вооруженного восстания» провозглашена.

В упомянутый в резолюции центр, названный Военно-революционным, вошли Бубнов, Дзержинский, Урицкий, Сталин и... Свердлов.

Итог заседания вполне удовлетворил последнего из перечисленных «товарищей», так же как и Ленина с Троцким. Руки у них были развязаны.

На следующий день снова совещание, на этот раз на повестке дня конкретные вопросы вооруженного восстания.

Большевик Н. Подвойский (1880-1948): «Навсегда остался в памяти вечер 17 октября. После митинга в одном из полков спешу в Смольный. В комнате много народу. Это — ответственное совещание представителей всех районов Петроградской организации большевиков и Военной организации при ЦК партии. Обсуждался вопрос о вооруженном восстании. Председательствует товарищ Свердлов.» (Подвойский Н.И. - Год 1917 — М, Госполитиздат, 1958 — стр.93)

Собрание поддерживает решение о восстании. По его окончании Свердлов отправляет Подвойского, Невского и Антонова-Овсеенко на подпольную квартиру к Ленину. Исходя из соображений конспи-

рации, все трое отправились порознь, каждый со своим сопровождающим.

На совещании с Лениным всплывает неожиданное, хотя совершенно резонное соображение. Невский, недавно прибывший из Гельсингфорса, констатировал, что после ареста офицеров, произведенного на боевых кораблях, во главе последних оказались матросы, не умеющие управлять боем, в случае, если таковой бы возник. Но еще более существенным в данной ситуации было то, что новоиспеченные командиры не были знакомы с картой минных полей, что крайне затрудняло переход кораблей к Петрограду. В итоге, Невский предложил корабли не трогать, а матросов доставить в Петроград по железной дороге. (Подвойский Н.И. - Год 1917 — М, Госполитиздат, 1958 — стр.98)

Впрочем, впоследствии соображения безопасности были признаны несущественными для дела мировой революции, и корабли были также пущены в ход.

И вновь слово М. Фофановой: «Днем 17 октября Владимир Ильич предупредил меня, что собирается в ночную командировку. Поздно вечером (уже после Подвойского, Невского и Антонова-Овсеенко — Ю.Б.) пришел Эйно Рахья... Эйно спросил: «Владимир Ильич, не подавят нас присланные с фронта войска, как в июле?» Вдруг Владимир Ильич встал, положил руку на бедро и, слегка наклонившись в Эйно, сказал: «Немцы не позволят Керенскому снять с фронта даже одного солдата». Потом он посмотрел на часы и сказал: «Товарищ Рахья, нам пора». Они оделись и ушли.» (Арутюнов А. - Ленин. Досье без ретуши — Том 1 — М, Вече, 2002 — стр.212)

Уверенность Ленина базируется на четком плане, которого придерживается он сам, и в выполнении которого «немцами» он уверен.

Дело в том, что «еще в марте 1917 года, когда решался вопрос о пропуске Ленина и его сообщников в Россию и оговаривались предварительные условия будущего Брестского договора, германское командование, наряду с выделением большевикам необходимых для их подрывной деятельности денежных средств, приняло решение и об оказании им немедленной военной помощи в случае захвата власти. Для этой цели в апреле 1917 года с фальшивым шведским паспортом в Петроград прибыл полковник германского генерального штаба Генрих

фон Рупперт, доставивший секретные приказы немецким и австрийским военнопленным оказать вооруженную поддержку большевикам, которые, в свою очередь, должны были обеспечить их оружием.» (Бунич И. - Золото партии — С-П, «Шанс»,1992 — стр.22-23)

Этот приказ, подписанный начальниками генеральных штабов Германии и Австрии, после Второй мировой войны был обнаружен в немецких архивах. (Назаров Г. - Мифы советской эпохи — М, Алгоритм, 2007 — стр.40)

«Под Петроградом находилось несколько лагерей с германскими и австрийскими военнопленными, в том числе из весьма элитных частей. В частности, вблизи села Колтуши, фактически рядом с Большой Охрой, почти в полном составе сидел в лагере 3-й Кирасирский императора Вильгельма полк, захваченный в свое время в плен казаками генерала Ренненкампфа. Неподалеку коротал время 142-й Бранденбургский полк. […] Все было продумано до мелочей, даже то, что немцы плохо знакомы с русскими трехлинейными винтовками, наганами и прочим оружием. В связи с этим «большевистский» сторожевой корабль «Ястреб» специально ходил в Фридрихсхафен, откуда доставил 12 000 немецких винтовок и миллионы патронов прямо к 25 октября, за что и попал навеки в список «кораблей Великого Октября». Кроме того, «Ястреб» привел за собой на буксире судно раза в два больше его самого. […] «Ястреб», помимо винтовок, доставил в Петроград и немецкие полевые орудия.» (Бунич И. - Золото партии — С-П, «Шанс»,1992 — стр.23)

Если этого недостаточно, вот документ.

Германский Генеральный штаб сообщает «Совету Народных Комиссаров» 25 октября 1917 года, в день его учреждения:

«Согласно происшедших в Кронштадте в июле текущего года соглашений между чинами нашего Генерального штаба и вождями русской революционной армии и демократии гг. Лениным, Троцким, Раскольниковым, Дыбенко, действовавшее в Финляндии русское отделение нашего Генерального штаба командирует в Петербург офицеров для учреждения разведочного отделения штаба. Во главе Петербургского отделения будут находиться следующие офицеры, в совершенстве владеющие русским языком и знакомые с русскими условиями: майор Любертц, шифрованная подпись — майор фон Бельке, шифр. подпись Шотт; майор Бейермейстер, шифрованная подпись Бэр; лейтенант Гартвин, шифрованная подпись Генрих.

Разведочное отделение, согласно договорам с гг. Лениным, Троцким и Зиновьевым, будет иметь наблюдение за иностранными миссиями и военными делегациями, а также выполнять разведочную и контрразведочную работу на внутренних фронтах, для чего в различные города будут командированы агенты.

Одновременно сообщается, что в распоряжение правительства народных комиссаров командируются консультанты по министерству иностранных дел — г. фон Шенеман, по министерству финансов — г. фон Толь.

Начальник русского отдела Германского Генерального штаба О. Рауш. Адьютант Ю. Вольф.» (Спиридович А.И. - История большевизма в России от возникновения до захвата власти — М, Айрис-Пресс, 2007 — стр.381-382)

А вот комментарий документа генерала А. Спиридовича:

«Предложенный немцами план был разработан настолько подробно, что в нем был предусмотрен даже пункт о командировании в распоряжение ленинского правительства, после свержения им Временного [правительства], немецких офицеров в качестве военных советников. Эти же последние должны были выбрать в России из числа военнопленных немецких офицеров надежный кадр, который также должен был поступить в распоряжение ленинского правительства.» (Спиридович А.И. - История большевизма в России от возникновения до захвата власти — М, Айрис-Пресс, 2007 — стр.299)

21 октября состоялось очередное совещание большевистских вождей. У закрытых дверей ожидал американский журналист Джон Рид (1887-1920). По его словам, после окончания совещания, из совещательной комнаты вышел Володарский и «рассказал мне, что там происходит»:

«Ленин говорил: 24 октября будет слишком рано действовать: для восстания нужна всероссийская основа, а 24-го не все еще делегаты на Съезд прибудут. С другой стороны, 26 октября будет слишком поздно действовать: к этому времени Съезд организуется, а крупному организованному собранию трудно принимать быстрые и решительные мероприятия. Мы должны действовать 25 октября — в день открытия Съезда, так, чтобы мы могли сказать ему: «Вот власть! Что вы с ней сделаете?».» (Рид Д. - Десять дней, которые потрясли мир — М, Художественная литература, 1987 (Библиотека литературы США) — стр.91-92)

В это же время, «в одной из комнат верхнего этажа сидел тонколицый, длинноволосый человек, когда-то офицер царской армии, а потом революционер и ссыльный, некто Овсеенко, по кличке Антонов, математик и шахматист. Он разрабатывал планы захвата столицы.» (Рид Д. - Десять дней, которые потрясли мир — М, Художественная литература, 1987 (Библиотека литературы США) — стр.92)

Важно напомнить, что и Володарский и Антонов-Овсеенко, как и Троцкий, как и сам Джон Рид, прибыли Россию все из той же из Америки.

В тот же день, 21 октября, З. Гиппиус пишет в дневнике:

«Завтра, 22-го, в воскресенье, назначено грандиозное моленье казачьих частей с крестным ходом. Завтра же «день Советов» (не выступление, ибо выступление назначено на 25-е, однако, «экивочно» обещается и раньше, если будет нужно). Казачий ход, конечно, демонстрация. Ни одна сторона не хочет «начинать». И положение напряженнее — до невыносимости.

Керенский забеспокоился. Сначала этот ход разрешил. Потом, сегодня, начал метаться, нельзя ли запретить, но так, чтобы не от него шло запрещение. Погнал Карташева к митрополиту. Тот покорно поехал, ничего не выгорело....

Далее оказывается: Керенский телефонограммой отменил-таки завтрашнее моленье. Казаки подчинились, но с глухим ропотом. (Они ненавидят Керенского.)» (Гиппиус З. - Дневники — М, Захаров, 2017 — стр.219-220)

Поясним, о чем говорит поэтесса.

Мало известно, что в октябре 1917 года русским обществом была предпринята еще одна попытка спасти Родину от большевизма.

Совет «Союза казачьих войск» назначил на воскресенье 22 октября казачий крестный ход. В обращении комиссии по организации сего мероприятия указывалось:

«22 октября, в 1 день празднования иконы Казанской Божией матери, в память избавления в 1612 г. Москвы от врагов, в Петрограде будет совершен казачий крестный ход, в котором православное всероссийское казачество, верное своим исконным вековым традициям, ставит своим долгом всенародно молить Всевышнего спасти Россию от погибели и благословить оружие их на защиту от врагов земли русской.

Участие в крестном ходе должны были принять 1-й, 4-й и 14-й Донские казачьи полки, сотня юнкеров Николаевского кавалерийского училища и 6-я сводно-казачья батарея во главе с членами совета «Союза казачьих войск». Весь церемониал намечалось проводить в конном строю в полном вооружении.» (Алмазов Б. - Военная история казачества — М, Яуза, Эксмо, 2008 — Запрещенный Крестный ход, или почему казаки не спасли Россию в октябре 1917 года)

Это были не слишком большие силы по сравнению с общей численностью квартировавших в Петрограде войск, да еще если принять во внимание вооруженные красногвардейские отряды, однако это был тот кулак, который мог нанести сокрушительный удар по планам большевиков.

«Атаман Дутов в интервью газеты «Вольность» говорил о революции и подавлении путчей: «События 3-5 июля в достаточной мере показали... здесь не нужны большие силы. Здесь нужна решимость бесповоротная. Раз навсегда применить оружие, если эта мера вызывается обстановкой. Я полагаю, что казачьи части, находящиеся в столице... поддержат порядок и помогут правительству, в случае выступления большевиков.» (Алмазов Б. - Военная история казачества — М, Яуза, Эксмо, 2008 — Почему казаки не спасли Россию в 1917 году)

Казачьи офицеры разработали маршрут следования, более чем в 20 километров, провели осмотр зданий и чердаков, пригодных для ведения ружейного и пулеметного огня.

Все это крайне встревожило большевиков. У них «существовала группа по сбору информации о настроениях в воинских частях и мероприятиях, проводимых противниками Советов. Входивший в эту группу Ян Бирзгал изучил маршрут предполагаемого крестного хода. Его насторожило то, что — петляя по городу — он проходил не только мимо казарм казачьих частей, юнкерских училищ, но и через основные мосты, Петропавловскую крепость и места проведения митингов. Когда Ян рассказал об этом Свердлову, тот, подумав, заметил: «Это же новая корниловщина готовится! Хотят опередить нас».» (Логинов В.Т. - Неизвестный Ленин — М, Эксмо: Алгоритм, 2010 — стр.473)

Военно-революционному Комитету было поручено сорвать столь опасную акцию казаков. Немедленно большевистскими агентами

были найдены «представители» 4-го и 14-го полков, которые заявили, что их части не будут принимать участие в крестном ходе.

Но решающее слово опять сказал Керенский. С его подачи командующий Петроградским военным округом полковник Полковников запретил «Союзу казачьих войск» проведение ранее одобренной акции.

«Скрепя сердце и чуя гибель державы, казаки подчинились. Теперь против них были не только большевики, но и правительство. Ослушайся они запрета — обе силы повернули бы против них все стволы от винтовочных до башенных на кораблях Балтфлота. В чубатых казачьих головах осталась только одна мысль: «Нас предали. Домой!» На Дон, на Кубань, чтобы не допустить крамолы в свои края. Спасти семьи от того, что творилось в России. Потому что мы, казаки, России не нужны, да и она нам — чужая!» (Алмазов Б. - Военная история казачества — М, Яуза, Эксмо, 2008 — Почему казаки не спасли Россию в 1917 году)

Известие о том, что Керенский и Временное правительство сорвали последнюю попытку организованного сопротивления готовящемуся большевистскому перевороту, Ленин встретил с ликованием.

В письме Свердлову от 22 октября он написал.

«Отмена демонстрации казаков есть гигантская победа. Ура! Наступать изо всех сил и мы победим вполне в несколько дней!» (Ленин В.И. - ПСС, Том 34 — стр. 434)

Хотя казачий крестный ход был отменен, тем не менее не знавшая об этом толпа демонстрантов собралась у Исаакиевского собора и образовала внушительное шествие к Казанскому собору. К вечеру толпа разошлась. В России закончился один из последних мирных дней.

А вот свидетельство Суханова о роли Троцкого в подготовке восстания и о событиях, происходивших в день 22 октября, вместо казачьего крестного хода.

О Льве Давидовиче: «Лично Троцкий, отрываясь от работы в революционном штабе, летал с Обуховского на Трубочный, с Путиловского на Балтийский, из манежа в казармы и, казалось, говорил одновременно во всех местах. Его лично знал и слышал каждый петербургский рабочий и солдат. Его влияние — и в массах, и в штабе — было подавляющим. Он был центральной фигурой этих дней и главным

героем этой замечательной страницы истории.» (Суханов Н.Н. - Записки о революции — Том 3 — М, Республика, 1992 — стр.287)

И о митинге в Народном доме, на котором выступал Троцкий:

«Вокруг меня было настроение, близкое к экстазу. Казалось, толпа запоет сейчас без всякого сговора и указания какой-нибудь религиозный гимн. Троцкий формулировал какую-то общую краткую резолюцию или провозгласил какую-нибудь формулу, вроде того, что «будем стоять за рабоче-крестьянское дело до последней капли крови».

Кто — за? Тысячная толпа, как один человек, подняла руки. Я видел поднятые руки и горевшие глаза мужчин, женщин, подростков, рабочих, солдат, мужиков и типично мещанских фигур... Троцкий продолжал говорить. Несметная толпа продолжала держать поднятые руки. Троцкий чеканил слова:

- Это ваше голосование пусть будет вашей клятвой — всеми силами, любыми жертвами поддержать Совет, взявший на себя великое бремя довести до конца победу революции и дать землю, хлеб и мир!

Несметная толпа держала руки. Она согласна. Она клянется...» (Суханов Н.Н. - Записки о революции — Том 3 — М, Республика, 1992 — стр.292-293)

А еще, 22 октября три члена ВРК явились в Генштаб к командующему Петроградским военным округом полковнику Полковникову и заявили, что отныне «все приказы командующего должны скрепляться подписью одного из комиссаров, а без них приказы будут считаться недействительными». На это заявление Полковников ультимативно заявил: «Мы знаем только ЦИК, мы не признаем ваших комиссаров. Если они нарушат закон, мы их арестуем».» (Арутюнов А. - Ленин. Досье без ретуши — Том 1 — М, Вече, 2002 — стр.212)

Этого жесткого заявления Полковникова оказалось достаточно, чтобы ВРК объявил, что «он принимает ультиматум командующего Петроградским округом и отменяет свое заявление, сделанное в Генштабе 22 октября.» (Арутюнов А. - Ленин. Досье без ретуши — Том 1 — М, Вече, 2002 — стр.212-213)

Это сообщение привело Ленина в негодование. Не могло порадовать его и заседание ЦК, состоявшееся 24 октября в Смольном, так и не рассмотревшее главного вопроса — о немедленном захвате власти.

Интересны в этом отношении замечания Сталина по поводу позиции ЦК, сделанные им на заседании фракции большевиков 24 октября: «В рамках ВРК имеются два течения: 1) немедленное восстание, 2) сосредоточить вначале силы. ЦК РСДРП(б) присоединяется ко 2-му».» (Арутюнов А. - Ленин. Досье без ретуши — Том 1 — М, Вече, 2002 — стр.213)

Во время заседания ЦК Ленин был вынужден метаться, как зверь в клетке, по своей конспиративной квартире. Дважды он отправлял Фофанову в ЦК с письмами, в которых просил разрешения прийти в Смольный. Однако оба раза ему было отказано.

«Как вспоминает Фофанова, прочитав вторую записку, в которой содержался отрицательный ответ ЦК, Ленин смял, швырнул ее на пол и сквозь зубы произнес: «Сволочи!» Затем немного походил по комнате и сказал: «Я их не понимаю. Чего боятся эти багдадские ослы? Ведь только позавчера Подвойский докладывал и убеждал меня, что такая-то военная часть целиком большевистская, что другая тоже наша. А теперь вдруг ничего не стало».» (Арутюнов А. - Ленин. Досье без ретуши — Том 1 — М, Вече, 2002 — стр.213-214)

А вот ленинское письмо членам ЦК РСДРП(б) от 24 октября.

«Товарищи! Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно....

Нельзя ждать!! Можно потерять все!!...

Взятие власти есть дело восстания, его политическая цель выяснится после взятия...

Правительство колеблется. Надо добить его во что бы то ни стало!

Промедление в выступлении смерти подобно.» (Ленин В.И. - ПСС, Том 34 — стр.435-436)

Вечером 24 октября, всласть набегавшись по комнатам и закатив еще несколько истерик, Ленин быстренько написал воззвание к рядовым большевикам, пытаясь таким образом воздействовать на ЦК и ВРК. Вручив новоиспеченное воззвание Фофановой, он попросил ее поскорее доставить его Крупской.

Сам же, осознавая лучше всех окружающих, сколь стремительно тает отпущенное на попытку переворота время, нашел, тем не менее, несколько десятков минут для того, чтобы тщательно загримировать-

ся, а затем в сопровождении Эйно Рахья отправился в Смольный. Хозяйке квартиры Владимир Ильич оставил записку: «Ушел туда, куда вы не хотели, чтобы я уходил».

ПЕРЕВОРОТ

Из воспоминаний Ивара Смилги, доверенного лица Ленина в Финляндии:

«- Я ужинал в знаменитом Морском клубе. В 12 часов ночи 24 октября ко мне подошел левый эсер Ковригин и сообщил, что на мое имя получена странная телеграмма: «Гельсингфорс. Смилге. Присылай устав. Свердлов». Это значит, что в Петрограде началась борьба и от нас требуют помощи.»

О том же свидетельствует и Антонов-Овсеенко: «В 12 часов ночи 24 октября в Гельсингфорсе была получена условная телеграмма Свердлова. И в три часа утра первый эшелон красных моряков уже выступил в восставший Питер.» (Свердлова К.Т. - Яков Михайлович Свердлов — М, Молодая гвардия, 1957 — стр.353)

25 октября из Гельсингфорса в Петроград отправились три эшелона с вооруженными матросами — первый в 3 часа утра, второй — в 5 часов, третий - «в разгаре утра». Кроме того, к столице направилась наспех сформированная флотилия в составе патрульного катера «Ястреб», и пяти эсминцев («Меткий», «Забияка», «Мощный», «Деятельный» и «Самсон»). (Рабинович А. - Большевики приходят к власти — М, Прогресс, 1989 — стр.296)

Еще одна флотилия отправилась к Петрограду после 9 утра из Кронштадта. Кроме нескольких более мелких кораблей, в отряд входил линкор «Заря свободы», настолько старый, что его тащили четыре буксира. (Рабинович А. - Большевики приходят к власти — М, Прогресс, 1989 — стр.296)

Кронштадская флотилия первой достигла цели. Первым бросил якорь линкор, высадившийся с него десант занял Балтийскую железную дорогу между Лиговом и Ораниенбаумом. Минный заградитель «Амур» обосновался рядом с «Авророй», а корабли поменьше двинулись к Адмиралтейству. Антонов-Овсеенко поднялся на борт «Амура», чтобы передать последние указания руководителям кронштадского отряда.

Иначе обстояло дело с выехавшими из Гельсингфорса. Большинство отрядов прибыли поздно вечером или вообще на следующий день. В одном случае целый поезд с вооруженными матросами застрял в чистом поле под Выборгом из-за того, что лопнули трубы паровоза.

Что касается гельсингфоргсской флотилии, то она появилась в устье Невы уже после пресловутого залпа «Авроры».

В целом, задача доставки «устава» была выполнена весьма оперативно. Однако часть «красных моряков», отправленных в «восставший Питер» оказалась несколько необычной.

Вот характерный рассказ очевидца тех октябрьских событий:

«За день до переворота Михаил Пудиков поздно вечером 24 октября ехал в полупустом трамвае. На какой-то остановке в вагон вошли два десятка матросов в новеньких бушлатах и бескозырках. На лентах бескозырок он прочел: «Верный», «Меткий». Пудиков попытался заговорить с ними, но ему не ответили. Подошел капитан-лейтенант и сказал Пудикову, чтобы он не приставал к матросам. Офицер говорил с каким-то странным акцентом. А матросы продолжали молча сидеть, словно воды в рот набрали. Пудиков обратил внимание, что у всех матросов винтовки были немецкого производства. Все это вызвало у него подозрение. А когда на следующий день он решил сообщить в комендатуру о странных ночных спутниках, оказалось, что власть в Петрограде уже сменилась.» (Арутюнов А. - Ленин. Досье без ретуши — Том 1 — М, Вече, 2002 — стр.221)

Добавим, что моряки, которых встретил в ночном трамвае М. Пудиков, не могли быть членами экипажей эсминцев «Меткий» и «Верный», о которых многократно упоминали советские историки и пропагандисты, поскольку корабли в это время еще находились в открытом море и прибыли в Петроград соответственно спустя 12 и 16 часов после взятия Зимнего.

В ночь на 25 октября, еще до прибытия подкрепления из Гельсингфорса, ВРК перешел к активным действиям.

«Для руководства военными операциями против правительства ВРК была выделена особая тройка в составе Подвойского, Чудновского и Антонова-Овсеенко. Предполагалось окружить Зимний дво-

рец кольцом надежных войск во время заседания правительства в ночь на 25 октября и арестовать всех министров, а в случае сопротивления принудить правительство к сдаче огнем с крейсеров «Аврора» и «Заря Свободы» и стрельбой в упор из Петропавловской крепости. В первую очередь решено было выдвинуть «самые стойкие части». У Подвойского можно найти подробную топографическую схему предполагаемого продвижения полков и батальонов и изложение тактических задач, возложенных на отдельные войсковые части. Но план ночной атаки не был выполнен, благодаря «недочетам, неизбежным во всяких крупных операциях, в которых... отводится большая роль подъему и энтузиазму»: «импровизированное управление войсками, недостаток связи и многие другие обстоятельства позволили начать первое продвижение войск к Зимнему дворцу только в 6-7 часов утра».» (Мельгунов С.П. - Как большевики захватили власть — М, Айрис-пресс, 2007 — стр.163)

Тем не менее, в течение ночи 24-25 октября, большевики небольшими отрядами постепенно заняли вокзалы, мосты, телеграф, телефонное агентство, осветительные учреждения. Рано утром 25 октября заняты Варшавский вокзал, типография «Биржевых ведомостей», Дворцовый мост. В «Крестах» освобожден ряд заключенных большевиков, в том числе кронштадский вождь Рошаль, тотчас получивший боевое назначение.

В то же время, большевики не пытались занимать ни Зимний, ни Главный штаб, в то время, как охрана дворца была чисто фиктивной, а в штабе, где находился Керенский, отсутствовала даже обычная пара часовых у подъезда. (Суханов Н.Н. - Записки о революции — Том 3 — М, Республика, 1992 — стр.321)

А еще в ночь с 24 на 25 октября в Зимнем дворце появилась делегация «от казачьих войск и от 1, 4 и 14-го казачьих полков». Казаки требовали, чтобы Керенский ликвидировал большевистские организации и арестовал большевистских вождей как государственных преступников. Казалось бы, договориться с казаками — это последняя надежда Керенского сохранить власть.

Однако... «Керенский отвечал на это, что не решается арестовать Троцкого, находящегося в Совете рабочих и солдатских депутатов.» (Милюков П.Н. - История второй Русской революции — С-Пб, Питер, 2014 — 659)

В итоге, у казаков осталось неблагоприятное впечатление от этого разговора с Керенским, и Совет казачьих войск, заседавший всю ночь, высказался за невмешательство казаков в борьбу Временного правительства с большевиками.

Сведения о таком настрое казаков позволили ВРК опубликовать следующую прокламацию: «Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона...» (Милюков П.Н. - История второй Русской революции — С-Пб, Питер, 2014 — 658)

Однако изданная бумажка пока выдавала желаемое за действительное. К тому же, обстановка в Петрограде ничуть не напоминала преддверие революции.

Историк, очевидец происходящего С.П. Мельгунов:

«Прежде всего, утром в день восстания работа на фабриках и заводах не была остановлена. Работа шла, и только в партийных комитетах, вспоминает рабочий Балтийского завода Мартынов, происходили совещания. В конце концов, 235 рабочих с этого завода приняли то или иное участие в боевых действиях. С других заводов — еще меньше. Путиловский завод, имевший якобы 1500 организованных красногвардейцев, мог фактически выставить лишь отряд в 80 человек...» (Мельгунов С.П. - Как большевики захватили власть — М, Айрис-пресс, 2007 — стр.165)

Вот воспоминания полковника Коренева:

«Утром 25 октября мне, как обычно, подают к гостинице экипаж — еду во дворец с предчувствием чего-то скверного, но предвестников близкого грядущего опять-таки никаких не замечаю — на улицах все буднично и обыкновенно, привычная глазу толпа на Невском... та же деловая или фланирующая публика; по-всегдашнему ходят переполненные трамвайные вагоны, торгуют магазины... и нигде не обнаруживаются пока никакого скопления войск или вообще вооруженных отрядов... Только уже у самого дворца заметно небольшое шевеление... Дворец снаружи принял более боевой вид: все его выходы и проходы, идущие на Неву, облеплены юнкерами. Они сидят у ворот и дверей дворца, галдят, хохочут, бегают по тротуару вперегонки.» (Мельгунов С.П. - Как большевики захватили власть — М, 2007 — стр.168)

Член Государственной Думы Шидловский также бродит по улицам для того, чтобы следить за борьбой. Но нигде ее не видит. Не слышно и стрельбы. Все происходит «чрезвычайно тихо и спокойно». Публика поголовно смеется. (Мельгунов С.П. - Как большевики захватили власть — М, Айрис-пресс, 2007 — стр.168)

Таким образом, при ближайшем рассмотрении, оказывается, что никакой устрашающей массовости в «революционном порыве» не было.

В 9 утра Александр Федорович вызвал в штаб министров. Явились Коновалов, Кишкин и Малянтович. Штаб по-прежнему не охранялся. В подъезд входили и выходили сплошные вереницы вооруженных людей. Что это были за люди и зачем они шли — никому не известно. Никто не требовал ни пропуска, ни удостоверения личности. (Суханов Н.Н. - Записки о революции — Том 3 — М, Республика, 1992 — стр.321)

Керенский провел короткое совещание с имевшимися в наличии министрами. Назначил своим заместителем Коновалова. И... вышел из здания штаба, сел в автомобиль и, легко миновав все препятствия, умчался за город, якобы за «верными частями» с фронта.

Но прежде, чем уйти, Александр Федорович отдал еще несколько приказов. И это поистине шедевр управленческой мысли... или очередной фрагмент поддавков.

Так, в условиях открыто приближающегося большевистского бунта, Керенский снимает с должности командующего Петроградского военного округа полковника Полковникова, и назначает Уполномоченным правительства по водворению порядка в столице министра социального призрения, то есть — социального обеспечения, врача-физиотерапевта Николая Михайловича Кишкина.

Стоит ли пояснять, что какими бы выдающимися личными качествами не обладал врач, все же в области чисто военной должен командовать военный.

Но этого мало, заместителями Кишкина становятся Пальчинский и Рутенберг. И эти назначения — отличный выбор для большевиков. Особенно, если помнить, что Петр Иоакимович Пальчинский участвовал в беспорядках 1905 года в Иркутске, будучи членом масонской ложи Великого Востока народов России, участвовал в февральском перевороте, а совсем недавно, в августе, выступил про-

тив генерала Корнилова, единственной силы, способной остановить большевиков.

И вот пример деятельности Пальчинского.

Министры спрашивают его, отчего так малочисленны защитники Зимнего. Где самые надежные юнкера? «Где же Владимирское, где же Павловское училища?» И Пальчинский «лгал в ответ, уверяя, что в Зимнем дворце (где более 1000 комнат) недостаточно места (!), чтобы вместить всех преданных Временному правительству защитников...» (Подвойский Н.И. - Год 1917 — М, Госполитиздат, 1958 — стр.137)

И действительно, благодаря усилиям Керенского, к вечеру 25 октября Зимний дворец защищали аж 137 ударниц из 2-й роты 1-го Петроградского женского батальона смерти, 3 роты юнкеров — порядка 600 человек, и 40 инвалидов Георгиевских кавалеров, возглавляемых капитаном на протезах. То есть, примерно 700-800 человек.

Что же касается Пинхаса Моисеевича Рутенберга, вернувшегося в Россию из США чуть позднее основной волны реэмигрантов, в июле 1917 года, то и его революционная карьера ярко вспыхнула в 1905 году, когда он, вместе с попом Гапоном, по сути, организовал избиение питерских рабочих 9 января 1905 года, а затем, в 1906 году, этого самого Гапона и убил.

Кстати, Рутенберг в конце своей жизни признал то, что так тщательно скрывал долгие годы: «Вот я марксист, но открыто признаю, что работаю на осуществление сионизма, а не социализма. Я борюсь за создание капиталистического еврейского государства». (Большаков В. - С Талмудом и красным флагом — М, Алгоритм, 2013 — стр.225)

Удивительное поведение Керенского не осталось без оценки.

В тот же день, 25 октября, наблюдая за странным безволием Александра Федоровича, полковник Полковников приходит к заключению, что «все происходящее нельзя назвать иначе, как изменой». Вместе с Коноваловым и несколькими «высшими офицерами» он устраивает совещание в помещении штаба, где заявляет о необходимости «сейчас же брать командование в свои руки». (Милюков П.Н. - История второй Русской революции — С-Пб, Питер, 2014 — 661)

Однако, для подобных действий было уже слишком поздно.

Сам Керенский замечает по этому поводу: «Офицерство, собравшись в значительном количестве в штабе, вело себя по отношению к

правительству, а в особенности, конечно, ко мне, все более вызывающе. Как впоследствии я узнал, между ними по почину самого полковника Полковникова шла агитация за необходимость моего ареста. Сначала об этом шептались, а к утру стали говорить громко, почти не стесняясь присутствия посторонних.» (Милюков П.Н. - История второй Русской революции — С-Пб, Питер, 2014 — 661)

Спустя несколько часов после бегства Керенского, ЦК партии эсеров постановил, что: «1) Временное правительство является единственным законным правительством до Учредительного собрания; 2) авантюра, предпринятая большевиками, решительно осуждается ЦК и 3) в случае появления у власти нового, составленного большевиками правительства, ни один эсер не должен войти в новое правительство». (Милюков П.Н. - История второй Русской революции — С-Пб, Питер, 2014 — 678)

Само Временное правительство, уже в отсутствие Керенского, выпускает воззвание:

«Граждане, спасайте Родину, Республику и свободу. Безумцы подняли восстание против единственной государственной власти, установленной народом впредь до Учредительного Собрания — против Врем. Правительства. Члены Врем. Правит. исполняют свой долг, остаются на своих местах и будут продолжать свою работу на благо родины для восстановления порядка и для созыва в назначенный срок Учредительного Собрания, будущего полномочного хозяина земли русской и всех народов ее населяющих...» (Октябрьский переворот. Факты и документы — Петроград, «Новая эпоха», 1918 — стр.182)

А теперь о наблюдениях американских журналистов, совершенно случайно, как нам говорят официальные историки, буквально наводнившие Петроград 25 октября.

Так, американская журналистка Луиза Брайант, находившаяся на Дворцовой площади, видела, как «из дворца вышел высоченного роста «дядя» [Альберт Рис Вильямс], спокойно пересек площадь, установил свой треножник и начал фотографировать женщин-солдат, строящих баррикаду». Строили ее из дров, приготовленных для отопления дворца и Генерального штаба. «Это выглядело очень комично, — пишет Брайант, — как в оперетте». (Логинов В. - Неизвестный Ленин — М, Эксмо: Алгоритм, 2010 — стр.513)

Еще один американский журналист Джон Рид, «спутник жизни» упомянутой Луизы Брайант, описывает обстановку в самой резиденции Временного правительства:

«В подъезде дворца от нас вежливо приняли пальто и шляпы все те же старые швейцары в синих ливреях с медными пуговицами и красными воротниками с золотым позументом. Мы поднялись по лестнице. В темном, мрачном коридоре, где уже не было гобеленов, бесцельно слонялись несколько старых служителей. У двери кабинета Керенского похаживал, кусая усы, молодой офицер. Мы спросили его, можно ли нам будет проинтервьюировать министра-председателя. Он поклонился и щелкнул шпорами. «К сожалению, нельзя, — ответил он по-французски. — Александр Федорович крайне занят... — Он взглянул на нас. — Собственно, его здесь нет...».» (Рид Д. - Десять дней, которые потрясли мир — М, Художественная литература, 1987 (Библиотека литературы США) — стр.110-111)

Получив этот ответ и, сделав вид, что не знали об отъезде Керенского на автомобиле американского посольства, журналисты продолжили бродить по Зимнему дворцу.

«Все помещение было превращено в огромную казарму, и, судя по состоянию стен и полов, превращение это совершилось уже несколько недель назад. На подоконниках были установлены пулеметы, между тюфяками стояли ружья в козлах. Мы разглядывали картины, когда на меня вдруг пахнуло запахом спирта и чей-то голос заговорил на плохом, но беглом французском языке: «...Американцы? Очень рад! Штабс-капитан Владимир Арцыбашев. Весь к вашим услугам...» Казалось, он не видел ничего странного в том, что четверо иностранцев, в том числе одна женщина, расхаживают по месту расположения отряда, ожидающего атаки. [...] «Мне бы очень хотелось уехать из России. Я решил поступить в американскую армию... Не будете ли вы добры помочь мне в этом у вашего консула».» (Рид Д. - Десять дней, которые потрясли мир — М, Художественная литература, 1987 (Библиотека литературы США) — стр.112)

А вот Альберт Рис Вильямс, недавно фотографирующий постройку баррикад на Дворцовой площади, описывает обстановку в штабе большевиков, за несколько часов до решающих событий (обратим внимание на имена участников сцены):

«Гамберг ушел, сказав, что встретимся позже. Я обратил внимание, что пошел он в сторону штаба Военно-революционного комите-

та. Джон метался, как тигр в клетке. В конце концов он решил отправиться в большой зал и попытаться добыть какую-нибудь информацию у англичанина Рэнсома, Прайса или у американцев: Дош-Флеро из «Нью-Йорк уорлд» и Грегори Ярроса из Ассошиэйтед Пресс... Брайант, Битти и я заняли посты в одном из невероятно длинных коридоров Смольного, надеясь встретить кого-нибудь из наших русско-американских друзей.» (Вильямс А.Р. - Путешествие в революцию — М, Художественная литература, 1987 (Библиотека литературы США) — стр.462)

Ну, а теперь, оценив пронырливость американцев, вернемся к действиям большевиков.

Сначала хотели ждать открытия II Съезда Советов.

Затем «от боевого центра ЦК (через Свердлова) получена директива: действовать решительно, ликвидацию правительства и захват власти завершить, не дожидаясь открытия съезда Советов.» (Антонов-Овсеенко В.А. - В семнадцатом году — М, Кучково поле, 2017 — стр.341)

Поторопились отчитаться. Однако «гладко оказалось лишь на бумаге».

Когда ВРК объявлял в 10 утра правительство низвергнутым, размер запоздания не был еще ясен даже непосредственным руководителям переворота. Подвойский обещал падение Зимнего не позднее 12 часов. Но в полдень обнаружилось, что осада все еще не укомплектована. Под нажимом из Смольного, захват дворца был перенесен на 15 часов. Но подошло новое время, а решения не было. Подвойский заверил по телефону, что уж к 18 часам он Зимний возьмет. Но тщетно... (Троцкий Л. - История русской революции — Том 2/2 — М, «ТЕРРА-TERRA», издательство «Республика», 1997 — стр.223)

Троцкий: «Выведенные из себя понуканиями Смольного, Подвойский и Антонов отказались дальше назначать какие бы то ни было сроки. Это породило серьезное беспокойство. Политически считалось необходимым, чтобы к моменту открытия съезда советов вся столица находилась в руках Военно-революционного комитета: это должно было упростить ситуацию по отношению к оппозиции на съезде, поставив ее перед совершившимся фактом. Между тем назначенный для открытия съезда час наступил, был передвинут и снова наступил: Зимний держался.» (Троцкий Л. - История русской революции —

Том 2/2 — М, «ТЕРРА-TERRA», издательство «Республика», 1997 — стр.223)

Подвойский: «Записки Ленина, которые он посылал то мне, то Антонову-Овсеенко, то Чудновскому,... становились все более жесткими. Ленин грозил предать нас партийному суду, расстрелять...» (Подвойский Н.И. - Год 1917 — М, Госполитиздат, 1958 — стр.139)

Около 20 часов через боковой вход в Зимний дворец проходит одетый в военную форму большевик Григорий Чудновский с группой так называемых парламентеров. Юнкера хотят арестовать его, но Рутенберг и Пальчинский приказывают его отпустить. Чудновский уходит, а его спутники скрываются в глубине дворца. В это время ни в Зимнем, ни вокруг все еще ничего не происходит. Юнкерам и «ударницам» не дают патронов, их не кормят.

Ко всему этому явлению Чудновского в Зимнем, добавляется один штрих.

С. П. Мельгунов: «Маленькая деталь — забыли не только поставить охрану, но даже запереть двери у выхода из дворца к Зимней Канавке; может быть, просто не знали о существовании такого выхода, как не знали даже внутренней топографии дворца вновь назначенные коменданты здания. Через эти забытые двери стали к вечеру проникать во дворец матросы, солдаты, рабочие, любопытствующие и любители легкой поживы.» (Мельгунов С.П. - Как большевики захватили власть — М, Айрис-пресс, 2007 — стр.171)

Теперь ВРК решает, что наступление на Зимний дворец начнется не позднее 21 часа. Сигнал красным фонарем дадут из Петропавловской крепости. Затем — предупредительный залп «Авроры». Пауза для возможной капитуляции. А уж потом — артобстрел Зимнего из Петропавловской крепости и общий штурм дворца.

Однако на практике все опять оказалось сложнее, чем рисовалось в фантазиях.

«Когда комиссар ВРК Георгий Благонравов приехал в Петропавловку, выяснилось, что «орудия, грозно стоящие на парапетах, для стрельбы не приспособлены и поставлены были исключительно для большего эффекта. Стреляла только одна пушка, заряжаемая с дула, возвещавшая время... На дворе арсенала, — пишет Георгий Иванович, — мы нашли несколько трехдюймовых орудий, по внешнему виду нам, не артиллеристам, показавшихся исправными». Их на ру-

ках вытащили и поставили на кучи мусора между крепостной стеной и обводным каналом Невы.

Теперь вроде можно было начинать — дать сигнал «Авроре». Но тут выяснилось, что нет сигнального фонаря. Стали искать. Наконец притащили фонарь, но без красного стекла. Обмотали его кумачем. Теперь надо было подвесить фонарь на флаг-шток, да так, чтобы увидели с «Авроры». Однако, как на грех, под рукой не оказалось веревки. Побежали искать веревку. А тут подошли артиллеристы и заявили, что в орудиях, предназначенных для боевой стрельбы, в противооткатных устройствах не залита компрессионная жидкость и палить из них крайне опасно — разорвет на куски.» (Логинов В. - Неизвестный Ленин — М, ЭКСМО: Алгоритм, 2010 — стр.518-519)

Тут в Петропавловскую крепость, заподозрив саботаж, прибыл Антонов-Овсеенко. Грозил, топал ногами...

«Срочно вызвали артиллеристов с морского полигона и, осмотрев орудия, матросы согласились рискнуть. Но вот беда — не все заготовленные снаряды по калибру подходят к этим пушкам. И опять помчались на поиски в крепостной арсенал и артсклад аж на Выборгской стороне...» (Логинов В. - Неизвестный Ленин — М, ЭКСМО: Алгоритм, 2010 — стр.519)

В 21.40 крейсер «Аврора» делает-таки выстрел холостым зарядом. После этого по дворцу стреляют пушки Петропавловской крепости, уже боевыми снарядами. Было сделано 35 выстрелов, но лишь два снаряда попадают в здание, что и неудивительно, исходя из рассказа «товарища» Благонравова. Появляются разрушения и раненые, но собранные вокруг Зимнего отряды матросов и красногвардейцев никуда не спешат.

Да, как видим, организация штурма хромала на все четыре копыта, но не это главное....

Тем временем, в 22 часа 45 минут в Смольном начал работу долгожданный II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. К открытию съезда большевики и их союзники левые эсеры имели около двух третей голосов.

С.П. Мельгунов: «На съезде,... давшем большевикам 390 голосов из 650, происходила обычная фракционная волокита. Представители с.-р., меньшевиков, бунда, фронтовых групп выступали с внеочередными заявлениями протеста против заговора и захвата власти. Протестанты покидали съезд. Ушли с него и меньшевики-

интернационалисты во главе с Мартовым, предложившие прервать работу съезда до выработки платформы мирного разрешения кризиса путем создания общедемократического правительства. Левые с.-р., высказываясь за создание «единого революционного фронта», но против предложенной Троцким резолюции с приветствием «победоносному восстанию», на съезде остались.» (Мельгунов С.П. - Как большевики захватили власть — М, Айрис-пресс, 2007 — стр.190)

Р. Пайпс: «В первые часы заседания в зале шли ожесточенные споры. Ожидая сообщения об аресте министров, большевики предоставили трибуну своим оппонентам-социалистам. Сквозь шум и выкрики зала меньшевики и эсеры зачитали одинаковые заявления, в которых объявляли большевистский переворот незаконным и требовали немедленных переговоров с Временным правительством.» (Пайпс Р. - Русская революция — Том 2 — М, РОССПЭН, 1994 — стр.171)

Вскоре, выслушав от Троцкого, что они «жалкие единицы» и «банкроты», которых надо выбросить в «сорную корзину истории», меньшевики во главе с Мартовым покинули съезд. Это случилось около часу ночи.

Поистине вездесущий американский журналист Джон Рид, успевший побывать в Зимнем дворце, поприсутствовал и в Смольном. Заметим, что и там, и там «товарищ-господин» получал доступ в самые, казалось бы, малодоступные места.

«Я... спустился в первый этаж, в комнату 18-ю, где шло совещание делегатов-большевиков. Резкий голос невидимого за толпой оратора уверенно твердил: «Соглашатели говорят, что мы изолированы. Не обращайте на них внимания! В конце концов им придется идти за нами или остаться без последователей...» (Логинов В. - Неизвестный Ленин — М, Эксмо: Алгоритм, 2010 — стр.516)

И опять на улицы Петрограда.

Ближе к полуночи из Зимнего на фронт по прямому проводу уходит сообщение:

«Правительство в полном составе, за исключением С.Н. Прокоповича, на посту. Положение признается благоприятным. Городская Дума и Совет Крестьянских Депутатов на стороне Правительства. Дворец обстреливается, но только ружейным огнем без всяких результатов. Выяснено, что противник слаб. Из Ставки Правительству сообщают, что на выручку идут войска с фронта. Самокатный бата-

льон ожидается ночью, а несколько полков утром.» (Октябрьский переворот. Факты и документы — Петроград, «Новая эпоха», 1918 — стр.185)

Но пока «войск с фронта» нет, на выручку осажденным отправляются горожане. Около полуночи к Зимнему дворцу отправилось порядка 300-400 человек, во главе с городским головой Петрограда Шрейдером и министром Временного правительства Прокоповичем, которого арестовали утром этого же дня, но затем выпустили на свободу.

К членам Городской Думы присоединяются ушедшие в эту ночь со съезда Советов эсеры, меньшевики, представители Совета крестьянских депутатов и т.д, Очевидцы свидетельствуют: на улице идущие выстраиваются колонной, по 10 в ряд, и начинают двигаться по направлению к Адмиралтейству... Ночь, часов 12, темно, идут молча... В тишине четко звучат шаги по мостовой. Бухают редкие орудийные выстрелы. Очень скоро, около Екатерининского канала, шествие перестает двигаться, упершись в преграждающих дорогу матросов. Кто-то впереди начинает объяснять матросам, кто идет и с какой целью. В тишине звучат отрывистые фразы: «избранники народа», «всенародное голосование», «демократия». Матросы сумрачно и молча стоят каменными рядами. Иссякнув в своих доводах и аргументах, «демократия» замолчала. (Красная летопись. Исторический журнал — М, Л, Государственное издательство, 1927, №2 (23) — стр.202-203)

Что ж, против матросских винтовок любые словесные аргументы бессильны. Да и понимают ли вообще эти «матросы» обращенные к ним русские слова? И демонстранты, вполголоса негодуя, разрозненными кучками, направляются обратно.

К этому часу относится и свидетельство В.Б. Станкевича:

«Приехал грузовик, наполненный матросами, молодыми, разудалыми, но теперь какими-то странно задумчивыми парнями. Общественные деятели окружили грузовик и стали доказывать ему, что это неотъемлемое право каждого гражданина быть со своим правительством в такие минуты. Матросы не отвечают и даже смотрят куда-то в сторону или, вернее, вверх, прямо перед собой с платформы грузовика. Возможно, что не слышат, занятые своими собственными мыслями, во всяком случае — не понимают интеллигентских, красиво построенных фраз. Потом, не говоря ни слова, поехали дальше.» (Октябрьская революция: Мемуары — М, Орбита, 1991 — стр.213)

Один из главных героев этих событий Владимир Александрович Антонов-Овсеенко, написал в свое время, что к ночи «вообще вся атака дворца носила совершенно беспорядочный характер». В более поздних официозных работах никакой «беспорядочности» уже не допускалось. Наоборот, колонны осаждающих двигались по строго установленному графику и диспозиции. А вся операция подавалась как образец революционной тактики и военного искусства.» (Логинов В. - Неизвестный Ленин — М, ЭКСМО: Алгоритм, 2010 — стр.530)

В реальности, как мы видим, все было иначе. И неизвестно еще, чем бы все закончилось, если бы не «заграница».

Уже после полуночи, при поддержке «странных матросов с винтовками немецкого производства», под покровом тьмы начинается совсем другое действие, с участием тех самых финских егерей, о которых мы уже говорили — четкое, стремительное и оттого по-настоящему страшное.

Боевая группа егерей поездом прибыла на Финляндский вокзал. Затем на грузовиках (вспомним свидетельство В.Б. Станкевича) или в пешем строю преодолели 3 километра до казармы комендантской роты на Зимней канавке, в которой располагался госпиталь. Оттуда часть егерей вошла в Зимний дворец через застекленный проход. Увидев направленные на них сверху, из окон казармы, ружейные стволы, юнкера бросили пулемет на мосту через Зимнюю канавку, открыв возможность еще одной группе егерей проникнуть в здание дворца через вход, то ли случайно, то ли специально оставленный кем-то открытым. Здесь их встретили разведчики, находившиеся внутри Зимнего еще с утра 25 октября. Финские егеря обезоруживают оставшихся во дворце юнкеров и «ударниц», а затем, пройдя Малахитовый зал, заходят в малую столовую, где прятались от обстрела министры Временного правительства. Вслед за ними туда входят Чудновский и Антонов-Овсеенко, оба — люди Троцкого, оба совсем недавно, как и их шеф, прибывшие в Россию из США. Антонов-Овсеенко объявляет министров арестованными.

И уже после этого толпа «революционных трудящихся», с победными воплями, совершенно беспрепятственно, проходят мимо штабелей дров в распахнутые к тому времени центральные ворота. Прибывшим показали уже арестованных министров, отправленных затем

в Петропавловскую крепость. А Антонов-Овсеенко отправился на проходящее в это время заседание II Всероссийского съезда Советов объявить об аресте Временного правительства.

А в Смольном как раз с 2.40 до 3.10 был объявлен перерыв. Ждали сообщений из Зимнего. Дождались.

Во время выступления Троцкого в зале появился Ленин. Лев Давидович произнес: «Да здравствует товарищ Ленин, он снова с нами» — и уступил ему трибуну. Стоя рядом, Ленин и Троцкий приветствовали собравшихся. Затем, пытаясь перекричать шум, Ленин сказал: «Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой так долго говорили большевики, совершилась...»

Одна деталь: Ленин, прождавший весь период подготовки в Разливе, Финляндии и на конспиративных квартирах, появился в неузнаваемом виде — бритый, без бороды и усов. Грим и парик настолько изменили Ленина, что узнать его было невозможно даже тем, кто был с Лениным хорошо знаком. (Фельштинский Ю. - Крушение мировой революции — Лондон, Oversear Publications Interchange Ltd, 1991 — стр.145)

Но то, что человек, заявивший о «совершившейся революции», был именно Владимиром Ильичем, мы уверены. Да и Лев Давидович не даст соврать...

ДЕКРЕТЫ И ПОГРОМЫ

Ночные страсти, бушевавшие в Смольном, так и остались внутри его стен.

Суханов: «Через два-три часа столица проснулась, не отдавая себе отчета, кто же ныне володеет и правит ею... События совсем не были грандиозны извне. Кроме Дворцовой площади, повсюду были спокойствие и порядок. «Выступление» довольно скромно началось и довольно быстро кончилось. Но чем — обыватель не знал.» (Суханов Н.Н. - Записки о революции — Том 3 — М, Республика, 1992 — стр.345)

Однако счастливое неведение «обывателя» продлилось недолго.

Вечером 26 октября, на втором заседании Съезда, в 22 часа 40 минут Ленин зачитал съезду декреты о мире и земле, которые были легко приняты на общем голосовании.

«Декрет о мире был назван так по недоразумению, поскольку он, в сущности, был не законодательным актом, а воззванием ко всем воюющим державам немедленно начать переговоры для достижения «демократического» мира без аннексий и контрибуций, гарантирующего каждой нации «право на самоопределение». В нем говорилось также о необходимости отказаться от тайной дипломатии и опубликовать тайные договоры.» (Пайпс Р. - Русская революция — Том 2 — М, РОССПЭН, 1994 — стр.171)

Декрет о земле большевики беззастенчиво переписали у эсеров с единственной целью — завоевать поддержку крестьян на предстоящих выборах в Учредительное Собрание.

Был оглашен и еще один декрет.

Третий, последний, декрет, представленный делегатам, был посвящен формированию нового правительства, получившего наименование Совет народных комиссаров (СНК), или Совнарком.

Срок действия этого органа ограничивался созывом Учредительного собрания, который предполагался в следующем месяце. Поэтому, как и предыдущий орган исполнительной власти, Совнарком назывался также «Временным правительством».

Вот само «Постановление об образовании рабочего и крестьянского правительства». Читаем:

«Образовать для управления страной, впредь до созыва Учредительного собрания, временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров....

26 октября (8 ноября) 1917 г.» (Ленин В.И. - ПСС, Том 35 — стр.28-29)

Главой СНК стал Ленин. Вернее, вынужден был стать. Вот как об этом рассказывает Луначарский:

«Сначала Ленин не хотел войти в правительство. Я, говорит, буду работать в ЦК партии... Но мы говорим — нет. Мы на это не согласились. Заставили его самого отвечать в первую голову. А то быть только критиком всякому приятно...» (Суханов Н.Н. - Записки о революции — Том 3 — М, «Республика», 1992 — стр.361)

Существовавший до этого времени ВЦИК был объявлен распущенным, а на его месте создан другой: в его состав входил 101 человек, из которых 62 были большевики, а 29 — левые эсеры. В соответствии с ленинским декретом, СНК был подотчетен ВЦИК, который, таким образом, представлял собой что-то вроде парламента, обладавшего

правом вето по отношению к законодательным актам и правительственным назначениям.

Председателем ВЦИК стал Лев Борисович Каменев (Розенфельд). И это интересно.

Как мы помним, отношение Каменева и Зиновьева к вооруженному восстанию вызвало приступ ленинского гнева, Владимир Ильич даже потребовал исключить обоих из партии. Однако никакого исключения не случилось. Более того, избрание Каменева председателем ВЦИК состоялось с одобрения Ленина.

Другое дело, что Лев Борисович оставался на новом посту лишь до 8 ноября, когда его сменил неуклонно набиравший политический вес Свердлов.

Гораздо позднее, 24 декабря 1922 года Ленин, вновь возвращаясь к теме переворота, пишет:

«Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не является случайностью, но что он также мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому.» (Ленин В.И. - ПСС, Том 45 — стр.345)

И здесь можно согласиться с выводом, сделанным писателем и публицистом Н.В. Стариковым:

«Ленин прекрасно знает, что вредное для восстания поведение Каменева и Зиновьева вызвано не их подлостью и изменой, а стремлением сделать революцию наилучшим образом. Каменеву и Зиновьеву надо прийти к власти самым простым и бескровным путем. А Ленину надо не просто взять власть, а обязательно прервать ее легитимность!» (Стариков Н.В. - 1917: разгадка «русской» революции — М, Эксмо: Яуза, 2010 — стр.323)

Вернувшись в день 26 октября, отметим несомненный факт:

«Большевики совершили государственный переворот не от собственного имени — названия партии нет ни в одном воззвании Военно-революционного комитета, — а от имени Советов. Их лозунг был «Вся власть Советам», их полномочия были временны и условны.» (Пайпс Р. - Русская революция — Том 2 — М, РОССПЭН, 1994 — стр.179)

«В этот смутный период большевистское руководство всеми силами стремилось избежать впечатления, что оно присвоило себе преимущественное право на власть. Поэтому большевики настояли,

чтобы все декреты, принятые Съездом, считались временными и подлежали утверждению, исправлению или отмене Учредительным собранием.» (Пайпс Р. - Русская революция — Том 2 — М, РОССПЭН, 1994 — стр.173)

Неоднократно расписался в признании Учредительного собрания и сам Ленин. В «Заключительном слове по докладу о мире» от 26 октября он четко заявил:

«Мы все предложения мира внесем на заключение Учредительного собрания.» (Ленин В.И. - ПСС, Том 35 — стр.20)

В изложенном заключается ответ на вопрос — почему в России спокойно восприняли большевистский октябрьский переворот? Кроме, говоря современным языком, «продвинутых» Петрограда и Москвы, в российских городах и губерниях никто не заметил никакого переворота — было одно «Временное правительство», стало другое, такое же «Временное», Учредительное собрание, выборы и проведение которого и было конечной целью деятельности этого правительства, никто не отменял. Так чего волноваться?

Один из большевистских вождей, Луначарский писал своей жене 27 октября, через два дня после переворота:

«Дорогая Анюта, Ты, конечно, из газет знаешь все подробности переворота. Для меня он был неожиданным. Я, конечно, знал, что борьба за власть Советов будет иметь место, но что власть будет взята накануне съезда — этого, я думаю, никто не знал. […] Переворот был сюрпризом и со стороны легкости, с которой он был произведен.» (Стариков Н.В. - 1917: разгадка «русской» революции — стр.327)

Однако в Питере и Москве волнение постепенно поднималось.

Этому способствовал следующий факт. После захвата Зимнего дворца и обнаружения в его подвалах винных запасов, русские пролетарии в полном согласии с русскими же матросами и солдатами устроили грандиозную пьянку, сопровождаемую погромами.

Винные погромы серьезно деморализовали отряды новоиспеченных революционеров и озаботили их главарей.

Г.А. Соломон (Исецкий) (1868-1942): «В Смольном все были растеряны, и даже сам Ленин. За много лет нашего знакомства я никогда не видел его таким. Он был бледен, и нервная судорога подергивала его лицо.

- Эти мерзавцы, — сразу же заговорил он, — утопят в вине всю революцию! Мы уже дали распоряжение расстреливать грабителей на месте. Но нас плохо слушаются... Вот они, русские бунты!» (Соломон Г. - Среди красных вождей — М, Современник, 1995 — стр.15)

Подвойский: «Солдаты, которые командировались для очистки их и для окарауливания, сплошь и рядом, сначала от холода, а потом уже и вообще зарвавшись, распивали вино, поднимали дебош, к ним присоединялось хулиганье, и всякий раз около таких подвалов организовывался очаг погромной банды.» (Подвойский Н.И. - Год 1917 — М, Госполитиздат, 1958 — стр.187)

Покончить с погромами помогли «несколько десятков расстрелянных громил» и «уничтожение спиртных напитков не поддающимися искушению отрядами стойких латышских стрелков». (Подвойский Н.И. - Год 1917 — М, Госполитиздат, 1958 — стр.188)

Кто и почему подразумевался под названием «латышские стрелки», мы будем подробно говорить ниже, а пока заметим лишь, что почти все они прекрасно говорили по-немецки.

А вот как писали о большевиках русские газеты: «Наемники Вильгельма», «карманы красногвардейцев полны германских марок», «восстанием командуют немецкие офицеры...» (Троцкий Л. - История русской революции — Том 2/2 — М, «ТЕРРА-TERRA», издательство «Республика», 1997 — стр.285)

Подливала масла в огонь пресса германских союзников. Например, в одной из венгерских газет в январе 1918 года появилось сообщение о том, что в обстреле Зимнего дворца приняла участие присоединившаяся к большевикам группа венгерских военнопленных, командир которой — венгерский офицер — взял на себя непосредственное командование артиллерийской батареей. (Интернационалисты — М, Наука, 1967 — стр.100)

Чтобы объяснить такое поведение прессы, нужно учесть то, что видели в те дни жители Петрограда:

«По городу блуждают немецкие офицеры, снабженные разрешениями большевистского правительства. Попадаются на улицах и немецкие солдаты. Нет никаких сомнений, что все восстание организовано немцами и на немецкие деньги...» (Арутюнов А. - Ленин. Досье без ретуши — Том 1 — М, Вече, 2002 — стр.229)

И еще, как утверждают очевидцы, в ноябре 1917 года, когда большевики захватили власть в Петрограде, несколько дней в городе не-

возможно было объясняться с телефонистами, если вы не говорили по-немецки. (Коняев Н.М. - Гибель красных моисеев — М, Вече, 2014 — стр.40)

А вот и документ:

26 октября, в день победы большевиков, Рицлер из посольства в Стокгольме, отвечавший за политическую работу в России, запросил Берлин: «Вышлите, пожалуйста, 2 млн из военного займа на условленные расходы». В тот же день Люциус советовал МИДу: «Настоятельно рекомендую не публиковать в немецкой и австрийской прессе никаких заявлений о дружеском соглашении с Россией. Дружеские отношения с имперскими странами не могут стать лозунгами большевиков. Они могут оправдать мир с Германией, только опираясь на волю народа и учитывая отчаянное положение России». (Соколов Б.В. - Парвус. Деньги и кровь революции — М, Вече, 2016 — стр.215)

В целом, подводя итог так называемому штурму Зимнего дворца, на сегодняшний день с высокой степенью уверенности можно заявить, что в нем, помимо немногочисленных групп матросов из команд кораблей, прибывших из Кронштадта и Гельсингфорса, а также небольших отрядов вооруженных рабочих и красногвардейцев Петрограда, принимали участие сводный отряд финских сепаратистов, а также отдельные формирования переодетых в форму русской армии и флота солдат и офицеров Германии.

ГЕНЕРАЛ КРАСНОВ

Теперь о том, что произошло в штабе ближайшего к Петрограду Северного фронта.

В 10 часов вечера 25 октября, то есть тогда, когда решалась судьба Зимнего дворца, генерал В.А. Черемисов официально отменил все распоряжения о посылке войсковых частей к Петрограду. На вопрос генерала Н.Н. Духонина, почему он это сделал, Черемисов ответил: «Это сделано с согласия главковерха (Керенского), полученного мной от него лично». На просьбу Духонина дать ему возможность переговорить с самим Керенским, Черемисов отказал: «Невозможно, в его интересах». (Милюков П.Н. - История второй Русской революции — С-Пб, Питер, 2014 — 695)

Черемисов же отменил ранее сделанное распоряжение генерала П.Н. Краснова, стянуть части корпуса к Луге, откуда последний предполагал идти походом к Петрограду. Черемисов сделал немедленное движение на Петроград невозможным. Уже погруженные к 8 часам вечера сотни солдат были вновь выгружены. А на станции был получен приказ все того же Черемисова отправить находившиеся в Острове эшелоны вместо севера на юг, то есть вместо Петрограда к станции Марцен. (Милюков П.Н. - История второй Русской революции — С-Пб, Питер, 2014 — 682)

Краснов узнал об отмене своих распоряжений около 11 часов вечера.

В четвертом часу ночи П.Н. Краснов приехал в Псков и был — с большой неохотой — принят Черемисовым. Последний повторил Петру Николаевичу свое распоряжение — отправить Уссурийскую дивизию в Марцен, а Донскую сосредоточить под Островом.

На вопрос Краснова, как быть с приказом Главнокомандующего — идти на Петроград, Черемисов, зевая, ответил: «Верховного правительства нет, оно разогнано в Петрограде большевиками, верховный главнокомандующий скрылся неизвестно куда, и вам надлежит исполнять только мои приказания, как главнокомандующего». На просьбу Краснова отдать это распоряжение письменно, Черемисов пожал плечами и дал собеседнику «добрый» совет оставаться в Острове и ничего не делать. (Милюков П.Н. - История второй Русской революции — С-Пб, Питер, 2014 — 683)

Тем не менее, 26 октября отряд казаков, числом чуть более 700 человек, малая толика 3-го конного корпуса, под командованием генерала П.Н. Краснова начали движение на Петроград с целью подавления переворота.

К командованию «корпуса» присоединился Керенский, как мы помним, бежавший с помощью посольства США, из Зимнего дворца накануне штурма. Сей персонаж, вольно или невольно, сделавший все для сдачи власти большевикам, одним своим присутствием вносил разложение в антибольшевистское движение, поскольку большинство офицеров просто отказывалось воевать за дело, в котором участвует бывший премьер-министр.

В итоге отряд Краснова сумел 27 октября без боя занять Гатчину, а 28-го после небольшой перестрелки — Царское Село. Здесь отряду был дан отдых. Другой целью остановки было дождаться подкреплений, обещанных Керенским. Впрочем, как и следовало ожидать, никто на помощь красновцам так и не пришел.

И опять о вездесущих гражданах США. Вот картинка из тех дней, что под Царским Селом шли столкновения с казаками Краснова.

Р. Вильямс: «У подъезда стоял автомобиль, который отправлялся на фронт. В него садились Антонов-Овсеенко и матрос Дыбенко. Стоявший с нами Гамберг преспокойно полез в машину следом за ними и жестом пригласил нас сделать то же самое. Антонов попытался было протестовать, но Гамберг объяснил ему, как важно, чтобы два американских корреспондента увидели все своими глазами... Антонов вздохнул и согласился.» (Вильямс А.Р. - Путешествие в революцию — М, Художественная литература, 1987 (Библиотека литературы США) — стр.499)

Тем временем, в Петрограде началось антибольшевистское восстание юнкеров Николаевского и Владимирского военных училищ. Восставшим противостояли отряды ВРК, включавшие большое количество интернационалистов.

Особенно жестокой расправе подверглось Владимирское училище.

Историк Г. Назаров: «Немецкие и австрийские солдаты с большим удовольствием и без особого труда подавили восстание военных училищ в Петрограде, истерзав картечью и переколов штыками несчастных русских мальчишек.» (Назаров Г. - Мифы советской эпохи — М, Алгоритм, 2007 — стр.42)

Американский журналист Джон Рид: «Отряд, взбешенный сопротивлением юнкеров, заливал разбитое здание морем стали и огня. Сами их командиры не могли остановить ужасной бомбардировки. Комиссар Смольного, по фамилии Кириллов, попытался сделать это, но ему пригрозили самосудом. Красногвардейцев ничто не могло остановить.» (Рид Д. - Десять дней, которые потрясли мир — М, Художественная литература, 1987 (Библиотека литературы США) — стр.204)

«Русские ведомости» сообщали: «Артиллерийским огнем не только покорено юнкерское Владимирское училище, но и разрушены со-

седние дома, убиты и ранены дети, женщины, расстреляно мирное гражданское население. Сдавшиеся юнкера на городской телефонной станции выводились на улицу и здесь зверски убивались; еще живые, с огнестрельными ранениями, сбрасывались в Мойку, добивались о перила набережной и расстреливались в воде.» (Милюков П.Н. - История второй Русской революции — С-Пб, Питер, 2014 — 722)

К населению «всей России» обратился Исполнительный комитет Всероссийского съезда военных училищ и школ прапорщиков:

«Граждане, вчера в Петрограде совершилось ужасное, кошмарное дело. Банда обезумевших, озверевших людей под предводительством сознательных убийц произвела невероятную по своей жестокости расправу над юнкерами, не желавшими признать власть Ленина Кровавого... Не поддаются никакому описанию ужасы, творившиеся вчера опричниками самодержавного «Военно-революционного комитета». Юнкеров расстреливали, бросали в воду, избивали до смерти, замучивали в тюремных застенках. Граждане! Кровь мучеников вопиет к вам. Пусть по всей стране, как вопль негодования, как грозный отклик, раздастся ваше единодушное проклятие убийцам».» (Мельгунов С.П. - Как большевики захватили власть — М, Айрис-пресс, 2007 — стр.284)

Свой комментарий дал даже еще не продавшийся большевикам с потрохами М.Горький:

«Разумеется — это наглая ложь, что все юнкера «дети буржуев и помещиков», а потому и подлежат истреблению, это ложь авантюристов и бешеных догматиков. И если бы принадлежность к тому или иному классу решала поведение человека, тогда Симбирский дворянин Ульянов-Ленин должен стоять в рядах российских аграриев, бок о бок с Пуришкевичем, а Бронштейн-Троцкий — заниматься коммивояжерством.» (Горький М. - Несвоевременные мысли - М, Советский писатель, 1990 — стр.228)

А певец Белого движения Иван Савин посвятил погибшим следующие строки:

А Россия о них еще вспомнит,
Память выстроит, будто вчера,
Те шеренги мальчишек, что гордо
Называли себя «юнкера»…

Узнав о боях в столице, генерал Краснов отдал приказ наступать. Несмотря на то, что семи сотням казаков противостояли большевист-

ские отряды общим числом более 10 000 человек, первоначальный успех был на стороне красновцев.

Рассеяв двумя шрапнельными залпами красногвардейцев, казаки начали продвигаться к столице со стороны Пулковских высот.

И. Бунич: «Выдвинутая вперед сотня уральских казаков пыталась сходу овладеть высотами, но вынуждена была отступить под великолепно координированным и управляемым огнем. Казачьи офицеры, прошедшие через годы войны, быстро поняли по «почерку», кто занял оборону на высотах. Немцы! Не поверивший им генерал Краснов сам выехал в сторожевое охранение. Сомнений не было. Немецкая пехота и артиллерия преградили путь к «революционному» Петрограду.» (Бунич И. - Золото партии — С-П, Шанс, 1992 — стр.24)

Это обстоятельство вынужден был подтвердить даже Керенский, подводя итоги дня 30 октября 1917 года: «В рапорте, поданном мне вечером этого дня генералом Красновым, прямо говорилось, что матросы сражались по всем правилам немецкой тактики и что среди них были взяты в плен люди, не говорившие ни слова по русски или говорившие с немецким акцентом.» (Октябрьская революция: Мемуары — М, Орбита, 1991 — стр.194)

Краснов, под угрозой окружения, отдал приказ отступить. Он все еще ждал подкреплений, но они так и не появились.

1 ноября в Гатчину прибыли представители матросов и железнодорожников с целью заключить перемирие с казаками Краснова.

На полном серьезе казаки обсуждали такой вариант: «Мы вам — Керенского, а вы нам — Ленина. И замиримся.» (Шамбаров В. - Белогвардейщина — М, Алгоритм, 2009 — стр.57)

«Керенский, видя такой оборот дела — многие казаки склоняются к тому, чтобы выдать его; святое дело, «потому что он сам большевик», — в панике обратился к Краснову. Генерал, пожав плечами, сказал: «Как ни велика ваша вина перед Россией, я считаю себя не вправе судить вас. За полчаса времени я вам ручаюсь». И Керенский бежал. Нелепая фигура исчезла с исторической арены уже навсегда.» (Шамбаров В. - Белогвардейщина — М, Алгоритм, 2009 — стр.57)

После коротких переговоров, в Гатчину вошли большевистские отряды. Однако, не будучи еще уверенными в собственных бойцах, их командиры хранили перемирие.

В Петрограде среди большевистской верхушки известие о прекращении наступления отряда Краснова вызвало ликование.

В тот же день, 1 ноября 1917 года, З. Гиппиус записывает в своем дневнике:

«По городу открыто ходят всем известные германские шпионы. В Смольном они называются: «представители германской и австрийской демократии».» (Гиппиус З. - Дневники — М, Захаров, 2017 — стр.235)

2 ноября генерала Краснова с начальником штаба вызвали для переговоров в Смольный. Несмотря на данные гарантии безопасности, попытались было арестовать. Однако, после протестов комитета 1-й Донской дивизии, отпустили, разрешили и командирам и, вообще, всем желающим выехать с оружием на Дон. Вопреки распространенной версии, никакой клятвы прекратить борьбу с большевиками генерал Краснов не давал, да и сами большевики такой клятвы от него не требовали.

«Напоследок начальника штаба дивизии полковника С.П. Попова вызвали к Троцкому. Лев Давидович поинтересовался: как отнесся бы Краснов, если бы новое правительство предложило ему высокий пост? Попов откровенно ответил: «Пойдите предлагать сами, генерал вам в морду даст». Вопрос был исчерпан.» (Шамбаров В. - Белогвардейщина — М, Алгоритм, 2009 — стр.57)

Вскоре генерал Петр Николаевич Краснов перебрался на Дон, где продолжил свою войну с большевиками, растянувшуюся до самой его смерти в январе 1947 года.

МОСКВА И ПРОВИНЦИЯ

В Москве захват власти прошел более кроваво. Бои шли с 25 октября по 2 ноября 1917 года. Большевики подвергли ожесточенному орудийному обстрелу даже Кремль, причинив национальному символу России значительные повреждения. Здесь также не обошлось без участия бывших военнопленных, в частности, в качестве артиллеристов.

Артиллерийский обстрел обороняемого юнкерами центрального района Москвы, включая Кремль начался еще 29 сентября. Били с Воробьевых гор, с Вшивой горки (где сейчас стоит «сталинская» высотка на Котельнической набережной), с позиций между Крымским и Каменным мостами. Наиболее ожесточенный огонь велся 2-го, а также в ночь на 3-е ноября.

Милюков: «В течение 31 октября и 1 ноября большевики разрушили дома у концов Никитского и Тверского бульваров, в которых оставались юнкера, после продолжительного обстрела захватили сильно поврежденную телефонную станцию в Милютинском переулке, где юнкера вынуждены были сдаться, заняли «Национальную» гостиницу и сильно поврежденную гостиницу «Метрополь», а затем принялись обстреливать Государственную думу, защитники которой... принуждены были к трем часам дня 1 ноября уйти в Исторический музей и в Кремль, оставив в Думе раненых и медицинский персонал. Другая часть комитета находилась в Александровском военном училище. Эти два центра сопротивления подверглись ожесточенной орудийной бомбардировке, которая продолжала усиливаться в течение 2 ноября, превратившись, по отзывам офицеров, «из солдатской в офицерскую или немецкую, очень точную». Заняв Исторический музей, большевики принялись с его вышек обстреливать Красную площадь, сделав выход из Кремля опасным для жизни и превратив, таким образом, Кремль в осажденную крепость.» (Милюков П.Н. - История второй Русской революции — С-Пб, Питер, 2014 — 739-740)

3 ноября 1917 года, дабы не подвергать Кремль дальнейшему разрушению, офицеры, юнкера и студенты, в течение десяти дней противостоявшие значительно превосходившему их в численности и вооружении неприятелю, покинули многострадальные стены.

Победители обещали всем сложившим оружие свободу. Однако на следующий же день начались аресты, а потом и расстрелы.

Погибшие юнкера и офицеры отпевались 13 ноября в церкви большого Вознесения у Никитских ворот. Многотысячная похоронная процессия направилась по Тверскому бульвару и Петроградскому шоссе на Братское кладбище. (До настоящего времени сохранился участок кладбища у храма Всех Святых рядом со станцией метро «Сокол».) Гробы несли на руках. Под впечатлением этих похорон Александр Вертинский написал песню «То, что я должен сказать». Там есть такие слова:

И никто не додумался просто стать на колени
И сказать этим мальчикам, что в бездарной стране
Даже светлые подвиги — это только ступени
В бесконечные пропасти — к недоступной Весне!...

Именно с московских боев можно датировать начало Гражданской войны в России.

Генерал Деникин: «Только военная молодежь — офицеры, юнкера, отчасти женщины — в Петрограде и, в особенности, в Москве — опять устлали своими трупами столичные мостовые, без позы и фразы, умирая... за правительство, за революцию? Нет. За спасение России.» (Деникин А.И. - Очерки русской смуты — Том II – М. Айрис-Пресс, 2015 — стр.133)

А газета «Русь» писала: «В.И. Ленин-Ульянов вполне оплатил Германии за бесплатный проезд в германском запломбированном вагоне. Он вместе со своими соратниками заплатил ей кровью, — кровью тысяч русских граждан, слезами жен и матерей, разрушенной Москвой и тысячами ужасов, весьма приятных немецкому сердцу».» (Арутюнов А. - Ленин. Досье без ретуши — Том 1 — М, Вече, 2002 — стр.241)

Если бы знала «Русь» сколькими еще жизнями, слезами и разрушениями обернется для нее власть Ленина-Ульянова и его подельников...

1 ноября 1917 года на заседании Петроградского комитета РСДРП(б) Троцкий заявил: «Нельзя, говорят, сидеть на штыках. Но и без штыков нельзя. Нам нужен штык там [на улицах Петрограда], чтобы сидеть здесь [в здании Петросовета].» (Лысенко Н.Н. - Геноцид казаков в Советской России и СССР: 1918-1933 гг. — Ростов-на-Дону, Альтаир, 2017 — стр.162)

Что ж, Льву Давидовичу, как говорится, виднее. Во всяком случае, именно он и Яков Михайлович озаботились созданием надежных боевых отрядов. В первую очередь из интернационалистов.

Как мы помним, число военнопленных в России было велико, но их еще нужно было вооружить. Да, в Питер некоторое количество снаряжения доставили сами немцы. Однако его было недостаточно. Ведь отряды интернационалистов формировались по всей огромной России.

И большевики воспользовались оружием, произведенным и накопленным для отправки на фронт.

Так, одним из крупнейших их успехов, стал захват в ночь на 27 октября отрядом Тульского ВРК Тульского же оружейного завода и заводского арсенала. В ноябре-декабре 1917 года из захваченного

арсенала было направлено оружие в 140 городов и крупных населенных пункта, причем объемы поставок впечатляли — 1800 пулеметов, свыше 200 000 винтовок, 5 500 револьверов, более 10 млн патронов. (Конев А.М. - Красная гвардия на защите Октября — М, Наука, 1989 — стр.43)

Здесь отвлечемся немного от винтовок и пулеметов, чтобы ознакомимся с интересными документами, иллюстрирующими положение новоявленных властителей России на взгляд иностранцев.

Вот как начало ноября 1917 года вспоминал английский посол Бьюкенен:

«Большевики составляли компактное меньшинство решительных людей, которые знали, чего хотели и как этого достигнуть. Кроме того, на их стороне было превосходство ума, а с помощью своих германских покровителей они проявили организационный талант, которого у них сначала не предполагали.» (Бьюкенен Д. - Моя миссия в России — М, ПРОЗАиК, 2018 — стр.296)

Правда, самих «германских покровителей» и их союзников «терзали смутные сомнения», что явствует из следующих документов.

Вот красноречивый отрывок из телеграммы министра иностранных дел Австро-Венгрии канцлеру Германии от 10 ноября 1917 года:

«Смогут ли большевики утвердиться и удержаться у власти какое-то время, хотя бы как Керенский, станет ясно в ближайшие дни...

Сумеет ли Ленин и его коллеги удержаться у власти более или менее продолжительное время — это, вероятно, вопрос, на который никто не может ответить. Именно поэтому необходимо ловить момент и предложить любую необходимую помощь, чтобы вопрос о мире стал свершившимся фактом. Если бы ленинистам удалось осуществить только обещанное перемирие, даже тогда, как мне кажется, мы бы одержали почти полную победу на русском участке, так как если наступит перемирие, русская армия, в ее теперешнем состоянии, хлынет вглубь страны, чтобы быть на месте при переделе земли. При существующих условиях перемирие вызвало бы исчезновение армии, которая не могла бы вернуться на фронт в ближайшем будущем...» (Николаевский Б.И. - Тайные страницы истории — М, Издательство гуманитарной литературы, 1995 — стр.339)

А вот более позднее, но не менее тревожное сообщение:

«Советник миссии в Стокгольме — канцлеру

Сообщение №1484

Стокгольм, 26 ноября 1917 г.

В настоящий момент мы имеем дело с тем, что попросту являет собой насильственную диктатуру горстки революционеров, к правлению которых вся Россия относится с величайшим презрением и терпит его лишь потому, что эти люди пообещали немедленный мир и общеизвестно, что они выполнят это обещание.

Рицлер.» (Германия и революция в России. 1915-1918. Сборник документов — М, Центрполиграф, 2013 — стр.181-183)

Но не только Германия волновалась за судьбу большевиков.

28 ноября 1917 года полковник Хаус телеграфировал из Парижа президенту США Вудро Вильсону о том, что «исключительно важно», чтобы американские газеты возражали против того, что «Россию следует считать врагом» и «подавить». (Саттон Э. - Уолл-стрит и большевицкая революция — М, «Самотека», МИД «Осознание», 2016 — стр.52)

Не бросали своих и «классовые враги» — американские банкиры.

«30 ноября Уильям Бойс Томпсон и Раймонд Роббинс посетили Троцкого. После конфеденциальной беседы с ним, 2 декабря, Томпсон направил запрос Моргану — перечислить 1 млн долларов. Этот факт стал достоянием газетчиков. «Вашингтон пост» от 2 февраля 1918 г. сообщала: «Уильям Б. Томпсон находился в Петрограде с июля по ноябрь 1917 года и сделал личный вклад в миллион долларов в пользу большевиков». Сохранилась и фотокопия ответной телеграммы Томпсону от Моргана, датированная 8 декабря: «Ваша вторая телеграмма получена. Мы выплатили «Нэйшнл Сити бэнк» один миллион долларов согласно инструкции — Морган».» (Шамбаров В., Чавчавадзе Е. - Лев Троцкий. Тайны мировой революции — М, Вече, 2016 — стр.154-155)

И тут опять отдадим должное большевикам. Такой бешеной энергии по сдаче собственной страны на милость внешнему врагу не развивал в истории, пожалуй, никто.

В книге «Интернационалисты», изданной в 1967 году (издательство «Наука»), приводятся множество примеров поддержки большевиков «со стороны». Перечислим некоторые.

Во время «установления советской власти» в Москве в октябре-ноябре 1917 года: «польские интернационалисты находились во многих отрядах Красной гвардии и революционных армейских частях,

вступивших в разворачивавшиеся с 28 октября (10 ноября) уличные бои с юнкерами и другими силами контрреволюции.» (Интернационалисты — М, Наука, 1967 — стр.108)

Из Серпухова, где власть перешла к Совету еще 26 октября, вместе с другими революционными силами прибыли красногвардейцы-военнопленные. (Интернационалисты — М, Наука, 1967 — стр.110)

В Икше обучал красногвардейцев пленный австрийский унтерофицер Шуберт. Из Иваново-Вознесенска в Москву выехала группа «революционных» австро-венгерских военнопленных во главе с Ференцем Янчиком.

А вот воспоминая одного из интернационалистов, так сказать, от первого лица. Рудольф Гарашин, бывший австро-венгерский солдат, воевавший против Российской Империи и попавший в русский плен в 1915 году, пишет о событиях конца ноября 1917 года:

«Рано утром к нам в отряд приехал председатель ревкома товарищ Раевский и объяснил, что отныне военнопленные, добровольно вступившие в Красную гвардию, считаются не пленными, а интернационалистами, а наш комитет военнопленных будет называться комитетом интернационалистов. Далее товарищ Раевский сообщил, что в Любим для поддержания порядка нужно немедленно направить пятьдесят интернационалистов.» (Гарашин Р. - Красные гусары — М, Военное издательство Министерства обороны СССР, 1970 — стр.23)

Когда новоиспеченное подразделение прибыло в небольшой русский город, неподалеку от Ярославля, возглавляемые «товарищем» Раевским интернационалисты первым делом заняли военную комендатуру, застав там одинокого русского полковника.

«Полковник стоял молча. Мы тоже стояли не шевелясь.

- О том, что в России революция, я знаю, — наконец заговорил полковник, — но какое отношение к ней имеют эти австрийцы? — и уже с возмущением добавил: — я протестую против передачи оружия в их руки!..

- Это товарищи — красногвардейцы-интернационалисты, они служат революции, — перебил полковника Раевский.» (Гарашин Р. - Красные гусары — М, Военное издательство Министерства обороны СССР, 1970 — стр.24)

Как легко догадаться, полковник был арестован, бывшие военнопленные захватили контроль над русским городом — «пролетарская революция» в Любиме победила.

В общем, усилия Свердлова, Троцкого, Ленина не пропали даром. Германское командование успокоилось насчет ближайших перспектив.

Генерал Людендорф: «С конца ноября с востока на запад беспрерывно потянулись воинские поезда. Дело заключалось уже не в обмене выдохшихся на западе дивизий на свежие с востока, а в действительном усилении численности западного фронта.» (Арутюнов А. - Ленин. Досье без ретуши — Том 1 — М, Вече, 2002 — стр.241)

Дело сотрудничества большевиков с интернационалистами тоже встало на поток.

В конце 1917 года только в Петрограде выходило 7 специальных газет на иностранных языках, ориентированных на интернационалистов, на немецком — 2, на польском — 2, на румынском — 2, на венгерском — 1. (Конев А.М. - Красная гвардия на защите Октября — М, Наука, 1989 — стр.105)

17 декабря 1917 года в Москве в гостинице «Дрезден» прошло собрание военнопленных-интернационалистов, в составе около 200 человек. Было решено создать единую организацию — Союз военнопленных социал-демократов-интернационалистов Московского военного округа. В состав комитета союза были избраны семь человек, в том числе австриец А.Эбенгольц (председатель), венгр Ф. Янчик, немец Э. Рейтер. (Интернационалисты — М, Наука, 1967 — стр.133)

Подводя итоги 1917 года, отметим, что число интернационалистов в первые месяцы, после большевистского переворота, превышало 29 500 человек. (Конев А.М. - Красная гвардия на защите Октября — М, Наука, 1989 — стр.116)

Сравним эти цифры с численностью Русской Белой Добровольческой армии в январе 1918 года — 4000 человек.

Так или иначе, но к концу 1917 года, с помощью миллионов немецких марок и американских долларов, а также десятков тысяч интернациональных штыков, большевики сумели упрочить свою власть над Россией.

Теперь пришла пора начинать рассчитываться за поддержку. Правда, первый, кто обратился за вознаграждением, был безапелляционно послан куда подальше.

После октябрьского переворота Парвус, сделавший столь много для «пролетарской революции», через посредничество Радека, ходатайствовал о своем возвращении в Россию.

17 декабря Радек прибыл в Стокгольм. По его словам, ответ Ленина был оскорбительным для Парвуса. Вождь большевиков не позволил ему вернуться в Россию под предлогом того, что «дело революции не должно быть запятнано грязными руками». (Земан З., Шарлау У. - Кредит на революцию — М, Центрполиграф, 2007 — 278)

Тут впору поразиться: экая чистоплотность вдруг обуяла Ильича! До захвата власти, как мы видели, его подобные соображения не волновали. Но все дело в том, что просителем выступал один человек, да еще тот самый, по сути — единственный, чей авторитет столько лет заставлял злопамятного «товарища» Ленина ощущать себя номером 2 в социал-демократическом движении.

Итак, обратившийся за «расчетом» одиночка был послан. Сложнее было с коллективной просьбой, поступившей от отряда финских егерей, отличившихся в ночь ареста Временного правительства.

Мы видели на примере изъятия приказа Германского имперского банка №7433, что большевики усердно чистили собственные архивы от всего, что могло бы заставить усомниться в «исторической неизбежности» их прихода к власти. Однако, по разгильдяйству, а может и по злому умыслу какого-нибудь «троцкиста», некоторые документы все же сохранились.

В этом ряду стоит и протокол заседания СНК от 20 ноября 1917 года:

«Слушали: 3) Доклад Дыбенко о требовании некоторых воинских частей выдачи им финляндской валюты по курсу 266.

Постановили: Передать это на рассмотрение и на проверку Военного министерству.» (Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917-март 1918 — М, РОССПЭН, 2006 — стр.35)

Конечно, это не расписка в выдаче денег финляндским наемникам. Однако сам факт требования «некоторых воинских частей» выдачи финляндской валюты заслуживает всяческого внимания и является уликой, пусть и косвенной. Ведь зачем на территории, которой за-

правляют большевики, кому-то из их подчиненных валюта? Да еще финляндская. А вот если пришли за обещанным те самые финские егеря, собирающиеся, с ощущением хорошо сделанной работы, на историческую родину, тогда все выглядит вполне разумным и естественным. Не правда ли?

И уже совершенно невозможно оказалось, даже для большевиков, скрыть факт расчета с целыми государствами или блоками государств. И снова началось с малого.

Финский дипломат К.Г. Идман в своих воспоминаниях поведал нам о том, как Ленин рассчитался с финскими «товарищами» за все услуги, оказанные теми «русской революции».

15 (28) декабря 1917 года делегация финского сената прибыла в Смольный, чтобы обсудить вопрос о предоставлении Финляндии самостоятельности. На прием к Ленину финнов провожал Смилга.

«Когда мы сели, Энкель... объяснил, почему правительство Финляндии сразу же не обратилось к Советскому правительству: ждали, когда соберется Учредительное собрание... Но поскольку теперь неясно, соберется ли оно вообще и, даже если соберется, окажется ли оно жизнеспособным, сенат решил обратиться в Совет Народных Комиссаров.

Ленин ответил нам, что общенациональное собрание или съезд скоро созовут, но сенату необходимо решить, как поступить и к кому обратиться. Если он официально обратиться в Совет Народных Комиссаров, тот, несомненно, сразу же признает независимость Финляндии.

По существующей системе правления решение Совета Народных Комиссаров должен был утвердить Исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Ленин заверил, что этот вопрос и там не встретит затруднений.» (Ленин в воспоминаниях финнов — М, Издательство политической литературы, 1979 — стр.124-125)

Как известно, 18 декабря 1917 года Ленин лично вручил представителям Финляндии декрет СНК о признании ее независимости. Таким образом Ленин уже официально «расплатился» за поддержку, оказанную его партии финскими националистами.

Однако большевики не были бы большевиками, если бы не попытались развязать гражданскую войну в той стране, независимость которой только что признали.

Уже в январе 1918 года в Финляндии началась «пролетарская революция». Финской красной гвардией руководили, в том числе, знакомые нам А. Шотман и И. Рахья. Финские «красные» провозгласили даже революционное правительство — Совет народных уполномоченных Финляндии, который поддержала и Советская Россия. Финские «белые» («белофинны», по советской терминологии), во главе с генералом К.Г. Маннергеймом, поддерживали Финляндский Сенат.

Гражданская война обошлась Финляндии гибелью белее чем 35 000 человек. В мае 1918 года отряды красногвардейцы были разбиты и отступили в сторону Советской России. Примерно 10 000 их них удалось пробиться на советскую территорию. (Интернационалисты — М, Наука, 1967 — стр.492).

В конце мая 1918 года бывшие члены Красного правительства Финляндии пошли на неожиданный ход — предложили договориться с англичанами о помощи в разгроме «белофиннов». Для этой цели предполагалось использовать 60 000 американских финнов. Правительство Англии согласилось транспортировать этих финских эмигрантов в Мурманск, вооружить их и полностью обмундировать, но с условием, что в составе командования будут англичане. (Ленин в воспоминаниях финнов — М, Издательство политической литературы, 1979 — стр.133)

Эйно Рахья пишет, что он, вместе с «товарищем» Эдвардом Вастеном, обсудили этот вопрос с Лениным.

«Когда я рассказал Ильичу все это, он сказал мне:

- К англичанам можно поехать и посоветоваться, хотя вряд ли что-нибудь из этого выйдет...» (Ленин в воспоминаниях финнов — М, Издательство политической литературы, 1979 — стр.134)

Ленин предложил настаивать в переговорах с англичанами, что политическое руководство в этой комбинации должно принадлежать финским «красным».

Эйно Рахья немедленно выехал в Мурманск.

Он пишет: «Я ехал в специальном поезде, где весь обслуживающий персонал и караульные были финские красные. В нашу делегацию входили два представителя от красногвардейцев, захвативших станцию Канталахти, два представителя их штаба и Вастен. По приезде в Мурманск нашу делегацию направили на английский броненосец, где нас встретили с большими почестями.» (Ленин в воспоми-

наниях финнов — М, Издательство политической литературы, 1979 — стр.134)

Впрочем, переговоры закончились ничем. 60 000 финских эмигрантов из Америки так и не пришли на помощь «красным».

Победа в Финляндии оказалась на стороне «белофиннов», что, в конечном итоге, привело к подлинной независимости этой северной страны.

Все эти досадные для большевиков события не помешали Ленину написать 31 июля 1918 года в удостоверении на имя Э.А. Рахьи: «Настоящим удостоверяю, что податель сего, товарищ Эйно Рахья, лично мне давно известен и заслуживает, как старый надежнейший партийный товарищ, полнейшего доверия.» (Ленин В.И. - ПСС, Том 50 — стр.131)

На этом мы заканчиваем говорить о Финляндии. И обнаруживаем в очереди за расчетом две группы «империалистических хищников», как любили их обзывать советские историки и пропагандисты. Те самые, что пока что продолжали кровопролитную борьбу друг с другом на полях Первой мировой.

Худшее положение в затянувшейся войне было у стран Четверного Союза.

И уже 22 декабря 1917 года начались переговоры большевиков с Германией и ее союзниками в Брест-Литовске.

Но прежде чем поговорить о Брестском мире и последующих отношениях с Германией, а затем о тщательно скрываемом от широкой публики взаимодействии большевиков со странами Антанты, нам придется ненадолго вернуться в начало 1918 года, чтобы посмотреть, как продвигается дело формирования новых частей интернационалистов.

1918 ГОД НАЧИНАЕТСЯ

С января 1918 года военнопленными стали официально занимался ГУГШ (Главное Управление Генерального штаба), НКВД (Народный комиссариат внутренних дел), НКИД (Народный комиссариат иностранных дел), а также Комитет по делам военнопленных при РОКК

(Российское общество Красного Креста). При этом, в составе отдела военнопленных НКИД начала действовать секция пропаганды, во главе с Б. Ренштейном.

Для справки: Борис Исаевич Рейнштейн (настоящая фамилия — Давидсон) (1866-1947), родился в России, эмигрировал в США, где прожил более 32 лет и даже баллотировался на пост вице-губернатора штата Нью-Йорк в 1904 году и 1916 годах от Социалистической трудовой партии Америки (на пост губернаторов претендовали — соответственно — Даниэль Де Лион и Иеремия Кроули).

После октябрьского переворота и отъезда Томпсона в США, Рейнштейн становится одним из личных секретарей Ленина, возглавляет Бюро международной революционной пропаганды.

Позднее Рейнштейн переходит в аппарат Коминтерна. После кратковременной поездки в США в июне 1922 года, возвращается в Советскую Россию и курирует «Комиссию по подготовке проекта усовершенствования федеративных отношений между РСФСР и другими братскими республиками», то есть, участвует в процессе создания СССР. Причем именно на том направлении, которое открывает теоретическую возможность пополнения Союза новыми республиками, хоть Румынской Советской Социалистической Республикой, а хоть и Аргентинской или Египетской.

Вот такие удивительные персонажи начинали работу с военнопленными в России.

Однако уже с конца января 1918 года руководство всеми делами военнопленных было сконцентрировано во Всероссийском бюро пленных при Военном отделе ВЦИК, чью деятельность направлял лично Председатель ВЦИК Я.М. Свердлов. (Конев А.М. - Красная гвардия на защите Октября — М, Наука, 1989 — стр.113)

Кстати, в 1918 году, согласно данным Центральной коллегии по делам пленных и беженцев (Центропленбеж), численность военнопленных на территории России составляла более 2,3 млн. человек. (Интернационалисты — М, Наука, 1967 — стр.15)

28 января 1918 года Уральский областной комитет РСДРП(б) сообщал в Секретариат ЦК, то есть Свердлову: «во всех областях кипит работа. Организуем военнопленных.» (Конев А.М. - Красная гвардия на защите Октября — М, Наука, 1989 — стр.108)

И уже через некоторое время в Красную гвардию Екатеринбурга были приняты первые 200 интернационалистов. (Конев А.М. - Красная гвардия на защите Октября — М, Наука, 1989 — стр.108)

21 февраля 1918 года в Петрограде прошло совещание Бюро пленных при Военном отделе ВЦИК и Центра военнопленных, которым руководили венгр Бела Кун, серб М. Радошевич, чех Ф. Бенеш. Было принято решение образовать по всей стране революционные комитеты военнопленных, в задачи которых должна была входить «борьба с контрреволюционными элементами». (Интернационалисты — М, Наука, 1967 — стр.132)

Зимой 1917/18 годов венгерские интернационалисты воевали в рядах советских частей против казаков Каледина в районе Юзовки, Мариуполя, Дебальцево.

«В ожесточенных боях за крупный железнодорожный узел — станцию Ясиноватая пулеметчики-мадьяры не раз срывали своим метким огнем яростные атаки казаков.» (Интернационалисты — М, Наука, 1967 — стр.362)

В начале 1918 года была создана интернациональная Красная гвардия в Одессе. В ее состав входили три отряда: сербский (под командованием Томо (Олеко) Дундича) — 120 человек, китайский (Ти Кайджан) — 200 человек, чешский (А. Шипек) — 200 человек. Там же был сформирован и 1-й Революционный румынский батальон. (Конев А.М. - Красная гвардия на защите Октября — М, Наука, 1989 — стр.111-112)

Вскоре общая численность боевого отряда одесских интернационалистов достигла 1000 человек при 7 пулеметах и 1 орудии. При этом, по свидетельству Г. Георгиевского, идейных интернационалистов-коммунистов было только 15%. (Георгиевский Г. (Г.П.) - Очерки по истории Красной гвардии — М. Факел, 1919 — стр.107)

Остальные, надо думать, служили за паек и жалованье, убивая русских, как убивали их до своего пленения, в годы мировой войны.

26 февраля 1918 года из Москвы «на борьбу против врагов Советской республики» отправился 1-й интернациональный добровольческий отряд. Половину его составляли немцы, другую — австрийцы и венгры.(Интернационалисты — М, Наука, 1967 — стр.464)

В еще большем количестве формировались отряды интернационалистов на территории Сибири и Дальнего Востока, пополнявшиеся из

размещенных там лагерей военнопленных, кои по своей численности превосходили Европейскую часть России. Подробно об этом мы будет говорить ниже.

Пока же ограничимся констатацией того факта, что дело привлечения иностранцев под знамена большевизма шло вполне неплохо.

Однако пришло время для расчета с Германией.

БРЕСТ

Как мы уже говорили, переговоры о заключении официального мирного договора между Германией и Россией, а точнее о капитуляции последней, начались еще 22 декабря 1917 года. Однако условия, на которых настаивали представители Центральных держав, в русском обществе были расценены, как унизительные.

Учтем еще, на каком фоне шли переговоры.

«К концу 1917 года экономическое положение стран Четверного союза стало настолько отчаянным, что они не могли дольше вести войну. Особенно шатким было положение Австро-Венгрии: министр иностранных дел этой страны граф Оттокар Чернин сообщил германской стороне во время брестских переговоров, что они, возможно не смогут продержаться до следующего урожая. Ситуация в Германии была ненамного лучше: некоторые германские политики считали, что запасы хлеба в стране кончатся к середине апреля 1918 года.» (Пайпс Р. - Русская революция — Том 2 — М, 1994 — стр.246)

В общем, против подписания мира выступили практически все политические силы, включая единственную партию, оставшуюся в союзе с большевиками после разгона Учредительного Собрания в январе 1918 года, — левых эсеров. Да и в рядах самих большевиков царили разногласия. Пытавшийся сохранить лицо перед Антантой, чей интерес заключался в сохранении Восточного фронта хотя бы в минимальном виде, Троцкий, занял позицию «ни войны, ни мира, а армию распустить». Усилий Ленина, выступавшего, как легко догадаться, за немедленное подписание мира, не хватало для положительного решения вопроса в ЦК.

Дело кончилось тем, что германские войска 18 февраля 1918 года начали наступление по всему фронту от Балтийского моря до Карпат.

Основной удар наносился по направлению на Петроград. Большевистские части панически бежали, бросая орудия и пулеметы.

Германский генерал Гофман записал в своем дневнике 22 февраля 1918 года: «Это самая комическая война, которую только можно себе представить. Она ведется только на железной дороге и на грузовиках. Сажают какую-нибудь сотню пехотинцев с пулеметами и одной пушкой на поезд и отправляют до ближайшей станции. Берут станцию, большевиков арестовывают и продвигаются дальше. Это, по крайней мере, имеет некоторый интерес новизны.» (Гофман М. - Главный противник — Россия — М, Принципиум, 2015 — стр.446)

«Немцами были заняты в те дни несколько городов: 18 февраля — Двинск; 19-го — Минск; 20-го — Полоцк; 21-го — Режица и Орша; 22-го — Вольмар, Венден, Валк и Гапсаль; в ночь на 24-е — Псков и Юрьев; 25-го — Борисов и Ревель. Удивительным было то, что немцы наступали без армии. Они действовали небольшими разрозненными отрядами в 100-200 человек, собранными из добровольцев. Из-за царившей у большевиков паники и слухов о приближении мифических германских войск города и станции оставлялись без боя еще до прибытия противника. Двинск, например, был взят немецким отрядом в 60-100 человек. Псков был занят небольшим отрядом немцев, приехавших на мотоциклах. В Режице германский отряд был столь малочислен, что не смог занять телеграф, который работал еще целые сутки.» (Фельштинский Ю. - Вожди в законе — М, 1999 — стр.79)

Теоретически, немецкому наступлению должны были противостоять отряды революционных балтийских матросов.

Однако...

Историк В. Суворов: «Случилось вот что. Члену первого Советского правительства товарищу Дыбенко и его доблестным матросам приказали остановить германские войска под Псковом и Нарвой. Никаких побед пламенные революционеры ни под Псковом, ни под Нарвой не одержали, никого не остановили, неувядаемой славой своих знамен не покрыли. Наоборот, при первых столкновениях с противником изнеженные матросики, просидевшие всю войну в портах, дрогнули и побежали... Защитники добежали до самой Гатчины. Тут надо открыть карту, чтобы оценить героический путь. 120 километров бежали защитники социалистического отечества. Три марафона по глубокому февральскому снегу. В Гатчине захватили эшелон и

понеслись по стране спасать свои революционные шкуры. Вдогонку спасающимся глава высшего военного совета Бонч-Бруевич рассылает по стране телеграммы: поймать героев и под конвоем доставить в Москву...

Героев обнаружили аж в Самаре. За Волгой. Теперь надо взять глобус и оценить этот героический отход.» (Суворов В. - Очищение — М, ООО «Издательство АСТ», 2002 — стр.85-86)

Самое упорное сопротивление немецкому наступлению оказывали части чехословацкого корпуса, поддерживающие Антанту. Однако эти части были слишком малочисленны.

М.Д. Бонч-Бруевич (1870-1956), генерал Российской Императорской армии, переметнувшийся к большевикам, брат ближайшего ленинского подельника В.Д. Бонч-Бруевича (1873-1955):

«Отряд Дыбенко был переполнен подозрительными «братишками» и не внушал мне доверия; достаточно было глянуть на эту матросскую вольницу с нашитыми на широченные клеши перламутровыми пуговичками, с разухабистыми манерами, чтобы понять, что они драться с регулярными немецкими частями не смогут.» (Бонч-Бруевич М.Д. - Вся власть Советам — М, Военное издательство Министерства обороны СССР, 1964 — стр.261)

Он же: «Позже, когда специальный трибунал разбирал дело о позорном поведении отряда, выяснилось, что вместо борьбы с немцами разложившиеся матросы занялись раздобытой в пути бочкой со спиртом.» (Бонч-Бруевич М.Д. - Вся власть Советам — М, Военное издательство Министерства обороны СССР, 1964 — стр.261)

В общем германские войска стремительно приближались к столице России. В панике, 21 февраля 1918 года большевики даже создали Комитет революционной обороны Петрограда, председателем которого стал Зиновьев. В качестве военного специалиста выступал М.Д. Бонч-Бруевич.

Но все усилия по организации эффективной обороны оказались тщетными, что вынудило Ленина разразиться статьей «Тяжелый, но необходимый урок».

Таким образом, день 23 февраля 1918 года, когда Германия предъявила ультиматум Советскому правительству, все требования которого были последним удовлетворены, является самым позорным днем в военной истории России.

Как же большевики объяснили народу свой грандиозный провал? А никто ничего и не объяснял. С прошествием времени, о поражениях приказали забыть, а сам день 23 февраля провозгласили праздником — днем советской армии и военно-морского флота! Помните, у Джорджа Оруэлла: война — это мир, свобода — это рабство, незнание — сила. Гениальный писатель, на личном опыте хорошо ознакомившийся с практикой построения коммунизма, очень четко сформулировал то, что делалось в СССР. То, чему бурно аплодировали и что воспевали преданные советские «историки» и пропагандисты.

Вообще, чисто большевистские трансформации с позорными событиями 23 февраля заслуживают нескольких дополнительных слов.

В 1923 году, в приказе Реввоенсовета Советской республики от 5 февраля, за подписью Троцкого, говорилось: «23 февраля 1918 г., под напором врагов рабочее и крестьянское правительство провозгласило необходимость создания вооруженной силы». (Гривенко В. - Историческое переосмысление 23 февраля — Независимое военное обозрение, 2007)

Как видим, фраза достаточно нейтральна.

Затем, на XIII партконференции в январе 1924 года не кто иной, как «товарищ» Сталин продемонстрировал точное понимание февральских событий шестилетней давности:

«Разве мы не опоздали с Брестом? Разве не понадобились такие факты, как наступление немцев и повальное бегство наших солдат, для того, чтобы мы поняли, наконец, необходимость мира?» (Сталин И.В. - ПСС, Том 6 — XIII конференция РКП(б) — Доклад об очередных задачах партийного строительства)

Однако, после того, как Иосиф Виссарионович сделался единоличным властителем и «корифеем всех наук», включая историческую, изменилась и его отношение к последней.

В 1938 году, Сталин лично предложил более «верное» толкование событий 23 февраля. Впервые сталинская версия появляется 16 февраля в «Известиях», в материале, под заголовком «К 20-летию РККА и ВМФ. Тезисы для пропагандистов». Соответствующий тезис гласил: «Под Нарвой и Псковом немецким оккупантам был дан решительный отпор. Их продвижение на революционный Петроград было приостановлено.»

В опубликованном в том же 1938 году «Кратком курсе истории ВКП(б)», утверждалось следующее: «Молодые отряды новой армии — армии революционного народа — героически отражали натиск вооруженного до зубов германского хищника. Под Нарвой и Псковом немецким оккупантам был дан решительный отпор. Их продвижение на Петроград было приостановлено. День отпора войскам германского империализма — 23 февраля — стал днем рождения молодой Красной армии.»

Казалось бы, надо ставить точку, ведь сталинский «Краткий курс» становится своеобразной Библией для каждого коммуниста, а его глава «О диалектическом и историческом материализме» объявляются «энциклопедией философских знаний в области «марксизма-ленинизма», где дано «официальное, проверенное ЦК ВКП(б), толкование основных вопросов истории ВКП(б) и марксизма-ленинизма, не допускающее никаких произвольных толкований».

И тем не менее, вопреки «официальному и проверенному толкованию», Сталин решает еще раз «улучшить картинку». В 1942 году в своем приказе от 23 февраля Иосиф Виссарионович достигает абсолюта: «Молодые отряды Красной армии, впервые вступившие в войну, наголову разбили немецких захватчиков под Псковом и Нарвой 23 февраля 1918 года. Именно поэтому день 23 февраля 1918 г. был объявлен днем рождения Красной армии». (Гривенко В. - Историческое переосмысление 23 февраля — Независимое военное обозрение, 2007)

Ну что тут скажешь? Так сбрехать мог только чистый «гений»!

Энциклопедический словарь 1953 года не мог не поддержать «отца всех народов», в которого превратился Иосиф Виссарионович к концу своей жизни:

«23 февраля в боях под Нарвой и Псковом нем. оккупанты получили решительный отпор со стороны Красной Армии. 3 марта был подписан Брестский мир.» (Энциклопедический словарь — М, Государственное научное издательство «Большая Советская Энциклопедия», 1953 — стр.687)

Но вернемся в 1918 год.

В ситуации, когда германские войска, вопреки позднейшим советским байкам, продвигались вперед, разгоняя обороняющихся чуть ли

не как птиц зонтиком, иного выхода, кроме подписания мирного договора, у большевиков не было.

28 февраля советская делегация во главе с Г. Сокольниковым (Гирш Яковлевич Бриллиант) (1888-1939) выехала в Брест-Литовск, куда и прибыла на следующий день.

То ли делегация медленно ехала, то ли возникла какая-то путаница, но именно к 28 февраля относится еще одна интересная иллюстрация взаимоотношений между руководящими «товарищами» среди большевиков и очередным вездесущим американцем, свидетелем октябрьского переворота, на этот раз полковником Реймондом Роббинсом (1873-1954), начальником американского Красного креста в России.

Русская поэтесса и писательница Нина Берберова (1901-1993):

«Роббинс был человеком состоятельным, образованным, с сильной волей и ярким воображением. Он в первые же недели стал бывать у Ленина, обедать с Троцким, но не столько чтобы слушать их — он давал им советы, спорил, совершенно по-домашнему обращался с ними, как могут это делать только американцы... Если же он хотел осведомиться, что, собственно, без него сейчас творится в Петрограде, то он телеграфировал прямо Ленину.» (Берберова Н. Н. - Железная женщина — М, «Книжная палата», 1991 — стр.48-49)

Вот, например: «Вологда, 28 февраля 1918 г. 2 часа 45 мин. пополудни. От полковника Роббинса — председателю Советов народных комиссаров Ленину:

Каково положение в Петрограде? Какие новости о германском наступлении? Подписан ли мир? Выехали ли английские и французские посольства? [Они выехали 1 марта.] Когда и какой дорогой? Скажите Локкарту, в британском посольстве, что мы доехали».

На что Ленин ему отвечал:

«Получено февр. 28. 3 часа 10 мин. пополудни.

Перемирие еще не подписано. Положение без перемен. На остальные вопросы Вам ответит Петров из наркоминдела.

Ленин.» (Берберова Н. Н. - Железная женщина — М, «Книжная палата», 1991 — стр.49)

Не правда ли, прелестно? Напомним, что Брюс Локкарт (1887-1970) — это не кто иной, как агент британской разведки, действовавший под дипломатическим прикрытием. Причем, к концу февраля

1918 года, после бурного 1917-го, абсолютно всем было известно о его «двойной игре».

Но вернемся к телеграмме Роббинса, и поинтересуемся, не забыл ли «товарищ» Ленин передать Локкарту то, что его просили? Судя по всему, не забыл, да и как можно...

3 марта 1918 года в Брест-Литовске советская делегация подписала мирный договор с Германией. Церемония подписания состоялась в Белом дворце Брестской крепости.

Троцкий констатировал: «3 марта наша делегация подписала, не читая, мирный договор... 22 марта договор был принят германским рейхстагом.» (Троцкий Л.Д. - Моя жизнь — Том 2 — М, «Книга», 1990 — стр.118)

Ю. Фельштинский: «В смысле территориальных изменений Брест-Литовское соглашение предусматривало очищение Россией провинций Восточной Анатолии, Ардаганского, Карсского и Батумского округов «и их упорядоченное возвращение Турции», подписание немедленного мира с Украинской республикой и признание мирного договора между Украиной и странами Четверного союза. Фактически это означало передачу Украины, из которой должны были быть выведены все русские и красногвардейские (не русские? - Ю.Б.) части, под контроль Германии. Эстляндия и Лифляндия также очищалась от русских войск и Красной гвардии. Восточная граница Эстляндии проходила теперь примерно по реке Нарве. Восточная граница Лифляндии — через Чудское и Псковское озера. Финляндия и Аландские острова тоже освобождались от русских войск и Красной гвардии, а финские порты — от русского флота и военно-морских сил.

На отторгнутых территориях общей площадью 780 тыс. кв. км с населением 56 миллионов человек (треть населения Российской империи) до революции находилось 27% обрабатываемой в стране земли, 26% всей железнодорожной сети, 33% текстильной промышленности, выплавлялось 73% железа и стали, добывалось 89% каменного угля, находилось 90% сахарной промышленности, 918 текстильных фабрик, 574 пивоваренных завода, 133 табачные фабрики, 1685 винокуренных заводов, 244 химических предприятия, 615 целлюлозных фабрик, 1073 машиностроительных завода и, главное, 40% промышленных рабочих, которые уходили «под иго капитала».» (Фельштинский Ю. - Крушение мировой революции — Лондон, Overseas Publications Interchange Ltd, 1991 — стр.286-287)

Плюс к перечисленному, Россия выплачивала 6 миллиардов марок репараций и возмещала убытки, понесенные Германией в ходе революции — еще 500 миллионов золотых рублей.

Таким образом, расчет с Германией был произведен. Но поскольку в один день или даже месяц, все условия выполнить невозможно чисто технически, большевистское правительство гарантировало себе немецкую поддержку еще на довольно длительное время. Собственно, большевистская Россия, возможно, так и осталась бы саттелитом Германии, если бы не Антанта и США, чьи армии в ноябре 1918 года принудили Центральные державы к капитуляции.

Но даже тогда, когда до конца Первой мировой войны явно оставались считанные дни, Ленин боялся рисковать. Не случайно Брестский договор был расторгнут 13 ноября 1918 года, через два дня после капитуляции Германии, постановлением ВЦИК за подписью Свердлова, а не декретом СНК за подписью Ленина.

Но вернемся к весне 1918 года. В период переговоров о сепаратном мире журнал «Новый Сатирикон» иронизировал:

«- Кто правит Россией, Ульянов иль Ленин? — задавался вопросом один из читателей журнала.

- Ни тот, ни другой, — отвечала ему редакция. — А третий: Гогенцоллерн!» (Майсурян А. - Другой Ленин — М, Вагриус, 2006 — стр.272)

И еще: «Карта России из географической сделалась обыкновенной игральной. И самой маленькой. Любой король ее бьет.» (Майсурян А. - Другой Ленин — М, Вагриус, 2006 — стр.276)

«Газета «День» шутила, что большевики выражают волю «подавляющего большинства... прусского народа».» (Майсурян А. - Другой Ленин — М, Вагриус, 2006 — стр.273)

А теперь почитаем, что писали современники большевистской Брестской капитуляции, те люди, кто действительно и безоговорочно, является гордостью России на все времена.

Известный писатель, журналист и общественный деятель Владимир Галактионович Короленко (1853-1921) 19 марта 1918 года сделал в своем дневнике характерную запись:

«Немцы заняли Киев, движутся к Полтаве. На днях был П.Д.Долгоруков. Его знакомая приехала из Киева в аккуратно составленном и аккуратно вышедшем поезде. Стоило прийти немцам, и рус-

ские поезда пошли как следует. Доехала до Ромодана. Полторы версты пешком, а там опять теплушка, опять грязь, разбитые окна, давка, безбилетные солдаты, отвратительный беспорядок. И этому народу, не умеющему пустить поезда, внушили, что он способен пустить всю европейскую жизнь по социалистическим рельсам. Идиотство... Кровавое и безумное.» (Короленко В. - Дневники. 1917-1921 — М, Советский писатель, 2001 — стр.87)

А вот также запись в дневнике от 24 марта 1918 года, сделанная великим русским ученым Владимиром Ивановичем Вернадским (1863-1945):

«Пишу вечером, лежа. Еще не поздно — начало 11-го. Изредка раздаются выстрелы. Вчера ожидали, что придут немцы — но большевики еще не ушли... Увезли деньги из банка. По Полтаве ездили вчера и сегодня автомобили и наполненные Красной Гвардией извощики и увозили добро. Перед уходом непрерывно идут грабежи... В населении растет ненависть к большевикам. И в то же время берет ужас, когда подумаешь, что они сделали с Россией! Нельзя было и представить себе, чтобы было возможно то, что случилось и пришлось пережить России: попала во власть людей из Мертвого Дома Достоевского...» (Вернадский В.И. - Дневники 1917-1921 — Киев, Наукова Думка, 1994 — стр.61)

Филолог, культуролог, академик АН СССР и РАН Дмитрий Сергеевич Лихачев (1906-1999): «Когда был заключен позорный Брест-Литовский мир, было невозможно поверить, что это не прямая измена, не дело рук самих врагов нашей родины.» (Лихачев Д.С. — Воспоминания — С-П, Издательство LOGOS, 2000 — стр.157)

Ну и еще цитата, теперь от великого русского оперного и камерного певца. Федор Иванович Шаляпин (1873-1938) в своих воспоминаниях пишет, как у него отняли картины, которые он успел приобрести во время своей блистательной оперной карьеры.

Об этом с Федором Ивановичем беседовал лично один из большевистских лидеров Л.Б. Каменев, начав, впрочем, со столового серебра:

«- Конечно, тов. Шаляпин, вы можете пользоваться серебром, но не забывайте ни на одну минуту, что в случае если это серебро понадобилось бы народу, то народ не будет стесняться с вами и заберет его у вас в любой момент...

Картины, которые у меня висят, тоже народные. Почему это вы один любуетесь на них? Хе... хе... Народ тоже картины любит...

Пожалуй, правда, думал я. Но когда я затем видал эти картины в Берлине на выставке у антикваров, я спрашивал себя, о каком же народе он толковал: русском или немецком?» (Шаляпин Ф. - Маска и душа — М, АСТ, 2013 — стр.235, 236-237)

С 6 по 8 марта 1918 года в Петрограде состоялся VII экстренный съезд РКП(б), проходивший в условиях строжайшей конспирации, как бы это не странно звучало на пятом месяце правления большевиков.

Впрочем, разгадка проста — внутрибольшевистская грызня по вопросу Брестского мира никак не затихала. Сразу несколько членов ЦК партии требовали аннулировать договор с Германией, среди них: М.С. Урицкий, А.А. Иоффе, А.С. Бубнов, Д.Б. Рязанов, Н.Н. Крестинский, Н.И. Бухарин.

Вот что, к примеру, говорил «товарищ» Бухарин в своем выступлении на съезде 7 марта: «Для того, чтобы Германия была в состоянии вести войну против Англии, ей необходимо сырье, ей необходим хлеб. Без этого она вести войну не может. Таким образом для того, чтобы вести дальше войну, Германия неминуемо должна будет заняться самым наглым грабежом России.» (Седьмой экстренный съезд РКП(б). Стенографический отчет — М, Государственное издательство политической литературы, 1962 — стр.28)

Что на это можно было возразить? «Товарищ» Ленин и не стал возражать по существу сказанного. Зато в речи, которая долгое время оставалась засекреченной, Владимир Ильич немного «приоткрыл карты».

Пытаясь оправдаться за «похабный», по его собственному определению, мир, Ленин, все в тот же день — 7 марта, выступает с политическим отчетом ЦК.

И вот здесь нам потребуется прерваться на осмысление некой игры с ленинскими цитатами.

В Пятом издании Полного Собрания Сочинений Ленина, Издательства Политической литературы, Москва, 1974 год, которое мы условно назовем «брежневским», мы читаем следующий отрывок из этого выступления Владимира Ильича.

«Если мы так легко справились с бандами Керенского, если так легко создали власть у себя, если мы без малейшего труда получили декрет о социализации земли, рабочем контроле, — если мы получили так легко все это, то только потому, что СЧАСТЛИВО (выделено нами — Ю.Б.) сложившиеся условия на короткий момент прикрыли нас от международного империализма...» (Ленин В.И. - ПСС, Том 36 — стр.8)

В Третьем «сталинском» издании Сочинений В.И. Ленина, Том 22, Партиздат Ц.К. В.К.П.(б), 1936 год, стр.317 — отрывок полностью аналогичен представленному в Пятом издании.

В Первом издании Собрания Сочинений Н. Ленина (В. Ульянова) 1924 года мы читаем этот же отрывок из речи, произнесенной Владимиром Ильичем на VII съезде (заседание 7 марта 1918 года), только здесь вместо «Политического отчета», речь носит название «Доклад по вопросу о Брестском мире».

И вот в этом варианте «доклада» существует некое отличие от тех, что представлены в более поздних изданиях. Читаем:

«Если мы так легко справились с бандами Керенского, если так легко создали власть, если мы без малейшего труда получили декрет о социализации земли, рабочем контроле, то только потому, что СПЕЦИАЛЬНО (выделено нами — Ю.Б.) сложившиеся условия на короткий момент прикрыли нас от международного империализма... (Ленин В. - Собрание сочинений — Том 15 — М, Государственное издательство, 1924 — стр.126)

Итак, в «брежневском» и «сталинском» изданиях собрания сочинений официального «вождя революции» написано: «СЧАСТЛИВО сложившиеся условия». А в собственно «ленинском»: «СПЕЦИАЛЬНО сложившиеся условия». Приоритет Первого, по сути, прижизненного издания ленинских сочинений — бесспорен.

Напрашивается очевидный вывод: 7 марта 1918 года, выступая перед коллегами-партийцами, Ленин подчеркнул, что условия, «прикрывшие нас от международного империализма» сложились СПЕЦИАЛЬНО, то есть их — эти условия — сложил КТО-ТО. «Тот», или «те», кто имел столь огромное влияние, что был способен даже прикрыть Советскую власть от «международного империализма».

По всей видимости, ленинская мысль сводилась к тому, что в условиях, когда Некто создал для нас специальные условия и не возражает, чтобы мы остались у власти, не надо вставать в позу обиженного и совершать «лишние движения».

Позднее же, когда руководителям советских «историков» стало неудобно признавать факт помощи Советской власти от империалистов, якобы всегда враждебных по отношению к «первому в мире пролетарскому государству», они — руководители — отдали приказ на сокрытие сего факта.

Как свидетельствуют изменения в текстах собраний сочинений Ленина, ответственные за их публикацию советские «историки» решились на прямой подлог, поменяв ключевое слово в ленинской речи.

По итогам съезда мы видим, что ленинские аргументы были услышаны, и съезд, хотя и после ожесточенных споров, одобрил мирный договор с Германией. А противники договора, в качестве своеобразной компенсации, получили высокие назначения. Бухарин и Крестинский стали членами нового ЦК, избранного на съезде. Иоффе и Урицкий были «избраны» кандидатами в члены ЦК. Последний к тому же, уже 10 марта становится председателем Петроградской ЧК.

Однако в более широких партийных кругах, как и в обществе в целом, несмотря на все проникновенные речи, ленинский авторитет неуклонно катился под откос, как, впрочем, и авторитет «товарища» Троцкого.

11 марта 1918 года президент США Вильсон послал на имя Свердлова приветственную телеграмму открывшемуся в Москве IV чрезвычайному съезду Советов, оглашенную на заседании 14 марта.

«На первом же заседании съезда была принята резолюция по поводу обращения Вильсона. […] Текст резолюции был написан Лениным и зачитан на заседании съезда Свердловым, причем Яков Михайлович по согласованию с Владимиром Ильичем внес в его проект несколько поправок.

На второй день съезда, 15 марта, Владимир Ильич пишет Якову Михайловичу во время заседания коротенькую записку и спрашивает, когда ему выступать с заключительным словом:

«Тов. Свердлов,

1) у меня письмо Вильсона. Нужно?

2) Когда мне говорить? Ответьте.

Ленин».

Яков Михайлович отвечает Ильичу:

1) С Вильсоном кончено принятием Вашей резолюции, принятой до того единогласно в президиуме.

2) Говорить через 15-20 минут.

Я. Свердлов»».

(Свердлова К.Т. - Яков Михайлович Свердлов — М, 1957 — стр.441-442)

Мы упомянули, что IV съезд Советов открылся в Москве, в связи с тем, что 12 марта большевистское правительство, от греха подальше, снялось с насиженного места в Питере и спешно перебралось в Москву. Конечно мирный договор заключен, но, как говорится, береженого — Бог бережет. Ну или, в этом случае, бережет кто-то другой.

И тут опять приходится вспомнить о деятельности агента английской разведки Брюса Локкарта, принимавшем участие еще в февральском перевороте 1917 года.

Так вот, в Петрограде люди, связанные с названным событием, исчезли с горизонта. Гучков, Милюков и даже сам Керенский к этому моменту больше никого не интересовали. Но у Локкарта появились новые знакомые — герои переворота октябрьского: Троцкий; Карахан, заместитель наркоминдела и член Коллегии иностранных дел; Чичерин; Петерс, правая рука Дзержинского в ВЧК; Зиновьев.

Позже, в сентябре 1918 года, Брюс Локкарт будет арестован за участие в так называемом «заговоре трех послов» и выслан из Советской России. А пока...

В ту весну переезд правительства из Петрограда в Москву длился несколько месяцев, и Локкарту приходилось быть между Смольным и Кремлем. И тут, и там у него были квартиры.

В первый раз он выехал в Москву 16 марта, в личном вагоне Троцкого, который относился к нему, как к полномочному представителю Великобритании и даже ввел его в Кремль.

Локкарт: «При различной мере близости я постепенно познакомился почти со всеми лидерами: от Ленина и Троцкого до Дзержинского и Петерса. У меня был специальный пропуск в Смольный. Не раз я бывал на заседаниях Исполнительного комитета в Москве, в главной зале отеля Метрополь, где в дни царского режима я развлекался совсем другого рода встречами. Из Петрограда в Москву я ездил в поезде Троцкого и обедал с ним.» (Берберова Н. Н. - Железная женщина — М, «Книжная палата», 1991 — стр.39)

Но и этого мало. Еще в феврале Локкарт получил для себя и для двух своих сотрудников свидетельство, подписанное Львом Давидовичем:

«Прошу все организации, Советы и Комиссаров вокзалов оказывать всяческое содействие членам Английской Миссии, госп. Р. Б. Локкарту, У. Л. Хиксу и Д. Герстину.

Комиссар по иностранным делам

Л. Троцкий.

П.С. Личные продовольственные запасы не подвергать реквизиции.» (Берберова Н. Н. - Железная женщина — М, «Книжная палата», 1991 — стр.40)

Но, как говорится, вернемся к нашим баранам.

16 марта 1918 года на IV (Чрезвычайном) съезде Советов, гораздо более массовом мероприятии, чем упоминавшийся выше VII съезд ВКП(б) (1200 против 106 делегатов, соответственно), на котором ленинские откровения были бы неуместны, критика Владимира Ильича и Льва Давидовича возобновилась. Вот, например, выдержка из речи меньшевика Р. Абрамовича:

«Утверждение Ленина, что позорный мир явился следствием политики самодержавия и Керенского, неверно. Разве 24 октября немцы могли захватить Двинск десятком солдат на велосипедах? Разве тогда побежали бы 2000 русских солдат от семи немцев, как это имело место в феврале? Разве продавались батареи и автомобили врагу, а на улицах Петрограда пулеметы шли по 25 рублей? А не в феврале ли команда одного славного русского крейсера распродала всю обстановку, посуду и медные части и поделила выручку по 8000 рублей на брата! Я спрашиваю вас, товарищи, кто довел до этого?

Со всех концов аудитории несутся возгласы: «Ленин, Троцкий...».» (Мартов Ю.О. - 1917-1922. Письма и документы — М, Центрполиграф, 2014 — стр.374)

Именно на этом фоне, в марте 1918 года, начался стремительный рост авторитета Якова Свердлова, что приведет в дальнейшем к череде кровавых внутрибольшевистских разборок. Но это отдельная, большая тема, немного освещенная нами в книге: «Яков Свердлов. Этапы кровавой борьбы (2019)».

17 марта 1918 года в газете «Вперед» была опубликована Декларация «рабочих петроградских фабрик и заводов» Четвертому чрезвычайному съезду Советов. Почитаем:

«25 октября 1917 года большевистская партия в союзе с Партией левых социалистов-революционеров и опираясь на вооруженных солдат и матросов свергла Временное правительство и захватила власть в свои руки.

Мы, петроградские рабочие, в большинстве своем приняли этот переворот, совершенный от нашего имени и без нашего ведома и участия, совершенный накануне второго съезда Советов, которому предстояло сказать свое слово по вопросу о власти...

Нам обещали немедленный мир... А на деле нам дали постыдную капитуляцию перед германскими империалистами. Нам дали мир, наносящий сильнейший удар всему рабочему Интернационалу и поражающий на смерть русское рабочее движение. Нам дали мир, закрепляющий распад России и делающий ее добычей иностранного капитала...

Нам обещали хлеб. А на деле дали небывалый голод. Нам дали Гражданскую войну, опустошающую страну и вконец разоряющую ее хозяйство...

Нам обещали свободу. А что мы видим на деле? Где свобода слова, собраний, союзов, печати, мирных манифестаций? Все растоптано полицейскими каблуками, все раздавлено вооруженной рукой...

Довольно преступлений, совершаемых нашим именем, именем рабочего класса.

Мы, рабочие петроградских фабрик и заводов, требуем от съезда:

1. Отказа утвердить кабальный, предательский мир.

2. Постановление об отставке Совета Народных Комиссаров.

3. Немедленного созыва Учредительного собрания и передачи ему всей власти для прекращения Гражданской войны...» (Рабочее оппозиционное движение в большевистской России 1918 г. Материалы и документы — М, РОССПЭН, 2006 — стр.52-53)

Излишне говорить, что мир был утвержден, СНК в отставку не ушел, Учредительное Собрание заново никто созывать не кинулся.

И не удивительно — голос пролетариата, от имени которого захватывали власть большевики, их не интересовал в принципе.

В целом, оценивая Брестский мир, заметим, — то, что было плохо и унизительно для России, для большевиков оказалось вполне себе победой.

После достижения взаимопонимания с правительством Германии, большевики смогли в полной мере использовать в своих боевых отрядах хорошо обученных и дисциплинированных немецких, австровенгерских и турецких военнопленных.

После заключения Брестского мирного договора служба большевикам, фактически — союзникам Центральных держав, официально не считалась в странах Четверного союза предательством. Выбор же, который стоял перед освобожденными военнопленными, был весьма прост — или Западный фронт мировой войны, со всеми его ужасами, или участие в большевистских карательных частях и организациях, с возможностью легкой наживы и, сравнительно, минимальными шансами на гибель. Именно здесь кроется разгадка «бесчисленного» количества «латышских стрелков», наводнивших Советскую Россию. Понятно, что были среди них и реальные латыши, но их просто физически не могло быть настолько много, чтобы удовлетворить все потребности большевиков в надежных и безжалостных военных кадрах.

Собственно, первые латышские национальные воинские формирования были созданы в Российской Империи по приказу генерала Алексеева, в то время командующего Северо-Западным фронтом, в июле 1915 года из добровольцев — жителей Лифляндской, Курляндской и Витебской губерний. Уже через год численность латышских стрелков в составе Русской армии достигла 11 500 человек. К февралю 1917 года — порядка 40 000, в составе восьми стрелковых полков.

Важно отметить, что далеко не все латыши поддержали большевиков. Так, часть стрелков, отступивших из Латвии в феврале 1918 года, приняла решение не участвовать в гражданской войне. Порядка 9 500 стрелков воевало на стороне Белого движения. Например, в Сибири, при поддержке командующего войсками Антанты в России французского генерала Жанена, из латышей были сформированы Имантский полк и Троицкий батальон.

Что же касается армии Красной, то Латышская дивизия, воевавшая на фронтах Гражданской войны, к марту 1920 года насчитывала 17 000 солдат и командиров, разделенных на 9 полков.

11 августа 1920 года, по примеру Финляндии, Советская Россия признала независимость Латвии. 28 ноября 1920 года, после окончания боев с белыми за Крым, участвовавшая в них Латышская дивизия была расформирована, после чего порядка 12 000 стрелков вернулись на родину.

Интересно, что на устроенном большевистским командованием «параде победы» в Крыму, латыши промаршировали под звуки гимна «Боже, спаси Латвию».

А теперь сравним эти цифры с тем, что нам известно о численности интернационалистов, вставших под большевистское ружье.

Как мы уже говорили, число интернационалистов только в первые месяцы, после большевистского переворота, превышало 29 500 человек .

Но ведь это было только начало. Лишь после Бреста вступление интернационалистов в ряды большевистских боевых формирований приобрело настоящий размах.

Историк И. Бунич: «Члены германской миссии по перемирию и заключению мира генерал Гофман и знакомый уже нам полковник Рупперт посетили несколько лагерей военнопленных, разъясняя им задачу. Возможность послужить фатерлянду, а заодно пограбить на чужой территории вдохновило многих, и буквально, как по мановению волшебной палочки, большевики при полном развале прочих воинских структур ощетинились прекрасно обученной и организованной армией, насчитывавшей более трехсот тысяч человек.» (Бунич И. - Золото партии — С-П, Шанс, 1992 — стр.25)

Так, например, по свидетельству австрийца Бергера, воевавшего в дальнейшем в составе 1-й Конной армии Буденного, вместе с ним около 4 000 бывших военнопленных из одного лагеря вступили в ряды Красной Армии весной-летом 1918 года. (Интернационалисты — М, Наука, 1967 — стр.573)

Интересен и настрой большевистских братьев по оружию.

И. Бунич: «Немецкие солдаты и офицеры, свободные от службы, разгуливали по Петрограду и Москве, работали казино для немецких офицеров, издавались газеты. И чтобы ни у кого не было никаких сомнений, немецкий генерал Кирбах, давая в Пскове интервью корреспонденту еще не запрещенной газеты «Русь», на вопрос, «возможно

ли занятие немецкими войсками Петрограда и Москвы?» с «нордической» прямотой ответил: «Да, если возникнет угроза большевистскому режиму».» (Бунич И. - Золото партии — С-П, Шанс, 1992 — стр.25)

И еще к цифрам. Интернационалисты, представители Центральных держав, составляли, так сказать, ядро, вокруг которого формировались части из интернационалистов-авантюристов, а также мобилизованных русских красноармейцев, общим числом порядка 3 000 000 человек к концу 1919 года и 5 000 000 в 1920 году.

А численность строевого состава всех, вместе взятых, Белых армий, на их пике, к июню 1919 года, по оценке большевистской разведки, составляла около 680 000 человек, после чего начала неуклонно сокращаться.

Да, в европейской части России в 1918-1921 годах происходило большое количество антибольшевистских восстаний. Но эти восстания, числом своих участников значительно превосходившие численность и Белой и Красной армий, были крайне разрозненными, что давало возможность большевикам подавлять их поочередно фактически одними и теми же, по преимуществу, интернациональными, частями.

Впоследствии, при создании мифа о «Великой Октябрьской революции», советские «историки» продемонстрировали истинно творческий подход к фальсификации истории собственной страны. Но если фигуру Парвуса удалось тупо вычеркнуть из анналов, то с сотнями тысяч интернационалистов поступить также не представлялось возможным. Тогда и был придуман универсальный образ «красного латышского стрелка», который объяснял все странности этих персонажей разом — и непонятный язык, и отсутствие родственных связей среди русского населения, и беспощадность к врагам, казалось бы, — соотечественникам. И, что самое главное, «преданность революции» — а куда бы они делись из огромной чужой страны, если бы их работодатели потерпели поражение?

Конечно, среди интернационалистов, кроме «борцов за революцию по приказу», существовали и борцы идейные, вот только их количество измерялось десятками единиц, а не тысяч. Кроме немцев, австрийцев и венгров, интернациональные отряды пополняли авантюристы со всех частей света. Отчего не пограбить в стране, в кото-

рой практически нет центральной власти, а вот богатства есть, и не малые.

Так, весьма заметную, хотя и не самую дисциплинированную часть среди интернационалистов составляли китайцы. Много китайцев. Куда же без них.

КИТАЙЦЫ И НЕ ТОЛЬКО

12 марта 1918 года большевистское правительство выехало из Петрограда в Москву.

Караульную службу в Кремле несла и группа китайских красногвардейцев, во главе с Ли Фуцином. (Конев А.М. - Красная гвардия на защите Октября — М, Наука, 1989 — стр.107)

Весной 1918 года были сформированы отряды интернационалистов: венгерский отряд Красной гвардии в Казани во главе с Белой Динды; во Владикавказе, при личном участии С.М. Кирова, — китайский, под командованием Пау Тисана; финский в Кандалакше; объединенный (немцы, австрийцы, венгры, чехи) в Пензе; немецкий и чехословацкий в Таганроге. (Конев А.М. - Красная гвардия на защите Октября — М, Наука, 1989 — стр.112)

В августе 1918 года в Москве был создан специальный штаб по формированию китайских боевых отрядов. Во главе штаба стоял Шен Чен-хо. Уполномоченные штаба находились в разных городах страны, где имелось китайское население, входили в местные комиссариаты. Созданные китайские отряды вливались в интернациональные части и подчинялись командованию Красной Армии. (Интернационалисты — М, Наука, 1967 — стр.580-581)

Вот, например, отряд Ионы Якира, воевавший на стороне красных.

В своих «Воспоминаниях о Гражданской войне» Якир сообщает, что он возглавлял отряд из более чем 500 китайцев, которым лично платил «жалованье».

Якир: «На жалованье китайцы очень серьезно смотрели. Жизнь легко отдавали, а плати вовремя и корми хорошо. Да, вот так. Приходят это ко мне их уполномоченные и говорят, что их нанималось 530 человек, и, значит, за всех я и должен платить.» (Суворов В. - Очищение — М, ООО «Издательство АСТ», 2002 — стр.133)

Ключевое слово во всем приведенном тексте — нанимались. То есть, речь об обычных наемниках, желающих поживиться на бедах соседней страны.

И еще, Якир о своих бойцах: «Китайцы мои все таяли. Многих теряли, но по дороге новых набирали.» (Суворов В. - Очищение — М, ООО «Издательство АСТ», 2002 — стр.136)

Он же об отношении русского народа к большевистским наемникам: «Китайцев — тех не миловали. Изуверы, говорят, нехристи, шпионы немецкие. Этих почти всех порубили.» (Суворов В. - Очищение — М, ООО «Издательство АСТ», 2002 — стр.136)

В мае 1918 года Воронеже действовал отряд китайских наемников, во главе с Ж Гон-ту.

«20 мая этот отряд пополнился 120 добровольцами-китайцами, прибывшими из Царицына. Вскоре он был превращен в Отдельный китайский батальон, которым командовал серб Г. Павлович.» (Интернационалисты — М, Наука, 1967 — стр.170)

Весной 1918 года был создан отряд китайских интернационалистов в Перми. Он насчитывал 400 бойцов и был разделен на три роты — 1-й командовал Кин Ленден, 2-й — У Ван, 3-й — Чан Хайса. (Вестник музея истории Екатеринбурга. Выпуск 2 — Музей истории Екатеринбурга, 2016 — стр.79)

Боевые действия названного отряда свелись к участию в подавлении антибольшевистского восстания рабочих в Ижевске, вспыхнувшего в июле 1918 года. Уже 17 августа отряд пермских китайцев был практически полностью разгромлен ижевскими повстанцами, не проявившими должной «классовой сознательности».

Разгромлен, после чего, видимо, вновь пополнен. Во всяком случае, установлен следующий факт: 25-27 декабря 1918 года у села Троица (Троицкое) в 30 километрах от Перми погибли в бою с белогвардейцами и позднее были захоронены «250 китайских добровольцев и 4 местных жителя». (см иллюстрации)

Кроме того, в начале лета 1918 года на Урале было сформировано еще три китайских отряда: первый — из рабочих Алапаевского и Надеждинского заводов, командир Ли Пусен; второй — из рабочих Чусовского завода и строителей Левшинской железной дороги, командир Ли Фунчен; третий — из рабочих Кизеловского угольного бассейна, командир Ли Чунсан. (Вестник музея истории Екатеринбурга. Выпуск 2 — Музей истории Екатеринбурга, 2016 — стр.79)

«Всеми средствами советская пропаганда заявляла об интернациональной поддержке революции, тем самым убеждая некоторых своих сторонников в верном выборе... Однако стоит учесть, что в основной своей массе китайцы были простыми наемниками, воевавшими за весьма приличное жалования, а политика для них ровным счетом ничего не значила.» (Вестник музея истории Екатеринбурга. Выпуск 2 — Музей истории Екатеринбурга, 2016 — стр.81)

А вот пример, в котором отражены и специфическая роль китайских интернационалистов в большевистских рядах, и «сверхъестественное» влияние Германии на Ленина и Троцкого,

Одним из первых процессов, проведенных созданным большевиками Революционным трибуналом, стало дело капитана 1-го ранга Алексея Михайловича Щастного (1881-1918) — российского морского офицера, знавшего четыре европейских языка, совершившего несколько кругосветных путешествий, героя Русско-японской и Первой мировой войн, неоднократно награжденного за боевые заслуги, в январе 1918 года назначенного 1-м помощником начальника военного отдела Центробалта (Центральный комитет Балтийского флота).

Дело в том, что еще в марте-апреле 1917 года, после настоящей резни, устроенной с подачи большевиков на Балтийском флоте, включая сюда убийство адмирала Непенина, вся реальная власть на флоте перешла к Центробалту, председателем которого становится большевик Павел Дыбенко.

В конце февраля 1918 года Дыбенко, вместе с отрядом балтийских матросов, пытался, как мы помним, крайне неудачно, противостоять немецкому наступлению. В отсутствии председателя деятельность Центробалта была практически парализована.

Затем, после подписания Брестского мира, 4 апреля 1918 Центробалт был заменен новым коллегиальным органом — Советом комиссаров флота.

Положение, в котором оказался Совет, было довольно сложным: с моря с минуты на минуту ожидалась германская эскадра с десантным корпусом, с суши подходили части «белофиннов», что делало невозможным уход по берегу. Команды кораблей поняли, что новоиспеченный Совет комиссаров им не поможет и что только объединение вокруг своего командования сможет спасти и флот, и экипажи. Власть, которую не смогли удержать комиссары флота, естественным

порядком стала переходить в руки капитана 1 ранга Алексея Михайловича Щастного. (Назаров Г. - Мифы советской эпохи — М. Алгоритм, 2007 — стр.47)

После заключения «похабного» Брестского мира Щастный получил секретный приказ от Троцкого и Ленина подготовить суда Балтийского флота к взрыву. Троцкий даже обещал выплатить «подрывникам» денежное вознаграждение, приказав депонировать для этого специальные суммы в банках, понимая, что иначе будет трудно заставить моряков уничтожать родные для них корабли. (Игнатов В.Д. - Палачи и казни в истории России и СССР — М, Вече, 2014 — стр.60-61).

Дело в том, что после выхода России из Первой мировой войны вокруг Балтийского флота сложилась следующая ситуация: Антанта требовала уничтожить русские боевые корабли, чтобы они не достались Германии, немцы, основываясь на каком-то секретном пункте Брестского договора, требовали передать лучшие корабли — дредноуты, эсминцы, подводные лодки — им. (Назаров Г. - Мифы советской эпохи — М, Алгоритм, 2007 — стр.48)

План Троцкого-Ленина имел в виду хитроумную комбинацию, в духе: армию распустить, а мир не заключать. Суть была в следующем: часть кораблей — наименее ценная - должна была быть взорвана «по-настоящему», как того требовали англичане, другая же часть — «так, чтобы к моменту подхода германской эскадры эти корабли не имели бы хода, но в то же время могли быть сравнительно быстро исправлены и введены в строй немецкого флота». (Назаров Г. - Мифы советской эпохи — М, Алгоритм, 2007 — стр.48)

Однако Щастный отказался минировать корабли и приказал перевести русский флот из Гельсингфорса в Кронштадт.

«В апреле-мае 1918 г. по инициативе и под командованием Начальника морских сил Балтийского флота А.М. Щастного, вопреки приказу большевистского правительства, состоялся Ледовый поход Балтийского флота. Корабли с помощью ледоколов были выведены через льды из Ревеля и Гельсингфорса в Кронштадт. В результате похода были спасены 211 кораблей, в их числе 6 линкоров, 5 крейсеров, 54 эскадренных миноносца, 12 подводных лодок...» (Игнатов В.Д. - Палачи и казни в истории России и СССР — М, Вече, 2014 — стр.56) и тд.

27 мая Щастный, по сути, спасший флот для Советской Республики, был арестован по личному приказу народного комиссара по военным и морским делам Троцкого «за преступления по должности и контрреволюционные действия». На суде, состоявшемся 20-21 июня 1918 года, Лев Давидович выступал лично. Обвинил Щастного в том, что тот «настойчиво и неуклонно углублял пропасть между флотом и Советской властью».

В. Шамбаров: «И Крыленко вынес приговор — расстрелять в течение 48 часов. Присутствующие были поражены... Адвокат Жданов заявил протест. Дескать, смертная казнь отменена. А Крыленко отрезал — да, мол, казнь отменена, но мы-то не казним, а расстреливаем.» (Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 год — стр.272)

Требовали отмены приговора и члены Президиума ВЦИК левые эсеры, однако, по настоянию Свердлова, большинством членов Президиума он был утвержден.

О дальнейшем рассказывает комиссар 1-го Рогожско-Симоновсконо комиссариата в Москве Андриевский:

«Ночью сидел у себя в комиссариате, как вдруг зазвонил телефон. «Откуда?» - спрашиваю. «Из Кремля. Комендант, пришлите наряд». В ту ночь мой комиссариат нес дежурство по расстрелу. Ну, значит, забрал китайцев, помощника и еду в Кремль. Мы тогда для таких надобностей мобилизовали всех «кули». Обычно особых формальностей не бывает. Делается просто. Подъезжаем к определенному подъезду, арестованных выводят, сажают в грузовик между китайцами и отвозят куда следует. Я в таких случаях сижу радом с шофером и даже не вижу арестованных, их принимает мой помощник, пересчитывает и вручает мне только список. Не просматривая, сую его в карман, а когда слышу, как хлопают дверки машины и кричат «готово!» - приказываю ехать.

Так было и на этот раз. Однако только мы отъехали, как послышались крики: «Стоп! Остановись!» - «Что за дьявол?» - подумал я. Подбегают люди. Зовут в канцелярию Кремля. Комендант мне и говорит: «Сегодня дело особое. Будете расстреливать адмирала Щастного. Так, чтобы его сторонники как-нибудь его не перехватили или потом не вырыли и не причинили нам осложнений, расстреляйте его во дворе Александровского военного училища, а потом отвезите на

Ходынку, где и заройте. Ежели будет дерн или трава, снимите осторожно, а потом уложите, чтобы не осталось следа».

...Подъехали... Въехали во двор училища. Остановились. Вылезают китайцы, за ними арестант. На этот раз только один. Дай, думаю, взгляну, что за птица такая. Много слышал о нем, а никогда не видел... Вижу — стоит одинокая фигура. Подошел вплотную. На голове белеет фуражка. Лицо показалось симпатичным. Смотрю в глаза. Жаль мне его стало, я и говорю: «Адмирал, у меня маузер, инструмент надежный. Хотите, я сам застрелю вас, чтобы не погибать вам, русскому офицеру от поганых рук. Сказал и смотрю на него. Жарко ему стало от моих слов. Снял фуражку, отер лоб... «Нет, - говорит, - ваша рука может дрогнуть, и вы только пораните меня. Уж пусть лучше расстреляют китайцы. А так как тут темно, я буду держать фуражку у сердца, пусть целят в нее». «Воля ваша, адмирал», - сказал я.

Приказал китайцам приготовиться, а шоферу завести мотор. Китайцы зарядили винтовки, подошли ближе. Щастный прижал фуражку. Видел только его силуэт да белеющее пятно фуражки. Загудел мотор. Я даже залпа не слышал. Только увидел, как Щастный, точно птица, взмахнул руками, фуражка отлетела, и он упал.» (Назаров Г. - Мифы советской эпохи — М. Алгоритм, 2007 — стр.54-56)

На Ходынке оказалось слишком людно, и грузовик с телом расстрелянного опамятовавшегося русского патриота вернулся в училище.

Таким образом, Щастный был убит 22 июня 1918 года в 4 часа 40 минут во дворе Александровского военного училища на Знаменке, а его труп был замурован под полом одного из кабинетов первого этажа.

В предсмертной записке Алексей Михайлович Щастный написал: «Перед смертью, я благословляю своих детей Льва и Галину, и, когда они вырастут, прошу сказать им, что иду умирать мужественно, как подобает христианину».

Напомним еще, что Российский Черноморский флот был частично затоплен большевиками 18 июня 1918 года в Цемесской бухте близ Новороссийска. Другая часть кораблей ушла в Севастополь, где была передана Германии.

29 июня 1918 года Уполномоченные петроградских рабочих приняли «Резолюцию по поводу расстрела Щастного»:

«Капитан Щастный расстрелян по суду революционного трибунала. Россия не знает, какие преступления совершил капитан Щастный. Но Великая Февральская революция отменила смертную казнь за всякие преступления, смыла с лица России позор судебных убийств. Мы, Уполномоченные петроградских рабочих, выражаем свое глубочайшее возмущение и горячий протест по поводу убийства Щастного. Мы призываем пролетариат и всех честных граждан России присоединиться к нашему возмущению...» (Рабочее оппозиционное движение в большевистской России 1918 г. Материалы и документы — М, РОССПЭН, 2006 — стр.354)

Но, как мы уже замечали, голос самого пролетариата совершенно не интересовал ту группу лиц, что осуществляла диктатуру от имени этого самого пролетариата.

Бывали случаи, когда со своей кровавой ролью не справлялись и китайцы. Когда протоиерея Орнатского привели на расстрел вместе с двумя сыновьями и спросили:

«- Кого сначала убить — вас или сыновей?

Отец Орнатский ответил: «Сыновей». Пока расстреливали юношей, он, став на колени, читал «отходную». Расстреливать отца Орнатского взвод красноармейцев отказался. Отказались стрелять в молящегося коленопреклоненного старца и вызванные китайцы. Тогда к батюшке подошел вплотную юный комиссар и выстрелил из револьвера в упор.» (Божий избранник — М, Современник, 1990 — стр.89)

Надо сказать, что в 1918 году всем «интернациональным проектом» продолжал руководить Я. Свердлов.

Большевичка Елизавета Драбкина вспоминает о своей работе в ведомстве Якова Михайловича в Кремле в мае 1918 года:

«Столовая помещалась тут же, в Здании судебных установлений... Обедали в этой столовой все: и народные комиссары, и работники Совнаркома и ВЦИКа, и посетители Кремля. Здесь, за некрашеным столом, часто можно было услышать иностранную речь: сюда приходили и товарищи, пробравшиеся в Советскую Россию из-за рубежа, и бывшие военнопленные, ставшие большевиками, и политические эмигранты — венгры Бела Кун и Тибор Самуэли, швейцарец Платтен, французы Жанна Лябурб и Жак Садуль, американец Роберт Майнор, немец Эберлейн, китайский товарищ, который называл себя Сашей.» (Драбкина Е. - Черные сухари / Повесть о ненаписанной книге — М, Советский писатель, 1963 — стр.129-130)

Завершая разговор о расчете большевиков с Германией, будет несправедливым не отметить, что некоторые, в том числе — высшие, чины германской кайзеровской армии отдавали себе отчет об опасностях, таившихся в предприятии под общим названием - «пломбированный вагон».

Повторим уже приводившуюся цитату германского генерала Гофмана: «Когда весной 1917 года в разгар войны немецкое правительство дало разрешение на проезд некоторых из живших тогда в Швейцарии лидеров большевизма через Германию в Россию, Германия находилась в очень тяжелом положении. На Западном фронте во Франции немецкая армия ощущала возрастающее давление со стороны прекрасно вооруженных сил Антанты. Надо было перебросить находящиеся в России немецкие войска с востока на Западный фронт...

Никто не верил в то, что большевики смогут сколько-нибудь долго сохранить свою власть над Россией. Человеческий разум не мог себе представить, что эти неимущие революционеры, сидящие в кофейнях в Швейцарии, будут в состоянии захватить власть в России, удерживать ее в своих руках путем кровавого террора, никогда ранее не виданного в истории, и станут представлять угрозу всему тому, что человеческий дух и труд создали на протяжении столетий.» (Гофман М. - Главный противник — Россия — М, Принципиум, 2015 — стр.247-248)

Тогда соображения тактики победили.

Позднее тот же генерал Гофман писал: «К командованию Восточным фронтом ежедневно обращались с мольбами о помощи от всех кругов русского населения. Наши делегации, посланные нами в Россию, почти всегда заявляли, что мы ни в коем случае не должны сложа руки смотреть на неистовства большевиков, — но, несмотря на это, следовало признаться, что трудно было решиться нарушить уже заключенный мир и снова с оружием в руках выступить против России. Я откровенно признаюсь, что в первое время и я никак не мог примириться с таким решением.» (Гофман М. - Главный противник — Россия — М, Принципиум, 2015 — стр.218)

Однако, продолжает германский генерал, «с весны 1918 года я стал на ту точку зрения, что правильнее было бы выяснить положение дел на востоке, те. отказаться от мира, пойти походом на Москву, создать какое-нибудь новое правительство, предложить ему лучшие условия мира, нежели в Брест-Литовске, - например, вернуть ему в первую

голову Польшу, — и заключить с этим новым русским правительством союз. Подкреплений для этого похода Восточному фронту не понадобилось бы.» (Гофман М. - Главный противник — Россия — М, Принципиум, 2015 — стр.219)

И еще: «Майор Шуберт, наш новый военный атташе в Москве, первым высказавшийся за решительное выступление против большевиков, полагал, что двух батальонов было бы вполне достаточно для водворения порядка в Москве и установления нового правительства. Хотя я и считал его точку зрения слишком оптимистической, но все-таки я думал, что нам вполне бы хватило для проведения этого начинания тех немногих дивизий, которыми мы еще располагали. В то время у Ленина и Троцкого еще не было Красной армии. Они были заняты разоружением остатков старой армии и отправкой ее по домам. Их власть опиралась всего на несколько латышских батальонов и вооруженных китайских кули [грузчик, чернорабочий], которых они употребляли, да и теперь еще употребляют, главным образом, в качестве палачей.» (Гофман М. - Главный противник — Россия — М, Принципиум, 2015 — стр.219-220)

Германский генерал, как видим, не упомянул о еще одной опоре большевиков — вооруженных частях, сформированных из бывших немецких и австрийских военнопленных. Может быть, потому что постеснялся. А может быть, потому что был уверен, и считал само собой разумеющимся, что все эти части, в случае конфликта большевиков с Германией, выступят на стороне последней.

РУКА ОБ РУКУ С ИМПЕРИАЛИСТАМИ

Гораздо сложнее и многограннее эпопея, связанная с помощью большевикам от стран Антанты и США. Здесь необходимо отделить официальную позицию правительств этих государств от помощи, которая шла от финансовых кругов, которые скорее можно определить, не как строго национальные — британские, французские или американские, а скорее, как интернациональные.

И тут нам придется ступить на гораздо менее изученную почву. Но может быть, от этого все станет даже интереснее.

Начнем с того, что постараемся ответить на вопрос: а зачем «буржуям» нужно было оказывать помощь «своим могильщикам», по определению Ленина.

Далее мы приведем сразу несколько пространных цитат от американского экономиста и историка британского происхождения Энтони Саттона.

«Монополизм в промышленности был когда-то целью Дж. П. Моргана и Дж. Д. Рокфеллера, но к концу XIX века жрецы Уолл-стрита поняли, что наиболее эффективный путь к завоеванию непоколебимой монополии заключается в том, чтобы «пойти в политику» и заставить общество работать на монополистов под вывеской общественного блага и общественных интересов. Эта стратегия была детализирована в 1906 году Фредериком К. Хоувом в его книге «Признания монополиста».» (Саттон Э. - Уолл-стрит и большевицкая революция — М, «Самотека», МИД «Осознание», 2016 — стр.12)

«Препятствием для верного понимания современной истории является представление, что капиталисты — заклятые и непреклонные враги марксистов и социалистов. Это ошибочное представление исходит от Карла Маркса и, несомненно, оно соответствовало его целям. Фактически же оно не верно. Существовала и существует неразрывная, хотя и скрываемая взаимосвязь между международными политиками-капиталистами и международными революционерами-социалистами — к их взаимной выгоде. Эта связь осталась незамеченной в основном потому, что историки, за редкими исключениями, имеют неосознанную марксистскую направленность и таким образом замыкаются на невозможности существования такой взаимосвязи. Свободно же мыслящий читатель должен иметь два ключа к ее разгадке: 1) капиталисты-монополисты являются злейшими врагами свободного предпринимательства, и 2) с учетом неэффективности централизованного планирования при социализме, тоталитарное социалистическое государство является прекрасным рынком для его захвата капиталистическими монополиями, если им удастся заключить союз с представителями социалистической власти (вспомним «Скотный двор Дж. Оруэлла — Ю.Б.). Предположим, и в данный момент это только гипотеза, что американские капиталисты-монополисты смогли низвести плановую социалистическую Россию до статуса порабощенной технической колонии. Не будет ли это логическим продолжением в XX веке монополии Моргана в области железных

дорог или нефтянного треста Рокфеллера конца XIX века.» (Саттон Э. - Уолл-стрит и большевицкая революция — М, «Самотека», МИД «Осознание», 2016 — стр.13)

Вывод, который делает Э. Саттон, и который мы склонны принять:

«Революция и международные финансы не так уж противоречат друг другу, если в результате революции должна установиться более централизованная власть. Международные финансы предпочитают иметь дело с централизованными правительствами. Банковское сообщество меньше всего хочет свободной экономики и децентрализованной власти, так как это распыляет власть.» (Саттон Э. - Уолл-стрит и большевицкая революция — М, «Самотека», МИД «Осознание», 2016 — стр.221)

Гипотетический выигрыш обеих сторон очевиден: капиталисты получают возможность практически бесконтрольной эксплуатации ресурсов социалистической страны, за счет чего поддерживается высокий рост благосостояния населения капиталистических стран; вожди-коммунисты, прикрываясь лозунгами о необходимости сплочения населения под их властью, во избежание реставрации капитализма, получают абсолютную, никем и ничем не ограниченную власть.

Самое важное, и это тоже, безусловно, всего лишь гипотеза, что в случае критического сокращения ресурсов в одной социалистической стране, вполне возможен, разумеется, с согласия капиталистов-монополистов, насильственный перевод в лагерь социализма какой-либо другой страны или группы стран. При этом, увеличение числа социалистических стран совершенно не пугает ведущие капиталистические державы, так как они ясно осознают свое экономическое и технологическое превосходство, которое, в случае необходимости, легко ограничит излишние амбиции и посягательства коммунистических правительств.

Исходя из вышесказанного, неудивительны следующие результаты исследования Энтони Саттона:

«Фирмы Уолл-стрита, включая «Гаранта Траст», были связаны во время войны с революционной деятельностью Каррансы и Вильи в Мексике. Мы также выявили документальные доказательства, касающиеся финансирования синдикатом Уолл-стрита революции Сунь Ят-сена в Китае в 1912 году, революции, которая сегодня превозно-

сится китайскими коммунистами, как предвестница революции Мао. Чарльз Б. Хилл, нью-йоркский юрист, который вел переговоры с Сун Ят-сеном от имени этого синдиката, был директором в трех дочерних фирмах компании «Вестингаус»... Чарльз Р. Крейн из компании «Вестингаус» в России был причастен к российской революции.» (Саттон Э. - Уолл-стрит и большевицкая революция — М, «Самотека», МИД «Осознание», 2016 — стр.213-214)

Итак, «гигантский российский рынок надлежало захватить и превратить в техническую колонию, которая будет эксплуатироваться немногими мощными американскими финансистами и подконтрольными им корпорациями.» (Саттон Э. - Уолл-стрит и большевицкая революция — М, «Самотека», МИД «Осознание», 2016 — стр.217)

И, возможно, выход был найден в сокрушении России руками честолюбцев, часть из которых искренне исповедовала заведомо нежизнеспособную идею, а другая часть шла на любые преступления ради известной с древнейших времен страсти — абсолютной личной власти. То есть, последние использовали «марксизм» не в качестве экономического учения, а как метод прихода к власти.

Что же касается власти, а тем более, власти абсолютной...

Мигель де Сервантес говорил: «Я нахожу, что повелевать всегда приятно, хотя бы даже стадом баранов».

А Фридрих Ницше выразился резче: «Любовь к власти есть демон людей. Дайте им все — здоровье, пищу, жилище, образование, — и они будут несчастны, капризны, потому что демон ждет, ждет и хочет удовлетворения. Отнимите у них все и удовлетворите их демона — они станут счастливы».

Патологическое стремление к абсолютной власти было усилено большевиками применением новейшего варианта управления. Старый принцип: кто не работает, тот не ест; был заменен новым: не ест тот, кто не повинуется.

А что касается теорий Карла Маркса...

Характерную зарисовку из жизни политической элиты СССР дает нам Борис Бажанов (1900-1982), бывший в течение нескольких лет личным секретарем Сталина:

«Революция совершена по марксистской догме. А как само Политбюро относится к этой догме? В первое же время моего секретарствования на Политбюро мое ухо уловило иронический смысл термина

«образованный марксист». Оказалось, что когда говорилось «образованный марксист», надо было понимать «болван и пустомеля».

Бывало и яснее. Народный комиссар финансов Сокольников, проводящий дежурную реформу, представляет на утверждение Политбюро назначение членом коллегии Наркомфина и начальником валютного управления профессора Юровского. Юровский — не коммунист, Политбюро его не знает. Кто-то из членов Политбюро спрашивает: «Надеюсь, он не марксист?» - «Что вы, что вы, - торопится ответить Сокольников, — валютное управление, там надо не языком болтать, а уметь дело делать». Политбюро утверждает Юровского без возражения.» (Бажанов Б. - Я был секретарем Сталина — М, Алгоритм, 2014 — стр.113-114)

Но вернемся к нашим «империалистам».

Э. Саттон: «Уолл-стрит наверняка пробирала холодная дрожь, когда он думал о России как о втором, наряду с Америкой, промышленном гиганте. Но зачем позволять России стать конкурентом и вызовом американскому господству?» (Саттон Э. - Уолл-стрит и большевицкая революция — М, «Самотека», МИД «Осознание», 2016 — стр.217)

Вот отрывок из показаний упоминавшегося выше Альберта Риса Вильямса, данных в феврале 1919 года, в комитете Сената США во время расследования фактов большевистской пропаганды на территории США.

Для справки: Альберт Рис Вильямс (1883-1962) — американский публицист и журналист, очевидец и участник большевистского переворота в октябре 1917 года. В июле 1917 года выступил с приветствием от американских социалистов на I съезде Советов, в феврале 1918 года организовал интернациональный отряд в помощь Красной армии. Неоднократно встречался с Лениным и Троцким. Путешествовал по СССР до 1928 года. Затем проживал в США и Канаде.

«Г-н Вильямс: Я думаю, другое правительство в России, не советское, вероятно, увеличило бы темп или скорость развития России, и мы бы имели еще одного соперника. Конечно, это аргументация с капиталистической точки зрения.

Сенатор Уолкотт: Итак, Вы представляете здесь аргумент, который, по Вашему мнению, может иметь привлекательность для американского народа, причем Ваша точка зрения такова, что если мы признаем советское правительство России в его теперешнем виде, мы признаем правительство, которое не сможет конкурировать с нами в промышленности в течение многих лет?

Г-н Вильямс: Это факт.

Сенатор Уолкотт: Значит Ваш аргумент в том, что при советском правительстве Россия будет не в состоянии, по крайней мере в течение многих лет, приблизиться к Америке по промышленному развитию?

Г-н Вильямс: Абсолютно так.» (Саттон Э. - Уолл-стрит и большевицкая революция — М, «Самотека», МИД «Осознание», 2016 — стр.224-225)

Напомним, приведенный отрывок показаний Альберта Ри-са Вильямса относится к 1919 году. А вот что писал этот же «господин-товарищ» годом ранее:

«Граждане! Товарищи! Интернационалисты!

...Если вы верите в Революцию, в Интернационал, в Советскую власть, вступайте в Интернациональный отряд Красной Армии. Он формируется из людей, говорящих на иностранных языках, и к нему спешат боевые революционеры со всего мира...

Штаб отряда находится по адресу: Нижний Лесной переулок, 2, возле Храма Спасителя.» (Вильямс А.Р. - Путешествие в революцию — М, Художественная литература, 1987 (Библиотека литературы США) — стр.622)

И еще, из воспоминаний Вильямса, стоявшего у истоков создания этого самого Интернационального отряда:

«По сравнению с Петроградом жизнь в Москве казалась спокойной. Мне дали удобный номер в гостинице «Националь», в нескольких шагах от комнаты, где размещались Ленин с Крупской. Когда я вступил в Интеротряд, то был готов к тому, что придется жить в дощатых, продуваемых всеми ветрами бараках, поэтому, попав в гостиницу, чувствовал себя несколько виновато.» (Вильямс А.Р. - Путешествие в революцию — М, Художественная литература, 1987 (Библиотека литературы США) — стр.634)

Так на кого, говорите, работал сей доблестный муж?

Все тот же Энтони Саттон публикует очередной интересный документ. Это меморандум, написанный в 1918 году Томасом Д. Тэчером, представителем адвокатской фирмы, расположенной по адресу — 120, Бродвей. По тому же адресу, кстати, располагалось и финансовое учреждение Вениамина (Бенни) Свердлова. В 1917 году Тэчер был в России с миссией Красного Креста. После консультаций в Нью-Йорке Тэчера послали в Лондон на переговоры с лордом Нортклиффом о большевистской революции, а затем в Париж для аналогичных переговоров с правительством Франции. (Саттон Э. - Орден «Череп и кости» — М, Самотека, 2009 — стр.263)

Итак, вот основные положения меморандума, написанного в тот момент, когда большевистское правительство находилось в критическом положении:

«Во-первых, ...союзники должны предотвратить японскую интервенцию в Сибири. Во-вторых, должна быть оказана всемерная помощь Советскому Правительству в его попытках организовать добровольную революционную армию.» (Саттон Э. - Орден «Череп и кости» — М, Самотека, 2009 — стр.264)

Что ж, за словами, следуют дела.

1 мая 1918 года — в праздничный день красных революционеров — была создана Американская лига для помощи и сотрудничества с Россией, а ее программа была одобрена на конференции, проведенной в здании канцелярии Сената в Вашингтоне. Ее президентом был Фрэнк Дж. Гуднау, президент университета Джона Гопкинса. (Саттон Э. - Уолл-стрит и большевицкая революция — М, «Самотека», МИД «Осознание», 2016 — стр.190-191)

В исполнительный комитет Лиги, среди прочих, входили: промышленник и политический деятель Уильям Б. Томпсон, Фредерик К. Хоув, который написал книгу «Признания монополиста» - книгу правил, с помощью которых монополисты могут контролировать общество; сенаторы Уильям Эдгар Борах и Джон Шарп Уильямс, оба из Комитета по внешним связям Сената; представители бизнеса: Генри Форд, Чарльз А. Коффин — председатель совета директором компании «Дженерал Электрик», Джордж П. Уэйлен — представитель компании «Вакуум Ойл», Даниэл Уиллард — президент компании «Балтимор&Охайо Рейлроуд». (Саттон Э. - Уолл-стрит и большевицкая революция — М, «Самотека», МИД «Осознание», 2016 — стр.191)

Самое поразительное, что союзники и правда оказали большевикам вполне реальную помощь. О «предотвращении японской интервенции» поговорим в нижеследующих частях нашего исследования, а пока скажем о не менее ярком примере союзной помощи Советам — высадке военных контингентов Антанты на севере России в 1918 году. Официально, для защиты военных складов, на которых, только в Мурманске, накопилось более 600 000 тонн военного оборудования, посланного союзниками русской армии еще в 1916 году и не вывезенного из-за хаоса, начавшегося в России после февраля 1917 года.

«Первым воззвал к союзникам о помощи Мурманский Совет. Который телеграфировал в Петроград 5 марта, что «финские белогвардейцы» вероятно, при поддержке германских сил, ведут подготовку к атаке на Мурманск. Совет связался с военно-морскими силами Англии и одновременно запросил у Петрограда разрешения пригласить союзные военные силы. Троцкий сообщил Мурманскому Совету, что тот может воспользоваться военной помощью союзников. Таким образом, впервые западные военные силы были задействованы в России по приглашению Мурманского Совета и с одобрения советского правительства.» (Пайпс Р. - Русская революция — Том 2 — М, РОССПЭН, 1994 — стр.274-275)

2 августа 1918 года произошла высадка девятитысячного отряда Антанты в Архангельске.

Позднее, по требованию Германии, Москва заявила протест против присутствия военных сил союзников на русской земле. Однако французский офицер Жак Садуль, чудесно совмещавший военную службу на благо «империалистической» Франции с собственным участием в коммунистическом движении, находившийся в тесном контакте с Троцким, рекомендовал своему правительству не принимать этих протестов близко к сердцу:

«Ленин, Троцкий и Чичерин положительно воспринимают в данных обстоятельствах, т.е. в надежде на сближение с союзниками, англо-французскую высадку в Мурманске и Архангельске, и хорошо понятно, что, не желая дать Германии повода к заявлению протеста против этого очевидного нарушения мирного договора, они сами направляют заведомо формальный протест союзникам. Они чудесно понимают, что следует защищать эти северные порты и подходящие к ним железнодорожные пути от германо-финских поползновений.» (Пайпс Р. - Русская революция — Том 2 — М, РОССПЭН, 1994 — стр.275)

Для справки: Жак Садуль (1881-1956) — учился в Сорбонне, на факультете права. Капитан французской армии, в сентябре 1917 года назначен военным атташе при французской миссии в Петрограде. Вступил в РСДРП(б), контактировал с Лениным и Троцким. В 1918 году осуществлял тайную связь между большевистским и французским правительствами. Входил в Исполком Коминтерна. В ноябре 1918 года заочно приговорен французским военным трибуналом к смертной казни. Однако после возвращения во Францию в 1924 году, Садуль был оправдан в суде по обвинению в дезертирстве. Были сняты и все другие имевшиеся против него обвинения.

Не находите, что француз Жак Садуль — человек из той же удивительной обоймы, скажем осторожно, международных авантюристов, как минимум, подыгрывавших большевикам, что и американцы Альберт Рис Вильямс с Джоном Ридом, что и подданные Российской Империи, во всяком случае, по рождению, Пинхас Рутенберг или Борис Рейнштейн?

Конечно, позднее советские «историки» и пропагандисты, измыслившие «поход 14 буржуазных государств против страны Советов», все перечисленные события на русском Севере объявят «иностранной интервенцией» и будут козырять тем, что вот, мол, отряды Красной армии вели с этими интервентами ожесточенные бои. Однако, как мы увидим далее, эти аргументы, как минимум, сомнительны.

И снова к теме расчетов за оказанные услуги.

Советские «историки» и пропагандисты из позднего СССР начисто забыли, что сталинская индустриализация совершалась при деятельном участии США. Именно в эту страну, в рамках заключенных контрактов, уходили гигантские суммы, так хорошо послужившие американской экономике в годы Великой депрессии 1929-1933 годов.

Теперь чуть поподробнее.

В сентябре 1927 года в Политбюро ЦК ВКП(б) была создана постоянная комиссия по техническим и научным связям с США.

В 1929 году капиталист из капиталистов Генри Форд подписал соглашение с СССР о строительстве в Нижнем Новгороде завода по производству легковых и грузовых автомобилей. В тридцатые годы этот завод выпускал до ста тысяч автомобилей в год. За выполнение своей части сделки Форд получил 30 млн долларов, кроме того, со-

ветское правительство оплатило стоимость оборудования и строительства завода. (Хаммер А. - Мой век двадцатый. Пути и встречи — М, Прогресс, 1988 — стр.115)

Крупнейшие в Европе предприятия: Днепрогэс, Сталинградский, Харьковский, Челябинский тракторные (а по факту — танковые), заводы, Магнитогорский металлургический комбинат, Нижегородский (Горьковский) автомобильный завод, проектировались и строились с учетом американских достижений. Руководитель проекта Днепрогэса инженер И.Г. Александров основательно ознакомился со строительством ГЭС в США. Проекты других предприятий выполнили американские фирмы. (Экономическая история. Ежегодник 2005 — М, РОССПЭН, 2005 — стр.182)

Одним из лучших иностранных специалистов на службе пятилетки стал инженер-строитель Джон Колдер. Его, в качестве «аварийного управляющего», перебрасывали с одной стройки на другую. Побывав в различных регионах, он убедился в повсеместно низком качестве работ, высоких издержках (накладные расходы достигали 40%), нехватке техники, плохом питании.

Особенно возмущали американцев тяжелый физический труд женщин и безнаказанные нарушения трудовой дисциплины. Пол Макгрегор, консультировавший выпуск тракторов «Красный путиловец» в Ленинграде, писал: «За всю свою жизнь я повидал меньше девушек, занятых тяжелым ручным трудом, чем за один час, проведенный здесь». (Экономическая история. Ежегодник 2005 — М, РОССПЭН, 2005 — стр.187)

В целом, «архивные документы содержат достаточно фактов, говорящих о западных источниках модернизации советской экономики. Импорт технологий имел решающее значение в первую пятилетку, когда создавались, один за другим, первенцы советской промышленности... Едва ли можно усомниться в том, что модернизация большинства отраслей советской промышленности полностью или в основном зависела от получения западных технологий и ноу-хау. Попытки самостоятельно проектировать и строить, быстро и качественно, крупные и технологически сложные предприятия не удавались». (Экономическая история. Ежегодник 2005 — М, РОССПЭН, 2005 — стр.189, 190)

Вот вам пример, одновременно, и хорошо оплаченных советской стороной поставок от американских корпораций, наследников услов-

ного Якоба Шиффа, а заодно и «безудержной эксплуатации» народа, только народа не американского, что в США к тому времени возбранялось, а народа русского, руками его «собственного» правительства, за что западным «капиталистам» перед своей общественностью стыдно не было.

Стараясь завершить обсуждение бесконечно интересной и мало исследованной темы, отметим, что большевики, как бы этот факт не удручал советских «историков» и пропагандистов, всегда выполняли свои финансовые обязательства перед западными «буржуями».

Проиллюстрируем сказанное на примере событий, повторившихся в одной и той же местности с перерывом в 26 лет. Но если о трагедии, случившейся в Российской Империи советские «историки» и пропагандисты трещали без умолку, то о ее повторении в СССР — молчали, словно воды в рот набрав.

4(17) апреля 1912 года на приисках «Ленского золотопромышленного товарищества» в районе города Бодайбо в бассейне реки Лена солдатами под командой ротмистра Трещенкова был открыт огонь по шествию бастовавших рабочих.

На момент забастовки рабочих 66 % акций «Ленского золотопромышленного товарищества» («Лензолото») принадлежало зарегистрированной в Лондоне компании «Lena Goldfields». (Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII — начало XX вв.): Межвузовский сборник научных статей — Барнаул, Изд-во АГУ, 1995)

270 убитых (возьмем максимальную из всех известных цифр) во время Ленского расстрела 1912 года — безусловная трагедия, вызвавшая расследования сенатской и общественной комиссий, отставку министра внутренних дел и начальника местной полиции, оправдание зачинщиков забастовки и выплату компенсаций семьям жертв, а также жесткие экономические санкции против владельцев приисков, предпринятые Царским правительством.

Доля компании «Lena Goldfields Co., Ltd» была снижена с 66% до 17%. Владельцы приисков, в результате забастовки, понесли убытки около 6 миллионов рублей. В связи с трагическими ленскими событиями Министерство финансов отказалось финансировать строительство остро необходимой для приисков узкоколейной дороги Иркутск—Жигалово—Бодайбо. (Энциклопедия — хрестоматия Иркутской области и Байкала)

После большевистского переворота, новая власть в одночасье национализировала все предприятия в стране, в том числе, естественно, и золотые прииски на реке Лене. Однако оказалось, что уничтожать русскую буржуазию, в том числе спецов-инженеров, гораздо легче, чем самим организовать производство, хотя бы и добычу золота. А золота, как и вообще денег, большевикам все время не хватало, всемирная революция — вещь прожорливая, а ведь надо было ее еще дождаться. И если кормить простой народ на его пути к счастью никто, в принципе, и не обещал, то собственное ожидание коммунистического рая нужно было постараться обеспечить всем возможным комфортом.

15 марта 1921 года Ленин признал необходимость сотрудничества с западными капиталистами официально.

«Удержать же пролетарскую власть в стране, неслыханно разоренной, с гигантским преобладанием крестьянства, также разоренного, без помощи капитала, — за которую, конечно, он сдерет сотенные проценты, — нельзя. Это надо понять. И поэтому — либо этот тип экономических отношений, либо ничего.» (Ленин В.И. - ПСС, Том 43 — стр.68)

В итоге, с подачи Л.Б. Красина, 27 июля 1923 года Политбюро ЦК решило: «Считать целесообразной сдачу ленской золотопромышленности в концессию на выгодных условиях».» (Хромов С.С. - Леонид Красин — М, Институт российской истории РАН, 2001 — стр.65)

А 13 сентября 1923 года «Главный концессионный комитет при СНК СССР принял постановление: «Признать крайне желательным скорейшее заключение концессионного договора с «Лена Голдфилдс».» (Хромов С.С. - Леонид Красин — М, Институт российской истории РАН, 2001 — стр.65)

Как говорится, за что боролись...

После улаживания разнообразных формальностей, в 1925 году, используя советский декрет о концессиях, компания «Лена голдфилдс» вновь получила право производить работы на сибирских (включая Ленские) золотых месторождениях сроком на 30 лет. Компании также были переданы: Ревдинский, Биссердский, Северский металлургический заводы, Дегтярское, Зюзельское, Егоршинские угольные копи. При том, что доля советской власти была всего 7%, а доля «Лены Голдфилдс» – 93%. (Энциклопедия — хрестоматия Иркутской области и Байкала)

На этом фоне любопытно смотрится обращение Сталина к Ленским рабочим, сделанное два года спустя:

«Ныне, свободные от царского и капиталистического гнета, на берегах Витима вы имеете возможность добывать золото не для обогащения тунеядцев, а для укрепления мощи первого в мире, своего рабочего государства.» (Сталин И.В. Сочинения — т. 9 — Ленским рабочим)

Что это? «Вождь пролетариата всех стран» не знал, что 93% прибыли от добычи ленского золота уплывает в Лондон — «цитадель капитализма» тех лет? Или просто врал в глаза?

Тем временем «Лена Голфилдс» приступила к работе, пообещав при заключении концессионного соглашения «инвестиции». Однако никаких инвестиций так и не случилось. Наоборот, дело дошло до того, что «Лена Голфилдс» потребовала для себя государственных субсидий и всячески уклонялась от платежей всех сборов и налогов.

В 1929 году «Лена Голфилдс», в результате «давления советских властей», прекратила свою деятельность. И тут же обратилась в Международный арбитраж, обязавший Советский Союз выплатить компании 65 миллионов долларов США.

После ряда переговоров в 1935 году СССР заявил, что компенсация «Лене Голдфилдс» будет выплачена и произвел первый платеж. Окончательный расчет по требованиям английской компании был произведен аж в 1968 году.

Отметим также, что замена английских инженеров и управленцев совершенно не сказалась на путях реализации добытого золота — все оно, как и прежде, уходило к «проклятым капиталистам», заодно экономившим теперь на зарплатах собственных дорогостоящих специалистов. Да и вся головная боль за поддержание порядка на приисках ложилась на сталинских чиновников и чекистов.

И в 1938 году, уже после ухода «Лена Голфилдс», уже при «родном» советском управлении, трагедия на тех же самых приисках повторилась — произошел второй Ленский расстрел.

Весной 1938 года в Бодайбо было расстреляно 948 человек, почти в четыре раза больше, чем при «кровавом царском режиме». (Александров А.Л., Томилов В.Г. - Два Ленских расстрела - «Восточно-Сибирская Правда» - 28.05.1996)

Отличие было в том, что никто не стрелял публично в толпу бастовавших. Все жертвы были предварительно арестованы в рамках

затеянной Сталиным чистки общества от так называемых «врагов народа». Стоит ли говорить, что в столь отдаленной от цивилизации местности доблестным работникам НКВД не встретилось ни одного самого захудалого капиталиста, так что, за их неимением, пришлось расстреливать рабочих, крестьян, простых служащих... Кроме русских в сталинские жернова попали и несколько китайцев, но, надо полагать, тоже не из «графьев».

Однако, изрядно отвлекшись, вернемся вновь в кровавый 1918 год.

ЛЕТО 1918 ГОДА

В июне 1918 года Народным комиссариатом по военным и морским делам была образована Комиссия по формированию интернациональных групп РККА при ВЦИК. (Интернационалисты — М, Наука, 1967 — стр.575)

В июле-ноябре 1918 года члены Комиссии выезжали в места концентрации военнопленных, где создавали местные секции Комиссии по формированию интернациональных отрядов. В частности, представители Комиссии посетили Нижний Новгород, Пензу, Арзамас, Рязань, Тулу, Орел, Курск, Ярославль, Казань, Симбирск. О результатах своей работы Комиссия докладывала непосредственно председателю ВЦИК Свердлову. (Интернационалисты — М, Наука, 1967 — стр.575)

Е.Д. Стасова: «В июле 1918 года, когда я приезжала из Петрограда в Москву, Я.М. Свердлов... познакомил меня с группой революционных немецких военнопленных-интернационалистов, которым я должна была оказать помощь в их практической работе. Я и сейчас жалею, что по ряду обстоятельств не смогла тогда поработать с этой группой.» (Стасова Е.Д. - Воспоминания — М, Главная редакция социально-экономической литературы, 1969 — стр.182)

Как видим, сотрудничество Германии с новой российской властью продолжалось. Однако появилось обстоятельство, серьезно омрачающее эту странную дружбу. Дело было в том, что, вопреки более поздним сказаниям советских историков и пропагандистов, большевики никак не могли обрести массовую поддержку внутри страны. И все чаще действовали почти исключительно с помощью террора.

Созданная еще 20 декабря 1917 года ВЧК (Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем) обрушила на подвластное большевикам население чудовищные репрессии.

Руководитель ВЧК Ф. Дзержинский: «Каждый, кто осмелится на малейшую пропаганду против соввласти, будет арестован и заключен в концентрационный лагерь.» (Исторические хроники с Николаем Сванидзе. 1913-1933 — С-П, Амфора, 2008 — стр.135)

Р. Пайпс: «Среди сотрудников ЧК было много нерусских. Дзержинский был поляком, среди его ближайших помощников оказалось немало латышей, армян, евреев. Подразделение, которое ЧК использовало для охраны партийных функционеров и важных политзаключенных, набиралось почти исключительно из латышских стрелков, так как латыши считались более жестокими и неподкупными. Ленин решительно одобрял привлечение к этой работе инородцев. Как вспоминает Штейнберг, перед русским национальным характером Ленин испытывал «страх». Считал, что русским недостает твердости: «Мягок, чересчур мягок этот русский, — говаривал он. — Он не способен проводить суровые меры революционного террора».» (Пайпс Р. - Русская революция — Том 2 — М, РОССПЭН, 1994 — стр.493)

Помощник Дзержинского по ВЧК М. Лацис констатировал: «Чрезвычайная Комиссия, это — не следственная комиссия и не суд. И не трибунал. Это — орган боевой, действующий по внутреннему фронту гражданской войны, пользующийся в своей борьбе приемами и следственных комиссий, и судов, и трибуналов, и военных сил. Он врага не судит, а разит. Не милует, а испепеляет всякого, кто с оружием в руках по ту сторону баррикад и кто ничем не может быть использован для нас.» (Лацис (Судрабс) — Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией — М, Государственное издательство, 1921 — стр.8)

Даже Парвус, благополучно проживающий в любимой им Германии, возмутился обрушившимся на население России террором:

«Нынешние Советы терроризируют не только реакционеров и капиталистов, но и демократически настроенную буржуазию и даже все социалистические рабочие организации, несогласные с их мнением. Они разогнали Учредительное собрание и держатся, утратив моральный авторитет в глазах народных масс, исключительно на штыках.

Суть большевизма проста — разжечь революцию повсеместно, не выбирая времени, не считаясь с политической ситуацией и иными историческими реалиями. Кто против, тот враг, а с врагами разговор короткий — они подлежат срочному и безоговорочному уничтожению.» (Парвус А. - В борьбе за правду — М, «Альпина Паблишер», 2017 — стр.107)

Несколько забегая вперед, сообщим, что к сентябрю 1919 года в 33 губерниях большевики создали особые карательные подразделения, очень характерного состава.

Р. Гарашин: «Части особого назначения, или, как их сокращенно называли, ЧОН, были, по сути дела, вооруженными отрядами большевистской партии. Практические занятия проводились в Лефортово. На каких только языках не раздавались команды! На русском, венгерском, немецком, украинском, литовском...» (Гарашин Р. - Красные гусары — М, Военное издательство Министерства обороны СССР, 1970 — стр.226)

Здесь будет уместно повторить, что командование германской армии зачастую было настроено антибольшевистски, идя на сотрудничество исходя из чисто военных соображений.

Еще 17 февраля 1918 года, когда переговоры по Брестскому миру находились в тупике, генерал Гофман записал в своем дневнике:

«Завтра мы начинаем боевые действия против большевиков. Другого пути нет. В противном случае эти скоты загонят бичами всех вместе — украинцев, финнов, прибалтов — в новую революционную армию и превратят всю Европу в свинарник.» (Исторические хроники с Николаем Сванидзе 1913-1933 — С-П, Амфора, 2008 — стр.133)

Сомнения в правильности поддержки ленинского правительства испытывал и посол Германии в Советской России граф Мирбах. Его сотрудник, военный атташе майор В. Шуберт, и вовсе предлагал направить на Москву два батальона немецкой пехоты, разогнать большевиков и сформировать новое, не столь людоедское, правительство.

Мирбах даже сделал запрос в МИД Германии, следует ли ему продолжать помощь большевикам.

«Через два дня Кюльман ответил, что германское правительство в большевиках все еще заинтересовано и посоветовал тратить на них как можно большие суммы, чтобы поддержать у власти. «Отсюда очень трудно сказать, кого следует поддерживать в случае падения

большевиков, — продолжал Кюльман. — Если будет действительно сильный нажим, левые эсеры падут вместе с большевиками», а это «единственные партии, которые основывают свои позиции на Брест-Литовском мире». Кадеты и монархисты — против Брестского договора. Последние выступают за единую Россию и поэтому «не в наших интересах поддерживать монархическую идею, которая воссоединит» страну. Наоборот, насколько возможно, следует мешать «консолидации России, и с этой целью надо поддерживать крайне левые партии».» (Фельштинский Ю. - Крушение мировой революции — Лондон, Oversear Publications Interchange Ltd, 1991 — стр.421)

Что ж, дисциплинированный Мирбах подчинился мнению Берлина. Вот одна из его телеграмм, уже лишенная оттенков какого-либо сомнения:

«Посол в Москве — в МИД Германии

Телеграмма №233

Москва, 3 июня 1918г., 17.41. Получено: 4 июня, 3.20

В связи с сильной конкуренцией со стороны Антанты необходимо 3 млн марок в месяц. В случае необходимости перемены нашей политической линии может возникнуть нужда в более крупной сумме.

Мирбах.» (Германия и революция в России. 1915-1918. Сборник документов — М, Центрполиграф, 2013 — стр.222)

Буквально через месяц, 6 июля германский посол Мирбах был убит в своей резиденции. Убийцами оказались два члена партии левых эсеров, допущенные к телу, благодаря тому, что предъявили мандат ВЧК, подписанный Дзержинским. Вслед за терактом началось так называемое «восстание левых эсеров».

Это восстание носило весьма странный характер, но мы отметим лишь, что и здесь не обошлось без интернационалистов.

Уже 7 июля ЦК левых эсеров выпустило бюллетень №1, в котором, в частности, говорилось: «Боевым штабом левых эсеров арестованы вооруженные германские военнопленные, при допросе показавшие, что вооружение происходит в Кремле по приказанию Ленина большевиком Бела Куном».» (Красная книга ВЧК — Том 1 — М, Издательство политической литературы, 1989 — стр.289)

Вооружали, как видим, именно интернационалистов. А вот «показания» с улиц города.

Е. Драбкина: «Часов около одиннадцати утра и наш отряд закончил свои боевые операции где-то в районе Садовой-Черногрязской...

Гордые победой, мы возвращались к себе, таща трофеи: три пулемета и ручную тележку с наваленными на нее винтовками. У Мясницких ворот до нашего слуха донеслась мадьярская речь: там стояли бойцы Интернационального отряда, участвовавшего в освобождении от мятежников почтамта и Центрального телеграфа.» (Драбкина Е. - Черные сухари / Повесть о ненаписанной книге — М, Советский писатель, 1963 — стр.194)

Р. Гарашин перечисляет в числе тех частей, которые подавляли мятеж левых эсеров в Москве, московский интернациональный батальон во главе с Ференцем Янчиком, а также венгерских слушателей московской партийной школы под руководством Бела Куна и Тибора Самуэли. (Гарашин Р. - Красные гусары — М, Военное издательство Министерства обороны СССР, 1970 — стр.28)

В конце апреля 1919 года этот самый московский интернациональный батальон был переформирован в пехотный полк имени Третьего Интернационала, куда вошли венгерский батальон во главе с Йожефом Нетичем, китайский батальон, бывший ярославский батальон ЧК и рота интернационалистов, прибывшая из Тамбова. Командиром полка стал чех Йожеф Каплан. (Гарашин Р. - Красные гусары — М, Военное издательство Министерства обороны СССР, 1970 — стр.34)

А трагические события продолжали нестись во весь опор.

17 июля 1918 года в Екатеринбурге, вотчине Свердлова еще с 1905 года, были злодейски убиты 11 человек - Государь Николай Александрович (50 лет на момент убийства), Государыня Александра Федоровна (46), Великие княжны Ольга (22), Татьяна (21), Мария (19), Анастасия (17), Цесаревич Алексей (13), доктор Е. Боткин (53), камердинер А. Трупп (62), лейб-повар И. Харитонов (48) и горничная А. Демидова (40).

Следователь по особо важным делам Омского окружного суда Н.А. Соколов (1882-1924), проведший расследование убийства Царской Семьи, хорошо обрисовал сибирскую ситуацию 1918 года:

«Главную вооруженную силу большевиков в Сибири составляли латышские отряды и австро-немецкие пленные. Они держались замкнуто, отчужденно от русских красноармейцев.

Последние противопоставляли себя им и всех вообще нерусских большевиков называли «латышами». Большевик Медведев, состоявший в сысертской партии, плативший даже партийные взносы, от-

нюдь не считал себя большевиком. Он называл большевиками людей нерусских.» (Соколов Н.А. - Убийство Царской Семьи — М, Советский писатель, 1990 — стр.175)

Логично было бы предположить, что к столь ответственному для большевиков делу, как убийство отстраненного от власти Государя и беззащитных женщин и детей, будут привлечены особо доверенные лица. И в этом предположении мы будем абсолютно правы. Злодеянием руководили ближайшие сподвижники Свердлова — Шая Голощекин, Янкель Юровский, Войков (Пинхус Вайнер), Александр Белобородов, Георгий Сафаров.

Эти главари, но были и другие.

Вот, например, список красногвардейцев, еще 17 мая 1918 года присланных на замену отряда полковника Кобылинского, обеспечивавшего охрану Государя и Его Семьи после ареста, а также в Тобольской ссылке:

«1-й взвод: Зен, Кокоруш, Дрерве, Неброчник, Иковнек, Виксна, Гравит, Страздан, Таркш, Пурин, Овсейчик, Прус, Аленкуц, Брандт, Гредзен, Лепин, Эгель, Герунас, Озолин;

2-й взвод: Плуме, Грике, Пранучкис, Бильскам, Вилемсон, Цекулит, Макон, Якубовский, Альшкин, Баранов, Рольман, Крайно, Оявер, Киршанский, Фруль, Блуме, Мальне, Яунзен, Тиман, Дризкал, Корсак, Ларишев, Штернберг, Гинтар.

3-й взвод: Дубульд, Аунин, Берзин, Сирснин, Табак, Штеллер, Чсальнек, Сея, Рейнгольд, Бойлик, Герц, Зиверт, Таркянин, Диев, Залин, Лигбард, Пумпур, Гейде, Волков, Кейре.

Пулеметная команда: Гаусман, Лицит, Перланцек, Тобок, Цалит, Зильберт, Берзин, Орлов, Гусаченко.» (Соколов Н.А. - Убийство Царской Семьи — М, Советский писатель, 1990 — стр.142-143)

В дальнейшем охрану Ипатьевского дома, в котором содержались узники, несли русские охранники, набранные из рабочих расположенной неподалеку фабрики братьев Злоказовых, во главе с неким А. Авдеевым.

П. Мультатули: «Имеются сведения, что немцы не оставляли надежду договориться с Государем и убедить его пойти на сепаратное соглашение с Германией, шантажируя его угрозой гибели его семьи. Издаваемый русскими монархистами журнал «Двуглавый орел» писал в 1927 году: «Незадолго до ужасного конца Государя ожидало великое испытание, испытание соблазном спастись изменою Родине. В

Тобольск два раза приезжали под видом организации Красного Креста члены германской миссии и предлагали Государю подписать договор о сепаратном соглашении с Германией, обещая за это спасение Его и всей Его Семьи. Кто другой устоял бы перед таким соблазном?! «Скорее отрежут мне руку, чем подпишу позор России», — отвечал Государь».» (Мультатули П. - Николай II. Дорога на Голгофу — М, «АСТ-Астрель», 2011 — стр.141)

3 июля в большевистской печати появились сообщения, что «рабочие Урала» обеспокоены возможностью освобождения бывшего Царя.

4 июля Авдеев и его помощник Мошкин были отстранены от обязанностей. Начальником охраны становится Янкель (Яков) Юровский.

Н. Соколов: «Когда Яков Юровский внедрился в дом Ипатьева, Шая Голощекин отсутствовал из Екатеринбурга. Он в это время находился в Москве и жил на квартире у Свердлова. Но Белобородов в тот же день сообщил ему телеграфно о происшедшей в доме перемене.

Телеграмма Белобородова имела следующее содержание:

Москва. Председателю ЦИК Свердлову для Голощекина.

Авдеев сменен его помощник Мошкин арестован вместо Авдеева Юровский караул весь сменен заменяется другим точка. — 4558.

Белобородов. 4/VII» (Соколов Н.А. - Убийство Царской Семьи — М, Советский писатель, 1990 — стр.305-306)

Вновь назначенный комендант дает распоряжение заменить внутреннюю охрану на людей из «чрезвычайной комиссии». Через несколько дней эти люди из чрезвычайной следственной комиссии прибыли в дом Ипатьева. Их было десять человек. Все они были «латышами».

«Из всей русской охраны, после удаления Авдеева и Мошкина, только один сохранил еще доверенность главарей — Павел Медведев. В справке о прежней жизни этой зловещей личности значится изнасилование ребенка. Он был Иудой Романовых.» (Последние дни Романовых — М, «Книга», 1991 — стр.426-427)

Н. Соколов: «На террасе ипатьевского дома, где был пост №6, я обнаружил надпись на русском языке: «№6. Вергаш карау... 1918. VII/15». Кто-то, стоявший на этом посту за сутки до убийства, хотел увековечить свое имя, но запутался в слове «караулил». Тогда он написал по-мадьярски: Verhas Andras 1918 VII/15 e orsegen/

Осматривая сад Ипатьева, я нашел здесь обрывок письма на мадьярском языке на имя «Терезочки». Его писал весной 1918 года охранник. Экспертиза пришла к выводу, что это письмо писано мадьяризированным немцем.» (Соколов Н.А. - Убийство Царской Семьи — М, Советский писатель, 1990 — стр.176)

Наступило 16 июля.

«В 7 часов вечера Юровский отдал Медведеву приказание отобрать револьверы у всех русских конвоиров. Когда оружие принесли, Юровский открыл Медведеву проект избиения, запретив ему до 11 часов вечера говорить о нем русским. В этот час он должен был предупредить наружных часовых, дабы избегнуть «недоразумения».» (Последние дни Романовых — М, «Книга», 1991 — стр.426-427)

В 1.30 ночи с 16 на 17 июля во двор Ипатьевского дома прибыл грузовик для перевозки трупов. Примерно через 40 минут разбуженные узники спустились в подвал, причем Государь нес сына, который страдал от обострения гемофилии, на руках. Только разместились, как Юровский привел расстрельную команду. По поводу состава этой команды продолжаются споры.

Но вот историк Н. Коняев приводит интересный документ:

«Сохранился список из фамилий, отпечатанный на бланке Революционного штаба Уральского района: «Горват Лаонс, Фишер Анзелм, Эдельштейн Изидор, Фекете Эмил, Над Имре, Гринфелд Виктор, Вергази Андреас». Более эти имена ни разу не встретятся ни в каких чекистских документах. Эту семерку то ли набрали из военнопленных, то ли специально для расстрела Царской Семьи привезли в Екатеринбург.» (Коняев Н.М. - Гибель красных моисеев — М, Вече, 2014 — стр.341)

А дальше — быстро зачитали «приговор» и приступили к его «исполнению».

Вот как описал убийство председатель исполкома Уральского областного Совета А.Г. Белобородов (1891-1938):

«...Романов слушал приговор спокойно, как будто не вполне понимая его значение, потом спросил: «Так меня судит Россия?»

- Вас судим мы, революционный народ, — ответил Юровский, и чтение приговора продолжилось.

Когда дошли до слов: «Вместе с бывшим Царем Николаем Александровичем Романовым расстрелу подлежат его жена Александра Федоровна Романова, его сын Алексей...», Царица, вскрикнув, бро-

силась к Наследнику и прижалась к нему. За ней выскочил Боткин и заслонил их собой. Тогда Юровский начал стрелять...

Первые пули попали в Боткина и Царя, они зашатались, стали падать, увлекая за собой Александру Федоровну, не выпускавшую Наследника. Тогда стали стрелять все. Получился ужас. Ольга, раненая, пыталась выбраться из-под упавших на нее. Цепляясь за них, дотянулась до отца. Охватила его, живого или мертвого, не знаю, но ее так и добили. Вместе с Наследником, тоже раненым, застрелили не отпускавшую его Царицу. Пуль не жалели. Не успевали менять только обоймы. Татьяна была буквально изрешечена пулями. Но если та, которая попала в лоб, была первой, то смерть ее была легкой...» (Мультатули П. - Николай II. Дорога на Голгофу — М, «АСТ-Астрель», 2011 — стр.480)

Представим себе, как на глазах сына убивают его горячо любимого отца, как мать тщетно пытается защитить своего тринадцатилетнего сына, как настоящий русский доктор пытается заслонить собой своего маленького пациента, как израненная дочь, собрав последние силы, обнимает труп своего отца, и как звери в человеческом обличии стреляют из своего оружия - вновь и вновь, вновь и вновь...

И как же прав был Иван Солоневич, сказав: «Нет, революции нет никакого оправдания. И в ней не было никакого «народа». Была грязь, предательство, бездарность, бесчестность — немецкие деньги, английское влияние, безмозглое своекорыстие, - кровь и грязь, грязь и кровь...

В грязи и крови родился Февраль. В грязи и крови погибнет Октябрь, его законный наследник. А платить — придется нам. И не только нам: платит и еще будет платить все человечество. Заплачена уже поистине страшная цена, но заплачена еще не вся.

Кровь Царя-Искупителя и на нас и на детях наших. Тут просто ничего не поделаешь. Это уже факт.» (Солоневич И.Л. - Революция, которой не было, или великая фальшивка Февраля — М, Алгоритм, 2016 — стр.108)

Через два дня после злодеяния, 18 июля 1918 года, немецкий дипломат Карл фон Ботмер записал:

«Сегодня пришло известие, что царь и, наверное, его семья расстреляны в Екатеринбурге. В сегодняшней газете «Известия» было сообщение, что по распоряжению местного Совета, учитывая вероят-

ность побега и возможность похищения чехословаками, бывший царь расстрелян 16 июля; этот шаг одобрен Центральным исполнительным комитетом.

В более жестокой и бездушной форме известить общественность об убийстве, пожалуй, невозможно. В широких кругах уже давно высказывалось предположение, что никого из императорской семьи уже нет в живых. […] От правительства кровавого террора нельзя было ожидать ничего иного, как покончить с вопросом о судьбе плененного императора его убийством. Карл I и Людовик XVI были, по крайней мере, формально обвинены и затем осуждены. Здесь же для свершения акта возмездия в его жесточайшей форме был найден соответствующий повод. Нельзя, видимо, сомневаться и в том, что екатеринбургский совет имел указание и полномочия от Кремля.» (Ботмер К. - С графом Мирбахом в Москве — М, Книжный Клуб Книговек, 2010 — стр.193-194)

БОМБИТЬ ЯРОСЛАВЛЬ

Итак, в ночь на 17 июля 1918 года в Екатеринбурге, при явном участии интернационалистов, были убиты 11 человек.

Практически одновременно с этим, с 6 по 21 июля означенные персонажи отметились еще раз. Речь идет о подавлении большевиками антибольшевистского выступления горожан и членов организации Б. Савинкова в Ярославле.

«Союз защиты Родины и Свободы» был создан в марте 1918 года эсером, бывшим террористом, боровшимся с Самодержавием, Борисом Савинковым (1879-1925), считавшем «октябрьскую революцию» не более, чем захватом власти горстью людей, и боровшимся против этой узурпации власти.

Его организация подготовила восстания в Ярославле (6-21 июля 1918), Рыбинское (8 июля 1918), Муромское (8-10 июля 1918). Все эти выступления были жестоко подавлены большевиками.

Интересно, что, кроме перечисленных, Союз планировал восстание и в Москве. Однако оно не состоялось. Официальная советская история гласит, что восстанию помешали аресты, произведенные ВЧК в мае 1918 года.

Но вот как о несостоявшемся вооруженном выступлении говорил представитель Союза барон А.А. Дикгоф (псевдоним — А. Деренталь) (1885-1939):

««Союз»... обладал достаточными силами для того, чтобы неожиданным выступлением захватить Москву. Но после зрелых размышлений этот план был отвергнут.

Выступать в Москве значило заранее обречь все предприятие на неудачу. Захватить наиболее важные стратегические пункты страны, арестовать Совет Народных Комиссаров и т.д. не представляло особых трудностей в тот момент. Но, захватив город, нужно еще было в нем суметь продержаться; сделавшись хозяевами положения в центре с миллионным населением, нужно было взять на себя обязательство прокормить все эти сотни тысяч голодающих ртов. Первое было чрезвычайно трудно ввиду присутствия в Москве значительного числа организованных и вооруженных германских военнопленных, негласно находящихся под командованием германских офицеров, и особенно ввиду возможности немедленного движения на Москву регулярных германских войск с германско-большевистского фронта. Второе представлялось почти невозможным благодаря полному развалу транспорта и предварительному разгрому всех продовольственных и общественных организаций. Новая власть не смогла бы, таким образом, удовлетворить связанные с нею надежды населения на улучшение жизни и тем самым неизбежно должна была бы опорочить то дело, во имя которого был бы произведен переворот.» (Красная книга ВЧК — Том 1 — М, Издательство политической литературы, 1989 — стр.91)

Отметим, что эти сведения Деренталя подтвердились данными следствия, проведенного ВЧК. (Красная книга ВЧК — Том 1 — М, Издательство политической литературы, 1989 — стр.92)

Вот как выглядело подавление Ярославского восстания.

Большевики собрали значительно превосходящие силы, подвезли сотни орудий. Началась жесточайшая бомбардировка. Пылающий Ярославль превратился в ад. Но и в этом аду отряды добровольцев, горожан и савинковцев, держались. Отбивались 16 дней.

17 июля 1918 года, русский писатель М. Пришвин записал в своем дневнике:

«Ярославль окружен сводным большевистским отрядом из латышей, мадьяр, китайцев, финнов, всех, кроме русских. Город разру-

шен, одни трубы.» (Пришвин М.М. - Дневники 1918-1919 — М, Московский рабочий, 1994 — стр.115)

И действительно: «В подавлении мятежа вместе с советскими войсками участие принимал интернациональный отряд и левоэсеровская дружина.

Начался артиллерийский обстрел важнейших пунктов, как-то: монастыря, в котором были вооружены все монахи, Демидовского лицея, где расположился белогвардейский штаб, городского театра и других мест. Обстрел вызвал сильный пожар... С прибытием из Москвы броневого поезда обстрел усилился. Большая часть города оказалась охваченной морем огня... Окраины города были почти совершенно выжжены» (Красная книга ВЧК — Том 1 — М, Издательство политической литературы, 1989 — стр.156).

Но и этого большевикам показалось мало. Была подключена авиация. За два воздушных налета на город «было сброшено 12 пудов динамитных бомб, большая часть которых, по полученным сведениям, попала в район расположения штаба противника (около бывшего губернаторского дома)». (Красная книга ВЧК — Том 1 — М, Издательство политической литературы, 1989 — стр.158)

Несмотря на то, что «артиллерийский огонь противник не открывал, ограничась одним или двумя выстрелами из мелкокалиберных орудий, по-видимому с броневиков», было решено «усилить бомбардировку, применяя для этой цели наиболее разрушительные бомбы». (Красная книга ВЧК — Том 1 — М, Издательство политической литературы, 1989 — стр.158)

Командующий Южным Ярославским фронтом Ю.С. Гузарский еще 16 июля телеграфировал командованию: «Срочно шлите 10 000 снарядов, половина шрапнель, половина гранат, а также пятьсот зажигательных и пятьсот ХИМИЧЕСКИХ (выделено нами — Ю.Б.) снарядов. Предполагаю что придется срыть город до основания». (РГВА. Ф.1. Оп.3. Д.83. Л.353)

21 июля оставшиеся в живых восставшие сдались. Но не наступавшим красным войскам, а Германской комиссии военнопленных №4, интернированной с начала восстания в городском театре.

Вот выдержка из отчета Германской благотворительной комиссии от 22 июля 1918 года о событиях в Ярославле, более всего обеспо-

коенной судьбой находившихся в восставшем городе около тысячи пока еще не освобожденных немецких военнопленных, доставленных из Уфы:

«Обстрел города из легких и тяжелых арторудий Красной армии и непрерывный стрелковый и пулеметный огонь усиливался. Из-за нехватки воды быстро распространялись пожары, которые уничтожали целые городские кварталы. Что не сгорело, уничтожалось артиллерией. Городской театр от артобстрела не пострадал — видимо, потому, что Красной армии было известно о размещенном там лагере военнопленных.» (Ботмер К. - С графом Мирбахом в Москве — М, Книжный Клуб Книговек, 2010 — стр.259)

И немцы остановили кровопролитие. Большевикам было передано сообщение относительно судьбы сдающихся:

«Комиссия передаст штаб в качестве военнопленных Германской империи своему непосредственному начальству в Москве, где дано будет все дальнейшее. Германская комиссия №4 располагает сильной боевой частью, образованной из вооруженных военнопленных, и займет для поддержания спокойствия в городе Ярославле до получения решения из Москвы положение вооруженного нейтралитета.

Для соблюдения порядка и восстановления нормального течения жизни комиссия окажет по возможности мирному населению должную поддержку...

Ярославль, 21 июля 1918 года.

Председатель германской комиссии №4

лейтенант Балк.» (Красная книга ВЧК — Том 1 — М, Издательство политической литературы, 1989 — стр.160)

Большевикам ничего не оставалось делать, кроме как смириться с фактической оккупацией подданными «Германской империи» русского города, пусть даже временной.

Б. Савинков: «Так окончилось восстание в Рыбинске, Ярославле и Муроме, организованное Союзом Защиты Родины и Свободы. Его нельзя назвать удачным, но оно не было бесполезным. Впервые, не на Дону и не на Кубани, а в самой России, почти в окрестностях Москвы, русские люди, без помощи кого бы то ни было, восстали против большевиков и тем доказали, что не все русские мирятся с национальным позором Брест-Литовского мира и что не все русские склоняются перед террором большевиков. Честь была спасена. Слава

тем, которые пали в бою.» (Савинков Б. - Воспоминания террориста — М, ПРОЗАиК, 2013 — стр.365)

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

В советском варианте написания истории России 1918-1923 годов, гневно обличалась вооруженная интервенция империалистических государств против Советской России. Якобы капиталисты всех стран, по мере возможности, старались удушить первую в мире советскую республику. Но та выстояла под натиском внешнего и внутреннего врага, так как «подавляющее большинство трудового народа встало на защиту власти рабочих и крестьян».

По советской версии, кровавые козни империалистов начались с конца февраля 1918 года, когда германские войска начали общее наступление. Правда наступление сорвалось... Правда, в итоге был подписан «похабный» Брестский мир... Правда, эта «похабщина» являлась образцом мудрой «ленинской политики»...

Покончив, с грехом пополам, с описанием Брестского мира, советские «историки» и пропагандисты переводили внимание доверчивой публики к так называемому «мятежу чехословацкого корпуса».

В сталинской энциклопедии так и писали: «в мае-июле 1918 дипломаты Антанты организовали на Средней Волге и в Сибири мятеж чехословацкого корпуса, состоявшего из военнопленных, и другие контрреволюц. выступления.» (Энциклопедический словарь — М, Государственное научное издательство «Большая Советская Энциклопедия», 1953 — стр.687)

Но стоит только копнуть поглубже, как очередной большевистский миф начинает трещать по швам.

Дело в том, что первая национальная чешская часть (Чешская дружина) была создана в составе Российской Императорской армии в самом начале Великой войны осенью 1914 года. С марта 1915-го дружина стала пополняться чехами и словаками из числа пленных и перебежчиков. Постепенно дружина была развернута в полк, к концу 1916 года — в бригаду, действовавшие под командой русских офицеров.

Тем временем, в феврале 1916 года в Париже образовался Чешский национальный Совет (ЧСНС), видевший свою задачу в создании независимого чехословацкого государства.

После февральского переворота в России, ЧСНС создал свое отделение в России, признанное Временным правительством, как единственный представитель чехов и словаков в стране. В июньском наступлении против австро-венгров в Галиции чехословацкая бригада впервые участвовала, причем весьма успешно, как самостоятельная единица. В итоге, к октябрю 1917 года был сформирован Чехословацкий корпус общей численностью порядка 40 000 человек. В дальнейшем его численность росла за счет вступления в него чехословацких пленных на востоке России.

После победы октябрьского переворота и начала переговоров большевистского правительства с противниками Антанты, ЧСНС добился от французского правительства признания всех чехословацких воинских формирований частью французской армии. С декабря 1917 года Чехословацкий корпус был формально подчинен французскому командованию, получил статус «иностранного союзнического войска, находящегося на территории России» и получил указание о необходимости эвакуации во Францию для продолжения борьбы с войсками стран Четверного союза.

Отметим, что в частях корпуса была разрешена большевистская пропаганда, однако только немногим более 200 человек из почти 40 000 вышли из его состава, чтобы влиться в красные интернациональные бригады.

Однако теперь перед большевистским правительством возникла другая проблема: самым коротким путем для эвакуации чехословаков был морской — через Архангельск и Мурманск. Однако против этого решительно выступили немцы, которым совершенно не нужны были десятки тысяч чехословацких солдат, которые пополнили бы армию Антанты на Западном фронте. Тогда было решено затянуть эвакуацию, для чего направить корпус по железной дороге во Владивосток, а уже оттуда — морем — в Европу.

На восток России отправились 63 эшелона. К маю 1918 года они растянулись по железной дороге на несколько тысяч километров, от Самары до Владивостока. Навстречу им двигались поезда с бывшими военнопленными - немцами, австрийцами и венграми - которые следовали в западные части России.

14 мая на станции Челябинск произошло столкновение чехословаков с венграми, на стороне которых выступили местные советские власти. Все закончилось тем, что гораздо более боеспособные чехословаки, разоружили местный отряд Красной гвардии и разгромили арсенал, захватив, в дополнение к уже имеющемуся у них вооружению, еще 2 800 винтовок и несколько орудий.

С 16 по 20 мая в Челябинске прошел съезд чехословацких военных делегатов, на котором был избран Временный исполнительный комитет чехословацкого войска — полковник Войцеховский, капитан Гайда и поручик Чечек. Съезд объявил о решительном разрыве с большевиками и постановил двигаться к Владивостоку «собственным порядком».

В ответ, 25-27 мая, по указанию Троцкого, на нескольких станциях красногвардейцы попытались разоружить отдельные чехословацкие эшелоны, однако всюду потерпели неудачу.

Приказ Троцкого гласил:

«Все Советы депутатов обязаны под страхом ответственности разоружить чехословаков. Каждый чехословак, найденный вооруженным на железнодорожной линии, должен быть расстрелян на месте. Каждый эшелон, в котором окажется хотя бы один вооруженный солдат, должен быть выгружен из вагонов и заключен в концлагерь...» (Коняев Н.М. - Гибель красных моисеев — М, Вече, 2014 — стр.130)

Нетрудно представить реакцию вооруженных, хорошо организованных, обстрелянных в боях мировой войны чехословаков, стремящихся к созданию собственного независимого государства.

27 мая подразделение под командованием полковника Войцеховского взяло под контроль Челябинск, а вскоре чехословаками были захвачены Курган, Новониколаевск (Новосибирск), Омск, Канск, Пензы и ряд других городов. Успехи чехословаков повлекли за собой формирование антибольшевистских правительств по всей территории России.

В итоге, чехословацкое восстание стало первым фронтом гражданской войны.

Ожесточение большевистско-чехословацкого конфликта хорошо иллюстрирует сообщение Сумарокова-Эльстона министру иностранных дел Великобитании Артуру Бальфуру от 18 января 1919 года:

«Даже турецкие зверства в Армении не могут сравниться с тем, что теперь делают большевики в России... Во время боев в Уссурий-

ском районе в июле 1918 г. д-р Т. нашел на поле сражения ужасно изуродованные трупы чешских солдат. У них были отрезаны половые органы, вскрыты черепа, изрублены лица, вырваны глаза и вырезаны языки.» (Мельгунов С.П. - Красный террор в России — М, Айрис-пресс, 2008 — стр.147-148)

Как видим, большевистские методы были одинаковы, применительно ко всем их противникам.

В дальнейшем чехословацкие части, никогда не имевшие намерения остаться на территории России, постепенно эвакуировались через порт Владивосток, успев сыграть при этом и на руку большевикам.

Осенью 1919 года началось наступление Красной армии на Восточном фронте. Значительно уступавшая противнику численно Русская армия адмирала А.В. Колчака (1874-1920) вынуждена была отступать.

Кстати, при Колчаке, постоянно пребывали британский генерал Нокс и французский генерал Жанен со своим главным советником, в роли которого выступал старший брат Якова Свердлова и пасынок Максима Горького — капитан французской армии Зиновий Пешков (Иешуа-Залман Свердлов) (1884-1966).

П. Мультатули: «Перед нами поистине поразительная ситуация: в красной Москве тогда исключительно важную — вторую после Ленина — роль играет Яков Свердлов, а в белом Омске в качестве влиятельнейшего советника пребывает его родной брат Зиновий!» (Мультатули П. - Николай II. Дорога на Голгофу — М, 2011 — стр.215)

При этом, в ноябре 1919 года возник конфликт между правительством Российского государства и командованием Русской армии, с одной стороны, и чехословацким военным и политическим руководством, с другой. Последними было опубликовано обращение к союзникам по Антанте, в котором чехословаки, или, выражаясь по большевистски, «белочехи», объявляли себя свободными от всех обязательств перед Россией и сообщали об эвакуации по железной дороге в соответствии с принципом «Наши интересы — прежде всех остальных».

В результате, 15 января 1920 года в Иркутске именно чехословаки передали Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака в руки местного «Политцентра», а в конечном итоге — большевиков.

Не забудем при этом, что выдача произошла с ведома и одобрения того самого генерала М. Жанена,

Так что, кровь расстрелянных большевиками Верховного правителя России А.В. Колчака и председателя Совета министров Российского правительства В.Н. Пепеляева лежит и на руках предавших его союзников.

К моменту завершения эвакуации из России 2 сентября 1920 года, в чехословацком корпусе состояло 56 449 военнослужащих. (Соколов Б.В. - СССР и Россия на бойне — М, Яуза-пресс, 2013 — стр.144)

Но вернемся к советским обвинениям «империалистов» в интервенции.

Поскольку Германия уже в ноябре 1918 года проиграла Первую мировую войну и была вынуждена освободить занятые ею территории бывшей Российской Империи, а чехословаки действовали в Сибири и Дальнем Востоке, основную тяжесть дальнейших боевых действий на стороне белых в Европейской части России должны были бы несли сами страны Антанты.

Здесь не лишне напомнить, что общие безвозвратные потери Красной армии в Гражданской войне в 1918-1922 годах составили примерно 1.244.000 человек, Белых и национальных армий, включая армию Польши, Армении, Грузии, — примерно 579.000 человек. (Соколов Б.В. - СССР и Россия на бойне — М, Яуза-пресс, 2013 — стр.141)

А вот как на этом фоне смотрятся итоговые цифры потерь убитыми и умершими от ран и болезней зловещих «империалистов-интервентов»:

Чехословацкий корпус — 4 112 человек;

Италия (войска действовали в 1918-1919 годах на севере, в районе Мурманска и Архангельска) — 17;

США (на севере в 1918-1919 годах, в Сибири с августа 1918 по апрель 1920) — 588;

Британия (на севере в 1918-1919 годах) — 512;

Греции — 398;

Франция и Сербия — около 600;

Японии (Сибирь с 1918 по 1922 годы) — 3 161. (Соколов Б.В. - СССР и Россия на бойне — М, Яуза-пресс, 2013 — стр.141-144)

При этом, греки, французы и сербы, действовавшие на Юге России в начале 1919 года, сражались в основном против отрядов атама-

на Григорьева, который в то время служил в Красной армии, но вообще, бывал и сторонником Петлюры и союзником анархиста Махно, а уже в мае 1919 года организовал крупнейшее антибольшевистское восстание на Украине.

Как видим, потери иностранных интервентов в России совершенно незначительны (порядка 9 400 человек), если сравнивать их с потерями Красной и Белой армий, что безусловно свидетельствует о весьма скромном участии первых в Гражданской войне.

Уже эти цифры должны заставить серьезно задуматься, насколько верной является советская трактовка событий 1918-1923 годов в России, включая пресловутую «интервенцию 14 капиталистических стран» на Севере и Юге России, а также в Сибири и на Дальнем Востоке.

Как мы уже говорили, численность Красной армии составляла 3 000 000 человек к концу 1919 года и 5 000 000 в 1920 году, превосходя численность противника на каждом этапе в несколько раз.

Кроме того, захватив власть в центре России, большевики получили огромные преимущества перед своими противниками. Под их контролем оказались гигантские запасы военного снаряжения, которое русская промышленность выпустила для ведения мировой войны, а также практически вся военная промышленность. В лапы большевиков попали все запасы государственного казначейства и хранилища банков.

Первый главнокомандующий Красной армии и один из ее ключевых создателей Лев Давидович Троцкий свидетельствует о еще одном козыре в большевистском рукаве:

«Преимущество нашего положения заключалось в том, что мы занимали центральное положение и действовали по внутренним линиям. Как только противник обозначал направление своего удара, мы имели возможность подготовить контрудар. Мы могли концентрировать наши силы для наступления в наиболее важных направлениях и в необходимый момент.» (Платонов О.А. - Терновый венец России — История русского народа в XX веке — Т 1 — М, Родник, 1997 — стр.551)

И тем не менее, Гражданская война затягивалась. Все преимущества большевиков сводились на нет, в результате крайне низкой боеспособности их частей. Этот факт даже подвигнул Льва Давидовича на создание в августе 1918 года первых заградительных отрядов, при-

званных расстреливать собственных солдат, в случае их несанкционированного отступления.

Троцкий: «Нельзя армию строить без репрессий. Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни. Надо ставить солдат между возможной смертью впереди и неизбежной смертью позади.» (Мирек А. - Красный мираж — М, «Печатный дом «Каскон»», 2012 — стр.58)

Р. Пайпс: «Драконовские меры превосходили по жестокости все, что было когда-либо известно в царской армии времен крепостничества. Ничего подобного не практиковалось и у белых... Наличие зверских расправ указывает на то, что проблема надежности личного состава и воинского уставного порядка стояла в Красной Армии чрезвычайно остро. По мнению Вацетиса, применявшиеся к солдатам методы воздействия были непродуктивны: «Та дисциплина, которая вводилась и вводится в нашей Красной Армии, основанная на жестоких наказаниях, повела лишь к устрашению и к механическому исполнению приказов, без какого-либо воодушевления и сознания долга».» (Пайпс Р. - Россия при большевиках — М, РОССПЭН, 1997 — стр.75-76)

Как легко догадаться, большая часть заградотрядов формировалась из интернационалистов. Этими же кадрами были укомплектованы и наиболее боеспособные части Красной армии, так и называвшиеся «интернациональные».

Историк А. Мирек: «В годы красного террора и так называемой гражданской войны эти интернациональные полки сделали много — по сути установили большевистскую власть в стране. Сила эта была огромная. Было создано свыше 300 интернациональных отрядов, рот, батальонов и полков, отрядов особого назначения...

Многие за победу над крестьянством, казачеством и русской регулярной армией были награждены орденом Красного Знамени. Из них дважды: китаец Чу Чунлин, немец А. Кампф, венгр Л. Гавро, чех Э. Кужело, финн Т. Антикайнен.» (Мирек А. - Красный мираж — М, «Печатный дом «Каскон»», 2012 — стр.283-284)

В качестве иллюстрации к деятельности интернациональных отрядов в Гражданской войне приведем историю одного известнейшего казака.

Кумир донского казачества Кузьма Фирсович Крючков прославился с первых дней Великой войны. И вполне заслуженно: четверо

казаков 3-го Донского полка напали на разъезд из 27 немецких драгун и уничтожили его, а Крючков лично уложил 11 противников, получив при этом 16 колотых ран от пик и сабель.

В дальнейшем Кузьма Фирсович стал первым полным георгиевским кавалером, ему был положен пенсион — 136 рублей золотом в год, дано 100 десятин земли, присвоен дворянский титул и офицерский чин. Его семья освобождалась от всех налогов в трех поколениях. В Гражданскую Крючков не изменил присяге и продолжал отважно воевать «За Веру, Царя и Отечество». (Мирек А. - Красный мираж — М, «Печатный дом «Каскон»», 2012 — стр.161)

В августе 1919 года Красная армия, усиленная подразделениями интернационалистов, перешла в наступление на Дону. В бою с китайцами под станицей Островской Крючков с шестью казаками уничтожил вражеский пулеметный расчет, но был ранен тремя пулями в живот. Казаки сумели вытащить своего командира из-под огня и доставили в соседнюю деревню, вскоре занятую красными.

А.Мирек: «Буденный, узнав, что Крючков лежит где-то в хате тяжелораненый, бросился его искать. Ввалившись в горницу, где на кровати, истекая кровью, умирал Крючков, пьяный красный командир заорал: «Встать! Белая гнида!»» (Мирек А. - Красный мираж — М, «Печатный дом «Каскон»», 2012 — стр.161)

Думается, Кузьме Фирсовичу не составило бы особого труда снести своим клинком усатую голову красному хаму, но, на счастье Буденного, умирающий казак уже не мог шевелиться. У него хватило сил лишь презрительно глянуть на орущего врага и плюнуть ему в лицо. Разъяренный Буденный выхватил шашку и храбро зарубил израненного, но не сломленного духом донского казака — славу и гордость России.

Гражданская война в Европейской части России закончилась после эвакуации армии Врангеля из Крыма в ноябре 1920 года.

Однако отсутствие организованного вооруженного сопротивления большевикам со стороны армий их противников, не означает отсутствие сопротивления со стороны народа. В 1921-1922 годах практически всю Россию, находившуюся под властью большевиков, захлестнули крестьянские восстания. Наиболее крупными были — Тамбовское или Антоновское, по имени его руководителя, восстание 1920-

1921 годов; Западно-Сибирское восстание 1921-1922 годов и великое множество более мелких.

Потряс большевистскую власть Кронштадский мятеж матросов Балтийского флота 1921 года. Но на все у большевиков было универсальное средство.

П. Сорокин: «Правительство коммунистов создало специальную интернациональную армию, набранную из отбросов общества и высокооплачиваемых убийц немецкой, латышской, башкирской, еврейской, венгерской, татарской и русской национальностей. Именно эта интернациональная армия убила множество демонстрантов в одном только Петрограде в феврале 1921 года. Именно она спасла правительство коммунистов во время кронштадского мятежа 27 февраля 1921 года.» (Сорокин П. - Дальняя дорога — М, Терра, 1992 — стр.135)

Как видим, и в Европейской части России после ноября 1920 года лилась кровь. Боевые действия в Закавказье и Средней Азии продолжались и в 1921 году. Но самое упорное сопротивление большевикам было оказано в Сибири и Приморье, где, даже после гибели адмирала А.В. Колчака и эвакуации чехословацкого корпуса, боевые действия продолжались аж до 1923 года.

Отдельного рассмотрения требует и ситуация с интернационалистами в Сибири, затронутая нами ранее лишь фрагментарно.

СИБИРЬ

Дело в том, что социальный состав населения Сибири значительно отличался от Европейской части России, Кавказа и Урала. Речь идет прежде всего о пресловутом пролетариате, теоретической опоре большевиков.

В 1917 году в Сибири имелось около 285 000 промышленных рабочих. В то же время многомиллионное население Сибири было зажиточным, не знало помещичьего землевладения. К тому же, казачества, составлявшего, по ленинскому выражению, «социально-экономическую основу для русской Вандеи», насчитывалось в Сибири и на Дальнем Востоке до 500 000 человек. (Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке 1917-1922 гг. - М, Наука, 1980 — стр.12)

Особо сложное положение для большевиков создалось в национальных районах Сибири, где господствовали патриархально-родовые отношения и где о пролетариате и его роли в марксовой версии истории человечества никто не имел ни малейшего понятия.

Учтем также, что далеко не все рабочие были готовы поддержать советскую власть с оружием в руках.

Таким образом, можно сделать вывод, что классовая опора для захвата власти большевиками практически отсутствовала. Но, благодаря Великой войне, в их распоряжении оказалась, скажем так, нетрадиционная для этих мест, группа поддержки.

Фокус в том, что к сентябрю 1917 года на территории Омского, Иркутского и Приамурского военных округов в лагерях военнопленных содержалось до 258 000 человек, в основном австрийцев, венгров и немцев. (Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке 1917-1922 гг. - М, Наука, 1980 — стр.14)

Как видим, число потенциальных интернационалистов было вполне сравнимо с количеством местного пролетариата, но первые имели уже упоминавшиеся нами ранее преимущества над местным мирным населением — уже имевшуюся военную подготовку и отсутствие каких-либо моральных ограничений по отношению к чуждым для них аборигенам.

В 1918 году интернациональные подразделения Красной Армии формировались большевиками во многих городах Сибири.

Военнопленные из всех без исключения сибирских лагерей (Томского, Омского, Семипалатинского, Ачинского, Канского, Иркутского, Березовского у Верхнеудинска, Песчанки и Антипихи под Читой и тд.) шли добровольцами в Красную гвардию, а затем в Сибирскую Красную армию. (Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке 1917-1922 гг. - М, Наука, 1980 — стр.62)

Так, например, в начале 1918 года в Томске был создан 1-й красногвардейский батальон военнопленных, под командованием Ф. Мюнниха, численностью 400-500 бойцов. Батальон подавил несколько контрреволюционных выступлений. В феврале был создан 2-й батальон Красной гвардии. (Интернационалисты — М, Наука, 1967 — стр.359)

«В это переходное время, — писал Ф. Мюнних, — без преувеличения можно утверждать, что интернационалистская Красная гвардия, состоявшая в большинстве своем из мадьяр и значительного числа

румын, немцев, чехов и других национальностей бывшей Австро-Венгерской монархии, была единственной обученной в военном отношении и надежной вооруженной силой Томского Совета.» (Интернационалисты — М, Наука, 1967 — стр.359)

В марте 1918 года в Омске были сформированы 1-й и 2-й международные пролетарские отряды. Из 600 добровольцев 1-го отряда около 300 были бывшие военнопленные, главным образом венгры и румыны. Во втором отряде числились 100 русских, 150 литовцев, 130 чехов и словаков и 70 немцев. (Интернационалисты — М, Наука, 1967 — стр.172)

Весной 1918 года были сформированы отряды интернационалистов: польский в Иркутске, объединенный (преимущественно из венгров и чехов) в Симбирске под командой Зильдиндера, объединенный (преимущественно из немцев) в Чите во главе с Армандом Мюллером. (Конев А.М. - Красная гвардия на защите Октября — М, Наука, 1989 — стр.112-113)

В начале мая 1918 года на фронте в Забайкалье под командованием С. Лазо (1894-1920), из 5 тыс. бойцов было до тысячи интернационалистов. (Интернационалисты — М, Наука, 1967 — стр.173)

А вот оценка интернационалистов устами самого Лазо: «Все они — бывшие солдаты, с боевым опытом. В бою они стремительны, дерутся с темпераментом... Но жаль — большевистская работа среди мадьяр ведется слабо. Мадьяр политически подкованных мало. Русские большевики не знают мадьярского языка.» (Интернационалисты — М, Наука, 1967 — стр.360)

Итак, мадьяры не являются большевиками, политически не подкованы и даже не знают русского языка. Но отчего же тогда воюют за большевиков, проливают свою кровь? Варианта два: хорошие деньги или приказ из Австро-Венгрии.

Весной 1918 года атаман Г. Семенов, возглавивший сопротивление большевикам в Забайкалье, обратился к представителям Антанты, через консулов в Харбине, «с предложением принятия необходимых мер против использования большевиками по директивам германского Генерального штаба австро-германских военнопленных». (Семенов Г.М. - О себе — М, Вече, 2013 — стр.152)

Именно в результате того, что факт участия военнопленных Центральных держав в боевых действиях в составе Красной армии не вызывал сомнения, союзники решили направить в Сибирь экспеди-

ционный корпус. Впрочем, с момента заключения перемирия на европейском фронте в ноябре 1918 года, согласованные действия союзников против большевиков прекратились. (Семенов Г.М. - О себе — М, Вече, 2013 — стр.152-153)

Приведем примеры конкретных боевых действий, в которых на стороне красных принимали участие интернационалисты.

Возьмем, например, наступление чехословацких отрядов на восток от Новониколаевска (Новосибирска) весной-летом 1918 года. Дела у русских красногвардейцев шли из рук вон плохо. Однако бывали исключительные дни.

Вот что вспоминал М.Х. Перевалов, командир одного из красных отрядов, державшего оборону в районе Мариинска: «Третьего июня прибыла из Ачинска интернациональная рота, состоявшая преимущественно из мадьяр с пулеметом «Кольт». Ее передали под мое командование. С ее приходом настроение у моих ребят резко изменилось.» (Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке 1917-1922 гг. - М, Наука, 1980 — стр.41)

А вот Забайкалье. Здесь к осени 1918 года местные большевистские формирования были разгромлены. Русские, служившие у красных, не замешанные в расстрелах мирного населения, массово сдавались в плен, не без основания рассчитывая на пощаду.

Что же касается интернационалистов, то им на благополучный исход надеяться не приходилось. Яркой иллюстрацией этого является состав отряда красногвардейцев, вышедшего 7 сентября 1918 года из Могочи на север.

Всего в отряде, пытавшегося спастись от наступавших белогвардейцев, было 193 человека, при 18 пулеметах и обозе в 60 лошадей. Но самым интересным является национальный состав красного воинства: «123 немца и австрийца, 42 венгра, 7 чехов, 4 итальянца, 4 женщины — русские, жены интернационалистов. Всего русских было 17 человек.» (Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке 1917-1922 гг. - М, Наука, 1980 — стр.68)

Чем не пример иностранной интервенции? Вот только интервенция осуществлялась в интересах большевиков.

Судьба интернационалистов, попадавших в плен, была незавидна, такая же, как и у китайцев Якира. Узник белогвардейской тюрьмы в

Благовещенске П.Е. Вшивков, как видно, русский по национальности, благополучно переживший описываемый им инцидент, повествует:

«Мадьяр-красногвардейцев сгоняли в большие партии, ставили где-нибудь во дворе к каменной стене и среди бела дня на глазах у всех расстреливали из пулеметов.» (Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке 1917-1922 гг. - М, Наука, 1980 — стр.80)

А теперь к еще менее известной стороне большевистской деятельности.

Уже после подписания (но до ратификации) Брестского мирного договора Троцкий адресовал правительству США запрос, на случай если мир между Германией и Советской Россией, по той или иной причине, не будет заключен.

Вот выдержки из этого запроса.

«1) Может ли советское правительство рассчитывать на поддержку Соединенных Штатов Северной Америки, Великобритании и Франции в борьбе против Германии? 2) Какой вид помощи может быть оказан в ближайшем будущем и на каких условиях — военное оборудование, транспортные средства, предметы первой необходимости? 3) Какой вид помощи может быть оказан в частности и в особенности Соединенными Штатами? - В случае, если Япония, в результате переговоров или по молчаливому соглашению с Германией или без такого соглашения, попытается захватить Владивосток и Восточносибирскую железную дорогу, что в таком случае грозило бы отрезать Россию от Тихого океана и сильно затруднило бы концентрацию советских войск на восток от Урала, — какие в этом случае были бы предприняты шаги союзниками, в частности и в особенности Соединенными Штатами, чтобы предотвратить высадку Японии на Дальнем востоке и обеспечить непрерывность сообщения с Россией по Сибирской линии?...» (Пайпс Р. - Русская революция — Том 2 — М, РОССПЭН, 1994 — стр.273)

Интересный ход мысли у «товарища» Троцкого, не правда ли? Чем США помогут Советской России, если та столкнется с теми или иными угрозами? А почему «буржуазные», «капиталистические», «империалистические» США должны были бы помогать большевикам? Уж не потому ли, что как-то заинтересованы в продолжении «советского эксперимента»?

Так или иначе, ярким примером сотрудничества большевиков с «союзниками, в частности и в особенности Соединенными Штатами», служит Восточная Сибирь, где к октябрю 1918 года численность японских войск достигла 72 000 человек. В 1919 году японцы вовсю хозяйничали в Приморье, Приамурье и Забайкалье.

И факт остается фактом: в самый критический момент гражданской войны в Восточной Сибири, с августа 1918 по апрель 1920 года, правительство США отправило во Владивосток 27-й и 31-й полки американской армии, общей численностью 7 950 человек, под командованием генерал-майора Уильяма Грэвса.

А затем «Соединенные Штаты захватили Транссибирскую магистраль и удерживали ее до тех пор, пока Советы не окрепли настолько, чтобы ее контролировать. Английская и французская военные миссии в Сибири отмечали необычные действия армии Соединенных Штатов.

Что касается помощи Советской Армии, то имеются данные госдепартамента о том, что большевикам поставлялось оружие и снаряжение. И в 1919 году, когда Троцкий публично выступал с антиамериканскими речами, он одновременно просил посла Френсиса направить американские военные инспекционные бригады для обучения новой Советской Армии.» (Саттон Э. - Орден «Череп и кости» — М, Самотека, 2009 — стр.266)

А вот свидетельство о поведении американцев атамана Г. Семенова:

«За исключением некоторых отдельных лиц, как например, майора Барроса, который отлично понимал наши задачи и гибельность коммунизма и душою был с нами, большинство американцев во главе с генерал-майором Грэвсом открыто поддерживали большевиков, включительно до посылки одиночных людей и группами с информацией и разного рода поручениями к красным.» (Семенов Г.М. - О себе — М, Вече, 2013 — стр.172)

Вот интересный документ, подтверждающий «особые отношения» с США.

ТЕЛЕГРАММА В.И. ЛЕНИНА И Л.Д. ТРОЦКОГО
И.Н. СМИРНОВУ

Шифром.

Омск. Председателю Сибревкома Смирнову.

Формирование немецко-венгерской дивизии из стойких и дисциплинированных элементов крайне целесообразно. Коли возможно,

желательно создание кавалерийской немецко-венгерской части, бригады, — если нельзя дивизии.

В отношении к представительствам Японии и Соединенных Штатов надлежит всячески использовать их антагонизм. Вам нужно искать контакта с американскими представителями, давая им понять, что мы по-разному оцениваем возможность политики Японии и Соединенных Штатов в Сибири, считая, что Япония стремится к территориальным захватам, которые ведут к повстанчеству, военному отпору и хаосу, тогда как Америка хочет экономических концессий, что ни в коем случае не вызывает принципиальных возражений. При этом нет надобности слишком ангажировать центральное правительство, беря по текущим вопросам ответственность на Сибревком...

13 января 1920 г.

Предсовобороны Ленин.

Предреввоенсовета Троцкий.

(Опубликовано — The Trotsky papers. 1917-1922. V.2, p. 8-10 Фонд 2, оп. 1, д. 12528 — подлинник.)

Более того, уже после эвакуации с Дальнего Востока собственных солдат, 9 февраля 1921 года американский консул во Владивостоке опубликовал декларацию правительства США, в которой осудил нарушение территориальной целостности России. 26 мая того же года, после военного переворота во Владивостоке, к власти пришло правительство Меркулова, опиравшееся на японские войска. И вновь реакция США была однозначной — уже 31 мая Японии была направлена нота с предупреждением, что Америка не признает никаких притязаний и прав, являющихся следствием японской оккупации Сибири.

На состоявшейся с 12 ноября 1921 по 6 февраля 1922 года Вашингтонской конференции Япония фактически оказалась в изоляции из-за своей антибольшевистской дальневосточной политики, которую резко осуждали США, Британская Империя и их союзники. Прошли времена полковника Акаси!

В итоге, 25 октября 1922 года японские войска покинули Владивосток.

Доблестные советские «историки» не преминули переписать историю на свой лад, объявив все уступки, на которые пошла Япония — большевистской победой, одержанной вопреки всему остальному миру.

Заканчивая тему сотрудничества советского правительства с правительствами «стран капитала», отметим еще одно важное обстоятельство.

Послание Троцкого, выдержки из которого мы цитировали выше, заканчивалось следующим пассажем: «Все эти вопросы обусловлены той самоочевидной предпосылкой, что внутренняя и внешняя политика советского правительства будет и впредь проводиться в соответствии с принципами международного социализма и что советское правительство сохраняет свою полную независимость от несоциалистических правительств.» (Пайпс Р. - Русская революция — Том 2 — М, 1994 — стр.274)

То есть, большевики просят помощи у тех самых правительств, свержение которых в самом недалеком будущем остается их неизменной целью. И помощь эту Троцкий с Лениным получают! Что это — чистейший идиотизм со стороны «проклятых капиталистов»? Или последняя фраза Троцкого обращена к тому, кто способен правильно оценить формальное значение ритуальных большевистских заклинаний, и на деле является, своего рода, очередной долговой распиской — все, мол, идет по плану, нужна только небольшая помощь, и тогда...

Гражданская война на территории Сибири и Дальнего Востока продлилась до середины 1923 года, почти на три года превзойдя хронологические рамки организованного сопротивления большевикам в Европейской части России.

Белые войска Земской Рати под командованием генерала М.К. Дитерихса эвакуировались из Владивостока в октябре 1922 года, на год и 11 месяцев позже эвакуации войск Русской армии генерала П.Н. Врангеля из Крыма.

Но и после этого организованное вооруженное сопротивление народов России большевикам продолжалось. Лишь в июне 1923 года завершился победой красных последний эпизод гражданской войны — Якутский поход белого генерала А.Н. Пепеляева.

ГОЛОД

Есть и еще одна область деятельности большевиков, к которой активно привлекались интернационалисты.

Еще 1 октября 1917 года, еще до переворота, В. Ленин планировал, как он будет контролировать население:

«Хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность является в руках пролетарского государства, в руках полновластных советов самым могучим средством учета и контроля... Это средство контроля и принуждения к труду посильнее законов конвента и его гильотины. Гильотина только запугивала, только сламывала активное сопротивление, нам этого мало. Нам этого мало. Нам надо не только запугать капиталистов в том смысле, чтобы чувствовали всесилие пролетарского государства и забыли думать об активном сопротивлении ему. Нам надо сломать и пассивное, несомненно еще более опасное и вредное сопротивление. Нам надо не только сломить какое бы то ни было сопротивление. Нам надо заставить работать в новых организационно- государственных рамках.

И мы имеем средство для этого... Это средство — хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность.» (Ленин В.И. - ПСС, Том 34 — стр.310-311)

Вот и вся схема. Сосредоточить в своих руках весь хлеб, все продукты питания, «учесть» их, а затем распределять эти продукты так, чтобы за хлебную карточку человек, оголодавший и униженный голодом, пошел бы работать на советскую власть и вообще делал все, что прикажут.

Гениально, не правда ли? Отними у человека все, а затем, немного погодя, верни малую толику. И большинство людей будут благодарны тому, кто вернул. А неблагодарные, лишенные «хлебной карточки», вымрут.

И действительно, все продукты питания в крупнейших, подконтрольных большевикам городах — Питере и Москве — были взяты «на учет». Были введены те самые хлебные карточки, по которым выдавалось по 100 граммов хлеба в день.

Но самое ужасное, что было запрещено привозить продукты извне. Людей, которые пытались провезти что-либо съедобное в обе столицы, объявили «главным внутренним врагом». Были созданы «заградительные отряды», которые должны были досматривать каждого, приезжающего в Питер и Москву, изымать имевшиеся у него продукты питания, а нарушителя «монополии» примерно карать.

Помните, приписку, сделанную Троцким в документе, выданном им «членам Английской Миссии»: «Личные продовольственные запасы не подвергать реквизиции»?

Но то британцы, а у жителей-то России выметали все подчистую.

«Владимир Ильич выступил в роли организатора и творца мероприятий Советского государства в сфере продовольствования населения и борьбы со спекулянтами-мешочниками. Только в январе 1918 г. им были написаны три работы, в которых содержалось категорическое требование расстреливать «срывателей монополии» на месте. На том же самом настаивал Владимир Ильич в принципиально важном декрете-воззвании «Социалистическое отечество в опасности» (21 февраля 1918г.)» (Давыдов А.Ю. — Мешочники и диктатура в России. 1917-1921 — С-П, Алетейя, 2007 — стр.204)

Проблема была в том, что с момента большевистского переворота прошло совсем немного времени, и не все русские люди были готовы стрелять в других русских людей, тем более в тех, кто вез в охваченные голодом города еду. И тогда «товарищи» Ленин, Троцкий и Свердлов нашли логичное решение.

В заградительные отряды набирались «лучшие красноармейцы». На войне с мешочниками использовались «элитные» на тот момент части, составленные из интернационалистов — китайцев, венгров, латышей.

Отряды численностью от нескольких десятков до нескольких сотен бойцов, имели серьезную огневую мощь. Им предавалось по 2-4 пулемета. Наряду с пехотой в состав заградительных отрядов входила и кавалерия. Формирования, расположенные на речных пристанях, имели в своем распоряжении пароходы.

Общая численность Продармии в июне-декабре 1918 года составляла не менее 53 000 человек. (Давыдов А.Ю. - Мешочники и диктатура в России 1917-1921 гг. — С-П, Алетейя, 2007 — стр.242)

Ленинский эксперимент с «хлебной монополией» означал начало массового голода. Сначала в Питере и Москве. И голод не замедлил наступить. А за ним пришли и эпидемии.

Зинаида Гиппиус 5 июля 1918 года: «На райскую нашу Совдепию апокалиптический ангел вылил еще одну чашу: у нас вспыхнула неистовая холера. В Петербурге уже было до 1000 заболеваний в день. Можно себе представить ярость большевиков! Явно, что холера кон-

трреволюционна, а расстрелять ее нельзя. Приходится выдумывать другие способы борьбы. Выдумали, нашли: впрягать «буржуазию» в телеги для возки трупов и заставлять ее рыть холерные могилы.» (Гиппиус З. - Дневники — М, Захаров, 2017 — стр.347)

28 октября 1918: «Да ведь мы все — умираем от голода, многие опухли — страшны до неузнаваемости. Точно голод в Индии. Не только мы, интеллигенция, — в таком положении и рабочие: ведь нельзя с семьей жить на 450 р. в месяц, когда кусок мяса (если добудешь) стоит 200 руб.

Я это пишу и знаю, что мне потом не поверят. Но я честным словом заверяю — мы умираем с голоду.

Умирают все (кроме комиссаров, их присных и жуликов). Одни скорее — другие медленнее.» (Гиппиус З. - Дневники — М, Захаров, 2017 — стр.360)

Чуть по иному складывалась жизнь у руководящего состава большевиков и их «верных соратников» из зарубежных стран. 2 марта 1919 года в Москве начал работу международный съезд левых социал-демократических партий. 4 марта собравшиеся объявили себя Первым конгрессом Коммунистического Интернационала. На следующий день, на радостях, в Большом Кремлевском Дворце устроили прием в честь делегатов конгресса.

И. Бунич пишет о сем мероприятии: «Столы ломились от яств. Резные блюда с икрой, целиком вареные осетры, огромная белуга, занимавшая треть стола, молочные поросята, ананасы и виноград, старинные вина, еще сохранившие на этикетках штампы частных коллекций (включая и царскую). Ленин лично подписал разнарядку, указав Горбунову доставить к столу из запасов Совета Народных Комиссаров «икру — 110 пудов, поросят молочных — 800, рыбы красной — 200 пудов». Элегантные костюмы делегатов и обнаженные плечи женщин, одетых по последней европейской моде, хотя и контрастировали со строгими френчами «народных» комиссаров, но создавали дополнительную экзотику, давая понять всем присутствующим, что мировая революция не такое уж плохое дело и за нее стоит пойти на известный риск, коль уже это проверено на России.» (Бунич И. - Золото партии — С-П, Шанс, 1992 — стр.58)

И делегаты Коминтерна, обалдевшие от изобилия и обжорства, рассовав по карманам валюту и бриллианты, щедро отпущенные

большевиками на «мировую революцию», ринулись по своим странам — пропагандировать коммунизм.

Для того, чтобы оценить последствия первого массового голода, устроенного большевиками, посмотри на изменение численности населения бывшей столицы Российской Империи:

Население Петрограда с пригородами:

1917 г. - 2 420 000 человек

1918 г. - 1 469 000

1919 г. - 800 000

на 28 августа 1920 года - 722 229

(Красная летопись. Исторический журнал — Л, «Красная газета», 1930, №4 (37) — стр.78)

Всего же, жертвами голода в городах, в первую очередь в Москве и Петрограде в 1918-1920 годах, стало порядка миллиона человек. (Буровский А. — Самая страшная русская трагедия. Правда о гражданской войне — М, Яуза-пресс, 2010 — стр.585)

Повторение массового голода, уже в масштабах целой страны, ждало население в 1921-1922 годах.

И вновь пара цитат.

Октябрь 1921 года в Уфимском уезде:

«В деревнях тишина и безлюдье. Во дворах ни скотины, ни клочка сена. Неподвижно валяются апатичные дети с неимоверно раздутыми животами, с опухшими лицами и конечностями. Во всех избах лежат больные и умирающие, в испражнениях и рвоте. Медикосанитарной помощи никакой.

Население так ослабело, что трупы по несколько дней лежат не зарытые. Смертность колоссальная. Холера стихла, но с конца августа началось вымирание от голода.» (Нарский И. - Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917-1922 гг. — М, РОССПЭН, 2001 — стр.360)

Газета «Уральский рабочий» от 11 мая 1922 года:

«Перед нами, современниками переживаемого голода, проходят потрясающие картины голодной смерти, поедания людьми падали, поедания человеческих трупов, поедания родителями своих детей и прочее. Такой голод, какой переживает ныне Россия, явился фактором, двигающим нацию к вырождению.» (Нарский И. - Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917-1922 гг. — М, РОССПЭН, 2001 — стр.560)

И вновь на фоне страданий и смертей действуют интересующие нас, покрытые кровью с головы до ног, персонажи.

Именно интернационалисты зачастую назначались в охрану поездов, вывозящих хлеб из голодающих русских губерний.

Р. Гарашин: «В марте 1921 года у нас произошел трагический случай. Однажды, когда один из наших составов прибыл на станцию Ишим, что на Урале, на ней собралась огромная толпа народу. Местные кулаки спровоцировали жителей против продотрядовцев. Мятежники обезоружили охрану станции, а затем обезумевшая толпа бросилась к эшелону с хлебом. Их первой жертвой стал машинист паровоза. Охранники мужественно отстаивали хлеб, пока не кончились патроны. Все двенадцать человек, сопровождавшие эшелон, погибли. Зерно, разумеется, мятежники разграбили. Но вскоре на станцию прибыла подмога, и порядок был восстановлен. В память погибших товарищей позже была установлена мемориальная доска с надписью: «Героям-интернационалистам, павшим на продовольственном фронте. Ишим. Март 1921 года».» (Гарашин Р. - Красные гусары — М, Военное издательство Министерства обороны СССР, 1970 — стр.220-221)

Всего, голод 1921-1922 годов унес 5 000 000 жизней. (Эрлихман В. — Потери народонаселения в XX веке. Справочник — М, Русская панорама, 2004 — стр.19)

Для сравнения, в Первой мировой войне Россия потеряла убитыми и умершими от ран — 1 260 000 человек. (Эрлихман В. — Потери народонаселения в XX веке. Справочник — М, Русская панорама, 2004 — стр.18)

Именно массовый голод 1921-1922 годов окончательно сломил сопротивление народов бывшей Российской Империи большевикам.

Насколько здесь важна роль интернационалистов, если к концу 1917 года их было 29 500, а в дальнейшем — 300 000 человек? Как могли такие незначительные силы повлиять на ситуацию в огромной стране, в которой на начало 1917 года проживало более 190 млн человек?

Чтобы ответить на эти вопросы, процитируем фундаментальный труд Питирима Сорокина «Социология революции»:

«Небольшая, но хорошо организованная группа может управлять группой, в десятки раз ее превосходящей по числу. Отряд полицейских в 20 человек может разогнать толпу в несколько тысяч. Дисци-

плинированная воинская часть побеждает гораздо более (много)численную, но плохо вооруженную и организованную армию... Армия большевистских преторианцев в несколько десятков тысяч способна была властвовать и насиловать многомиллионную массу. Это делать было тем легче, что к этому времени (1919 и позднейшие годы) пролетариата в городах почти не стало: с развалом промышленности состав его сократился в 4-5 раз. Получилась «диктатура пролетариата без пролетариата». Массовые выступления его стали невозможными. Кулак многотысячной пролетарской массы перестает существовать...

Еще бессильнее оказалась деревня. Население России, разбросанное на 1/6 части Земного шара, распылено, очень редко и потому не в состоянии организованно выступить сразу и действовать планомерно. Это затруднялось и тем, что печать была захвачена властью, все другие органы ее были закрыты. Власть же захватила почту, телеграф, телефон, пути сообщения и общения... Один и тот же отряд сегодня расправлялся с одним селом, завтра перебрасывался за десятки верст, послезавтра — на новое место и таким путем мог подавлять десятки восстаний. Армия же «усмирителей» в несколько десятков тысяч легко расправлялась со многими миллионами.

Большую роль сыграла и усталость масс вместе с голодом. Истощенные, обессиленные, утомленные пятью годами войны и революции, они не имели достаточно энергии для борьбы. Террор при этих условиях вызывал легко покорность и апатию.

С другой стороны, надо отдать должное и власти. Она проявила громадную энергию в организации карательных отрядов. Питая их сытно за счет населения, предоставляя им свободу грабить и насиловать, ежечасно гипнотизируя их своей агитацией, она спаяла их в единую, крепко сплоченную группу преторианцев и связала судьбу и благополучие последних со своей собственной судьбой.» (Сорокин П. - Социология революции — М, «Территория будущего»-РОССПЭН, 2005 — стр.471-472)

Добавим к сказанному, что в 1922 году, во время страшного голода в России, специальная медицинская комиссия обследует состояние здоровья «ответственных товарищей».

Доктор исторических наук, профессор С. Кулешов:

«Результаты неутешительны — почти все больны: у Сокольникова — неврастения, Курского — невралгия, Зиновьева — припадки на нервной почве... Здоровы — Сталин, Крыленко, Буденный, Молотов,

у Фрунзе — зарубцевавшаяся язва. Но важны не столько диагнозы, сколько предложения о лечении — Висбаден, Карлсбад, Кассинген, Тироль...Что это — целебный пир во время чумы?» (Чуев Ф. - Сто сорок бесед с Молотовым — М, Терра, 1991 — стр.596)

А простым людям на той территории, которую большевики завоевали в 1917 году, помогают другие.

Летом 1922 года Американская администрация помощи (ARA) кормила ежедневно 11 миллионов голодающих. Другие иностранные организации взяли на себя заботу еще о 3 миллионах. (Пайпс Р. - Россия при большевиках — М, Росспэн, 1997 — стр.493)

В письме главе ARA Эдгару Гуверу М. Горький писал: «Ваша помощь будет вписана в историю как уникальное, гигантское свершение, достойное величайшей славы, и надолго останется в памяти миллионов русских... которых вы спасли от смерти». (Пайпс Р. - Россия при большевиках — М, Росспэн, 1997 — стр.496)

Позже, правда, выяснилось, что с «памятью» существуют некоторые проблемы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В советском варианте написания истории России 1914-1923 годов, «иностранная интервенция» преподносилась лишь как военное вмешательство «империалистов» в Гражданскую войну в России на стороне Белого движения с целью свержения власти большевиков, якобы объявивших войну не на жизнь, а на смерть всему «международному империализму».

Хотя еще «товарищ» Ленин признавал: «В продолжении трех лет на территории России были армии английская, французская, японская. Нет сомнения, что самого ничтожного напряжения сил этих трех держав было бы вполне достаточно, чтобы в несколько месяцев, если не несколько недель, одержать победу над нами.» (Ленин В.И. - ПСС, Том 42 — стр.22-23)

Что же помешало «непримиримым классовым врагам» совершить это самое «ничтожное напряжение сил»?

Вот какой ответ дает сам Ленин: «Если нам удалось удержать это нападение, то лишь разложением во французских войсках, начав-

шимся брожением у англичан и японцев.» (Ленин В.И. - ПСС, Том 42 — стр.23)

Но повторим сухие цифры, которые мы приводили выше, из 40 000 бойцов Чехословацкого корпуса на большевистскую пропаганду поддалось порядка 200 человек, то есть 0,5% личного состава. И это еще братья-славяне.

Где доказательства, что за те несколько недель, которых «было бы вполне достаточно, чтобы одержать победу», удалось бы с большей эффективностью разложить войска французов, англичан и американцев, получи те приказ «напрячь силы»?

Впрочем, от мумифицированного вождя ответа уже не добиться, а его последователи делают вид, что такого вопроса не существует в принципе.

Однако, как мы видели, массированная и кровопролитная иностранная интервенция в России все же случилась. Только была она, в лучших традициях Оруэлла, с противоположным знаком.

Прямая помощь большевикам в захвате и удержании власти в России со стороны правительств и подданных Германии и Австро-Венгрии, стран, смертельных врагов России в Первой мировой войне, не вызывает сомнения.

Роль финских шотманов, рахья и всяких прочих егерей также трудно поставить под сомнение.

Сложнее обстоит дело с помощью большевикам со стороны «темных сил» — «финансовых кругов» «капиталистических» стран Антанты и США. Имеющиеся данные об этом до сих пор носят незаслуженный, на наш взгляд, налет «сенсационности» и встречаются в штыки официальными историками, что мешает их правильному анализу.

Хотя, например, Президент Американской Исторической Ассоциации Джеймс Макферсон говорит: «История представляет собой непрерывный диалог между настоящим и прошлым. Интерпретации прошлого могут меняться вследствие нахождения новых исторических данных, появления новых вопросов к уже открытым данным, за счёт лучшего видения прошлого, которое наступает с течением времени. Не существует единой, вечной и неизменной «истины» о событиях прошлого и их значении. Бесконечные попытки историков разобраться в прошлом, по сути «ревизионизм», как раз и делают историческую науку жизненно важной и значимой.»

Добавим, что в некоторых случаях, подобно событиям в России 1917-1923 годов, которые мы рассмотрели в нашем исследовании, не совсем уж лишена основания и прямо «конспирологическая» версия развития событий.

Оппонентам ответим словами Ричарда Пайпса: «Была ли революция неизбежна? Можно, конечно, думать, что, если нечто произошло, тому и суждено было произойти. Есть историки, которые обосновывают такую примитивную веру в историческую неизбежность псевдонаучными аргументами. Если бы им удавалось столь же безошибочно предсказывать будущее, как они «предсказывают» прошлое, их доводы, не исключено, и звучали бы убедительно.» (Пайпс Р. - Россия при большевиках — М, РОССПЭН, 1997 — стр.579-580)

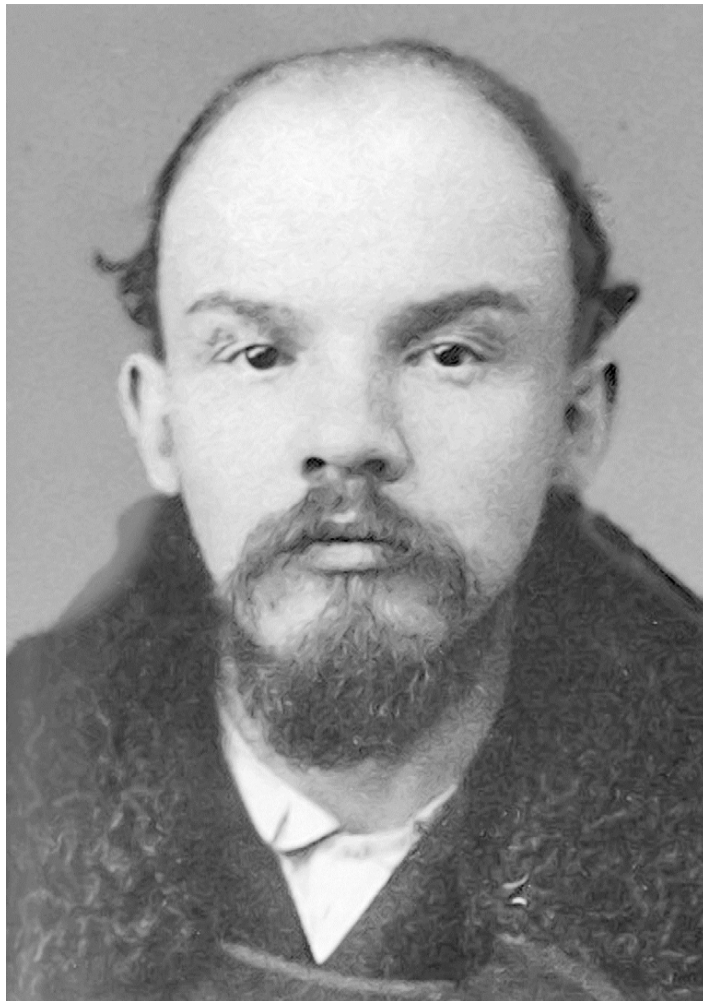
Затронутые нами темы настолько обширны, что требуют дополнительного кропотливого исследования. Главная же цель нашего скромного труда, представленного на суд уважаемого читателя, состояла в том, чтобы заставить задуматься о том прискорбном факте, что внятной и непротиворечивой в своем изложении истории прихода к власти большевиков, как и самой истории России начала XX века до сих пор не написано. Хотя и минуло с той поры уже более сотни лет.

Профессиональные фокусники от истории, вкупе с искренне заблуждающимися или цинично лгущими пропагандистами, сделали все, от них зависящее, чтобы скрыть подлинную историю, заменив ее миражом. Но, как мы видели, все перечисленные отнюдь не комические персонажи оставили за собой очень много следов. И о многом проболтались.

Это означает, что тот, кто действительно хочет узнать правду, имеет шанс сделать это.

Ибо сказано: «Просите, и дано будет вам; ищите и найдете; стучите и отворят вам, ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят» (Евангелие от Луки. 11:9-10).

Аминь!

Владимир Ленин в молодости

Израиль Лазаревич Гельфанд (Парвус)

Яков Михайлович Свердлов

Лев Давидович Троцкий (Бронштейн)

Интернационалисты

Китаец-интернационалист

Памятник китайским интернационалистам

Китайские интернационалисты

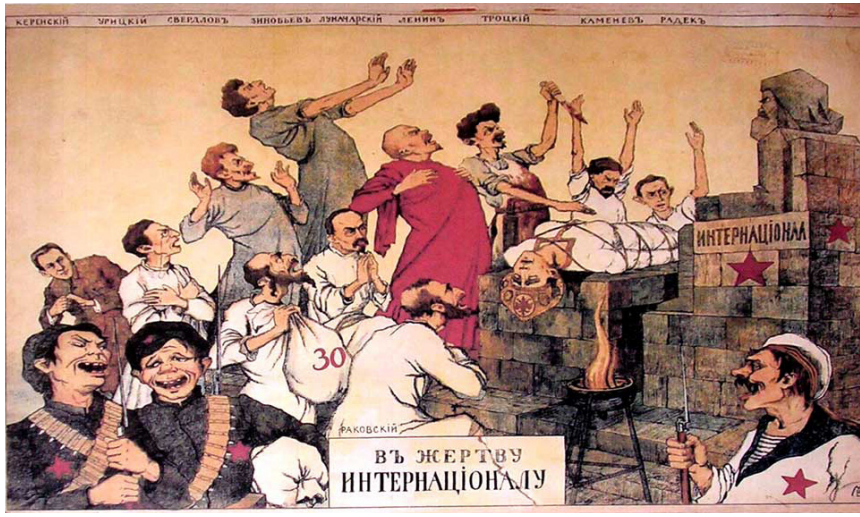
Австро-венгерские и германские военнопленные на строительстве Мурманской железной дороги. 1916 г.

Германские военнопленные в Петрограде. 1915 г.

Колонна пленных австрийцев в Петрограде. 1915 г.

Белогвардейский плакат 1919 года

Белогвардейский плакат

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1) 1917 год на Урале — Пермь, Пермское книжное издательство, 1957
2) Айрапетов О. - На пути к краху. Русско-японская война 1904-1905 гг. Военно-политическая история — М, Алгоритм, 2015
3) Айрапетов О.Р. - Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию 1907-1917 — М, Модест Колеров и Издательство «Три квадрата», 2003
4) Акунов В. - За Белое дело. Россия-Германия — М, 2019
5) Александров А.Л., Томилов В.Г. - Два Ленских расстрела - «Восточно-Сибирская Правда» - 28.05.1996
6) Алмазов Б. - Военная история казачества — М, Яуза, Эксмо, 2008
7) Антонов-Овсеенко В.А. - В семнадцатом году — М, Кучково поле, 2017
8) Арутюнов А. - Ленин. Досье без ретуши — М, Вече, 2002 (в 2 тт)
9) Бажанов Б. - Я был секретарем Сталина — М. Алгоритм, 2014
10) Берберова Н. Н. - Железная женщина — М, «Книжная палата», 1991
11) Божий избранник — М, Современник, 1990
12) Большаков В. - С Талмудом и красным флагом — М, Алгоритм, 2013
13) Бонч-Бруевич М.Д. - Вся власть Советам — М, Военное издательство Министерства обороны СССР, 1964
14) Ботмер К. - С графом Мирбахом в Москве — М, Книжный Клуб Книговек, 2010
15) Бунич И. - Золото партии — С-П, 1992
16) Бычкова А.Н. - Рядом с товарищем Андреем — Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 1977
17) Бьеркегрен Х. - Скандинавский транзит — М, Омега, 2007
18) Бьюкенен Д. - Моя миссия в России — М, ПРОЗАиК, 2018
19) В годы подполья — М, Издательство политической литературы, 1964
20) Валентинов Н. - Недорисованный портрет — М, Терра, 1993
21) Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке 1917-1922 гг. - М, Наука, 1980
22) Вернадский В.И. - Дневники 1917-1921 — Киев, Наукова Думка, 1994

23) Вестник музея истории Екатеринбурга. Выпуск 2 — Музей истории Екатеринбурга, 2016
24) Вильямс А.Р. - Путешествие в революцию — М, Художественная литература, 1987 (Библиотека литературы США)
25) Витте С. - Воспоминания — Том 2 — М, Издательство социально-экономической литературы, 1960
26) Гайсинский М. - Свердлов — Л, Государственное издательство, 1929
27) Гарашин Р. - Красные гусары — М, Военное издательство Министерства обороны СССР, 1970
28) Гвардия Октября/Петроград — М, Издательство политической литературы, 1987
29) Гейфман А. - Революционный террор в России, 1894-1917 — М, КРОН-ПРЕСС, 1997
30) Георгиевский Г. (Г.П.) - Очерки по истории Красной гвардии — М. Факел, 1919
31) Германия и революция в России. 1915-1918. Сборник документов — М, Центрполиграф, 2013
32) Гиппиус З. - Дневники — М, Захаров, 2017
33) Горький М. - Несвоевременные мысли - М, Советский писатель, 1990
34) Гофман М. - Главный противник — Россия — М, Принципиум, 2015
35) Гривенко В. - Историческое переосмысление 23 февраля — Независимое военное обозрение, 2007
36) Давыдов А.Ю. — Мешочники и диктатура в России. 1917-1921 — С-П, Алетейя, 2007
37) Деникин А.И. - Очерки русской смуты — Том II – М. Айрис-Пресс, 2015
38) Драбкина Е. - Черные сухари / Повесть о ненаписанной книге — М, Советский писатель, 1963
39) Жевахов Н.Д. - Воспоминания Обер-Прокурора Святейшего Синода — С-П, «Царское дело», 2014
40) Земан З., Шарлау У. - Кредит на революцию — М, Центрполиграф, 2007
41) Игнатов В.Д. - Палачи и казни в истории России и СССР — М, Вече, 2014

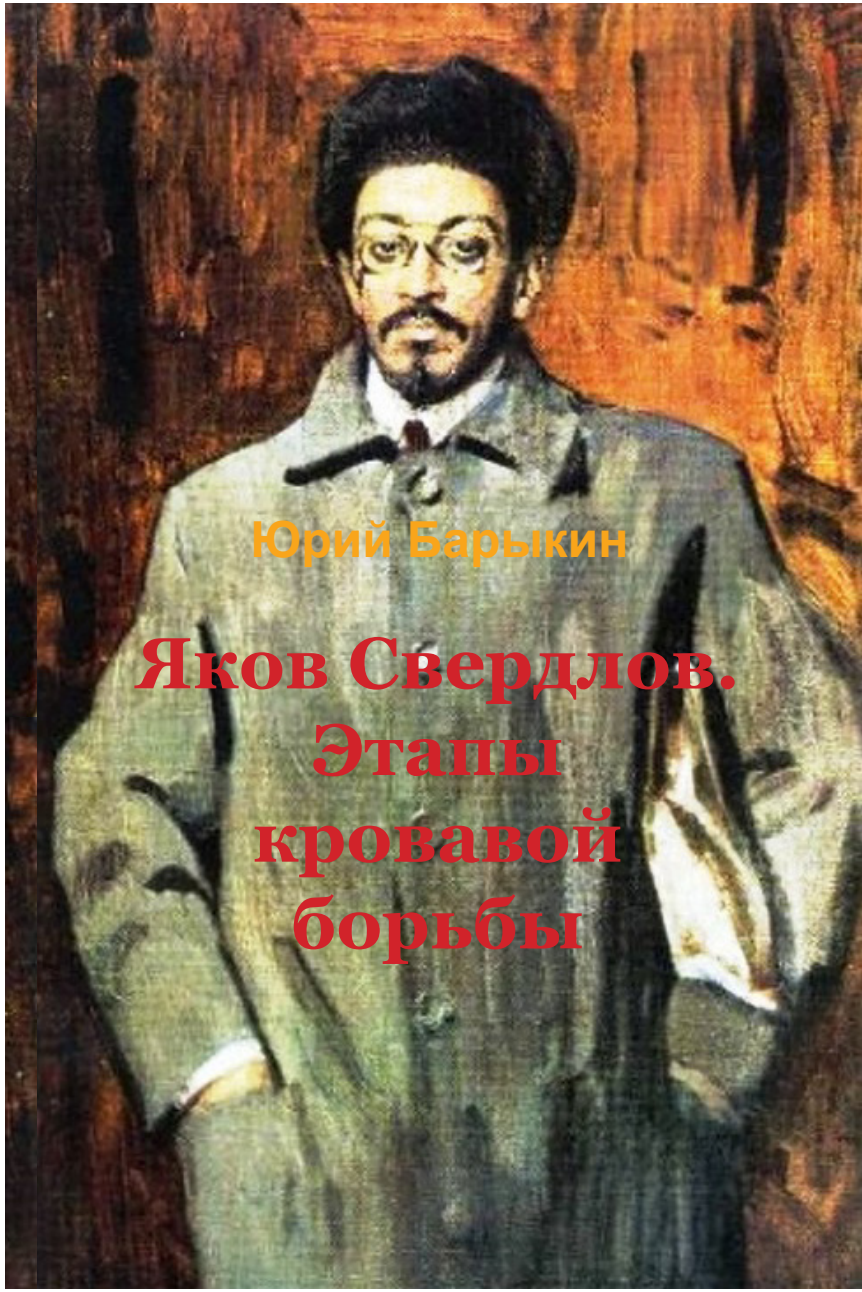
42) Инаба Чихару - Японский резидент против Российской Империи — М, РОССПЭН, 2013
43) Интернационалисты — М, Наука, 1967
44) Исторические хроники с Николаем Сванидзе 1913-1933 — С-П, Амфора, 2008
45) Керенский А.Ф — Потерянная Россия — М, Вагриус, 2007
46) Коковцов В.Н. - Из моего прошлого (1903-1919) — Минск, Харвест, 2004
47) Конев А.М. - Красная гвардия на защите Октября — М, Наука, 1989
48) Коняев Н.М. - Гибель красных моисеев — М, Вече, 2014
49) Короленко В. - Дневники. 1917-1921 — М, Советский писатель, 2001
50) Красная книга ВЧК — Том 1 — М, Издательство политической литературы, 1989
51) Красная летопись. Исторический журнал — М, Л, Государственное издательство, 1927, №2 (23)
52) Красная летопись. Исторический журнал — Л, «Красная газета», 1930, №4 (37)
53) Латышев А.Г. - Рассекреченный Ленин — М, «Март», 1996
54) Лацис (Судрабс) — Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией — М, Государственное издательство, 1921
55) Ленин В.И. - ПСС (1 издание)
56) Ленин В.И. - ПСС (5 издание)
57) Ленин в воспоминаниях финнов — М, Издательство политической литературы, 1979
58) Лихачев Д.С. — Воспоминания — С-П, Издательство LOGOS, 2000
59) Логинов В. - Неизвестный Ленин — М, Алгоритм, 2010
60) Лысенко Н.Н. - Геноцид казаков в Советской России и СССР: 1918-1933 гг. — Ростов-на-Дону, Альтаир, 2017
61) Майский И.М. - Путешествие в прошлое — М, Издательство Академии Наук СССР, 1960
62) Майсурян А. - Другой Ленин — М, Вагриус, 2006
63) Маркс К., Энгельс Ф. - ПСС
64) Мартов Ю.О. - 1917-1922. Письма и документы — М, Центрполиграф, 2014

65) Мельгунов С.П. - Как большевики захватили власть — М, Айрис-Пресс, 2007
66) Мельгунов С.П. - Красный террор в России — М, Айрис-пресс, 2008
67) Милюков П.Н. - История второй Русской революции — С-Пб, Питер, 2014
68) Мирек А. - Красный мираж — М, «Печатный дом «Каскон»», 2012
69) Муженików В. — Немецкие линейные крейсера Первой мировой — М, Яуза, 2018
70) Мультатули П. - Николай II. Дорога на Голгофу — М, «АСТ-Астрель», 2011
71) Мультатули П.В. - Император Николай II и заговор 17-го года — М, Вече, 2013
72) Мультатули П.В., Залесский К.Л. - Русско-японская война 1904-1905 гг — М, РИСИ, 2015
73) Мэсси Р. - Николай и Александра — М, Интерпракс, 1990
74) Назаров Г. - Мифы советской эпохи — М, Алгоритм, 2007
75) Нарский И. - Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917-1922 гг. — М, РОССПЭН, 2001
76) Никитин Б.В. - Роковые годы — М., Айрис-пресс, 2007
77) Николаевский Б.И. - Тайные страницы истории — М, Издательство гуманитарной литературы, 1995
78) Октябрьский переворот. Факты и документы — Петроград, «Новая эпоха», 1918.Октябрьская революция: Мемуары — М, Орбита, 1991
79) Ольденбург С.С. - Царствование Императора Николая II — Т 1 — Белград, Издание Общества Распространения Русской Национальной и Патриотической Литературы, 1939
80) Ольденбург С.С. - Царствование Императора Николая II — Т 2 — Мюнхен, Издание Общества Распространения Русской Национальной и Патриотической Литературы, 1949
81) Павлов Д. - Русско-японская война 1904-1905 гг. - М, «Материк», 2004
82) Пайпс Р. - Россия при большевиках — М, РОССПЭН, 1997
83) Пайпс Р. - Русская революция — М, РОССПЭН, 1994 (в 2 тт)
84) Палеолог М. - Дневник посла — М, Захаров, 2018

85) Платонов О.А. - Терновый венец России — История русского народа в XX веке — М, Родник, 1997 (в 2 тт)
86) Парвус А. - В борьбе за правду — М, «Альпина Паблишер», 2017
87) Подвойский Н.И. - Год 1917 — М, Госполитиздат, 1958
88) Последние дни Романовых — М, «Книга», 1991
89) Потресов А.Н. - Рубикон. 1917-1918 — М, РОССПЭН, 2016
90) Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII — начало XX вв.): Межвузовский сборник научных статей — Барнаул, Изд-во АГУ, 1995
91) Пришвин М.М. - Дневники 1918-1919 — М, Московский рабочий, 1994
92) Пролетарская революция. Исторический журнал ИСТПАРТА — М, Петроград, Государственное издательство, 1923, №5 (17)
93) Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917-март 1918 — М, РОССПЭН, 2006
94) Протоколы седьмой (апрельской) конференции РСДРП(б) — М, Партийное издательство, 1934
95) Рабинович А. - Большевики приходят к власти — М, Прогресс, 1989
96) Рабочее оппозиционное движение в большевистской России 1918 г. Материалы и документы — М, РОССПЭН, 2006
97) Рид Д. - Десять дней, которые потрясли мир — М, Художественная литература, 1987 (Библиотека литературы США)
98) Родзянко М.В. - Крушение Империи — Харьков, Интербук, 1990
99) Романов Б. - Император, который знал свою судьбу. И Россия, которая не знала — С-П, БХВ-Петербург, 2012
100) Савинков Б. - Воспоминания террориста — М, ПРОЗАиК, 2013
101) Саттон Э. - Орден «Череп и кости» — М, Самотека, 2009
102) Саттон Э. - Уолл-стрит и большевистская революция — М, Самотека, МИД «Осознание», 2016
103) Свердлова К.Т. - Яков Михайлович Свердлов — М, Молодая гвардия, 1957
104) Седьмой экстренный съезд РКП(б). Стенографический отчет — М, Государственное издательство политической литературы, 1962
105) Семенов Г.М. - О себе — М, Вече, 2013
106) Соколов Б.В. - Сталин. Власть и кровь — М, АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2004

107) Соколов Б.В. - Парвус. Деньги и кровь революции — М, Вече, 2016
108) Соколов Б.В. - СССР и Россия на бойне — М, Яуза-пресс, 2013
109) Соколов Б.В. - Любовь вождя — М, «АСТ-ПРЕСС КНИГА», 2004
110) Соколов Н.А. - Убийство Царской Семьи — М, Советский писатель, 1990
Соломон Г. - Среди красных вождей — М, Современник, 1995
111) Солоневич И.Л. - Революция, которой не было, или великая фальшивка Февраля — М, Алгоритм, 2016
112) Сорокин П. - Дальняя дорога — М, Терра, 1992
113) Спиридович А.И. - Великая война и февральская революция (1914-1917) — Минск, Харвест, 2004
114) Спиридович А.И. - История большевизма в России от возникновения до захвата власти — М, Айрис-Пресс, 2007
115) Стасова Е.Д. - Воспоминания — М, Главная редакция социально-экономической литературы, 1969
116) Степанов Н. - Подвойский (ЖЗЛ) — М, Молодая гвардия, 1989
117) Сталин И.В. - ПСС
118) Стариков Н.В. - 1917: разгадка «русской» революции — М, Эксмо: Яуза, 2010
119) Суворов В. - Очищение — М, ООО «Издательство АСТ», 2002
120) Суханов Н.Н. - Записки о революции — Том 1 — М, Политиздат, 1991
121) Суханов Н.Н. - Записки о революции — Том 3 — М, Республика, 1992
122) Троцкий Л. - История русской революции — Том 2/2 — М, «ТЕРРА-TERRA», издательство «Республика», 1997
123) Троцкий Л.Д. - Моя жизнь — Том 1 — М, «Книга», 1990
124) Троцкий Л. Д. - Наша первая революция — Ч.I — М., T8RUGRAM, 2018
125) Троцкий Л. - Портреты революционеров — Бенсон, Вермонт, Chalidze Publications, 1988
126) Троцкий Л.Д. - Сталинская школа фальсификаций — М, Наука, 1990
127) Федоров Ю. - Немецкие деньги большевиков, или сколько стоит революция - «Русское слово» - Прага - №4, 2017

128) Фельштинский Ю. Г. - Вожди в законе — М, ТЕРРА-Книжный клуб, 1999
129) Фельштинский Ю. Г. - Крушение мировой революции — Лондон, Oversear Publications Interchange Ltd, 1991
130) Хаммер А. - Мой век двадцатый. Пути и встречи — М, Прогресс, 1988
131) Хереш Э. - Купленная революция. Тайное дело Парвуса — М, «ОЛМА-ПРЕСС Образование», 2004
132) Хромов С.С. - Леонид Красин — М, Институт российской истории РАН, 2001
133) Чуев Ф. - Сто сорок бесед с Молотовым — М, Терра, 1991
134) Шаляпин Ф. - Маска и душа — М, АСТ, 2013
135) Шамбаров В. - Белогвардейщина — М, Алгоритм, 2009
136) Шамбаров В. - Нашествие чужих: заговор против Империи — М, Алгоритм, 2008
137) Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 год
138) Шамбаров В., Чавчавадзе Е. - Лев Троцкий. Тайны мировой революции — М, Вече, 2016
139) Шотман А. - Как от искры возгорелось пламя — М, «Старый большевик», 1934
140) Шрамко С. - Забытый автор Октября — журнал Сибирские огни, 2007, №11
141) Шульгин В.В. - Дни/1920 — М, Современник, 1989
142) Экономическая история. Ежегодник 2005 — М, РОССПЭН, 2005
143) Энгл Э., Паананен Л. - Советско-финская война — М, Центрполиграф, 2004
144) Энциклопедический словарь — М, Государственное научное издательство «Большая Советская Энциклопедия», 1953
145) Энциклопедия — хрестоматия Иркутской области и Байкала
146) Эрлихман В. — Потери народонаселения в XX веке. Справочник — М, Русская панорама, 2004

Юрий Барыкин
Яков Свердлов.
Этапы
кровавой
борьбы

Моей дорогой жене Татьяне

16 марта 2019 года исполняется сто лет со дня смерти Якова Михайловича Свердлова.

В коммунистическом варианте истории России Свердлов преподносится, как «верный ленинец», беззаветно преданный делу пролетарской революции.

Правда, Большая Советская Энциклопедия (БСЭ) говорит о нем достаточно сдержанно: деятель Коммунистической партии и Советского государства. Современная Википедия указывает, что Яков Михайлович был политическим и государственным деятелем, большевиком. И БСЭ и Википедия согласны, что Свердлов был Председателем ВЦИК (ноябрь 1917 — март 1919 гг.). На этой теме Википедия делает очень важное дополнение, отсутствующее в БСЭ: Председатель ВЦИК – формальный глава РСФСР.

В целом, о фигуре Свердлова написано сравнительно мало. Массовое представление о нем сводится к официальной версии: большевик, ленинец — то есть сторонник, а, следовательно, и один из многих подчиненных В.И. Ленина, имел какое-то отношение к убийству Императора Николая II, заразился испанкой, умер еще до окончания гражданской войны. На этом все.

Однако мы постараемся показать, что при ближайшем рассмотрении, Яков Михайлович Свердлов превращается в фигуру не просто весьма заметную, а в одного из членов триумвирата, наряду с В.И. Лениным и Л.Д. Троцким, в реальности приведшего большевиков к власти, фигуру крайне любопытную и однозначно зловещую и кровавую. Причем, в отличии от публичных Владимира Ильича и Льва Давидовича, Свердлов является этаким «серым кардиналом», в чем мы будем иметь возможность убедиться.

А еще, из «ленинца» Яков Михайлович, на определенном этапе, обращается в злейшего противника «Ильича». Кроме того, на наш взгляд, влияние деятельности Свердлова отнюдь не ограничивается не только рамками его жизни или гражданской войны в России, но и хронологическими рамками самого существования подлинного большевизма (1903-1953 годы).

В нашем исследовании мы будем цитировать работы многочисленных историков, специалистов по истории России конца 19-го — начала 20-го веков, а также воспоминания современников Свердлова, людей, хорошо знавших его лично, его союзников и врагов. Все материалы, которые будут нами использоваться, опубликованы на русском языке, а ссылки, которые мы будем указывать, позволят любому желающему легко проверить точность или корректность цитирования.

Заметим еще, что изучение фигуры Свердлова привело нас к необходимости внимательного рассмотрения деятельности еще двух большевиков. И если одно имя — Владимира Ильича Ленина — выглядит совершенно обязательным, так сказать, априори, то второе — Леонида Борисовича Красина — в связи со Свердловым возникает несколько неожиданно, особенно в случае, если за основу знаний принимать исключительно советский вариант истории России.

Но обо всем по порядку.

1

Сначала скажем о семье Якова Свердлова. Его отец Мовша Израилевич был гравером, мать, Елизавета Соломоновна — домохозяйкой.

В семье росло шестеро детей. Две дочери: Софья (1882-1951) и Сара (1890-1964). И четыре сына: Завей (Зиновий) (1884-1966), Янкель (Яков) (1885-1919), Вениамин (1887-1938) и Лев (1893-1914).

О последнем ребенке — Льве — данных практически нет, известно только, что он умер от туберкулеза в 1914 году. Но рассказ о других членах семьи будет, на наш взгляд, очень интересным.

Историк В. Шамбаров: «Дети Мовши Израилевича [...] воспитывались в религиозных традициях. И Яша Свердлов даже и много позже, арестованный за революционную работу, будет в анкетах жандармского управления в графе «вероисповедание» указывать - «иудейское». Да, «иудейское», а не «атеист», как отвечали на данный вопрос многие его соратники.» (1)

Историк П. Мультатули: «Семья Свердловых таила в себе много тайн. Одна из них это то обстоятельство, что, будучи совершенно не значимой, ни в социальном, ни в культурном, ни в финансовом плане, семья Свердловых была знакома и поддерживала тесные отношения с очень многими влиятельными и известными людьми своей эпохи. В первую очередь это касается Максима Горького. Горький близко знал Свердловых еще в то время, когда Янкель и его братья были совсем юными.» (2)

«Квартира на Покровке (семьи Свердловых) кипела скрытной жизнью подполья... Здесь соединялись нити тайной организации, здесь плелась паутина революционных сетей для Сормова и Нижнего...» (3)

В апреле 1901 года в Нижнем Новгороде по обвинению в незаконном использовании мимеографа (машины трафаретной печати) был арестован Максим Горький. Вместе с ним в Нижегородском остроге за участие в студенческих волнениях отбывал краткое заключение Зиновий Свердлов. Именно в тюрьме «Горький обратил особое внимание на Зиновия.» (4)

Контакты Горького с Мовшей Израилевичем имеют банальное объяснение — последний в своей граверной мастерской делал поддельные документы, весьма хорошего качества, и делал их, в том числе, по заказам Горького.

После того, как в 1900 году умерла Елизавета Соломоновна Свердлова, а Мовша Израилевич, похоронив жену, собрался жениться вторично, Горький проявляет живейшее участие в жизни братьев Свердловых. Например, когда Яков и Вениамин весной 1902 года были арестованы за хранение запрещенной литературы, именно заступничество известного к тому времени писателя помогло им быстро выйти из-под стражи.

И все же фаворитом Горького являлся Зиновий.

Принадлежащий к богеме, «пролетарский писатель» знакомит старшего из братьев со многими знаменитостями того времени, среди которых Шаляпин и Немирович-Данченко. Зиновий производит хорошее впечатление, его приглашают учиться на актера. Но по законам Российской Империи иудеям запрещено жить в Москве и Санкт-Петербурге.

И тогда, в том же 1902 году, Зиновий принимает православие и получает от Горького, который стал его крестным отцом, отчество и фамилию — Пешков. Узнав об этом, Мовша Израилевич отрекся от Зиновия и проклял его. Старший сын, который должен был стать правой рукой отца, и не стал ею, должен был теперь потерять собственную правую руку.

Мультатули: «Горький принял живейшее участие в судьбе старшего брата Свердлова Зиновия, усыновив его. При этом он одновременно был и его крестным отцом, что, безусловно, являлось святотатством, так как согласно православию отец и крестный не могут быть одним и тем же лицом. «Крещение» было осуществлено в 1902 году в Арзамасе священником Федором Владимирским, другом Горького и тайным революционером. (К слову сказать, сын этого священника М.Ф. Владимирский стал в 1931 году наркомом здравоохранения.) Биограф Горького П.П. Плетнев писал: «Конечно, никакого «таинства» на самом деле не было, а было лишь все это формально устроено «крамольным» попом Васильевым».» (5)

«Пешков с юности включился в революционное движение, но быстро отошел от него. Однако в этом поступке, Зиновий руководствовался не идейными соображениями, а какими-то гораздо более тонкими причинами. Принадлежность к тайным обществам и близкие связи с Горьким, позволяли Зиновию Пешкову поддерживать связи с самыми влиятельными людьми революционного и масонского лагеря.» (6)

В 1904 году Зиновий, чтобы не попасть в армию во время Русско-японской войны, эмигрировал в Канаду, затем перебрался в США, потом добрался до Италии, где, на острове Капри, проживал Горький. Он становится секретарем своего приемного отца, а также его переводчиком (к этому моменту Зиновий свободно говорил на 12 языках). На итальянском Капри, этом кусочке земного рая, Зиновий знакомится с периодически наезжавшими к Горькому погостить Лениным, Дзержинским, Красиным...

Но что-то тянуло старшего Свердлова продолжить свои путешествия и незадолго до начала Первой мировой войны он переезжает во Францию. С началом боевых действий Зиновий поступил в Иностранный легион. В мае 1915 года в сражении под Верденом потерял руку.

«Когда старик Свердлов узнал об этом, он страшно разволновался — какую? А получив ответ, что правую, торжествовал. Поскольку по формуле иудейского проклятия сын и должен был потерять именно правую руку.» (7)

В 1916 году после лечения и реабилитации был восстановлен на военной службе и переведен в офицеры. До 1917 года находился в качестве переводчика в США. Летом 1917-го капитан французской армии Зиновий Пешков был назначен представителем Франции при правительстве Керенского. После большевистского переворота имел продолжительную официальную встречу с братом Яковом. 20 ноября 1917 года покинул Россию. Летом 1918-го направлен в Восточную Сибирь, к адмиралу Колчаку, через Америку и Японию.

Вот так, странным стечением обстоятельств родной брат одного из главных врагов Колчака становится военным советником французского представителя при колчаковском правительстве генерале Морисе Жанене.

Стоит напомнить, что именно генерал Жанен в январе 1920 года предательски выдал Верховного Правителя России А.В. Колчака и председателя Совета министров Российского правительства В.Н. Пепеляева иркутским революционерам.

Что же касается еще одного брата — Вениамина, то он, после первых арестов вместе с Яковом, резко меняет свою жизнь.

«Дело в том, что он, едва достигнув совершеннолетия и закончив гимназию, по доброй семейной традиции Свердловых тоже ушел из дома. Ну в этом-то никаких загадок нет. Это уже не загадка, а закономерность. Подтверждение далеко не ангельского характера папаши, раз от него все дети спешили разбежаться. Но Беньямин не повторял путей ни Зиновия, ни Якова, а нашел третий. Уехал в Америку. И в довольно короткое время, не более 10 лет, стал там... владельцем «небольшого банка».» (8)

Точнее, банковской конторы, которая официально занималась переводами денег от евреев-эмигрантов для их родственников в Россию. Контора процветала, ее офис разместился в самом центре Нью-Йорка, на Бродвее. И это было идеальное прикрытие для нелегальных финансовых потоков в Россию. Кто и как мог проверить в начале XX века какому именно родственнику в российской провинции ушли деньги?

А еще, «американский братец» имел деловые отношения с Сиднеем Рейли, международным авантюристом, работавшим на английскую, немецкую и американскую разведки одновременно.

«Вениамин был знаком и поддерживал деловые отношения с банком «Кун, Лейб и Ко» и его ведущей силой банкиром Я. Шиффом.» (9)

А еще, в начале XX века, Мовша Израилевич взял себе в качестве ученика гравера молодого человека по имени Гершель Гершелевич Иегуда, сына своего двоюродного брата — Гершона Филиповича. Несмотря на то, что новый ученик дважды обворовал своего мастера, он не только не потерял работу, но и умудрился укрепить родство с семейством Свердловых, женившись на племяннице Янкеля — Иде Авербах. Добавим еще, что Гершель Гершелевич Иегуда в дальнейшем обратится в печально известного Генриха Генриховича Ягоду.

2

А теперь переходим к Якову Свердлову.

Яков Михайлович Свердлов, настоящее имя, как мы уже упомянули, Янкель Мовшевич Свердлов. Родился 22 мая 1885 года в Нижнем Новгороде. Образование — четыре класса гимназии.

В своих воспоминаниях Клавдия Тимофеевна Новгородцева — вторая жена Якова Михайловича — пишет: «Яков рос озорным, неугомонным мальчиком, организатором забав ребятишек всей улицы... Особенно часто Яков бывал в семье Лубоцких. Володя Лубоцкий был одним из любимых товарищей Якова. Их сближали совместные игры, сходство характеров, общие интересы, свойственная тому и другому инициатива и предприимчивость.» (10)

«Якову и Владимиру не было и пятнадцати лет, когда они впервые узнали о революционном подполье. Темными, глухими ночами, при свете маленькой керосиновой лампочки Свердлов и Лубоцкий, забравшись на чердак в доме Лубоцких, с волнением читали прокламации, распространявшиеся в Нижнем среди гимназистов.» (11)

В 1900 году, после смерти матери, Яков бросает гимназию, а затем уходит из дома.

Шамбаров: «Покинув отчий дом, Яков... не стал искать покровителей и решил жить самостоятельно, для чего перебрался в нижегородский пригород Канавино. Вот только утверждениям советских источников, что этот город был «населен преимущественно рабочими», доверять не стоит. Откройте Гиляровского и увидите, что Канавино — это как раз и был район трущеб и притонов, обиталище ворья, шпаны и люмпенов...

Правда, Свердлов сперва устроился здесь довольно чисто и культурно. Учеником в аптеку. А аптека в Канавино являлась весьма выгодным предприятием, настоящим «золотым дном» - кого порежут, кому башку пробьют, кто опился, кто венерическую хворобу подцепил. Опять же, кому-то внешность надо изменить, краску для волос купить. Да и «марафет» (кокаин) в то время через аптеки распространялся.» (12)

Однако такая жизнь не устроила Свердлова. Разругавшись с аптекарем, он лишается постоянной работы и переходит на случайные заработки.

«Устроиться рабочим на какой-нибудь завод — допустим, на Сормовский судостроительный гигант, где работа наверняка нашлась бы, Яков даже не пытался. Как и найти себе место в порту или в лавке кого-то из многочисленных нижегородских купцов.» (13)

Вместо этого он с головой погружается в преступный мир. Выжить в нем 15-летнему пареньку, не отличавшемуся стальными мускулами, наверняка помогли не только природная хитрость и изворотливость, но и старые связи отца.

В 1901 году Яков Свердлов, благодаря другу детства — Лубоцкому — попадает в социал-демократический кружок.

Социал-демократия существовала в России легально, создавала всякие рабочие «кружки» и «школы». Царская администрация это не поощряла, но и не прерятствовала — в учении марксизма криминала не видели. Хотя социал-демократические структуры наряду с легальной вели и нелегальную работу. И вот за нее действительно привлекали к ответственности. То есть не за социал-демократию как таковую, а за конкретные преступления — организацию проти-

вправительственных демонстраций, забастовок, экстремистскую агитацию, издание подрывной литературы. (14)

Первые партийные поручения Якова связаны с отцом — доставать поддельные документы для всякого рода нелегалов.

В том же 1901 году, в возрасте 16 лет, Свердлов был впервые арестован полицией.

Весной 1902 года, за участие в беспорядках после похорон скоропостижно скончавшегося студента Рюрикова, Свердлову «пришлось отсидеть две недели в тюрьме (в «кутузке»).» (15)

От серьезных последствий после второго ареста в 1902 году, как мы уже говорили, Яшу и его брата Вениамина спас Горький. И теперь, после арестов, Якова Свердлова «заметили» в революционных кругах. Тем более, что он стал центром притяжения для нескольких ровесников-единомышленников.

«Со своей группой, которую он превратил в «боевую», Яков выделяется и во всей городской социал-демократической организации. Которая, как и все тогдашние революционные круги, отнюдь не отличалась дееспособностью. Больше теоретизировала и рассуждала о необходимости переходить к практическим делам, не зная толком, как к ним подступиться, да и не имея особого желания. А тут — вон какой молодец объявился! Вот и поручить ему эти самые практические дела! Пусть выполняет, «оправдывает доверие» старших товарищей.

Он и выполняет. Четко и быстро осуществляет то, о чем старшие товарищи только воздух мололи. Налаживает перевозку и распространение нелегальной литературы. Создает в Нижнем первый социал-демократический пункт печатания прокламаций — на гектографе. А потом и первую подпольную типографию в Сормово.» (16)

В 1903 году, после размежевания на большевиков и меньшевиков, Яков Свердлов создает большевистский городской комитет и фактически возглавляет его.

В 1904 году перебирается из Нижнего в Кострому.

«И 19-летний Свердлов снова проявил себя блестящим организатором. Он быстро находит «нужных» людей, связывает их между собой в ячейки, ячейки — в более крупные структуры. Придумывает правила конспирации, налаживает каналы распро-

странения нелегальной литературы. Создает и подпольную типографию.» (17)

В начале 1905 году, после «кровавого воскресенья», а точнее, после кровавой провокации революционеров, в России проходят акции протеста, в которых участвуют десятки тысяч людей, поверивших антиправительственной пропаганде. Такие настроения искусно поддерживаются и раздуваются по малейшему поводу.

Шамбаров: «Яков Михайлович получает партийную кличку «товарищ Андрей», и его начинают посылать в другие города для активизации там работы и налаживания нелегальных структур. В том числе и в Ярославль... (…) Разъезжая с места на место, он действует и в Саратове, Самаре, наведывается на родину, в Нижний.

Организует революционные мероприятия, митинги, демонстрации. По поводам, взятым чаще всего от фонаря. Например, в Ярославле превратили в демонстрацию похороны застрелившегося гимназиста Панова, в Нижнем — похороны застрелившегося Н.И. Девятова. Складывается впечатление, что стоило какому-нибудь юному неврастенику и юбкострадальцу пустить себе пулю в лоб, революционеры оказывались тут как тут, превращая дурачка в «политическую» жертву. Для общей раскачки, для нагнетания эмоций.» (18)

Развив кипучую деятельность, Яков Свердлов резко отличается от более старших «товарищей». Например, Миней Губельман сумел организовать стачку текстильщиков в Ярославле. Всего одну, но и это считалось настолько выдающейся заслугой, что он получил почетное прозвище «Ярославский», с которым и вошел в советскую историю.

Тем временем, Свердлов успешно вовлекает в «революцию» представителей преступного мира, зачастую «шестерок», мечтающих повысить свой статус, готовых ради этого на все, но отчаянно нуждающихся в ком-то, кто подскажет что именно нужно сделать. Вот тут-то и проявляется организационный гений Свердлова.

«Он повсюду, как и в Нижнем, активно вовлекает в ряды революционеров шпану. Ведь Волга являлась единой экономической системой — транспортной, портовой, торговой. И мир поволжского «дна» тоже был единым. Хулиганье и бомжи-босяки мигрировали из города в город. Мигрировало и ворье, сутенеры, шулера. То

в поисках более выгодного «дела», то уходя от полиции, от кредиторов, от облапошенных обывателей...

Существовали связи и между еврейскими общинами поволжских городов. Через них также можно было найти подходящих людей, наладить рабочие контакты. А людей Свердлов умел распознавать очень хорошо. Мгновенно оценивал их натуру, качества. Вот и росли по Волге, как грибы, новые большевистские структуры.» (19)

Успехам Свердлова способствовали его личные качества. Он был человеком чрезвычайно контактным. Умел в два счета завязать знакомства, расположить к себе собеседников. Обладал и поистине феноменальной памятью. Один раз увидев человека, уже не забывал его. И помнил не только имя и фамилию, но и какие-то характерные черты, особенности, качества.

В общем, авторитет Свердлова рос стремительно и неуклонно. От ЦК партии, как специалиста-организатора, его направляют в Казань, а в сентябре 1905 года в Екатеринбург.

Тогда происходят изменения в его личной жизни. Дело в том, что первым браком Яков Михайлович был женат на Е.Ф. Шмидт, от которой у него в 1905 году родилась дочь. Однако в том же году Свердлов бросает жену и, не разведясь с ней, 28 сентября 1905 года сходится с Клавдией Тимофеевной Новгородцевой, которая была дочерью зажиточного екатеринбургского купца-старообрядца. Екатеринбург был местом концентрации большого количества старообрядческого купечества, потомков ссыльных старообрядцев.

Хорошо известно, что старообрядческое купечество активно помогало всем революционерам и большевикам в частности, причем немалую роль в этом играл Максим Горький. Выбор Свердлова был неслучаен. Используя связи своего «тестя», он смог создать на Урале свой надежный тыл. (20)

Вот, правда, Яков Михайлович был младше Клавдии Тимофеевны на 10 лет. Но, наверное, это мелочи.

В это же время Свердлов лично занимается подбором в свою боевую дружину надежных людей. Новгородцева в своих воспоминаниях пишет:

Яков Михайлович тщательно наблюдал за организацией и обучением боевой дружины, за подбором кадров боевиков. Дружинники не ограничивались тренировкой в стрельбе, как раньше, но

изучали тактику уличного боя, технику вооруженной борьбы. Все женщины, члены партии, проходили курс первой медицинской помощи, практиковались в больницах. (21)

Оружие для боевиков добывалось при помощи сочувствовавших революционерам инженеров с Ижевского оружейного завода, причем перевозка его производилась так конспиративно, настолько ловко маскировались боевики, которым поручалось это дело, что не было случая, чтобы транспорт с оружием попал в руки полиции. (22)

«Ближайшим помощником Свердлова становится Янкель Хаимович Юровский. Его дед был раввином, но отец пошел по уголовной дорожке, стал вором. Сам Янкель обучался при синагоге в школе «Талматейро», но окончил лишь два класса. Сидел за убийство. В тюрьме связался с «политиками». Другие кадры Свердлова — Лейба Сосновский, Теодорович. Подходящих людей помогла найти и Новгородцева, она раньше преподавала в рабочих школах, местную шпану знала. Через нее Яков Михайлович привлекает таких головорезов как Петр Ермаков.

А командиром дружины становится Федор Сыромолотов. «унаследовавший» жену Троцкого — Лев Давидович, удирая из сибирской ссылки в эмиграцию, бросил ее, ну а Федор в нее крепко втюрился, привязался, души в ней не чаял.» (23)

В общем, к основным революционным событиям 1905 года Свердлов и его дружинники подошли, казалось бы, в полной готовности.

3

К концу 1905 года обстановка в России обострилась до крайности.

«Террористические акты не прекратились после опубликования Манифеста 17 октября 1905 года, гарантировавшего соблюдение основных прав человека для всех граждан России и предоставлявшего законодательную власть Государственной думе... «Наихудшие формы насилия проявились только после опубликования Октябрьского манифеста», когда действия радикалов, направленные на

ослабление государства вплоть до его падения, превратили страну в кровавую баню... Были дни, «когда несколько крупных случаев террора сопровождались положительно десятками мелких покушений и убийств среди низших чинов администрации, не считая угроз путем писем, получавшихся чуть ли не всяким полицейским чиновником;... бомбы швыряют при всяком удобном и неудобном случае, бомбы встречаются в корзинах с земляникой, почтовых посылках, в карманах пальто, на вешалках общественных собраний, в церковных алтарях... Взрывалось все, что можно было взорвать, начиная с винных лавок и магазинов, продолжая жандармскими управлениями (Казань) и памятниками русским генералам (Ефимовичу, в Варшаве) и кончая церквами».» (24)

«Что касается правительственных служащих, то здесь террор проводился без особого разбора, и его жертвами становились полицейские и армейские офицеры, государственные чиновники всех уровней, городовые, солдаты, надзиратели, охранники и вообще все, кто подпадал под весьма широкое определение «сторожевых псов старого порядка». Из 671 служащего Министерства внутренних дел, убитого или раненого террористами в период между октябрем 1905 и концом апреля 1906 года, только 13 занимали высокие посты, в то время как остальные 658 были городовыми, полицейскими, кучерами и сторожами. Особенно распространилось среди новых профессиональных террористов обыкновение стрелять или бросать бомбы без всякой провокации в проходящие военные или казачьи части или в помещения их казарм.» (25)

Не остался в стороне от пропаганды террора и Ленин.

Видя, насколько потрясли Россию теракты, большевистский главарь не мог не включиться в сие разрушительное движение.

«Отряды должны вооружаться сами, кто чем может (ружье, револьвер, бомба, нож, кастет, палка, тряпка с керосином для поджога, веревка или веревочная лестница, лопата для стройки баррикад, пироксилиновая шашка, колючая проволока, гвозди (против кавалерии) и пр. и т.д.). Ни в коем случае не ждать со стороны, сверху, извне, помощи, а раздобывать все самим.» (26)

«Начинать нападения, при благоприятных условиях, не только право, но прямая обязанность всякого революционера. Убийства шпионов, полицейских, жандармов, взрывы полицейских участ-

ков, освобождение арестованных, отнятие правительственных денежных средств для обращения их на нужды восстания, — такие операции уже ведутся везде, где разгорается восстание, и в Польше, и на Кавказе, и каждый отряд революционной армии должен быть немедленно готов к таким операциям.» (27)

Более того, Владимир Ильич позволил себе воспеть тогдашних врагов России.

В сентябре 1905 года Ленин открыто призывает создавать отряды террористов и забрасывать города Российской Империи бомбами:

«Число таких отрядов в 25-75 человек может быть в каждом крупном городе, и зачастую, в предместьях крупного города, доведено до нескольких десятков. Рабочие сотнями пойдут в эти отряды, надо только немедленно приступить к широкой пропаганде этой идеи, к образованию этих отрядов, к снабжению их всяким и всяческим оружием, начиная от ножей и револьверов, кончая бомбами, к военному обучению и военному воспитанию этих отрядов.

К счастью, прошли те времена, когда за неимением революционного народа революцию «делали» революционные одиночки-террористы. Бомба перестала быть оружием одиночки-бомбиста... Широкое применение сильнейших взрывчатых веществ — одна из очень характерных особенностей последней войны. И эти, общепризнанные теперь во всем мире, мастера военного дела, японцы, перешли также к ручной бомбе, которой они великолепно пользовались против Порт-Артура. Давайте же учиться у японцев!» (28)

Говоря о нападениях на собственных сограждан в условиях внешней агрессии, Ленин не скрывает своего ликования: «Вдумайтесь в эти сообщения легальных газет о найденных бомбах в корзинах мирных пароходных пассажиров. Вчитайтесь в эти известия о сотнях нападений на полицейских и военных, о десятках убитых на месте, десятках тяжело раненых за последние два месяца. Даже корреспонденты предательски-буржуазного «Освобождения», занимающегося осуждением «безумной» и «преступной» проповеди вооруженного восстания, признают, что никогда еще трагические события не были так близки, как теперь.» (29)

4

В конце 1905 года Россию, помимо жесточайшей волны террора, потрясла серия вооруженных восстаний — в Москве, Сормово, Иваново-Вознесенске, Харькове, Екатеринославле, практически по всей Транссибирской магистрали.

И вот в этих-то вооруженных выступлениях Свердлов участия чудесным образом не принял. Сначала отправился на Первую конференцию РСДРП, которая проходила в финском Таммерфорсе с 12 по 17 декабря. Но задержался в пути по причине забастовок на железных дорогах и прибыл в Финляндию, когда большинство делегатов, в том числе и Ленин, разъехались. На обратном пути Свердлов попадает в Москву, как раз в самый напряженный момент противостояния революционеров и правительственных войск. Но участвовать в боях — это уже ниже его достоинства.

Поэтому выступил Яков Михайлович на митинге в саду «Аквариум», пообщался с коллегами и поехал к себе, на Урал. А там, кстати, к этому времени пик восстания тоже был уже пройден.

«В это время во всем ходе революции наступил перелом. Восстания, теракты, погромы, льющаяся кровь наконец-то заставили правительство понять, что «пряниками» такую бучу утихомирить невозможно. И подтолкнули к более решительным действиям. Революционеры, несмотря на массовость их движения, созданную вовлечением рабочих, люмпенов, студентов, гимназистов, несмотря на наличие у них значительного количества оружия, оставались не более чем разбуянившимися толпами. А армейские части оказались еще мало задеты этой заразой. Поэтому раздавить повстанцев было нетрудно. В Москве они продержались всего 10 дней — пока туда не перебросили всего-то один Семеновский полк. Все очаги восстания в Сибири и Забайкалье были усмирены несколькими эшелонами Меллер-Закомельского и Ренненкампфа, двинувшимися навстречу друг другу по железной дороге.» (30)

На фоне этих событий, вернувшийся на Урал Свердлов берет курс на резкое сворачивание деятельности и перевод боевиков на нелегальное положение.

В конце 1905 — начале 1906 года возникает Уральская боевая организация РСДРП, которая по своей структуре и царившим вну-

три нее нравам напоминала мафиозный клан. Во главе этого образования становится Яков Свердлов.

Формально уральский «куст» подчинялся боевому центру при ЦК, но в своей епархии Свердлов был единоличным властелином.

«Сеть боевых организаций охватывает Пермь, Екатеринбург, Уфу, Мотовилиху, Лысьву, Нижний Тагил, Нейву, Сысерть, многочисленные заводы. И организации были далеко не простыми, а тщательно структурированными, законспирированными. Существовало несколько уровней посвящения в тайну. В каждом центре создавалось три дружины, которые так и назывались — первая, вторая и третья.

Первая — руководство. Представители партийного комитета, инструкторы, заведующие складами, заведующие мастерскими по изготовлению бомб. Вторая дружина — собственно боевики. Она состояла из нескольких отрядов - «десяток». Каждый — специализированный. Отряд саперов, отряд бомбистов, отряд стрелков, отряд мальчишек-разведчиков. Во главе каждого отряда стоял «десятский», они делились на «пятки» во главе с «пяточниками». Третья дружина - «массовка». Рядовые партийцы, примыкающие рабочие. Их использовали по мере надобности, не посвящая в тайны организации. Из их рядов черпали резервы для пополнения боевиков, дружина была и школой военного обучения — каждый член второй дружины должен был подготовить «пяток» из третьей.

Особняком находились «лесные братья». В отличии от боевиков, живших по своим домам и исподтишка совершавших теракты, «лесные братья» были нелегальными разбойниками. Руководил их отрядами А.М. Лбов (он же «Длинный», «Лещ»). Свердлов поддерживал с ним прямую связь. Как раньше в Екатеринбурге, всюду было налажено обучение боевиков, тренировки в стрельбе и с холодным оружием. Одним из главных принципов являлась строжайшая тайна и конспирация.» (31)

В апреле 1906 года в Стокгольме проходил IV съезд РСДРП. Свердлов, безусловно, должен был бы быть его участником. Но не поехал, отправил жену, причем, под псевдонимом «Яковлев». Съезд был назван «объединительным», поскольку на нем произошло формальное объединение большевиков и меньшевиков после

раскола на II съезде. Был избран Центральный Комитет, в который вошли 3 большевика и 7 меньшевиков. Под влиянием последних, и вопреки позиции Ленина, съезд принял резолюцию о запрещении экспроприаций.

Единственным лидером социал-демократической фракции, который во всеуслышание объявил грабеж допустимым средством революционной борьбы, был Ленин.

Как мы помним, Ленин не ограничивался лозунгами или просто признанием участия большевиков в боевой деятельности. Уже в октябре 1905 года он заявил о необходимости конфисковывать государственные средства и скоро стал прибегать к эксам на практике. Вместе с двумя своими тогдашними ближайшими соратниками, Леонидом Красиным и Александром Богдановым (настоящая фамилия — Малиновский), он тайно организовал внутри Центрального комитета РСДРП (в котором преобладали меньшевики) небольшую группу, ставшую известной под названием Большевистский центр, специально для добывания денег для большевистской фракции. Существование этой группы скрывалось не только от царской полиции, но и от других членов партии. На практике это означало, что «Большевистский центр» был подпольным органом внутри партии, организующим и контролирующим экспроприации и различные формы вымогательства.

Вот этому Большевистскому центру, а вовсе не ЦК, и была подчинена организация Свердлова. И все меньшевистские «осуждения и запрещения» не имели для свердловцев ни малейшего значения.

Более того, и само подчинение уральских головорезов БЦ было лишь формальным. В действительности вся уральская область была подчинена лично Свердлову.

Шамбаров: «И, кстати, хотя Яков Михайлович был связан с большевистским боевым центром, но в свои структуры включал и членов других партий: эсеров, анархистов, максималистов. Какая разница-то? Главное — чтобы человек был подходящим. Способным без промаха и без колебаний послать пулю в ближнего, швырнуть бомбу, заложить заряд взрывчатки. Так что некоторые дружины числились «сводными», многопартийными. А «лесные братья» были вообще беспартийными головорезами.

И «дело» пошло. Оружие поставлялось из-за границы — бельгийские браунинги, маузеры, «партизанские» облегченные винтовки. Текли боеприпасы, доставалась взрывчатка — ее и на Урале хватало, для горных работ использовалась.» (32)

Особой стороной деятельности боевиков были грабежи или, как их называли, «эксы», экспроприации. Грабили кассы, конторы, нападали на транспорты с деньгами. Бомб и патронов не жалели, случайные люди гибли десятками.

К примеру, летом 1907 года 12 вооруженных «лесных братьев» напали на пассажирский пароход «Анна Степановна Любимова», принудили поставить судно на якорь, убили матроса, полицейского, военнослужащего, одного из пассажиров, тяжело ранили капитана парохода и легко — двух пассажиров, после чего похитили более 30 000 рублей. (33)

На добытые деньги содержались местные боевые школы. Кроме того, Уральский областной комитет издавал три газеты: «Солдат», «Пролетарий» и газету на татарском языке. Деньги шли на содержание школы боевых инструкторов в Киеве, школы бомбистов во Львове, для «держания границ» (Финляндия и Западная Россия) для провоза литературы и прохождения связных и боевиков. Кроме того, финансировались поездки делегатов на различные партийные сборища за границу, в том числе на лондонский съезд РСДРП. (34)

5

23 декабря 1905 года к русскому народу обратился Император Николай II:

“Объединяйтесь, русские люди. Я рассчитываю на вас. Я верю, что с вашей помощью Мне и Русскому народу удастся победить врагов России. Возложенное на Меня в Кремле Московском бремя власти Я буду нести Сам и уверен, что Русский народ поможет Мне. Во власти Я отдам отчет перед Богом. Поблагодарите всех русских людей, примкнувших к «Союзу Русского Народа».» (35)

Призыв Государя не остался неуслышанным.

К концу 1907 года Союз Русского Народа насчитывал до 400 000 человек, а общее число людей, связанных с деятельностью Союза, составляло не менее 2 млн. человек. (36))

Начались открытые столкновения.

В Ярославле патриотическая манифестация столкнулась с революционной. Революционные боевики открыли огонь из револьверов по безоружным оппонентам, ранив четырех человек. В ответ — ударили в набат, на который сбежалось большое количество горожан с камнями и кольями. К вечеру все революционеры и их сторонники попрятались, а улицы патрулировали группы патриотической общественности. (37)

Той же общественностью были разогнаны революционные выступления во Владимире, Твери, Сызрани, Саратове, Казани, Томске, Ростове-на-Дону... Были жертвы с обеих сторон.

Но, пожалуй, самое ожесточенное столкновение произошло в Симферополе. Здесь около 300 вооруженных револьверами революционных боевиков, с криками «Долой Самодержавие», напали на безоружную патриотическую манифестацию, шедшую с царскими портретами. Первым залпом ранили семь человек и убили двух. Однако манифестанты не испугались, более того, используя камни и выломанные из заборов колья, они сами атаковали напавших.

Как пишут очевидцы, свершилось страшное кровавое дело. В несколько минут было убито 47 бандитов, а остальные в панике бросились бежать во все стороны, стреляя куда попало. Улицы Симферополя были залиты кровью. «Но кто же виноват? — спрашивает очевидец. — Кто вызвал эту дикую саморасправу? Те ли, кто мирно, с пением молитв и гимна, несли портреты Царя, или те, что имели безумную дерзость бросить кровавый, смертельный вызов всему Русскому народу, начав стрелять в безоружную, мирную патриотическую манифестацию?»» (38)

Что же касается Урала, то и здесь обострились отношения между свердловскими боевиками и наиболее активными представителями патриотической общественности.

«В городе Екатеринбурге на Урале члены боевого отряда большевиков под началом Якова Свердлова постоянно терроризировали местных сторонников «черной сотни», убивая их при любой возможности.» (39)

Не оставались в долгу и черносотенцы.

Например, уже через два дня после опубликования Манифеста, 19 октября 1905 года, на кафедральной площади Екатеринбурга большевики организовали митинг под политическими лозунгами. Выступал Свердлов.

Собравшиеся подверглись организованному нападению черносотенцев. Среди разбегающихся митингующих было много раненых и двое убитых. Свердлова спасли его дружинники. Они сумели укрыться в находящимся поблизости здании банка, переждать погром, а после незаметно ускользнуть. (40)

6

Однако, как бы хорошо не были организованы и вооружены боевики, государство Российское, усилиями Петра Аркадьевича Столыпина, начинало неуклонно брать верх.

10 июня 1906 года Свердлов и Новгородцева оказались за решеткой.

Вскоре власти арестовали еще ряд активистов, захватили подпольную типографию, оружейный склад. Была разгромлена практически вся пермская дружина. При обысках нашли денежный отчет Пермского комитета за май месяц, написанный рукой Свердлова. Без подписи, но графологическая экспертиза установила его авторство.

Кроме того, лично Свердлову инкриминировалось и убийство. (41)

Время с июня 1906 года по по сентябрь 1909 года Яков провел в тюрьмах. Но и в его отсутствие созданная им организация, несмотря на понесенные чувствительные потери, продолжала свою деятельность.

В тюрьме Свердлов ведет себя как власть имущий, через него другие заключенные могут получать деньги и передачи. Люди Свердлова на воле держат с ним постоянную связь. По отношению к товарищам Свердлов держит себя диктаторски. (42)

Новгородцева: «Яков Михайлович так поставил себя в тюрьме, что администрация считалась с ним, как ни с одним заключенным.

На Свердлова тюремщики никогда не повышали голоса, не кричали, не оскорбляли его, как это часто делали по отношению к другим.» (43)

«Товарищи неоднократно избирали Якова Михайловича старостой, что давало ему право ходить по камерам и выступать перед администрацией от имени заключенных. Функции старосты были введены явочным порядком. Администрацию устраивало наличие старост. Ей приходилось благодаря этому иметь дело по бытовым вопросам не со всеми заключенными, а лишь с их отдельными представителями. […] Яков Михайлович умел добиваться выполнения требований заключенных.» (44)

«Сохранилась фотография — Яков Михайлович в пермской тюрьме. Здоровенные мордовороты-уркаганы робко жмутся с краешку, а низенький тщедушный очкарик Свердлов вольготно, похозяйски, восседает в центре, на первом плане. Он здесь главный. Пахан.» (45)

«Фотография не только редкая, но и необычная по происхождению. Делал ее не тюремный фотограф, тот знал только крупный план — анфас и профиль. А тут — живописная группа.» (46)

Одним из любимых развлечений двадцатилетнего пахана были крысы. Свердлов организовал среди зэков «дружину» для их истребления. Но дружинники должны были не убивать крыс, а ловить живыми. После чего начиналось самое «интересное». Крысу торжественно вешали, либо топили в параше — кидали в жижу и отталкивали от краев, не давая выбраться. Яков Михайлович и его окружение при этом хохотали от души. (47)

Выйдя из тюрьмы в сентябре 1909 года, Свердлов приезжает в Петербург.

Питерские новости суровы. «Разгром сильнее, чем мы предполагали в тюрьме», — признается Свердлов в письме С.Е. Чуцкаеву от 15 октября 1909 года. В ожидании нового партийного задания Яков Михайлович томится. «Безделье утомляет меня больше самой тяжелой работы», — пишет он в том же письме.» (48)

Но «томился», а вернее — ждал, когда подельники выправят новый паспорт, Свердлов не слишком долго. Во второй половине ноября он, с документами на имя И.И. Смирнова, выезжает в Мо-

скву. Задача — возродить к жизни разгромленные после декабря 1905-го структуры Московского окружного комитета РСДРП и областного бюро РСДРП.

Но теперь полиция сработала образцово.

«Яков Михайлович был уж очень заметной и активной фигурой (служба наблюдений присвоила ему шифр «Махровый»). И едва стоило ему восстановить Московский комитет партии, 13 декабря 1909 года собрать на первое заседание, как скопом всех и накрыли. Прямо на заседании, где председательствовал Свердлов. Погуляв на свободе лишь три месяца, он опять очутился за решеткой. Протоколы его задержания и допросов сохранились. Он и в этот раз в графе «вероисповедание» указывал «иудейское». Но давать какие бы то ни было показания отказался.» (49)

31 марта 1910 года Свердлов был выслан в Нарымский край, откуда бежал не пробыв и четырех месяцев — 27 июля. Однако и за такой короткий срок, Яков Михайлович близко сошелся с Шаей Исааковичем Голощекиным.

«Личность это была весьма темная и сомнительная. Он был на 9 лет старше Свердлова, родился в Невеле Витебской губернии, в семье хасидов. Учился при общине в хасидской школе, затем закончил зубоврачебную школу. Но до 27-летнего возраста нигде не работал. Ни единого дня.» (50)

В конце августа Свердлов заезжает в Екатеринбург, откуда вместе с Новгородцевой, едет в Нижний Новгород к отцу. В сентябре 1910 года Свердлов уже в Петербурге.

Работа Свердлова идет в двух направлениях: по использованию легальных возможностей и по налаживанию и организации работы в подполье. В 1910 г. он, по директивам Большевистского Центра, принимает участие в руководстве думской фракцией РСДРП в III Государственной думе. (51)

По поводу нелегальной работы, сам Яков Михайлович пишет: «Необходимы деньги для восстановления здешней работы. Страшно мало работников. Главным орудием работы необходимо сделать небольшой орган и листковую пропаганду и агитацию. Необходимо поставить технику. Люди есть, но нет денег.» (52)

14 ноября 1910 года Свердлов и Новгородцева вновь были арестованы. До мая следующего года Яков Михайлович содержится в

одиночной камере петербургского дома предварительного заключения, для Клавдии Тимофеевны определена ссылка.

В заключении повзрослевший Свердлов больше не топит крыс, теперь он занят самообразованием.

В «Заявлении Свердлова начальнику дома предварительного заключения о разрешении самостоятельной закупке допущенных в пользование книг», читаем:

«Прошу также разрешить покупку за мой счет следующих книг в антикварном книжном магазине: 1) К. Маркс, «История теории прибавочной стоимости», перевод Стрельского, издание «Образование», 1906 г.; 2) Парвус, «Мировой рынок», издание Поповой, 1889 или 1900 г.; 3) Каутский, «Утопия Томаса Мора», 4) Фр. Меринг, «История Германской социал-демократии», издание Бр. Гранат (купить в том случае, если за все 4 тома не дороже 4 руб.), 5) Э. Бернштейн, «Исторический материализм», издание «Знание».

28 января 1911 г.

Яков Михайлович Свердлов.» (53)

Как видим, никакого благоговейного трепета книги Маркса правительству не внушали, они издавались, как «образовательные», их запросто мог приобрести даже заключенный.

А вот письмо Свердлова к жене:

«...Эх, кабы Сергей послал мне своего Гейне. У него полное собрание сочинений в одном томе, что важно для меня, ибо могу иметь в камере лишь 3 своих книги, кроме учебных пособий. У меня есть 3 немецких книжки, но они давно прочитаны, хотя и нет до сих пор словаря. Поторопи его с посылкой.» (54)

В апреле 1911 года в городе Нарыме, Томской губернии, у Якова Михайловича и Клавдии Тимофеевны родился сын.

Вот отрывок из письма «товарища Андрея» к жене от 15 апреля 1911 года.

«Дорогая моя Кадя! Письмо твое из лечебницы от 6.IV получил вчера. Поздравляю тебя, себя я уже поздравил, страшно хочется расцеловать тебя и маленького зверька, но тебя прежде всего. Рад безмерно. […] Имя? Да, это вопрос существенный! Как же назвать зверя?...» (55)

«Зверя» назвали Андреем. Получился Андрей Яковлевич Свердлов.

В конце мая 1911 года Яков Михайлович был отправлен на четыре года в Нарым, с предписанием томскому исправнику «учредить за названным Свердловым строгий надзор».

Клавдия Тимофеевна оставалась в Екатеринбурге до осени 1911 года. В сентябре, вместе с сыном Андреем, она едет в Москву, оттуда в Томск, где им было устроено свидание со Свердловым.

5 мая 1911 года Свердлов приговорен к ссылке в тот же Нарымский край сроком на четыре года. 26 июня он прибывает в село Колпашево, а уже 3 июля, в сопровождении двух стражников, переводится в селение Максимкин Яр, в 500 км от Нарыма.

«В течение шести месяцев пребывания в Максимкином Яру Свердлов совершил пять неудачных побегов: естественные природные условия заставляли его быть пленником царизма.» (56)

В этом маленьком селении, где каждый был словно под увеличительным стеклом, Свердлову поневоле пришлось встретиться с местным священником Покровским.

После шести месяцев, проведенных рядом с пламенным революционером, Покровский назвал Свердлова «искусным ловцом человеков в сети диавола». (57)

Одному из таких «пойманных им человеков» - своей жене, Яков Михайлович постоянно пишет письма. Пишет любя, но любя както по-своему, по-свердловски. Вот, например, как заканчивается письмо от 6 октября 1911 года.

«Ну, деточка, пока спокойной ночи, целую много, много раз, горячо, горячо свою родную женку и детеныша.» (58)

7

Отвлекшись ненадолго непосредственно от похождений Якова Михайловича, сообщим, что январе 1912 года в Праге состоялась VI (Пражская) конференция РСДРП, созванная большевиками. В ней приняли участие 18 человек, из которых 14 прибыли из России, а четверо, в их числе Ленин, были эмигрантами.

Все национальные организации, а также персонально приглашенные Плеханов и Горький приглашения на конференцию отклонили на том основании, что ее созывают исключительно сторонники Ленина.

Объявив ЦК РСДРП, избранный на V съезде (1907 год), завершившим свое существование, в отсутствии конкурентов, большевики «избрали» новый ЦК в составе: Ленин, Зиновьев, Голощекин, Шварцман, Спандарьян, Орджоникидзе и Малиновский. Последний, еще с 1910 года, являлся секретным сотрудником охранного отделения.

В дни работы конференции в состав ЦК были кооптированы Белостоцкий и Сталин, а позднее — Свердлов и Петровский.

«Желание Ленина сбылось. Его организация, во главе с ним самим, была как будто легализована в качестве руководящего партией центра. И деньги, и партийные органы переходили в руки ближайших ему лиц, над которыми его влияние было бесспорно и безгранично.» (59)

Но не тут то было. Остальные члены РСДРП совершенно не собирались передавать все полномочия Ленину и его ближайшим подельникам.

Через два месяца в Париже «состоялось совещание представителей группы «Вперед», большевиков-примиренцев, меньшевиков-партийцев, «Голоса Социал-Демократа», «Правды» и Заграничного Комитета «Бунда», которые обсудили выпущенное новым Центральным Комитетом извещение о состоявшейся конференции и ее решениях, решило не признавать произведенного переворота и приглашало все партийные организации к протесту и содействию созвать действительно общепартийную конференцию. Все эти организации вели против ленинцев горячую агитацию; особенно настойчиво выступал против них в своей «Правде» Троцкий.» (60)

В итоге, в августе 1912 года в Вене состоялась еще одна конференция, под председательством Троцкого. На ней присутствовало 29 делегатов. На заседаниях были констатировано плохое положение дел на местах. Разгорячившийся Мартов назвал Ленина и его сообщников «политическими шарлатанами», что вызвало бурю эмоций. В заключение был выбран руководящий для России центр — «Организационный комитет». (61)

В общем, как мы видим, никакого объединения РСДРП во главе с Лениным не произошло. И несомненно, что никакого «окончательного» контроля над деньгами и партийными органами Ленин не получил.

8

Но вернемся в Россию к Якову Михайловичу. Во второй половине января 1912 года пребывавший в ссылке новоиспеченный член ленинского варианта ЦК, был возвращен в Колпашево, а затем, в феврале, переведен в Нарым.

В середине сентября 1912 года к Свердлову приезжает жена с сыном. В конце того же месяца Яков Михайлович, вместе с семьей, поселен в деревне Костыревая, в 30 километрах от Нарыма.

В ночь с 5 на 6 декабря 1912 года неугомонный Яков Михайлович вновь бежит из ссылки и вскоре объявляется в Петербурге.

В первом же письме из Петербурга от 23 декабря 1912 года Яков Михайлович делится своими впечатлениями, отмечает, что тираж «Правды» за лето упал до 12-14 тысяч экземпляров. (62)

Это было огромной проблемой для большевиков, ведь еще в мае 1912 года тираж «Правды» составлял 60 000 экземпляров. (63)

Петровский написал об этом петербургском периоде деятельности Свердлова: «Яков Михайлович очень быстро включился в партийную работу. Он помогал нам в работе думской фракции, занимался «Правдой», работал в Бюро ЦК, руководил Петербургским комитетом.» (64)

Особое внимание Свердлов уделил газете, он не только редактировал все материалы, но и верстал газету. К середине февраля тираж повысился до 28 400 экземпляров. (65)

9 февраля из Сибири возвращается Новгородцева с сыном. А уже 10 февраля следует традиционный пируэт: и Свердлова, и его жену вновь арестовывают. Руку к их аресту приложил уже упоминавшийся агент охранного отделения и по совместительству большевик, член ЦК РСДРП и личный друг Ленина — Роман Малиновский.

В мае 1913 года Яков Михайлович выслан в Туруханский край, входивший в те годы в состав Енисейской губернии. Административным центром края было село Монастырское, находившееся на отдалении более тысячи километров от ближайшего железнодорожного пункта — Красноярска.

Новгородцева пишет: «В Монастырском была почта, телеграф, отделение государственного банка, две бакалейные лавочки, школа

и даже больница. Там же находилось полицейское управление отдельного туруханского пристава, несколько десятков стражников, мировой судья и, конечно, острог. […] Все население Монастырского не превышало нескольких сот человек.» (66)

В Монастырское Свердлов был доставлен в конце июля 1913 года. Через некоторое время сюда же прибывает и еще один известный большевик Сталин.

Скажем еще, что в 1913 году у Свердлова и Новгородцевой появился еще один ребенок — родилась дочь Вера.

Из Монастырского Свердлова направляют на тридцать верст севернее, в деревню Селиваниха. Сталина переводят в деревню Костино.

С 20 по 27 сентября 1913 года «у Я.М. Свердлова в Селиванихе гостит И.В. Сталин, они вместе посылают письмо товарищам в Петербург с просьбой выслать деньги для организации побега.» (67)

Осенью в руководстве большевиков обсуждается возможность организовать «коллегам» побег. Об этом становится известно полиции.

18 декабря 1913 года департамент полиции сообщает енисейскому губернатору:

«Яков Свердлов, Иосиф Джугашвилли намереваются бежать из ссылки. Благоволите принять меры к предупреждению побега.» (68)

Через некоторое время предупреждение повторяется, затем еще и еще. В итоге, «в середине марта 1914 года Свердлова из Селиванихи, а Сталина из Костино перевели в невероятную глушь, в далекий станок Курейка, гиблое место, где было всего три-четыре десятка жителей, несколько стражников и лишь двое ссыльных — Свердлов и Сталин. По сравнению с Курейкой даже Монастырское казалось крупным, оживленным центром.» (69)

Свердлов — жене:

«Меня и Иосифа Джугашвили переводят на 100 верст севернее, севернее Полярного круга на 80 верст... Деньги необходимы и мне и ему. Но на наше имя посылать нельзя. Сообщи об этом друзьям. Впрочем, я уже писал тебе, что у меня есть долг и можно посылать не мне, а непосредственно кредиторам. Адреса их сообщу. Толь-

ко нужно помечать на купоне: «В счет долга Я.М.». Все, что просил, жду. Напишу уже из Курейки; никому, кроме тебя, в Питер не пишу....» (70)

Не правда ли, интересно, каково происхождение «долга» пламенного революционера, руководителя многочисленных боевых дружин? И кто именно являлся «кредиторами»? Ответа на эти вопросы пока не имеется.

Тем временем, в заполярной Курейке Свердлов и Сталин проживают под одной крышей.

Вот как отозвался Свердлов о Сталине в своем письме от 12 марта 1914 года.

«Он очень живой человек и сохранил, несмотря на свои сорок лет, способность живо реагировать на самые различные явления. Во многих случаях у него возникают новые вопросы там, где для меня их уже нет. В этом смысле он свежее меня. Не подумай, что я ставлю его выше себя. Нет, я крупнее, это он сам осознает.

Теоретические вопросы вызывают мало споров. Да и нет особого интереса спорить с ним, ибо у меня значительный перевес... Поспорили, сыграли партию в шахматы, я дал ему мат, затем разошлись за поздним временем. А утром снова встретимся, и так каждый день: нас на Курейке всего двое...» (71)

Уточним, что в этом письме 28-летний Яша говорит о 36-летнем «товарище».

Вообще, отношения между Свердловым и Сталиным устанавливаются очень своеобразные. Свердлов, например, в письмах жене и соратникам называет Сталина «Васькой» (партийные клички последнего - «Коба» и «Василий»). Сталин, вероятно, в ответ, называет свою собаку «Яшкой».

Хрущев в своих мемуарах приводит рассказ Сталина о тех днях.

«Мы готовили себе обед сами. Собственно, там и делать-то было нечего, потому что мы не работали, а жили на средства, которые выдавала казна: на три рубля в месяц. Еще партия нам помогала. Главным образом мы промышляли тем, что ловили нельму. У меня была собака, я ее назвал Яшкой». Конечно, это было неприятно Свердлову: он Яшка и собака Яшка. «Так вот, — говорил Сталин, — Свердлов, бывало, после обеда моет ложки и тарелки, а я никогда этого не делал. Поем, поставлю тарелки на земляной пол, собака все вылижет — и все чисто. А тот был чистюля.» (72)

Сделаем скидку на личную неприязнь Никиты Сергеевича к Иосифу Виссарионовичу, и все же согласимся, что полностью выдумать данный отрывок «товарищ» Хрущев не мог.

В целом, отношения между Свердловым и Сталиным не стали дружескими — это очевидно. Однако, вполне возможно, что именно при вынужденном достаточно тесном общении Сталин смог оценить всю «величину личности» своего компаньона по ссылке. И позже, когда Свердлов непринужденно обходил на карьерной лестнице всех своих конкурентов, именно Сталин, как никто другой, мог оценить методику, которой руководствовался Яков Михайлович. И не просто оценить, а принять ее, как руководство к действию.

В конце сентября 1914 года Свердлов переведен из Курейки в Селиваниху.

В июне 1915 года в село Монастырское, куда к тому времени перевелся Свердлов, приехала Новгородцева с детьми. Позднее, жена Якова Михайловича вспоминала, что только в Туруханском крае они и смогли пожить по-семейному.

Вообще, время, проведенное семьей Свердловых в последующие полтора года, можно назвать спокойным. Яков Михайлович читает лекции ссыльным, пишет «Очерк Туруханского края», несколько политических статей, в частности — «Раскол в германской социал-демократии».

Отдельным пунктом стоит то, что несколько ссыльных, во главе со Свердловым, добились от енисейского генерал-губернатора разрешения на участие в местном кооперативе. Государственный чиновник не усмотрел ничего предосудительного в желании революционеров подзаработать на пушнине, которой столь богат русский север.

Семейная жизнь закончилась в начале марта 1917 года, когда Свердлов получил сообщение о победе февральского переворота в Петрограде, сопровождаемого объявлением амнистии имени Керенского, и на следующий же день, оставив жену с детьми в Монастырском, выехал в Красноярск.

Шамбаров: «Едва прозвучала амнистия, он мгновенно собрался в дорогу. Бросив в Монастырском жену, детей, дом, корову, хозяй-

ство. Вдвоем с ближайшим приятелем Шаей Голощекиным. Впрочем, не забыли взять у пристава по 50 рублей «подъемных», как полагалось освобождаемым ссыльным.» (73)

В итоге, преодолев путь в тысячи километров, Свердлов и Голощекин прибыли в Петроград 29 марта 1917 года.

9

Вообще, в конце февраля — начале марта в Петербурге произошли весьма важные события, не совсем заслуженно получившие громкое название «февральская революция», В реальности, в результате заговора думской оппозиции и армейской верхушки, был отстранен от власти Государь Николай II, а власть перешла к Временному правительству во главе с бывшим членом еще 1-й Государственной Думы князем Г.Е. Львовым. В состав правительства, в качестве министра юстиции, вошел А.Ф. Керенский, ставший одновременно одной из ключевых фигур Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Именно Керенскому суждено было впоследствии возглавить третий состав Временного правительства, а затем и «передать» власть большевикам. А пока, именно Александр Федорович и объявил ту самую амнистию, в результате которой Яков Михайлович, а также сотни и тысячи других «пламенных революционеров» смогли безнаказанно вернуться в Россию из ссылки и эмиграции.

Нельзя не отметить и такой интересный момент — февральскую революцию большевики решительно прозевали.

Так, например, еще 9 января 1917 года, Ленин в своем докладе о революции 1905 года, произнесенном на собрании швейцарской рабочей молодежи, о революции будущей говорил весьма пессимистично.

«Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции». (74)

А как же «вождь пролетариата» узнал о случившимся в России перевороте? А вот как...

15 марта 1917 года на ленинскую квартиру в Цюрихе явился польский социал-демократ Бронский.

«- Вы ничего не знаете?! В России революция! Все у озера. Там под навесом вывешены и «Цюрхер пост» и «Нойе цюрхер цайтунг». И в обеих написано, что 14 сего марта, то есть по вашему старому стилю 1-го, победила революция в Петербурге. У власти 12 членов Государственной думы, а министры все арестованы...

Вскоре они сами у озера читали скупые телеграфные сообщения. Стояла огромная толпа, в основном из русских политических эмигрантов, а также поляков , евреев, украинцев. Все говорили, перебивая друг друга, кричали, смеялись, некоторые обнимались...» (75)

Начитавшись швейцарских газет, Владимир Ильич поспешил черкнуть несколько строк Инессе Арманд. В этом письме и содержится первое упоминание Ленина о февральской революции:

«Мы сегодня в Цюрихе в ажитации: от 15.III есть телеграмма в «Zurcher Post» и в «Neue Zurcher Zeitung», что в России 14.III победила революция в Питере после 3-х дневной борьбы, что у власти 12 членов Думы, а министры все арестованы». (76)

К этому пораженный «вождь революции» добавил: «Коли не врут немцы, так правда». (77)

А вот как весть о перевороте в Петрограде дошла до Антонова-Овсеенко. С его собственных слов: «Вдруг вбегает... Кто — не помню... К нашему столику...

- В России — революция!.. Да, да! Царь отрекся... в пользу Михаила... Образовалось Временное правительство во главе со Львовым...» (78)

Александра Коллонтай:

«Я возвращалась из города Хольменколлен. Думала купить газету, но не успела. Только что села в вагон, гляжу, на первой странице газеты у моего соседа крупными буквами написано: РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ. Сердце задрожало. Сразу почему-то поверилось: это не... блеф, это — серьезно.» (79)

Но если часть большевиков осела в Швейцариях и всяких прочих Норвегиях, то были и те, кто пребывал в сибирской ссылке, то есть в самой России. Но, посмотрите, как похоже звучит:

«В начале марта в Монастырское пришло известие о Февральской революции: царское самодержавие свергнуто! Ссылка была потрясена...» (80)

Собственно, это о Свердлове, но ведь и не только.

Ближе к середине марта и далее в столицу России стали прибывать десятки и сотни осмелевших революционеров.

Например, Сталин прибыл в столицу 12 марта из Ачинска; 3 апреля — из Швейцарии, через Германию и Швецию, прибыл Ленин; 4 мая, одним из последних — из США — Троцкий.

Что касается Свердлова, явившегося в Питер 29 марта, то осмотревшись, собрав нужную информацию о раскладе сил в партии и убедившись, что стать крупной фигурой, что называется «с ходу», шансов очень мало, 3 апреля, еще до прибытия в Россию Ленина, Свердлов выезжает на Урал. Прибыв в Екатеринбург, останавливается у своего бывшего боевика Юровского, который обеспечивает «шефа» всеми нужными контактами.

«Новый партийный актив, сколоченный Свердловым на «рабочем» Урале, оказался как на подбор — Юровский с женой Маней Янкелевной, Шейнкман, Цвиллинг, Вайнер, Сосновский, Жилинский, Крестинский, Герцман. Да и то сказать, времени у Свердлова было в обрез. Он спешил. Он всего за 10 дней сколотил «уральскую организацию большевиков».» (81)

И вот, с 15 по 17 апреля под единоличным руководством Свердлова проводится Первая Свободная Уральская областная конференция РСДРП, на которой представлены 43 организации и 16 000 организованных членов партии. Большинство этих организаций и их членов существуют лишь на бумаге.

Сам Яков Михайлович позже сообщил, что «до революции только в 9 местах из 43 велась нелегальная работа». (82)

Однако представительность сборища впечатляет, особенно если верить исключительно его устроителям.

А дальше все логично. Конференция избирает делегатов на VII Всероссийскую (Апрельскую) конференцию РСДРП(б). И вот во главе этой делегации Яков Свердлов вновь едет в Петроград.

«Но теперь-то он приезжает в столицу не в качестве одного из многих освобожденных ссыльных! Не в качестве одного из сотен активистов прошлой подрывной деятельности. Нет, теперь он - «вождь уральских большевиков». Он — руководитель крупной областной организации!» (83)

И 18 апреля 1917 года Яков Свердлов впервые лично встретился с Лениным, уже как главарь уральских большевиков.

«Он как бы «поклонился» Ленину Уралом. Сразу выделившись из прочего разношерстного партийного окружения вождя. И сразу сумел навязать ему свои услуги.» (84)

Тут мы вспомним обстоятельства приезда Ленина в Петроград. Да, встреча была торжественной, однако, уже на следующий день часть встречающих раскаивалась в своем поступке.

Вот один из многочисленных примеров. «Инициатором выступления Ленина с броневика был командир матросов Максимов. На следующий день, узнав об обстоятельствах приезда Ленина в Петроград, то есть о том, что тот ехал на германские деньги и в германском вагоне, Максимов вместе с матросами-балтийцами выпустили резолюцию: «Узнав, что товарищ Ленин вернулся в Россию с согласия германского кайзера, выражаем глубокое сожаление по поводу его встречи в Питере. Если бы мы знали, то вместо криков «ура», мы бы сказали: «Вон отсюда, возвращайтесь в ту страну, через которую вы к нам ехали».» (85)

А после того, как Ленин огласил свои «Апрельские тезисы», Петроградский комитет большевиков не принял их, проголосовав: 2 человека «за», 13 «против», воздержался один.

В такой ситуации 24 апреля открылась VII Всероссийская конференция РСДРП(б).

С.И Гопнер вспоминала:

«Впервые я встретилась с Яковом Михайловичем Свердловым в апреле 1917 года на VII Всероссийской партийной конференции, в которой я участвовала как делегат от Екатеринослава.

Еще до начала конференции и особенно в ходе работы конференции бросалось в глаза, что Я.М. Свердлов являлся правой рукой Ленина по руководству работой конференции. В первый день конференции Свердлов был избран в президиум, состоявший всего из пяти человек.» (86)

Шамбаров: «Вот тут-то и подвернулся Свердлов! Да еще и не один, а с делегацией. Всего-то 9 человек, но спаянных, сплоченных, Яков Михайлович их сам отбирал. Это была чуть-ли не единственная дисциплинированная делегация, послушная каждому

слову и мановению руки своего вожака. Как вспоминала делегат от Москвы М.М. Костеловская: «Приехали уральцы с Я.М. Свердловым во главе. Они поражали своей спайкой, организованностью и крепкой преданностью Ильичу. С их приездом сразу повеселело. Они стали организующим центром на конференции».» (87)

Интересно, что первоначально «швейцарский эмигрант» выступил против избрания «бывшего ссыльного» в секретари ЦК. Однако наличие «делегации» перевесило все остальные соображения.

Троцкий пишет, что, впоследствии, когда Ленин «оценил» Свердлова, то говорил: «А ведь мы были вначале против его введения в Центральный Комитет, до такой степени недооценивали человека! На этот счет были изрядные споры. Но снизу нас на Съезде поправили и оказались целиком правы!» (88)

«На самом деле, до сих пор неясно, кто «поправил» Ленина и убедил его, или заставил, включить Свердлова в партийное руководство. Но именно с этого момента начинается стремительный карьерный рост Якова Свердлова. Не будучи ни крупным организатором-теоретиком партии, ни выдающимся оратором, тридцатидвухлетний Свердлов сразу же и прочно выдвигается в первые ряды большевистского руководства.» (89)

Фактически на апрельской конференции был создан кулак, которым большевики собирались нанести удар по Временному правительству, пока еще не совсем единый, но уже представляющий немалую опасность для последнего.

Для Свердлова же главным итогом стало то, что он вошел в новый, тогда еще немногочисленный Центральный Комитет. Вместе с Лениным, Сталиным, Милютиным, Ногиным, Каменевым, Зиновьевым... Вышел в первый ряд партийного руководства. И тут же выдвинулся на роль «правой руки» Ленина.

Мало того, что Свердлов становится членом ЦК РСДРП, он еще и возглавляет Секретариат ЦК — главный исполнительный орган, предназначенный для реализации решения вождей партии.

«Как секретарь ЦК Свердлов занимался распределением и расстановкой партийных сил. Испытанные большевики, возвращавшиеся из тюрем и ссылок, передовые питерские рабочие, прошедшие великолепную школу революционной борьбы, направлялись Центральным Комитетом в качестве инструкторов и организа-

торов, агитаторов и пропагандистов по всей стране, в армию, во флот.» (90)

«Свердлов хорошо понял, какие возможности дает руководство аппаратом ЦК. И добился, чтобы был определен и сформулирован круг обязанностей Секретариата. Причем круг этот по сравнению со временами Стасовой значительно расширился. В ведение Секретариата были включены ведение документации, финансы ЦК, учет, кадровые вопросы — подбор и направление работников на места, связь с местными органами партии, текущая переписка, рассылка директив, указаний и инструкций ЦК, ответы на запросы с мест...» (91)

Но и это не все. При ЦК партии была создана муниципальная группа, которую возглавил Свердлов. Задачей этой группы было: распространение большевистского влияния на муниципальные учреждения — городские и районные думы, земства. О солидности «группы» говорит ее состав, помимо Якова Михайловича, в нее входили Луначарский, Подбельский, Крупская... (92)

А еще, «Свердлов был избран в состав думы Петроградского района и принимал участие в ее работе в качестве заместителя председателя думы». (93)

Шамбаров: «И Яков Михайлович принялся завоевывать для Ленина партию! Впервые применив для этого «кадровые методы». Свердлов в полной мере сумел понять — чтобы взять под контроль ту или иную организацию, вовсе не обязательно убеждать людей и обеспечивать численное большинство. Не обязательно даже обеспечивать большинство в руководящих органах. Достаточно выделить главные, ключевые посты — и расставить на них своих «верных» людей. Пусть немногих, единицы. Сумел расставить — и вся организация твоя!» (94)

Троцкий констатирует:

«Значительную часть своей организационной работы Свердлов вел как председатель ВЦИК, пользуясь членами ВЦИК для различных назначений и отдельных поручений. «Столкуйтесь со Свердловым!» - советовал по телефону Ильич во многих случаях, когда к нему обращались с теми или другими затруднениями. «Надо столковаться со Свердловым», говорил себе новоиспеченный советский «сановник», когда у него выходил разнобой с сотрудниками.

Один из путей решения первостепенных практических вопросов состоял — по неписанной конституции — в том, чтобы «столковаться со Свердловым».» (95)

Отметим, что на данный момент достаточно хорошо известны каналы финансирования Ленина. В первую очередь, потому, что эти деньги шли от Германии, то есть от явного врага. А это не могло не привлечь пристального внимания. Тот же Троцкий, был связан с США и Англией — официальными союзниками России. Поэтому, переводы денег из этих стран не вызывали особых подозрений и не порождали скандалов. Или тот же Свердлов, младший брат которого Вениамин, как мы помним, возглавлял в США свой небольшой банк и занимался, в том числе, переводами денег от американских эмигрантов в Россию. Попробуй проследи, как использовали эти суммы адресаты, и не попадали ли определенные средства в распоряжение среднего брата Якова.

И еще о деньгах. Одним из первых деяний Свердлова — реорганизация Секретариата ЦК. Таким образом, что в его ведение попадают, кроме подбора и расстановки кадров, еще и финансы.

Шамбаров: «И вот этот факт сразу заставляет призадуматься. Финансирование было строжайшей тайной, к которой имели доступ даже не все члены ЦК, а лишь узкий круг посвященных. А Свердлова, едва он появился в ленинском окружении, с ходу допускают к «святая святых». Уже из одного этого видно, что человек, чей братец обретался под одной крышей с клубом американских банкиров и дружил с британскими разведчиками, очутился рядом с Лениным не случайно. И победа на Апрельской конференции была достигнута не только организационными талантами Якова Михайловича — сработали закулисные силы, продвинувшие нужную фигуру в нужное место и помогшие выиграть внутрипартийную борьбу.» (96)

10

3-4 июля 1917 года Петроград сотрясло антиправительственное выступление большевиков. Однако усилий солдат 1-го пулеметного полка, кронштадских матросов и небольшого числа примкнув-

шим к ним рабочих петроградских заводов оказалось недостаточно, чтобы свергнуть Временное правительство.

В самый ответственный момент большая часть вооруженных митингующих разбежалась при первых же энергичных действиях казаков и подразделений Конной артиллерии.

К тому же, «вечером 4 июля служба контрразведки пригласила в здание Генштаба представителей нескольких полков Петроградского гарнизона. Их вкратце ознакомили с делом Ленина. Материалы буквально шокировали солдат. При этом в газетах решили опубликовать только часть разоблачающих материалов. А остальные документы правительство неосмотрительно решило оставить до судебного процесса, который поставит большевиков вне закона». (97)

Со скандальными материалами солдат и общественность знакомят по распоряжению министра юстиции Временного правительства Павла Николаевича Переверзева.

Вот, например, документ, подписанный бывшим членом Второй Государственной думы Григорием Алексинским и касающийся переводов денег большевикам.

«В соответствии с только что полученной информацией, этими доверенными лицами в Стокгольме были: большевик Яков Фюрстенберг, более известный под именем Хансцки (так в тексте — Ю.Б.) (Ганецкий), и Парвус (д-р Гельфанд); в Петрограде: большевистский адвокат М.У. Козловский, Суменсон, родственница Ханецкого, занимавшаяся спекуляцией вместе с Ханецким, и другие. Козловский — главный получатель германских денег, которые переводятся из Берлина через посредство акционерного общества «Дисконто-Гезельшафт» в стокгольмский «Ниа Банк», а оттуда в «Сибирский Банк» в Петрограде, где сальдо его счета в настоящее время равно более чем 2 000 000 рублей. Военная цензура раскрыла непрерывный обмен телеграммами политического и финансового характера между германскими агентами и лидерами большевиком /Стокгольм-Петроград/.» (98)

Пользуясь тем, что солдаты гарнизона охладели к мятежу на фоне «ленинского досье», правительство начало решительные действия утром 5 июля, когда сводные отряды георгиевских кавалеров и юнкеров начали разоружение большевистских отрядов.

Кстати, у сочувствовавших большевикам солдат и матросов, арестованных в связи с июльским мятежом, было изъято большое количество фальшивых десятирублевых банкнот, «с двумя подчеркнутыми цифрами», завезенных из Германии. (99)

Символично, что именно фальшивками расплачивались большевики с поддержавшими их людьми.

Милюков: «Факт подкупа влиятельнейших вождей революции германскими деньгами был установлен официальной следственной властью, хотя и не были еще обнародованы те данные иностранной разведки, которые стали известны впоследствии, в начале 1918 г.» (100)

9 июля Плеханов писал в газете «Единство»:

«Беспорядки на улицах столицы русского государства, очевидно, были составной частью плана, выработанного внешним врагом России в целях ее разгрома. Энергичное подавление этих беспорядков должно поэтому с своей стороны явиться составной частью плана русской национальной самозащиты.» (101)

Знаменитый народник Владимир Бурцев: «Среди большевиков всегда играли и теперь продолжают играть огромную роль и провокаторы и немецкие агенты. О тех лидерах большевиков, по поводу которых нас спрашивают, не провокаторы ли они, мы можем ответить: они не провокаторы... Но благодаря именно им: Ленину, Зиновьеву, Троцкому и т.д. в те проклятые черные дни 3, 4 и 5 июля Вильгельм II достиг всего, о чем только мечтал... За эти дни Ленин с товарищами обошлись нам не меньше огромной чумы или холеры.» (102)

5 июля Ленину удалось уйти из редакции «Правды» всего за несколько минут до появления юнкеров. Свердлов решил укрыть вождя на квартире Марии Сулимовой, секретаря боевой технической группы в 1905-1907 годах, после февраля 1917-го - секретаря военной организации большевиков.

«5 июля утром в моей квартире раздался звонок, — вспоминает М.Л. Сулимова, — и когда я открыла дверь, то увидела Якова Михайловича, а за ним Владимира Ильича. Владимир Ильич рассказал мне о разгроме «Правды», но тут бразды правления взял Свердлов. «Владимир Ильич останется пока здесь, — заявил Яков

Михайлович, — и вы отвечаете за него головой. Никуда из квартиры не выходите К телефону на все звонки будете подходить сами. Организуйте, чтобы были газеты».

Владимир Ильич пробыл у меня около двух дней, а потом ушел. Пока он был, Яков Михайлович заходил несколько раз, совещался с Владимиром Ильичем».» (103)

«Хозяйке квартиры Ленин говорил: «Вас, товарищ Сулимова, возможно, арестуют, а меня могут и подвесить».» (104)

В ночь с 9 на 10 июля Ленин подался в бега. В последующие дни, вплоть до 8 августа, Ленин и его подельник Зиновьев скрывались сначала на чердаке у рабочего Сестрорецкого оружейного завода, а затем в «легендарном» шалаше на берегу Разлива (искусственного озера, созданного во времена Петра I путем запруды реки Сестры и реки Черной).

Затем, уже в одиночку, Владимир Ильич перебрался на территорию Финляндии, где и скрывался вплоть до октября, время от времени, посредством статей и писем, обращаясь к оставшимся в Петрограде подельникам.

Между тем, Луначарского удивил следующий факт:

«В высшей степени странно, что в то время, как был отдан приказ об аресте Ленина, а я и целый ряд других большевиков и левых эсеров посажены были в тюрьму, Свердлов не был арестован, хотя буржуазные газеты прямо указывали на его руководящую роль в том, что они называли «восстанием». Во всяком случае, это позволило Свердлову быть, насколько я знаю, главным руководителем партии в тот роковой момент и придать ей бодрый дух, несмотря на понесенные ею поражения.» (105)

И действительно, в середине июля Свердлов в телеграмме провинциальным комитетам партии сообщает: «Настроение в Питере бодрое. Растерянности нет. Организация не разбита.» (106)

А еще, 26 июля в Петрограде, под самым носом Временного правительства начал работу VI съезд РСДРП(б), проработавший аж до 3 августа.

«Утром 28-го кадетская «Речь» напечатала материал «Съезд большевиков», из которого явствовало, что и о самом съезде и о его ходе имеется достаточно полная информация.» (107)

Почему же Керенский не отдал приказ арестовать всех его участников, ведь эти люди совсем недавно пытались свергнуть Временное правительство? Некоторые «историки» дают такое «объяснение»: в открытой печати было объявлено о созыве съезда, но не было указано место его проведения.

Ничего не скажешь - «сильный» аргумент, особенно для спецслужб.

Однако еще 15 июля, готовясь к означенному мероприятию, Свердлов разослал «Циркулярное письмо ЦК РСДРП(б)» всем местным организациям, в котором было четко прописано:

«Съезд не откладываем. Соберется 25-го. Просим направлять делегатов в Питер. Адрес: Б.-Сампсониевский прспект, №62, Районный Комитет.» (108)

Если учесть количество адресатов по всей России, то могло ли быть, что ни одно письмо так и не попало в руки полиции? Крайне сомнительно.

Остается напомнить также, что в съезде участвовало 267 человек, и вся эта толпа перемещалась по городу совершенно открыто, ибо заседания проходили днем.

Для нас VI съезд интересен несколькими деталями.

Первое.

На съезде произошло формальное объединение большевиков и «межрайонцев» (Межрайонной организации объединенных социал-демократов) во главе с Троцким. Хотя, справедливости ради, надо отметить, что последний уже давно работал в тесном контакте с Лениным и его подельниками.

Второе.

Сам Ленин на съезде отсутствовал. Продолжал прятаться в Финляндии. Ну не мог «пролетарский вождь» рисковать своей драгоценной шкурой.

Третье.

“27 июля 1917 года Свердлов делает Организационный отчет ЦК VI съезду партии. Судя по тексту отчета, он совершенно не знал расстановку сил, был далек от практической работы партии. Доклад путанный: о фракциях, о том, что есть большевики, - ни слова. Даже слово «большевик» не произнесено ни разу.» (109)

Это очень показательно. Видимо, Свердлова просто не интересуют никакие «расстановки». Это возможно лишь при одном условии - если он чувствует за собой поддержку сил, более могущественных, чем силы, стоящие за его возможными конкурентами.

И четвертое.

Съезд избрал Центральный Комитет. Туда, кроме Ленина, Зиновьева, Каменева, Бухарина и других хорошо известных партийцев, вошли два «межрайонца» - Троцкий и Урицкий, а также с легкостью вошел и Яков Свердлов, даже несмотря на то, что плохо представлял себе, что, собственно, такое - большевики.

Суханов: «Уже в конце июля состоялся новый съезд большевиков. Это был уже объединительный съезд, на котором формально слились партия Ленина, Зиновьева и Каменева с группой Троцкого, Луначарского и Урицкого.» (110)

О пропаганде...

Закрытие правительством газеты «Солдатская правда» не слишком долго печалило большевиков. Вскоре началось издание другой газеты — «Рабочего и солдата». Благо в деньгах не было недостатка.

Подвойский передает со слов Свердлова, что когда Яков Михайлович продемонстрировал первый номер новой газеты Ленину, последний «плясал от радости». (111)

После провала июльского восстания, наибольший ущерб понесла большевистская Военная организация, главной задачей которой было — заручиться поддержкой солдат Петроградского гарнизона.

Хотя разработанные правительством планы по разоружению и расформированию зараженных большевизмом полков осуществились лишь частично, значительный процент наиболее энергичных партийных руководителей в воинских частях оказалось в тюрьме, или были выдворены из военных казарм. Связь лидеров Военной организации с войсками временно прервалась. (112)

Следствием этого стали разногласия между Военной организацией и ЦК большевистской партии. Последний даже приказал «курировавшему» Балтийский флот Ивару Смилге «изъять и передать в распоряжение центрального партийного органа» деньги Военки, выделенные для публикации газеты «Рабочий и солдат». (113)

16 августа на совещании ЦК партии было подтверждено подчиненное положение «Военки». Для надзора ее за деятельностью ЦК делегировал Свердлова и Дзержинского. (114)

11

24 июля 1917 года было создано коалиционное правительство (третий состав Временного правительства), в которое вошли 7 представителей социалистических партий (меньшевиков и эсеров) и 4 кадета. Возглавил правительство А.Ф. Керенский, Верховным главнокомандующим был назначен генерал Л.Г. Корнилов.

Пользовавшийся огромным авторитетом в армии, Лавр Георгиевич требовал установить государственную власть, независимую от «самочинных» организаций (Советов) вплоть до Учредительного Собрания, продолжать войну вместе с союзниками до заключения скорейшего мира, обеспечивающего жизненные интересы России. Для этого последнего требовалось восстановление боеспособной армии, последовательно, начиная с февраля 1917 года, разрушаемой революционной пропагандой, а также организованного тыла. Для успешного решения этих задач Корнилов требовал укрепить дисциплину, вернув ранее отмененную смертную казнь.

Программа Верховного главнокомандующего была поддержана главой Временного правительства, однако ее осуществление было признано «несвоевременным», что вызвало конфликт между Корниловым и Керенским, который вылился в так называемый «Корниловский мятеж».

По сути, передача всей полноты власти генералу Корнилову было последней мерой, которая могла бы ликвидировать опасность со стороны большевиков. Однако Керенский, на наш взгляд, совершенно осознанно не пошел на это, спровоцировав «мятеж».

Стариков: «В тот момент выбор у главы правительства Александра Федоровича Керенского был очень простой: Корнилов или Ленин. Корнилов - это порядок, наведенный жесткой рукой, повешенные на столбах дезертиры и перспектива победы в войне. Ленин - это порядок, наведенный еще более жестокими методами,

Гражданская война, Брестский мир, распад, потеря территорий и мучительное завоевывание их обратно. Корнилов — это сохранение страны, той России, что удивляла мир своим развитием. Ленин — это невиданный эксперимент, создание чего-то нового ценой миллионов жизней. Детские трупики, расстрельные рвы и тифозные бараки.

Выбор будущего России сделал Керенский. Он твердой рукой выбирает своего земляка Ульянова. Поддавки, есть поддавки...» (115)

Историк Р. Пайпс: «Чтобы нейтрализовать призрачный мятеж Корнилова и остановить части Крымова, подходившие к Петрограду, Керенский попросил помощи у Исполкома. На заседании в ночь с 27 на 28 августа Исполком, по предложению меньшевиков, решил создать Комитет по борьбе с контрреволюцией. И, поскольку единственной силой, которую мог привлечь Исполком, была боевая организация большевиков, большевики оказались в роли руководителей вооруженных формирований Совета... Керенский обратился к большевикам и напрямую, попросив их оказать помощь в борьбе с Корниловым.» (116)

В итоге, в выигрыше от корниловского «мятежа» оказались Керенский и большевики.

1 сентября Александр Федорович организовал Директорию — новый орган власти из пяти министров: А.Ф. Керенский, М.И. Терещенко, А.И. Верховский, Д.Н. Вердеревский, А.М. Никитин. Сам Керенский получил практически неограниченные властные полномочия.

А еще — 1 сентября 1917 года была провозглашена Российская Республика.

«В усталой и потерявшей веру стране, словно никто и не заметил, что, объявляя республиканский строй в России, Керенский присвоил себе полномочия Учредительного собрания. Ведь именно оно только и могло решить дальнейшую судьбу государственного устройства. И этот основной вопрос Керенский практически решил самолично, с народом не посоветовавшись. После такого отношения к Учредительному собранию, его созыв начинал казаться чисто декоративным актом. Апатия к происходившему в стране нарастала у населения пугающими темпами. Этого Керенский и

добивается: когда Ленин будет свергать власть, за надоевшее всем Временное правительство никто не должен вступиться.» (117)

В добавок ко всему, 8 сентября Керенский ликвидирует отдел политической контрразведки, лишая, казалось бы, самого себя главного источника информации о готовящемся против Временного правительства и него лично большевистского заговора.

А 9 сентября выпущенный из под ареста Лев Давидович Троцкий возглавил Петросовет, что положило начало его ускоренной большевизации.

И еще: Керенский, вольно или невольно, сыграл на руку своим злейшим «противникам», дал возможность большевикам, чьи формирования были практически ликвидированы после июльских событий, вновь вооружиться.

Из правительственных арсеналов в распоряжение большевиков попало более 40 000 винтовок, которыми были вооружены рабочие отряды. (118)

12

В конце сентября 1917 года Ленина в его финском убежище застает тревожная весть.

«20 сентября по русскому — 3 октября по западному календарю Австро-Венгерское правительство обратилось через тайных посредников в Испании с совершенно секретным предложением к Англии вступить в переговоры о сепаратном мире под ее руководством. Британское правительство запросило мнение своих союзников — прежде всего Франции и России (во главе с министром-председателем Керенским); они сообщили о своей принципиальной готовности к переговорам.» (119)

Через месяц, 23 октября (5 ноября) русское Временное правительство получило через британского посла сообщение о том, что Австро-Венгрия предлагает начать мирные переговоры в тайне и сепаратно от Германии и ее союзников.

«Это важное событие временно должно было оставаться в тайне; кроме Керенского — с конца июля министра-председателя вместо князя Львова — и министра иностранных дел Терещенко это

было известно только пяти лицам Комиссии по иностранным делам, которые должны были дать обязательство не разглашать тайну.» (120)

Несмотря на формальное соблюдение всех предосторожностей, Ленин узнает о возможных мирных переговорах. Для него, как и для всех большевиков, окончание войны - это катастрофа. Мало того, что большевистские лозунги о мире теряли бы свою актуальность. Главное, что победа России в войне — а капитуляция Австро-Венгрии делала бы поражение Германии вопросом буквально нескольких недель — вызвала бы такой подъем патриотических чувств, что большевики, уличенные в работе на врага, призывающие к свержению правительства, приведшего страну к победе в войне, были бы сметены окончательно и бесповоротно.

Тем временем, германские покровители большевиков подводили предварительные итоги деятельности последних, при этом безусловно мечтая о большем.

Вот, например, одна из финансовых телеграмм, в которой непосредственно фигурирует имя Ленина.

«Стокгольм. 12 сентября 1917 г. Господину Фарзеру,

в Кронштадте (через Гельсингфорс).

Поручение исполнено, паспорта и указанная сумма 207 000 марок по ордеру Вашего Господина Ленина упомянутым в Вашем письме лицам вручены. Выбор одобрен его Превосходительством Господином Посланником. Прибытие названных лиц и получение контррасписок подтвердите.

С уважением Свенсон.» (121)

А вот телеграмма связного германского Генерального штаба в МИДе Верховному командующему сухопутных сил, Лернеру, от 29 сентября 1917 года.

«Широко задуманные и успешно осуществленные военные операции на Восточном фронте поддержаны подрывной работой в России. Мы приложили усилия к тому, чтобы способствовать националистически-сепаратистским устремлениям и мощно поддержать революционные элементы. Мы при этом действовали длительное время в полном единодушии с секцией политики в Берлине Генерального штаба действующей армии (капитан фон Гюльсен).

Наша совместная работа показала видимый успех. Движение большевиков без нашей постоянной широкой поддержки никогда бы не приобрело того размера и не достигло бы того влияния, которым оно сегодня обладает. Налицо все признаки его дальнейшего распространения...» (122)

В тот же самый день, 29 сентября 1917 года, один из главных распространителей «движения большевиков», все так же скрываясь в Финляндии, пишет статью «Кризис назрел».

«Не взять власти теперь, «ждать», болтать в ЦИК, ограничиться «борьбой за орган» (Совета), «борьбой за съезд» значит погубить революцию. Видя, что ЦК оставил даже без ответа мои настояния в этом духе с начала Демократического совещания, что Центральный Орган вычеркивает из моих статей указания на такие вопиющие ошибки большевиков, как позорное решение участвовать в предпарламенте, как предоставление места меньшевикам в президиуме Совета и т.д. и т.д. - видя это, я должен усмотреть тут «тонкий» намек на нежелание ЦК даже обсудить этот вопрос, тонкий намек на зажимание рта, и на предложение мне удалиться.

Мне приходится подать прошение о выходе из ЦК, что я и делаю, и оставить за собой свободу агитации в низах партии и на съезде партии. Ибо мое крайнее убеждение, что, если мы будем «ждать» съезда Советов и упустим момент теперь, мы губим революцию.» (123)

Это уже истерика — время уходит, война может закончиться, а вы собираетесь делить власть с другими партиями. Но для Ленина делить с кем-то власть невыносимо, особенно теперь, когда до заветной цели остается последний шаг. И тогда в дело идет шантаж — если вы не послушаете меня, я «выйду из ЦК». То, что вслед за Лениным из ЦК «уйдут» и немецкие деньги, подельники понимали очень хорошо.

И на этом этапе Ленин получает поддержку Троцкого.

«Именно Троцкий был первым, кто поднял в ЦК вопрос о бойкоте Демократического совещания, на что Ленин отреагировал восклицанием: «Браво, товарищ Троцкий!... Да здравствует бойкот!».» (124)

Ленина поддержали и другие члены ЦК (Свердлов, Сталин, Смилга, Сокольников, Бубнов) и Петроградского комитета (Лацис, Подвойский, Молотов и др.). По факту, обладатели отдельного от Ленина финансирования, и совершенно из других — не германских — источников, Троцкий и Свердлов, выступили за вооруженный переворот.

13

7 октября 1917 года, понимая, очевидно, что в его отсутствие процесс подготовки к перевороту не двинется с места, Ленин в сопровождении Эйно Рахья покинул Выборг, чтобы перебраться в Петроград. (125)

До Райволы ехали в пригородном поезде, затем Ленин перебрался в будку паровоза №293 к машинисту Гуго Ялаве. В Белоострове пересекли границу. На станции Удельная их ждал Эмиль Кальске, и они пошли к нему на квартиру переодеться. Там Владимир Ильич встретился с Зиновьевым. (126)

Кальске пишет, что слышал в соседней комнате «оживленную беседу, и, как по крайней мере я помню, Владимир Ильич не совсем был доволен тактикой наших руководящих товарищей партии. Спустя час Владимир Ильич в сопровождении Эйно Рахья направился на другую квартиру, расположенную на улице Сердобольской дом 1/92. Там в квартире №41, принадлежавшей Маргарите Васильевне Фофановой (1883-1976) — связной ЦК РСДРП(б) — было решено спрятать Ленина.

На квартире Фофановой Ленина посещают Крупская, М. Ульянова, Рахья, а кроме них — Свердлов, Троцкий, и даже Инесса Арманд. Дважды приходит член Московского комитета РСДРП(б) И.А. Пятницкий — отчитаться о готовности к восстанию москвичей.

10 октября 1917 года на квартире меньшевика-интернационалиста Николая Суханова (Карповка 32, кв.31) проходит заседание ЦК РСДРП(б), в составе: Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Свердлов, Сталин, Урицкий, Дзержинский, Коллонтай, Бубнов, Сокольников, Ломов (Оппоков) и Яковлева. Последние двое — представители Москвы. Председательствующий — Яков Свердлов.

«Как вспоминала Варвара Яковлева, — «собирались очень не конспиративно». Она, Ломов, Троцкий и Дзержинский успели даже посидеть неподалеку в кафе.» (127)

«На этом заседании ЦК, — вспоминал Ломов, — вопрос о восстании был подвергнут горячей дискуссии. Ленин, Свердлов, Сталин, Троцкий и мы, москвичи, решительно настаивали на резкой линии на восстание. Каменев и Зиновьев как-то неловко и слабо аргументировали в пользу необходимости всяческой оттяжки конфликта, доказывая нам утопизм, преждевременность вооруженного восстания, предрекая нашу изоляцию и т.д.» (128)

По итогам дискуссии, 10 голосами против 2 принимается резолюция о необходимости вооруженного восстания, в которой, в частности, сказано: «Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы.» (129)

Троцкий и Свердлов при голосовании, естественно, поддержали Ленина.

Кроме указанной резолюции, Центральный Комитет выбирает на этом заседании политический центр по руководству восстанием под названием Политическое бюро в составе: Ленина, Зиновьева, Сталина, Каменева, Троцкого, Сокольникова и Бубнова.

Как видим, Свердлов не входит в состав Политбюро, что кажется странным. Однако на самом деле, влияние Якова Михайловича нисколько не уменьшается, даже каким-то чудесным образом, становится больше.

То обстоятельство, что Свердлов не вошел в состав данного Политбюро, нисколько не мешало Якову Михайловичу председательствовать на последующих заседаниях ЦК. (130)

12 октября по предложению Троцкого был создан Военно-Революционный Комитет (ВРК), в состав которого вошли представители ЦК, петроградских и военных партийных организаций левых эсеров и большевиков, делегаты президиума и солдатской секции Петросовета, представители Красной гвардии, Центробалта, Центрофлота, а также представители фабрично-заводских комитетов. В составе ВРК было сформировано Бюро ВРК, главой

которого, как и самого ВРК, формально стал левый эсер П.Е. Лазимир, но основными действующими лицами являлись большевики Троцкий, Антонов-Овсеенко и Подвойский. Вместе с последним, «интересы» Свердлова представляли главы отделов ВРК: Аванесов (печати и информации), Голощекин (внутренней и внешней связи), Стучка (следственно-юридический).

Фактически ВРК стал легальным штабом большевиков для подготовки переворота.

На 16 октября срочно назначается расширенное заседание ЦК РСДРП(б). Фактически это было собрание партийного актива с участием членов ЦК.

«В протоколах этого форума так и записано - «собрание».» (131)

Накануне Свердлов договорился с Шотманом, что заседание будет проведено в одной из комнат Лесновско-Удельнинской районной думы, председателем управы которой был М.И. Калинин. Около 8 часов вечера здесь собрались члены ЦК РСДРП(б), представители Военной организации, Петроградского Совета, профсоюзов, фабзавкомов.

Ленин появился в сопровождении Шотмана, Рахьи и Зиновьева.

М. Лацис вспоминал: «Поздно вечером вместе с тов. Москвиным мы подкрадываемся к районной думе и встречаем там Калинина и еще двоих каких-то виданных и все же незнакомых людей. Только подойдя вплотную и слыша говор, мы спохватываемся, что это бритый Ильич и бородатый Зиновьев, изменившие свою внешность после июльских дней.» (132)

«И на этот раз Ленин применил все тот же порочный, неоднократно осужденный видными деятелями социал-демократии (Плеханов, Мартов, Богданов и др.) прием подбора участников собрания по своему вкусу. Так, из 26 человек, присутствовавших на собрании, члены ЦК составляли лишь треть. Остальные приглашенные, за редким исключением, были готовы поддержать любое предложение Ленина. С помощью Свердлова и Рахья он постарался отстранить тех участников заседания Петроградского комитета, от которых нельзя было ожидать поддержки.» (133)

Несмотря на «свердловский фильтр», перед Лениным вновь возникают трудности.

Сам Владимир Ильич огласил в начале «собрания» резолюцию ЦК, принятую 10 октября, добавив короткое заклинание о необходимости вооруженного восстания.

«Следом выступил Свердлов. Очевидно, для поднятия духа и моральной поддержки присутствующих он приподнес им очередную фальшифку о численности партии, сказав: «Можно считать, что теперь она объединяет не менее 400 тыс.».» (134)

Однако большинство ораторов, выступавших в прениях по докладу, сомневались в возможности взять власть в ближайшее время.

«Один за другим ораторы из числа сторонников выступления пытаются толковать резолюцию 10-го не как приказ центра, обязательный для партийных организаций, а как установление лишь основной тактики партии — «на восстание». В такой постановке как бы стираются острые углы разногласий. Сокольников находит, что «совершенно напрасно» толкуют резолюцию как «приказ выступать. Если бы оказалось, что события добудут отсрочку, то мы, конечно, ею воспользуемся». «Резолюция вовсе не приглашение завтра выступать», — толкует Калинин : она лишь «переводит вопрос из политики в стратегию». «День восстания должен быть целесообразен» — только так надо понимать резолюцию, по мнению Сталина. «Я смотрю на нее как на барометр, показывающий на бурю», — поясняет Степанов. «Резолюцию нельзя понимать как приказ выступать, это есть отказ от тактики воздержания и признание возможности и обязательности восстания при первом подходящем случае», — дает толкование Иоффе.» (135)

Выступление Милютина было обобщающим: «...Низложить, арестовать в ближайшие дни власть мы не можем...». (136)

После всех выступлений, Ленин вновь предлагает подтвердить резолюцию от 10 октября.

Зиновьев возражает: «Если восстание ставится как перспектива, то возражать нельзя, но если это — приказ на завтра или послезавтра, то это — авантюра. Пока не съедутся наши товарищи и мы не посоветуемся, мы не должны начинать восстание». Солидаризируясь с Зиновьевым, Каменев добавил: «Назначение восстания есть авантюризм». (137)

В итоге, по предложению Ленина, принимается следующая резолюция.

«Собрание вполне приветствует и всецело поддерживает резолюцию ЦК призывает все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленнейшей подготовке вооруженного восстания, к поддержке создаваемого для этого Центральным Комитетом центра и выражает полную уверенность, что ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления.» (138)

Это своеобразный компромисс. Как мы видим, нет призыва к «взятию власти тотчас», однако «усиленнейшая подготовка вооруженного восстания» провозглашена.

В упомянутый в резолюции центр, названный Военно-революционным, вошли Бубнов, Дзержинский, Урицкий, Сталин и... Свердлов.

Итог заседания вполне удовлетворил последнего из перечисленных «товарищей», так же как и Ленина с Троцким. Руки у них были развязаны.

14

Тем временем, подготовка к перевороту шла полным ходом. И огромную роль в ней играл «товарищ» Свердлов. Приведем несколько примеров.

Во-первых, мало известное событие. И действительно — во второй половине октября 1917 года русским обществом была предпринята еще одна попытка спасти Родину.

Дело в том, что Совет «Союза казачьих войск» назначил на воскресенье 22 октября казачий крестный ход.

В обращении комиссии по организации сего мероприятия указывалось:

«22 октября, в 1 день празднования иконы Казанской Божией матери, в память избавления в 1612 г. Москвы от врагов, в Петрограде будет совершен казачий крестный ход, в котором православное всероссийское казачество, верное своим исконным вековым традициям, ставит своим долгом всенародно молить Всевышнего

спасти Россию от погибели и благословить оружие их на защиту от врагов земли русской.» (139)

Участие в крестном ходе должны были принять 1-й, 4-й и 14-й Донские казачьи полки, сотня юнкеров Николаевского кавалерийского училища и 6-я сводно-казачья батарея во главе с членами совета «Союза казачьих войск». Весь церемониал намечалось проводить в конном строю в полном вооружении. (140)

Это были не слишком большие силы по сравнению с общей численностью квартировавших в Петрограде войск, да еще если принять во внимание вооруженные красногвардейские отряды, однако это был тот кулак, который мог нанести сокрушительный удар по планам большевиков.

Атаман Дутов в интервью газете «Вольность» говорил о революции и подавлении путчей: «События 3-5 июля в достаточной мере показали... здесь не нужны большие силы. Здесь нужна решимость бесповоротная. Раз навсегда применить оружие, если эта мера вызывается обстановкой. Я полагаю, что казачьи части, находящиеся в столице... поддержат порядок и помогут правительству, в случае выступления большевиков». (141)

Казачьи офицеры разработали маршрут следования, более чем в 20 километров, провели осмотр зданий и чердаков, пригодных для ведения ружейного и пулеметного огня.

Все это крайне встревожило большевиков. У них «существовала группа по сбору информации о настроениях в воинских частях и мероприятиях, проводимых противниками Советов. Входивший в эту группу Ян Бирзгал изучил маршрут предполагаемого крестного хода. Его насторожило то, что — петляя по городу — он проходил не только мимо казарм казачьих частей, юнкерских училищ, но и через основные мосты, Петропавловскую крепость и места проведения митингов. Когда Ян рассказал об этом Свердлову, тот, подумав, заметил: «Это же новая корниловщина готовится! Хотят опередить нас».» (142)

Военно-революционному Комитету было поручено сорвать столь опасную акцию казаков. Немедленно большевистскими агентами были найдены «представители» 4-го и 14-го полков, которые заявили, что их части не будут принимать участие в крестном ходе.

Но решающее слово опять сказал Керенский. С его подачи командующий Петроградским военным округом полковник Полковников запретил «Союзу казачьих войск» проведение ранее одобренной акции.

«Скрепя сердце и чуя гибель державы, казаки подчинились. Теперь против них были не только большевики, но и правительство. Ослушайся они запрета — обе силы повернули бы против них все стволы от винтовочных до башенных на кораблях Балтфлота. В чубатых казачьих головах осталась только одна мысль: «Нас предали. Домой!» На Дон, на Кубань, чтобы не допустить крамолы в свои края. Спасти семьи от того, что творилось в России. Потому что мы, казаки, России не нужны, да и она нам — чужая!» (143)

Известие о том, что Керенский и Временное правительство сорвали последнюю попытку организованного сопротивления готовящемуся большевистскому перевороту, Ленин встретил с ликованием.

В письме Свердлову от 22 октября он написал.

«Отмена демонстрации казаков есть гигантская победа. Ура! Наступать изо всех сил и мы победим вполне в несколько дней!» (144)

Хотя казачий крестный ход был отменен, тем не менее не знавшая об этом толпа демонстрантов собралась у Исаакиевского собора и образовала внушительное шествие к Казанскому собору. К вечеру толпа разошлась. В России закончился один из последних мирных дней.

А накануне, 21 октября, З. Гиппиус записала в своем дневнике: «Завтра, 22-го, в воскресенье, назначено грандиозное моленье казачьих частей с крестным ходом. Завтра же «день Советов» (не выступление, ибо выступление назначено на 25-е, однако, «экивочно» обещается и раньше, если будет нужно). Казачий ход, конечно, демонстрация. Ни одна сторона не хочет «начинать». И положение напряженнее — до невыносимости. Керенский забеспокоился. Сначала этот ход разрешил. Потом, сегодня, начал метаться, нельзя ли запретить, но так, чтобы не от него шло запрещение. Погнал Карташева к митрополиту. Тот покорно поехал, ничего не выгорело...

Далее оказывается: Керенский телефонограммой отменил-таки завтрашнее моленье. Казаки подчинились, но с глухим ропотом. (Они ненавидят Керенского.)» (145)

В понедельник, 23 октября, с утра в Смольном прошло заседание ВРК. Было избрано бюро: председатель Лазимир, его товарищ — Подвойский, секретарь — Антонов-Овсеенко, члены — Садовский и Сухарьков. За спиной этих не слишком известных людей работали «крупные организаторы» — Троцкий, Свердлов, Лашевич. (146)

Прямое отношение имел Яков Михайлович и к истории с крейсером «Аврора».

В марте 1917 года машинист «Авроры» А. Белышев вступил в РСДРП(б), был избран председателем судового комитета, стал представителем команды крейсера в Центробалте. 24 октября 1917 года Белышев был вызван в Смольный, где Свердлов сообщил ему о назначении комиссаром «Авроры», и вручил удостоверение, на котором было обозначено время: 12 часов 20 минут 24 октября. (147)

На следующий день, в 3 часа 30 минут именно Белышев, вопреки сопротивлению командира корабля лейтенанта Н.А. Эриксона, вывел «Аврору» к Николаевскому мосту и приказал навести орудия на Зимний дворец.

Показательно и свидетельство Троцкого, вспоминавшего о днях непосредственной подготовки к Октябрьскому перевороту: «Со Свердловым я встречался тогда очень часто, обращался к нему за советами и поддержкой людьми.» (148)

Вот прямо так — «буревестник революции» просит помочь «незаметного аппаратчика».

А вот и канун переворота.

«Из воспоминаний Ивара Смилги, доверенного лица Ленина в Финляндии:

- Я ужинал в знаменитом Морском клубе. В 12 часов ночи 24 октября ко мне подошел левый эсер Ковригин и сообщил, что на мое имя получена странная телеграмма: «Гельсингфорс. Смилге. Присылай устав. Свердлов». Это значит, что в Петрограде началась борьба и от нас требуют помощи.» (149)

О том же свидетельствует и Антонов-Овсеенко: «В 12 часов ночи 24 октября в Гельсингфорсе была получена условная телеграмма Свердлова. И в три часа утра первый эшелон красных моряков уже выступил в восставший Питер.» (150)

15

После захвата большевиками власти в стране, председателем ВЦИК становится Л.Б. Каменев. Его руководство продолжалось с 27 октября по 8 ноября 1917 года. Однако Лев Борисович, как известно, отличался некоторым свободомыслием.

Шамбаров: «Тут-то и призадумался Ленин, правильно ли он сделал, что при «раздаче слонов» вознаграждал и выдвигал «именитых» партийцев? Именитые они и есть именитые. Что для них авторитет лидеров? Они и сами себя почти такими же считают.... Не лучше ли делать ставку на «верных»? А одним из самых «верных» в дни партийного кризиса снова проявил себя Свердлов. За Ильича горой стоял.» (151)

В итоге «размышлений», начиная с 8 ноября председателем ВЦИК становится Свердлов.

И это удивительно. Прошло примерно семь месяцев с момента первой (18 апреля) встречи Свердлова с Лениным. И вот молодой, всего 32 года, Яков Свердлов совершает поистине блестящую карьеру: Ленин - во главе правительства и ЦК, а Свердлов — председатель парламента, а кроме того, о чем уже говорилось, — руководитель Секретариата ЦК.

Вот эта вторая должность оказывается, по сути, ключевой.

«Руководство Секретариатом ЦК давало ему дополнительные возможности. Позволяло влиять на местные Советы не только от своего имени, а еще и от имени ЦК, от имени партии. И он опять энергично действует «кадровыми» методами. Расставляет, переставляет работников... Кого-то присылают ему и Ленин, Троцкий, другие руководители. Дескать, хорошо знаю этого человека, наш в доску, надо пристроить. Он и пристраивает. Мгновенно оценивая, мгновенно ориентируясь в качествах кандидата. По-своему пристраивает. Кого-то председателем исполкома — но в глухую

«тьмутаракань». А кого-то малозаметным «винтиком» - но в важный центральный орган.» (152)

На должность секретаря ВЦИК Свердлов пристроил Варлаама Александровича Аванесова (Сурена Карповича Мартиросяна).

«Своего дружка Шаю Голощекина он вернул на Урал. И не только его. В помощь ему еще двоих «боевых» ребят приспособил. Войкова (Вайнера) и Сафарова (Вольдина). Они входят в президиум Уральского Совета и вместе с бывшим свердловским боевиком Белобородовым берут под контроль столь «ключевую» область, как Урал.» (153)

А ведь в середине 1918 года на Урале, точно в свердловской «епархии» разыграются самые драматические события. Что это, случайное совпадение, дар предвидения или какой-то план?

Не забыл Яков Михайлович и младшего брата Вениамина, выписал из Америки. Тот моментально закрыл свой банк в Нью-Йорке и перебрался в Россию, с ходу вошел в правительство, стал наркомом путей сообщения.

Да что там какой-то Аванесов и брат Вениамин, берем выше. Вот как описывает Троцкий свое назначение в первом составе Совнаркома.

«Но уходу моему в печать решительно воспротивился и Свердлов: туда, мол, посадим Бухарина. - Льва Давыдовича надо противопоставить Европе, пусть берет иностранные дела. - Какие у нас теперь будут иностранные дела? Возражал Ленин. Но, скрепя сердце, он согласился. Скрепя сердце, согласился и я. Так, по инициативе Свердлова, я оказался на четверть года во главе советской дипломатии.» (154)

Каково? Яков Михайлович вносит предложение, а Ленину и Троцкому только и остается, что соглашаться, скрипя зубами. Спрашивается — а кто же там главный?

Слегка забегая вперед, процитируем Троцкого относительно его второго назначения.

«Так как внутренний враг от заговоров перешел к созданию армий и фронтов, то Ленин хотел, чтобы я встал во главе военного дела. Теперь уже он завоевал на свою сторону Свердлова. Я пытался возражать. - Кого же поставить: назовите? Наступал Ленин. Я поразмыслил — и согласился.» (155)

И снова та же картина. Только теперь Ленин вынужден «завоевывать» Свердлова, а для Льва Давидовича неизбежно — размышление и... согласие.

И вообще, по словам Зиновьева: «Иногда казалось, что как В.И. Ленин явился в Россию после победы Февральской революции с готовыми политическими чертежами всей революции, так Я.М. Свердлов явился из далекой ссылки с готовыми организационными чертежами всей работы партии и с готовым планом распределения основных групп работников по отраслям работы».

16

«Еще в марте 1917 года, когда решался вопрос о пропуске Ленина и его сообщников в Россию и оговаривались предварительные условия будущего Брестского договора, германское командование, наряду с выделением большевикам необходимых для их подрывной деятельности денежных средств, приняло решение и об оказании им немедленной военной помощи в случае захвата власти. Для этой цели в апреле 1917 года с фальшивым шведским паспортом в Петроград прибыл полковник германского генерального штаба Генрих фон Рупперт, доставивший секретные приказы немецким и австрийским военнопленным оказать вооруженную поддержку большевикам, которые, в свою очередь, должны были обеспечить их оружием.» (156)

«Под Петроградом находилось несколько лагерей с германскими и австрийскими военнопленными, в том числе из весьма элитных частей. В частности, вблизи села Колтуши, фактически рядом с Большой Охрой, почти в полном составе сидел в лагере 3-й Кирасирский императора Вильгельма полк, захваченный в свое время в плен казаками генерала Ренненкампфа. Неподалеку коротал время 142-й Бранденбургский полк. […] Все было продумано до мелочей, даже то, что немцы плохо знакомы с русскими трехлинейными винтовками, наганами и прочим оружием. В связи с этим «большевистский» сторожевой корабль «Ястреб» специально ходил в Фридрихсхафен, откуда доставил 12 000 немецких винтовок и миллионы патронов прямо к 25 октября, за что и попал навеки в

список «кораблей Великого Октября». Кроме того, «Ястреб» привел за собой на буксире судно раза в два больше его самого. […] «Ястреб», помимо винтовок, доставил в Петроград и немецкие полевые орудия.» (157)

Справедливости ради заметим, что деньги большевикам давали не только немцы.

Например, «30 ноября Уильям Бойс Томпсон и Раймонд Роббинс посетили Троцкого. После конфиденциальной беседы с ним, 2 декабря, Томпсон направил запрос Моргану — перечислить 1 млн долларов. Этот факт стал достоянием газетчиков. «Вашингтон пост» от 2 февраля 1918 г. сообщала: «Уильям Б. Томпсон находился в Петрограде с июля по ноябрь 1917 года и сделал личный вклад в миллион долларов в пользу большевиков». Сохранилась и фотокопия ответной телеграммы Томпсону от Моргана, датированная 8 декабря: «Ваша вторая телеграмма получена. Мы выплатили «Нэйшнл Сити бэнк» один миллион долларов согласно инструкции — Морган». (158)

Где полностью совпали усилия Троцкого и Свердлова, так это привлечение иностранцев на службу в Красную армию и ЧК. В то время, как Лев Давидович формировал боевые и карательные отряды в армии, Яков Михайлович «широко открыл для иностранцев вступление в партию». (159)

Одним из первых делами военнопленных занялся Военный отдел ВЦИК (Интернационалисты — М, Наука, 1967 — стр.126), то есть Яков Михайлович Свердлов.

Уже в начале декабря 1917 года Военный отдел посетила делегация венгерских и польских военнопленных, которая «указала на необходимость введения в лагерях выборного начала и предоставлении комитетам военнопленных функций самоуправления. В отделе заявили, что пожелания военнопленных будут удовлетворены». (160)

Шамбаров: «По его (Свердлова — Ю.Б.) инициативе при ЦК была создана Федерация иностранных групп РКП(б), первый прообраз Коминтерна. Возглавил ее очень близкий к Якову Михайловичу Бела Кун — угрюмый и мрачный мадьярский еврей, прапорщик австро-венгерской армии.» (161)

В конце 1917 года только в Петрограде выходило 7 специальных газет на иностранных языках, ориентированных на интернационалистов, на немецком — 2, на польском — 2, на румынском — 2, на венгерском — 1. (162)

Но главное, что требовалось от «иностранных групп» — это поддержка большевистской власти пулей и штыком.

1 ноября 1917 года на заседании Петроградского комитета РСДРП(б) Троцкий так и заявил: «Нельзя, говорят, сидеть на штыках. Но и без штыков нельзя. Нам нужен штык там [на улицах Петрограда], чтобы сидеть здесь [в здании Петросовета].» (163)

Вообще, в 1918 году, согласно данным Центральной коллегии по делам пленных и беженцев (Центропленбеж), численность военнопленных на территории России составляла более 2,3 млн. человек. (164)

После достижения взаимопонимания с правительством Германии, большевики смогли использовать в своих боевых отрядах хорошо обученных и дисциплинированных немецких, австро-венгерских и турецких военнопленных. После заключения Брестского мирного договора служба большевикам не считалась в странах Четверного союза предательством. Выбор же, который стоял перед освобожденными военнопленными, был весьма прост — или западный фронт Первой мировой войны, со всеми его ужасами, или участие в большевистских карательных частях и организациях, с возможностью легкой наживы и, сравнительно, минимальными шансами на гибель. Именно здесь кроется разгадка «бесчисленного» количества «латышских» стрелков, наводнивших Советскую Россию. Понятно, что были и реальные латыши, но их просто физически не могло быть настолько много, чтобы удовлетворить все потребности большевиков в надежных и безжалостных военных кадрах.

Впоследствии, при создании мифа о «Великой Октябрьской революции», советские «историки», которым было крайне неудобно признавать помощь Германии, придумали универсальный образ «красного латышского стрелка», который объяснял все странности этих персонажей разом — и непонятный язык, и отсутствие родственных связей среди русского населения, и беспощадность к врагам, казалось бы — соотечественникам. И, что самое главное,

«преданность революции» — а куда бы они делись из огромной чужой страны, если бы их работодатели потерпели поражение?

Уже в первые месяцы после большевистского переворота общее число интернационалистов-красногвардейцев превышало 29 500 человек. (165)

В условиях, когда остатки русской кадровой армии противостояли на фронте германским и австро-венгерским частям, это была огромная сила.

Сравним число интернационалистов с организованным сопротивлением противников большевиков: в Добровольческой армии генерала Алексеева к концу декабря 1917 года насчитывалось немногим более 4000 человек.

Чтобы поставить под контроль интернациональные отряды, с конца января 1918 года руководство всеми делами военнопленных было сконцентрировано во Всероссийском бюро пленных при Военном отделе ВЦИК, чью деятельность направлял лично Председатель ВЦИК Я.М. Свердлов. (166)

Естественно, создание отрядов интернационалистов не ограничивалось центральными областями России.

28 января 1918 года Уральский областной комитет РСДРП(б) сообщал в Секретариат ЦК, то есть Свердлову: «во всех областях кипит работа. Организуем военнопленных.» (167)

И уже через некоторое время в Красную гвардию Екатеринбурга были приняты первые 200 интернационалистов. (168)

В начале 1918 года была создана интернациональная Красная гвардия в Одессе. В ее состав входили три отряда: сербский (под командованием Томо (Олеко) Дундича) — 120 человек, китайский (Ти Кайджан) — 200 человек, чешский (А. Шипек) — 200 человек. Там же был сформирован и 1-й Революционный румынский батальон. (169)

21 февраля 1918 года в Петрограде прошло совещание Бюро пленных при Военном отделе ВЦИК И Центра военнопленных, которым руководили Бела Кун, серб М. Радошевич, чех Ф. Бенеш. Было принято решение образовать по всей стране революционные комитеты военнопленных, в задачи которых должна была входить «борьба с контрреволюционными элементами». (170)

В 1918 году интернациональные подразделения Красной Армии формировались во многих городах.

Так, например, в начале 1918 года в Томске был создан 1-й красногвардейский батальон военнопленных, под командованием Ф. Мюнниха, численностью 400-500 бойцов. «Батальон подавил несколько контрреволюционных выступлений. В феврале был создан 2-й батальон Красной гвардии. (171)

«В это переходное время, — писал Ф. Мюнних, — без преувеличения можно утверждать, что интернационалистская Красная гвардия, состоявшая в большинстве своем из мадьяр и значительного числа румын, немцев, чехов и других национальностей бывшей Австро-Венгерской монархии, была единственной обученной в военном отношении и надежной вооруженной силой Томского Совета.» (172)

«В марте 1918 г. в Омске были сформированы 1-й и 2-й международные пролетарские отряды. Из 600 добровольцев 1-го отряда около 300 были бывшие военнопленные, главным образом венгры и румыны. Во втором отряде числились 100 русских, 150 литовцев, 130 чехов и словаков и 70 немцев.» (Интернационалисты — М, Наука, 1967 — стр.172)

В начале мая 1918 года на фронте в Забайкалье под командованием Лазо, из 5 тыс. бойцов было до тысячи интернационалистов. (173)

А вот оценка интернационалистов самого Лазо: «Все они — бывшие солдаты, с боевым опытом. В бою они стремительны, дерутся с темпераментом... Но жаль — большевистская работа среди мадьяр ведется слабо. Мадьяр политически подкованных мало. Русские большевики не знают мадьярского языка.» (174)

Итак, мадьяры не являются большевиками, политически не подкованы и даже не знают русского языка. Но отчего же тогда воюют за большевиков, проливают свою кровь? Варианта ответа два: деньги или приказ из Австро-Венгрии.

Еще. В мае 1918 года Воронеже действовал отряд китайских наемников, во главе с Ж Гон-ту.

«20 мая этот отряд пополнился 120 добровольцами-китайцами, прибывшими из Царицына. Вскоре он был превращен в Отдельный китайский батальон, которым командовал серб Г. Павлович.» (175)

Весной 1918 года были сформированы отряды интернационалистов: во Владикавказе, при личном участии С.М. Кирова, — китайский, под командованием Пау Тисана; финский в Кандалакше, польский в Иркутске, объединенный (преимущественно из венгров и чехов) в Симбирске, немецкий и чехословацкий в Таганроге, объединенный (преимущественно из немцев) в Чите во главе с Армандом Мюллером. (176)

Позднее, уже в составе Красной армии воевало, по минимальным оценкам, порядка 200 000 интернационалистов. (177)

Поскольку все познается в сравнении, сообщим, что на пике успехов Белых армий Деникина в середине июля 1919 года их численность не превышала 85 000 бойцов. (178)

17

Забегая вперед, приведем один из примеров сотрудничества германцев и большевиков на территории России.

В июле 1918 года один за другим вспыхивают антибольшевистские восстания: 6 июля в Ярославле, 8 июля в Рыбинске и Муроме.

Все они были организованы «Союзом защиты Родины и Свободы» Бориса Савинкова, известнейшего в прошлом революционера-террориста, эсера, не принявшего большевистский переворот и делавшего все возможное для борьбы с узурпаторами.

Непосредственными целями восставших являлись ликвидация большевистской диктатуры, новый созыв Учредительного Собрания, а также разрыв предательского, по их мнению, Брестского мира.

Расскажем подробнее о крупнейшем из трех восстаний — Ярославском, общее руководство которым и действиями вооруженных отрядов в частности, осуществлял полковник А.П. Перхуров.

Подавление мятежа поражает беспощадной жестокостью большевиков, обращенной, казалось бы, на своих сограждан и, более того, «братьев по классу».

Шамбаров: «Большевики собрали значительно превосходящие силы, подвезли сотни орудий. Началась жесточайшая бомбарди-

ровка. Пылающий Ярославль превратился в ад. Но и в этом аду отряды Перхурова и Савинкова держались. Отбивались 16 дней.» (179)

В подавлении мятежа вместе с советскими войсками принимал участие интернациональный отряд и левоэсеровская дружина. (180)

«С прибытием из Москвы броневого поезда обстрел усилился. Большая часть города оказалась охваченной морем огня... Окраины города были почти совершенно выжжены.» (181)

Но и этого большевикам показалось мало. Была подключена авиация. За два воздушных налета на город «было сброшено 12 пудов динамитных бомб, большая часть которых, по полученным сведениям, попала в район расположения штаба противника (около бывшего губернаторского дома)». (182)

Несмотря на то, что «артиллерийский огонь противник не открывал, ограничась одним или двумя выстрелами из мелкокалиберных орудий, по-видимому с броневиков», было решено «усилить бомбардировку, применяя для этой цели наиболее разрушительные бомбы». (183)

Командующий Южным Ярославским фронтом Ю.С. Гузарский 16 июля телеграфировал командованию: «Срочно шлите 10 000 снарядов, половина шрапнель, половина гранат, а также пятьсот зажигательных и пятьсот химических снарядов. Предполагаю что придется срыть город до основания». (184)

21 июля оставшиеся в живых восставшие сдались Германской комиссии №4.

Председатель комиссии: «Комиссия передаст штаб в качестве военнопленных Германской империи своему непосредственному начальству в Москве, где дано будет все дальнейшее.

Германская комиссия №4 располагает сильной боевой частью, образованной из вооруженных военнопленных, и займет для поддержания спокойствия в городе Ярославле до получения решения из Москвы положение вооруженного нейтралитета.

Для соблюдения порядка и восстановления нормального течения жизни комиссия окажет по возможности мирному населению должную поддержку...

Ярославль, 21 июля 1918 года.

Председатель германской комиссии №4 лейтенант Балк.» (185)

А вот выдержка из отчета Германской благотворительной комиссии от 22 июля 1918 года о событиях в Ярославле, более всего обеспокоенной судьбой около тысячи пока еще не освобожденных немецких военнопленных, доставленных из Уфы.

«Обстрел города из легких и тяжелых арторудий Красной армии и непрерывный стрелковый и пулеметный огонь усиливался. Из-за нехватки воды быстро распространялись пожары, которые уничтожали целые городские кварталы. Что не сгорело, уничтожалось артиллерией. Городской театр от артобстрела не пострадал — видимо, потому, что Красной армии было известно о размещенном там лагере военнопленных.» (186)

Всего в результате боев, обстрелов и бомбардировок города, а также развязанного победителями террора против уцелевшего населения, погибло, по неполным данным, более 5000 человек. В Ярославле сгорело 20 фабрик и заводов, разрушены более 2100 домов, десятки церквей и храмов, более 60 зданий медицинского и культурного назначения, уничтожен Демидовский юридический лицей с его знаменитой библиотекой.

Б. Савинков: «Так окончилось восстание в Рыбинске, Ярославле и Муроме, организованное Союзом Защиты Родины и Свободы. Его нельзя назвать удачным, но оно не было бесполезным. Впервые, не на Дону и не на Кубани, а в самой России, почти в окрестностях Москвы, русские люди, без помощи кого бы то ни было, восстали против большевиков и тем доказали, что не все русские мирятся с национальным позором Брест-Литовского мира и что не все русские склоняются перед террором большевиков. Честь была спасена. Слава тем, которые пали в бою.» (187)

18

Возвратимся в 1917 год, ко времени, когда перед захватившими власть в России большевиками в полный рост встала проблема Учредительного Собрания.

Р. Пайпс: «В соответствии с законом, разработанным еще Временным правительством, участвовать в выборах мог любой гражданин (без различия пола), достигший двадцатилетнего возраста...

Участие населения в выборах было достаточно массовым: в Петрограде и Москве проголосовало 70% избирателей, в некоторых сельских районах — 100%, причем крестьяне часто голосовали за один и тот же список, как правило, за социалистов-революционеров. Наиболее надежные источники указывают, что всего в выборах приняли участие 44,4 млн. человек.» (188)

Даже Ленин на заседании ВЦИК 1 (14) декабря 1917 года вынужден был признать, что: «Если брать Учредительное собрание вне обстановки классовой борьбы, дошедшей до гражданской войны, то мы не знаем пока учреждения более совершенного для выявления воли народа.» (189)

Всего было избрано 715 депутатов. Основные партии, участвовавшие в выборах, получили следующее количество мандатов: 370 - эсеры, 175 — большевики, 40 — левые эсеры, 17 — кадеты, 15 — меньшевики.

«Анализируя общую картину выборов, можно прийти к заключению, что кадеты потерпели сокрушительное поражение. Но это только на первый взгляд. За общими выкладками скрывался тот немаловажный политический факт, что кадеты добились громадного успеха в крупных городах, а именно в них желали упрочить свое положение большевики, чтобы компенсировать свою слабость в сельской России и превратить их в опорные пункты в надвигающейся гражданской войне. И в Петрограде, и в Москве кадеты прочно занимали следующие за большевиками место, собрав в первом случае 26,2% голосов, во втором — 34,2%.» (190)

А если вычесть из большевистских показателей голоса солдат и матросов городских гарнизонов и резервных частей, которые, с окончанием войны, должны были быть распущены или хотя бы существенно сокращены, то итоги выборов окончательно превращались для Ленина, Троцкого и компании в совершенно неудовлетворительные и бесперспективные.

Таким образом, Учредительное Собрание становилось единственным и последним препятствием на пути большевиков к абсолютной власти в стране.

«Вопрос об Учредительном собрании Совнарком обсуждал 20 ноября. Было принято несколько важных решений. Открытие Собрания было отложено на неопределенный срок. Причиной объ-

являлась невозможность собрать кворум к 28 ноября; на самом же деле большевики хотели выиграть время. Во все провинциальные Советы были разосланы инструкции немедленно сообщать о любых «нарушениях законности выборов», - эти сведения могли послужить поводом для «перевыборов». П.Е. Дыбенко, комиссар по морским делам, получил приказ стянуть в Петроград от 10 до 12 тыс. вооруженных матросов. И, что особенно важно, решено было назначить открытие Третьего съезда Советов на 8 января: сформированный сторонниками большевиков и левыми эсерами, он мог при случае стать «заменителем» Учредительного собрания. Все принимаемые меры свидетельствовали о том, что большевики были намерены покончить с Учредительным собранием тем или иным образом.» (191)

Историк Ю. Фельштинский: «Ленин, еще до возвращения в Россию, в Швейцарии, в листовке «Товарищам, томящимся в плену», предостерегал против Временного правительства, которое «оттягивает назначение выборов в Учредительное собрание, желая выиграть время и потом обмануть народ» и неоднократно выступал в защиту Собрания после возвращения в Россию в апреле.
В день большевистского переворота, 25-26 октября, в воззваниях Военно-революционного комитета и в обращении Второго съезда Советов, принятом в ночь на 26 октября, новая власть подчеркивала, что созовет Собрание. Постановление об этом было утверждено 27 октября на первом же заседании ВЦИК второго созыва, где указывалось, что «выборы в Учредительное собрание должны быть произведены в назначенный срок, 12 ноября».

Советские законы и учреждения автоматически считались временными, в том числе и Совнарком, создаваемый как временный орган — до созыва Учредительного собрания, с началом работы которого теряли силу декреты советской власти.» (192)

Итак, власть в руках большевиков, однако лишь до Учредительного Собрания. Оказавшись в подвешенном положении, Владимир Ильич не смог не отказаться от собственных слов в защиту «воли народа».

Категорически против созыва Учредительного Собрания выступал боявшийся потерять власть в пользу многопартийного социалистического правительства Ленин. Он поднял вопрос об отсрочке

открытия Учредительного Собрания. Цель — выиграть время, чтобы укрепить Советы.

«Против отсрочки выборов энергично выступал Свердлов, считавший, что откладывать созыв Собрания — значит ослабить позиции большевиков и советской власти на местах.» (193)

Победила позиция Свердлова.

Советский историк скромно признает:

«Многие, в том числе и Свердлов, ему возражали. Это был, пожалуй, единственный пункт, по которому Яков Михайлович разошелся с Лениным. Предложение Владимира Ильича было отклонено. Учредительное собрание созвано.» (194)

Отметим вот что: единственный это был пункт, по которому разошлись Ленин и Свердлов или нет, важно другое — решительная победа Якова Михайловича над Владимиром Ильичем. И важно это, в том числе, потому, что последний никогда не забывал и не прощал поражений.

Первое заседание законно избранного Учредительного Собрания было намечено на 12 часов дня 5 (18) января 1918 года в Таврическом дворце в Петрограде.

Альтернатива для большевиков была ясна — участвовать в работе Собрания в условиях, когда они были бы неспособны навязать свою волю, или разогнать избранных депутатов, подавив возможное народное возмущение.

В.Д. Бонч-Бруевич в своих воспоминаниях достаточно откровенно поведал о планах большевиков, в случае, если Учредительное Собрание получит народную поддержку в противостоянии правительству Ленина-Свердлова:

«Приходившие в Смольный под разными предлогами меньшевики и эсеры нередко задавали мне вопрос: что мы будем делать, если будут демонстрации против правительства.

- Сначала уговаривать, потом расстреливать, — коротко отвечал я. Я очень хорошо знал психологию этих заячьих душ. Из долголетнего опыта я вывел одно заключение: со всей этой братией нужно говорить лаконично и твердо, и притом так, чтобы они чувствовали, что слова не будут расходиться с делом, что за словом последует его выполнение — твердое, неуклонное, железное.» (195)

О том, как развивались события дальше, рассказывают сами большевики.

Телеграмма Дыбенко — Центробалт, 3 января 1918г.: «Срочно, не позже 4 января, прислать на двое или трое суток 1000 матросов для охраны и борьбы против контрреволюции в день 5 января. Отряд выслать с винтовками и патронами, - если нет, то оружие будет выдано на месте. Командующими отрядом назначаются товарищи Ховрин и Железняков.» (196)

В.Д. Бонч-Бруевич: «Мы подходим к 5 января, и я хочу предупредить вас, что мы должны встретить этот день с полной серьезностью... Все заводы и воинские части должны быть на полной изготовке. Лучше преувеличить, чем преуменьшить опасность. Пусть с нами будет уверенность, что мы готовы отразить и подавить, если нужно, беспощадно каждый направленный удар.» (197)

П.Е. Дыбенко: «С раннего утра, пока обыватель еще мирно спал, на главных улицах Петрограда заняли свои посты верные часовые Советской власти — отряды моряков. Им дан был строгий приказ: следить за порядком в городе... Начальники отрядов — все боевые, испытанные еще в июле и октябре товарищи. Железняк со своим отрядом торжественно выступает охранять Таврический дворец — Учредительное собрание.» (198)

В.Д. Бонч-Бруевич: «Город был разбит на участки. В Таврическом дворце был назначен комендант, и на эту должность выдвинули М.С. Урицкого. Благонравов остался начальником нашей базы — Петропавловской крепости, а Еремеев — в должности командующего войсками Петроградского округа. Меня на дни Учредительного собрания назначили комендантом Смольного и подчинили мне весь район... Я был ответственен за весь порядок в этом районе, в том числе и за те демонстрации, которые ожидались вокруг Таврического дворца... Я прекрасно понимал, что этот район является самым главным из всего Петрограда... что именно сюда будут стремиться демонстрации.» (199)

5 января 1918 года более 200 000 человек вышли на демонстрацию в поддержку Учредительного Собрания. В толпе было много женщин, гимназистов, детей.

С 9 утра колонны манифестантов двинулись от петербургских пригородов к центру.

Расстрел произошел на углу Невского и Литейного проспектов и в районе Кирочной улицы. Здесь была рассеяна главная колонна численностью до 60 тыс. чел., однако более мелкие колонны демонстрантов достигли Таврического дворца и были рассеяны только после подхода дополнительных войск. Разгоном демонстрации руководил специальный штаб во главе с В.И. Лениным, Я.М. Свердловым, Н.И. Подвойским, М.С. Урицким, В.Д. Бонч-Бруевичем. (200)

Историк Н. Сванидзе: «Колонны шли с лозунгом: «Вся власть Учредительному собранию!» Колонны наткнулись на большевистские части, которые открыли стрельбу. Десятки убитых, сотни раненых. Как назло, на свой съезд в Петроград съехались крестьяне. Делегатов от большевиков среди крестьян тоже не оказалось. Крестьяне тоже вышли на демонстрацию. В них тоже начали стрелять. Тоже убитые и раненые.» (201)

М.М. Тер-Погосьян: «...На Литейном нас было — я не могу точно сказать, но когда я поднялся на тумбу около ворот и посмотрел, я конца этой толпы не мог видеть, - огромная, много десятков тысяч. И вот я помню, я шел во главе... В это время против нас с выступа появились со стороны Окружного суда большевистские части — регулярные части и, значит, отрезали нас и начали давить. Потом они отошли и с обеих сторон улицы стали на колени на изготовку, и началась стрельба.» (202)

Рабочий Обуховского завода Д.Н. Богданов: «Я, как участник шествия еще 9 января 1905 г., должен констатировать факт, что такой жестокой расправы я там не видел, что творили наши «товарищи», которые осмеливаются еще называть себя таковыми, и в заключение должен сказать, что я после того расстрела и той дикости, которые творили красногвардейцы и матросы с нашими товарищами, а тем более после того, когда они начали вырывать знамена и ломать древки, а потом жечь на костре, не мог понять, в какой стране я нахожусь: или в стране социалистической, или в стране дикарей, которые способны делать все то, что не могли сделать николаевские сатрапы, теперь сделали ленинские молодцы...» (203)

М. Горький писал 9 (22) января 1918 года:

«Лучшие русские люди почти сто лет жили идеей Учредительного Собрания — политического органа, который дал бы всей

демократии русской возможность свободно выразить свою волю. В борьбе за эту идею погибли в тюрьмах, в ссылке и каторге, на виселицах и под пулями солдат тысячи интеллигентов, десятки тысяч рабочих и крестьян. На жертвенник этой священной идеи пролиты реки крови — и вот «народные комиссары» приказали расстрелять демократию, которая манифестировала в честь этой идеи. Напомню, что многие из «народных комиссаров» сами же, на протяжении всей политической деятельности своей, внушали рабочим массам необходимость борьбы за созыв Учредительного Собрания. «Правда» лжет, когда пишет, что манифестация 5 января была сорганизована буржуями, банкирами и т.д. и что к Таврическому дворцу шли именно «буржуи», «калединцы».

«Правда» знает, что в манифестации принимали участие рабочие Обуховского, Патронного и других заводов, что под красными знаменами Российской с.-д. партии к Таврическому дворцу шли рабочие Василеостровского, Выборгского и других районов.
Именно этих рабочих и расстреливали, и сколько бы ни лгала «Правда», она не скроет позорного факта...

Итак, 5 января расстреливали рабочих Петрограда, безоружных. Расстреливали без предупреждения о том, что будут стрелять. Расстреливали из засад, сквозь щели заборов, трусливо, как настоящие убийцы.» (204)

19

Разогнав и расстреляв мирные демонстрации рабочих в поддержку Учредительного Собрания, большевики приступили к ликвидации последнего препятствия на их пути к неограниченной власти — самого Собрания.

Их делегация, в том числе и Ленин, прибыла в Таврический дворец к часу дня.

По воспоминаниям Бонч-Бруевича, Ленин «волновался и был мертвенно бледен, так бледен, как никогда. От этой совершенно белой бледности лица и шеи его голова казалась еще большей, глаза расширились и горели стальным огнем […] Он сел, сжал судорожно руки и стал обводить пылающими, сделавшимися громадными глазами всю залу от края и до края ее».» (205)

Ленинские переживания не удивительны - именно в этот момент решалась судьба большевистской диктатуры.

К четырем часам дня на улицах были рассеяны последние значительные группы манифестантов. Теперь можно было не тянуть с открытием заседания. Делегаты стали быстро заполнять зал. Галереи для публики были забиты сторонниками большевиков и левых эсеров. Об этом позаботился Урицкий, распределявший входные билеты. Ровно в четыре часа представитель фракции эсеров Г.И. Лордкипанидзе указал на позднее время и предложил старейшему из членов Учредительного Собрания открыть его.

Старейшим был Е.Е. Лазарев, но по предварительной договоренности он уступил старшинство С.П. Швецову. (206)

Большевик, депутат собрания и будущий наркомвоенмор Ф.Ф. Раскольников вспоминает: «Свердлов, который должен был открыть заседание, где-то замешкался и опоздал […]. Видя, что Швецов всерьез собирается открыть заседание, мы начали бешеную обструкцию. Мы кричим, свистим, топаем ногами, стучим кулаками по тонким деревянным пюпитрам. Когда все это не помогает, мы вскакиваем со своих мест и с криком «долой» кидаемся к председательской трибуне. Правые эсеры бросаются на защиту старейшего. На паркетных ступеньках трибуны происходит легкая рукопашная схватка […]. Кто-то из наших хватает Швецова за рукав пиджака и пытается стащить его с трибуны.» (207)

Эсер М.В. Вишняк вспоминал: «Это была бесновавшаяся, потерявшая человеческий облик и разум толпа. Особо выделялись своим неистовством Крыленко, Луначарский, Скворцов-Степанов, Спиридонова, Камков. Видны открытые пасти, сжатые и потрясаемые кулаки, заложенные в рот для свиста пальцы. С хор усердно аккомпанируют. Весь левый сектор являл собой бесноватых, сорвавшихся с цепи.» (208)

Швецов попытался объявить перерыв. Но в этот момент в зале появился Свердлов. Он буквально вырвал председательский колокольчик из рук Швецова и объявил заседание открытым.

Вот некоторые положения из речи Свердлова при открытии Учредительного Собрания.

«Октябрьская революция зажгла пожар социалистической революции не только в России, но и во всех странах. Мы не сомневаем-

ся, что искры нашего пожара разлетятся по всему миру и недалек тот день, когда трудящиеся классы всех стран восстанут против своих эксплуататоров так же, как в Октябре восстал российский рабочий класс и следом за ним российское крестьянство. […]

Центральный Исполнительный Комитет выражает надежду, что Учредительное собрание, поскольку оно правильно выражает интересы народа, присоединится к декларации, которую я буду иметь честь сейчас огласить от имени ЦИК....

1) Россия объявляется республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам.

2) Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация Советских национальных республик. […]

Поддерживая Советскую власть и декреты Совета Народных Комиссаров, Учредительное собрание считает, что его задачи исчерпываются установлением коренных оснований социалистического переустройства общества...» (209)

По сути, это был ультиматум Собранию, предъявленный в самом первом выступлении одного из депутатов, подкрепленный присутствием многочисленных вооруженных сторонников большевиков.

А вот как Яков Михайлович закончил свое выступление:

«Позвольте надеяться, что основы нового общества, предуказанные в этой декларации, останутся незыблемыми и, захватив Россию, постепенно охватят весь мир!» (210)

Что это, если не официально озвученная претензия на всемирное господство? И прозвучало это из уст «товарища» Свердлова.

Подводя итог, приведем листовку Комитета Московской Организации РСДРП (меньшевиков):

«...Почему же были расстреляны мирные манифестанты в день 5 января? Не для того, чтобы предупредить вооруженный заговор против советской власти, как лживо писали большевистские газеты: ибо ни единого выстрела не раздалось из рядов мирных манифестантов. Ибо ни один корниловец, ни один калединец не был убит или арестован в день 5 января. Ибо ни одно зеленое кадет-

ское, ни одно голубое калединское знамя не было захвачено в этот день победителями-красногвардейцами, как победный трофей.

Они были расстреляны потому, что большевистские вожди с тревогой почувствовали, как теряют к ним веру рабочие массы, которым они вместо хлеба, мира и свободы, дали голод, гражданскую войну и новые цепи.

Они были расстреляны потому, что рабочие массы все больше и больше стали связывать свои надежды с Учредительным собранием, и от него одного стали ждать прочного мира вовне, прекращения гражданской бойни — внутри, спасения России от разрухи, голода и окончательной гибели.

Захватчики власти боялись, что десятки тысяч манифестантов-рабочих зальют улицы с лозунгом «Вся власть Учредительному собранию!» - если они не удержат их угрозой расстрела.

И, чтобы удержать власть в своих руках, они расстреляли рабочих и разогнали Учредительное собрание.

Теперь самые слепые должны прозреть: в день 5 января большевистские вожди окончательно сбросили с себя тот фиговый листок демократизма и социализма, которым прикрывались до сих пор...» (211)

То, что сами большевики впоследствии объявили днем своего прихода к власти именно 25 октября (7 ноября) 1917 года, а не 5 января 1918 года, объясняется, на наш взгляд, достаточно просто. Если в октябре 17-го большевики захватывали Зимний дворец якобы ради передачи власти пролетариату, то в январе 18-го они этот самый пролетариат, вышедший на защиту законно избранного Учредительного Собрания, расстреливали из пулеметов. Согласитесь, вторая дата мало подходила в качестве символа установления власти рабочих и крестьян. Поэтому о 5 января 1918 года было приказано забыть, а об октябрьских событиях трубить на весь мир, упуская, естественно, все «несущественные» детали.

Еще одно интересное свидетельство странного влияния Свердлова публикует историк П. Мультатули: «В марте 1918 года президент США Вильсон послал на имя Свердлова приветственную телеграмму открывшемуся в Москве съезду Советов. (…) Но не только американский президент выделял Свердлова из общего числа советских деятелей. Германский посол, несмотря на то, что

креатурой Германии был Ленин, а не Свердлов, тем не менее, «вел важнейшие дела преимущественно со Свердловым, а не с Лениным.» (212)

Кстати, по поводу телеграммы Вильсона.

На первом же заседании съезда была принята резолюция по поводу обращения президента Вильсона. Текст резолюции был написан Лениным и зачитан на заседании съезда Свердловым, причем Яков Михайлович по согласованию с Владимиром Ильичем внес в его проект несколько поправок.

На второй день съезда, 15 марта, Владимир Ильич пишет Якову Михайловичу во время заседания коротенькую записку и спрашивает, когда ему выступать с заключительным словом:

«Тов. Свердлов,

1) у меня письмо Вильсона. Нужно?

2) Когда мне говорить? Ответьте.

Ленин».

Яков Михайлович отвечает Ильичу:

1) С Вильсоном кончено принятием Вашей резолюции, принятой до того единогласно в президиуме.

2) Говорить через 15-20 минут.

Я. Свердлов».» (213)

И еще о Якове Михайловиче и его ближайших «товарищах».

Жена Свердлова, К.Т. Новгородцева вспоминает: «Как раз перед началом III съезда Советов, через день-два после роспуска Учредительного Собрания, мы оставили нашу квартирку на Фурштадской и перебрались в Таврический дворец, где зажили целой коммуной. Заняли мы в Таврическом квартиру в пять-шесть комнат в одном из флигелей дворца. Одна комната была значительно больше других, и ее мы иногда называли залом, иногда приемной, она же служила и столовой. Остальные комнаты были поменьше. В одной поселились мы с Яковом Михайловичем, другую занял Варлам Александрович Аванесов, бессменный помощник Якова Михайловича по ВЦИК, в третьей поселился Володарский. [...]

Вечером я возвращалась домой первой... Часов около двенадцати ночи появлялся Володарский, а в час-два Яков Михайлович и Варлам Александрович, возвращавшиеся чаще всего вместе. […]

Ночью-то, за так называемым ужином, и происходили серьезные беседы, перемежавшиеся веселыми шутками и смехом. Изредка Яков Михайлович приводил с собой кого-нибудь из товарищей, а иногда и несколько человек сразу, и они оставались обычно ночевать. […]

За столом обсуждали события минувшего дня […] Страстно обсуждались основные вопросы политики партии, практической деятельности органов советской власти. Больше всех обычно горячился неугомонный Володарский, и Якову Михайловичу частенько приходилось поправлять его. […] Немало хороших мыслей родилось в эти дни за нашим столом, в живой, товарищеской беседе.» (214)

Утерев слезы умиления, подождем и посмотрим, чем обернутся «живые, товарищеские беседы».

20

Р. Пайпс: «К весне 1918 года огромнейшее государство мира распалось на бесчисленное множество требующих суверенности частей, больших и малых, не связанных между собой ни установленными законами, ни сознанием общей судьбы. Всего за несколько месяцев Россия регрессировала политически до уровня раннего средневековья, когда она состояла из удельных княжеств...

После большевистского переворота национальные меньшинства одно за другим стали объявлять о своей независимости от России, отчасти следуя своим национальным устремлениям, отчасти торопясь оградиться от большевизма и нарождающейся гражданской войны.» (215)

Подчеркнем эту мысль еще раз. Национальные меньшинства, впрочем, как и отдельные русские губернии, не стремились отсоединиться от России до большевистского октябрьского переворота. Лишь немногие пошли на этот шаг до января 1918 года. Разгон Учредительного Собрания, окончательная ликвидация большевиками легитимной власти в России — вот тот сигнал, заслышав который, национальные и, говоря современным языком, региональные элиты бросились врассыпную от призрака коммунизма,

пришествие которого на их землю означал неминуемую попытку уничтожения целых классов общества, а значит — самую страшную из всех возможных видов войны — гражданскую.

Первой о своей независимости объявила 6 декабря 1917 г. Финляндия; за ней последовали Литва (11 декабря), Латвия (12 января 1918 г.), Украина (22 января), Эстония (24 февраля), Закавказье (22 апреля) и Польша (3 ноября) (все даты по новому стилю)...

Процесс распада затронул не только окраинные территории: центробежные силы возникли и в центральных районах России, где губерния за губернией проявляли непокорность и объявляли о своей независимости от центрального правительства.... Губернии повсеместно объявляли себя «республиками». Так случилось в Казани, Калуге, Уфе, Оренбурге.... Края и губернии, в свою очередь, распадались на более мелкие административные единицы, основной из которых была волость. (216)

И так далее, и так далее.

В начале 1918 года в центральной России «буржуев» уничтожали не столько физически, сколько морально. Но на окраинах бывшей Российской Империи советская власть проявила себя вовсю.

«В предгорьях шел геноцид черкесов, в астраханских степях — калмыков: им принадлежало слишком много плодородной земли. Калмыцкие улусы громили, уничтожали и оскверняли буддийские храмы, зверски казнили лам. Народ в прямом смысле пытались вывести под корень, поэтому здешние красноармейцы проявляли специфику в своих действиях — мужчин убивали, детей и подростков калечили, зачастую кастрировали, чтобы не было потомства, а женщин насиловали, после чего им вырезали или уродовали половые органы, лишая способности к деторождению.» (217)

«Всего было уничтожено около 50 тыс. калмыков. В эти злодеяния старались вовлечь крестьян, соблазняя их захватить калмыцкие земли, скот. Это тоже было политикой. Повязать кровью как можно больше людей, ожесточить...» (218)

И еще о начале 1918 года.

Январь-февраль — в Армавире бессудно убиты 1342 человека. Среди них офицеры, домовладельцы, торговцы, купцы и другие представители «эксплуататорских классов». (219)

Январь — массовые убийства обывателей и офицеров в Крыму. В ночь на 1 января в Симферополе убиты по минимальным данным более 1 тысячи человек. (220)

В Евпатории 15-18 января арестованы более 800 человек, преимущественно бывших офицеров и раненых участников Великой войны, находившихся на излечении в курортно-санаторных учреждениях. Зверские казни производились на транспортном судне «Трувор» и крейсере «Румыния» - несчастным отрезали уши, губы, нос, половые органы и в таком виде топили. За 15-17 января на этих судах были замучены почти 300 человек. (221)

Там же, в Евпатории, тяжело раненного штаб-ротмистра Новацкого после того, как с него сорвали присохшие к ранам кровавые бинты, заживо сожгли в топке корабля («Трувор» - Ю.Б.). С берега за издевательством над ним наблюдали жена и 12-летний сын, которому она закрывала глаза, а он дико выл. (222)

В Ялте 13-16 января только на молу было расстреляно более 100 обывателей и офицеров, а всего погибли более 200 человек, в том числе, две сестры милосердия. (223)

«В селе Кизильташ, подожженном с нескольких сторон, были перебиты вернувшиеся с гор татары, преимущественно старики. Последние в числе 15 человек собрались у дома Аджешира с тем, чтобы попытаться упросить гурзуфский Совет солдатских и рабочих депутатов о прекращении дальнейших поджегов. Собравшиеся были окружены красными злодеями, четверо: Аджешир, Джемиль, Али-Усейн и Али-Бекар — были тут же сожжены в подожженном доме, а остальные, связанные попарно, были погнаны красноармейцами по шоссе, а затем в поле перебиты. У двоих оказались отрезанными уши и нос.» (224)

В конце 1917 - начале 1918 годов активное сопротивление большевикам, можно сказать, только начиналось.

2 (15) ноября 1917 года в Новочеркасске начала формироваться боевая «Алексеевсая организация», возглавляемая генералом М.В. Алексеевым. В начале декабря к созданию армии подключился прибывший на Дон генерал Л.Г. Корнилов. Поскольку вначале состав частей комплектовался исключительно добровольцами, сама армия, по настоянию Корнилова, получила название Добровольческой.

Сразу же после создания Добровольческая армия, насчитывающая к февралю 1918 года около 4000 человек, вступила в боевые действия против большевистских формирований.

С начала января 1918 года добровольцы, совместно с казачьими частями Каледина, действовали на Дону.

Генерал Иван Поляков приводит слова Корнилова:

«Сколько молодежи слоняются толпами по Садовой [центральной улицы Ростова] Если бы хоть пятая часть ее поступила в армию, большевики перестали бы существовать.» (225)

22 февраля 1918 года под натиском значительно превосходящих сил врага части Добровольческой армии оставили Ростов и двинулись на Кубань. Начался знаменитый «Ледяной поход».

Тем временем, захватив практически без сопротивления Ростов, красное воинство под командованием Рудольфа Сиверса буквально утопило город в крови.

«Без суда и следствия расстреливались офицеры, священники, члены семей добровольцев, которые ушли вместе с Лавром Георгиевичем в «Ледяной поход» на Кубань. Безжалостно убивали даже детей из семей офицеров. Кадетская форма на 14-летнем подростке означала его неминуемую гибель. Раненых офицеров, лежащих в лазаретах Ростова, выволакивали за кровоточащие бинты на улицу, добивали штыками, раскалывали им головы ударами прикладов.» (226)

Аналогично вели себя вояки Сиверса и в Таганроге.

«В пылающую доменную печь местного металлургического завода красногвардейцы последовательно сбросили около 50 человек, в основном офицеров и юнкеров, предварительно связав им руки и ноги. Верного патриота России, генерала Павла Корниловича Ренненкампфа, после целого месяца тяжких издевательств, большевики вывезли ночью к одному из кладбищ, выкололи 63-летнему старику штыком глаза и расстреляли. Утром следующего дня в собственном доме была зверски убита красной солдатней 17-летняя Ольга Ренненкампф, приемная дочь несчастного генерала.» (227)

21

На этом кровавом фоне шли переговоры дорвавшихся до власти большевиков со своими покровителями из Германии.

Генерал Гофман констатирует:

«Если бы Германия отклонила переговоры с большевиками и заявила бы, что согласна вести переговоры только с правительством, избранным свободным голосованием, то большевики не могли бы удержаться у власти.

Тем не менее, я полагаю, что ни один благоразумный человек не станет упрекать нас в том, что мы приняли предложение Крыленко о перемирии. Верховное командование ответило согласием на радиограмму Крыленко, и 2 декабря русская мирная делегация перешла в Двинске наши линии и отправилась в Брест-Литовск.» (228)

Для справки: упомянутый немецким генералом Н.В. Крыленко (1885-1938) — это большевик-прапорщик, назначенный после октябрьского переворота на должность Верховного Главнокомандующего русской армии вместо генерал-лейтенанта Н.Н. Духонина, убитого в Могилеве 20 ноября 1917 года при участии самого Крыленко.

Однако переговоры с немцами вызывали откровенное неприятие даже среди некоторых большевиков, не говоря уже о их единственном союзнике — левых эсерах, твердо заявивших о невозможности переговоров с врагом.

Ю. Фельштинский: «Только Ленин упрямо настаивал на сепаратном соглашении с немцами на условиях, продиктованных Германией. На заседании ЦК 11 (24) января он выступил с тезисами о заключении мира и — потерпел поражение. Бухарин, подвергнув речь Ленина острой критике, заявил, что «самая правильная» позиция — это позиция Троцкого. Формула Троцкого «войну прекращаем, мира не заключаем, армию демобилизуем» была принята 9 голосами против 7.» (229)

Тем временем давление Германии росло.

З. Гиппиус пишет 5 (18) февраля 1918 года: «Немцы лишь проучивают большевиков, как «не подписывать» похабного мира, и большевики проучатся, и покорятся, и немцы, взяв, что они себе жирно наметили, еще будут поддерживать столь им удобное российское «правительство». Лучше для их жадности не будет ведь!» (230)

17 февраля 1918 года генерал Гофман пишет в своем дневнике: «Завтра мы начинаем боевые действия против большевиков. Другого пути нет. В противном случае эти скоты загонят бичами всех вместе — украинцев, финнов, прибалтов — в новую революционную армию и превратят всю Европу в свинарник.» (231)

В тот же день «заседание ЦК отвергло 6 голосами против 5 предложение Ленина о немедленном согласии подписать германские условия и поддержало формулу Троцкого, постановив обождать с возобновлением мирных переговоров до тех пор, пока не проявится германское наступление и не обнаружится его влияние на пролетарское движение Запада. Против немедленного возобновления переговоров даже под угрозой германского нашествия голосовали Троцкий, Бухарин, Ломов, Урицкий, Иоффе и Крестинский. За предложение Ленина — Свердлов, Сталин, Сокольников, Смилга и сам Ленин.

На заседании ЦК РСДРП(б) утром 18 февраля резолюция Ленина снова была провалена перевесом в один голос: 6 против 7. Новое заседание назначили на вечер.» (232)

Вечером 18 февраля, после продолжительных споров и на фоне немецкого наступления, предложение Ленина было, наконец, принято. «За» голосовали — Ленин, Свердлов, Сталин, Зиновьев, Сокольников, Смилга и Троцкий. «Против» - Урицкий, Иоффе, Ломов, Бухарин, Крестинский.

ЦК постановил немедленно отправить немцам радиосообщение о согласии подписать мир. Свердлов должен был отправиться к левым эсерам и известить их о решении ЦК.

Нельзя сказать, что Ленин даже не пытался организовать оборону. Теоретически, немецкому наступлению должны были противостоять отряды революционных балтийских матросов.

Однако...

«Случилось вот что. Члену первого Советского правительства товарищу Дыбенко и его доблестным матросам приказали остановить германские войска под Псковом и Нарвой. Никаких побед пламенные революционеры ни под Псковом, ни под Нарвой не одержали, никого не остановили, неувядаемой славой своих знамен не покрыли. Наоборот, при первых столкновениях с против-

ником изнеженные матросики, просидевшие всю войну в портах, дрогнули и побежали... Защитники добежали до самой Гатчины. Тут надо открыть карту, чтобы оценить героический путь. 120 километров бежали защитники социалистического отечества. Три марафона по глубокому февральскому снегу. В Гатчине захватили эшелон и понеслись по стране спасать свои революционные шкуры. Вдогонку спасающимся глава высшего военного совета Бонч-Бруевич рассылает по стране телеграммы: поймать героев и под конвоем доставить в Москву...

Героев обнаружили аж в Самаре. За Волгой. Теперь надо взять глобус и оценить этот героический отход.» (233)

Самое упорное сопротивление немецкому наступлению оказывали части чехословацкого корпуса, поддерживающие Антанту. Однако эти части были слишком малочисленны. Что же касается самих большевистских вояк...

М.Д. Бонч-Бруевич: «Отряд Дыбенко был переполнен подозрительными «братишками» и не внушал мне доверия; достаточно было глянуть на эту матросскую вольницу с нашитыми на широченные клеши перламутровыми пуговичками, с разухабистыми манерами, чтобы понять, что они драться с регулярными немецкими частями не смогут.» (234)

«Позже, когда специальный трибунал разбирал дело о позорном поведении отряда, выяснилось, что вместо борьбы с немцами разложившиеся матросы занялись раздобытой в пути бочкой со спиртом.» (235)

Комментируя текущие события на фронте, генерал Гофман записал 21 февраля 1918 года в своем дневнике: «Наше наступление продолжается. Вчера мы со стороны островов подошли по льду к Эстляндии. Большевики удирают. До вчерашнего вечера взято свыше 1500 пушек, которые все стояли на железнодорожных станциях, готовые к отправке.» (236)

Он же — 22 февраля: «Это самая комическая война, которую только можно себе представить. Она ведется только на железной дороге и на грузовиках. Сажают какую-нибудь сотню пехотинцев с пулеметами и одной пушкой на поезд и отправляют до ближайшей станции. Берут станцию, большевиков арестовывают и продвигаются дальше. Это, по крайней мере, имеет некоторый интерес новизны.» (237)

В советской версии «истории» все эти события назывались «героическим сопротивлением».

Тем временем, «23 февраля в 10.30 утра немцы предъявили ультиматум, срок которого истекал через 48 часов. На заседании ЦК ультиматум огласил Свердлов.» (238)

Ленин потребовал немедленного согласия на немецкие условия, выдвинул ультиматум членам ЦК - угрожал собственной отставкой.

«Если наши цекисты говорят о международной гражданской войне, то это издевка. Гражданская война есть в России, но ее нет в Германии... Сталин неправ, когда он говорит, что можно не подписать. Эти условия надо подписать. Если вы их не подпишите, то подпишите смертный приговор Советской власти через 3 недели. Эти условия Советской власти не трогают. У меня нет ни малейшей тени колебания. Я ставлю ультиматум не для того, чтобы его снимать.» (239)

В результате ленинского напора Троцкий, Дзержинский, Крестинский и Иоффе — противники Брестского мира — воздержались при голосовании. Урицкий, Бухарин, Ломов и Бубнов голосовали против. А Свердлов, Сталин, Зиновьев, Сокольников, Смилга и Стасова поддержали Ленина. 7 голосами против 4 при 4 воздержавшихся германский ультиматум был принят. (240)

Обратим внимание на позицию Сталина. Он, по словам Ленина, только что был против подписания мира, но при голосовании не замедлил примкнуть к большинству, которое возглавили Ленин и Свердлов. Троцкий, как видим, в критической ситуации воздержался, не поддержав открыто противников Антанты.

«В тот же вечер, 23 февраля, в Таврическом дворце состоялось совместное заседание большевистской и левоэсеровской фракций ВЦИК, а затем раздельные заседания фракций. Дважды, на обоих заседаниях, пришлось выступать Ленину и отражать новые атаки со стороны «левых коммунистов» и левых эсеров. Дважды председательствовал в этот вечер Свердлов на небывало бурных собраниях.» (241)

К.Т. Новгородцева: «Большевистская фракция, как и ЦК, высказалась за мир. Однако кое-кто из «левых коммунистов» не по-

считался ни с решением ЦК, ни с мнением фракции. Уже в конце заседания большевистской фракции один из «левых», Стеклов, поставил вопрос:

- Решается судьба мировой революции. В связи с этим прошу фракцию разрешить каждому свободу голосования по его усмотрению.

- Именно потому, что решается вопрос жизни и смерти революции, - ответил ему Свердлов, — необходимо во ВЦИК провести решение большинства ЦК нашей партии и фракции. Партия в целом берет всю ответственность на себя, и сейчас, когда против нас выступают все фракции ЦИК, в наших рядах должна быть железная дисциплина и сплоченность. Ваш вопрос я ставлю на голосование и голосую: кто за неуклонное соблюдение партийной дисциплины, за безусловное подчинение меньшинства большинству, прошу поднять руку.

- Позвольте, речь не о дисциплине, а о том, как голосовать...

- Нет, именно о дисциплине, о большевистской дисциплине. Так. Подавляющее большинство признает обязательной дисциплину, прошу учесть, особенно в случае поименного голосования.» (242)

В 3 часа ночи с 23 на 24 февраля началось заседание ВЦИК.

«В третий раз за эти сутки взошел на трибуну Владимир Ильич, выступивший с докладом о германских условиях мирного договора. В третий раз председательское место занял Яков Михайлович Свердлов.» (243)

А вот что такое дисциплина по-свердловски.

“Вот и поименное голосование. Свердлов по списку вызывает членов ВЦИК на трибуну, и каждый, повернувшись лицом к переполненному залу, должен сказать: да или нет, мир или война. Один за другим поднимаются на трибуну большевики.

- Да, за мир, — звучат их твердые голоса.

- Нет, против, — заявляют эсеры и меньшевики.

А где же «левые коммунисты»?...

Вот на трибуне Луначарский. Он все время шел с «левыми», что-то скажет теперь?

- Да, за мир, — тихо произносит Луначарский и, закрывая руками судорожно дергающееся лицо, сбегает с трибуны.» (244)

Большевиков поддерживают некоторые лидеры левых эсеров — Мария Спиридонова, Малкин и ряд других. Против — Бухарин. В итоге, Ленин «собирает необходимое ему число голосов: за ленинскую резолюцию голосует 116 членов ВЦИК, против — 85 […], 26 человек — левые эсеры, сторонники подписания мира — воздерживаются. В 5.25 утра заседание закрылось. Через полтора часа в Берлин, Вену, Софию и Константинополь передали сообщение Совнаркома о принятии германских условий и отправке в Брест-Литовск полномочной делегации.» (245)

3 марта 1918 года в Брест-Литовске советская делегация подписала мирный договор. Церемония подписания состоялась в Белом дворце Брестской крепости.

Троцкий констатировал:

«3 марта наша делегация подписала, не читая, мирный договор... 22 марта договор был принят германским рейхстагом.» (246)

Столь унизительного мирного договора в истории России еще не бывало.

«В смысле территориальных изменений Брест-Литовское соглашение предусматривало очищение Россией провинций Восточной Анатолии, Ардаганского, Карсского и Батумского округов «и их упорядоченное возвращение Турции», подписание немедленного мира с Украинской республикой и признание мирного договора между Украиной и странами Четверного союза. Фактически это означало передачу Украины, из которой должны были быть выведены все русские и красногвардейские части, под контроль Германии. Эстляндия и Лифляндия также очищалась от русских войск и Красной гвардии. Восточная граница Эстляндии проходила теперь примерно по реке Нарве. Восточная граница Лифляндии — через Чудское и Псковское озера. Финляндия и Аландские острова тоже освобождались от русских войск и Красной гвардии, а финские порты — от русского флота и военно-морских сил.

На отторгнутых территориях общей площадью 780 тыс. кв. км с населением 56 миллионов человек (треть населения Российской империи) до революции находилось 27% обрабатываемой в стране земли, 26% всей железнодорожной сети, 33% текстильной промышленности, выплавлялось 73% железа и стали, добывалось

89% каменного угля, находилось 90% сахарной промышленности, 918 текстильных фабрик, 574 пивоваренных завода, 133 табачные фабрики, 1685 винокуренных заводов, 244 химических предприятия, 615 целлюлозных фабрик, 1073 машиностроительных завода и, главное, 40% промышленных рабочих, которые уходили «под иго капитала».» (247)

Плюс к перечисленному, Россия выплачивала 6 миллиардов марок репараций и возмещала убытки, понесенные Германией в ходе революции — еще 500 миллионов золотых рублей.

В принципе, страна знала, кому она была обязана своим позором. 16 марта 1918 года на IV (Чрезвычайном) съезде Советов в числе других критиков большевистской политики выступил меньшевик Р. Абрамович. Вот выдержка из его речи:

«Утверждение Ленина, что позорный мир явился следствием политики самодержавия и Керенского, неверно. Разве 24 октября немцы могли захватить Двинск десятком солдат на велосипедах? Разве тогда побежали бы 2000 русских солдат от семи немцев, как это имело место в феврале? Разве продавались батареи и автомобили врагу, а на улицах Петрограда пулеметы шли по 25 рублей? А не в феврале ли команда одного славного русского крейсера распродала всю обстановку, посуду и медные части и поделила выручку по 8000 рублей на брата! Я спрашиваю вас, товарищи, кто довел до этого?

Со всех концов аудитории несутся возгласы: «Ленин, Троцкий...».» (248)

Таким образом, день 23 февраля 1918 года, когда Германия предъявила ультиматум Советскому правительству, все требования которого были последним удовлетворены, является самым позорным днем в военной истории России.

Как же большевики объяснили народу свой грандиозный провал? А никто ничего и не объяснял. О поражениях приказали забыть, а сам день 23 февраля провозгласили праздником — днем советской армии и военно-морского флота! Помните у Джорджа Оруэлла: война — это мир, свобода — это рабство, незнание — сила. Гениальный писатель очень четко сформулировал то, что делалось в СССР. То, чему бурно аплодировали и что воспевали преданные советские «историки».

Позднее с позорными событиями 23 февраля стали происходить чисто большевистские трансформации.

В 1923 году, в приказе Реввоенсовета республики от 5 февраля, за подписью Троцкого, говорилось: «23 февраля 1918 г., под напором врагов рабочее и крестьянское правительство провозгласило необходимость создания вооруженной силы». (249)

В 1938 году, Сталин лично предложил более «верное» толкование событий 23 февраля. Впервые сталинская версия появляется 16 февраля в «Известиях», в материале, под заголовком «К 20-летию РККА и ВМФ. Тезисы для пропагандистов». Соответствующий тезис гласил: «Под Нарвой и Псковом немецким оккупантам был дан решительный отпор. Их продвижение на революционный Петроград было приостановлено.»

В опубликованном в том же 1938 году «Кратком курсе истории ВКП(б)», утверждалось следующее: «Молодые отряды новой армии — армии революционного народа — героически отражали натиск вооруженного до зубов германского хищника. Под Нарвой и Псковом немецким оккупантам был дан решительный отпор. Их продвижение на Петроград было приостановлено. День отпора войскам германского империализма — 23 февраля — стал днем рождения молодой Красной армии.» (250)

Казалось бы, надо ставить точку, ведь сталинский «Краткий курс» становится своеобразной Библией для каждого коммуниста, а его глава «О диалектическом и историческом материализме» объявляются «энциклопедией философских знаний в области «марксизма-ленинизма», где дано «официальное, проверенное ЦК ВКП(б), толкование основных вопросов истории ВКП(б) и марксизма-ленинизма, не допускающее никаких произвольных толкований». (251)

И тем не менее, вопреки «официальному и проверенному толкованию», Сталин решает еще раз «улучшить картинку» в 1942 году. В своем приказе от 23 февраля того же года Иосиф Виссарионович достигает абсолюта: «Молодые отряды Красной армии, впервые вступившие в войну, наголову разбили немецких захватчиков под Псковом и Нарвой 23 февраля 1918 года. Именно поэтому день 23 февраля 1918 г. был объявлен днем рождения Красной армии». (252)

Вот так позорнейшее поражение на бумаге было превращено в величайшую победу. А историческая правда? Да когда она интересовала советских пропагандистов? Ну, в самом-то деле?

22

Итак, в тщетных попытках сопротивления Германии, 23 февраля 1917 года был издан декрет о создании РККА (Рабоче-крестьянской Красной Армии).

В. Шамбаров: «Но мало кто знает, что в рамках той же кампании, уже 24 февраля, Свердлов подсуетился создать «собственную» воинскую часть. Подписал приказ о формировании «1-го автобоевого отряда при Всесоюзном Центральном Исполнительном комитете». Предназначался отряд для охраны первых лиц государства. Базой формирования стал гараж и автоотдел Смольного, а командиром был назначен личный шофер Свердлова, бывший водитель броневика Юлиан Конопко. Отряд сперва был небольшим, около 30 человек (в том числе и будущий шофер Ленина Гиль), но вооружен был первоклассно. Два броневика «Остин», четыре грузовика «Фиат» со спаренными «максимами» на турелях, несколько легковых машин и мотоциклов с установленными на них ручными пулеметами. Подчинялся этот отряд непосредственно Свердлову. И только Свердлову.» (253)

Существует свидетельство о создании не только означенного формирования. Вот письмо в Штаб Красной армии от 21 февраля 1918 года.

«Уважаемый товарищ!

В распоряжение ЦИК прибыл из Пскова небольшой отряд в 13-20 человек. Отряду будет присвоено название «1-й Партизанский отряд при ВЦИК Красной Рабоче-Крестьянской Армии».

Специально для увеличения отряда будет произведен набор партизан. Отряд дойдет до 100 человек. Он будет в тесной связи с Вами. Необходимо отряд причислить к Красной Армии и поставить его в общие условия. Подробнее переговорите с комиссаром отряда тов. Панюшкиным.

Председатель ЦИК Я. Свердлов.» (254)

Однако и двумя перечисленными отрядами кипучая натура Якова Михайловичу успокоиться не могла. Процесс только набирал силу.

В июне 1918 года Народным комиссариатом по военным и морским делам была образована Комиссия по формированию интернациональных групп РККА при ВЦИК. (255)

В июле-ноябре 1918 года члены Комиссии выезжали в места концентрации военнопленных, где создавали местные секции Комиссии по формированию интернациональных отрядов. В частности, представители Комиссии посетили Нижний Новгород, Пензу, Арзамас, Рязань, Тулу, Орел, Курск, Ярославль, Казань, Симбирск. О результатах своей работы Комиссия докладывала непосредственно председателю ВЦИК Свердлову. (256)

27 февраля 1919 года Свердлов обращается в Главное броневое управление.

«Прошу, если это не вызывает возражений в Главном броневом управлении, в самом спешном порядке сформировать в надлежащем порядке 5 Броневой отряд и присоединить его вновь к отрядам ВЦИК, с которыми отряд провел год на фронте.» (257)

Никаких возражений в названной инстанции обращение Якова Михайловича не вызвало. А мы отметим для себя порядковый номер Броневого отряда — пятый! Кроме того, констатируем наличие «отрядов ВЦИК», как таковых, а также дату создания 5 Броневого отряда — все тот же февраль 1918 года, ведь в обращении Свердлова указывается, что на 27 февраля 1919-го «отряд провел год на фронте».

Что это, если не попытка создания собственной армии ВЦИК, точнее, Свердлова? Дальнейшая деятельность «1-го Партизанского отряда», как и отдельных интернациональных отрядов ВЦИК требует уточнения, зато хорошо известна деятельность автобоевого отряда, который провел первую операцию уже 9 марта, спустя менее двух недель после своего формирования.

Дело в том, что к марту 1918 года большевистской верхушке стало очень уж неуютно в Петрограде. Голод, холод, трудно контролируемые толпы вооруженных солдат и матросов, массы голодающих рабочих с остановившихся предприятий. А теперь еще и немцы, чьи передовые части находились слишком близко. Все это

побуждало Ленина с компанией покинуть разоренную ими бывшую столицу Российской Империи. В результате было принято решение перебраться в Москву.

По официальной версии, причиной переезда являлось незащищенное положение Петрограда.

«Трудно, однако, забыть, что, когда Временное правительство полугодом раньше по сходным причинам собиралось эвакуироваться из Петрограда, никто не нападал на него с обвинением в государственной измене яростнее, чем большевики.» (258)

Готовил почву для переезда правительства все тот же Яков Михайлович.

В начале марта 1918 года Свердлов выезжает в Москву. 4 марта он дважды выступает - сначала на экстренном заседании Московского комитета, потом на московской общегородской конференции.

«Московское областное бюро, — говорит он, — выносит недоверие ЦК. Получается настоящий раскол до партийного съезда. Петроградский комитет идет все время с ЦК, а Московский комитет не идет с ЦК. Не могут быть в партии два течения, как и два фракционных центра, которые уже начинают сорганизовываться. МК должен сказать решительно, хочет ли он раскола или нет...» (259)

Усилиями Якова Михайловича кризис был преодолен.

«Группа «левых коммунистов» оказалась изолированной и разбитой.» (260)

Московский экспресс-тур Свердлова оказался успешным, и уже 6 марта он в Питере, на VII (экстренном) съезде РКП(б).

А 7 марта Совнарком сообщил изумленной публике о готовящемся переезде в Москву.

И еще из событий 7 марта 1918 года...

Здесь нам потребуется прерваться на осмысление некой игры с ленинскими цитатами.

В Пятом издании Полного Собрания Сочинений Ленина, Издательства Политической литературы, Москва, 1974 год, в томе 36, на страницах 8 и 9, мы читаем следующий отрывок из политического отчета ЦК на VII экстренном съезде РКП(б) (заседание 7

марта 1918 года), с которым выступил сам Владимир Ильич: «Если мы так легко справились с бандами Керенского, если так легко создали власть у себя, если мы без малейшего труда получили декрет о социализации земли, рабочем контроле, — если мы получили так легко все это, то только потому, что СЧАСТЛИВО (выделено нами — Ю.Б.) сложившиеся условия на короткий момент прикрыли нас от международного империализма. […] Очень многие из наших молодых друзей, считающих себя левыми, стали забывать самое важное, а именно: почему в течение недель и месяцев величайшего триумфа после Октября мы получили возможность столь легкого перехода от триумфа к триумфу. А между тем это было так только потому, что специально сложившаяся международная конъюнктура временно прикрыла нас от империализма.» (261)

В Третьем издании Сочинений В.И. Ленина, Том 22, Партиздат Ц.К. В.К.П.(б), 1936 год, стр.317 — отрывок полностью аналогичен представленному в Пятом издании.

Однако в Первом издании Собрания Сочинений Н. Ленина (В. Ульянова), Государственного издательства, Москва, 1924 год, в томе 15, на страницах 126-127, мы читаем этот же отрывок из речи, произнесенной Владимиром Ильичем на VII съезде (заседание 7 марта 1918 года), только здесь вместо «Политического отчета», речь носит название «Доклад по вопросу о Брестском мире».

И вот в этом варианте «доклада» существует некое отличие от тех, что представлены в более поздних изданиях. Читаем:

«Если мы так легко справились с бандами Керенского, если так легко создали власть, если мы без малейшего труда получили декрет о социализации земли, рабочем контроле, то только потому, что СПЕЦИАЛЬНО (выделено нами — Ю.Б.) сложившиеся условия на короткий момент прикрыли нас от международного империализма. […] Очень многие из наших молодых друзей, считающих себя левыми, стали забывать самое важное, а именно то обстоятельство, почему в течение недель и месяцев величайшего триумфа после октября мы получили возможность такого легкого перехода от триумфа к триумфу. Между тем это было легко только потому, что специально сложившаяся международная империалистическая атмосфера временно прикрыла нас от империализма.» (262)

Остановимся лишь на выделенных нами словах, хотя и анализ остального приведенного текста не лишен интереса.

Итак, в Пятом и Третьем изданиях собрания сочинений Ленина написано: «СЧАСТЛИВО сложившиеся условия». А в Первом: «СПЕЦИАЛЬНО сложившиеся условия». Приоритет Первого, по сути, прижизненного издания ленинских сочинений — бесспорен.

Не растекаясь мысью по древу, сделаем лишь самый очевидный вывод — 7 марта 1918 года, выступая перед коллегами-партийцами, Ленин подчеркнул, что условия, «прикрывшие нас от международного империализма» сложились СПЕЦИАЛЬНО, то есть их — эти условия — сложил КТО-ТО. «Тот», или «те», кто имел столь огромное влияние, что был способен даже прикрыть Советскую власть от «международного империализма».

Позднее же, когда руководителям советских «историков» стало неудобно признавать факт помощи Советской власти от империалистов, якобы всегда имевших исключительно негативный настрой по отношению к «первому в мире пролетарскому государству», они — руководители — отдали приказ на сокрытие сего факта.

Как свидетельствуют изменения в текстах собраний сочинений Ленина, ответственные за их публикацию советские «историки» решились на прямой подлог, поменяв ключевое слово в ленинской речи.

Кстати, на VII экстренном съезде РКП(б) в марте 1918 года, помимо сообщения о переносе работы правительства из Петрограда в Москву и ленинского доклада, цитаты из которого и их фальсификации советскими «историками» мы разобрали выше, 8-го марта была принята «Резолюция о войне и мире».

«Съезд признает необходимым утвердить подписанный Советской властью тягчайший, унизительнейший мирный договор с Германией... Съезд видит надежнейшую гарантию закрепления социалистической революции, победившей в России, только в превращении ее в международную рабочую революцию...» (263)

Кроме того, по настоянию Ленина, принимается «Дополнение к резолюции о войне и мире».

«Съезд признает необходимым не публиковать принятой резолюции и обязывает всех членов партии хранить эту резолюцию в тайне. В печать дается только — и притом не сегодня, а по указанию ЦК — сообщение, что съезд за ратификацию.

Кроме того, съезд особо подчеркивает, что Центральному Комитету дается полномочие во всякий момент разорвать все мирные договоры с империалистическими и буржуазными государствами, а равно объявить им войну.» (264)

Впрочем, Свердлов отказался ставить на голосование ленинскую поправку на том основании, что ЦК, само собой разумеется, имеет право в период между съездами принимать те или иные принципиально важные решения, в том числе касающиеся войны и мира. (265)

Фельштинский: «Требование Ленина к делегатам съезда вернуть текст резолюции о мире ради «сохранения военной тайны» встретило сопротивление Свердлова: «Каждый вернувшийся домой должен сделать отчет в своей организации, по крайней мере центрам, и вы должны будете иметь эти резолюции». Ленин пытался настаивать, утверждая, что «сообщения, содержащие военную тайну, делаются устно», но при голосовании проиграл. Эту поправку Ленина съезд по инициативе Свердлова отверг.» (266)

Но вернемся непосредственно к переезду, стартовавшему 10 марта. Всего из Петрограда вышло три поезда, в двух размещались сотрудники ВЦИК, еще в одном — под командой В.Д. Бонч-Бруевича — СНК.

В. Шамбаров: «Когда первый из поездов, где ехал аппарат ВЦИК, прибыл на станцию Малая Вишера, там оказался эшелон с бандитствующими солдатами-дезертирами. Попытавшимися задержать «литерный №4001». […] Но со Свердловым такие штучки не прошли. Бойцы автобоевого отряда мгновенно оцепили агрессивный эшелон, навели пулеметы и потребовали разоружиться. Ошалевшие солдаты, так и не понявшие, на кого они покусились, выбросили из вагонов винтовки. Их заперли в вагонах и отогнали в тупик. Поезда ВЦИК и Совнаркома покатили дальше, к Москве.» (267)

23

Первый из литерных поездов прибыл в Москву 10 марта, второй и третий — на день позже. В первом, естественно, приехал и Свердлов — первым из крупных советских руководителей.

Яков Михайлович использовал «лишний» день сполна. Сразу же вместе с Аванесовым, женой и «кем-то из москвичей» отправился в Кремль. Распределял помещения, организовывал охрану. Так комендатура Кремля, так же как ранее Смольного, оказалась под контролем Сверлова. И начальник в комендатуре остался «питерский» - Павел Мальков.

Вот как последний описывает свой разговор со Свердловым, сразу после прибытия в Москву.

«Внимательно выслушав меня и задав несколько вопросов, он перешел к организации охраны Кремля.

- Дело придется ставить здесь солиднее, чем в Смольном. Масштабы побольше, да и мы как-никак солиднее становимся. - Яков Михайлович чуть заметно усмехнулся и вновь посерьезнел. - ...Я думаю, нам надо будет создать Управление коменданта Кремля. Да, да, именно Управление. Аппарат раздувать не надо, ничего лишнего, никакого бюрократизма, но организовать все надо прочно, солидно.

Кому будет подчиняться Управление? Ну, это, по-моему, ясно: Президиуму ВЦИК. Штаты вы разработайте сами и представьте на утверждение. Только, повторяю, ничего лишнего. Обсудите все с Аванесовым, посоветуйтесь с Дзержинским. С ЧК вам постоянно придется иметь дело. Нести охрану будут латыши, как и в Смольном, только теперь это будет не отряд, а батальон или полк. Подумайте, что лучше. Учтите при составлении штатов. Довольствие латышей и всех сотрудников Управления возложим на военное ведомство, но оперативного подчинения военведу никакого.» (268)

Пока в Кремле, сильно пострадавшем от большевистских орудий, шел ремонт, Свердлов превращает лучшие московские гостиницы «Националь» и «Метрополь» в 1-й Дом Советов и 2-й Дом Советов.

В. Шамбаров: «Ленина и совнаркомовцев Яков Михайлович встречает 11-го уже как здешний хозяин — гостей. Демонстрирует назначенные им кремлевские покои — нравятся, не нравятся? Наделяет временным жильем в «Национале». Кремлевский гараж и казармы занимает автобоевой отряд Свердлова.» (269)

Кстати, «скромный в быту» Владимир Ильич занимал в Кремле «целых 16 комнат общей площадью 430 кв.м.» (270)

Что касается Якова Михайловича, его жены Клавдии Тимофеевны и двоих детей, — Андрея и Веры — то они заняли в Кремле квартиру из четырех комнат. (271)

Е. Драбкина пишет: «Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, который был и учредительным, и законодательным собранием, и конвентом Великой пролетарской революции, избрал для своих заседаний первое попавшееся помещение, удобное своим расположением в центре Москвы, свободное и никому не нужное. Это помещение оказалось залом ресторана «Метрополь».» (272) Оставил воспоминания о своей работе во ВЦИКе, куда он был «избран» на III съезде Советов, и будущий «стопроцентный сталинец» — Каганович: «Про себя, например, скажу, что я, привыкший к интенсивной работе, здесь работал и день и ночь — и по собственному увлечению и по необходимости. Жена моя Мария Марковна работала во ВЦИКе в отделе связи с местами, в том числе и по распределению и распространению литературы. Она также работала очень много...» (273)

А когда началась практическая работа правительства в Москве, роль Свердлова выросла еще больше. Начиная с того, что Яков Михайлович подмял под себя только начинавшую действовать систему «совнаркомовских» спецпайков и спецраспределителей.

«В Москве он взял на себя функции «завхоза» правительства и ВЦИК. Все снабжение пошло исключительно через него! Персонально, без всяких промежуточных звеньев. Только через Свердлова.» (274)

Предоставить квартиру в одном из Домов Советов, выдать «бутылку портвейну», обеспечить бесплатными талонами на обед в совнаркомовской столовой — все решит Яков Михайлович. Вот уж действительно, неуемной энергии был человек.

При этом, основной своей деятельности он, конечно же, не бросал.

В. Шамбаров: «Он и впрямь становится незаменимым. Не то что «правой рукой», а «руками» Ленина. Ленин думает, Ленин стратегию прокладывает. А исполняет — Свердлов. Его назначили председателем комиссии по выработке первой советской конституции. И людей лучше всех знает он. И практическую работу с людьми лучше других может провести — переговорить, оценить...

Он и пользуется этим доверием. И по-прежнему, когда открывается возможность, расставляет в важные точки «свои» кадры. Перебрался ЦК в Москву, а заведующая Секретариатом Стасова осталась в Питере, у нее отец тяжело болен. Что делать? Яков Михайлович сразу выход определяет. И заведующей Секретариатом ЦК ставит... свою жену. Самому ему теперь некогда, как прежде, в Секретариате торчать. Но отныне у него здесь «все схвачено».

Президиум ВЦИК он составляет сплошь из своих безотказных подручных. Наряду с Аванесовым туда попадают бывший уральский боевик Лейба Сосновский, кореш по тюремной камере И.А. Теодорович, а также Ф.А. Розинь, П.Г. Смидович, А.П. Розенгольц и др. А заместителем секретаря ВЦИК ставит свою верную подругу и жену Теодоровича Глафиру Окулову, у которой всегда останавливался при наездах в Питер.» (275)

Не оставляет Свердлов без внимания и столицу. Председателем Моссовета, с его подачи, становится П.Г. Смидович, соратник Якова Михайловича по президиуму ВЦИК.

Редактором «Известий ВЦИК» становится Стеклов (Нахамкес), с которым Свердлов близко сошелся еще в Петроградском Совете. Друг детства Лубоцкий (Загорский), эмигрировавший было в Германию и интернированный там в ходе войны, из немецкого лагеря переезжает в советское посольство, становится Полномочным представителем РСФСР в Германии. Креатурами Якова Михайловича являются Нарком юстиции — латыш Стучка, Нарком внутренних дел — Г.И. Петровский. Военное ведомство тоже не забыто, Шая Голощекин становится военкомом Уральского округа, а Подвойский и вовсе, входит в Высший Военный Совет, возглавляемый Троцким. Пристроил Яков Михайлович и бывшего «красного Главковерха» Крыленко, сделал его Председателем Верховного Трибунала. А главным следователем Ревтрибунала стал вциковец Кингисепп.

«Свою «тень» Аванесова он вводит в коллегию ВЧК... В органы ЧК Свердлов пристраивает и еще одного старого знакомого. Дальнего родственника и бывшего рабочего своего отца Генриха Ягоду (Иегуди).» (276)

И еще красочное свидетельство. Елизавета Драбкина вспоминает о своей работе в ведомстве Свердлова в Кремле в мае 1918 года:

«Столовая помещалась тут же, в Здании судебных установлений... Обедали в этой столовой все: и народные комиссары, и работники Совнаркома и ВЦИКа, и посетители Кремля. Здесь, за некрашеным столом, часто можно было услышать иностранную речь: сюда приходили и товарищи, пробравшиеся в Советскую Россию из-за рубежа, и бывшие военнопленные, ставшие большевиками, и политические эмигранты — венгры Бела Кун и Тибор Самуэли, швейцарец Платтен, французы Жанна Лябурб и Жак Садуль, американец Роберт Майнор, немец Эберлейн, китайский товарищ, который называл себя Сашей.» (277)

О роли Свердлова в отношениях с Германией.

23 апреля 1918 года назначенный Германией послом в Советской России граф Мирбах, проведший до этого несколько недель в Петрограде, прибыл в Москву.

«Приезд посла совпадал по времени с переворотом на Украине, занятием германскими войсками Финляндии, планомерным (пусть и постепенным) продвижением немецких войск восточнее линии, очерченной Брестским соглашением. Разумеется, советское правительство дало знать Мирбаху о своем недовольстве как только для этого представился случай — при вручении верительных грамот 26 апреля […]. Чичерин высказал недовольство в достаточно дипломатичной форме; резче был Свердлов, выразивший надежду, что Мирбах сможет «устранить препятствия, которые все еще мешают установлению подлинного мира». Вручение верительных грамот посла проходило в самой простой и холодной обстановке. По окончании официальной церемонии Свердлов не предложил ему сесть и не удостоил личной беседы.» (278)

Барон Карл фон Ботмер, представитель Верховного главнокомандования при немецкой дипломатической миссии в Москве, в своем дневнике пишет: «Сегодня [24 апреля 1918 года] в первой половине дня граф Мирбах вручил в Кремле верительные грамоты председателю Центрального исполнительного комитета Свердлову и председателю Совета народных комиссаров Ленину (соответствует примерно президентам и премьер-министрам других государств).» (279)

О роли в партии.

14 мая начало работу объединенное заседании ВЦИК, Моссовета и Четвертой Московской общегородской конференции партии. Ленинский доклад с предложением продолжать политику брестской «передышки», был подвергнут критике левыми коммунистами. Однако затем с ленинскими тезисами, одобренными в ЦК днем раньше, выступил Яков Свердлов, призвав левых коммунистов «подчиняться постановлениям партии».

«Видимо, речь Свердлова делегатов достаточно напугала. По крайней мере, при голосовании 47 человек против 9 согласились принять за основу тезисы ЦК. Сам Свердлов теперь, видимо, не просто заменил Ленина, взяв на себя, будучи председателем ВЦИКа, еще и большую часть партийной работы, а именно оттеснил его.» (280)

Это очень важный момент для понимания реального расклада сил внутри большевистской партии.

Мы уже могли оценить роль Свердлова в разгоне Учредительного Собрания, когда Яков Михайлович гремел речами на трибуне председателя, в то время как Ленину, бледному «как никогда», только и оставалось, что «обводить пылающими глазами весь зал».

Начиная с мая 1918 года Свердлов «часто назначался содокладчиком Ленина, т.е. был приставлен к Ленину комиссаром; был докладчиком от ЦК на Московской общегородской конференции и зачитывал написанные Лениным и утвержденные ЦК 13 мая «Тезисы ЦК о современном политическом положении». В протоколе заседания ЦК от 18 мая Свердлов в списке присутствующих стоит на первом месте. Заседание ЦК 19 мая — полный триумф Свердлова. Ему поручают абсолютно все партийные дела. Ленину на этом заседании дали лишь одно задание: «провести через Совнарком разрешение т. Стеклову на присутствие там».» (281)

Чрезвычайно показателен и следующий момент — протоколы заседаний ЦК за период с 19 мая по 16 сентября 1918 года не обнаружены. (282) О заседаниях того времени существуют лишь отрывочные сведения, причем эта «странность» никак не комментировалась советскими «историками».

Вот, например, 26 июня ЦК обсуждал вопрос о подготовке проекта конституции РСФСР для утверждения его на Пятом съезде

Советов. ЦК признал работу по подготовке проекта неудовлетворительной, и Ленин, поддержанный некоторыми другими членами ЦК, предложил «снять этот вопрос с порядка дня съезда Советов». Но Свердлов «настоял на том, чтобы вопрос остался» (т.е. пошел против Ленина и других членов ЦК) и победил.» (283)

Видимо, протоколы ЦК «не обнаружены» именно потому, что в них со всей очевидностью проявляется падение влияния Ленина.

24

И о роли Свердлова в проведении террора.

Английский журналист Роберт Вильтон (1868-1925), работавший в России в годы Первой мировой войны, октябрьского переворота, а затем и Гражданской войны, так описал структуру большевистской власти 1918 года.

«Совет Народных Комиссаров — это исполнительная власть только напоказ. Центральным Исполнительным Комитетом съездов Советов председательствовал Свердлов... Этот Центральный Исполнительный Комитет считался законодательной властью, но в действительности был органом произвола, так как тайно руководил по всей стране всеми Советами — крестьянскими, рабочими, солдатскими и пр. По его указке происходили также «выборы» народных комиссаров. Среди членов Комитета состояли Ленин, Троцкий, Каменев, Зиновьев, Иоффе, Крыленко, Урицкий.

Чтобы держать русских в состоянии покорности, «чрезвычайные комиссии», придаваемые каждому Совету, организовали террор; их деятельность объединялась Московской чрезвычайкой.

Очевидно, что Центральный Комитет (т.е. ВЦИК) и Чрезвычайная Комиссия должны были работать рука об руку. Так оно и было. Свердлов верховодил в обоих главных правительственных учреждениях. Его не без основания называли «красным царем». Скипетр его внушал страх. В сравнении с ним поблек образ начальника Охраны царских времен.» (284)

Террор, о котором говорил Роберт Вильтон, буквально захлестнул Советскую Россию. Террор доселе невиданный, стремительно превращавшийся в ужасающий кровавый конвейер. Вот, например, как действовала большевистская машина смерти в Москве.

Со слов очевидца: «Теперь ведут сначала в №11, а из него в №7 по Варсонофьевскому переулку. Там вводят осужденных, 30-12-8 человек (как придется), на четвертый этаж. Есть специальная комната, где раздевают до нижнего белья, а потом... ведут вниз по лестнице. Раздетых ведут по снежному двору, в задний конец, к штабелям дров, и там убивают в затылок из нагана. Иногда стрельба неудачна. С одного выстрела человек падает, но не умирает. Тогда выпускают в него ряд пуль; наступая на лежащего, бьют в упор в голову или грудь... Р. Олехновскую, приговоренную к смерти за пустяковый проступок, который смешно карать даже тюрьмой, никак не могли убить. 7 пуль попало в нее, в голову и грудь. Тело трепетало. Тогда Кудрявцев (чрезвычайщик из прапорщиков, очень усердствовавший, недавно ставший коммунистом) взял ее за горло, разорвал кофточку и стал крутить и мять шейные позвонки. Девушке не было 19 лет. Снег на дворе весь красный и бурый. Все забрызгано кругом кровью. Устроили снеготаялку — было дров много... Снеготаялка дала жуткие кровавые ручьи. Ручей крови перелился через двор и потек на улицу, перетек в другие места. Спешно стали закрывать следы. Открыли какой-то люк и туда спускают этот темный, страшный снег, живую кровь только что живших людей.» (285)

«Кроме «стационарных» боен действовали еще и разъездные. Специальные карательные поезда, колесившие по стране и «подтягивающие» места, где террор, по мнению руководства, еще недостаточен. Одним таким поездом заведовал «свердловец» М.С. Кедров со своей супругой Ревеккой Майзель. На ответственном посту в Архангельске он проявил себя полным нулем, первым удрал, едва пошли слухи о приближении неприятельской эскадры. А в качестве карателя оказался вполне на своем месте. Его поезд выезжал то для «административно-оперативных», то для «военно-революционных ревизий, сводившихся к кровопролитию. При наезде в Воронеж было расстреляно около тысячи человек, да еще взято «много заложников».

Особое пристрастие Кедров питал к детям, сотнями присылая с фронтов в Бутырки мальчиков и девочек 8-14 лет, которых объявил «шпионами». Устраивал и сам детские расстрелы в Вологде, Рыбинске. В Ярославле учинил кампанию по уничтожению гимнази-

стов — их определяли по форменным фуражкам, а когда перестали их носить, вычисляли по прическе, осматривая волосы и выискивая рубчик от фуражки. А его жена лично проводила допросы в жилом вагоне, откуда доносились крики истязуемых. Потом она их собственноручно пристреливала тут же, на станции. И только в Вологде убила около 100 человек.» (286)

И еще свидетельства современников.

«Пытки совершаются путем физического и психического воздействия. В Екатеринодаре пытки производятся следующим образом: жертва растягивается на полу застенка. Двое дюжих чекистов тянут за голову, двое за плечи, растягивая таким путем мускулы шеи, по которой в это время пятый чекист бьет тупым железным орудием, чаще всего рукояткой нагана или браунинга. Шея вздувается, изо рта и носа идет кровь. Жертва терпит невероятные страдания.» (287)

Вот последствия деятельности чекиста Саенко в Харькове.

«Вскрытие трупов извлеченных из могил саенковских жерт в концентрационном лагере в числе 107 обнаружило страшные жестокости: побои, переломы ребер, перебития голени, снесенные черепа, отсеченные кисти и ступни, отрубленные пальцы, отрубленные головы, держащиеся только на остатках кожи, прижигание раскаленным предметом, на спине выжженные полосы и т.д. и т.д.» (288)

А вот пытки в «китайской» ЧК в Киеве.

«Пытаемого привязывали к стене или столбу; потом к нему крепко привязывали одним концом железную трубу в несколько дюймов ширины... Через другое отверстие в нее сажалась крыса, отверстие тут же закрывалось проволочной сеткой, и к нему подносился огонь. Приведенное жаром в отчаяние животное начинало въедаться в тело несчастного, чтобы найти выход. Такая пытка длилась часами, порой до следующего дня, пока жертва не умирала.» (289)

Приведем еще и письмо случайно пострадавшего коммуниста, опубликованное под заголовком «Неужели средневековый застенок?» московской газетой «Известия» (№18 от 26 января 1919 года): «Арестован я был случайно, как раз в том месте, где, оказалось, фабриковали фальшивые керенки. До допроса я сидел 10

дней и переживал что-то невозможное (речь идет о следственной комиссии Сущево-Мариинского района в Москве)... Тут избивали людей до потери сознания, а затем выносили без чувств прямо в погреб или холодильник, где продолжали бить с перерывами по 18 часов в сутки. На меня это так повлияло, что я чуть с ума не сошел.» (290)

Вам страшно? Поверьте, что число таких свидетельств можно без труда увеличить в десятки раз.

Еще одна несомненная «заслуга» Свердлова — развязывание гражданской войны в российской деревне. Яков Михайлович вполне откровенно рассказал об этом в докладе «О задачах Советов в деревне», произнесенном 20 мая 1918 года на заседании ВЦИК:

«...Если в городах нам уже удалось практически «убить» нашу крупную буржуазию, то этого мы пока еще не можем сказать о деревне. Если мы в городах можем сказать, что революционная Советская власть в достаточной степени сильна, чтобы противостоять всяким нападкам со стороны буржуазии, то относительно деревни этого сказать ни в коем случае нельзя.

Поэтому мы должны самым серьезным образом поставить перед собой вопрос о расслоении в деревне, вопрос о создании в деревне двух противоположных враждебных сил, поставить перед собой задачу противопоставления в деревне беднейших слоев населения кулацким элементам. Только в том случае, если мы сможем расколоть деревню на два непримиримо враждебных лагеря, если мы сможем разжечь там ту же гражданскую войну, которая шла не так давно в городах, если нам удастся восстановить деревенскую бедноту против деревенской буржуазии, только в том случае мы сможем сказать, что мы и по отношению к деревне делаем то, что смогли сделать для городов...» (291)

Итак, именно Свердлов начал первое наступление на крестьянство — принудительное создание коммун.

«Под руководством Свердлова и наркома земледелия Середы развернулось принудительное объединение крестьян в коммуны. Причем от последующей сталинской коллективизации эта «коммунизация» значительно отличалась. Обобществлению подлежало

все имущество — скот, птица, сады, огороды, инструмент кустарей, даже избы. Члены коммун должны были трудиться бесплатно, централизованно распределяться на работу, питаться в общественных столовых. Жить должны были в общих помещениях наподобие казарм, отдавать детей для коллективного воспитания.» (292)

Не беремся судить, выглядит ли на фоне Свердлова «товарищ» Сталин, умертвивший миллионы крестьян в ходе коллективизации, этаким благодетелем, но то, что Иосиф был значительно осторожнее Якова — сомнений не вызывает.

Так или иначе, довольно точное описание деятельности большевиков в России мы находим в дневнике Карла фон Ботмера от 21 мая 1918 года: «Худшим врагом Советов является голод. Быстро нарастает понимание, что Свердлов, Ленин, Троцкий и товарищи не могли и не смогут улучшить экономическое положение в стране; число их приверженцев сокращается. Фактическую власть правительства представляют, так сказать, главным образом промышленные рабочие и красногвардейцы, и в первую очередь финские и латышские стрелки. Из них здесь в Москве новым большевистским правительством создан 1-й гвардейский полк. Правительство Советов старается укрепить эту свою опору хорошей оплатой и улучшенным снабжением гвардейцев.» (293)

25

А теперь к отношениям Якова Михайловича и Владимира Ильича.

Поразительным и загадочным фактом является планомерное истребление на Урале родственников Ленина, проводимое местным ЧК. А Урал, как мы помним, был исторической вотчиной Свердлова.

В январе 1918 года в Верхотурье был арестован двоюродный брат Ленина кадет Виктор Александрович Ардашев.

«Он был доставлен в Екатеринбург, где был допрошен лично Я. Юровским. После допроса Виктор Ардашев был отправлен в поселок Верх-Исетский завод, но по дороге туда был расстрелян, якобы при попытке к бегству. По факту убийства Голощекиным была на-

значена проверка, которая, как и следовало ожидать, закончилась ничем. При этом из следственного дела пропал протокол допроса конвоира, застрелившего Ардашева.» (294)

В июне 1918 года в Екатеринбурге был арестован двоюродный племянник Ленина Георгий Ардашев, командир красногвардейского эскадрона. Ему была вменена в вину измена революции, и он был немедленно расстрелян. (295)

Спустя три недели, в самом преддверии убийства Царской Семьи, опять-таки по приказу Юровского был арестован Александр Александрович Ардашев, отец расстрелянного Георгия Ардашева, со всей семьей, включая малолетних детей. Их участь была решена Юровским в том же смысле, что и судьба предыдущих Ардашевых, но кто-то из Екатеринбурга сообщил Ленину об этом аресте.

Ленин немедленно посылает в Екатеринбург телеграмму: «Прошу расследовать и сообщить мне причины обыска и ареста Ардашевых, особенно детей в Перми. Предсовнаркома, Ленин».» (296)

Таким образом, лишь внимание «самого» положило конец репрессиям.

П. Мультатули: «Лишь чудом Ленину удалось вырвать семью Ардашевых из лап Юровского. Мы видим, что убийства родственников Ленина проводились теми же людьми, что убили Царскую Семью. Это были люди Свердлова. Они действовали явно вопреки Ленину и в тайне от Ленина.» (297)

И еще об убийствах.

20 июня 1918 года в Петрограде был убит «товарищ» Володарский.

Для справки: Володарский, настоящее имя Моисей Маркович Гольдштейн (1891-1918). В 1913 году эмигрировал в США. Во время Первой мировой войны вместе с Троцким и Бухариным издавал в Нью-Йорке газету «Новый мир». В мае 1917 года вернулся в Россию, «межрайонец», то есть сторонник Троцкого. В июле того же года вместе с последним становится большевиком. Член Президиума ВЦИК, в 1918-м — комиссар печати, пропаганды и агитации в Союзе коммун Северной области, главный редактор «Красной газеты».

Историк Николай Коняев рисует вполне убедительную картину убийства Володарского чекистом Петром Юргенсоном с ведома

большевистских вождей Петрограда Зиновьева и Урицкого, а также небезызвестного Луначарского. Но только ли эти «товарищи» стояли за покушением на Моисея Марковича?

Еще 7 июня 1918 года Петр Юргенсон, двоюродный брат чекиста Романа Юргенсона, подошел к водителю «роллс-ройса», на котором ездил Моисей Маркович Володарский, с вопросом, хочет ли тот заработать денег?

В показаниях шофера Гуго Юргенса этот эпизод описан подробно и определенно:

«На мой вопрос: «Как?» — Юргенсон говорил: — Очень просто. Надо Володарского убить.

- Я, что ли, должен убить? — спросил Гуго.

- Нет. Ты сиди в машине и молчи. Когда навстречу будет идти машина и покажут сигнал, остановишься. Сделаешь вид, что машина испортилась, — ответил Юргенсон. — Тогда сделают все, что надо».

Гуго Юргенс заколебался, и Юргенсон сказал ему, что в награду Гуго может взять себе бумажник убитого Моисея Марковича Володарского.» (298)

Шофер ответил согласием.

Прошло 14 дней, и 20 июня Володарский выехал из Смольного на встречу с Зиновьевым, в сопровождении сотрудниц секретариата Богословской Нины Аркадьевны и Зориной Елизаветы Яковлевны.

Первым делом поехали в Невский райсовет, где должен был находиться Зиновьев. Однако последнего там не оказалось. Пока Володарский куда-то звонил, Богословской удалось поговорить на улице с проезжавшим мимо, разумеется, совершенно случайно, Луначарским, который объяснил, что Григорий Евсеевич в данный момент выступает на митинге на Обуховском заводе.

«Луначарский уехал, а я побежала в Невский райсовет сообщить об этом Володарскому... - волнуясь, вспоминала потом Нина Аркадьевна. - Через несколько минут я с Володарским села в машину. Едва мы сели, как шофер поехал.» (299)

«- Куда это едет шофер? - сказала Нина Аркадьевна. - Вы же ему не сказали, куда, на какой завод...

- Да он знает из наших разговоров... - ответил Володарский.

Проехав некоторое время, машина замедлила ход... Шофер, полуобернувшись к пассажирам, сказал:

- Да... Пожалуй, весь бензин вышел...

После этого «он сейчас же остановил машину».

Необходимо отметить, что ездил товарищ Володарский на автомобиле, принадлежавшим до революции миллионеру Манташеву. Этот «роллс-ройс» изготовлялся по спецзаказу и прежнему владельцу обошелся в кругленькую сумму — 125 тысяч рублей. Понятно, что и надежность этой, одной из лучших в Европе, машин тоже была повышенной.

Поэтому осуществить план, предложенный Петром Юргенсоном, было просто невозможно. Внезапная поломка сверхнадежного мотора, конечно, насторожила бы Моисея Марковича. Но сейчас — видимо, план был доработан! - внезапно кончился бензин.

- Эх ты! - в сердцах сказал Моисей Маркович и вместе с дамами начал выбираться из машины.

И вот, надо же было случиться так, чтобы бензин кончился именно в том месте, где за углом дома с пистолетом в руках поджидал Моисея Марковича человек, чрезвычайно похожий на Петра Юргенсона.» (300)

Далее все было делом техники. Едва Володарский сделал несколько шагов в сторону Невского райсовета, как раздалось несколько выстрелов. Моисей Маркович был убит.

Теперь организаторам убийства надо было спихнуть внутреннюю разборку на происки контрреволюции. Официально убийцей был объявлен некий рабочий Никита Сергеев, якобы эсер-боевик.

Н. Коняев резюмирует: «Был изобретен воистину большевистский гибрид эсера-черносотенца...» (301)

На траурном заседании Петросовета Зиновьев сказал об убийце Володарского.

«Да... Может быть, это был одиночка... Одиночка, в жилах которого течет кровь генерала Галифе и Корнилова, а не кровь рабочего класса.» (302)

Итак, представители большевистской верхушки ловко спихнули собственное преступление на бедолагу рабочего, заявив, на всякий случай, что у того в жилах течет почему-то вовсе не «кровь рабочего класса». Для Никиты Сергеева все это означало смертный приговор.

Любопытно, что судьба Гуго Юргенса, шофера убиенного, сложилась принципиально иначе.

«Просидев несколько дней под арестом, он, несмотря на то что все факты свидетельствовали о его причастности к убийству Моисея Марковича Володарского, благополучно вышел на свободу.» (303)

И еще одно странное совпадение — Зиновьев, которого весь вечер искал мертвый уже Володарский, приехал на место убийства буквально через несколько минут после того, как стихло эхо последнего выстрела.

А вот теперь самое время вспомнить, что Володарский из «межрайонцев» Троцкого вдруг становится «другом» Свердлова. Причем, таким другом, который вхож в тесный круг друзей Якова Михайловича, который «больше всех горячится» и которого Якову Михайловичу приходится «частенько поправлять» в «живых, товарищеских беседах». Теоретически, можно допустить разные варианты причин убийства: месть Троцкого за измену, реакция Свердлова на что-то, изобличившего в Володарском «троцкистского шпиона», ну и наконец, желание Якова Михайловича угомонить излишне ретивого, а возможно, и болтливого «друга». Ведь в скором времени, как мы увидим, планировались некие грандиозные события, обещавшие стать поворотными в судьбах Якова Михайловича Свердлова, его ближайших сторонников, а то и всего мира.

Сам Свердлов так прокомментировал убийство.

«- Бесконечно жаль Володарского, — говорил Яков Михайлович, узнав печальную новость, — погиб преданный революционер. Тяжелая утрата, но хоть смерь замечательная....» (304)

Примерно то же самое сказал он и на похоронах Володарского, прошедших 23 июня 1918 года.

«Тяжелую потерю понесли Советы в лице товарища Володарского. […] Пусть эта память будет священна для нас, как должна быть священна и эта жертва. Это не первая и не последняя жертва, и мы не боимся их. Итак, теснее смыкайте свои ряды и смело вперед к победе!» (305)

Реакция Ленина — традиционно кровожадна. 26 июня 1918 года он пишет Зиновьеву.

«Только сегодня мы услыхали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы (не Вы лично, а питерские цекисты или пекисты) удержали.

Протестую решительно!

Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, тормозим революционную инициативу масс, вполне правильную.

Это не-воз-мож-но!

Террористы будут считать нас тряпками. Время архивоенное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, особенно в Питере, пример коего решает.

Привет! Ленин.» (306)

После этого письма банальная для большевиков разборка превратилась в целую волну кровавого террора, направленного против совершенно невиновных людей.

И еще — запомним реакцию Ленина на убийство не самого выдающегося из большевиков.

26

Ю. Фельштинский: «Брестский мир привел к падению авторитета Ленина в партийном и советском активе; после марта 1918 г. антиленинские заговоры в партии стали повседневностью, Ленин постепенно терял власть, уступая ее фактическому генсеку Я.М. Свердлову.» (307)

На этом фоне «фактический генсек», достигнув некоего стабильного превосходства внутри собственной партии, решил воспользоваться антиленинским настроем временных попутчиков — левых эсеров, и нанести по ним решительный удар.

4 июля в Москве, в здании Большого театра, начался V Всероссийский съезд Советов, открытый Свердловым. С отчетом ЦИК и Совета Народных Комиссаров выступали Ленин и, опять же, Свердлов.

5 июля фракция левых эсеров (353 делегата, у большевиков — 773, прочих — 38), во главе с бывшей террористкой Марией Спиридоновой, резко выступила против большевистской полити-

ки, осуждая продразверстку и комбеды. Но, самое главное, левые эсеры всем скопом наступили на больную ленинскую мозоль, обрушив шквал критики на Брестский мир. Обстановка на съезде была накалена до предела.

И тут, 6 июля 1918 года в Москве был убит германский посол Мирбах. Убийство совершили два сотрудника ВЧК Николай Андреев и Яков Блюмкин, проникшие в посольство Германии по мандатам за подписью Дзержинского. Причем именно первый из них сразил германского посла, впоследствии же «лавры Андреева были отданы Блюмкину.» (308)

Кому было выгодно это убийство? Точно не Ленину, если учесть, что еще 11 июня 1918 года, менее чем за месяц до убийства, Мирбах получает известие из Берлина «о том, что ему срочно предоставляется 40 миллионов марок, плюс ежемесячно три миллиона в дальнейшем, которые должны быть переданы большевикам. До выполнения условий договора Ленина нужно удержать у власти.» (309)

Однако, как мы помним, летом 1918 года, влияние Ленина в ЦК было довольно ограничено. Зато его «товарищей» — Свердлова и Троцкого — ослабление влияния Германии вполне устраивало. К тому же, к июню было уже совершенно очевидно, что поражение Четверного союза — дело буквально нескольких месяцев.

«Между тем Владимир Ильич и Яков Михайлович отправились вдвоем в германское посольство, чтобы выразить соболезнование в связи с гибелью посла. Вернулись сердитые недовольные. Процедура была не из приятных, но они пошли на этот визит, стремясь сгладить последствия левоэсеровской провокации.» (310)

Согласимся, неприятно, когда на вас повышает голос начальство, пусть даже ему осталось руководить совсем недолго, а уж когда угрожает начальство чужое...

По официальной версии, убийство Мирбаха послужило сигналом к началу так называемого «мятежа левых эсеров против большевиков», подавленного уже к вечеру следующего дня.

Странности этого «мятежа» настолько многочисленны, что мы коснемся лишь некоторых из них, самых вызывающих.

Начнем с поведения Дзержинского, который, узнав об убийстве, явился в немецкое посольство, чтобы лично вести расследование.

Там он объявил свою подпись на мандатах Андреева и Блюмкина поддельной, забрал их в качестве «вещественного доказательства», которое с тех пор никто и никогда не видел. После этого Дзержинский сообщает сопровождавшему его от наркомата иностранных дел Карахану, что восстал полк ВЧК под командованием Попова, и что убийцы Мирбаха наверняка прячутся там. И тут же уезжает в сопровождении трех чекистов в восставший полк.

Явившись в отряд Попова «производить следствие по делу Мирбаха», Дзержинский «объявил арестованными двух членов комитета ПЛСР — Прошьяна и Карелина, причем заявил, что один из членов ЦК должен быть искупительной жертвой за Мирбаха». (311)

Показания Александра Ильича Ермоленко: «Было заметно, что главные деятели отряда Попова, черноморские матросы, были не совсем в трезвом состоянии. Главным мотивом восстания матросы указывали на сдачу и потопление Черноморского флота. По их мнению, нужно было воевать с Германией и ни в каком случае не считаться ни с какими ее требованиями. Матросы убеждены почему-то, что сил для войны с немцами у России еще хватит.» (312)

В общем, «мятежные» матросы Феликса Эдмундовича благополучно «арестовали». Под арестом Дзержинский и просидел до самого конца «мятежа».

В.Д. Бонч-Бруевич описывает возвращение Дзержинского из левоэсеровского «пленения».

«- Вот и я, — весело проговорил Дзержинский, быстро входя в Управление делами Совнаркома.

Наконец-то явился! — встретили мы его приветствиями.» (313)

Тем временем «восставшие» левые эсеры, действуя небольшими группами, арестовали Лациса, Подбельского, председателя Моссовета Смидовича... и на этом ограничились. Даже не попытались отключить телефоны Кремля и наркоматов, что было бы вполне естественно, учитывая опыт октября 1917-го.

«А руководство левоэсеровской партии повело себя еще более странно. Вместо того, чтобы возглавить выступление, оно о восстании как бы и не подозревало! Спокойно... отправилось на съезд. В полном составе. И дало поймать себя в элементарную ловушку.

Устроил ее Свердлов. По официальной версии, он никаких сведений о подготовке мятежа не имел, но «почуял» нечто неладное. И загодя принял меры предосторожности. Подтянул к Большому театру броневики и машины с пулеметами своего автобоевого отряда ВЦИК, латышей из охраны Кремля. Вооружил слушателей своих курсов инструкторов ВЦИК. На заседание 6 июля Ленин, вроде бы, запаздывал. И Свердлов сам — как пишут, узнав о мятеже - молниеносно провернул операцию. Объявил заседание по фракциям. Левые эсеры — в фойе театра, а большевики — на Малой Дмитровке, в школе инструкторов ВЦИК. Все двери были заблаговременно заперты, выход остался только один, через оркестровую яму. Там дежурила верная свердловская помощница Глафира Окулова (Теодорович), давая указание пропускать лишь тех, кто предъявлял карточку члена большевистской фракции. А с левоэсеровскими карточками вежливо заворачивали. Вам, мол, товарищ, выходить не надо, ваша фракция остается в театре.

После чего свердловские «спецназовцы», развернув пулеметы, мгновенно обезоружили и сменили охрану. Не левоэсеровскую, а обычную красноармейскую, не знающую и не понимающую, что к чему. А дальше вдруг открылись двери фойе, где заседала фракция Спиридоновой. В дверях — вооруженные люди. Объявившие фракцию арестованной. 353 делегата, в том числе весь ЦК левых эсеров, оказались в заложниках.» (314)

За пределами Большого театра «повстанцы» никаких действий не предпринимали. Большевики, пользуясь их пассивностью, подтянули оставшихся латышских стрелков с Ходынского поля, где те праздновали Янов день, обложили кольцом Покровские казармы, а утром 7 июля открыли по «мятежникам» артиллерийский огонь. Левоэсеровское «восстание» было подавлено.

И еще о странностях «мятежа».

«Обратим внимание еще на некоторые моменты. Работа по созданию первой Советской Конституции началась 30 марта 1918 г. Комиссия по ее выработке была сформирована 1 апреля. Председатель комиссии — Свердлов. А в состав ее вошли Аванесов, Бердников, Покровский, Стучка, Курский, Петровский, Рейснер и др. В основном — люди Свердлова.» (315)

М.А. Рейснер, являвшийся членом комиссии, писал в своих воспоминаниях: «Я.М. Свердлов был председателем комиссии. И, по правде сказать, лишь он один был в состоянии вывести комиссию из ее многоразличных разноречий и дать форму, которая точно отражала существующее и вместе с тем открывала пути и ставила вехи для грядущего.» (316)

Когда процесс разработки Конституции нужно было ускорить, Яков Михайлович сумел моментально подкорректировать «форму».

Практически это выглядело так.

«3 июля Свердлов, в тайне от левых эсеров, поручил Стеклову и Я.С. Шейнкману составить проект конституции заново. Те провели в запертой комнате «Метрополя», куда усадил их Свердлов, весь день. Ленин, со своей стороны, дал Стеклову и Шейнкману, «принципиальные указания насчет формулировки вопроса о «свободах». В тот же день проект конституции был выработан.» (317)

В. Шамбаров: «Конституция была принята, как уже отмечалось, 10 июля, и провозглашала коммунистическую партию правящей. Эта Конституция фактически узаконила однопартийное правление. Значит... еще в период ее разработки заведомо предполагалось сокрушить левых эсеров.» (318)

Кстати, «в тот же день, когда было принято решение о подготовке Конституции, 1 апреля 1918» ВЦИК утвердил, по предложению Свердлова, национальный флаг РСФСР - «боевое красное знамя». (319)

Кстати, вполне возможно, что когда Иосиф Виссарионович отдавал указание о создании так называемых «шарашек» — когда ученых и конструкторов — запирали в тюрьмах, чтобы повысить их работоспособность, он мог вдохновляться примером Якова Михайловича, сумевшего здорово подстегнуть творческую энергию разработчиков первой советской конституции.

Еще один момент — «те самые карточки большевистской фракции съезда, по которым 6 июля «своих» выпустили из Большого театра. Это был первый и единственный случай, когда на съезд Советов для делегатов разных фракций отпечатали разные карточки. Прежде мандаты были одинаковыми, а тут вдруг — разными. Отпечатали-то заранее. И, как видим, пригодилось. Что ни говори,

а Яков Михайлович был человеком очень обстоятельным и предусмотрительным.» (320)

Ну и наконец, вот свидетельство Красина, вернувшегося из Германии как раз накануне описываемых событий. 6 июля, в тот самый день, когда Свердлов арестовывал фракцию левых эсеров, Ленин рассказал Леониду Борисовичу о том, как предполагает выкрутиться из кризиса, созданного убийством германского посла.

«Ленин «с улыбочкой, заметьте, с улыбочкой» прибавил «Мы произведем среди товарищей [левых] эсеров внутренний заем […] и таким образом и невинность соблюдем, и капитал приобретем».» (321)

Для нас очевидно, что эта мысль была подсказана Ильичу, с целью успокоить «старика», «товарищем» Свердловым, который заранее спланировал акцию против левых эсеров. В связи с этим, вполне вероятно, что и само убийство германского посла, ослаблявшее влияние Германии в пользу Англии и США, было организовано Яковом Михайловичем.

Отдельно отметим, что, поскольку убийство Мирбаха было совершено с мандатами от Дзержинского, последний был на некоторое время отстранен от должности председателя ВЧК. В его отсутствие, Яков Петерс сформировал новую коллегию ВЧК, не только очищенную от левых эсеров, но и пополненную верными свердловцами.

27

Пришло время поговорить о трагедии династии Романовых.

Генерал Дитерихс: «Периоду царствования династии Романовых скромное Московское Государство обязано возвеличением до степени Великой Российской Державы. За эти 300 лет Россия стала величайшей мировой страной, не только по своим размерам, но и по своему государственному и политическому значению. Этим в достаточной мере определяется историческое значение для русского народа периода царствования самодержавной династии Романовых, и этого ее значения из истории России ничто не может исключить...» (322)

А теперь о последнем русском Государе.

С.С. Ольденбург: «Император Николай II обладал живым умом, быстро схватывающим существо докладываемых Ему вопросов — все, кто имел с Ним деловое общение, в один голос об этом свидетельствуют. У Него была исключительная память, в частности на лица. Государь имел также упорную и неутомимую волю в осуществлении своих планов. Он не забывал их, постоянно к ним возвращался, и зачастую в конце концов добивался своего.

Иное мнение было широко распространено потому, что у Государя, поверх железной руки, была бархатная перчатка. Воля Его была подобна не громовому удару, она проявлялась не взрывами и не бурными столкновениями; она скорее напоминала неуклонный бег ручья с горной высоты к равнине океана: он огибает препятствия, отклоняется в сторону, но в конце концов, с неизменным постоянством, близится к своей цели.» (323)

Он же: «Самым трудным и самым забытым подвигом Императора Николая II-го было то, что Он, при невероятно тяжелых условиях, довел Россию до порога победы: Его противники не дали ей переступить через этот порог.» (324)

Эту последнюю мысль подтверждает и У. Черчилль: «Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была в виду. Она уже перетерпела бурю, когда все обрушилось. Все жертвы были уже принесены, вся работа завершена. Отчаяние и измена овладели властью, когда задача была уже выполнена. Долгие отступления окончились; снарядный голод побежден; вооружение притекало широким потоком; более сильная, более многочисленная, лучше снабженная армия сторожила огромный фронт; тыловые сборные пункты были переполнены людьми. Алексеев руководил армией и Колчак — флотом. Кроме того, — никаких трудных действий больше не требовалось: оставаться на посту; тяжелым грузом давить на широко растянувшиеся германские линии; удерживать, не проявляя особой активности, слабеющие силы противника на своем фронте; иными словами — держаться; вот все, что стояло между Россией и плодами общей победы.» (325)

В августе 1917 года по решению Временного правительства Николай II и Его Семья были высланы в Тобольск, где они пребывали под строжайшим надзором до апреля 1918 года.

Р. Пайпс: «Лишь один документ, найденный среди их вещей, позволяет, быть может, заглянуть в их внутренний мир и понять, какие чувства испытывали эти люди. Это стихотворение «Молитва», написанное С.С. Бехтеевым, братом Зинаиды Толстой, близкой подруги Александры Федоровны, в октябре 1917 года и посланное в Тобольск с посвящением Ольге и Татьяне. В бумагах императорской семьи была найдено два списка этого стихотворения: один, сделанный рукой Александры Федоровны, другой — рукой Ольги. Вот эти строки:

Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.

Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейство ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.

И в дни мятежного волненья,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и униженья,
Христос, Спаситель, помоги!

Владыка мира, Бог вселенной!
Благослови молитвой нас...
И дай покой душе смиренной
В невыносимый смертный час.

И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов.» (326)

П. Мультатули: «Имеются сведения, что немцы начали переговоры с большевистским правительством об освобождении Цар-

ской Семьи. Входивший в состав германского посольства в России доктор Рицлер показывал следователю Соколову в 1921 году в Берлине «ряд документов на немецком языке, из содержания которых видно: 1) что между Кюльманом и Рицлером, с одной стороны, Чичериным и Иоффе и иногда Радеком, с другой, велись переговоры, причем германское правительство настаивало на ограждении жизни Царской Семьи; 2) что эти переговоры велись в июне и июле месяцах 1918 года.» (327)

Мало того, «весной 1918 года граф Мирбах имел встречу со Свердловым. Мирбах заявил Свердлову, что «хочет увидеться с бывшим Царем».» (328)

Свердлов, на словах, «пошел навстречу желанию Мирбаха и сказал, что распорядится доставить Николая II в Москву». (329)

Тем не менее вместо Москвы и Петрограда Царская Семья была доставлена в Екатеринбург.

Более того, Свердлов изначально приказывал откомандированному для этой цели комиссару Яковлеву везти Императора в Екатеринбург. (330)

П. Мультатули: «По нашему глубокому убеждению, Свердлов был представителем интересов тайного заграничного сообщества, или сообществ, чьи структура и роль в русской революции до конца не известны. В своей деятельности Свердлов руководствовался в первую очередь не интересами большевистского правительства, а интересами тех сил, которые поставили его у власти. Передача немцам Царской Семьи была даже в какой-то степени выгодна для большевиков, так как делала из них «гуманных спасителей» Царской Семьи.» (331)

Такой «образ» давал большевикам возможность, в случае своего поражения, скрыться в той же Германии, да и в любой другой стране. Но у Свердлова были свои соображения на сей счет.

«Екатеринбург был вотчиной Свердлова еще со времен революции 1905-1907 годов и находился под полным контролем его ставленников. Поэтому понятно, почему Свердлов выбрал именно Екатеринбург для перевоза в него Царской Семьи. Таким образом,... дав Мирбаху свое согласие на перевоз Императора Николая II в Москву, Свердлов приступил к немедленной подготовке своего плана, целью которого было недопущение перевоза Императора

именно в Москву. А.Г. Белобородов писал в своих воспоминаниях: «Насколько я помню теперь, мы, уральцы, представляли дело таким образом: Николай и его Семья должны быть перевезены на Урал. Этим совершенно устраняется возможность к побегу. Кроме того, если бы друзья Николая с германской стороны захотели его от нас оторвать, у нас остаются тысячи возможностей его ликвидировать в процессе отправки».» (332)

Таким образом, резюмирует П. Мультатули, «Свердлов и большевистское руководство в целом, не будучи в состоянии напрямую отказать немцам, было вынуждено согласиться на перевоз Царской Семьи в Москву или иное подконтрольное немцам место. Но Свердлов при этом имел свои собственные намерения в отношении Царской Семьи и, воспользовавшись германским указанием, решил перевезти Царскую Семью в подконтрольный именно ему город». (333)

28

В Екатеринбурге Царская Семья была заключена в «дом особого назначения» (ДОН).

«Символичность придания ДОНу названия «Ипатьевского» уже неоднократно отмечалась многими авторами: в 1613 году в Ипатьевском монастыре был избран на царство первый Царь из Дома Романовых Михаил Федорович, в Ипатьевском доме Екатеринбурга — убит последний Царь из Дома Романовых Николай Александрович. Но кроме этой параллели существует еще и другая: в Ипатьевской летописи подробно излагались обстоятельства убийства «первого царя» - Великого Князя Андрея Боголюбского.» (334)

«Войдя в дом Ипатьева, Государыня сделала отметку на косяке окна своей комнаты. Она нарисовала свой индийский знак свастики и рядом указала дату «17/30 апр. 1918 г.» Этим же числом датирована и расписка, выданная в Екатеринбурге комиссару Яковлеву в получении от него узников.» (335)

Вместе с Царской Семьей в Ипатьевском доме проживали доктор Е.С. Боткин, камер-лакей А.Е. Трупп, горничная А.С. Демидова, повар И.М. Харитонов и поваренок Леонид Седнев.

Комендантом дома особого назначения был назначен А.Д. Авдеев. На этой должности он продержался вплоть до решающих дней.

4 июля 1918 года Авдеев и его помощник Мошкин были отстранены от обязанностей. Начальником охраны становится один из ближайших подельников Свердлова — Янкель (Яков) Юровский.

Следователь Н. А. Соколов, которому Верховный правитель России адмирал Колчак поручил расследование екатеринбургской трагедии: «Когда Яков Юровский внедрился в дом Ипатьева, Шая Голощекин отсутствовал из Екатеринбурга. Он в это время находился в Москве и жил на квартире у Свердлова. Но Белобородов в тот же день сообщил ему телеграфно о происшедшей в доме перемене.

Телеграмма Белобородова имела следующее содержание:

Москва. Председателю ЦИК Свердлову для Голощекина.

Авдеев сменен его помощник Мошкин арестован вместо Авдеева Юровский караул весь сменен заменяется другим точка. — 4558. Белобородов. 4/VII» (336)

Вновь назначенный комендант дает распоряжение заменить внутреннюю охрану на людей из «чрезвычайной комиссии».

Через несколько дней эти люди из чрезвычайной следственной комиссии прибыли в дом Ипатьева. Их было десять человек.

Все они были «латышами».

«Из всей русской охраны, после удаления Авдеева и Мошкина, только один сохранил еще доверенность главарей — Павел Медведев. В справке о прежней жизни этой зловещей личности значится изнасилование ребенка. Он был Иудой Романовых.» (337)

Главную вооруженную силу большевиков в Сибири составляли латышские отряды и бывшие военнопленные из Германии и Австро-Венгрии. Они держались замкнуто, отчужденно от русских красноармейцев. Задействованы они были и в Екатеринбурге.

Соколов: «На террасе ипатьевского дома, где был пост №6, я обнаружил надпись на русском языке: «№6. Вергаш карау... 1918. VII/15». Кто-то, стоявший на этом посту за сутки до убийства, хотел увековечить свое имя, но запутался в слове «караулил».

Тогда он написал по-мадьярски: Verhas Andras 1918 VII/15 e orsegen/

Осматривая сад Ипатьева, я нашел здесь обрывок письма на мадьярском языке на имя «Терезочки». Его писал весной 1918 года

охранник. Экспертиза пришла к выводу, что это письмо писано мадьяризированным немцем.» (338)

Официально будущее убийство, назначенное на следующий за заседанием день, было оформлено 16 июля 1918 года решением Президиума Уральского областного Совета. Оригинал сего документа не сохранился. Или же тщательно сокрыт в архивных дебрях.

Итак, семь членов Семьи: Николай Александрович, Александра Федоровна, Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия и Алексей, вместе с Евгением Боткиным, Иваном Харитоновым, Алексеем Труппом и Анной Демидовой обречены.

Убийцы пощадили лишь поваренка Седнева, товарища игр Цесаревича Алексея, удалив его из дома незадолго до расстрела.

Да еще незадолго до рокового дня вызывают в комиссариат доктора Боткина.

«Там ему почти открытым текстом дают понять, что судьба Царской Семьи решена окончательно и бесповоротно. «И было бы жаль, если и Вас постигнет та же участь. Разве Вы не хотите работать в одном из наших госпиталей?» - спрашивает его комиссар. Пораженный Боткин молчит. Спустя некоторое время он берет себя в руки и решительно отклоняет предложение: «Мое место возле Его Величества — до конца».» (339)

Вечером 16 июля Юровский отобрал у всех охранников-рабочих револьверы, хотя у всех «латышей» оружие оставалось на руках. (340)

Если точнее, «в 7 часов вечера Юровский отдал Медведеву приказание отобрать револьверы у всех русских конвоиров. Когда оружие принесли, Юровский открыл Медведеву проект избиения, запретив ему до 11 часов вечера говорить о нем русским. В этот час он должен был предупредить наружных часовых, дабы избегнуть «недоразумения».» (341)

29

О том, что происходило дальше расскажут сами убийцы.

Вот рассказ коменданта Ипатьевского дома Юровского «на совещании старых большевиков в г. Свердловске».

«Часов в 11-ть вечера 16-го я собрал снова людей, раздал наганы и объявил, что скоро мы должны приступить к ликвидации арестованных. […] Боткин спал в ближайшей от входа комнате, он вышел, спросил в чем дело, я сказал ему, что нужно сейчас же разбудить всех, т.к. в городе тревожно и им оставаться здесь вверху опасно, и что я их переведу в другое место. Сборы заняли много времени, примерно минут 40. Когда семья оделась, я повел их в заранее намеченную комнату, внизу дома. […]

Спустившись в комнату (тут при входе в комнату справа очень широкое, чуть не во всю стену окно), я им предложил встать по стенке. Очевидно, они еще в этот момент ничего себе не представляли, что их ожидает. Александра Федоровна сказала: «Здесь даже стульев нет». Алексея нес на руках Николай. Он с ним так и стоял в комнате. Тогда я велел принести пару стульев, на одном из которых по правой стороне от входа к окну села Александра Федоровна. Рядом с ней, по направлению к левой стороне от входа, встали дочери и Демидова. Тут посадили рядом на кресле Алексея, за ним шли доктор Боткин, повар и другие, а Николай остался стоять против Алексея. Одновременно я распорядился, чтобы спустились люди, и велел, чтобы все были готовы и чтобы каждый, когда будет подана команда, был на своем месте. Николай, посадив Алексея, встал так, что собою его загородил. Сидел Алексей в левом от входа углу комнаты, и я тут же, насколько я помню, сказал Николаю примерно следующее, что его царственные родственники и близкие как в стране, так и за границей пытались его освободить, а что Совет рабочих депутатов постановил их расстрелять. Он спросил: «Что?» и повернулся лицом к Алексею, я в это время в него выстрелил и убил наповал. Он так и не успел повернуться лицом к нам, чтобы получить ответ. Тут вместо порядка началась беспорядочная стрельба. Комната, хотя и очень маленькая, все, однако, могли бы войти в комнату и произвести расстрел в порядке. Но многие, очевидно, стреляли через порог, т.к. стенка каменная, то пули стали летать рикошетом, причем пальба усилилась, когда поднялся крик расстреливаемых. Мне с большим трудом удалось стрельбу приостановить. Пуля кого-то из стрелявших сзади прожужжала мимо моей головы. […] Когда стрельбу приостановили, то оказалось, что дочери, Александра Федоровна и, кажется, фрейлина Демидова, а

также Алексей были живы. Я подумал, что они попадали со страху или, может быть, намеренно, и потому еще живы. Тогда приступили достреливать (чтобы было поменьше крови, я заранее предложил стрелять в область сердца). Алексей так и остался сидеть окаменевши, я его пристрелил. А в дочерей стреляли, но ничего не выходило, тогда Ермаков пустил в ход штык, и это не помогло, тогда их пристрелили, стреляя в голову.» (342)

И вот — жертвы мертвы. Но злодеяние еще не завершено.

П.С. Медведев свидетельствует: «По окончании убийства Юровский послал меня в команду за людьми, чтобы смыть кровь в комнате. […] Приведенные мною люди сначала занялись переноской трупов убитых на поданный к парадному подъезду грузовой автомобиль. Трупы выносили на носилках, сделанных из простыней, натянутых на оглобли, взятые от стоящих во дворе саней. Сложенные в автомобиль трупы завернули в кусок солдатского сукна, взятый из маленькой кладовой, находящейся в сенях нижнего этажа. Шофером автомобиля был злоказовский рабочий Люханов. На грузовик сели Петр Ермаков и другой член Чрезвычайной комиссии и увезли трупы.» (343)

Тела убитых в Ипатьевском доме были перевезены в урочище «Четырех Братьев», за город Екатеринбург, в глухой рудник, расположенный в лесной даче, принадлежавшей некогда графине Надежде Алексеевне Стенбок-Фермор, а ныне находящиеся во владении общества Верх-Исетских акционерных заводов.

Сам рудник, носивший в народе название «Ганина яма», представляла собой небольшой карьер, размером 20х30 метров, заполненный дождевой водой, вокруг которого находилось более 30 других старых рудников.

«Они ближе к Екатеринбургу. К ним гораздо легче подъехать... Но ни один из них не имеет других удобств, какими отличается рудник в урочище Четырех Братьев; он совершенно закрыт для постороннего взора густой чащей молодого леса; нигде нет такой удобной глиняной площадки, лишенной всякой растительности, и рядом с ней глубокой шахты.» (344)

Белобородов: «Вначале предполагали бросить трупы в шахту и засыпать ее, но Голощекин настаивал, чтобы их сделали неузнава-

емыми: «Если их найдут, народ сделает из них святыню».[...] Чтобы ускорить процесс сжигания трупов, Юровский поехал на одной машине в Екатеринбург за серной кислотой. Привез несколько баллонов и топоры, которыми рубили тела на части...» (345)

Войков: «Самая тяжелая работа состояла в разрубании трупов. Войков вспомнил эту картину с невольной дрожью. Он говорил, что когда эта работа была закончена, возле шахты лежала громадная кровавая масса человеческих обрубков, рук, ног, туловищ и голов. Эту кровавую массу поливали бензином и серной кислотой и тут же жгли двое суток подряд. Взятых запасов бензина и серной кислоты не хватило. Пришлось несколько раз подвозить из Екатеринбурга новые запасы и сидеть все время в атмосфере горелого человеческого мяса, в дыму, пахнувшем кровью...

Это была ужасная картина, закончил Войков. Мы все, участники сожжения трупов, были прямо-таки подавлены этим кошмаром. Даже Юровский и тот под конец не вытерпел и сказал, что еще таких несколько дней, и он сошел бы с ума.» (346)

Вот к какому выводу приходит генерал Михаил Константинович Дитерихс, руководивший общим ходом расследования.

«Тела несчастных мучеников вытащили на глиняную площадку; туда же доставили бочку керосина, 9-10 пудов кислоты и три бочки, по-видимому, со спиртом. Прежде всего Исаак Голощекин отделил у них головы. […] Что в этом отношении говорят исследования на месте? Прежде всего найденные кусочки шейных шнурков и цепочек носят следы порезов их, что могло произойти при отделении голов от тел режущим или рубящим оружием. Далее, при операции отдаления голов с тел катились порядочные по величине и весу фарфоровые иконки; их швырнули далеко в траву котлована, и в костре они не были. Наконец, зубы горят хуже всего; между тем при всей тщательности розысков нигде, ни в кострах, ни в почве, ни в засыпке шахты, ни одного зуба не найдено. По мнению комиссии, головы членов Царской Семьи и убитых вместе с Ними приближенных были заспиртованы в трех доставленных в лес железных бочках, упакованы в деревянные ящики и отвезены Исааком Голощекиным в Москву Янкелю Свердлову в качестве безусловного подтверждения, что указания изуверов центра в точности выполнены изуверами на месте.» (347)

Генерал Дитерихс: «Это даже не изуверское истребление, как в былые времена, язычником Нероном первых мучеников Христианства, ибо Нерон из своих зверств устраивал зрелища для народа, а не скрывал от него и не боялся его.

Это было уничтожение советской властью намеченных жертв в определенный, по особым обстоятельствам, период времени: июнь-июль 1918 года.

Это были преступления идейные, фанатические, изуверские, но совершенные скрытно, в тайне, во лжи и обмане от Христианского русского народа.

Это было планомерное, заранее обдуманное и подготовленное истребление Членов Дома Романовых и исключительно близких им по духу и верованиям лиц.

Прямая линия династии Романовых кончилась: она началась в Ипатьевском монастыре Костромской губернии и кончилась — в Ипатьевском доме города Екатеринбурга.» (348)

17 июля 1918 года после 21 часа Свердлов получил зашифрованную телеграмму от Белобородова, адресованную: «МОСКВА Кремль Секретарю Совнаркома Горбунову с обратной проверкой».

Вот, с сохранением орфографии, содержание телеграммы: «Передайте Свердлову что все семейство постигла та же участ что и главу оффициально семия погибнет при евакуации».» (349)

Позднее в тот же день Свердлов явился на заседание Совнаркома, которое происходило в Кремле. Вот как описывает этот эпизод один из очевидцев: «Во время обсуждения проекта о здравоохранении, во время доклада тов. Семашко, вошел Свердлов и сел на свое место на стул позади Ильича. Семашко кончил. Свердлов подошел, наклонился к Ильичу и что-то сказал.

- Товарищи, Свердлов просит слово для обращения.

- Я должен сказать, — начал Свердлов обычным своим ровным тоном, — получено сообщение, что в Екатеринбурге, по постановлению областного Совета, расстрелян Николай; Александра и сын в надежных руках. Николай хотел бежать. Чехо-словаки подступали. Президиум ЦИКа постановил одобрить.

Молчание всех.

- Перейдем теперь к постатейному чтению проекта, — предложил Ильич.

Началось постатейное чтение, затем обсуждался проект по статистике.» (350)

Кстати, Троцкий солгал в своих мемуарах, будто узнал о расстреле Царя и Его Семьи постфактум. Якобы он был на фронте, а когда вернулся в Москву Свердлов сообщил ему о случившемся на Урале.

На самом деле, «широко цитируемое высказывание Л.Д. Троцкого о том, что он не был на этом заседании и ничего не знал об участи царской семьи, не соответствует действительности. Документ отметил среди присутствующих и его. В РГАСПИ хранится оригинальный документ — «Протокол заседания Совета Народных Комиссаров от 18 июля», где в числе 32 присутствовавших секретарь Н.П. Горбунов зафиксировал Л.Д. Троцкого в тринадцатом списке.» (351)

А еще, Троцкий писал в своем «Дневнике»: «Казнь царской семьи была нужна не просто для того, чтобы напугать, ужаснуть, лишить надежды врага, но и для того, чтобы встряхнуть собственные ряды, показать, что впереди полная победа или полная гибель.» (352)

Он же: «Возможно, что у Ленина, помимо соображения о времени («не успеем» довести большой процесс до конца, решающие события на фронте могут наступить раньше), было и другое соображение, касающееся царской семьи. В судебном порядке расправа над семьей была бы, конечно, невозможна. Царская семья была жертвой того принципа, который составляет ось монархии: династической наследственности.» (353)

«10 июня 1921 года в Берлине следователь Соколов провел беседу с Вальтером Бартельсом, который был в июле 1918 года консулом в Москве. Вот что записал об этой встрече Соколов: «Он, Бартельс, со времени возникновения большевистской власти в России находился сначала в Петрограде, а потом в Москве в качестве германского консула. Ему положительно известно, что за несколько времени до убийства Мирбаха между королем Испании и императором Вильгельмом происходили через специальных курьеров совершенно секретные переговоры, имевшие в виду спасение рус-

ского Царя и Его Семьи. В результате этих переговоров через графа Мирбаха последовало требование к Ленину об освобождении Государя Императора и Его Семьи. Ему, Бартельсу, положительно известно, что Лениным было собрано специальное заседание «комиссаров», в котором большинство комиссаров примкнуло к точке зрения Ленина о возможности освобождения Государя Императора и Его Семьи. Такому решению большинства воспротивилась другая партия во главе со Свердловым, причем Бартельс, называя ее, употребил выражение «еврейская» партия. Г. Бартельсу известно, что, после того как состоялось решение комиссаров, враждебная этому решению партия тайно отправила своих людей в Екатеринбург, и там произошло убийство Царя и Его Семьи.» (354)

П. Мультатули: «Не Ленин играл в организации убийства Царской Семьи решающую и главенствующую роль, не он был «главным вершителем судьбы Романовых». В июле-августе 1918 года резче, чем когда-либо, проступила угроза личной власти Ленина. На политическом горизонте вырисовывалась фигура нового партийного руководителя: не оратора и идеолога, каким был Троцкий, и не авторитетного вождя, кем был Ленин; а незаметного партаппаратчика, функционера, известного лишь в узких кругах партии — фигура Свердлова.» (355)

Генерал Дитерихс: «В отношении Членов Царской Семьи было объявлено, что «жена и сын» отправлены в надежное место, а о Великих Княжнах вовсе ничего не упоминалось. Когда почти через год убийство выплыло наружу, то советские главари использовали его для провоцирования своих политических сотрудников в Москве, левых социалистов-революционеров, и инсценировали целый процесс, стремясь представить дело так, как попытку левых эсеров дискредитировать советскую власть. В качестве обвиняемых были привлечены какие-то Яхонтов, Грузинов и Малютин — члены Екатеринбургского совдепа, Мария Апроскина и Елизавета Миронова и 9 красноармейцев. Все эти лица были признаны виновными, приговорены к расстрелу и расстреляны.

Категорически утверждаю, что перечисленные по фамилиям лица в расстреле Царской Семьи не участвовали.» (356)

Что же, мы видим, что лживые «судебные процессы» стали практиковаться большевиками отнюдь не с 1936 года.

И как же прав был Иван Солоневич, сказав: «Нет, революции нет никакого оправдания. И в ней не было никакого «народа». Были грязь, предательство, бездарность, бесчестность — немецкие деньги, английское влияние, безмозглое своекорыстие, - кровь и грязь, грязь и кровь...

В грязи и крови родился Февраль. В грязи и крови погибнет Октябрь, его законный наследник. А платить — придется нам. И не только нам: платит и еще будет платить все человечество. Заплачена уже поистине страшная цена, но заплачена еще не вся.

Кровь Царя-Искупителя и на нас и на детях наших. Тут просто ничего не поделаешь. Это уже факт.» (357)

В Париже, в эмиграции, Георгий Иванов написал:

Эмалевый крестик в петлице,
И серой тужурки сукно.
Какие прекрасные лица,
И как это было давно.

Какие прекрасные лица,
И как безнадежно бледны:
Наследник, Императрица,
Четыре Великих Княжны.

30

Расскажем и о трагической судьбе остальных Романовых.

Собственно, если следовать хронологии, самое первое убийство представителя династии произошло еще в июне 1918 года.

А именно: в ночь с 12 на 13 июня в Перми было совершено убийство Великого Князя Михаила Александровича и его секретаря Николая Николаевича (Брайана) Джонсона, отправившегося в ссылку добровольно.

Когда четверо вооруженных людей, назвавшихся милиционерами, явились в гостиницу «Рояль», Великий Князь спал. Его разбудили и потребовали следовать в канцелярию Совета.

«Пришлось послушаться. Джонсон, пришедший в комнату, попросил, чтобы увели и его. Неизвестные нехотя уступили его настояниям. У милиционеров был автомобиль. Они сели в него с арестованными. Никто в Перми ни Великого князя, ни его секретаря более не видал. Их увезли в Мотовилиху, завод, лежащий в нескольких верстах от Перми на Каме, и там убили; тела их были брошены в доменную печь.» (358)

С докладом о расправе в Москву выехал один из убийц — член Пермской ГубЧК, комендант Мотовилихинского завода Андрей Васильевич Марков.

По приезду он явился в Кремль к Свердлову, коротко сообщил ему об убийстве Михаила Романова. Яков Михайлович сразу повел Маркова к Ленину.

«Владимир Ильич, поздоровавшись, спросил: «Ну, рассказывайте, как вы там расправились с Михаилом?»

Андрей Васильевич коротко сообщил, как было дело, упомянув при этом дядьку-англичанина.

Тогда Ленин сказал: «Хорошо», - но предупредил, чтобы нигде об этом не было оглашено, т.к. англичане могут предъявить нам иск и расплачивайся тогда Советская власть всю жизнь со всеми родичами его.» (359)

В ночь на 18 июля, почти одновременно с убийством Царской Семьи, произошла еще одна расправа над представителями Дома Романовых, которую курировал специально прибывший для этого свердловец Сафаров (Вольдин). В Алапаевске были казнены: великая княгиня Елизавета Федоровна, великий князь Сергей Михайлович, князь императорской крови Иоанн Константинович, князь императорской крови Константин Константинович (младший), князь императорской крови Игорь Константинович, князь Владимир Павлович Палей, Федор Семенович Ремез, управляющий делами великого князя Сергея Михайловича и сестра Марфо-Мариинской обители Варвара (Яковлева).

Нельзя не сказать несколько слов о Елизавете Федоровне, этой удивительной женщине, убитой большевиками в ту страшную ночь.

Елизавета Федоровна, при рождении — Елизавета Александра Луиза Алиса Гессен-Дармштадтская (1864-1918). Вторая дочь Людвига IV, великого герцога Гессен-Дармштадтского и принцессы Алисы, внучка английской королевы Виктории. 3 июня 1884 года в Придворном соборе Зимнего дворца венчалась браком с великим князем Сергеем Александровичем, братом российского Императора Александра III.

Ее младшая сестра Алиса спустя десять лет, в ноябре 1894 года, стала русской Императрицей, выйдя замуж за Императора Николая II.

Елизавета Федоровна в совершенстве овладела русским языком, приняла православие. Организовала в 1892 году Елисаветенское благотворительное общество, учрежденное для того, чтобы «призревать законных младенцев беднейших матерей». С началом русско-японской войны организовала Особый комитет помощи воинам.

4 февраля 1905 года в Москве, на территории Кремля ее супруг был убит бомбой, брошенной террористом-эсером. После гибели мужа Елизавета Федоровна заменила его на посту председателя Императорского Православного Палестинского Общества и исполняла эту должность с 1905 по 1917 год. Она продала свои драгоценности, отдав в казну ту их часть, которая принадлежала династии Романовых. На вырученные деньги выкупила на Большой Ордынке усадьбу, где расположилась основанная ею в 1909 году Марфо-Мариинская обитель милосердия, сестры которой занимались благотворительной и медицинской работой. В обители была создана больница, амбулатория, аптека, где часть лекарств выдавалась бесплатно, приют, бесплатная столовая и тд.

Поселившись в обители, Елизавета Федоровна вела подвижническую жизнь: ночами ухаживая за тяжелобольными, днем трудилась, наряду со своими сестрами. В ходе Первой мировой войны заботилась о помощи раненым русским солдатам. После прихода к власти большевиков отказалась покинуть Россию, продолжая трудиться в своей обители.

Елизавета Федоровна была арестована 7 мая 1918 года по личному распоряжению Дзержинского. Она была заключена под стражу и выслана в Пермь. Затем ее, вместе с другими представителя-

ми Дома Романовых, перевезли в Екатеринбург, а 20 мая 1918 года — в город Алапаевск.

А затем...

В ночь на 18 июля восьмерых обреченных «привезли к перекрестку на нижнюю Синячиху. Банда палачей под руководством Сафарова... ссадила жертвы с телег. С побоями и издевательствами повели к намеченной старой шахте — колодцу глубиной около 20 метров. Над ним была перекинута доска, обреченным завязывали глаза, связывали руки и заставляли идти по доске, чтобы падали вниз живыми. Только Сергей Михайлович оказал сопротивление, пытался увлечь за собой большевика Плишкина, и великого князя убили выстрелом в голову...

Часть сброшенных в шахту не погибла при падении, они еще долго жили и мучились. Оттуда неслись крики, стоны, молитвы. Это привлекало крестьян. И палачи принялись добивать их — несколько раз бросали в шахту бомбы, потом кинули горящую серу, чтобы удушить.» (360)

Генерал Дитерихс: «В отношении убитых в Алапаевске Великой Княгини, Великого Князя, князей и остальных лиц, содержавшихся в Напольной школе, советские власти объявили, что они все похищены какой-то белогвардейской бандой, напавшей на охрану. Дабы заставить окружавшее население поверить этому вымыслу, большевики, уже после совершения убийства, разыграли провокационное сражение с мнимым противником, а для большей убедительности пристрелили содержавшегося в арестном доме за пьянство мужичка и, перетащив его тело к школе, выдали труп за одного из убитых ими белогвардейцев.» (361)

28 сентября 1919 года Алапаевск был занят белыми войсками. С помощью местных жителей тела убитых были обнаружены. Гробы с останками Великих Князей были перевезены в русскую церковь в Пекине. Тело Великой Княгини, заботами ее сестры маркизы Мильфорд-Хавен, было похоронено в Иерусалиме. (362)

Подводя итог, констатируем, что Алапаевское преступление, было выполнено местными комиссарами, под руководством Сафарова, под личным наблюдением Белобородова, прибывшего в Пермь немедленно после екатеринбургского злодеяния. Участие двух верных свердловцев безусловно доказывает, что покровительство всему содеянному оказывал сам Яков Михайлович.

Через шесть месяцев после бойни в Екатеринбурге, алапаевское избиение повторилось в Петрограде. Последним актом расправы с Романовыми, стал расстрел в Петропавловской крепости Великих Князей Николая Михайловича, Павла Александровича, Дмитрия Константиновича и Георгия Михайловича. 27 января 1919 года они были расстреляны как «заложники» за убийство в Германии К. Либкнехта и Р. Люксембург. (363)

Как видим, совсем не «народная месть» настигла представителей Дома Романовых. Никакого суда ни над кем из них не было проведено.

31

Об образе Свердлова.

Луначарский: «Мне кажется, что не только во всей деятельности Свердлова, но даже в его слегка африканской наружности сказывался исключительно сильный темперамент. Внутреннего огня в нем, конечно, было очень много, но внешне этот человек был абсолютно ледяной. Когда он не был на трибуне, он говорил неизменно тихим голосом, тихо ходил, все жесты его были медленны, как будто каждую минуту он молча говорил всем окружающим: «Спокойно, неторопливо, тут нужно самообладание».» (364)

Он же: «Если Ленин и некоторые другие идейно руководили революцией, то связью между ним и массами, партией, советским аппаратом и, наконец, всей Россией, винтом, на котором все поворачивалось, проводом, через который все проходило, был именно Свердлов.

К этому времени он — вероятно, инстинктивно — подобрал себе и какой-то всей его наружности и внутреннему строю соответствующий костюм. Он стал ходить с ног до головы одетый в кожу. Во-первых, хватит надолго, а, во-вторых, это установилось уже в то время, как «прозодежда» комиссаров.

Этот черный костюм, блестящий, как полированный лабрадор, придавал маленькой, спокойной фигуре Свердлова еще больше монументальности, простоты, солидности очертания.» (365)

Историк П. Мультатули: «В Свердлове чувствовалась такая мощная сила, такая железная убежденность в совершаемом им деле, что поневоле его признавали негласным лидером всей партии. Тихий голос Свердлова внушал ужас во много раз больший, чем истошные крики Ленина.» (366)

И в то же время, в случае необходимости «тихий голос» мог быть тут же сменен на свою противоположность.

Молотов: «Свердлов невысокий, в кожанке, громовой голос, прямо черт знает как из такого маленького человека — такой чудовищный голос идет. Иерихонская труба! На собрании как заорет: «То-ва-ри-щи!» Все сразу, что такое? Замолкали.» (367)

Заметим, что именно Свердлов первым пришел к формуле, которую в дальнейшем использовал Сталин: «Кадры решают все».

Елизавета Драбкина (1901-1974) — секретарь Якова Свердлова в 1917-1919 году приводит в своих воспоминаниях советско-«свердловскую» колыбельную.

Спи, свердляк потенциальный,
Баюшки-баю,
Светит Маркса свет астральный,
В колыбель твою.

Стану сказывать я сказки,
Сделаю прогноз,
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Умственный колосс! (368)

Большевистский автор писал о Свердлове в 1921 году: «Стальным черным дьяволом» звала его буржуазия и не ошибалась в своем названии. Эта стальная, поистине демоническая твердость в жизни и борьбе еще больше и рельефнее выдвигала его из состава ЦИК и ЦК партии.» (369)

32

Пришло время присмотреться к Ленину. Многочисленные воспоминания современников, а также резюме авторитетных истори-

ков, малую толику которых мы процитируем ниже, как минимум, ставят под большое сомнение светлый образ «борца за народное счастье», который усиленно формировался в СССР. Кстати, как мы увидим сквозь хитросплетения внутрибольшевистской грызни, даже в деле славословия Ленина, — первым был Яков Свердлов.

Но пока обещанные свидетельства.

Н. Валентинов о Ленине: «Он никогда не пошел бы на улицу «драться», сражаться на баррикадах, быть под пулей. Это могли и должны были делать другие люди, попроще, отнюдь не он. В своих произведениях, призывах, воззваниях он «колет, рубит, режет», его перо дышит ненавистью и презрением к трусости. Можно подумать, что это храбрец, способный на деле показать, как не в «фигуральном», а в «прямом, физическом смысле» нужно вступать в рукопашный бой за свои убеждения. Ничего подобного! Даже из эмигрантских собраний, где пахло начинающейся дракой, Ленин стремглав убегал. Его правилом было «уходить подобру-поздорову» — слова самого Ленина! — от всякой могущей ему грозить опасности... Призывая других идти на смертный бой, сам Ленин на этот бой, на баррикаду, с ружьем в руках, никогда бы не пошел. Какие бы рационалистические, увесистые аргументы в защиту такой позиции ни приводилось — морально и эстетически она все же коробит.» (370)

Вот случай, рассказанный Т.И. Алексиной в парижском журнале «Родная земля»:

«Восприняв марксистскую доктрину с ее безличным методом, мы все-таки искали в вожде человека, в котором были бы соединены темперамент Бакунина, удаль Стеньки Разина и мятежность горьковского Буревестника. Такой живой фигуры не было перед нами; но мы хотели олицетворить ее в лице Ленина. И когда я увидела его впервые в 1906 году на одном из загородных митингов в Петербурге, я была страшно неудовлетворена. Меня удивила не его наружность... - а то, что когда раздался крик: «Казаки!» - он первый бросился бежать. Я смотрела ему вслед. Он перепрыгнул через барьер, котелок упал у него с головы... С падением этого нелепого котелка в моем воображении упал сам Ленин. Почему? Не

знаю!... Его бегство с упавшим котелком как-то не вяжется с Буревестником и Стенькой Разиным. Остальные участники митинга не последовали примеру Ленина. Оставаясь на местах, они, как было принято в подобных случаях, вступили в переговоры с казаками. Бежал один Ленин...» (371)

Р. Пайпс: «Ленин был абсолютно чужд нравственных колебаний и напоминал римского папу, который, по словам немецкого историка Л. Ранке, был «наделен такой совершенной уверенностью в себе, что муки сомнения или страх перед возможными последствиями его собственных действий были ему абсолютно неизвестны». Это качество Ленина делало его крайне привлекательным для определенного типа русских псевдоинтеллигентов, многие из которых впоследствии вошли в партию большевиков, поскольку она давала им опору и определенность в эпоху социальных сдвигов и политических катаклизмов. Особенно же оно импонировало молодым полуграмотным крестьянам, покидавшим деревню в поисках работы и попадавшим в чужой, холодный мир промышленного города, где привычные им межличностные взаимоотношения вытеснялись деперсонализированными экономическими и социальными связями. Ленинская партия давала им чувство принадлежности: привлекали ее сплоченность и простота лозунгов.» (372)

Еще один интересный рассказ о Ленине. На этот раз от школьной подруги Н.К. Крупской, журналистки, историка, участницы либерального освободительного движения А. Тырковой, встречавшейся с четой Ульяновых в эмиграции.

«После ужина Надя попросила мужа проводить меня до трамвая, так как я не знала Женевы. Он снял с вешалки потрепанную каскетку, какие носили только рабочие, и пошел со мной. Дорогой он стал дразнить меня моим либерализмом, моей буржуазностью. Я в долгу не осталась, напала на марксистов за их непонимание человеческой природы, за их аракчеевское желание загнать всех в казарму. Ленин был зубастый спорщик и не давал мне спуску, тем более, что мои слова его задевали, злили. Его улыбка — он улыбался, не разжимая губ, только монгольские глаза слегка щурились, - становилась все язвительнее. В глазах замелькало острое, недоброе выражение.

Я вспомнила, как мой брат, вернувшийся из Сибири, рассказывал, что в Минусинске ссыльный Ленин держал себя совсем не потоварищески...

- Злой человек, этот Ленин. И глаза у него волчьи, злые.

Воспоминание о рассказе брата подстегнуло меня и я еще задорнее стала дразнить Надиного мужа, не подозревая в нем будущего самодержца всея России. А он, когда трамвай уже показался, неожиданно дернул головой и, глядя мне прямо в глаза, с кривой усмешкой сказал:

- Вот погодите, таких, как вы, мы будем на фонарях вешать.

Я засмеялась. Тогда это звучало, как нелепая шутка.

- Нет. Я вам в руки не дамся.

- Это мы посмотрим.

На этом мы расстались. Могло ли мне прийти в голову, что этот доктринер, последователь не им выдуманной, безобразной теории, одержимый бесом властолюбия, а, может быть, и многими другими бесами, уже носил в своей холодной душе страшные замыслы повального истребления инакомыслящих. Он многое планировал заранее. Возможно, что свою главную опору, Чека, он уже тогда вынашивал.» (373)

Б. Никитин: «Ленин чужд идеалу, как производной чувства; именно в этой области вообще, кроме чрезмерно развитого чувства страха, Ленин не дает ни одного признака: у него не было склонности к изящным искусствам — музыке, живописи, изящной литературе; ему недоступен целый мир симпатических переживаний, который ведет к облагорожению духа. Он не поднялся даже до любви к рабочему, которая могла бы привести к героизму.

Ленин — не легенда, одухотворенная подвигом; он и не фанатик. Именно не фанатик, потому что понятие о фанатизме подразумевает наличие идеала и жертвенности. Нельзя определять Ленина как фанатика, который ни перед чем не останавливался для достижения своей цели. Нет! Останавливался: он не хотел и не мог принести собственной жизни. Он и не мог стать фанатиком. Тогда, может быть, маньяк? Тоже далеко от истины: маньяк упрямо преследует свою навязчивую идею, а Ленин был жестоко упрям на все случаи жизни, не переносил чужих мнений, по поводу чего они ни высказывались бы, а не в одной политике. Завистливый до иссту-

пления, он не мог допустить, чтобы кто-нибудь, кроме него, остался победителем. Жестокое и злое проступало в нем, как в любом споре, так и в игре в крокет или шахматы, когда он проигрывал. Проявить независимость, поспорить с ним о чем угодно или обыграть его в крокет — значило раз навсегда приобрести себе врага в лице Ленина.» (374)

Историк и социолог, видный представитель «легального марксизма» М.И. Туган-Барановский (1865-1919):

«Я не буду касаться Ленина как политика и организатора партии. Возможно, что здесь он весьма на своем месте, но экономист, теоретик, исследователь — он ничтожный. Он вызубрил Маркса и хорошо знает только земские переписи. Больше ничего. Он прочитал Сисмонди и об этом писал, но, уверяю вас, он не читал как следует ни Прудона, ни Сен-Симона, ни Фурье, ни французских утопистов. История развития экономической науки ему почти неизвестна. Он не знает ни Кенэ, ни даже Листа. Он не прочитал ни Менгера, ни Бем-Баверка, ни одной книги, критиковавшей теорию трудовой стоимости, разрабатывавшей теорию предельной стоимости. Он сознательно отвертывался от них, боясь, что они просверлят дыру в теории Маркса. Говорят о его книге «Развитие капитализма в России», но ведь она слаба, лишена настоящего исторического фона, полна грубых промахов и пробелов.» (375)

Профессор С.Н. Булгаков: «Ленин нечестно мыслит. Он загородился броней ортодоксального марксизма и не желает видеть, что вне этой загородки находится множество вопросов, на которые марксизм бессилен дать ответ. Ленин их отпихивает ногой. Его полемика с моей книгой «Капитализм и земледелие» такова, что уничтожила у меня дотла всякое желание ему отвечать. Разве можно серьезно спорить с человеком, применяющим при обсуждении экономических вопросов приемы гоголевского Ноздрева.» (376)

А вот Ленин у власти. Призывает на свою сторону Красина (Никитича) и Соломона. Но делает это, по свидетельству последнего, очень своеобразно.

«Говорил со мной в этот раз Ленин резко, тоном настоящего и всесильного диктатора.

- ...Нам нужны люди, как Никитич и вы, ибо вы оба практики и делового опыта. Мы же все, вот посмотрите на Менжинского,

Шлихтера и прочих старых большевиков... слов нет, все это люди прекраснодушные, но совершенно не понимающие, что к чему и как нужно воплощать в жизнь великие идеи.... Ведь вот ходил же Менжинский, в качестве наркомфина с целым оркестром музыки, не просто взять и получить, нет, а реквизировать десять миллионов... смехота... А посмотрите на Троцкого в его бархатной куртке... какой-то художник, из которого вышел только фотограф, ха-ха-ха! Даже Марк (Елизаров) ничего не понимает, хотя он и практик, но в голове у него целый талмуд, в котором он не умеет разобраться...

Среди этого разговора... я обратил его внимание на то, что, насколько я успел заметить и понять, вся деятельность большевиков у власти пока что сводится к чисто негативной.

- Ведь пока что, не знаю, что будет дальше, — вы только уничтожаете. Все эти ваши реквизиции, конфискации, есть ничто иное, как уничтожение.

- Верно, совершенно верно, вы правы, — с заблестевшими както злорадно вдруг глазами, живо подхватил Ленин. — Верно. Мы уничтожаем, но помните ли вы, что говорил Писарев, помните? «Ломай, бей все, бей и разрушай! Что сломается, то все хлам, не имеющий права на жизнь, что уцелеет, то благо...» Вот и мы, верные писаревским, — а они истинно революционны — заветам, ломаем и бьем все, — с каким-то чисто садическим выражением и в голосе и во взгляде своих маленьких, таких неприятных глаз, как-то истово, не говорил, а вещал он, — бьем и ломаем, ха-ха-ха, и вот результат, — все разлетается вдребезги, ничто не останется, т.е. все оказывается хламом, державшимся только по инерции!... ха-ха-ха, и мы будем ломать и бить!

Мне стало жутко от этой сцены, совершенно истерической. Я молчал, придавленный его нагло и злорадно сверкающими узенькими глазками... Я не сомневался, что присутствую при истерическом припадке.

- Мы все уничтожим и на уничтоженном воздвигнем наш храм! — выкрикивал он, — и это будет храм всеобщего счастья!... Но буржуазию мы всю уничтожим, мы сотрем ее в порошок, ха-ха-ха, в порошок!... Помните это и вы и ваш друг Никитич, мы не будем церемониться!

Когда он, по-видимому, несколько успокоился, я снова заговорил.

- Я не совсем понимаю вас, Владимир Ильич, — сказал я, — не понимаю какого-то, так явно бьющего в ваших словах угрюмо-бурчеевского пафоса, какой-то апологии разрушения, уносящей нас за пределы писаревской проповеди, в которой было здоровое зерно...

- Я считаю, что все существующее уже отжило и сгнило! Да, господин мой хороший, сгнило и должно быть разрушено!... Возьмем, например, буржуазию, демократию, если вам это больше нравится. Она обречена, и мы, уничтожая ее, лишь завершаем неизбежный исторический процесс. Мы выдвигаем в жизнь, на авансцену ее, социализм, или вернее, коммунизм... Помните: того Ленина, которого вы знали десять лет назад больше не существует. Он умер давно, с вами говорит новый Ленин, понявший, что правда и истина лишь в коммунизме, который должен быть введен немедленно... Вам это не нравится, вы думаете, что это сплошной утопический авантюризм... Нет, господин хороший, нет...

- Оставьте меня, Владимир Ильич, в покое, — резко оборвал я его, — с вашим вечным чтением мыслей... Я вам могу ответить словами Гамлета: «...ты не умеешь играть на флейте, а хочешь играть на моей душе»... Я не буду вам говорить о том, что я думаю, слушая вас...

- И не говорите! — крикливо и резко, и многозначительно перебил он меня, — и благо вам, если не будете говорить, ибо я буду беспощаден ко всему, что пахнет контрреволюцией! И против контрреволюционеров, кто бы они ни были (ясно подчеркнул он), у меня имеется товарищ Урицкий!... Ха-ха-ха, вы, вероятно, его не знаете!... Не советую вам познакомиться с ним!

И его глаза озарились злобным, фантастически-злобным огоньком. В словах его, взгляде, я почувствовал и прочел явную неприкрытую угрозу полупомешанного человека. Какое-то безумие тлело в нем...» (377)

Для справки: Моисей Соломонович Урицкий (1873-1918) — член РСДРП с 1898 года, будучи «межрайонцем», вошел в большевистскую партию вместе с Троцким в июле 1917 года, с марта 1918 — председатель Петроградской ЧК. 30 августа 1918 года

убит студентом и поэтом Леонидом Каннегисером, отмстившим таким образом за многочисленные расстрелы, санкционированные Урицким, в том числе за смерть своего друга — офицера В. Перельцвейга.

33

Теперь еще об одном видном персонаже нашего исследования.

Красин Леонид Борисович (1870-1926) — родился в Кургане, Тобольской губернии, в семье полицейского чиновника. Окончил Александровское реальное училище в Тюмени. В 1887-1891 учился в Санкт-Петербургском технологическом институте. Сотрудничал с марксистским кружком Брусенева. За участие в студенческой демонстрации арестован и исключен из института. В 1895 году по делу Брусенева в очередной раз арестован и приговорен к ссылке, высылки в которую дожидался в тюрьме.

Биограф Леонида Красина Т.Э. О.Коннор пишет:

«Пока Красин сидел в тюрьме, он сам, брат Герман, мать Антонина Григорьевна — все хлопотали об изменении места его пребывания в ссылке — вместо Вологодской губернии на Иркутск. В феврале 1895 г. Леонид принял присягу на верность Императору Николаю II. В прошении на имя министра внутренних дел он писал, что страдает хронической болезнью дыхательных путей, которая может обостриться в сыром и холодном климате Яренского уезда, и что в Иркутске он скорее сможет получить медицинскую помощь, к тому же там живет его семья. Герман ходатайствовал за брата перед властями Петербурга, а Антонина Григорьевна перед генерал-губернатором Иркутска». (378)

Герману и Антонине Григорьевне удалось убедить власти. 31 марта 1895 года Леонида Борисовича освободили из тюрьмы. И последний, как и подобает настоящему революционеру, тут же забыл о собственной недавно принятой присяге.

Осенью 1897 года Харьковский технологический институт принял Красина на третий курс химического факультета. Продолжая обучение, он продолжал и участие в студенческих волнениях. Это обернулось тем, что закончив институт в июне 1900 года, Красин получил диплом только год спустя.

И опять же, задержка не помешала Красину, получив приглашение от бывшего однокурсника по Петербургскому технологическому институту Классона, выехать из Харькова в Баку для работы в только что созданном акционерном обществе «Электросила».

В конце июня того же 1900 года Леонид Борисович приезжает в Баку, где руководит постройкой электростанции «Электросила», а заодно организовывает крупную нелегальную типографию «Нина», на которой печатается газета «Искра».

В 1904 году Красин, через посредство старого революционера Н.М. Флерова, устанавливает связь с Горьким, который к тому времени уже был в дружеских отношениях с Саввой Тимофеевичем Морозовым (1862-1905). (379)

В результате усилий Горького, Красин входит в окружение Морозова и руководит модернизацией электростанции на фабрике последнего в Орехово-Зуево. (380)

Отвлечемся немного, чтобы сказать несколько слов о дальнейших отношениях Красина и Морозова, поскольку это весьма показательная история.

Савва Тимофеевич происходил из старообрядческой купеческой семьи, получил блестящее образование, в 1885-1887 годах изучал химию в Кембриджском университете, одновременно знакомился с организацией текстильного дела на английских фабриках.

С 1886 года директор-распорядитель Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и Ко», созданной в 1873 году его отцом Тимофеем Саввичем Морозовым.

Савва Тимофеевич, отличавшийся огромной работоспособностью, очень быстро проявил себя как талантливый предприниматель, заботившийся не только о прибыли, но и о своих работниках.

Став во главе предприятия, он сразу же выделил значительную сумму на возведение новых казарм для рабочих, оборудованных водоснабжением, отоплением и электричеством. Бесплатными квартирами смогли пользоваться более семи с половиной тысяч рабочих и членов их семей. С двенадцатичасового рабочего дня фабрики Морозова перешли на девятичасовой, при существенном повышении оплаты труда. Для женщин-работниц была введена оплата по беременности. Перспективные молодые рабочие за счет Мануфактуры отправлялись на учебу в технические вузы России и за границу.

В 1888 году состоялось венчание Саввы Тимофеевича Морозова и бывшей жены его двоюродного племянника Зинаиды Григорьевны. Однако их брак был несчастным, не слишком скрашивало ситуацию даже рождение четверых детей.

Обладая значительным состоянием, Морозов широко занимался благотворительностью. Был, например, почетным членом Общества пособия нуждающимся студентам Московского университета.

Но самые значительные, в том числе роковые, события в жизни Саввы Тимофеевича последовали за большой помощью, оказанной им Московскому Художественному театру. Став инициатором строительства нового театрального здания в Камергерском переулке, Морозов удостоился следующих слов от Станиславского.

«...Внесенный Вами труд мне представляется ПОДВИГОМ, а изящное здание, выросшее на развалинах притона, кажется сбывшимся наяву сном... Я радуюсь, что русский театр нашел своего Морозова подобно тому, как художество дождалось своего Третьякова».

Помогая Художественному театру, Савва Тимофеевич становится его завсегдатаем. А затем и поклонником актрисы МХТ Марии Андреевой, пользовавшейся славой первой красавицы русской сцены. В 1901 году между предпринимателем-меценатом и актрисой завязался бурный роман.

Однако Андреева, будучи, по отзывам современников, женщиной истерической, склонной к авантюрам и приключениям, оказалась связанной с большевиками и даже добывала для них деньги.

«Товарищ Феномен», как называл ее Ленин, сумела заставить раскошелиться на нужды революции крупнейшего российского капиталиста. Савва Тимофеевич пожертвовал большевикам значительную часть своего состояния.

В частности, именно Морозов частично финансировал издание газеты «Искра», на его средства учреждены первые легальные большевистские газеты «Новая жизнь» и «Борьба».

«Морозов, кроме того, жертвовал деньги на политический Красный крест, на устройство побегов политзаключенных из тюрем (в организации побега большевиков из Таганской тюрьмы участвовала Андреева), на литературу для местных большевистских органи-

заций, закупал меховые куртки для отправляемых в ссылку, прятал у себя большевиков — Красина и Н.Э. Баумана. С абсолютной уверенностью можно сказать, что без Андреевой субсидий Морозова большевики бы не получали.» (381)

Кстати, именно Андреева познакомила Савву Тимофеевича с Горьким, чьи пьесы, начиная с 1902 года, ставятся в МХТ.

Она же в декабре 1903 года знакомит Морозова с Красиным. Знакомство произошло на даче у Горького в Сестрорецке, близ Петербурга.

В конце того же 1903 году Андреева становится гражданской женой Горького, который к тому времени считался близким другом Саввы Тимофеевича. Для Морозова это становится страшным ударом.

Но Савва Тимофеевич словно жил по законам русской литературы, где страдание от любви и потаканием стервам и истеричкам почиталось за добродетель. Даже после того, как Андреева и Горький стали жить вместе, Морозов продолжал трепетно заботиться о Марии. Когда она на гастролях в Риге попала в больницу с перитонитом и была на волосок от смерти, ухаживал за ней именно Морозов.

Еще он завещал Марии Андреевой страховой полис на случай своей смерти на 100 000 рублей, гигантскую по тем временам сумму.

А вот это стало роковой ошибкой.

15 апреля медицинский консилиум нашел у Морозова «тяжелое нервное расстройство» и рекомендовал уехать лечиться за границу, подальше от Андреевой, Горького, революции и революционеров. (382)

Следуя совету специалистов, Морозов вместе с женой Зинаидой Григорьевной, и в сопровождении личного врача, уехал во Францию, в Виши.

«К этому времени по многим совпадающим свидетельским показаниям он навсегда отказал большевикам в дальнейшем финансировании. Еще в середине апреля, перед самым отъездом во Францию, Морозов окончательно рассорился с Горьким. Ранее того, в начале февраля, в присутствии Зинаиды Григорьевны, он отказал в деньгах Красину на организацию Третьего съезда РСДРП. Вторич-

но приехав к Морозову в конце апреля, уже в Виши, Красин снова получил отказ: «Нет! Нет и нет! Денег для вас, милостивые государи, больше у меня нет», - услышала из другой комнаты Зинаида Григорьевна обрывок разговора. На следующий день Морозов с женой переехали в Канны.» (383)

Здесь, на берегу Средиземного моря, в номере «Ройял-отеля», 13 (26) мая 1905 года, в возрасте 43 лет, Савва Тимофеевич застрелился.

Сам Красин утверждал, что «последний взнос был лично мною получен от С.Т. (Саввы Тимофеевича Морозова — Ю.Б.) за два дня до его трагической смерти.» (384)

Однако другие свидетельства опровергают это заявление. Так, Зинаида Григорьевна вспоминала, что около их дома во Франции постоянно отирались некие подозрительные личности. 13 мая в апартаментах Морозова прогремел выстрел. Зинаида Григорьевна вбежала в комнату мужа и обнаружила его с простреленным сердцем. Через распахнутое окно она заметила убегающего человека.

Рядом с телом убитого французская полиция нашла две записки. В одной было написано: «Долг — платежом. Красин». (385)

В другой — посмертное обращение Саввы Тимофеевича, в котором он просил никого не винить в его смерти. Личный врач Морозова с удивлением отметил, что руки убитого были аккуратно сложены на животе, глаза закрыты. Доктор сомневался, что самоубийца мог это сделать без посторонней помощи. До конца своей жизни Зинаида Григорьевна не верила в самоубийство мужа и утверждала, что в Каннах Морозова посещал Красин.

Полицейского расследования в полной мере не было произведено по настоянию матери погибшего.

«Я не хочу. Это шум международный. Никакого шума. Я не хочу. У Саввушки было плохое сердце. И он умер. Все.» (386)

И еще соображение, очень значительное, если задуматься.

Морозова похоронили на Рогожском кладбище. Самоубийцу староверы на Рогожском кладбище не похоронили бы! (387)

Уже через неделю с небольшим Горький предъявил к оплате полис на 100 000 рублей. Существует версия, что родственники Морозова опротестовали право Андреевой распоряжаться полисом, но проиграли. Однако есть и свидетельство, что оплата была

произведена беспрепятственно, по распоряжению матери Саввы Морозова.

«Выплатить и никаких скандалов и все. Я не хочу никаких, никаких разговоров.» (388)

Так или иначе, «через три года после этого, в 1908 году, в журнале «Былое», появилась статья Плеханова, в которой было написано: «Пора спросить Алексея Пешкова, куда он дел 100 000, цену жизни Саввы Морозова.» (389)

Кстати, после октябрьского переворота 1917 года, Мария Федоровна Андреева была назначена комиссаром театров и зрелищ Петрограда и пяти прилегающих губерний. В 1926 году бывшая актриса получила правительственное назначение в Берлин, где ее задачей стала реализация реквизированных в России художественных и культурных ценностей, включая имущество разграбленных и уничтоженных церквей. Опекал Андрееву полпред СССР во Франции и Великобритании Леонид Красин.

34

Не устояв перед искушением, расскажем о продолжении истории семьи Морозовых.

И вновь погрузимся в чисто большевистскую атмосферу брачных афер и шантажа. Рассказав о судьбе Саввы Тимофеевиче, поговорим и о его племяннике. Это тоже неплохо иллюстрирует всеядность ленинцев.

Историк Б. Соколов: «Большевикам удалось получить значительную часть наследства сочувствовавшего им мебельного фабриканта и племянника С.Т. Морозова Николая Павловича Шмита методами, которые больше пристали брачным аферистам. Сам Шмит был арестован по делу о Декабрьском вооруженном восстании в Москве и покончил с собой в тюрьме в феврале 1907 года.» (390)

Вопреки рассказам Крупской, Шмит в тюрьме никаким физическим пыткам не подвергался. Охранка никогда бы не посмела применить подобные приемы к члену семьи Морозовых. (391)

Так же, как не было после смерти Шмита никакой «большой политической демонстрации», на чем настаивали советские «историки». (392)

Т.Э. О.Коннор: «Борьба за деньги Шмидта (Шмита — Ю.Б.) стала одной из непосредственных причин развала Большевистского центра. С одной стороны, за наследством охотились Красин, Богданов и Горький, с другой, — им при помощи В.К. Таратуты хотел завладеть Ленин. Таратута, активный член Одесского и Бакинского комитетов РСДРП, сыграл в этом деле ключевую роль. В ноябре 1905 г. он приехал в Москву, где познакомился со Шмидтом, а чуть позже стал ухаживать за его младшей сестрой Елизаветой.... В июне 1907 г. Ленин добился избрания Таратуты в ЦК.» (393)

«Этого Таратуту Ленин взял под свое особое покровительство с того момента, когда выяснилось, что Таратута сможет сыграть большую роль в деле получения наследства Шмита, и на Лондонском съезде именно Ленин провел Таратуту в члены ЦБ и в кандидаты в общепартийный ЦК. В истории партии это был вообще единственный случай, когда в центральное учреждение избирали человека, против которого несколько раз возбуждалось обвинение в его связях с полицией; поэтому вполне естественно, что его кандидатура вызвала серьезные возражения особенно среди большевиков, которые лучше других были знакомы с биографией Таратуты. Но Ленин бросил на чашу весов весь свой авторитет и настоял на избрании.» (394)

После смерти Шмита оказалось, что правами на его наследство обладают его 15-летний брат и две сестры — Екатерина и Елизавета.

Первым делом, было решено вынудить юношу отказаться от своей части наследства в пользу сестер. Удалось обтяпать дельце все тому же ленинскому любимцу Таратуте.

«Так, на первой же встрече представителей БЦ (Ленина, Красина, Таратуты) с братом Шмита и его адвокатами весною 1907 года в Выборге Таратута «резким металлическим голосом» заявил, что устранит всякого, кто будет мешать получению денег. Ленин «дернул Таратуту за рукав», а среди петербургских адвокатов молодого Шмита «произошло какое-то замешательство». Через несколько дней после этой встречи адвокаты сообщили, что брат Шмита от своих прав на наследство отказывается в пользу двух сестер.» (395)

Интересно, что это единственное описание, где Ленин лично участвует в подобного рода «разборках». Очевидно, что подобное времяпровождение показалось ему малоприятным. Интеллигентское происхождение наложило на «вождя пролетариев» свой неизгладимый отпечаток. И он охотно спихнул подобные акции на помощников, сосредоточившись на идеологическом обосновании необходимости таковых. Эта черта ленинского характера поставит его в зависимость от людей-практиков, что приведет, как мы увидим далее, к весьма серьезным для него последствиям.

После смерти Шмита, вездесущий Виктор Таратута (Арон Шмуль Рефулов), с ведома партии, ухаживал за одной из его наследниц — Елизаветой. После обретения ею дополнительной части наследства — в декабре 1907 года — Виктор уговорил ее эмигрировать с ним в Париж... Очарованная своим ухажером, да еще и ожидая от него ребенка, Елизавета была согласна немедленно передать свое состояние большевикам, «но, будучи несовершеннолетней, не могла этого сделать». (396)

Тогда решено было устроить ей «фиктивный брак, чтобы она попала под опеку «мужа», который передал бы партии полученное наследство. Елизавета Павловна согласилась.» (397)

Начались поиски «мужа», которым официально не мог быть замешанный в ограблениях и налетах Таратута. Первым кандидатом стал его «коллега» Буренин, однако затем ситуация изменилась.

«Выбор пал на Александра Михайловича Игнатьева потому, что положение его очень этому благоприятствовало. Отец его был генерал, действительный статский советник, помещик, дворянин, и женитьба с внешней стороны была совершенно оправдана. Александр Михайлович выехал в Женеву. На заседании, на котором присутствовал Владимир Ильич Ленин, «смотрели жениха». Несмотря на его протесты («Я привык к боевой деятельности, разрешите мне не жениться!»), вопрос был все же решен положительно.» (398)

«Начались переговоры с Елизаветой Петровной. Виктор Таратута — ее возлюбленный — старался никого не допускать к ней, указывая, что должен охранять ее спокойствие, ссылаясь главным образом на то, что она беременна и ей неудобно официально венчаться в церкви. Однако Елизавета Павловна при личном свидании дала свое согласие на все, что от нее требовалось, и было решено венчаться в Париже, в русской посольской церкви.» (399)

Ленин принимал в этом деле живейшее участие. Александр Михайлович должен был периодически являться к нему и рассказывать обо всех подробностях. (400)

В итоге, Игнатьев и беременная Елизавета обвенчались, под пристальным наблюдением Таратуты и специально присланного большевика Михайлова, известного в подполье как «Дядя Миша».

«Для видимости на имя Александра Михайловича была снята и хорошо обставлена квартира в четыре-пять комнат, а Виктор Таратута числился «другом дома», что для Парижа вполне естественно.» (401)

Кстати, родившийся впоследствии младенец получил фамилию Игнатьев.

Сложнее оказалось со второй сестрой. Съевший уже собаку на сводничестве, Ленин и ей подобрал мужа — адвоката Андриканиса, который, казалось бы, совсем недавно также сотрудничал с большевиками и был близок к Красину. Но большие деньги произвели в пламенном революционере волшебную перемену, побудив его попросту начхать на «чаяния пролетариата».

«Андриканис убедил свою несовершеннолетнюю жену Екатерину, что гораздо лучше шмитовский капитал оставить себе и безбедно жить на него в славном городе Париже. По этому поводу Ленин продиктовал Инессе Арманд письмо, где отмечалось, что «одна из сестер, Екатерина Шмит (замужем за господином Андриканисом), оспорила деньги у большевиков. Возникший из-за этого конфликт был урегулирован третейским решением, которое было вынесено в Париже в 1908 году при участии членов партии социалистов-революционеров... Этим решением было постановлено передать деньги Шмита большевикам». Но Андриканис в итоге передал партии Ленина только незначительную часть наследства, а когда ему стали грозить партийным судом, заявил о выходе из партии.» (402)

Интересен комментарий Ленина к проведенной им удачной «амурной» афере.

«- Но каков Виктор? - возмущался этой женитьбой один из знакомых Ленина. — Ведь это подло по отношению к девушке?

- Тем-то он и хорош, - улыбаясь, возразил Владимир Ильич. - Что не перед чем не остановится. Вот вы скажите прямо, могли бы вы за деньги пойти на содержание к богатой купчихе? Нет? И я не пошел бы, не мог бы себя пересилить. А Виктор пошел. Это человек незаменимый.» (403)

А вот еще о морали, в понимании Ленина.

«Когда при Ленине поднимался разговор о том, что такой-то большевик ведет себя недопустимым образом, он иронически замечал: «У нас хозяйство большое, а в большом хозяйстве всякая дрянь пригодится».» (404)

Или: в 1904 году один из большевиков просадил партийные деньги в публичном доме («лупанарии»). Ленин отреагировал следующим образом: «Если Икс пошел в лупанарий, значит, нужда была, и нужно полностью потерять чувство комичности, чтобы по поводу этой физиологии держать поповские проповеди». (405)

Добавим, что истраченная сумма, в реальности, оказалась не настолько большой, что и позволило Владимиру Ильичу не лишиться «чувства комичности».

И еще: ленинское — крылатое.

«Партия — не пансион благородных девиц... Иной мерзавец может быть для нас именно тем и полезен, что он - мерзавец.» (406)

Любители коммунизма, дабы доказать, что в политике нет места общепринятой морали, постоянно приводят фразу, якобы сказанную в 1939 году президентом США Франклином Рузвельтом о никарагуанском диктаторе: «Сомоса, может быть, и сукин сын, но это наш сукин сын».

Не совсем понятно, зачем такое «низкопоклонство перед Западом»? Для оформления мыслей гораздо лучше цитировать собственных вождей. Тем более, что право первенства явно за «товарищем» Лениным.

Скажем и об аресте и смерти Николая Павловича Шмита. Существуют большие сомнения в том, что он покончил с собой.

Вот, что пишет о нем в своих воспоминаниях Рыков.

«Он, начиная с 1905 года, все время оказывал всяческое содействие нашей партии. (…) Он вооружил большинство рабочих своей фабрики и передал правление своей фабрикой рабочему ко-

митету. Благодаря участию, главным образом, рабочих его фабрики, произошли во время декабрьского восстания 1905 г. известные события на Пресне. (…) И до сих пор остается невыясненным вопрос, покончил ли он жизнь самоубийством в Бутырской тюрьме или же был убит наемным убийцей. В последние дни в тюрьме до отправления меня этапом в Архангельскую губернию ему было предложено идти на поруки. Но через пять дней после этого предложения он был найден мертвым в одной из башен Бутырской тюрьмы.» (407)

Более осведомленная Крупская пишет, что «Шмита «зарезали» в тюрьме, но «перед смертью он сумел передать на волю, что завещает свое имущество большевикам.» (408)

Как это предусмотрительно, успеть составить завещание в пользу ленинской организации как раз перед тем, как тебя зарежут!

Кстати, «убедил» Шмита завещать партии свое состояние не кто иной, как Леонид Красин. (409)

Понятно, что никакого официального завещания в пользу нелегальной партии не существовало и существовать не могло. Однако эта байка дала «моральное обоснование» вышеописанной большевистской брачной афере.

Кстати, историю, подобную истории сестер Н.П. Шмита, приводит в своих воспоминаниях Красин.

«Однажды к нам в Питер явилась молодая девушка и заявила о сочувствии партии и желании передать в собственность партии доставшееся ей по наследству небольшое имение где-то на юге России. Ввиду несовершеннолетия жертвовательницы пришлось прибегнуть к несколько сложной комбинации, а именно — предварительной выдаче ее замуж и продаже имущества уже с разрешения мужа.» (410)

О дальнейшей судьбе девушки Красин сообщает следующее: «Жертвовательница эта — Федосья Петровна Кассесинова — и посейчас состоит в рядах нашей партии, занимая скромную должность шифровальщицы в одном из наших торговых представительств. Муж ее, к сожалению, погиб, сражаясь за республику на сибирском фронте.» (411)

Остается надеяться, что Федосья Петровна Кассесинова (1888-1965), известная в партии позднее, как «Фаня Черненькая», не слишком сожалела о содеянном во времена наивной юности.

Вернемся к жизнеописанию Леонида Красина.

С 25 апреля по 10 мая 1905 года Красин принимает участие в III съезде РСДРП в Лондоне, где, вместе с Лениным, проводит резолюцию об организации вооруженного восстания.

После принятия съездом резолюции о вооруженном восстании, под руководство Красина перешла Боевая техническая группа (БГТ), созданная в январе 1905 года Петербургским городским комитетом РСДРП. Красин лично разрабатывал планы создания вооруженных отрядов, способных наносить чувствительные удары. По заданию ЦК партии большевиков, БГТ доставила в Россию значительное количество взрывчатки, огнестрельного оружия и боеприпасов, в том числе посредством сотрудничества с агентами полковника Акаси, а также наладила собственное производство бомб.

Именно в это время Красин становится ближайшим соратником Ленина, более того «единственным большевиком, с мнением которого Ленин считался». (412)

Однако революция провалилась, совмещение Красиным легальной (инженерной) и антиправительственной деятельности стало невозможно. На это наложились разногласия с Лениным по финансовым вопросам. И с 1908 года Леонид Борисович живет за границей.

В 1911 поступает на работу в немецкую фирму «Сименс и Шуккерт». В 1912 году назначается директором московского филиала фирмы, в связи с чем возвращается в Россию. В 1913-м, с подачи Парвуса, становится генеральным представителем «Сименс и Шуккерт» в Российской Империи. После начала Первой мировой войны продолжает управлять предприятиями фирмы, правда, под государственным контролем.

Вскоре после возвращения в апреле 1917 года Ленина в Петроград, «А.С. Енукидзе устроил ему две встречи с Красиным. Их беседы в кабинете Красина на пороховом заводе длились по нескольку часов». (413)

И все же весной 1917 года примирения между Лениным и Красиным не произошло. Более того, Леонид Борисович говорил о

большевиках с иронией, особенно о их бестолковых, по его мнению, действиях во время июльского выступления.

Красин говорил «о программе Ленина, как об «утопическом бреде», и предрекал большевикам страшную катастрофу. По мнению Красина, Ленина, этого «маньяка», «опасного мечтателя» и «мелкого демагога», следовало убить «как бешеную собаку».» (414)

И все же новый союз Ленина и Красина состоялся. Ну не мог Владимир Ильич обойтись без доверенного человека из серии «герои плаща и кинжала».

Также, забегая вперед, скажем, что, на наш взгляд, когда Красину пришлось выбирать между Лениным и Свердловым, вполне возможно, он просто выбрал меньшее из зол.

Уже в декабре 1917 года Леонид Борисович принимает предложение Ленина войти в состав делегации на переговорах с немцами, закончившихся Брестским миром. Расчет Ленина прост и понятен. Судьба большевиков висит на волоске, чтобы рассчитаться за помощь в захвате и удержании собственной власти, немцам нужно отдать гигантские территории, выплатить репарации, бесплатно передать уже голодной Германии огромное количество продовольствия, выкачав его из начинающей голодать собственной страны. Даже среди большевиков много противников столь позорного мирного договора, самого позорного в русской истории. Но, по ленинским понятиям, другого выхода нет. Власть дороже. Территории можно вернуть с помощью будущих войн, деньги и хлеб изъять у народа уже сейчас, а то, что при этом погибнут и обнищают десятки миллионы людей, это вождя, естественно, заботит меньше всего. И вот, чтобы гарантировать лояльность большевистской делегации, за спинами ее участников возникает фигура «верного ленинца» Леонида Красина, чьи добрые отношения с немцами хорошо известны, а заодно, всем известен и его кровавый жизненный путь.

Итак, дело сделано, «похабный» мир заключен. Но когда — уже летом 1918 года — в Брестский договор потребовалось включить дополнительные статьи, Красин, вместе с Иоффе, выезжает в Берлин для их согласования. (415)

И вновь требования Германии удовлетворяются.

В том же 1918 году Красин становится председателем Чрезвычайной комиссии по снабжению красной армии, входит в президиум ВСНХ и Совет Обороны. Кроме того, с ноября 1918 по июнь 1920 года он является нарком торговли и промышленности РСФСР.

С февраля 1919 года Красин получает еще одно важнейшее назначение — возглавляет Народный комиссариат путей сообщения. (416)

«Важнейшее» - вовсе не потому, что он как-то перестроил или улучшил работу железных дорог. А потому, что именно тогда «товарищ» Свердлов, путешествуя по железной дороге, попадает в пренеприятнейшую историю в Орле, которая заканчивается его смертью.

Но об этом ниже.

36

Комендант Кремля Мальков рассказал о том, как Свердлов заботился о Ленине:

«Летом 1918 года, когда Владимир Ильич ездил еще без специальной охраны, мне не раз попадало от Якова Михайловича, если я не знал о выезде Владимира Ильича из Кремля. Яков Михайлович требовал, чтобы местонахождение Владимира Ильича мне всегда было известно, чтобы в случае чего кремлевская охрана в любой момент могла прийти на помощь.» (417)

Вероятно, в ответ на требования «товарища» Свердлова Мальков радостно кивал головой, однако, забегая вперед, заметим, что когда дело дошло до стрельбы в «вождя революции», никакая охрана на помощь Ильичу так и не пришла.

Летом 1918 года у большевистской верхушки вошло в моду хождение в народ, точнее говоря, на митинги, на которых каждый из многочисленных «вождей» непременно разражался ура-революционной речью.

Распределением путевок на митинги занимались агитотдел ВЦИК и Секретариат ЦК, подчиненные Свердлову.

Причем сохранилась даже его личная записка Ленину от 29 августа: «Владимир Ильич! Прошу назначить заседание Совнаркома завтра не ранее 9 часов вечера. Завтра по всем районам крупные митинги по плану, о котором мы с Вами уславливались; предупредите всех совнаркомщиков, что в случае приглашения или назначения на митинги никто не имеет права отказываться. Митинги начинаются с 6 часов вечера». (418)

На 30-е Ленину были выписаны две путевки — в Басманный район, в здание Хлебной биржи, а затем на завод Михельсона, крупнейшее предприятие Москвы того времени.

В. Шамбаров: «30 августа, узнав о теракте в Петрограде, Бухарин во время обеда уговаривает Ленина не ездить на митинги. Уговаривала его и сестра Мария Ильинична. И он, по словам Крупской, согласился, «что может, и не поедет». (…) И тут активно вмешался Свердлов, выговаривая всем и каждому: «Что же, мы испугаемся всякой буржуазной сволочи? Прятаться начнем?» Заявил, что на своих митингах , в Лефортовском и Введенском районах, он непременно будет. И Ленин тоже склонился ехать. Неудобным показалось «пугаться» и «прятаться», когда другие выступать будут.» (419)

В.Д. Бонч-Бруевич: «Сначала, — рассказывал мне тов. Гиль — мы поехали на Хлебную биржу, где был митинг. Здесь народу было много. Митинг прошел благополучно, и мы уехали на завод бывший Михельсона, на Серпуховскую улицу, где мы бывали и раньше раза два. Въехали прямо во двор. Во дворе было много народу. Охраны ни с нами в автомобиле, ни во дворе не было никакой, и Владимира Ильича никто не встретил: ни из завкома, ни кто другой. Он вышел совершенно один из машины и быстро пошел в мастерские. Я развернул машину и поставил ее к выезду со двора шагах в десяти от входа в мастерские.» (420)

«Как-то так получилось, что никто нас не встречал: ни члены завкома, ни кто-нибудь другой.» - свидетельствует шофер Ленина Гиль. Удивимся вместе с Гилем: как же так получилось, что в день убийства Урицкого Ленин на митинг приехал без охраны?» (421)

И это очень интересный вопрос, не правда ли?

Как мы помним, Ленин в этот день должен был выступить на двух митингах.

«В Басманном районе, — вспоминала Е. Ямпольская, секретарь Басманного района, — мы поручили члену райкома Шабловскому охранять Ленина на митинге и проводить его до Замоскворечья. За 2-3 часа до начала митинга нас снова вызвали в МК (Московский Комитет — Ю.Б.) и сообщили, что в связи с тревожным положением Владимиру Ильичу предложено сегодня не выступать.» (422)

Неизвестно, знал ли о таком предложении сам Ленин, или это была попытка свалить всю ответственность на предполагаемую жертву спланированного покушения, якобы рискнувшего посетить митинг, несмотря на «тревожную обстановку». В пользу того, что Владимир Ильич даже не подозревал о «предложении не выступать», говорит то, что он прибыл таки на Хлебную биржу в Басманный район, и там его действительно охранял Шабловский.

А вот на заводе Михельсона, где, собственно и должно было состояться покушение, никакой охраны не оказалось, так как выступление на митинге Ленина не было подтверждено. И ответственность за это нес некий хорошо знакомый нам персонаж — секретарь Московского городского комитета РКП(б) Загорский (Лубоцкий), друг детства Якова Свердлова, назначенный на эту должность (подумайте, какое совпадение!) 27 июля 1918 года. За три дня до покушения на Ленина.

30 августа 1918 года у завода Михельсона прозвучали три выстрела. Ленин был ранен двумя пулями. Одна из них попала в плечо. Вторая вошла со стороны лопатки, пробила насквозь левое легкое и прошла через шею, чудом не задев ни один из крупных кровеносных сосудов.

Врач Владимир Розанов писал: «Уклонись эта пуля на один миллиметр в ту или иную сторону, Владимира Ильича, конечно, уже не было бы в живых.» (423)

Другой врач, Мамонов, после осмотра раненого, заявил: «Только отмеченные судьбой могут избежать смерти после такого ранения... Ранение безусловно смертельное, таких случаев я не видел и не слыхал.» (424)

Не будем рассуждать, что или кто именно пометил вождя революции, на этот счет могут быть диаметрально противоположные мнения.

И глубоко не прав был сам Ленин, который, согласно воспоминаниям В. Бонч-Бруевича, будучи уже осмотренным врачами, прошептал: «И зачем мучают, убивали бы сразу...» (425)

Как мы видим из процитированных выше заключений врачей, никто и не собирался его мучить. Стреляли так, чтобы убить...

Пуля, пробившая Ленину шею, оставалась в его теле до 23 апреля 1922 года, когда ее удалили хирургическим путем.

Пулю удалили, так как врачи стали объяснять ухудшение состояния «вождя пролетариев» наличием свинца в его организме. Версия о «свинце в организме», вероятно, послужила поводом для распространения слухов о якобы «отравленных» пулях, которыми был ранен Ленин.

Гиль, который, как мы помним, служил ранее в автобоевом отряде Свердлова, сообщил на допросе: «Я подбежал к Владимиру Ильичу и, став перед ним на колени, наклонился к нему. Сознания он не потерял и спросил: «Поймали его или нет?».» (426)

От всего происшедшего Гиль настолько обалдел, что чуть не угробил живого еще вождя. Когда раненого посадили в машину, сопровождавшие рабочие указали ближайшую больницу, но шофер зацикленно твердил: «Нигде не останавливаюсь, еду прямо в Кремль». И Ленин попросту истек бы кровью. Спас его рабочий И.В. Полуторный, который случайно нашел в кармане бечевку и перетянул руку, из которой хлестала кровь. (427)

Растерялся шофер или четко выполнял инструкции по безопасности? А если бы не рабочий с бечевкой? Невольно вспоминается, что Степан Казимирович Гиль был из автобоевого отряда Свердлова. Да и дальнейшая судьба шофера вполне удалась. В 1920 году — начальник Гаража особого назначения, затем водитель Микояна и Вышинского. При этом, член ВКП(б) только с 1930 года. Благополучно дожил до 1966 года. Удивительный человек!

Мальков вспоминает о первых минутах, когда раненого Ленина доставили в Кремль: «Всегда плотно прикрытая дверь в квартиру Ильича стояла распахнутой настежь. Возле двери, загораживая собою вход, держа винтовку наперевес, замер с каменно неподвижным лицом латыш-часовой. Увидя меня, он посторонился, и я передал находившемуся в прихожей Бонч-Бруевичу принесенные

мною подушки. Потянулись томительные, долгие минуты...
Вот в квартиру Ильича вбежала Вера Михайловна Бонч-Бруевич (Величкина — Ю.Б.), жена Владимира Дмитриевича, чудесная большевичка и опытный врач. Ни на кого не глядя, ни с кем не здороваясь, стремительно прошел необычно суровый Яков Михайлович Свердлов. В конце коридора показалась, поддерживаемая под руку кем-то из наркомов, сразу постаревшая Надежда Константиновна. Она была на заседании в Наркомпросе и ничего, ровно ничего не знала. Все расступились, храня скорбное молчание, и, прерывисто дыша, с трудом передвигая внезапно отяжелевшие ноги, Надежда Константиновна скрылась за дверью. Наконец появились врачи: Владимир Николаевич Розанов, профессор Минц...» (428)

А вот, что мы узнаем из воспоминаний В.Д. Бонч-Бруевича... Прежде всего он позвонил своей жене — Вере Михайловне Величкиной, врачу по профессии. Та, захватив «что-то в аптечке, бросилась бежать на квартиру Владимира Ильича». (429)

Он же: «Затем позвонил Я.М. Свердлов, которому только что кто-то сообщил о ранении Владимира Ильича. Я рассказал ему, что предпринял, и стал просить найти еще хирурга. Он ответил мне, что сейчас же пошлет за доктором Минцем.» (430)

Еще «через несколько минут Вера Михайловна уже впрыскивала в ногу Владимиру Ильичу морфий и выслушивала пульс. Узнав, что вызваны хирурги, она посоветовала не трогать Владимира Ильича, лишь по возможности освежать его, снять ботинки и поскольку возможно раздеть его. Случилось так, что, передавая друг другу порядочный пузырек с нашатырным спиртом, его уронили и разбили. Комната быстро наполнилась запахом нашатыря. Я стал подтирать пролитую жидкость, подтекшую под кровать Владимира Ильича, и он вдруг очнулся и сказал:

- Вот хорошо... - вздохнул и опять забылся.

Очевидно, нашатырь его освежил, а морфий несколько утолил боль.

В это время приехал Вейсброд. Вейсброд быстро сбросил пиджак и стал готовиться к осмотру Владимира Ильича. Но тут вошел профессор Минц. Он, не здороваясь ни с кем, не теряя ни одной минуты, как власть имущий, прямо подошел со стороны спины к Владимиру Ильичу, мимоходом взглянув в лицо, и отрывисто сказал:

- Морфий...

- Впрыснут... — ответила Вера Михайловна.» (431)

На самом деле, «несколько минут» до прихода Величкиной превратились в довольно значительный промежуток времени, особенно для тяжело раненого. Но по всей видимости, Ленин лучше других осознавал продолжавшую грозить ему опасность, и не от каких-то там эсеров, на которых позднее официально «повесят» покушение, а от людей, находящихся совсем рядом, которых принято называть «соратниками». Когда его привезли не в больницу, а в Кремль, раненый, превозмогая боль, дождался прихода В.Д. Бонч-Бруевича, чья верность не вызывала сомнений, и только потом, и только жене Владимира Дмитриевича, Величкиной, разрешил сделать себе укол морфия.

Возвратимся к воспоминаниям Бонч-Бруевича... Профессор Минц приступил к осмотру ран, затем к перевязке. Тем временем, приехал Свердлов, «начали сходиться товарищи».

Тем не менее, В.Д. Бонч-Бруевич, его жена и Вейсборд, наблюдавшие деятельность Минца, желали, чтобы здесь присутствовал еще один человек - Владимир Александрович Обух, «наш старый партийный товарищ и друг».

«Наконец он разыскан, и нам сообщили по телефону, что он спешно выехал на автомобиле. Минуты тянулись часами.

- Скорее бы! Скорее бы! — сверлит в мозгу...» (432)

Наконец Обух прибыл, по-присутствовал на завершающем этапе перевязки Ленина.

«Профессор Минц, сказав все, что нужно, об уходе за Владимиром Иьичем и оставив свой адрес и телефон, собрался уезжать.» (433)

Выйдя из комнаты, где лежал Ленин и перекинувшись несколькими словами со Свердловым, Минц убыл. Обух и Величкина остались дежурить у постели раненого.

Крупская узнала о покушении, вернувшись с совещания, когда Владимир Ильич был уже доставлен домой. «У нас в квартире, — вспоминает Надежда Константиновна, — было много какого-то народу, на вешалке висели какие-то пальто, двери непривычно были раскрыты настежь. Около вешалки стоял Яков Михайлович, и вид у него был какой-то серьезный и решительный... «Как же

теперь будет», - обронила я. «У нас с Ильичем все сговорено», — ответил он». (434)

Когда и что именно «с Ильичем сговорено» Яков Михайлович пояснять не стал.

«Сразу же после того, как Владимир Ильич был доставлен домой и были приняты меры к его спасению, Яков Михайлович вместе с Аванесовым, Петровским и Курским, возглавлявшим тогда Наркомат юстиции, отправился на Лубянку, в ВЧК.» (435)

Оно и не удивительно. Дела, особенно в неожиданно сложившейся обстановке, не ждали.

Итак, согласно показаниям личного шофера Ленина Гиля, выступление Ильича на заводе Михельсона началось в десять часов вечера и длилось не меньше часа. То есть закончилось около одиннадцати часов вечера. Тогда и произошло покушение. И только после одиннадцати часов, после покушения, о нем могли сообщить в Кремль. До покушения о нем мог знать лишь тот, кто его готовил.

Вот интересный документ.

Воззвание ВЦИК по поводу покушения на Ленина.

«ВСЕМ СОВЕТАМ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ, КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ, ВСЕМ АРМИЯМ, ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ

Несколько часов тому назад совершено злодейское покушение на тов. Ленина. Роль тов. Ленина, его значение для рабочего движения России, рабочего движения всего мира известны самым широким кругам рабочих всех стран.

Истинный вождь рабочего класса не терял тесного общения с классом, интересы, нужды которого он отстаивал десятки лет.

Тов. Ленин, выступавший все время на рабочих митингах, в пятницу выступал перед рабочими завода Михельсона в Замоскворецком районе гор. Москвы. По выходе с митинга тов. Ленин был ранен. Задержано несколько человек, их личность выясняется.

Мы не сомневаемся в том, что и здесь будут найдены следы правых эсеров, следы наймитов англичан и французов.

Призываем всех товарищей к полнейшему спокойствию, к усилению своей работы по борьбе с контрреволюционными элементами.

На покушения, направленные против его вождей, рабочий класс ответит еще большим сплочением своих сил, ответит беспощадным массовым террором против всех врагов Революции.

Товарищи! Помните, что охрана ваших вождей в ваших собственных руках. Теснее смыкайте свои ряды, и господству буржуазии вы нанесете решительный, смертельный удар.

Победа над буржуазией — лучшая гарантия, лучшее укрепление всех завоеваний Октябрьской революции, лучшая гарантия безопасности вождей рабочего класса.

Спокойствие и организация! Все должны стойко оставаться на своих постах! Теснее ряды!

Председатель ВЦИК Я. Свердлов.

30 августа 1918 г. 10 час. 40 мин. вечера.» (436)

Самое интересное в этом воззвании — время, когда оно было принято. 22 часа 40 минут! То есть тогда, когда никакого покушения на Ленина еще не произошло! Да еще и с оговоркой «несколько часов назад».

Отметив необычайный «провидческий дар» Свердлова, отметим и то, что сам объект покушения прекрасно все понял. И пока рабочий класс «сплачивал силы» и «отвечал беспощадным массовым террором» абстрактной «буржуазии», «истинный вождь рабочего класса» готовился, просим прощения за вульгаризм, «кинуть ответку» проколовшемуся мафиози. Оставалось только подлечиться...

А пока, Свердлов спешит занять кабинет Ленина, «сосредоточив в своих руках такую власть, какую не концентрировал и сам Ильич — руководство Совнаркомом, ЦК партии и ВЦИК Советов! Захватил все бумаги, документы.» (437)

Мальков вспоминает:

«Я... уныло бродил из конца в конец пустынного коридора мимо обезлюдевшей в ночные часы приемной Совнаркома, мимо двери в кабинет Ильича. Из-под этой двери, за которой еще сегодня днем звучал такой знакомый, такой бодрый голос, в полутемный коридор пробивался слабый свет. Там, за столом Ленина, склонившись над бумагами, бодрствовал Яков Михайлович Свердлов.» (438)

Интересно, комендант Кремля, доверенное лицо Свердлова, действительно бродит без цели, или, да простится нам такое выражение, «стоит на шухере»?

Так или иначе, «ни до этого, ни после ни один человек, кроме Свердлова, ни при жизни Ленина, ни после его смерти, в кабинете Ильича не работал.» (439)

37

В советском варианте «истории» личность человека, покушавшегося убить Ленина, не вызывала сомнений — Фанни Каплан (1890-1918), участница революционного движения, член партии эсеров, более десяти лет проведшая в Акатуйской каторжной тюрьме, где почти полностью потеряла зрение.

Однако при внимательном изучении вопроса виновность Каплан становится не столь однозначной.

«Ни один из допрошенных свидетелей, присутствовавших на месте покушения, стрелявшего в Ленина человека не видел в лицо и опознать Фанни Каплан как виновную в покушении не мог.» (440)

Не видел стрелявшего и шофер Гиль. А может быть просто не захотел ничего говорить. Единственным, кто, похоже, видел стрелявшего, был сам Ленин. Во всяком случае, когда Гиль подбежал к лежавшему на земле вождю, «Ленин хриплым, изменившимся голосом с явным усилием спросил его: «Поймали его или нет?» На что Гиль поспешно сказал: «Молчите, не говорите. Вам тяжело».» (441)

Однако такие мелочи, как показания самого пострадавшего, никого не заинтересовали. Ленина никто из следователей ни о чем не спрашивал, возможно, по той простой причине, что его слова могли опровергнуть версию с Фанни Каплан.

Ю. Фельштинский: «Допросы Каплан в ВЧК велись сухо и формально. Все шесть допросов были проведены в течение 24 часов после задержания Каплан и были очень короткими. Она допрашивалась разными людьми, задававшими одинаковые вопросы.... Никаких улик против Каплан в распоряжении следствия нет: опознать ее никто не может, оружия при ней не нашли.» (442)

Почему Свердлову понадобилось убить Фанни Каплан и уничтожить тело? Чтобы не только заставить ее замолчать, но и ис-

ключить процедуру опознания трупа свидетелями, например, Гилем, да и тем же Лениным.

После убийства Каплан и уничтожения тела, множество вопросов оставались неразрешенными навсегда.

«Была ли Каплан покушавшейся, т.е. женщиной, выстрелившей в Ленина; была ли расстрелянная в Кремле женщина — Каплан... была ли расстрелянная в Кремле женщина той, которую видел Гиль и какие-то другие свидетели у завода Михельсона; кого именно расстреляли в Кремле 3 сентября 1918 года? Список этих вопросов — бесконечен. Не имея Каплан не только живой, но и мертвой, ответить на них было невозможно. Именно Свердлов закрыл дело Каплан, уничтожив наиболее важную улику — саму арестованную. Он мог это сделать только в одном случае, если лично был не заинтересован в расследовании и если лично был причастен к заговору. Других объяснений поведения Свердлова не существует.» (443)

2 сентября 1918 года, под руководством В.Э. Кингисеппа, был проведен следственный эксперимент.

На месте покушения у завода Михельсона сам Кингисепп изображал Фанни Каплан, шофер Гиль — самого себя, Н.Я. Иванов — Ленина, а работник профкома Сидоров — Попову, ту самую, в которую попала третья пуля, выпущенная в Ленина. В результате этого эксперимента выяснилось, что Каплан никак не могла ранить Ленина в спину, когда он подходил к подножке автомобиля. (444)

Было подтверждено, что в Ленина были произведены четыре выстрела из двух пистолетов разного калибра, видимо, револьвера и браунинга. Именно четыре гильзы и были обнаружены Кингисеппом во время осмотра места покушения и проведения следственного эксперимента. (445)

Последние сомнения в несостоятельности официальной советской версии покушения на Ленина исчезают, на наш взгляд, если зафиксировать простой факт: когда сравнили пули, «извлеченные при операции Ленина в 1922 г. и при бальзамировании тела вождя в 1924 г., выяснилось, что они разные». (446)

Можно ли представить себе, как полуслепая после каторги Фанни Каплан, видимо, зажав в зубах зонтик, с которым ее арестовали, ведет стрельбу «по-македонски» - с двух рук из разных пистолетов — каждым вторым выстрелом успешно поражая лысыватую мишень? Наверное, все же — нет.

Впрочем, ни самого Кингисеппа, ни подключившегося к расследованию уже знакомого нам Якова Юровского, все эти мелочи не обеспокоили.

При обсуждении дальнейшей судьбы Каплан, возникла принципиальная внутри большевистская дискуссия.

2 сентября 1918 года на заседании ВЦИК Свердлов предложил казнить подозреваемую без дальнейших разбирательств.

«- В деле есть ее признание? Есть. Товарищи, вношу предложение — гражданку Каплан за совершенное ею преступление сегодня расстрелять.

- Признание не может служить доказательством вины, — возразил ему Петерс.» (447)

Как хорошо известно, победила точка зрения Свердлова, что вылилось, спустя два десятка лет, в следующую позицию Прокурора СССР А.Я. Вышинского: признание обвиняемого, пусть с оговорками и лишь в ряде случаев, может быть положено в основу обвинения. Например, по делам о заговоре с целью свержения действующей власти.

Уже 3 сентября Каплан была расстреляна комендантом Кремля Мальковым, а тело сожжено в бочке с бензином в Александровском саду. За этим процессом наблюдал поэт Демьян Бедный. От запаха упал в обморок. (448)

Вот как расправу с Фанни Каплан описал сам исполнитель приговора.

«Через день или два (после покушения на Ленина — Ю.Б.) меня вызвал Варлам Александрович Аванесов.

- Немедленно поезжай в ЧК и забери Каплан. Поместишь ее здесь, в Кремле, под надежной охраной.

Я вызвал машину и поехал на Лубянку. Забрав Каплан, привез ее в Кремль и посадил в полуподвальную комнату под Детской половиной Большого дворца...

Прошел еще день-два, вновь вызвал меня Аванесов и предъявил постановление ВЧК: Каплан — расстрелять, приговор привести в исполнение коменданту Кремля Малькову.

Расстрел человека, особенно женщины — дело нелегкое. Это тяжелая, очень тяжелая обязанность, но никогда мне не приходилось исполнять столь справедливого приговора, как теперь.

- Когда? — коротко спросил я Аванесова.

У Варлама Александровича, всегда такого доброго, отзывчивого, не дрогнул на лице не один мускул.

- Сегодня. Немедленно.

И, минуту помолчав:

- Где, думаешь, лучше?

Мгновение поразмыслив, я ответил:

- Пожалуй, во дворе Авто-Боевого отряда, в тупике.

- Согласен.

- Где закопаем?

Аванесов задумался.

- Этого не предусмотрели. Надо спросить Якова Михайловича.

Мы вместе вышли от Аванесова и направились к Якову Михайловичу, оказавшемуся, к счастью, у себя. В приемной сидело несколько человек, кто-то был у него в кабинете. Мы вошли. Варлам Александрович шепнул Якову Михайловичу несколько слов, Яков Михайлович молча кивнул, быстро закончил беседу с находившимся у него товарищем, и мы остались одни.

Варлам Александрович повторил Якову Михайловичу мой вопрос: где хоронить Каплан? Яков Михайлович глянул на Аванесова, на меня. Медленно поднялся и, тяжело опустив руки на стол, будто придавив что-то, чуть подавшись вперед, жестко, раздельно произнес:

- Хоронить Каплан не будем. Останки уничтожить без следа...

Выйдя от Якова Михайловича, мы с Аванесовым расстались. Он пошел к себе, а я — в комендатуру...

Я велел начальнику Авто-Боевого отряда выкатить из боксов несколько грузовых автомобилей и запустить моторы, а в тупик загнать легковую машину, повернув ее радиатором к воротам. Поставив в воротах двух латышей и не велев им никого впускать, я отправился за Каплан. Через несколько минут я уже вводил ее во двор Авто-Боевого отряда.

К моему неудовольствию, я застал здесь Демьяна Бедного, прибежавшего на шум моторов. Квартира Демьяна находилась как раз над Авто-Боевым отрядом, и по лестнице черного хода, о котором я забыл, он спустился прямо во двор. Увидя меня вместе с Каплан, Демьян сразу понял, в чем дело, нервно закусил губу и молча от-

ступил на шаг. Однако уходить он не собирался. Ну что же! Пусть будет свидетелем...

- К машине! — подал я отрывистую команду, указав на стоящий в тупике автомобиль.

Судорожно передернув плечами, Фанни Каплан сделала один шаг, другой... Я поднял пистолет...» (449)

Далее произошло то, о чем большевик Мальков постеснялся публично вспоминать. Дело в том, что «останки уничтожить без следа» не так-то просто. Решено было сжечь труп в железной бочке, залив его бензином. Только вот бочка оказалась маловата.

«Бензин взяли из машины Ленина, его сливал в бочку личный шофер вождя Гиль. Тело Фанни рубили топорами на куски стрелки кремлевской охраны. И все это — на фоне византийских икон Феофана Грека, Прохора Городца и Андрея Рублева...» (450)

П. Мультатули: «Кстати, этот метод заметания следов по-свердловски, то есть сожжение трупов, невольно приводит нас к Ганиной Яме. О том же свидетельствует и имя человека, руководившего «расследованием» дела Каплан — Яков Юровский.» (451)

38

После убийства Урицкого и ранения Ленина резко активизировалась ВЧК.

Один из первых ее шагов — раскрытие «заговора послов». 31 августа чекистами был произведен налет на посольство Великобритании, сопровождавшийся арестами «заговорщиков». При этом морской атташе Фрэнсис Кроми застрелил одного чекиста, ранил двоих, после чего был застрелен сам.

В ночь с 31 августа на 1 сентября по приказу Петерса был арестован британский дипломат, журналист, и — по совместительству — тайный агент Брюс Локкарт (1887-1970). Его задержанием руководил лично комендант Кремля Мальков. Вместе с Локкартом на Лубянку были доставлены его любовница Мура Будберг и сотрудник британского посольства Хикс.

Локкарт отказался отвечать на вопросы Петерса, однако уже в 9 утра, после звонка Свердлова, он и Хикс были освобождены.

3 сентября «Известия» разразились торжественным сообщением: «Сегодня 2-го сентября ликвидирован заговор, руководимый англо-французскими дипломатами во главе с начальником британской миссии Локкартом, французским генеральным консулом Давернем и др., направленный на организацию захвата, при помощи подкупа частей советских войск, Совета народных комиссаров и провозглашения военной диктатуры в Москве.» (452)

При этом, уже на следующий день, 4 сентября, Локкарт приходит на Лубянку и требует освободить Муру Будберг, что и делается.

Поскольку большинство документов по «заговору послов» до сих пор засекречено, невозможно с достаточной точностью описать все его хитросплетения. Многое говорит за то, что все это — сплошная мистификация ВЧК.

Очевидна лишь ведущая роль во всем этом деле как «свердловцев» Малькова и Петерса, так и лично Якова Михайловича.

Закончилось все банально: все иностранные дипломаты, включая Локкарта, в октябре 1918 года покинули Советскую Россию. Не сумели (или не захотели) доблестные чекисты помешать и выезду за границу Сиднея Рейли, также фигурировавшего в деле о «заговоре послов».

25 ноября начался суд над многочисленными второстепенными участниками контрреволюционного заговора. Ввиду того, что иностранные дипломаты были предварительно отпущены за пределы РСФСР, их судили заочно. Иностранную буржуазию представляли несколько чехов и американский коммерсант К. Каламатиано. На скамье подсудимых члены Революционного трибунала при ВЦИК обнаружили преподавательницу французской женской гимназии, журналиста, актрису МХТ, студента и тому подобную публику, которую при всем желании невозможно было представить заговорщиками.

В итоге, треть подсудимых оправдали, несколько человек приговорили к небольшим срокам заключения. К расстрелу приговорили четырех отсутствовавших дипломатов, бывшего подполковника Фриде и Каламатиано. Чуть позже приговор последнего за-

менили на 20 лет тюрьмы, из которых он отсидел 2 с половиной, освободился по амнистии и уехал в США,

Таким образом, за «заговор послов» заплатил жизнью лишь российский подполковник Фриде.

Зато, в качестве моральной компенсации, — каждый из отсутствовавших на процессе дипломатов, включая Локкарта и Рейли, был заочно объявлен «врагом трудящихся, стоящим вне закона РСФСР».

Возвращаясь в сентябрь 1918 года констатируем, что после убийства Урицкого, ранения Ленина и разоблачения «заговора послов» на подвластных большевикам территориях бывшей Российской Империи был официально объявлен красный террор.

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ РСФСР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 5 сентября 1918 года

О КРАСНОМ ТЕРРОРЕ

Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад Председателя Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности о деятельности этой Комиссии, находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью; что для усиления деятельности Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности о деятельности и внесения в нее большей планомерности необходимо направить туда возможно большее число ответственных партийных товарищей; что необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях, что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам; что необходимо опубликовывать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры.

Народный Комиссар Юстиции Д. КУРСКИЙ

Народный Комиссар
по Внутренним Делам Г. ПЕТРОВСКИЙ

Управляющий Делами
Совета Народных Комиссаров В. БОНЧ-БРУЕВИЧ (453)

Кстати, хорошей иллюстрацией поддержки большевиков со стороны Германии, служит деятельность статс-секретаря германского МИДа фон Хинтце.

Р. Пайпс: «В начале сентября, когда Москва развязала красный террор, в ходе которого были расстреляны тысячи заложников, Хинтце употребил все свое влияние, чтобы воспрепятствовать полной публикации в германской печати присылаемых из России отчетов о тамошних зверствах, опасаясь, что возмущение общественности повредит дальнейшему сотрудничеству.» (454)

Анжелика Исааковна Балабанова (1878-1965), революционерка, познакомившая с марксизмом небезызвестного Бенито Муссолини, писала из Стокгольма:

«В августе пришла весть о покушении на жизнь Ленина и объявлении «красного террора». Моя тревога при мысли о возможной смерти Ленина вскоре уступила место тревоге по поводу сенсационных сообщений о непрекращающемся терроре. Когда я услышала, что семьсот политических противников большевиков были расстреляны в качестве ответной меры, я испытала глубокое потрясение. Даже притом, что я считала эти сообщения преувеличенными, я не могла не признавать, насколько вредны они были в это критическое время для рабочего движения.» (455)

Такие мысли надо признать вполне актуальными для тех дней. Ибо кровь, до того текшая по России ручьями, теперь полилась рекой.

В Москве только в «ленинские дни» было уничтожено около тысячи человек. Очередная большевистская «шишка» — Карл Радек требовал, чтобы казни были публичными, - тогда они, дескать, окажут более сильное воздействие. И сперва расстреливали на Ходынском поле «торжественно», под музыку оркестра. Но направляемые для казней красноармейцы не выдерживали, начали бунтовать. Их заменили китайцами и людей убивали уже без музыки. (456)

«В Питере преемник Урицкого Бокий, один из любимцев Свердлова, казнил 1300 человек. На места Яков Михайлович централизованно направлял разнарядки, строго требовал отчетности, как о важных боевых операциях или хлебозаготовках. И шли доклады из губернских городов. Там расстреляли 30, там 150, там 200... Кам-

панию горячо поддержал Троцкий. Заявлял, что «устрашение является могущественным средством политики, и надо быть ханжой, чтобы этого не понимать».» (457)

Историк С. Фомин: «Во время объявленного «красного террора», явившегося следствием убийства Урицкого и Володарского, а также ранения Ленина, в качестве очередной человеческой дани дьяволу, расстреливали представителей Царского строя — бывших министоров — И.Г. Щегловитова, А.Н. Хвостова, Н.А. Маклакова и других обреченных...

Бывший директор Департамента полиции С.П. Белецкий, чтобы избежать последних надругательств и смерти от руки большевицких палачей, накануне казни принял цианистый калий, пронесенный ему в тюрьму.

Ходынка была свидетельницей последних минут приговоренных и в свою землю она приняла их окровавленные тела. Она приняла их предсмертный стон и разнесла его повсюду. С т а р и к Щегловитов, перекрестившись, сказал спокойным голосом: «Рад умереть за Царя и Россию»... Хвостов выразил надежду и веру в лучшее будущее России и в поражение революции...

Когда, после залпа, легко раненый Хвостов пытался выбраться из своей преждевременной могилы, его штыками столкнули обратно и живого засыпали землей...» (458)

Еще 1 сентября 1918 года З. Гиппиус пишет в своем дневнике:

«Урицкий умер на месте, Ленин выжил и сейчас поправляется. Большевики на это ответили тем, что арестовали 10 тысяч человек. Наполнили 38 тюрем и Шлиссельбург (в Петропавловке и в Кронштадте — верхом). Арестовывали под рядовку, не разбирая. С первого раза расстреляли 512, с официальным объявлением и списком имен. Затем расстреляли еще 500 без объявления. Не претендуют брать и расстреливать виноватых, нет, они так и говорят, что берут «заложников», с тем, чтобы, убивая их косяками, устрашить количеством убиваемых. Объявили уже имена очередных пятисот, кого убьют вскоре.» (459)

Она же: «Аресты, террор... кто еще, кто остался? В крепости — в Трубецком бастионе — набиты оба этажа. А нижний, подвальный (запомните!), - камеры его заперты наглухо, замурованы: туда давно нет ходу, там — неизвестно кто — обречены на голодную смерть.» (460)

И еще важное из резолюций ВЦИК о «красном терроре»: «Расстреливать всех контрреволюционеров. Предоставить районам право самостоятельно расстреливать... Устроить в районах маленькие концентрационные лагеря... Принять меры, чтобы трупы не попадали в нежелательные руки. Ответственным товарищам ВЧК и районных ЧК присутствовать при крупных расстрелах. Поручить всем районным ЧК к следующему заседанию доставить проект решения вопроса о трупах...» (461)

В. Шамбаров: «Это — Свердлов! Это его «почерк»! Заметьте — опять повышенное внимание к «вопросу о трупах» Обостренное, болезненное внимание. Впрочем, и остальные пункты весьма многозначительны. Террор уже не отдается на откуп местной «самодеятельности». Он насаждается. Целенаправленно, организованно, повсеместно. Яков Михайлович требует личного присутствия при экзекуциях «ответственных товарищей». Чтобы повязать их кровью. Если ты еще не убийца — стань убийцей! Все «ответственные товарищи» ВЧК и ЧК должны сами, лично и непосредственно, стать убийцами. Свердлов своим постановлением не просто дает «зеленый свет» палачам, а делает из людей палачей, приучает их к этому занятию. Чтобы разбудить в человеке «зверя», сломать все моральные преграды в душе, выпустив наружу страшное и низменное.» (462)

39

Пока Ленин приходил в себя, в России началась компания славословий в его адрес.

«Газеты превозносят его, соревнуются в восхвалениях и придумывании эпитетов - «великий», «гениальный», «славный», «неутомимый», «самоотверженный», «дорогой учитель». По всей стране проводились митинги: в городах, районах, воинских частях, на заводах. Принимались и пересылались в Москву резолюции... Кто инициировал этот поток лести, проследить нетрудно. Начала его газета «Известия ВЦИК». Орган Свердлова. Именно Яков Михайлович и как раз после покушения на Владимира Ильича принялся делать из него Вождя с большой буквы, раздувать культ Ленина, превращая его в «живое божество».» (463)

А еще Свердлов не оставил мысль устранить восхваляемого им же Ленина. В Кремле рядом с вождем постоянно находились Владимир Бонч-Бруевич и его жена Вера Михайловна Величкина — врач, оказавшая Ленину первую помощь после покушения на заводе Михельсона, и продолжавшая входить в группу его лечащих врачей.

И слишком уж подозрительным совпадением кажется то, что 30 сентября, то есть через 5-6 дней после отъезда Ленина в Горки, Величкина умерла в Кремле, по официальной версии от «испанки». (464)

Бонч-Бруевич пишет в своих воспоминаниях:

«Осень 1918 года. […] В Кремле в течение двух дней от испанки умерли три женщины. Владимир Ильич находился за городом на излечении после тяжелого ранения. Получив известие о смерти женщин, он выразил самое душевное соболезнование семьям и сделал все распоряжения об оказании им помощи.» (465)

Удивительные люди эти большевики — вот и «товарищ» Бонч-Бруевич пишет о «трех женщинах», считая излишним сообщить, что одна из этих трех — его собственная жена.

«Одной из трех женщин, умерших в Кремле в течение двух дней, была жена Бонч-Бруевича, о чем Бонч-Бруевич «забыл» упомянуть. И понятно почему: три человека за два дня в Кремле — больше похоже на устранение нежелательных людей, чем на смерть от испанки, пусть даже в период пандемии.» (466)

Добавим, что все умершие были медицинскими работниками.

Тем временем, Ленин был фактически изолирован в подмосковных Горках. Инициатором изоляции был, естественно, Яков Михайлович.

Елизавета Драбкина пишет о попытках Ленина поучаствовать в текущих партийных делах:

«Первого октября он написал Свердлову записку, в которой предложил созвать на следующий день объединенное заседание ВЦИКа, Московского Совета и рабочих организаций, чтобы провести практические мероприятия помощи германскому пролетариату.

«...Назначьте собрание в среду в 2 ч., — писал Владимир Ильич

в конце письма. — ...мне дайте слово на ¼ часа вступления, я приеду и уеду назад. Завтра утром пришлите за мной машину (а по телефону скажите только: согласны).» (467)

Крупская вспоминает, как хотел Ленин выступить на этом собрании:

«Согласия на приезд Ильич не получил, несмотря на его страстную просьбу об этом, — рассказывает она. — берегли сугубо его здоровье. Объединенное собрание было назначено на 3-е, на четверг, а 2-го, в среду, Ильич лишь написал собранию письмо...

Ильич знал, что машины за ним не пришлют, и все же в этот день сидел у дороги и ждал... «А вдруг пришлют!».» (468)

Что это — такая своеобразная забота? Выступить нельзя, а сидеть, нервничая, весь день у дороги — можно? Или что-то другое было в голове у Якова Михайловича?

А вот позиция Свердлова по волнующему Ленина вопросу: «Мы расцениваем события в Германии как начало революции, — писал он 2 октября Сталину. — Дальнейшее быстрое развитие событий неизбежно.» (469)

Итак, «пока Ленин весь день 3 октября сидел на пригорке, ожидая обещанной, но так и не посланной за ним машины, в ЦК, вопреки воле Ленина, было принято решение о поддержке германской революции, начавшейся на следующий день: 4 октября к власти в Германии пришло правительство Макса Баденского с участием лидера правого крыла немецких социал-демократов Шейдемана, заявившее о согласии подписать мир с Антантой на условиях «14 пунктов» президента США Вильсона.» (470)

40

В октябре 1918 года, с ведома Свердлова, Дзержинский с документами на имя Феликса Доманского выезжает в Швейцарию для встречи с женой и сыном.

Одну из версий такого поведения Феликса Эдмундовича приводит В. Шамбаров: «Услав его в отпуск, Свердлов... начинает реорганизацию ЧК. Без Дзержинского! Создается комиссия в составе Петерса и все тех же наркомов-свердловцев Курского и Пе-

тровского. Какая именно проводилась реорганизация? «Усиление» органов ЧК массовыми вливаниями туда всяких «инородцев», особенно латышей. Центральный аппарат ВЧК был доведен до 2 тысяч человек, из них 75% - латыши. Как сообщал потом бюллетень левых эсеров, «в Москву из Латвии в ВЧК едут как в Америку, на разживу» и служить поступают «целыми семьями».» (471)

Заметим, что в Швейцарию Дзержинский приехал не один, с ним был ближайший подручный Свердлова, секретарь ВЦИК В. Аванесов, тот самый, который подписывал совместно со Свердловым мандат комиссара Яковлева. Если приезд Дзержинского можно объяснить хотя бы встречей с семьей, то для чего приехал в Швейцарию Аванесов — непонятно вовсе. (472)

А ведь и без всякого «отпуска» отношения Дзержинского и Свердлова были достаточно теплыми.

Вот что рассказывает Мальков:

«Очень считался Феликс Эдмундович и с Яковом Михайловичем, постоянно наблюдавшим за работой ВЧК. Варлам Александрович Аванесов, принимавший в 1918-1919 годах непосредственное участие в руководстве работой ВЧК, рассказывал мне, что Яков Михайлович, бывало, пишет Феликсу Эдмундовичу товарищескую записку: в ЧК, мол, такие-то и такие-то непорядки, следовало бы сделать то-то и то-то. Феликс Эдмундович берет эту записку и, не меняя в ней ни единого слова, не переставляя ни одной запятой, сняв лишь обращение и поставив свою подпись, рассылает ее органам ВЧК в качестве директивы.» (473)

Так что, поездка Дзержинского и Аванесова в Европу, да еще в самые горячие дни, когда красный террор был в самом разгаре, состоялась вовсе не потому, что Свердлову надо было удалить из Москвы Феликса Эдмундовича перед «реорганизацией ВЧК». И не потому, что последнему приспичило встретиться с женой...

И невольно вспоминается некая «оккультная версия» — будто бы отвозили Дзержинский и Аванесов неким «заказчикам убийства Царской Семьи» голову убиенного Императора.

Расскажем в связи с этим о странном эпизоде, случившемся во время пребывания путешественников из Советской России в Швейцарии.

Жена Феликса Эдмундовича С.С. Дзержинская рассказывает:

«В Берне не было условий для отдыха, который был так необходим Феликсу, и мы решили поехать в Лугано. Феликс был еще очень слаб после перенесенной болезни, но счастлив и весел. В Лугано мы приехали вечером и остановились в гостинице на самом берегу озера с чудесным видом на него и на окружающие это озеро горы. В Лугано мы совершали замечательные прогулки и катались на лодке.» (474)

«Однажды, – продолжает жена Дзержинского, – произошел неприятный случай. В тот момент, когда мы на пристани в Лугано садились на лодку, тут же рядом с нами, с правой стороны, пристал пароходик, на палубе которого рядом с трапом стоял... Локкарт, английский шпион. В Советской России он занимал высокий дипломатический пост и был организатором ряда контрреволюционных заговоров против Советской власти. Незадолго до этого он был арестован в Москве, и Дзержинский руководил следствием по его делу. Как официального дипломата, его не подвергли заслуженному наказанию, но выслали за пределы Советского государства.

Феликс узнал его сразу. Об этой встрече он сказал мне, когда мы уже отплыли от пристани. Английский же шпион, к счастью, не узнал Феликса: так была изменена его внешность. Притом этому врагу даже в голову не могло прийти, что председатель ВЧК находится в Швейцарии.» (475)

Здесь необходимо еще раз вспомнить, что Локкарт был не просто английский дипломат, но также и член тайной влиятельной масонской организации «Комитет Трехсот», штаб-квартира которой находилась в США, в Чарльстоне. (476)

Локкарт был прекрасно знаком с Шиффом, Ротшильдами, Варбургами и другими влиятельными еврейскими банкирами Америки и Германии, финансировавшими «русскую революцию». Одновременно Локкарт был близок и к большевикам, во всяком случае, к известной их части. Голландский исследователь И. Хельзинг пишет, что через Локкарта с «Комитетом Трехсот» были связаны Ленин и Троцкий. Неофициальный советский представитель в Англии М. Литвинов в рекомендательной записке к Троцкому, называл Локкарта «исключительно честным человеком, который понимает наше положение и симпатизирует нам». (477)

Таким образом, встреча Локкарта и Дзержинского в Лугано вполне могла быть неслучайной. Именно неслучайной — как иначе могли встретиться в центре Европы, на какой-то там пристани, председатель ВЧК и «британский шпион», хорошо знавшие друг друга. И кто сказал, что эта встреча была единственной? Не всегда ведь жена Дзержинского сопровождала мужа, да и не была она настолько простодушной, чтобы откровенно писать обо всех контактах мужа без исключения.

Так или иначе, почти сразу же после отбытия Локкарта покинул Лугано и Дзержинский. 25 октября он и Аванесов отбыли из Берна, но направились не в Советскую Россию, как это было бы логично, если Дзержинский действительно бы приезжал в Швейцарию просто проведать семью, а в Берлин, где только начиналась революция.

П. Мультатули: «Что делали Дзержинский с Аванесовым в Берлине, с кем встречались, с какой целью? Ответы на эти вопросы остаются окутанными глубокой тайной. Но вполне возможно, что целью приезда в Европу двух «горячих друзей» Свердлова была передача тайным организаторам Екатеринбургского злодеяния их главного трофея — отчлененных голов Царственных Мучеников.» (478)

Заканчивая с оккультизмом и возвращаясь непосредственно к Свердлову, отметим, как неплохо себя чувствовал Яков Михайлович фактически управляя партией и государством.

В.Д. Бонч-Бруевич свидетельствует:

«- Вот, Владимир Дмитриевич, — сказал мне как-то Я.М. Свердлов, — и без Владимира Ильича мы все-таки справляемся.

Больно и тяжело мне было это слушать...» (479)

Однако выздоровление Ленина очевидно путало карты Свердлову.

Ю. Фельштинский: «Оказалось, однако, что даже раненый Ленин, пока он в Кремле, Свердлову все равно мешает. Здесь сама собой напрашивается аналогия: Ленин, Сталин и Горки в 1922-1923 годах. Официально в 1922-1923 годах Ленин был отправлен в Горки на выздоровление. Сегодня мы знаем, что он был отстранен Сталиным от дел, сослан и умер при загадочных обстоятельствах. [Об этом далее — Ю.Б.] Но мысль о Горках впервые зародилась не

у Сталина, а у Свердлова. И когда читаешь о том, как Свердлов «заботился» о здоровье раненого «Ильича», это слишком напоминает «заботу» Сталина о больном Ленине в 1922-1923 годах.» (480)

В. Шамбаров: «Ни разу за время пребывания Владимира Ильича в Горках к нему не допускался ни один высокопоставленный руководитель партии и правительства. Только Свердлов.

Он делает все, чтобы подольше продержать там Ленина. По его указанию Мальков начинает ремонт в кремлевской квартире вождя (хотя ремонт там делался полгода назад — в марте, при переезде в Москву). (481)

А вот и личное свидетельство коменданта Кремля.

«После отъезда Владимира Ильича в Горки мы начали ремонт и переоборудование его кремлевской квартиры.

К середине октября Владимир Ильич стал чувствовать себя много лучше и все чаще начал интересоваться, как идет ремонт и скоро ли он сможет вернуться в Москву. Я говорил об этом Якову Михайловичу, а он отвечал:

- Тяните, тяните с ремонтом. Пусть подольше побудет Владимир Ильич на воздухе, пусть отдыхает.» (482)

41

Теперь коротко затронем тему отношений новой власти и казачества. Большевики по факту являлись Богоборцами и Цареубийцами, а рабочие, от имени которых они выступали, согласно К. Марксу, «не имеют отечества».

Сравним это с казачьим: За Бога, Царя и Отечество. Понятно, что большевистская верхушка не могла не поставить своей целью всяческое ослабление казачества, а в идеале — его уничтожение.

Геноцид казаков на Дону, — а говорить приходится именно об этом, — готовился заблаговременно и основательно. В конце 1918 года большевики собрали на юге ревтрибуналы с частями поддержки из интернационалистов. Донские полки, перешедшие ранее на сторону красных, перевели на Восточный фронт.

Еще в конце 1918 года председатель Донбюро С. Сырцов обозначил позицию советской власти: «...Значительная часть казаков

Донской области по самой природе своей враждебна советской власти, отдельные сочувствующие элементы тонут в мире темной невежественной буржуазно-казачьей массы («трудовое революционное казачество» больше существует как агитационная формула, чем на самом деле), поэтому предоставить самой [казацкой] массе, однородной в экономическом отношении, строить местные органы власти было бы ошибочно.» (483)

В январе 1919 года Свердлов провел в Москве совещание начальников политотделов фронтов, где согласовывались детали предстоящей операции.

Итогом совещания стала директива ЦК РКП(б) от 24 января 1919 года:

«Последние события на различных фронтах в казачьих районах - наши продвижения вглубь казачьих поселений и разложение среди казачьих войск — заставляют нас дать указания партийным работникам о характере их работы при воссоздании и укреплении Советской власти в указанных районах. Необходимо, учитывая опыт года гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления. Никакие компромиссы, никакая половинчатость пути недопустимы. Поэтому необходимо:

1 Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применять все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти.

2 Конфисковать хлеб и заставить ссыпать все излишки в указанные пункты, это относится как к хлебу, так и ко всем другим сельскохозяйственным продуктам.

3 Принять все меры по оказанию помощи переселяющейся пришлой бедноте, организуя переселение, где это возможно.

4 Уровнять пришлых «иногородних» к казакам в земельном и во всех других отношениях.

5 Провести полное разоружение, расстреливая каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи.

6 Выдавать оружие только надежным элементам из иногородних.

7 Вооруженные отряды оставлять в казачьих станицах впредь до установления полного порядка.

8 Всем комиссарам, назначенным в те или иные казачьи поселения, предлагается проявить максимальную твердость и неуклонно проводить настоящие указания.

ЦК постановляет провести через соответствующие советские учреждение обязательство Наркомзему разработать в спешном порядке фактические меры по массовому переселению бедноты на казачьи земли.

Я. Свердлов.» (484)

В том же январе 1919 года Троцкий заявил: «Казачество — это класс, который избрало царское правительство себе в союзники, опора трона. Казаки подавили восстание 1905 г. Их история запятнана кровью рабочего класса. Они никогда не станут союзниками пролетариата. Уничтожить как таковое, расказачить казачество — вот наш лозунг! Снять лампасы, запретить именоваться казаком, выслать в массовом порядке в другие области. Только так мы можем утвердиться здесь...» (485)

Естественно, Доном кампания геноцида не ограничивалась. На Урале и в Оренбуржье, куда красные прорвались зимой 1918 года, творилось то же самое. Здесь верховодили свердловцы Г.И. Петровский и Шая Голощекин.

И тоже издавали свирепые приказы. Например, Петровский писал: «С казачеством нужно покончить... Советская власть должна поставить в порядок дня политику репрессий по отношению к казачеству, политику экономического и, как подсобного ему, красного террора».» (486)

Историк Н.Н. Лысенко: «До конца 1922 г., более тысячи тысяч — более миллиона! — казацких жизней переработала в тлен и прах страшная машина государственного террора РСФСР.» (487)

И хотя основные репрессии против казачества развернулись уже после смерти Свердлова, его ведущая роль в организации сего чудовищного преступления — несомненна.

42

14 октября 1918 года началось общее наступление войск Антанты на Западном фронте. На этом фоне 4 ноября в Киле началось восстание матросов германской армии, которое переросло в ноябрьскую революцию в Германии — ту самую, обсудить вопрос о которой так рвался Ленин. (Эта революция будет подавлена лишь к концу лета 1919 года, а 11 августа рейхспрезидент Германии Фридрих Эберт подпишет Веймарскую Конституцию.)

А пока, 5 ноября 1918 года 1-й американской армии удалось прорвать фронт противника. Началось общее отступление германской армии. 9 ноября был свергнут кайзер Вильгельм II, который уже на следующий день оставил Германию и обосновался в Нидерландах, прикупив чуть позднее небольшой замок близ Дорна.

11 ноября 1918 года в Компьенском лесу на севере Франции было подписано соглашение о прекращении военных действий в Первой мировой войне, фактически означавшее капитуляцию Германии. Союзники последней капитулировали еще раньше: 29 сентября — Болгария, 30 октября — Турция, 3 ноября — Австро-Венгрия.

Для Германии одно из условий капитуляции гласило: отказ от договора в Брест-Литовске с Россией и вывод войск с занятых территорий.

13 ноября 1918 года, через два дня после капитуляции Германии, расхрабрившиеся большевики, в лице ВЦИК, принимают постановление об аннулировании Брест-Литовского мира:

«Всероссийский ЦИК сим торжественно заявляет, что условия мира с Германией, подписанные в Бресте 3 марта 1918 года, лишились силы и значения. Брест-Литовский договор (равно и дополнительное соглашение, подписанное в Берлине 27 августа и ратифицированное ВЦИК 6 сентября 1918 г.) в целом и во всех пунктах объявляется уничтоженным.

Все включенные в Брест-Литовский договор обязательства, касающиеся уплаты контрибуции или уступки территорий и областей, объявляются недействительными...

Председатель ВЦИК Я. Свердлов

Председатель СНК Ульянов-Ленин

Секретарь ВЦИК В. Аванесов.» (488)

Вот так, по факту: наступление американской армии привело к окончательному крушению Германии, а тем самым позволило большевикам оставить себе еще не выплаченные немцам деньги и, кроме того, начать многочисленные и многолетние военные операции в попытках «возвратить» территории, практически безропотно отданные немцам Лениным и его подельниками в феврале-марте 1918 года.

Здесь нельзя не отметить роль Свердлова в международных большевистских делах. Пока Ленин и Троцкий расширяли или пытались расширить перечень советских республик, Яков Михайлович «осваивал завоеванное пространство», действуя своими традиционными методами.

«Руководителем компартии Латвии становится его выдвиженец Стучка, компартии Эстонии — Кингисепп, в верхушку компартии Литвы проталкиваются старый знакомый по красноярской пересыльной тюрьме Мицкявичус-Капсукас, один из деятелей еврейского комитета Циховский, «свердловец» Уншлихт. Под особое покровительство Яков Михайлович берет мадьяр, среди которых верховодит его «друг дома» Бела Кун.» (489)

К концу 1918 года Свердлов организует административную комиссию при ВЦИКе по вопросу об административном разделении Советской республики, в работе которой принимает активнейшее участие. (490)

Это тот самый «национальный» вопрос, которым позднее озаботился Сталин.

Продолжал Яков Михайлович рулить и в военной области. В приведенном ниже документе, кроме всего прочего, мы находим и косвенное свидетельство охлаждения его отношений с Лениным.

12 февраля 1919 года Свердлов пишет Чичерину.

«Уважаемый Георгий Васильевич!

Сегодня я говорил с Троцким — он в Питере. Он указывал, что там имеются сведения о концентрации финнами значительных войск на нашей границе. Целесообразно пустить ноту финнам с запросом, что нами получены сведения о накоплении войск, что финны должны объяснить, что сие значит, что мы отнюдь не хотим воевать с финнами, но если они будут наступать на Красный Питер, то мы будем вынуждены всей своей силой дать отпор и тому

подобное. С Владимиром Ильичем я не говорил на этот счет, но не ожидаю возражений с его стороны. Сделать это, по-моему, нужно сегодня же, тем более что Троцкий уже в Питере и говорил в таком роде. Если считаете необходимым, снеситесь с Ильичем. Я на заседании и не могу сам переговорить.

С коммунистическим приветом. Я Свердлов.» (491)

43

Будучи не по наслышке знаком с атмосферой внутри большевистской партии, Свердлов, естественно, хорошо знал, что атака на него последует, и уже в ближайшее время.

«Все факты говорят о том, что конфликт между Лениным и Свердловым назрел, и прорваться должен был на VIII съезде партии.» (492)

Съезд планировался на вторую половину марта 1919 года.

И вот действия Свердлова: «в инструкцию о созыве съезда он внес пункт: «Право избирать (делегатов) имеют члены партии, вошедшие за 6 месяцев до съезда, быть избранными — вошедшие до Октябрьской революции». Вошедшие до Октября — значит, не рядовые большевики, а профессиональные революционеры, среди которых было много «кадров» Якова Михайловича. Он развернул активную работу по персональному подбору делегатов, регулировал губернские парторганизации письмами и циркулярами.» (493)

Позиции Ленина на грядущем съезде, состоящим, в том числе и из массы рядовых делегатов из провинции, да еще и отфильтрованных лично Свердловым, казались значительно более слабыми. Его истерики, подобные октябрьским 1917 года, были бы бесполезны, ведь тогда, в октябре, его поддерживали Свердлов и Троцкий. Теперь же, Яков Михайлович становился прямым противником, а как поведет себя в такой ситуации Лев Давидович предсказать было невозможно. Вернее, его поведение угадывалось, но в крайне неблагоприятном для Владимира Ильича смысле.

В такой ситуации — подчеркнем, что это только наша гипотеза, — Ленин прибег к своему несколько позабытому козырю. Был в его окружении человек, «натура деятельная и практическая», ко-

торый способен был решить проблему, вставшую перед вождем. Звали этого человека — Леонид Красин.

Поэтому мы и мучили читателя описанием биографии Леонида Борисовича, чтобы каждый смог убедиться — этот человек был способен на самые решительные и жесткие действия.

А пока, в ожидании развязки, приведем некий документ из 30-х годов.

Вот опись содержимого сейфа, вскрытого спустя 16 лет после смерти его хозяина, изложенная в письме главы НКВД Генриха Ягоды к Сталину от 27 июля 1935 года.

«Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Сталину.

На инвентарных складах коменданта Московского Кремля хранился в запертом виде несгораемый шкаф покойного Якова Михайловича Свердлова. Ключи от шкафа были утеряны.

Шкаф был нами вскрыт и в нем оказалось:

1. Золотых монет царской чеканки на сумму сто восемь тысяч пятьсот двадцать пять (108 525) рублей .

2. Золотых изделий, многие из которых с драгоценными камнями, - семьсот пять (705) предметов.

3. Семь чистых бланков паспортов царского образца.

4. Семь паспортов, заполненных на следующие имена:

а) Свердлова Якова Михайловича,

б) Гуревич Цецилии — Ольги,

в) Григорьевой Екатерины Сергеевны,

г) княгини Барятинской Елены Михайловны,

д) Ползикова Сергея Константиновича,

е) Романюк Анны Павловны,

ж) Кленочкина Ивана Григорьевича.

5. Годичный паспорт на имя Горена Адама Антоновича.

6. Немецкий паспорт на имя Сталь Елены.

Кроме того обнаружено кредитных царских билетов всего на семьсот пятьдесят тысяч (750 000) рублей.

Подробная опись золотым изделиям производится со специалистами.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР (Ягода)

27 июля 1935 г.

№56568» (494)

Все это Яков Михайлович мог положить в сейф, начиная с марта 1918, то есть после переезда большевистского правительства в Москву. Иными словами, в период своей наибольшей активности, направленной на захват власти. Однако, вероятнее всего, золото и паспорта были приготовлены после неудачного покушения на Ленина, на случай бегства.

44

То, что между Лениным и Свердловым возникла некая напряженность, подтверждает и тот факт, что после возвращения Владимира Ильича к управлению государством, резко меняется режим работы Свердлова. Раньше он практически никогда не покидал Москвы, чего требовали и его методы ведения «работы».

«Однако с ноября вдруг начинаются сплошные разъезды Свердлова по стране! Ему будто не сидится больше в Кремле, не сидится на месте в своем кабинете.... Он выезжает в Саратов, в Царицын, на Восточный фронт...» (495)

Конечно, по стране Яков Михайлович раскатывает со всеми возможными для того времени удобствами.

«Сохранились описания спецпоезда председателя ВЦИК. Один вагон — его собственный. Он был изнутри обит бархатом и разделен на несколько отсеков. Половина вагона — салон для заседаний с рядами кресел. Рядом — кабинет с двумя столами. Третий отсек — жилая комната. Отдельный вагон — для охраны. Со Свердловым ездило целое подразделение из его «автобоевого отряда». Почти все - «инородцы», отлично обученные и вооруженные. Еще один вагон — с библиотекой и киноустановкой. Вагон с кухней и запасом продуктов. И вагон для сопровождающих лиц с жилыми купе — большими, удобными. Такими, чтобы не просто ехать в них, а чтобы можно было жить неделями и месяцами. Тут располагался целый штат помощников, машинисток, секретарей.» (496)

И несмотря на все удобства, невольно вспомнишь, как Яков Михайлович убеждал Ленина не отказываться от митингов, в том числе и от того самого, на заводе Михельсона. Может быть теперь, уже Владимир Ильич ставит своей «правой руке» все новые и новые задачи. В ожидании какого-то особого момента.

Возможно, такой момент наступил, когда Красин, единственный ленинский сподвижник, имевший обширный личный опыт организации убийств конкретных людей, получил весьма неожиданное назначение.

С февраля 1919 года Леонид Борисович, казалось бы, не имевший до этого никакого отношения к железным дорогам, назначается Наркомом путей сообщения. (497)

А дальше события развиваются следующим образом.

В первых числах марта Свердлов прибывает на III съезд КП(б)У.

Ф.Н. Самойлов вспоминал:

«В марте 1919 года на созванный в Харькове украинский партийный съезд прибыл Яков Михайлович Свердлов, и на одном из заседаний я его встретил. Как обычно, перекинулись несколькими словами о политическом положении. Яков Михайлович был, как всегда, бодр и подвижен. Но мне показалось, что он сильно переутомлен и не особенно весел.

Какой порядок дня был на этом съезде и как именно протекали прения, я не помню. Помню лишь, что присутствие на съезде Якова Михайловича, как регулятора его работы, дало себя знать и что съезд прошел, в общем, хорошо.» (498)

6 марта поезд Свердлова покидает Харьков. Яков Михайлович полон сил и энергии, о чем говорят и его телеграммы:

«Белгород. Комитету коммунистов. Выезжаю из Харькова 6 марта в 21 час, буду в Белгороде в 23 часа. Прошу придти в мой поезд совместно с президиумом Исполкома. Пред. ВЦИК Свердлов.» (499)

Или: «Курск. Губком коммунистов. Проезжая Курск, считаю целесообразным переговорить по некоторым вопросам, партийным и советским. Прошу придти в мой поезд совместно с президиумом Губисполкома. Буду в Курске в 5 часов седьмого марта. Пред. ВЦИК Свердлов.» (500)

По всей видимости, процесс формирования «провинциальных» делегаций на VIII съезд из лично преданных председателю ВЦИК людей шел успешно.

И вдруг...

Около 10 часов утра 7 марта 1919 года спецпоезд Свердлова остановился на станции Орел.

«Но вместо чинной, почтительной делегации региональных властей в свердловский вагон влез только один председатель Орловского губисполкома Б.М. Волин (Фрадкин). Почему-то бледный, трясущийся.

Оказалось, что забастовали железнодорожники здешнего депо.» (501)

Эта забастовка делала невозможным быстрое отправление поезда. И Свердлов решает выйти и угомонить бастующих.

В. Шамбаров: «Он же был бессменным председателем на всех съездах и конференциях, любил и умел ораторствовать на митингах. В конце концов можно было пообещать разобраться. Ладно, мол, как только приеду в Москву, распоряжусь, все уладим. Так что не в ваших интересах меня задерживать.» (502)

В общем, Свердлов покинул вагон и в сопровождении охраны вышел к рабочим...

Здесь сделаем паузу, чтобы оценить вот какой момент. Все перемещения войск, все снабжение в те годы проходило по железным дорогам. Железнодорожные узлы, вокзалы городов автоматически являлись важнейшими стратегическими объектами. И красные и белые, входя в город, первым делом стремились захватить вокзал. И очищали такой объект от противника, а тем более, от каких-то там бастующих практически моментально, а если и случалась задержка, то лишь по причине ожесточенного сопротивления.

И вот на стратегическом объекте, днем (дело было около 10.00), да еще в момент прохождения спецпоезда главы ВЦИК, то есть — главы государства, не оказалось никакой местной охраны. Куда же она девалась? Никаких сообщений о боевых столкновениях не было, то есть перебить охранников не могли. Местный «ответственный товарищ», хотя и «бледный и трясущийся» к поезду прошел без эксцессов. Так может быть эту местную охрану вокзала кто-то отозвал? И кто бы это мог быть, если отбросить фигуру «бледного и трясущегося»? Уж не Нарком ли путей сообщения, назначенный так кстати всего-то несколько дней назад?...

Так или иначе, Свердлов и его телохранители оказались против большой толпы забастовщиков. И ораторский талант Якову Михайловичу не помог, его и слушать не стали. В него и его охранников дождем посыпались камни, поленья, какие-то железяки.

В. Шамбаров: «Посыпались удары — кто куда попал. По туловищу, по лицу, по голове. Он упал, теряя сознание. А охрана... О, охрана из «инородцев» у него была отличная. Преданная, выдрессированная, как собаки. А что делает хорошая собака, когда нападают на хозяина? А?... Правильно, она кидается на обидчика. Точно так же поступила и охрана Свердлова. Мгновенно, не растерявшись и не раздумывая, бросилась на толпу. Бить, месить, разгонять, хватать злодеев. Загремели выстрелы... А оглушенный председатель ВЦИК так и лежал на ледяной, промерзшей земле.» (503)

В итоге, толпу забастовщиков разогнали, Свердлова занесли в вагон, и поезд помчался в Москву.

Но интересно вот что. После убийства Володарского — фигуры, скажем так, второго порядка, — в стране началась очередная волна террора, а Ленин разразился кровожадными статьями (помните?).

После убийства Урицкого и покушения на Ленина — волна убийств ни в чем ни повинных людей выросла до размеров цунами, найдя обоснование в официальном документе.

А что же произошло после покушения на первое лицо государства — председателя ВЦИК? Ответ — ничего. Ни ленинских истерик, ни массовых казней, ни даже примерного покарания тех железнодорожников, что непосредственно приложились к физиономии и тельцу Якова Михайловича.

Удивительно, не так ли?

Феликс Чуев, автор книги «140 бесед с Молотовым», напрямую спросил у того, верно ли, что Свердлова избили и он после этого умер. Молотов ответил: «Возможно!» (504)

А в ноябре 1987 по советскому ТВ был показан документальный отрывок о похоронах Свердлова. В гробу совершенно ясно была видна забинтованная голова покойника. (505)

45

Однако приходится констатировать: красинские «посланцы» не довели порученное им дело до логического конца, позволив Якову Михайловичу, хотя и в весьма скверном состоянии,

добраться-таки до Москвы, и попасть в «объятия» коллег по партии и правительству.

Жена Свердлова в своих воспоминаниях называет тех «самых близких товарищей», кто приходил к постели умирающего Якова Михайловича. Среди них: Дзержинский, Сталин, Загорский, Петровский, Ярославский, Смидович. «Беспрестанно появлялся Варлам Аванесов.» (506)

Она же: «Но Свердлову уже трудно было говорить... Он стал терять сознание, начался бред. В бреду он все время говорил о VIII съезде партии, пытался вскочить с кровати, искал какие-то резолюции. Ему казалось, что резолюции украли «левые коммунисты», он просил не пускать их, отобрать резолюции, прогнать их прочь. Он звал сына, хотел ему что-то сказать...» (507)

Вероятно, в действительности Яков Михайлович поминал не каких-то «левых коммунистов», что является просто нелепостью, ибо обладавший огромной властью Свердлов просто на уровне подсознания не мог воспринимать их всерьез. Скорее, в образе того, кто «украл резолюции» и кого надо было «не пускать», перед его угасающим взором мелькал кто-то другой. Но если даже Яков Михайлович произносил это имя, а мы догадываемся, чье это было имя, то жена, по понятным причинам, не могла его назвать.

В.Д. Бонч-Бруевич поведал нам о телефонном разговоре Ленина со Свердловым, состоявшемся 15-го марта 1919 года, накануне смерти последнего:

«...И вдруг — телефонный звонок! Звонил, оказывается, сам Яков Михайлович: он попросил поставить телефон около своей постели и в полубреду продолжал делать распоряжения по ВЦИКу, вспоминал то самое необходимое, что не успел доделать из своей громадной работы в ЦК партии.

Владимир Ильич спокойным голосом, со страдальческой складкой на лице, говорил ему: «Яков Михайлович, не надо, успокойтесь, все будет сделано. Мы знаем все ваши желания, мы знаем все, что вы хотели осуществить в эти дни. Не тревожьте себя... Я к вам приду, — сказал он наконец, видя, что его слова не действуют на Якова Михайловича.» (508)

На следующий день,16-го марта, действительно, у комнаты в которой лежал Свердлов появился Ленин.

«Остановить его никто не смог, да и не решился. Быстро пройдя через толпу товарищей, Ленин вошел к Якову Михайловичу. В этот момент к Свердлову вернулось сознание. Он узнал Ильича и ласково, но жалобно, как-то по детски беспомощно улыбнулся.» (509)

Ленин вышел от Свердлова за несколько минут до смерти последнего, наступившей в 16 часов 55 минут.

И это достаточно странный момент, учитывая официальную версию — заболевание Свердлова весьма заразным «испанским гриппом» («испанкой»). Мало того, что Ленин, по многочисленным свидетельствам, весьма трепетно относился к своему собственному здоровью. Так еще, исходя из понятий партийной дисциплины, Владимир Ильич никогда не приветствовал дружеских посещений больных, особенно страдающих заразными заболеваниями. Логика тут проста: болен один «товарищ», после посещения — больны два «товарища». А кто же «дело будет делать»?

Подводя итог, скажем, что исходя из имеющихся на сегодняшний день сведений о последних днях Свердлова невозможно точно сказать, от чего он скончался. Что это было? Обширная пневмония — результат загадочного столкновения с рабочими в Орле? Черепно-мозговая травма — полученная там же? Яд — поднесенный уже в Москве кем-то из близких Якову Михайловичу людей?

Одно лишь можно сказать уверенно — Свердлов был убит, причем при активном участии своих собственных «товарищей».

Комендант Кремля Мальков вспоминает:

«16 марта 1919 года я заканчивал уборку помещения круглого зала в помещении ВЦИК, где через день должен был открыться VIII съезд Российской Коммунистической партии (большевиков).... В глубине сцены — бюсты Маркса и Ленина.

Да, готово все. Вот еще телефон. Закончена ли подводка? Подхожу к аппарату. Звонок. Ага, значит уже работает. Снимаю трубку.

- Павел, ты?

Чей это голос? Аванесов? Нет, не может быть! Никогда так не дрожал, не прерывался голос Варлама Александровича.

- Кто это, кто? Что случилось? — кричу в телефон, охваченный внезапной тревогой.

В ответ слышится глухое, страшное мужское рыдание:

- Павел, все кончено... Ты понимаешь, его больше нет... Пять минут тому назад...

Гулко ударилась о дощатый пол выпавшая из рук трубка. Без сил, без мыслей я рухнул на стул. Горло свела мучительная спазма, глаза застлал какой-то туман.» (510)

Кроме всего прочего, обратим внимание мелкую деталь — наличие прижизненного бюста Ленина, по официальной версии — скромнейшего из скромных.

46

Отметим, как вовремя умирает Свердлов — 16 марта. А ведь 18-го марта открылся VIII съезд ВКП(б) — одна из самых «проходных» большевистских сходок, запомнившаяся, разве что, «идейным разгромом военной оппозиции». Причем и состав оппозиции и ее требования были совершенно незначительны. Судите сами: члены оппозиции осуждали привлечение в Красную армию буржуазных военных специалистов, да некоторые разногласия с ЦК возникли по вопросу, как должны приветствовать красноармейцы своих военных начальников . Но кто может ответить на вопрос: так ли гладко все было бы на съезде, если бы не неожиданная и столь своевременная смерть Якова Свердлова?

Кстати, уже «16 марта, в самый день его смерти, собрался Пленум ЦК партии. И отменил январскую директиву Свердлова о казачьем геноциде. На места поехали уполномоченные. (…) Впрочем, было уже поздно. Уже вовсю полыхали казачьи восстания, и дальнейший геноцид троцкие, якиры, землячки и голощекины повели под флагом их подавления.» (511)

А 18-го съезд открылся почти одновременно с похоронами Свердлова.

И съезд этот вполне можно назвать... антисвердловским!

В первый день работы съезда, выступавший с отчетным докладом Ленин, говорил: «Я должен теперь перейти самым кратким образом ко второй части порученной мне Центральным Комитетом задачи — к организационному отчету Центрального Комитета. Эту

задачу мог выполнить как следует только Яков Михайлович Свердлов, который был назначен докладчиком Центрального Комитета по этому вопросу. Обладая громадной, невероятной памятью, он в ней держал большую часть своего отчета, и личное знакомство с организационной работой на местах давало ему возможность сделать этот отчет. Я не в состоянии даже на сотую долю заменить его, потому что в этой работе мы были вынуждены всецело полагаться и имели полное основание полагаться на тов. Свердлова, который сплошь и рядом единолично выносил решения.» (512)

Как видим, больше всего боявшийся прямого раскола в партии, Владимир Ильич постарался затушевать собственные разногласия с Яковом Михайловичем, хотя не мог не отметить, что был «вынужден» полагаться на человека, который «сплошь и рядом единолично выносил решения». Из уст «вождя» такое признание дорогого стоит.

Гораздо дальше в критике Свердлова пошли делегаты.

Осинский: «Надо поставить вопрос прямо. У нас было не коллегиальное, а единоличное решение вопросов. Организационная работа ЦК сводилась к деятельности одного товарища — Свердлова. На одном человеке держались все нити. Это было положение ненормальное. То же самое надо сказать и о политической работе ЦК. За этот период между съездами у нас не было товарищеского коллегиального обсуждения и решения. Мы должны это констатировать. Центральный Комитет как коллегия, фактически не существовал.» (513)

Александров: «Наш Секретариат ЦК партии буквально ничего не делал...» (514)

Варейкис: «Секретариат в такой форме, в какой он есть, дальше существовать не может. Надо вдунуть в него новую живую душу.» (515)

И снова Осинский: «Констатировалось неоднократно, что у нас организационная работа держалась на т. Свердлове. Ставилось в большую личную заслугу т. Свердлову, что он может объять необъятное, но для партии это далеко не комплимент. Положение было такое: например, в деле учета партийных сил у т. Свердлова в голове хранились сведения о всех партийных работниках России, где бы они ни находились. В любой момент он мог сказать,

где каждый находится, он же и перемещал их. Теперь он умер, и никто не знает, где какие партийные работники... Я считаю, что это комплимент т. Свердлову, но все-таки это не есть комплимент партии... Надо констатировать, что Секретариата ЦК фактически не существовало.» (516)

В тот же день — 18 марта — в своей речи памяти Свердлова на экстренном заседании ВЦИК, Ленин заявил: «Та работа, которую он делал один в области организации, выбора людей, назначения их на ответственные посты по всем разнообразным специальностям, — эта работа будет теперь под силу нам лишь в том случае, если на каждую из крупных отраслей, которыми единолично ведал тов. Свердлов, вы выдвинете целые группы людей, которые, идя по его стопам, сумели бы приблизиться к тому, что делал один человек.» (517)

Иными словами, и в речи на съезде и на заседании ВЦИК, Ленин подчеркнул, что Свердлов сосредоточил в своих руках слишком много власти, и что отныне это недопустимо.

Забегая вперед, скажем, что в том же самом, а именно, в сосредоточении слишком большой власти в своих руках, Ленин будет перед самой своей смертью обвинять еще одного человека — Сталина.

После смерти Свердлова партийное руководство было реорганизовано.

«С этой целью на VIII съезде партии в марте 1919 года были созданы два новых органа Центрального Комитета: Политбюро, поначалу состоявшее из пяти членов (Ленина, Троцкого, Сталина, Каменева, Н.Н. Крестинского), для оперативного рассмотрения насущных вопросов, не ожидая созыва ЦК в полном составе; и Оргбюро, также состоящее из пяти членов, для решения вопросов организационных, что на практике выражалось в назначениях на партийные должности. Третий орган ЦК — Секретариат, — учрежденный еще в марте 1917 года, до назначения Сталина в апреле 1922 года в качестве Генерального секретаря был занят по преимуществу делами канцелярского свойства. Секретари ЦК являлись и членами Оргбюро.» (518)

Однако после назначения Сталина, все вновь встало на рельсы, проложенные еще Свердловым.

Р. Пайпс: «Сравнивая текущие дела Оргбюро и Секретариата после прихода Сталина, трудно увидеть существенные различия в их полномочиях — обе структуры занимались кадровыми вопросами, хотя, по всей видимости, Оргбюро непосредственно отвечало за кадровую работу в целом. Создание этих органов положило начало процессу сосредоточения власти в партийных делах на вершине административной пирамиды, в Москве.» (519)

«Аппарат ЦК постепенно, естественно и как-то незаметно подменил собой местные партийные органы не только в принятии большинства резолюций, но также и в подборе исполнительных кадров на всех уровнях. Процесс централизации на этом не остановился, развиваясь с неопровержимой логикой: сначала Коммунистическая партия подчинила себе все политическое руководство в стране, затем ЦК взял на себя руководство партией, подавляя всяческую инициативу и критику, потом все решения за ЦК стало принимать уже только Политбюро, затем — триумвират — Сталин, Каменев и Зиновьев — стали полностью контролировать Политбюро, и, наконец, за Политбюро стал все решать один-единственный человек — Сталин.» (520)

47

Друг детства Свердлова тоже не задержался на этом свете.

«25 сентября в помещении Московского комитета РКП (по Леонтьевскому переулку) собрались партийные ответственные работники Москвы, представители районов, лекторы, агитаторы и пр.... Собралось 100-120 товарищей.... вся эта масса тесно разместилась в небольшой комнате. После доклада тов. Бухарина, Преображенского и Покровского собрание стало разбирать представленный план организации школ. Когда приступили к обсуждению этого вопроса, часть собравшихся стала расходиться. Движение и шум мешали вести заседание, а потому желающим уйти председатель собрания т. А.Ф. Мясников предложил выйти поскорее. В это время приблизительно со стороны предпоследнего ряда, близ окна в сад, раздался звучный треск наподобие выстрела. Присутствующие шарахнулись к дверям, где моментально образовалась пробка.» (521)

«Звучный треск», на самом деле, означал, что в окно влетела бомба.

Загорский бросился в сторону упавшего снаряда с целью внести успокоение, а может быть, в стремлении побыстрее покинуть комнату, из которой значительная часть присутствовавших успела выбраться, просто потерял ориентацию.

И в эту секунду раздался взрыв...

Можно много рассуждать о совпадениях, однако гибель Загорского при взрыве усиленного охранявшегося здания Московского Комитета РКП(б) в Леонтьевском переулке 25 сентября 1919 года, вряд ли была случайной. Вполне возможно, что ленинская «ответка» достигла очередной цели. Слуга последовал за хозяином.

И еще о «свердловцах».

Вместо Свердлова председателем ВЦИК «выбирают» не его ближайшего помощника Аванесова, а Калинина, который, на тот момент, даже не был членом ВЦИК. Этот ленинский выбор говорит об изменении роли самого Исполнительного Комитета. Вместо председателя-политика, председателя-лидера Ленин проводит кандидатуру председателя-хозяйственника. Аванесова, кстати, вообще убрали из ВЦИК.

Свердловские кадры переводятся со всех ключевых постов на второстепенные. Переводятся аккуратно, без шума. В первую очередь, в, так называемом, «силовом» блоке.

«Свердловец» Петерс считался вторым лицом в ВЧК после Дзержинского, и в отсутствие «Железного Феликса» заменял его. Теперь Петерса посылают на фронт. А на роль второго лица выдвигают Менжинского. Сменяют даже охрану большевистского руководства! Сформированному Яковом Михайловичем отряду ВЦИК присваивают имя Свердлова, но меняют название «автобоевой» на «автоброневой» и тоже отправляют на фронт. А для охраны вместо него привлекают кремлевских курсантов. (522)

Судьба упоминавшихся нами прочих боевых отрядов ВЦИК окутана туманом неизвестности — по всей видимости, они были «втихую» расформированы.

Тем не менее, по факту, именно ключевые фигуры в окружении Свердлова, в отличие от ленинцев, а тем более троцкистов, пере-

живут сталинский террор. Что еще раз подтверждает нашу мысль о трепетном отношении Иосифа Виссарионовича к Якову Михайловичу..

Некоторые историки, перечисляя уничтоженных во время сталинских чисток «свердловцев», включают в сей список, фактически, «рабочих лошадок» Якова Михайловича, делая на этом основании вывод, что якобы Сталин казнил их наравне с «ленинцами» и «троцкистами».

Но правильно ли сравнивать, скажем, «свердловцев» Сафарова и Голощекина с «ленинцами» Каменевым и Зиновьевым или «троцкистами» Бухариным и Рыковым?

Напомним, что жена Якова Михайловича Новгородцева после смерти мужа занимала ответственные посты и в отличие от жен Молотова и компании, ни в какой тюрьме не сидела.

Сын Свердлова, Андрей Яковлевич (1911-1969), арестовывался в 1935 и 1937 годах за призывы «убить Сталина», что не мешало ему быстро выходить на свободу и служить в дальнейшем в центральном аппарате НКГБ и МГБ СССР. Еще один арест в октябре 1951 году (по делу о сионистском заговоре в МГБ СССР) закончился освобождением после смерти Сталина.

Дочь Якова Михайловича, Вера, у «вождя всех народов» никакого интереса не вызывала, работала на Всесоюзном радио, вела обычную жизнь номенклатурного работника.

Благополучно пережили Сталина Г.И. Петровский (1878-1958), П.Д. Мальков (1887-1965), Каганович (1893-1991).

Умерли от естественных причин до 1953 года: Н.И. Подвойский (1880-1948), Я.Х. Юровский (1878-1938), Р.И. Аванесов (1884-1930), П.И. Стучка (1865-1932). Д.И. Курский (1874-1932).

П.Л. Войков (1888-1927) - убит белоэмигрантом Борисом Ковердой в Варшаве; В.Э. Кингисепп (1888-1922) — арестован эстонской полицией, впоследствии расстрелян недалеко от Таллинна.

Фактически, из значимых «свердловцев» Сталиным казнено четверо: М.И. Лацис (1888-1938), Я.Х. Петерс (1886-1938), Г.Г. Ягода (1891-1938) и младший брат Якова Михайловича — Вениамин Свердлов (1886-1939). Но эти «товарищи» явно из рубрики «я слишком много знал». Так что, здесь у «товарища» Сталина, пожалуй, выбора просто не было.

А теперь приведем слова Иосифа Виссарионовича посвященные Якову Михайловичу, но с важной оговоркой — они были сказаны в ноябре 1924 года, то есть после кончины Ленина:

«Есть люди, вожди пролетариата, о которых не шумят в прессе, может быть, потому, что сами они не любят шуметь о себе, но которые являются, тем не менее, жизненными соками и подлинными руководителями революционного движения. К числу таких вождей принадлежит Я.М. Свердлов...

Период 1917-1918 годов был периодом переломным для партии и государства. Партия в этот период впервые стала правящей силой. Впервые в истории человечества возникла новая власть, — власть Советов, власть рабочих и крестьян. Перевести партию, дотоле нелегальную, на новые рельсы, создать организационные основы нового пролетарского государства, найти организационные формы взаимоотношений между партией и Советами, обеспечив партии руководство, а Советам их нормальное развитие, — такова сложнейшая организационная задача, стоявшая тогда перед партией. В партии не найдется людей, которые решились бы отрицать, что Я.М. Свердлов был одним из первых, если не первым, который умело и безболезненно разрешил эту организационную задачу по строительству новой России...

Я далек от того, чтобы претендовать на полное знакомство со всеми организаторами и строителями нашей партии, но должен сказать, что из всех знакомых мне незаурядных организаторов я знаю — после Ленина — лишь двух, которыми наша партия может и должна гордиться: И.Ф. Дубровинского, который погиб в туруханской ссылке, и Я.М. Свердлова, который сгорел на работе по строительству партии и государства.» (523)

Оценив слова Сталина, обратим особое внимание на человека, чья роль в истории СССР осталась незаслуженно мало изученной. Это «секретарь» вождя — Александр Николаевич Поскребышев (1891-1965).

«О масштабе власти этого «канцеляриста» можно судить хотя бы по тому, что со временем доступ к первому «я» - Сталину — лежал через второе «я» - через Поскребышева. Речь идет не о входе в служебный кабинет Сталина (хотя это тоже контролировалось Поскребышевым), а о входе в мозговую лабораторию Сталина. Члены

ЦК и даже члены Политбюро, когда они хотели узнать, как думает или будет думать Сталин, узнавали, что же думает Поскребышев. Недаром сам Сталин называл его «Главным».» (524)

Но откуда же взялся столь незаменимый человек в ближайшем окружении вождя? Вопреки традиции, начнем хронологический отсчет в обратном порядке.

Александр Николаевич Поскребышев: с декабря 1952 года — секретарь Президиума и Бюро Президиума ЦК КПСС; с августа 1935 года — заведующий канцелярией Генерального секретаря ЦК ВКП(б); с 22 июля 1930 года — заведующий Секретным отделом ЦК ВКП(б): с 1924 года — помощник генерального секретаря ЦК РКП(б) — ВКП(б): с 1922 года — в аппарате ЦК РКП(б): с 1918 по 1922 годы — в политотделе Особой Туркестанской армии, затем на партийной работе в Златоусте и Уфе.

И вот в 1918 году в биографии «товарища» Поскребышева и скрывается самый интересный для нашего исследования момент — в начале того года Александр Николаевич избран секретарем РСДРП(б) в городе Баранча, на Урале, в вотчине «товарища» Свердлова. Более того...

А. Авторханов: «Поскребышев, как председатель Баранчинского совдепа и член Екатеринбургского губернского совдепа, подписал приговор от 16 июля 1918 года о расстреле Николая II, его супруги и их малолетних детей.» (525)

Вот так, оказывается, «Главным» при Сталине, и по определению самого Сталина, являлся человек, которого, пусть и с оговорками, можно также отнести к «свердловцам». Причем, по нашему мнению, оговорки эти возможны лишь по причине, которую мы уже называли, — недостаточной изученности фигуры Поскребышева.

Заметим еще, что даже интриги Берии, обвинившего в 1953 году Александра Николаевича в потере секретных документов, не привели к уничтожению последнего. Поскребышев был «просто» отстранен от работы. Чтобы оценить это «просто» — надо элементарно вспомнить сталинскую дисциплину тех лет.

Завершая разговор о секретаре Сталина: Поскребышев благополучно пережил и давшего ему «путевку в жизнь» Якова Михайловича, и «пригревшего» его на долгие десятилетия Иосифа Вис-

сарионовича, и был отправлен на пенсию Хрущевым уже после смерти Сталина и после XX съезда КПСС.

48

Вот мнение французского коммуниста Луи Арагона:

«Яков Михайлович Свердлов, - писал он, - самый верный товарищ Ленина, который стал первым председателем Центрального Исполнительного Комитета, то есть первым главой нового Советского государства, и который, к несчастью всего мира, должен был умереть от испанки в тридцать четыре года. Я сказал «к несчастью всего мира», потому что, безусловно, если бы он остался в живых, Свердлов, а не Сталин, наследовал бы Ленину.» (526)

Оставим без комментария слова иностранца о «самом верном товарище». Оговоримся лишь, что по нашему мнению, Яков Свердлов покинул землю, якобы от «испанки», в столь раннем возрасте вовсе не «к несчастью», а именно к счастью для всего человечества. Достаточно вспомнить список жутких преступлений, которые он успел совершить всего за один год пребывания у власти, чтобы оценить, какие потрясения грозили миру, если бы жизнь Свердлова продлилась бы еще на пару-тройку десятилетий. Думается, что деяния «товарища» Сталина были на порядок «невиннее», как бы страшно это не звучало, того, что могло произойти, будь во главе СССР Свердлов.

А вот где, на наш взгляд, Луи Арагон был прав, так это в том, что, сложись чуть иначе обстоятельства стрельбы у завода Михельсона в августе 1918 года, главой СССР был бы именно Свердлов. На эту мысль наводит то единственное сравнение, которое мы можем сделать, исходя из реальных событий 1917-1919 годов. А именно: имея примерно равные стартовые условия, Свердлов легко обходит Сталина в подъеме по партийной лестнице. И если бы пуля, попавшая в Ленина, «уклонись эта пуля на один миллиметр в ту или иную сторону», возымела задуманный эффект, то быть бы Якову Михайловичу во главе партии и государства уже осенью 1918 года.

Отметим также, что все приемы, использованные Сталиным для прихода к власти, были заимствованы им из практики Свердлова. Это, в первую очередь, руководство учетом и распределением партийных кадров.

В связи с этим, еще одно наблюдение. И Сталина и Свердлова объединяет знание огромного количества имен, цифр, каких-то мельчайших деталей партийной и государственной жизни. При этом, все знают о знаменитой записной книжке Сталина, используемой последним, как шпаргалкой. Согласимся, что основной массив информации хранился у Сталина в голове, а записная книжка — легкий костыль, облегчающий ходьбу. Но дело в том, что никто и никогда не свидетельствовал о наличии какой-либо постоянной шпаргалки у Свердлова. Для его уверенной поступи никакие костыли были не нужны.

Если же коснуться кровавых методик построения коммунистического «рая на земле», то придется вспомнить, как Яков Михайлович требовал отчеты с мест о расстрелах; то же самое будет делать и Иосиф Виссарионович.

Да и во внутренней политике в целом Сталин постоянно прибегал к свердловским приемам: массовые депортации, разжигание классовой борьбы, концлагеря.

И еще об отношении «товарища» Сталин к «товарищу» Свердлову.

Помните экстренную поездку Свердлова в начале марта 1918 года в Москву? Перед столь же экстренным съездом РКП(б) по вопросу Брестского мира.

Этот эпизод грызни между большевистскими авторитетами нашел свое отражение в 1938 году, на третьем Московском процессе, по итогам которого некая Цецилия Самойловна Зеликсон-Бобровская (1876-1960), политреферент Исполкома Коминтерна, написала:

«Материалы судебного процесса над антисоветским «правотроцкистским блоком» (1938 г.) показали, что уже тогда, в 1918 г., Троцкий, Бухарин, Пятаков и прочие заговорщики ставили своей целью сорвать Брестский мир, свергнуть советское правительство, арестовать и убить лучших людей человечества, любимых вождей

пролетариата Ленина, Сталина и Свердлова. Заговорщики хотели тогда сформировать правительство из реставраторов капитализма — бухаринцев, троцкистов и «левых» эсеров.» (527)

К.Т. Новгородцева в своих воспоминаниях, изданных в 1939 году, повторила эту мысль:

«Как выяснено... судебным процессом «право-троцкистского блока», Бухарин и возглавляемая им группа «левых коммунистов», совместно с Троцким и «левыми» эсерами, состояли тогда в тайном заговоре против советского правительства. Бухарин, Троцкий и их сообщники в этом заговоре хотели сорвать Брестский мир, арестовать В.И. Ленина, И.В. Сталина, Я.М. Свердлова, убить их и создать новое правительство из бухаринцев, троцкистов и «левых» эсеров.» (528)

Таким опосредованным образом, безо всякой видимой на то нужды, упомянув Свердлова среди «лучших людей человечества», «товарищ» Сталин, без одобрения которого ни один из «политреферентов» не смел пикнуть, и ни одни мемуары не могли выйти в свет, расписался в своем истинном отношении к Якову Михайловичу.

Надо сказать несколько слов и о еще одном действующим лице нашего исследования.

В сталинской версии истории фигура Красина если и не была окутана молчанием, то говорилось о ней крайне невнятно и схематично. Достаточно сказать, что при советской власти, когда воздвигались сотни и тысячи памятников и монументов всевозможным «героям» революции и гражданской войны, первый и единственный памятник Красину был открыт в Кургане лишь в 1978 году. А сборник его статей, писем и выступлений так и не вышел отдельным изданием, даже к столетнему юбилею (1970 год).

Эти и не удивительно. Поводов хватало, даже если не принимать во внимание предполагаемое участие Красина в покушении на Свердлова, к которому, как мы видели, Сталин относился весьма трепетно.

Так, например, в декабре 1922 года происходит открытый конфликт между Леонидом Борисовичем и Иосифом Виссарионовичем по вопросу о государственной монополии в сфере внешней торговли. Фактическая изоляция Ленина в это время всячески

скрывается Сталиным, авторитет больного вождя все еще высок, в большевистском руководстве помнят о его особых отношениях с Красиным. И осторожный Коба отступает.

Однако, отступив, Сталин прикладывает все усилия, чтобы убрать Красина из страны. В 1923 году Леонид Борисович становится первым Наркомом внешней торговли СССР. Но после смерти Ленина в 1924 году, идет на понижение, принимается решение назначить его полпредом во Франции, а с 1925 — в Англии. Понятно, что если должность Наркома внешней торговли предполагает частые командировки за границу, то два последних назначения означают практически постоянное проживание вне СССР.

Слово А.Д. Нагловскому: «Я охотно верю рассказам передававшимся среди большевиков о том, что уже долго спустя после смерти Ленина и незадолго до смерти Красина, от него, вызванного в Москву, Дзержинский в присутствии Сталина, наставив на Красина револьвер, требовал подписания чеков на лежавшие на имя Красина деньги в иностранных банках. При нраве Дзержинского и при его ненависти к «этому рвачу» это было вполне естественно.

Из этой поездки Красин вернулся совершенно больной и вскоре умер, оставив свою семью без средств. Среди большевиков тогда ходили слухи, что и в смерти его были повинны чекисты.» (529)

Подтвердить или опровергнуть эту версию, во всяком случае, исходя из имеющихся исторических документов, сейчас не возможно. Только вот безденежье семьи Красина после его смерти — это факт.

Леонид Борисович скончался в Лондоне 24 ноября 1926 года.

А. Иоффе: «Умер Красин. Тяжелая и непонятная болезнь. Болезнь крови, при которой он жил только тем, что ему переливали время от времени чужую кровь здоровых людей... Последние месяцы он поправлялся, состав крови после переливания удерживался довольно хороший. И вдруг умер. Неожиданно.» (530)

Да, и еще одно. Чтобы не оставить без внимания тему угнетения евреев в Российской Империи и их массового поэтому пришествия в революционные ряды, заслушаем авторитетного свидетеля, который после задержания полицией, в графе «вероисповедание» настойчиво писал: «иудейское». Как можно догадаться, наш свидетель — не кто иной, как Янкель Мовшевич Свердлов.

Так вот, «товарищ» Свердлов означенную тему прокомментировал так: «Я лично никогда не знал национального гнета, не подвергался гонениям в качестве еврея.» (531) (Мультатули П. - Николай II. Путь на Голгофу — М, АСТ-Астрель, 2011 — стр.257)

Наверное, это свидетельство не отменяет существование черты оседлости и прочих сдерживающих мер русского правительства в отношении еврейского населения Империи. Однако слова Свердлова должны, как минимум, заставить задуматься о побудительных мотивах того или иного человека на его пути в революцию.

И, наконец, цифры, касающиеся результатов этой самой революции...

В результате октябрьского переворота, разгона Учредительного Собрания в январе 1918 года, последовавших после этого гражданской войны и красного террора, развязанных большевиками при активнейшем участии, а зачастую под непосредственным руководством Якова Свердлова, от бывшей Империи отпали: Польша, Финляндия, Литва, Латвия, Эстония, Западная Украина, Западная Белоруссия, Бессарабия и Карская область (в Армении).

Но, что самое главное, народы России понесли следующие потери:

1. Гражданская война — погибло порядка 2 500 000 человек; (532)

2. Террор, в подавляющем большинстве «красный» - 2 000 000 жертв; (533)

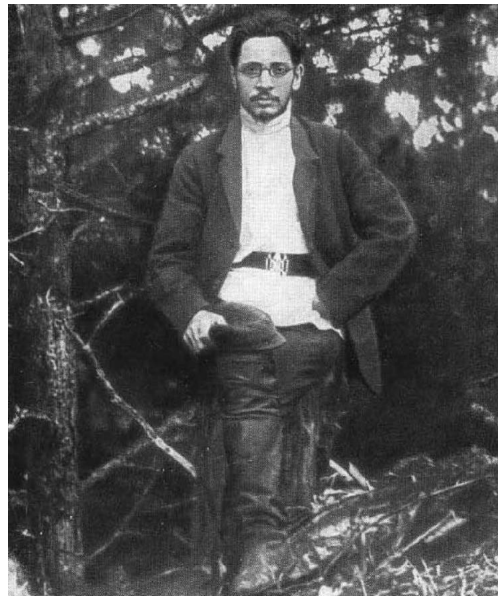
3. Вынужденная эмиграция — 3 000 000 человек. (534)

Добавим сюда миллионы погибших от голода и эпидемий в 1918-1922 годах, чтобы получить ужасающий итог дела рук Якова Михайловича Свердлова и его большевистских подельников.

В завершение нашего исследования приведем интересное свидетельство профессора, доктора философских и медицинских наук, психиатра Евгения Васильевича Черносвитова:

«Посмертная маска беспощадно срывает все предыдущие «жизненные маски». Смерть обнажает сущность человека... Смерть говорит правду о человеке... Маска Свердлова — воплощение зла, на нее неприятно смотреть.» (535)

Яков Свердлов. *Фото разных лет*

Яков Свердлов. *Фото разных лет*

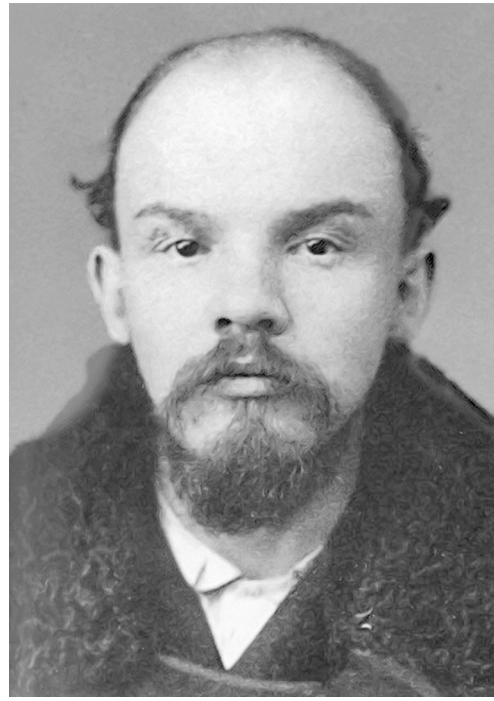
Яков Свердлов в тюрьме

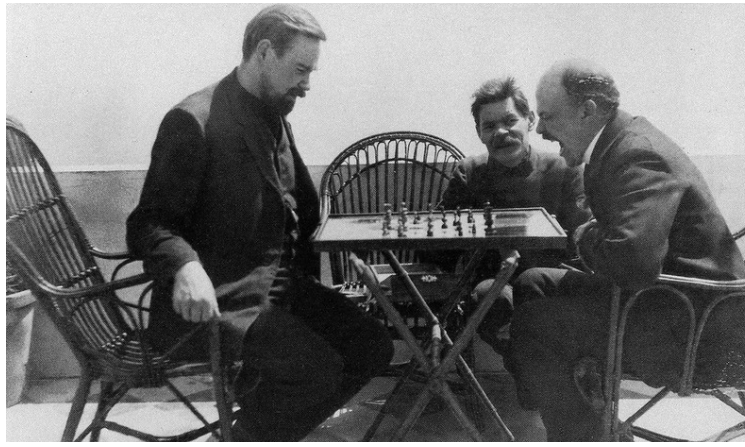
Посмертная маска Я. Свердлова

Свердлов и Ленин

Владимир Ленин в молодости

Ленин в эмиграции

В. И. Ленин

Ленин — последние годы жизни

Леонид Красин

Старший брат Я. Свердлова — Зиновий Пешков

Савва Морозов

Император Николай II

Цесаревич Алексей

Отец и сын — Государь Николай II и Цесаревич Алексей

Царская Семья: вместе до самой смерти

ПРИМЕЧАНИЯ:

1: 1 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.14)
2 Мультатули П. - Николай II. Путь на Голгофу — М, АСТ-Астрель, 2011 — стр.255
3 Иванов Б. - Яков Михайлович Свердлов. Его жизнь и деятельность 1885-1919 — Петербург, Государственное издательство, 1921 — стр.13
4 Гайсинский М. - Свердлов — Л, Государственное издательство, 1929 — стр.6
5 Мультатули П. - Николай II. Дорога на Голгофу — М, АСТ-Астрель, 2011 — стр.256
6 Мультатули П. - Черное семейство: Яков Свердлов и его братья
7 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.18
8 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.83
9 Мультатули П. - Черное семейство: Яков Свердлов и его братья
2: 10 Свердлова К.Т. - Яков Михайлович Свердлов — М, Молодая гвардия, 1957 — стр.74
11 Свердлова К.Т. - Яков Михайлович Свердлов — М, Молодая гвардия, 1957 — стр.75
12 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.21
13 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.22
14 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.25
15 Зеликсон-Бобровская Ц. - Яков Михайлович Свердлов — М, Государственное издательство политической литературы, 1938 — стр.6
16 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.29
17 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.46-47

18 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.50
19 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.50-51
20 Мультатули П. - Николай II. Путь на Голгофу — М, АСТ-Астрель, 2011 — стр.260
21 Свердлова К.Т. - Яков Михайлович Свердлов — М, Молодая гвардия, 1957 — стр.32-33
22 Свердлова К.Т. - Яков Михайлович Свердлов — М, Молодая гвардия, 1957 — стр.33
23 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.61
3: 24 Гейфман А. - Революционный террор в России, 1894-1917 — М, КРОН-ПРЕСС, 1997 — стр.29-30
25 Гейфман А. - Революционный террор в России 1894-1917 — М, КРОН-ПРЕСС, 1997 — стр.58-59
26 Ленин В.И. - ПСС Том 5, стр.339
27 Ленин В.И. - ПСС Том 5, стр.342
28 Ленин В.И. - ПСС — Том 11 — стр.269-270
29 Ленин В.И. - ПСС — Том 11 — стр.270-271
4: 30 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.63
31 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.72-73
32 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.74
33 Платонов О.А. - Терновый венец России — История русского народа в XX веке — Т 1 — М, Родник, 1997 — стр.215
34 Платонов О.А. - Терновый венец России — История русского народа в XX веке — Т 1 — М, Родник, 1997 — стр.217
5: 35 Платонов О.А. - Терновый венец России — История русского народа в XX веке — Т 1 — М, Родник, 1997 — стр.238
36 Платонов О.А. - Терновый венец России — История русского народа в XX веке — Т 1 — М, Родник, 1997 — стр.244
37 Платонов О.А. - Терновый венец России — История русского народа в XX веке — Т 1 — М, Родник, 1997 — стр.229

38 Платонов О.А. - Терновый венец России — История русского народа в XX веке — Т 1 — М, Родник, 1997 — стр.233-234
39 Гейфман А. - Революционный террор в России, 1894-1917 — М, КРОН-ПРЕСС, 1997 — стр.133
40 Бычкова А.Н. - Рядом с товарищем Андреем — Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 1977 — стр.35
6: 41 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.75-76
42 Платонов О.А. - Терновый венец России — Заговор цареубийц — М, Родник, 1996 — стр.368
43 Свердлова К.Т. - Яков Михайлович Свердлов — М, Молодая гвардия, 1957 — стр.131
44 Свердлова К.Т. - Яков Михайлович Свердлов — М, Молодая гвардия, 1957 — стр.131
45 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 год — стр.76
46 Городецкий Е., Шарапов Ю. - Свердлов (ЖЗЛ) — М, Молодая гвардия, 1971 — стр.53
47 Платонов О.А. - Терновый венец России — Заговор цареубийц — М, Родник, 1996 — стр.368
48 Городецкий Е., Шарапов Ю. - Свердлов (ЖЗЛ) — М, Молодая гвардия, 1971 — стр.59
49 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.86
50 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.87
51 Гайсинский М. - Свердлов — Л, Государственное издательство, 1929 — стр.23
52 Гайсинский М. - Свердлов — Л, Государственное издательство, 1929 — стр.24
53 Зеликсон-Бобровская Ц. - Яков Михайлович Свердлов — М, Государственное издательство политической литературы, 1938 — стр.23-24
54 Свердлова К.Т. - Яков Михайлович Свердлов — М, Молодая гвардия, 1939 — стр.56
55 Свердлов Я.М. - Избранные произведения — Том 1 — М, Государственное издательство политической литературы, 1959 — стр.178

56 Иванов Б. - Яков Михайлович Свердлов. Его жизнь и деятельность 1885-1919 — Петербург, Государственное издательство, 1921 — стр.23
57 Городецкий Е., Шарапов Ю. - Свердлов (ЖЗЛ) — М, Молодая гвардия, 1971 — стр.72
58 Свердлов Я.М. - Избранные произведения — Том 1 — М, Государственное издательство политической литературы, 1959 — стр.203
7: 59 Спиридович А.И. - История большевизма в России от возникновения до захвата власти — М, Айрис-Пресс, 2007 — стр.227
60 Спиридович А.И. - История большевизма в России от возникновения до захвата власти — М, Айрис-Пресс, 2007 — стр.231
61 Спиридович А.И. - История большевизма в России от возникновения до захвата власти — М, Айрис-Пресс, 2007 — стр.231
8: 62 Городецкий Е., Шарапов Ю. - Свердлов (ЖЗЛ) — М, Молодая гвардия, 1971 — стр.83
63 Городецкий Е., Шарапов Ю. - Свердлов (ЖЗЛ) — М, Молодая гвардия, 1971 — стр.81
64 Городецкий Е., Шарапов Ю. - Свердлов (ЖЗЛ) — М, Молодая гвардия, 1971 — стр.86
65 Городецкий Е., Шарапов Ю. - Свердлов (ЖЗЛ) — М, Молодая гвардия, 1971 — стр.87
66 Свердлова К.Т. - Яков Михайлович Свердлов — М, Молодая гвардия, 1957 — стр.220
67 Свердлов Я.М. - Избранные произведения — Том 1 — М, Государственное издательство политической литературы, 1959 — стр.386
68 Свердлова К.Т. - Яков Михайлович Свердлов — М, Молодая гвардия, 1957 — стр.224
69 Свердлова К.Т. - Яков Михайлович Свердлов — М, Молодая гвардия, 1957 — стр.225
70 Свердлова К.Т. - Яков Михайлович Свердлов — М, Молодая гвардия, 1939 — стр.73-74
71 Государственный архив Красноярского края — Письмо Я.М. Свердлова от 12 марта 1914 года в Париж неизвестной — Красноярский рабочий 25 июля 2003 года
72 Хрущев Н.С. - Воспоминания. Время, люди, власть — Книга 2 - М, Московские новости, 1999 — стр.119

73 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.161
9: 74 Ленин В.И. - ПСС, т. 30, стр. 328
75 Старцев В. - 27 февраля 1917 — М, Молодая гвардия, 1984 — стр.242
76 Ленин В.И. - ПСС — Том 49 — стр.399
77 Ленин В.И. - ПСС — Том 49 — стр.399
78 Антонов-Овсеенко В.А. - В семнадцатом году — М, Кучково поле, 2017 — стр.81
79 Бьеркегрен Х. - Скандинавский транзит — М, Омега, 2007 — стр.308
80 Бычкова А.Н. - Рядом с товарищем Андреем — Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 1977 — стр.79
81 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.165
82 Свердлов Я.М. - Избранные статьи и речи — Л, Государственное издательство политической литературы, 1939 — стр.23
83 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.166
84 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.167
85 Исторические хроники с Николаем Сванидзе 1913-1933 — С-П, Амфора, 2008 — стр.111
86 О Якове Свердлове — М, Издательство политической литературы, 1985г. — стр.150
87 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.167-168
88 Мультатули П. - Николай II. Дорога на Голгофу — М, АСТ-Астрель, 2011 — стр.261-262
89 Мультатули П. - Николай II. Дорога на Голгофу — М, АСТ-Астрель, 2011 — стр.262
90 Свердлова К.Т. - Яков Михайлович Свердлов — М, Молодая гвардия, 1957 — стр.303
91 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.171
92 Гвардия Октября/Петроград — М, Издательство политической литературы, 1987 — стр.76

93 Гвардия Октября/Петроград — М, Издательство политической литературы, 1987 — стр.77
94 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.173
95 Троцкий Л.Д. - Памяти Свердлова
96 Шамбаров В. - Нашествие чужих: заговор против Империи — М, Алгоритм, 2008 — стр.182
10: 97 Исторические хроники с Николаем Сванидзе. 1913-1933 — С-П, Амфора, 2008 — стр.115-116
98 Саттон Э. - Уолл-стрит и большевистская революция — М, Самотека, МИД «Осознание», 2016 — стр.68-69
99 Никитин Б.В. - Роковые годы — М., Айрис-пресс, 2007 — стр.139-140
100 Милюков П.Н. - История второй Русской революции — С-Пб, «Питер», 2014 — 311
101 Рабинович А. - Большевики приходят к власти — М, Прогресс, 1989 — стр.45
102 Рабинович А. - Большевики приходят к власти — М, Прогресс, 1989 — стр.45-46
103 Свердлова К.Т. - Яков Михайлович Свердлов — М, Молодая гвардия, 1957 — стр.319
104 Исторические хроники с Николаем Сванидзе. 1913-1933 — С-П, Амфора, 2008 — стр.117
105 Луначарский А.В. - Воспоминания и впечатления — М, Советская Россия, 1968 — стр.214
106 Рабинович А. - Большевики приходят к власти — М, Прогресс, 1989 — стр.83
107 Логинов В. - Неизвестный Ленин — М, Эксмо, Алгоритм, 2010 — стр.278
108 Свердлов Я.М. - Избранные произведения — Том 2 — М, Государственное издательство политической литературы, 1959 — стр.25
109 Назаров Г. - Я.И. Свердлов: организатор гражданской войны и массовых репрессий
110 Суханов Н.Н. - Записки о революции — Том 3 — М, Республика, 1992 — стр.55
111 Подвойский Н.И. - Год 1917 — М, Госполитиздат, 1958 — стр.79

112 Рабинович А. - Большевики приходят к власти — М, Прогресс, 1989 — стр.93
113 Рабинович А. - Большевики приходят к власти — М, Прогресс, 1989 — стр.97
114 Рабинович А. - Большевики приходят к власти — М, Прогресс, 1989 — стр.97
11: 115 Стариков Н.В. - 1917: разгадка «русской» революции — М, Яуза, Эксмо, 2010 — стр.295
116 Пайпс Р. - Русская революция — Часть вторая — М, Росспэн, 1994 — стр.140
117 Стариков Н.В. - 1917: разгадка «русской» революции — М, Яуза, Эксмо, 2010 — стр.298-299
118 Пайпс Р. - Русская революция — Часть вторая — М, Росспэн, 1994 — стр.140
12: 119 Хереш Э. - Купленная революция. Тайное дело Парвуса — М, ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004 — стр.308
120 Хереш Э. - Купленная революция. Тайное дело Парвуса — М, ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004 — стр.308
121 Арутюнов А. - Ленин. Досье без ретуши — Том 1 — М, Вече, 2002 — стр.177
122 Хереш Э. - Купленная революция. Тайное дело Парвуса — М, ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004 — стр.306
123 Ленин В.И. - ПСС Том 34, стр.282-283
124 Арутюнов А. - Ленин. Досье без ретуши — Том 1 — М, Вече, 2002 — стр.190
13: 125 Ленин В.И. - ПСС Том 34, стр.575
126 Логинов В.Т. - Неизвестный Ленин — М, Эксмо, Алгоритм, 2010 — стр.408
127 Логинов В.Т. - Неизвестный Ленин — М, Эксмо, Алгоритм, 2010 — стр.426
128 Логинов В.Т. - Неизвестный Ленин — М, Эксмо, Алгоритм, 2010 — стр.429
129 Ленин В.И. - ПСС Том 34, стр.393
130 Логинов В.Т. - Неизвестный Ленин — М, Эксмо, Алгоритм, 2010 — стр.433
131 Арутюнов А. - Ленин. Досье без ретуши — Том 1 — М, Вече, 2002 — стр.205

132 Гвардия Октября/Петроград — М, Издательство политической литературы, 1987 — стр.344
133 Арутюнов А. - Ленин. Досье без ретуши — Том 1 — М, Вече, 2002 — стр.205
134 Арутюнов А. - Ленин. Досье без ретуши — Том 1 — М, Вече, 2002 — стр.206
135 Мельгунов С.П. - Как большевики захватили власть — М, Айрис-пресс, 2007 — стр.67
136 Арутюнов А. - Ленин. Досье без ретуши — Том 1 — М, Вече, 2002 — стр.206
137 Арутюнов А. - Ленин. Досье без ретуши — Том 1 — М, Вече, 2002 — стр.208
138 Ленин В.И. - ПСС Том 34, стр.397
14: 139 Алмазов Б. - Запрещенный Крестный ход, или почему казаки не спасли Россию в октябре 1917 года
140 Алмазов Б. - Запрещенный Крестный ход, или почему казаки не спасли Россию в октябре 1917 года
141 Алмазов Б. - Запрещенный Крестный ход, или почему казаки не спасли Россию в октябре 1917 года
142 Логинов В.Т. - Неизвестный Ленин — М, Эксмо, Алгоритм, 2010 — стр.473
143 Алмазов Б. - Запрещенный Крестный ход, или почему казаки не спасли Россию в октябре 1917 года
144 Ленин В.И. - ПСС том 34, стр. 434
145 Гиппиус З. - Дневники — М, Захаров, 2017 — стр.219-220
146 Суханов Н.Н. - Записки о революции — Том 3 — М, Республика, 1992 — стр.299
147 Гвардия Октября/Петроград — М, Издательство политической литературы, 1987 — стр.84-90
148 Троцкий Л.Д. - Сталинская школа фальсификаций — М, Наука, 1990 — стр.26
149 Чавчавадзе Е., Мультатули П. - Штурм Зимнего. Опровержение — д/ф — Россия 2007
150 Свердлова К.Т. - Яков Михайлович Свердлов — М, Молодая гвардия, 1957 — стр.353
15: 151 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.225

152 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.231
153 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.232
154 Троцкий Л.Д. - Моя жизнь — Том 2 — М, Книга, 1990 — стр.63
155 Троцкий Л.Д. - Моя жизнь — Том 2 — М, Книга, 1990 — стр.72
16: 156 Бунич И. - Золото партии — С-П, Шанс, 1992 — стр.22-23
157 Бунич И. - Золото партии — С-П, Шанс, 1992 — стр.23
158 Шамбаров В., Чавчавадзе Е. - Лев Троцкий. Тайны мировой революции — М, Вече, 2016 — стр.154-155
159 Шамбаров В. - Нашествие чужих: заговор против Империи — М, Алгоритм, 2008 — стр.275
160 Интернационалисты — М, Наука, 1967 — стр.126
161 Шамбаров В. - Нашествие чужих: заговор против Империи — М, Алгоритм, 2008 — стр.275
162 Конев А.М. - Красная гвардия на защите Октября — М, Наука, 1989 — стр.105
163 Лысенко Н.Н. - Геноцид казаков в Советской России и СССР: 1918-1933 гг. — Ростов-на-Дону, Альтаир, 2017 — стр.162
164 Интернационалисты — М, Наука, 1967 — стр.15
165 Конев А.М. - Красная гвардия на защите Октября — М, Наука, 1989 — стр.116
166 Конев А.М. - Красная гвардия на защите Октября — М, Наука, 1989 — стр.113
167 Конев А.М. - Красная гвардия на защите Октября — М, Наука, 1989 — стр.108
168 Конев А.М. - Красная гвардия на защите Октября — М, Наука, 1989 — стр.108
169 Конев А.М. - Красная гвардия на защите Октября — М, Наука, 1989 — стр.111-112
170 Интернационалисты — М, Наука, 1967 — стр.132
171 Интернационалисты — М, Наука, 1967 — стр.359
172 Интернационалисты — М, Наука, 1967 — стр.359
173 Интернационалисты — М, Наука, 1967 — стр.173
174 Интернационалисты — М, Наука, 1967 — стр.360

175 Интернационалисты — М, Наука, 1967 — стр.170
176 Конев А.М. - Красная гвардия на защите Октября — М, Наука, 1989 — стр.112-113
177 Конев А.М. - Красная гвардия на защите Октября — М, Наука, 1989 — стр.119
178 Пайпс Р. - Россия при большевиках — М, Росспэн, 1997 — стр.106
17: 179 Шамбаров В. - Нашествие чужих: заговор против Империи — М, Алгоритм, 2008 — стр.312
180 Красная книга ВЧК — Том 1 — М, Издательство политической литературы, 1989 — стр.156
181 Красная книга ВЧК — Том 1 — М, Издательство политической литературы, 1989 — стр.156
182 Красная книга ВЧК — Том 1 — М, Издательство политической литературы, 1989 — стр.158
183 Красная книга ВЧК — Том 1 — М, Издательство политической литературы, 1989 — стр.158
184 РГВА. Ф.1. Оп.3. Д.83. Л.353
185 Красная книга ВЧК — Том 1 — М, Издательство политической литературы, 1989 — стр.160
186 Ботмер К. - С графом Мирбахом в Москве — М, Книжный Клуб Книговек, 2010 — стр.259
187 Савинков Б. - Воспоминания террориста — М, ПРОЗАиК, 2013 — стр.365
18: 188 Пайпс Р. - Русская революция — Часть вторая — М, Росспэн, 1994 — стр.213
189 Ленин В.И. - ПСС Том 35, стр.135
190 Пайпс Р. - Русская революция — Часть вторая — М, Росспэн, 1994 — стр.215-216
191 Пайпс Р. - Русская революция — Часть вторая — М, Росспэн, 1994 — стр.216-217
192 Фельштинский Ю. - Крушение мировой революции — Лондон, 1991 — стр.187
193 Фельштинский Ю. - Крушение мировой революции — Лондон, 1991 — стр.188
194 Плясунов-Уралец Ф. - Великий организатор — М, Новая Москва, 1925 — стр.82

195 Бонч-Бруевич В.Д. - Воспоминания о Ленине — М, Наука, 1965 — стр.143-144
196 Сысоев Б.А. - Кровавая пятница 5 (18) января 1918
197 Сысоев Б.А. - Кровавая пятница 5 (18) января 1918
198 Сысоев Б.А. - Кровавая пятница 5 (18) января 1918
199 Сысоев Б.А. - Кровавая пятница 5 (18) января 1918
200 Сысоев Б.А. - Кровавая пятница 5 (18) января 1918
201 Исторические хроники с Николаем Сванидзе. 1913-1933 — С-П, Амфора, 2008 — стр.127-128
202 Сысоев Б.А. - Кровавая пятница 5 (18) января 1918
203 ГА РФ. Ф.1810. Оп.1. Д.514. Л.79-80
204 Горький М. - Несвоевременные мысли - М, Советский писатель, 1990 — стр.232
19: 205 Пайпс Р. - Русская революция — Часть вторая — М, Росспэн, 1994 — стр.224
206 Фельштинский Ю. - Крушение мировой революции — Лондон, 1991 — стр.203
207 Фельштинский Ю. - Крушение мировой революции — Лондон, 1991 — стр.203
208 Фельштинский Ю. - Крушение мировой революции — Лондон, 1991 — стр.203
209 Свердлов Я.М. - Избранные произведения — Том 2 — М, Государственное издательство политической литературы, 1959 — стр.95-97
210 Свердлов Я.М. - Избранные произведения — Том 2 — М, Государственное издательство политической литературы, 1959 — стр.98
211 Чураков Д.О. - Бунтующие пролетарии. Рабочий протест в Советской России — М, Вече, 2007 — стр.294-295
212 Мультатули П. - Черное семейство. Яков Свердлов и его братья
213 Свердлова К.Т. - Яков Михайлович Свердлов — М, Молодая гвардия, 1957 — стр.441-442
214 Свердлова К.Т. - Яков Михайлович Свердлов — М, Молодая гвардия, 1957 — стр.417-418
20: 215 Пайпс Р. - Русская революция — Часть вторая — М, Росспэн, 1994 — стр.185-186

216 Пайпс Р. - Русская революция — Часть вторая — М, Росспэн, 1994 — стр.187
217 Шамбаров В. - Белогвардейщина — М, Алгоритм, 2009 — стр.104
218 Шамбаров В. - Нашествие чужих: заговор против Империи — М, Алгоритм, 2008 — стр.283
219 Александров К. - Жертвы красного террора (октябрь 1917-май 1918)
220 Александров К. - Жертвы красного террора (октябрь 1917-май 1918)
221 Александров К. - Жертвы красного террора (октябрь 1917-май 1918)
222 Игнатов В.Д. - Палачи и казни в истории России и СССР — М, Вече, 2014 — стр.380
223 Александров К. - Жертвы красного террора (октябрь 1917-май 1918)
224 Красный террор в годы Гражданской войны — М, Книжный Клуб Книговек, 2013 — стр.187
225 Лысенко Н.Н. - Геноцид казаков в Советской России и СССР: 1918-1933 гг. — Ростов-на-Дону, Альтаир, 2017 — стр.202
226 Лысенко Н.Н. - Геноцид казаков в Советской России и СССР: 1918-1933 гг. — Ростов-на-Дону, Альтаир, 2017 — стр.202
227 Лысенко Н.Н. - Геноцид казаков в Советской России и СССР: 1918-1933 гг. — Ростов-на-Дону, Альтаир, 2017 — стр.202-203

21: 228 Гофман М. - Главный противник — Россия — М, Принципиум, 2015 — стр.182-183
229 Ботмер К. - С графом Мирбахом в Москве — М, Книжный Клуб Книговек, 2010 — стр.15
230 Гиппиус З. - Дневники — М, Захаров, 2017 — стр.295
231 Исторические хроники с Николаем Сванидзе 1913-1933 — С-П, Амфора, 2008 — стр.133
232 Фельштинский Ю. - Вожди в законе — М, Терра-Книжный Клуб, 1999 — стр.77-78
233 Суворов В. - Очищение — М, АСТ, 2002 — стр.85-86
234 Бонч-Бруевич М.Д. - Вся власть Советам — М, Военное издательство Министерства обороны СССР, 1964 — стр.261

235 Бонч-Бруевич М.Д. - Вся власть Советам — М, Военное издательство Министерства обороны СССР, 1964 — стр.261
236 Гофман М. - Главный противник — Россия — М, Принципиум, 2015 — стр.445
237 Гофман М. - Главный противник — Россия — М, Принципиум, 2015 — стр.446
238 Фельштинский Ю. - Вожди в законе — М, Терра-Книжный Клуб, 1999 — стр.80
239 Ленин В.И. - ПСС Том 35, стр.369
240 Фельштинский Ю. - Вожди в законе — М, Терра-Книжный Клуб, 1999 — стр.81
241 Свердлова К.Т. - Яков Михайлович Свердлов — М, Молодая гвардия, 1957 — стр.426
242 Свердлова К.Т. - Яков Михайлович Свердлов — М, Молодая гвардия, 1957 — стр.426
243 Свердлова К.Т. - Яков Михайлович Свердлов — М, Молодая гвардия, 1957 — стр.427-428
244 Свердлова К.Т. - Яков Михайлович Свердлов — М, Молодая гвардия, 1957 — стр.428
245 Фельштинский Ю. - Вожди в законе — М, Терра-Книжный Клуб, 1999 — стр.83
246 Троцкий Л.Д. - Моя жизнь — Том 2 — М, Книга, 1990 — стр.118
247 Фельштинский Ю. - Крушение мировой революции — Лондон, 1991 — стр.286-287
248 Мартов Ю.О. - 1917-1922. Письма и документы — М, Центрполиграф, 2014 — стр.374
249 Гривенко В. - Историческое переосмысление 23 февраля
250 Гривенко В. - Историческое переосмысление 23 февраля
251 Огурцов А. - Подавление философии
252 Гривенко В. - Историческое переосмысление 23 февраля
22: 253 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.250
254 Свердлов Я.М. - Избранные произведения — Том 2 — М, Государственное издательство политической литературы, 1959 — стр.115
255 Интернационалисты — М, Наука, 1967 — стр.575

256 Интернационалисты — М, Наука, 1967 — стр.575
257 Свердлов Я.М. - Избранные произведения — Том 3 — М, Государственное издательство политической литературы, 1959 — стр.214
258 Пайпс Р. - Русская революция — Часть вторая — М, Росспэн, 1994 — стр.269
259 Свердлова К.Т. - Яков Михайлович Свердлов — М, Молодая гвардия, 1939 — стр.103
260 Свердлова К.Т. - Яков Михайлович Свердлов — М, Молодая гвардия, 1939 — стр.104
261 Ленин В.И. - ПСС Том 36, стр.8-9
262 Ленин В. - Собрание сочинений — М, Государственное издательство, 1924 — Том XV — стр.126-127
263 Ленин В.И. - ПСС Том 36, стр.35-36
264 Ленин В.И. - ПСС т.36, стр.40
265 Ботмер К. - С графом Мирбахом в Москве — М, Книжный Клуб Книговек, 2010 — стр.47
266 Ботмер К. - С графом Мирбахом в Москве — М, Книжный Клуб Книговек, 2010 — стр.47
267 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.253-254
23: 268 Мальков П. - Записки коменданта Московского Кремля — М, «Молодая гвардия», 1959 — стр.112
269 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.255
270 Арутюнов А. - Ленин. Досье без ретуши — Том 2 — М, Вече, 2002 — стр.234
271 Городецкий Е., Шарапов Ю. - Свердлов (ЖЗЛ) — М, Молодая гвардия, 1971 — стр.281
272 Драбкина Е. - Черные сухари / Повесть о ненаписанной книге — М, Советский писатель, 1963 — стр.136
273 Каганович Л. - Памятные записки — М, Вагриус, 2003 — стр.188
274 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.258
275 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.259

276 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.260
277 Драбкина Е. - Черные сухари / Повесть о ненаписанной книге — М, Советский писатель, 1963 — стр.129-130
278 Фельштинский Ю. - Вожди в законе — М, Терра-Книжный Клуб, 1999 — стр.104
279 Ботмер К. - С графом Мирбахом в Москве — М, Книжный Клуб Книговек, 2010 — стр.92
280 Фельштинский Ю. - Крушение мировой революции — Лондон, 1991 — стр.375
281 Фельштинский Ю. - Крушение мировой революции — Лондон, 1991 — стр.375
282 Фельштинский Ю. - Крушение мировой революции — Лондон, 1991 — стр.376
283 Фельштинский Ю. - Крушение мировой революции — Лондон, 1991 — стр.376
24: 284 Последние дни Романовых — М, Книга, 1991 — стр.378-379
285 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.359
286 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.361-362
287 Мельгунов С.П. - Красный террор в России — М, Айрис пресс, 2008 — стр.179
288 Мельгунов С.П. - Красный террор в России — М, Айрис пресс, 2008 — стр.184
289 Мельгунов С.П. - Красный террор в России — М, Айрис пресс, 2008 — стр.190
290 Мельгунов С.П. - Красный террор в России — М, Айрис пресс, 2008 — стр.194
291 Свердлов Я.М. - Избранные произведения — Том 2 — М, Государственное издательство политической литературы, 1959 — стр.213
292 Шамбаров В., Чавчавадзе Е. - Лев Троцкий. Тайны мировой революции — М, Вече, 2016 — стр.256
293 Ботмер К. - С графом Мирбахом в Москве — М, Книжный Клуб Книговек, 2010 — стр.123

25: 294 Мультатули П. - Николай II. Дорога на Голгофу — М, АСТ-Астрель, 2011 — стр.246
295 Мультатули П. - Николай II. Дорога на Голгофу — М, АСТ-Астрель, 2011 — стр.246
296 Мультатули П. - Николай II. Дорога на Голгофу — М, АСТ-Астрель, 2011 — стр.246
297 Мультатули П. - Николай II. Дорога на Голгофу — М, АСТ-Астрель, 2011 — стр.246
298 Коняев Н.М. - Гибель красных моисеев — М, Вече, 2014 — стр.240
299 Коняев Н.М. - Гибель красных моисеев — М, Вече, 2014 — стр.243
300 Коняев Н.М. - Гибель красных моисеев — М, Вече, 2014 — стр.243-244
301 Коняев Н.М. - Гибель красных моисеев — М, Вече, 2014 — стр.257
302 Коняев Н.М. - Гибель красных моисеев — М, Вече, 2014 — стр.257
303 Коняев Н.М. - Гибель красных моисеев — М, Вече, 2014 — стр.247
304 Свердлова К.Т. - Яков Михайлович Свердлов — М, Молодая гвардия, 1957 — стр.475
305 Свердлов Я.М. - Избранные произведения — Том 2 — М, Государственное издательство политической литературы, 1959 — стр.227
306 Ленин В.И. - ПСС, т. 50, стр. 196
26: 307 Фельштинский Ю.Г. - Тайна смерти Ленина
308 Фельштинский Ю. - Крушение мировой революции — Лондон, 1991 — стр.434
309 Хереш Э. - Купленная революция. Тайное дело Парвуса — М, ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004 — стр.331-332
310 Мальков П. - Записки коменданта Московского Кремля — М, Молодая гвардия, 1959 — стр.226
311 Красная книга ВЧК — Том 1 — М, Издательство политической литературы, 1989 — стр.227
312 Красная книга ВЧК — Том 1 — М, Издательство политической литературы, 1989 — стр.225

313 Бонч-Бруевич В.Д. - Воспоминания о Ленине — М, Наука, 1965 — стр.293
314 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.287-288
315 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.292
316 Свердлова К.Т. - Яков Михайлович Свердлов — М, Молодая гвардия, 1957 — стр.485
317 Фельштинский Ю. - Крушение мировой революции — Лондон, 1991 — стр.403
318 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.292
319 Свердлова К.Т. - Яков Михайлович Свердлов — М, Молодая гвардия, 1957 — стр.486
320 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.292
321 Фельштинский Ю. - Крушение мировой революции — Лондон, 1991 — стр.450
27: 322 Генерал Дитерихс (ред. и сост. В.Ж. Цветков) — М, Посев, 2004 — стр.217
323 Ольденбург С.С. - Царствование Императора Николая II — Т 1 — Белград, Издание Общества Распространения Русской Национальной и Патриотической Литературы, 1939 — стр.39
324 Ольденбург С.С. - Царствование Императора Николая II — Т 2 — Мюнхен, Издание Общества Распространения Русской Национальной и Патриотической Литературы, 1949 — стр.254
325 Ольденбург С.С. - Царствование Императора Николая II — Т 2 — Мюнхен, Издание Общества Распространения Русской Национальной и Патриотической Литературы, 1949 — стр.255
326 Пайпс Р. - Русская революция — Часть вторая — М, Росспэн, 1994 — стр.452
327 Мультатули П. - Николай II. Дорога на Голгофу — М, АСТ-Астрель, 2011 — стр.238
328 Мультатули П. - Николай II. Дорога на Голгофу — М, АСТ-Астрель, 2011 — стр.148
329 Мультатули П. - Николай II. Дорога на Голгофу — М, АСТ-Астрель, 2011 — стр.148

330 Мультатули П. - Николай II. Дорога на Голгофу — М, АСТ-Астрель, 2011 — стр.148
331 Мультатули П. - Николай II. Дорога на Голгофу — М, АСТ-Астрель, 2011 — стр.148-149
332 Мультатули П. - Николай II. Дорога на Голгофу — М, АСТ-Астрель, 2011 — стр.149-150
333 Мультатули П. - Николай II. Дорога на Голгофу — М, АСТ-Астрель, 2011 — стр.163
28: 334 Мультатули П. - Николай II. Дорога на Голгофу — М, АСТ-Астрель, 2011 — стр.442
335 Соколов Н.А. - Убийство Царской Семьи — М, Советский писатель, 1990 — стр.70-71
336 Соколов Н.А. - Убийство Царской Семьи — М, Советский писатель, 1990 — стр.305-306
337 Последние дни Романовых — М, Книга, 1991 — стр.426-427
338 Соколов Н.А. - Убийство Царской Семьи — М, Советский писатель, 1990 — стр.176
339 Хереш Э. - Цесаревич Алексей — Ростов-на-Дону, 1998 — стр.381
340 Дитерихс М.К. - Убийство Царской Семьи — М, Вече, 2008 — стр.160
341 Последние дни Романовых — М, Книга, 1991 — стр.427
29: 342 Мультатули П. - Николай II. Дорога на Голгофу — М, АСТ-Астрель, 2011 — стр.473-475
343 Мультатули П. - Николай II. Дорога на Голгофу — М, АСТ-Астрель, 2011 — стр.456
344 Соколов Н.А. - Убийство Царской Семьи — М, Советский писатель, 1990 — стр.246
345 Мультатули П. - Николай II. Дорога на Голгофу — М, АСТ-Астрель, 2011 — стр.480
346 Мельгунов С.П. - Судьба Императора Николая II после отречения — Нью-Йорк, 1991 — стр.384
347 Мультатули П. - Николай II. Дорога на Голгофу — М, АСТ-Астрель, 2011 — стр.544
348 Генерал Дитерихс (ред. и сост. В.Ж. Цветков) — М, Посев, 2004 — стр.217
349 Соколов Н.А. - Убийство Царской Семьи — М, Советский писатель, 1990 — стр.310

350 Пайпс Р. - Русская революция — Часть вторая — М, Росспэн, 1994 — стр.472-473
351 Мультатули П. - Николай II. Дорога на Голгофу — М, АСТ-Астрель, 2011 — стр.252
352 Платонов О.А. - Терновый венец России — Заговор цареубийц — М, Родник, 1996 — стр.448
353 Троцкий Л.Д. - Дневники и письма — М, Издательство гуманитарной литературы, 1994 — стр.119
354 Мультатули П. - Николай II. Путь на Голгофу — М, АСТ-Астрель, 2011 — стр.248
355 Мультатули П. - Николай II. Путь на Голгофу — М, АСТ-Астрель, 2011 — стр.252-253
356 Генерал Дитерихс (ред. и сост. В.Ж. Цветков) — М, Посев, 2004 — стр.211
357 Солоневич И. - Революция, которой не было или Великая фальшивка Февраля — М, Алгоритм, 2016 — стр.108
30: 358 Последние дни Романовых — М, Книга, 1991 — стр.450
359 Коняев Н.М. - Гибель красных моисеев — М, Вече, 2014 — стр.225
360 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.315-316
361 Генерал Дитерихс (ред. и сост. В.Ж. Цветков) — М, Посев, 2004 — стр.211
362 Последние дни Романовых — М, Книга, 1991 — стр.452
363 Платонов О.А. - Терновый венец России — Заговор цареубийц — М, Родник, 1996 — стр.487
31: 364 Луначарский А.В. - Воспоминания и впечатления — М, Советская Россия, 1968 — стр.214-215
365 Луначарский А.В. - Воспоминания и впечатления — М, Советская Россия, 1968 — стр.216
366 Мультатули П. - Николай II. Дорога на Голгофу — М, АСТ-Астрель, 2011 — стр.253
367 Чуев Ф. - Сто сорок бесед с Молотовым — М, Терра, 1991 — стр.222
368 Драбкина Е. - Черные сухари / Повесть о ненаписанной книге — М, Советский писатель, 1963 — стр.299

369 Иванов Б. - Яков Михайлович Свердлов. Его жизнь и деятельность 1885-1919 — Петербург, Государственное издательство, 1921 — стр.10
32: 370 Валентинов Н. - Недорисованный портрет — М, Терра, 1993 — стр.38-39
371 Арутюнов А. - Досье Ленина без ретуши — Том 2 — М, Вече, 2002 — стр.207
372 Пайпс Р. - Русская революция — Часть вторая — М, Росспэн, 1994 — стр.17
373 Штурман Д. - О вождях российского коммунизма — Книга I — М, Русский путь, 1993 год — стр.216-218
374 Никитин Б.В. - Роковые годы — М., Айрис-пресс, 2007 — стр.269-270
375 Валентинов Н. - Недорисованный портрет — М, Терра, 1993 — стр.54-55
376 Валентинов Н. - Недорисованный портрет — М, Терра, 1993 — стр.55
377 Соломон Г.А. - Вблизи вождя: Свет и тени — М, Московитянин, 1991 — стр.49-50
33: 378 О.Коннор Т.Э. - Инженер революции. Л.Б. Красин и большевики 1870-1926 — М, Наука, 1993 — стр.34-35
379 Красин Л.Б. (Никитич) — Дела давно минувших дней — М, Молодая гвардия, 1930 — стр.17
380 Красин Л.Б. (Никитич) — Дела давно минувших дней — М, Молодая гвардия, 1930 — стр.17
381 Фельштинский Ю.Г. - Вожди в законе — М, ТЕРРА-Книжный клуб, 1999 — стр.17
382 Фельштинский Ю.Г. - Вожди в законе — М, ТЕРРА-Книжный клуб, 1999 — стр.18
383 Фельштинский Ю.Г. - Вожди в законе — М, ТЕРРА-Книжный клуб, 1999 — стр.18-19
384 Красин Л.Б. (Никитич) — Дела давно минувших дней — М, Молодая гвардия, 1930 — стр.85
385 Фельштинский Ю.Г. - Вожди в законе — М, ТЕРРА-Книжный клуб, 1999 — стр.13
386 Фельштинский Ю.Г. - Вожди в законе — М, ТЕРРА-Книжный клуб, 1999 — стр.11

387 Фельштинский Ю.Г. - Вожди в законе — М, ТЕРРА-Книжный клуб, 1999 — стр.11
388 Фельштинский Ю.Г. - Вожди в законе — М, ТЕРРА-Книжный клуб, 1999 — стр.12
389 Фельштинский Ю.Г. - Вожди в законе — М, ТЕРРА-Книжный клуб, 1999 — стр.12
34: 390 Соколов Б.В. - Любовь вождя — М, АСТ-ПРЕСС-Книга, 2004 — стр. 94
391 Валентинов Н. - Недорисованный портрет — М, Терра, 1993 — стр.300
392 Валентинов Н. - Недорисованный портрет — М, Терра, 1993 — стр.301
393 О.Коннор Т.Э. - Инженер революции. Красин и большевики 1870-1926 — М, Наука, 1993 — стр.106
394 Николаевский Б.И. - Тайные страницы истории — М, Издательство гуманитарной литературы, 1995 — стр.35
395 Фельштинский Ю.Г. - Вожди в законе — М, ТЕРРА-Книжный клуб, 1999 — стр.24
396 Буренин Н.Е. - Памятные годы — Л, Лениздат, 1961 — стр.173
397 Буренин Н.Е. - Памятные годы — Л, Лениздат, 1961 — стр.173
398 Буренин Н.Е. - Памятные годы — Л, Лениздат, 1961 — стр.173
399 Буренин Н.Е. - Памятные годы — Л, Лениздат, 1961 — стр.173-174
400(Буренин Н.Е. - Памятные годы — Л, Лениздат, 1961 — стр.174
401 Буренин Н.Е. - Памятные годы — Л, Лениздат, 1961 — стр.175
402 Соколов Б.В. - Любовь вождя — М, АСТ-ПРЕСС-Книга, 2004 — стр. 94
403 Майсурян А. - Другой Ленин — М, Вагриус, 2006 — стр.90-91
404 Арутюнов А. - Ленин. Досье без ретуши — Том 1 — М, Вече, 2002 — стр.64
405 Майсурян А. - Другой Ленин — М, Вагриус, 2006 — стр.90

406 Николаевский Б.И. - Тайные страницы истории — М, Издательство гуманитарной литературы, 1995 — стр.36
407 Фельштинский Ю.Г. - Вожди в законе — М, ТЕРРА-Книжный клуб, 1999 — стр.21-22
408 Фельштинский Ю.Г. - Вожди в законе — М, ТЕРРА-Книжный клуб, 1999 — стр.22
409 О.Коннор Т.Э. - Инженер революции. Красин и большевики 1870-1926 — М, Наука, 1993 — стр.106
410 Красин Л.Б. (Никитич) — Дела давно минувших дней — М, Молодая гвардия, 1930 — стр.86-87
411 Красин Л.Б. (Никитич) — Дела давно минувших дней — М, Молодая гвардия, 1930 — стр.87
35: 412 Гейфман А. - Революционный террор в России, 1894-1917 — М, КРОН-ПРЕСС, 1997 — стр.136
413 О.Коннор Т.Э. - Инженер революции. Л.Б. Красин и большевики 1870-1926 — М, Наука, 1993 — стр.122
414 О.Коннор Т.Э. - Инженер революции. Л.Б. Красин и большевики 1870-1926 — М, Наука, 1993 — стр.122
415 Красин Л.Б. (Никитич) — Дела давно минувших дней — М, Молодая гвардия, 1930 — стр.25
416 Красин Л.Б. (Никитич) — Дела давно минувших дней — М, Молодая гвардия, 1930 — стр.25-26
36: 417 Мальков П. - Записки коменданта Московского Кремля — М, «Молодая гвардия», 1959 — стр.181-182
418 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.343
419 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.343-344
420 Бонч-Бруевич В.Д. - Воспоминания о Ленине — М, Наука, 1965 — стр.329
421 Фельштинский Ю. - Вожди в законе — М, Терра-Книжный Клуб, 1999 — стр.191
422 Назаров Г. - Мифы советской эпохи — М, Алгоритм, 2007 — стр.78
423 Майсурян А. -Другой Ленин — М, Вагриус, 2006 — стр.121
424 Майсурян А. -Другой Ленин — М, Вагриус, 2006 — стр.121
425 Майсурян А. -Другой Ленин — М, Вагриус, 2006 — стр.124

426 Бонч-Бруевич В.Д. - Воспоминания о Ленине — М, Наука, 1965 — стр.330
427 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.336
428 Мальков П. - Записки коменданта Московского Кремля - «Молодая гвардия», 1959 — стр.157-158
429 Бонч-Бруевич В.Д. - Воспоминания о Ленине — М, Наука, 1965 — стр.319
430 Бонч-Бруевич В.Д. - Воспоминания о Ленине — М, Наука, 1965 — стр.320
431 Бонч-Бруевич В.Д. - Воспоминания о Ленине — М, Наука, 1965 — стр.320
432 Бонч-Бруевич В.Д. - Воспоминания о Ленине — М, Наука, 1965 — стр.324
433 Бонч-Бруевич В.Д. - Воспоминания о Ленине — М, Наука, 1965 — стр.324
434 Свердлова К.Т. - Яков Михайлович Свердлов — М, Молодая гвардия, 1957 — стр.534
435 Свердлова К.Т. - Яков Михайлович Свердлов — М, Молодая гвардия, 1957 — стр.534
436 Свердлов Я.М. - Избранные произведения — Том 3 — М, Государственное издательство политической литературы, 1959 — стр.5-6
437 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.345
438 Мальков П. - Записки коменданта Московского Кремля - «Молодая гвардия», 1959 — стр.158
439 Мальков П. - Записки коменданта Московского Кремля - «Молодая гвардия», 1959 — стр.172
37: 440 Фельштинский Ю. - Вожди в законе — М, Терра-Книжный Клуб, 1999 — стр.185
441 Назаров Г. - Мифы советской эпохи — М, Алгоритм, 2007 — стр.66
442 Фельштинский Ю. - Вожди в законе — М, Терра-Книжный Клуб, 1999 — стр.187
443 Фельштинский Ю. - Вожди в законе — М, Терра-Книжный Клуб, 1999 — стр.197

444 Коняев Н.М. - Гибель красных моисеев — М, Вече, 2014 — стр.447
445 Фельштинский Ю. - Вожди в законе — М, Терра-Книжный Клуб, 1999 — стр.197
446 Фельштинский Ю. - Вожди в законе — М, Терра-Книжный Клуб, 1999 — стр.198
447 Майсурян А. - Другой Ленин — М, Вагриус, 2006 — стр.256
448 Исторические хроники с Николаем Сванидзе. 1913-1933 — С-П, Амфора, 2008 — стр.145
449 Мальков П. - Записки коменданта Московского Кремля — М. «Молодая гвардия», 1959 — стр.159-161
450 Смирнов (фон Раух) А. - Полное и окончательное безобразие — Тель-Авив — Екатеринбург, 2015 — стр.12
451 Мультатули П. - Черное семейство. Яков Свердлов и его братья
38: 452 Берберова Н. - Железная женщина — М, Книжная палата, 1991 — стр.81
453 Библиотека нормативно-правовых актов СССР — Постановление от 5 сентября 1918 года
454 Пайпс Р. - Русская революция — Часть вторая — М, Росспэн, 1994 — стр.348
455 Балабанова А. - Моя жизнь-борьба. Мемуары русской социалистки 1897-1938 — М, Центрполиграф, 2007 — стр.188-189
456 Шамбаров В. - Нашествие чужих — М, Алгоритм, 2008 — стр.331-332
457 Шамбаров В. - Нашествие чужих — М, Алгоритм, 2008 — стр.332
458 Фомин С. - Григорий Распутин: расследование. Наказание правдой — М, Форум, 2007 — стр.504
459 Гиппиус З. - Дневники — М, Захаров, 2017 — стр.351
460 Гиппиус З. - Дневники — М, Захаров, 2017 — стр.355
461 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.351
462 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.351
39: 463 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.363

464 Фельштинский Ю. - Вожди в законе — М, Терра-Книжный Клуб, 1999 — стр.205
465 Фельштинский Ю. - Вожди в законе — М, Терра-Книжный Клуб, 1999 — стр.205
466 Фельштинский Ю. - Вожди в законе — М, Терра-Книжный Клуб, 1999 — стр.206
467 Драбкина Е. - Черные сухари / Повесть о ненаписанной книге — М, Советский писатель, 1963 — стр.251
468 Драбкина Е. - Черные сухари / Повесть о ненаписанной книге — М, Советский писатель, 1963 — стр.251
469 Фельштинский Ю. - Крушение мировой революции — Лондон, 1991 — стр.525
40: 470 Фельштинский Ю. - Крушение мировой революции — Лондон, 1991 — стр.525
471 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.370-371
472 Мультатули П. - Николай II. Дорога на Голгофу — М, АСТ-Астрель, 2011 — стр.558
473 Мальков П. - Записки коменданта Московского Кремля — М, «Молодая гвардия», 1959 — стр.201
474 Мультатули П. - Екатеринбургское злодеяние 1918г.: новое расследование
475 Мультатули П. - Екатеринбургское злодеяние 1918г.: новое расследование
476 Мультатули П. - Екатеринбургское злодеяние 1918г.: новое расследование
477 Мультатули П. - Екатеринбургское злодеяние 1918г.: новое расследование
478 Мультатули П. - Екатеринбургское злодеяние 1918г.: новое расследование
479 Бонч-Бруевич В.Д. - Воспоминания о Ленине — М, Наука, 1965 — стр.336
480 Фельштинский Ю. - Вожди в законе — М, 1999 — стр.203
481 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.373
482 Мальков П. - Записки коменданта Московского Кремля — М, «Молодая гвардия», 1959 — стр.164

41: 483 Лысенко Н.Н. - Геноцид казаков в Советской России и СССР: 1918-1933 гг. — Ростов-на-Дону, Альтаир, 2017 — стр.234
484 Известия ЦК КПСС — 1989 год, № 6 — стр. 177-178
485 Лысенко Н.Н. - Геноцид казаков в Советской России и СССР: 1918-1933 гг. — Ростов-на-Дону, Альтаир, 2017 — стр.51-52
486 Шамбаров В. - Нашествие чужих: заговор против Империи — М, Алгоритм, 2008 — стр.370
487 Лысенко Н.Н. - Геноцид казаков в Советской России и СССР 1918-1933 гг. - Ростов-на-Дону, Альтаир, 2017 — стр.372
42: 488 Свердлов Я.М. - Избранные статьи и речи — Л, Государственное издательство политической литературы, 1939 — стр.139
489 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.379-380
490 Гайсинский М. - Свердлов — Л, Государственное издательство, 1929 — стр.76
491 Свердлов Я.М. - Избранные произведения — Том 3 — М, 1960 — стр. 163
43: 492 Шамбаров В. - Нашествие чужих: заговор против Империи — М, Алгоритм, 2008 — стр.379
493 Шамбаров В. - Нашествие чужих: заговор против Империи — М, Алгоритм, 2008 — стр.379
494 Хлысталов Э. - Находка в Кремле
44: 495 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.396
496 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.396
497 Красин Л.Б. (Никитич) — Дела давно минувших дней — М, Молодая гвардия, 1930 — стр.25-26
498 О Якове Свердлове — М, Издательство политической литературы, 1985 — стр.95
499 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.428
500 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.428-429
501 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.430
502 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.431

503 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.432
504 Чуев Ф. - Сто сорок бесед с Молотовым — М, Терра, 1991 — стр.222
505 Фельштинский Ю. - Вожди в законе — М, Терра-Книжный Клуб, 1999 — стр.206
45: 506 Свердлова К.Т. - Яков Михайлович Свердлов — М, Молодая гвардия, 1957 — стр.552
507 Свердлова К.Т. - Яков Михайлович Свердлов — М, Молодая гвардия, 1957 — стр.552
508 Бонч-Бруевич В.Д. - Воспоминания о Ленине — М, Наука, 1965 — стр.131
509 Свердлова К.Т. - Яков Михайлович Свердлов — М, Молодая гвардия, 1957 — стр.553
510 Мальков П. - Записки коменданта Московского Кремля — М, «Молодая гвардия», 1959 — стр.191
46: 511 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.438
512 Ленин В.И. - ПСС том 38, стр. 146
513 Восьмой съезд РКП(б). Протоколы — М, Государственное издательство политической литературы, 1959 — стр.28
514 Восьмой съезд РКП(б). Протоколы — М, Государственное издательство политической литературы, 1959 — стр.26
515 Восьмой съезд РКП(б). Протоколы — М, Государственное издательство политической литературы, 1959 — стр.29
516 Восьмой съезд РКП(б). Протоколы — М, Государственное издательство политической литературы, 1959 — стр.165
517 Ленин В.И. - ПСС — Том 38 — стр.79
518 Пайпс Р. - Россия при большевиках — М, РОССПЭН, 1997 — стр.518-519
519 Пайпс Р. - Россия при большевиках — М, РОССПЭН, 1997 — стр.519
520 Пайпс Р. - Россия при большевиках — М, РОССПЭН, 1997 — стр.520
47: 521 Красная книга ВЧК — Том 1 — М, Издательство политической литературы, 1989 — стр.314

522 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013 — стр.442
523 Сталин И.В. - Сочинения в 16 томах — Том 6 — О Свердлове
524 Авторханов А. - Загадка смерти Сталина — М, СП «Слово»: Центр «Новый мир», 1992 — стр.13
525 Авторханов А. - Загадка смерти Сталина — М, СП «Слово»: Центр «Новый мир», 1992 — стр.14
48: 526 Мультатули П. - Николай II. Дорога на Голгофу — М, АСТ-Астрель, 2011 — стр.267
527 Зеликсон-Бобровская Ц. - Яков Михайлович Свердлов — М, Государственное издательство политической литературы, 1938 — стр.59
528 Свердлова К.Т. - Яков Михайлович Свердлов — М, Молодая гвардия, 1939 — стр.104
529 Нагловский А.Д. - Леонид Красин
530 Сборник памяти Леонида Борисовича Красина — Л, Прибой, 1927 — стр.82
531 Мультатули П. - Николай II. Путь на Голгофу — М, АСТ-Астрель, 2011 — стр.257
532 Эрлихман В.В. - Потери народонаселения в XX веке. Справочник — М, Русская панорама, 2004 — стр.18
533 Эрлихман В.В. - Потери народонаселения в XX веке. Справочник - М, Русская панорама, 2004 — стр.18-19
534 Полян П. - Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию
535 Харламова Т. - Тайна белой маски — За порогом смерти

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1 Авторханов А. - Загадка смерти Сталина — М, СП «Слово»: Центр «Новый мир», 1992
2 Александров К. - Жертвы красного террора (октябрь 1917-май 1918)
3 Алмазов Б. - Запрещенный Крестный ход, или почему казаки не спасли Россию в октябре 1917 года
4 Антонов-Овсеенко В.А. - В семнадцатом году — М, Кучково поле, 2017
5 Арутюнов А. - Ленин. Досье без ретуши — М, Вече, 2002
6 Балабанова А. - Моя жизнь-борьба. Мемуары русской социалистки 1897-1938 — М, Центрполиграф, 2007
7 Берберова Н. - Железная женщина — М, Книжная палата, 1991
8 Библиотека нормативно-правовых актов СССР
9 Бонч-Бруевич В.Д. - Воспоминания о Ленине — М, Наука, 1965
10 Бонч-Бруевич М.Д. - Вся власть Советам — М, Военное издательство Министерства обороны СССР, 1964
11 Ботмер К. - С графом Мирбахом в Москве — М, Книжный Клуб Книговек, 2010
12 Бунич И. - Золото партии — С-П, Шанс, 1992
13 Буренин Н.Е. - Памятные годы — Л, Лениздат, 1961
14 Бычкова А.Н. - Рядом с товарищем Андреем — Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 1977
15 Бьеркегрен Х. - Скандинавский транзит — М, Омега, 2007
16 Валентинов Н. - Недорисованный портрет — М, Терра, 1993
17 Восьмой съезд РКП(б). Протоколы — М, Государственное издательство политической литературы, 1959
18 Гайсинский М. - Свердлов — Л, Государственное издательство, 1929
19 Гвардия Октября/Петроград — М, Издательство политической литературы, 1987
20 Гейфман А. - Революционный террор в России, 1894-1917 — М, КРОН-ПРЕСС, 1997
21 Генерал Дитерихс (ред. и сост. В.Ж. Цветков) — М, Посев, 2004
22 Гиппиус З. - Дневники — М, Захаров, 2017

23 Городецкий Е., Шарапов Ю. - Свердлов (ЖЗЛ) — М, Молодая гвардия, 1971
24 Горький М. - Несвоевременные мысли - М, Советский писатель, 1990
25 Гофман М. - Главный противник — Россия — М, Принципиум, 2015
26 Гривенко В. - Историческое переосмысление 23 февраля
27 Дитерихс М.К. - Убийство Царской Семьи — М, Вече, 2008
28 Драбкина Е. - Черные сухари / Повесть о ненаписанной книге — М, Советский писатель, 1963
29 Зеликсон-Бобровская Ц. - Яков Михайлович Свердлов — М, Государственное издательство политической литературы, 1938
30 Иванов Б. - Яков Михайлович Свердлов. Его жизнь и деятельность 1885-1919 — Петербург, Государственное издательство, 1921
31 Игнатов В.Д. - Палачи и казни в истории России и СССР — М, Вече, 2014
32 Известия ЦК КПСС — 1989 год
33 Интернационалисты — М, Наука, 1967
34 Исторические хроники с Николаем Сванидзе 1913-1933 — С-П, Амфора, 2008
35 Каганович Л. - Памятные записки — М, Вагриус, 2003
36 Конев А.М. - Красная гвардия на защите Октября — М, Наука, 1989
37 Коняев Н.М. - Гибель красных моисеев — М, Вече, 2014
38 Красная книга ВЧК — М, Издательство политической литературы, 1989
39 Красный террор в годы Гражданской войны — М, Книжный Клуб Книговек, 2013
40 Красин Л.Б. (Никитич) — Дела давно минувших дней — М, Молодая гвардия, 1930
41 Ленин В. - Собрание сочинений — М, Государственное издательство, 1924
42 Ленин В.И. - ПСС (5-е издание)
43 Логинов В. - Неизвестный Ленин — М, Эксмо, Алгоритм, 2010
44 Луначарский А.В. - Воспоминания и впечатления — М, Советская Россия, 1968

45 Лысенко Н.Н. - Геноцид казаков в Советской России и СССР: 1918-1933 гг. — Ростов-на- Дону, Альтаир, 2017
46 Майсурян А. - Другой Ленин — М, Вагриус, 2006
47 Мальков П. - Записки коменданта Московского Кремля — М, Молодая гвардия, 1959
48 Мартов Ю.О. - 1917-1922. Письма и документы — М, Центрполиграф, 2014
49 Мельгунов С.П. - Как большевики захватили власть — М, Айрис-пресс, 2007
50 Мельгунов С.П. - Красный террор в России — М, Айрис пресс, 2008
51 Мельгунов С.П. - Судьба Императора Николая II после отречения — Нью-Йорк, 1991
52 Милюков П.Н. - История второй Русской революции — С-Пб, «Питер», 2014
53 Мультатули П. - Екатеринбургское злодеяние 1918г.: новое расследование
54 Мультатули П. - Николай II. Путь на Голгофу — М, АСТ-Астрель, 2011
55 Мультатули П. - Черное семейство: Яков Свердлов и его братья
56 Нагловский А.Д. - Леонид Красин
57 Назаров Г. - Мифы советской эпохи — М, Алгоритм, 2007
58 Назаров Г. - Я.И. Свердлов: организатор гражданской войны и массовых репрессий
59 Никитин Б.В. - Роковые годы — М., Айрис-пресс, 2007
60 Николаевский Б.И. - Тайные страницы истории — М, Издательство гуманитарной литературы, 1995
61 О Якове Свердлове — М, Издательство политической литературы, 1985г. — стр.150
62 Огурцов А. - Подавление философии
63 О.Коннор Т.Э. - Инженер революции. Л.Б. Красин и большевики 1870-1926 — М, Наука, 1993
64 Ольденбург С.С. - Царствование Императора Николая II — Т. 1. — Белград, Издание Общества Распространения Русской Национальной и Патриотической Литературы, 1939
65 Ольденбург С.С. - Царствование Императора Николая II — Т. 2 — Мюнхен, Издание Общества Распространения Русской Национальной и Патриотической Литературы, 1949

66 Пайпс Р. - Россия при большевиках — М, РОССПЭН, 1997
67 Пайпс Р. - Русская революция — М, Росспэн, 1994
68 Платонов О.А. - Терновый венец России — Заговор цареубийц — М, Родник, 1996
69 Платонов О.А. - Терновый венец России — История русского народа в XX веке — М, Родник, 1997
70 Плясунов-Уралец Ф. - Великий организатор — М, Новая Москва, 1925
71 Подвойский Н.И. - Год 1917 — М, Госполитиздат, 1958
72 Полян П. - Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию
73 Последние дни Романовых — М, Книга, 1991
74 Рабинович А. - Большевики приходят к власти — М, Прогресс, 1989
75 Савинков Б. - Воспоминания террориста — М, ПРОЗАиК, 2013
76 Саттон Э. - Уолл-стрит и большевистская революция — М, Самотека, МИД «Осознание», 2016
77 Сборник памяти Леонида Борисовича Красина — Л, Прибой, 1927
78 Свердлов Я.М. - Избранные произведения — М, Государственное издательство политической литературы, 1959
79 Свердлов Я.М. - Избранные статьи и речи — Л, Государственное издательство политической литературы, 1939
80 Свердлова К.Т. - Яков Михайлович Свердлов — М, Молодая гвардия, 1939
81 Свердлова К.Т. - Яков Михайлович Свердлов — М, Молодая гвардия, 1957
82 Смирнов (фон Раух) А. - Полное и окончательное безобразие — Тель-Авив — Екатеринбург, 2015
83 Соколов Б.В. - Любовь вождя — М, АСТ-ПРЕСС-Книга, 2004 — стр. 94
84 Соколов Н.А. - Убийство Царской Семьи — М, Советский писатель, 1990
85 Соломон Г.А. - Вблизи вождя: Свет и тени — М, Московитянин, 1991
86 Солоневич И. - Революция, которой не было или Великая фальшивка Февраля — М, Алгоритм, 2016

87 Спиридович А.И. - История большевизма в России от возникновения до захвата власти — М, Айрис-Пресс, 2007
88 Сталин И.В. - Сочинения в 16 томах
89 Стариков Н.В. - 1917: разгадка «русской» революции — М, Яуза, Эксмо, 2010
90 Старцев В. - 27 февраля 1917 — М, Молодая гвардия, 1984
91 Суворов В. - Очищение — М, АСТ, 2002 — стр.85-86
92 Суханов Н.Н. - Записки о революции — М, Республика, 1992
93 Сысоев Б.А. - Кровавая пятница 5 (18) января 1918
94 Троцкий Л.Д. - Дневники и письма — М, Издательство гуманитарной литературы, 1994
95 Троцкий Л.Д. - Моя жизнь — М, Книга, 1990
96 Троцкий Л.Д. - Памяти Свердлова
97 Троцкий Л.Д. - Сталинская школа фальсификаций — М, Наука, 1990
98 Фельштинский Ю. - Вожди в законе — М, Терра-Книжный Клуб, 1999
99 Фельштинский Ю. - Крушение мировой революции — Лондон, 1991
100 Фельштинский Ю.Г. - Тайна смерти Ленина
101 Фомин С. - Григорий Распутин: расследование. Наказание правдой — М, Форум, 2007
102 Харламова Т. - Тайна белой маски — За порогом смерти
103 Хереш Э. - Купленная революция. Тайное дело Парвуса — М, ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004
104 Хереш Э. - Цесаревич Алексей — Ростов-на-Дону, Феникс, 1998
105 Хлысталов Э. - Находка в Кремле
106 Хрущев Н.С. - Воспоминания. Время, люди, власть — М, Московские новости, 1999
107 Чавчавадзе Е., Мультатули П. - Штурм Зимнего. Опровержение — д/ф — Россия 2007
108 Чуев Ф. - Сто сорок бесед с Молотовым — М, Терра, 1991
109 Чураков Д.О. - Бунтующие пролетарии. Рабочий протест в Советской России — М, Вече, 2007
110 Шамбаров В. - Белогвардейщина — М, Алгоритм, 2009

111 Шамбаров В. - Нашествие чужих: заговор против Империи — М, Алгоритм, 2008
112 Шамбаров В. - Свердлов. Оккультные корни октябрьской революции — М, Алгоритм, 2013
113 Шамбаров В., Чавчавадзе Е. - Лев Троцкий. Тайны мировой революции — М, Вече, 2016
114 Штурман Д. - О вождях российского коммунизма — Книга I — М, Русский путь, 1993 год
115 Эрлихман В.В. - Потери народонаселения в XX веке. Справочник. — М, Русская панорама, 2004

Содержание

Интернационал приходит к власти.....3

Вступление.....4
Начало.....6
Репетиция.....13
Парвус и Троцкий.....26
Великая война.....36
Меморандум доктора Гельфанда.....40
Состояние сна.....49
1917 год начинается.....53
О фальшивке февраля.....62
Стервятники слетаются.....68
В России.....84
Военнопленные.....92
Сентябрь 1917 года.....97
Октябрь 1917 года.....106
Переворот.....125
Декреты и погромы.....139
Генерал Краснов.....144
Москва и провинция.....149
1918 год начинается.....159
Брест.....162
Китайцы и не только.....180
Рука об руку с империалистами.....188
Лето 1918 года.....201
Бомбить Ярославль.....210
Гражданская война.....214
Сибирь.....222
Голод.....229
Заключение.....236
Список использованной литературы.....249

Яков Свердлов. ***Этапы кровавой борьбы***.....256

Юрий Михайлович БАРЫКИН

Сочинения
том II

Интернационал приходит к власти

Яков Свердлов. Этапы кровавой борьбы

Главный редактор - *Алёшкин А. М.*

Формат 60 х 90 1/16
Объём 31,5 печ. л.
Печать офсетная
Тираж 100 экз.
Заказ №572

Вольфганг АКУНОВ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ 1

МИД
ОСОЗНАНИЕ

Анатолий КЛЁСОВ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ 1

МИД
ОСОЗНАНИЕ

Любовь РЫЖКОВА

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ 1

МИД
ОСОЗНАНИЕ

Издательство «Самотёка» и МИД «Осознание»
приветствует Родовичей Руси!

Желаем Вам и Родам Вашим здравия и благополучия!

Мы предлагаем Вашему вниманию книги, изданные нами и близкие по тематике. Нами запланировано также издать, всё, что изложено в «ЗОЛОТОМ КАТАЛОГЕ», где часть из задуманного освещена аннотациями.

Формируя, как круг постоянных читателей, так и сеть наших представителей в регионах просим Вас направлять в наш адрес **redsovet@samoteka.su** все Ваши заказы, пожелания и предложения, одновременно предлагаем Вам при желании, возможности и готовности стать нашими представителями в местах Вашего постоянного проживания.

Мы заинтересованы в издании трудов по народной традиции. Нам также интересна совместная работа с авторами идей, книг и проектов, отражающих и пробуждающих глубинные процессы деятельности человеческого разума.

8 февраля 2008 года начал функционировать интернет-магазин МИД «Осознание» и издательства «Самотёка» — немаловажная часть задуманного портала.

Ссылки:

Временные скрижали (портфолио): http://v.samoteka.su
Информация о нас: http://i.samoteka.su
Интернет-магазин: http://lavka.samoteka.su
Форум: http://forum.samoteka.su
Галерея: http://gal.samoteka.su
Информационный Портал (разрабатыв.): http://portal.samoteka.su
Серебряный каталог (новое): http://samoteka.su/rekl.pdf
Белый каталог (давнее): http://samoteka.su/bel.pdf
Золотой каталог (запланированное): http://samoteka.su/zlt.pdf